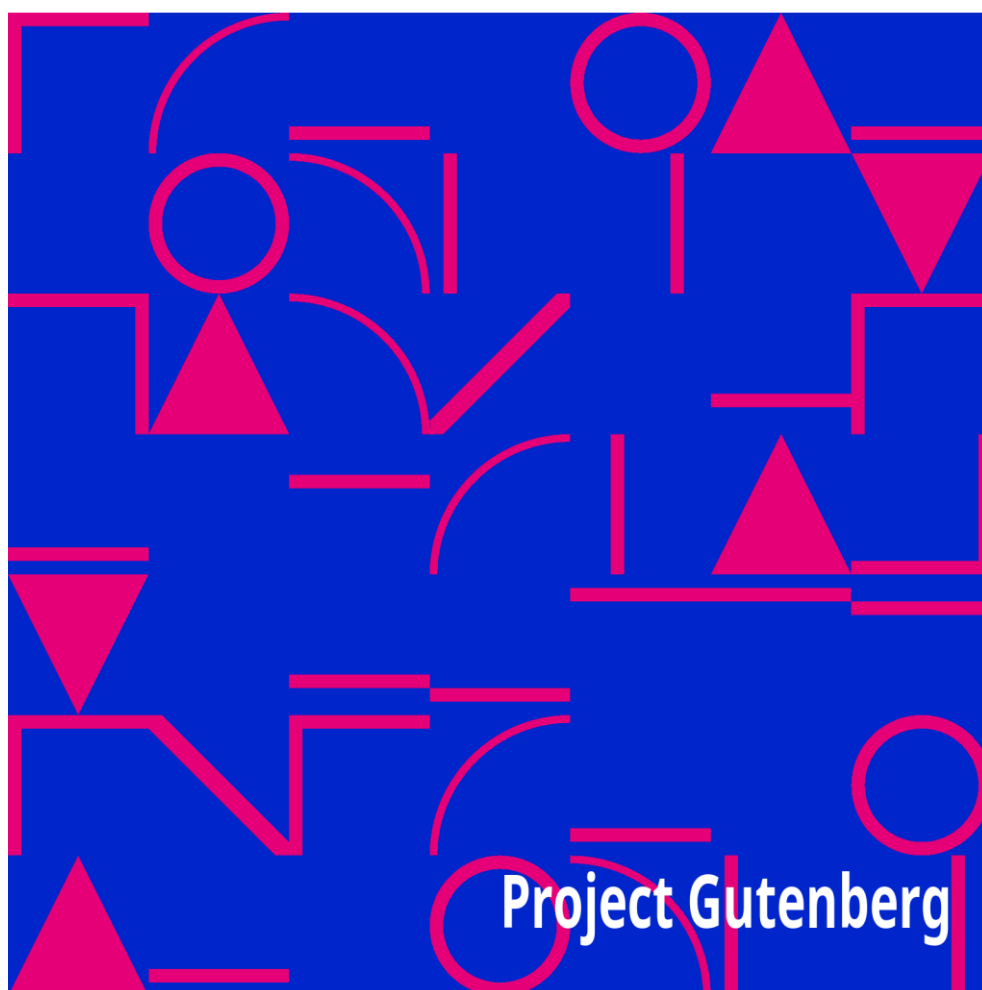

Наша война с Испанией за свободу Кубы

Трамбалл Уайт

Our War with Spain for Cuba's Freedom

Trumbull White

Электронная книга проекта "Гутенберг" о нашей войне с Испанией за свободу Кубы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Наша война с Испанией за свободу Кубы

Автор: Трамбалл Уайт

Дата выхода: 1 июля 2003 г. [Электронная книга № 4210]

Последнее обновление: 6 декабря 2010 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Роберт Роу, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-корректоров

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НАША ВОЙНА С ИСПАНИЕЙ ЗА СВОБОДУ КУБЫ" ***

Продюсеры: Роберт Роу, Чарльз Фрэнкс и Онлайн

Распределенная команда корректоров

НАГЛЯДНАЯ ИСТОРИЯ НАШЕЙ ВОЙНЫ С ИСПАНИЕЙ

ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РАССКАЗ О СУХОПУТНЫХ И МОРСКИХ ОПЕРАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ И МАТРОСОВ В НАШЕЙ ВОЙНЕ С ИСПАНИЕЙ И ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ КУБИНСКИХ ПАТРИОТОВ Против ИСПАНСКОЙ ТИРАНИИ.

ВКЛЮЧАЯ ОПИСАНИЕ И ИСТОРИЮ КУБЫ, ИСПАНИИ, ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВОВ, НАШЕЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, БОЕВОЙ МОЩИ, БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ, НАШИХ ОТНОШЕНИЙ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ И Т.Д. И Т.П.

АВТОР ТРАМБАЛЛ УАЙТ,

ИЗВЕСТНЫЙ И ПОПУЛЯРНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ИСТОРИК И ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.

ТЩАТЕЛЬНО ИЛЛЮСТРИРОВАН ФОТОГРАФИЯМИ И РИСУНКАМИ СРАЖЕНИЙ НА МОРЕ И СУШЕ, ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ И Т.Д., С НАТУРЫ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО FREEDOM PUBLISHING CO.

Посвящается нашим американским волонтерам

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Информация, касающаяся острова Куба, носила крайне неудовлетворительный характер до тех пор, пока на нее не был брошен луч американского расследования с началом войны за свободу Кубы в начале 1895 года. Хотя наш ближайший южный сосед с идеальным зимним климатом и множеством интересных и живописных достопримечательностей для путешественников, туристов было сравнительно немного, если судить по количеству, которого можно было ожидать. Все причины для этого были те, которые естественным образом вытекали из характерного испанского правления на острове. Огласка не приветствовалась, расследование не приветствовалось, путешественников не приветствовали. Города и жилье, которые они предлагали, во многих отношениях сильно отставали от аналогичных по возрасту и размерам в других странах земного шара. Строительство железных дорог и прокладка шоссейных дорог позорно отставали, потому что собранные непомерные налоги были разграблены правительственными чиновниками в качестве собственной добычи. Ни одна другая страна, расположенная так близко к морским торговым магистралям и доступная из Соединенных Штатов, не была так мало известна.

Несколько путешественников побывали на Кубе и написали книги, описывающие их впечатления, которые были с интересом прочитаны теми, кто имел к ним доступ. Но эти книги обычно были просто описанием людей, образа жизни, пейзажа и вещей, представляющих поверхностный интерес. Вошло в поговорку, что испанское правление скрывает ресурсы страны вместо того, чтобы их эксплуатировать. Человек пытливого ума не имел возможности на Кубе оперативно получить информацию о материальных фактах богатства острова ресурсами, поскольку сами испанские власти ничего об этом не знали. Испанская статистика, как известно, ненадежна и неполна. На Кубе никогда не проводилось переписи населения, достойной этого названия, и там мало школ и мало источников точной информации. При всем этом недостатке было предрешено, что случайный путешественник должен ограничиваться тем, что было видно и находилось рядом с обычными путями путешественников. Таким образом, до начала кубинской войны за свободу нельзя было достать книг, в которых рассказывалось бы о том, что действительно интересно знать. Живописных описаний там было несколько, представляющих значительный интерес, но информация была разрозненной.

Спрос всегда порождает предложение, даже если материала мало. Когда началась война, народ Соединенных Штатов захотел узнать что-нибудь о людях, которые боролись за свою свободу, об их особенностях, их условиях и их личности. Более того, было насущной необходимостью знать географию Кубы, ее историю, природные условия, материальные ресурсы и множество других вещей, которые в совокупности дают исчерпывающее представление о любой стране. Были люди, которые знали Кубу по многолетнему пребыванию там на промышленных и коммерческих предприятиях. К ним обращались за знаниями. Затем газеты Соединенных Штатов еще раз продемонстрировали их неизменную предприимчивость и самым исчерпывающим образом осветили основные моменты восстания. Их корреспонденты побывали в лагерях вождей повстанцев, были свидетелями дерзких атак кубинцев с мачете, видели каждую деталь военной жизни на местах. Другие внимательно следили за передвижениями испанских войск в Гаване и укрепленных городах, а также в полевых условиях. Один был застрелен в бою. Другой был забит до смерти мачете после своего пленения испанским офицером, который подождал только, чтобы убедиться, что пленник американец,

прежде чем приказать казнить его. Другие были заключены в крепости Морро и Кабанас, а также в другие испанские тюрьмы на Кубе, потому что они настаивали на том, чтобы говорить правду Америке и всему миру. Именно они рассказали об ужасах реконцентрации в соответствии с этим печально известным приказом генерал-капитана Вейлера. Они были настоящими историками Кубы.

Именно всем этим и другим источникам обязана информация, содержащаяся в настоящем томе. Автор с удовольствием принимает вежливое разрешение использовать важные факты, содержащиеся в некоторых томах "Мерит", опубликованных до настоящего времени. Но больше всего я обязан газетным корреспондентам, которые работали с ним на Кубе в те дни, когда война была всего лишь восстанием, и позже, когда восстание превратилось в нашу собственную войну против Испании за свободу Кубы. Именно они собрали самую исчерпывающую информацию по всему вопросу о кубинских делах. Благодаря своему глубокому знанию Кубы и кубинцев они смогли оказать неоценимую помощь как командующим армией, так и военно-морским флотом, не только в советах относительно формирования планов, но и в их осуществлении. Тот, кто видел подобные вещи, знает, что преувеличивать ужасы испанской жестокости и гнета испанского правления на Кубе невозможно. Ни одна газета не смогла бы напечатать чистую правду о множестве шокирующих событий просто потому, что в общедоступных печатных изданиях нет места для использования таких историй о чудовищных преступлениях против человечности, которые были совершены. Самые сенсационные истории никогда не достигали пределов правды.

Мы надеемся, что читатель найдет в этом томе не только всеобъемлющую текущую историю нашей войны с Испанией за свободу Кубы, но и многое другое, что будет представлять интерес и ценность при рассмотрении будущего освобожденного острова. Ее история, ее люди, ее ресурсы и другие важные темы включены вместе с некоторыми материалами об Испании и ее собственных делах, Пуэрто-Рико и Филиппинских островах, главы которых служат для того, чтобы сделать книгу работой для общего ознакомления и чтения по всей теме войны.

Содержание.

- I. Война за свободу и человечность
- II. Как Колумб нашел "Жемчужину Антильских островов"
- III. Черная история Испании
- IV. Пиратство на майне Испании
- Против коммерческого развития Кубы
- VI. Красоты тропического острова
- VII. Богатства, собранные природой в лесах и полях Кубы
- VIII. Кубинцы и как они живут
- IX. Гавана, островная метрополия
- X. Города Кубы
- XI. Слухи о восстании
- XII. Начало десятилетней войны
- XIII. Массовое убийство офицеров и команды "Вирджиниуса"
- XIV. Операции Десятилетней войны
- XV. Мир в Зенджоне и нарушенные обязательства по нему

XVI. Подготовка к очередному восстанию
XVII. Кубинская хунта и ее деятельность
XVIII. Ки-Уэст и кубинцы
XIX. Еще один удар во имя свободы
XX. Хосе Марти и другие кубинские герои
XXI. Отчаянные сражения с мачете и винтовкой
XXII. Флибустьеры из Флориды
XXIII. Мясник Вейлер
XXIV. Куба под нападью
XXV. Фицхью Ли на фронт
XXVI. Американцы в испанских застенках
XXVII. Масео убит в результате предательства
XXVIII. Политика перецентрализации Вейлера и ее ужасы
XXIX. Растущее возмущение американцев
XXX. Возмущение американцев на Кубе
XXXI. Маккинли становится преемником Кливленда
XXXII. Дело Эванджелины Сиснерос
XXXIII. Работа Клары Бартон и Красного Креста
XXXIV. Катастрофа в штате Мэн
XXXV. Терпение на исходе
XXXVI. События в Американском Конгрессе
XXXVII. Президент Маккинли действует
XXXVIII. Численность противоборствующей эскадры и армий
XXXIX. Линкоры и войска начинают движение
XL. Дипломатические отношения прекращаются
XLI. Первое оружие и первые призы войны
XLII. Объявление войны
XLIII. Вызывайте Национальную гвардию, наших гражданских солдат
XLIV. Блокада кубинских портов
XLV. Внутренние разногласия в Испании
XLVI. Филиппины, Пуэрто-Рико и другие колонии Испании
XLVII. Ход боевых действий
XLVIII. Морской бой у Манилы, победа американцев
XLIX. Гавайи и наша политика аннексии
L. Продолжающийся успех американских солдат и матросов
ЛИ. Вторжение в Пуэрто-Рико
LII. Капитуляция Манилы
LIII. Победоносное завершение войны
ЛИВ. Личные воспоминания

Введение.

Когда 22 апреля 1898 года Майкл Маллия, капитан-артиллерист крейсера Соединенных Штатов "Нэшвилл", выпустил снаряд по носу испанского корабля "Буэна Вентура", он дал сигнальный выстрел, положивший начало войне за свободу рабов Испании.

Мир никогда не видел подобного соперничества. Нации сражались за территорию и золото, но они не сражались за счастье других. Нации сопротивлялись вторжениям варварства, но до девятнадцатого века они не боролись за то, чтобы искоренить варварство и свергнуть его с насиженного места. Нации боролись за сохранение целостности своей собственной империи, но они сражались с иностранным врагом не для того, чтобы освободить других. Люди отправлялись в крестовые походы, чтобы сражаться за святые могилы и символы, но армии не были приведены в движение, чтобы свергнуть порочные политические системы и возродить незаконные правительства для других народов.

Более четырех столетий Испания владела островом Куба как своим имуществом, и там она упивалась коррупцией и жаждала роскоши, вырванной у рабов жестокой рукой неконтролируемой власти. Она была несправедливым и безжалостным судом последней инстанции. На ее жестокий вердикт не было возможности подать апелляцию, не было власти, к которой ее жертвы могли бы обратиться за помощью.

Но наконец-то наступил конец. Горе, печаль, унижение, агония, отчаяние, которые Испания обрушила на беспомощных и которые множились в мире до тех пор, пока весь мир не устанет от этого, обрушатся лавиной на ее собственную голову.

Свобода росла медленно. Цивилизация находилась в обороне. Теперь свобода борется за свободу, а цивилизация проявляет агрессию в самой священной войне, которую когда-либо знал мир.

Никогда прежде не было войны, на которой за такое короткое время было совершено столько вдохновляющих подвигов, и это несмотря на то, что общественность с нетерпением ждала новых действий. Такой хладнокровный, разумный героизм, как подвиг Хобсона и его людей на "Мерримак" у входа в гавань Сантьяго-де-Куба, почти стоит войны. Это событие мировой истории, которое никогда не будет забыто, и в странах Европы его признают так же щедро, как и наш собственный народ. Нужно сказать несколько слов в честь испанского адмирала. Проявив рыцарство после этого героического акта, Сервера проявил себя достойным противником, который мог понять храбрость врага и восхищаться ею, даже когда она была направлена против него самого с таким заметным успехом. Не каждый командир был бы достаточно великодушен в таких обстоятельствах, чтобы послать флаг перемирия адмиралу противника, чтобы сообщить ему, что его храбрые люди в безопасности и что их похитители почитают их как храбрецов.

Другого рода была храбрость Дьюи при Маниле, более заметная по своим результатам, но ни в чем другом не превосходящая храбрость Хобсона и его людей. Дьюи шел вперед, несмотря на неизвестную опасность торпед, чтобы сразиться с врагом в месте, которое он выбрал как наиболее благоприятное для испанского оружия, с врагом, у которого было больше кораблей, больше людей, больше орудий, чем у американца. Днем позже нация была у ног Дьюи, а Соединенные Штаты заняли позицию среди мировых держав, которую они никогда прежде не признавали. В большей степени, чем когда-либо прежде, с этого момента Соединенные Штаты

стали важным фактором в международной истории мира. На момент написания этой статьи нельзя сказать, чем закончатся отношения Соединенных Штатов с Филиппинами и Востоком, но это решение не может не принести пользы этой стране. Это была священная война за свободу Кубы, но, как и многие другие добрые дела, она приносит свои дополнительные плоды. Будут освобождены Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины и Каролинские острова, четыре колонии Испании вместо одной, а прямой и косвенной прибыли, рассматриваемой с чисто коммерческой точки зрения, будет гораздо более чем достаточно, чтобы компенсировать Соединенным Штатам расходы на войну. Аннексию Гавайских островов в качестве военной меры следует отнести на счет той же причины, поскольку успех этих усилий при любых других обстоятельствах был проблематичным.

Еще одним проявлением храбрости было то, что произошло в гавани Карденаса, когда маленький торпедный катер "Уинслоу" лежал беспомощным остовом под градом огня береговых батарей, без руля и двигателя, а "Гудзон", простой буксир с несколькими маленькими пушками на палубе, простоял сорок минут, чтобы передать трос и отбуксировать поврежденное судно за пределы досягаемости. Оба были изрешечены, на "Уинслоу" половина всего личного состава была убита и ранена одним снарядом, но никто не дрогнул, и все они действовали так хладнокровно, как будто ничего не происходило.

Если бы кто-то начал перечислять примеры личной храбрости, проявленные войной в первые несколько месяцев, список получился бы громоздким. Здесь достаточно сказать, что сотни раз требовалось проявить личное мужество, и ни на минуту не было колебаний со стороны любого человека, к которому обращался призыв. Более того, в каждом случае, когда рассматривалось особо опасное предприятие и требовались добровольцы, количество предлагаемых номеров в каждом случае было намного больше, чем требовалось. Это было особенно заметно по случаю потопления Хобсоном "Мерримака", когда более тысячи человек во флоте добровольно пошли на службу, для которой требовалось всего шесть человек и из которой казалось невозможным, чтобы кто-нибудь вышел живым.

Общественность должна знать все о войне, и единственный источник информации - это пресса. Никогда прежде ни одна война не освещалась в новостях с такой точностью и энергией, которые характерны для этого. Американская журналистика опередила мировую. Расходы на службу новостей в связи с этой войной огромны, и компенсация за это невелика. Тем не менее, работа сделана, у столичных газет от десяти до двадцати корреспондентов на местах, и общественность от этого выигрывает. Диспетчерские катера следуют за флотами и присутствуют при каждом сражении. Они должны быть достаточно близко, чтобы видеть, а это значит, что временами они подвергаются такой же опасности, как и корабли боевой эскадры, гораздо большей, если вспомнить, что первые никоим образом не защищены. Некоторые из них представляют собой тяжелые морские буксиры, а другие - яхты. Расходы на чартер, страховку и эксплуатационные расходы составляют от 200 до 400 долларов в день на каждое судно, и все же некоторые столичные газеты располагают парками таких судов в количестве шести.

Все вышеприведенные факты подробно описаны в томе, который представлен в этих параграфах. Единственная цель их повторения здесь заключается в том, что они заслуживают внимания из-за своей значимости, и желательно привлечь к ним особое внимание и сопутствующим материалам, когда будет прочитана сама книга. Число тех, кто верит, что мы ведем праведную войну, огромно. Отчеты о храбрых подвигах наших людей на плаву и на берегу

будут вдохновлять американцев быть лучшими гражданами, пока будет длиться время. Страна доказала свою веру в правое дело, отдав на нужды войны сотни тысяч молодых людей для борьбы за свободу других. Со всех уголков страны по призыву президента в одно мгновение появились полки солдат-добровольцев, в то время как еще столько же ждут следующего призыва, чтобы включить тех, для кого в первый раз не нашлось места. Стране, которая может продемонстрировать такое вдохновляющее движение, нечего опасаться в гонке прогресса между народами мира.

НАША ВОЙНА С ИСПАНИЕЙ.

ГЛАВА I.

ВОЙНА ЗА СВОБОДУ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Снова война с иностранной державой— Знаменательный флаг Испании— Три года без американского флага в водах Кубы—Визит "Мэна" в Гаванскую гавань— "Мэн" взорван подводными минами— Действия президента и Конгресса—Испания бросает вызов Америке— Распространяется боевой дух—Стреляют первые орудия—Кубинские порты блокированы— Захвачено много испанских кораблей—Волнения в Гаване—Испания и Соединенные Штаты объявляют войну—Испании угрожает внутренний раскол—Президент Маккинли созывает добровольческую армию.

Цивилизация против варварства, свобода против угнетения, образование против невежества, прогресс против регресса, Запад против Востока, Соединенные Штаты против Испании. Ради этого знамя свободы было снова развернуто перед лицом иностранного врага, и наша нация вступила в войну против народа другой страны, неся звездно-полосатое знамя через последовательные победы во имя свободы и человечности.

Это гордое знамя, которое стоит во всем мире за свободу и права, и на его складках мало пятен поражения или несправедливости. Великое сердце нации преисполнилось гордости за правоту дела, уверенности в том, что вечная история прославит Америку за бескорыстный труд. На суше и на море "мальчики в синем" принесли флагу новую славу, и их гордый послужной список в прошлом был более чем оправдан почестями, которые они завоевали.

Две войны с Великобританией и одна с Мексикой были более заметными предшественниками этого конфликта с Испанией. Если к этому добавить военные действия между Соединенными Штатами и берберийскими пиратами Алжира, Марокко и Триполи, а также отдельные столкновения с двумя или тремя странами Востока и Южной Америки, список можно было бы расширить. Но эти события не вспоминаются как войны в истинном смысле этого слова.

Если не считать защиты от набегов индейцев, Соединенные Штаты жили в мире в течение тридцати лет, когда на горизонте начала маячить туча войны. Именно с полным осознанием благословений мира американский народ уступил требованиям гуманности и праведной справедливости и снова взялся за оружие во имя свободы. Не было ни спешки, ни недостатка осторожности, ни возбужденного начала военных действий без надлежащих оснований. Нация убедилась, что это было правильно. Невыносимое положение дел, сложившееся в результате

многолетних мучений на соседнем острове, с полудюжиной непосредственных причин, любой из которых было достаточно, было абсолютным оправданием этой священной войны.

Испания - это турок Запада. Испания - устаревшая нация. Живя прошлым и не имея повода для гордости сегодня, она злорадствует по поводу своих славных исследований и интеллектуального мастерства средневековья, когда большая часть Европы была погружена во тьму. Тогда флаг Испании вел пионеров по всему миру. Но ее гордость основывалась на достижениях, многие из которых для людей любой другой нации были бы позором ее истории. Никакое обвинение Испании не может быть более суровым, более уничтожающим, если принять во внимание его истинное значение, чем знаменитая фраза, которую один из ее самых гордых поэтов сочинил, чтобы охарактеризовать ее красно-желтый флаг.

"Сангре и оро, — сказал он, - кровь и золото - поток золота между двумя реками крови".

Этого почти достаточно, чтобы показать весь национальный дух Испании, вспомнить, что эта фраза является гордым выражением, используемым испанским народом для прославления своего собственного флага. Это чувство контрастирует с американской фразой "звездно-полосатое знамя" не сильнее, чем народ Испании с народом Соединенных Штатов.

"ВСПОМНИ МЭН".

Со дня начала Кубинской революции, в начале 1895 года, почти до конца января 1898 года ни в одной гавани Кубы не было видно флага Соединенных Штатов, за исключением торговых судов. Политика нашего правительства всегда заключалась в том, чтобы военные корабли с частыми интервалами совершали дружественные визиты в гавани всех стран мира, и кубинские воды разделяли эту любезность.

Сотрудники администрации Кливленда были настолько осторожны, чтобы не допустить появления признаков оскорбления или угрозы власти Испании, с которой мы жили в дружеских отношениях, что сразу же после начала военных действий на Кубе эта практика была приостановлена в той мере, в какой она применялась к этому острову. Наши корабли бороздили океаны мира и заходили во все порты, где в них не было необходимости, но воды Гаванской гавани в течение трех лет ни разу не были потревожены американским килем.

Из уважения к выраженным пожеланиям местных испанских властей в Гаване доктор Берджесс, великолепный хирург госпитальной службы морской пехоты Соединенных Штатов в Гаване, который в течение тридцати лет охранял наши южные порты от эпидемий желтой лихорадки и оспы, которые ежегодно поражали нас в результате плохого правления Испании на Кубе, если бы не его бдительность, прекратил вывешивать американский флаг на своем паровом катере, с помощью которого он выполнял свои официальные обязанности в этих грязных водах. Американский флаг оказывал тревожное влияние на умы кубинцев, которые могли видеть, как он сверкает в ясном солнечном свете тропического неба, предположил капитан-генерал.

Должно быть, сатирик имел в виду язык дипломатии, когда объяснял, что "язык был задуман как средство сокрытия мыслей". Президент Маккинли в своем послании Конгрессу, препровождающем отчет военно-морского совета о катастрофе "Мэна", объяснил, что за некоторое время до визита линейного корабля в Гаванскую гавань это считалось надлежащим изменением в политике, направленным на то, чтобы приучить людей к присутствию нашего флага как символа доброй воли. Как было объяснено, решение направить судно в эту гавань

было принято после совещания с испанским министром и, через наших дипломатов, с испанскими властями в Мадриде и Гаване. Было заявлено, что это намерение было воспринято испанским правительством с высокой оценкой оказанной любезности, в ответ на которую было предложено направить испанские корабли в основные порты Соединенных Штатов.

Мы вынуждены принять это выражение официальных лиц с обеих сторон как откровенное проявление их чувств. Но столь же необходимо признать, что для массы людей в обеих странах значение визита вежливости из штата Мэн было совершенно разным. Американцы полагали, что это свидетельствует об изменении политики национального правительства в Вашингтоне, которое будет более энергичным и оперативным в противодействии надругательствам над жизнью и имуществом американских граждан на Кубе. Народ Кубинской республики верил, что это изменение означает выражение сочувствия и дружбы к их делу с возможным вмешательством в их пользу, и этот знак придавал ему смелости. Наконец, народ Испании возмутился появлением "Мэна" в гавани Гаваны как оскорблением и прямой угрозой против него и в пользу повстанцев. Если бы политика частых заходов на военных кораблях никогда не прерывалась, у них не было бы такого отношения к этому вопросу, но возобновление этой практики после трехлетнего перерыва несло в их сознании угрозу.

БЕРОЛОМНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ШТАТА МЭН.

"Мэн" вошел в Гаванскую гавань на рассвете 25 января и бросил якорь в месте, указанном начальником порта. Ее прибытие не было отмечено никакими особыми инцидентами, за исключением обмена обычными приветствиями и церемониальных визитов. Через три недели после той ночи, в сорок минут десятого вечера 15 февраля, "Мэн" был разрушен взрывом, в результате которого была разрушена вся носовая часть корабля. В этой ужасной катастрофе погибли 264 члена ее экипажа и два офицера, а те, кто не был убит взрывом сразу, были зажаты между палубами грудой обломков и утонули из-за немедленного затопления корпуса.

Несмотря на то, что американскую общественность призвали отложить рассмотрение причин этой катастрофы и что испанские власти в Гаване и Мадриде выразили скорбь и сочувствие, было невозможно подавить общее убеждение, что в некотором роде испанское предательство было ответственно за катастрофу. Имея перед глазами историю испанской жестокости на Кубе и помня об испанском варварстве на протяжении всего своего существования как нации, люди не могли избавиться от этого подозрения.

Месяц спустя это популярное суждение было подтверждено выводом военно-морского следственного суда, который провел исчерпывающее обследование затонувшего судна и собрал показания из всех доступных источников. После этого подтверждения и пробуждения чувств в стране по поводу условий на Кубе логика событий неудержимо влекла страну к войне с Испанией, и все усилия дипломатии и выражения вежливого уважения, которыми обменивались правительства двух стран, не смогли предотвратить ее.

В течение нескольких недель история творилась стремительно. Консервативные и видные американские сенаторы посетили Кубу, чтобы получить личную информацию о тамошних условиях, и по возвращении в красноречивых речах рассказали Конгрессу и стране историю страданий, которые они пережили на этом несчастном острове. Потеря "Мэна" привлекла внимание Америки к ситуации на Кубе, как никогда раньше, и, хотя причин для сочувственного

вмешательства было не больше, чем в течение многих месяцев, люди начали осознавать, как не осознавали раньше, ужасы, которые разыгрывались у их порогов.

Моряки, погибшие на "Мэне", несмотря на то, что они не смогли сражаться с врагами своей страны, погибли не напрасно, поскольку именно их смерть запомнится как кульминационный момент американского вмешательства и спасения десятков тысяч жизней голодающих кубинских женщин и детей. Суда были загружены провизией и одеждой для страждущих и отправлены в гавани Кубы, где распределением занимались мисс Клара Бартон и ее доверенные сотрудники в Американском национальном Красном Кресте. Некоторые из этих судов были торговыми пароходами, но другие были американскими крейсерами, и кубинцам не разрешалось забывать, что неподалеку развевался флаг, символизирующий свободу. Напряжение, испытываемое национальным терпением, росло с каждым днем и приближалось к пределу.

ЗАКОН О ПРЕЗИДЕНТЕ И КОНГРЕССЕ.

После периода беспокойства в Конгрессе, которое разделяла вся страна, президент, наконец, передал важное послание. В нем содержался краткий обзор хода кубинской революции с самого ее начала и довольно подробно рассматривались результаты разрушительной политики генерала Вейлера, известной как реконцентрация. В сообщении рассказывалось о ходе дипломатических переговоров с Испанией и раскрывалась удивительная последовательность событий, в ходе которых испанское правительство выполняло различные запросы и рекомендации американского правительства. Послание заканчивалось просьбой к Конгрессу санкционировать и уполномочить президента принять меры для обеспечения полного и окончательного прекращения невыносимых условий на острове Куба. Исчерпав полномочия исполнительной власти в этих усилиях, законодательным органам американского народа было предоставлено проводить такую политику, которая была бы в конечном итоге эффективной.

Конгресс оказался на высоте положения. Факты были в распоряжении обеих палат, их симпатии были на стороне разума, и на действия было потрачено мало времени. Палата представителей и Сенат, после взаимных уступок по незначительным деталям, приняли в качестве закона страны для подписания президентом акт, направляющий его и уполномочивающий требовать от Испании вывода своих войск и отказа от всякой власти над островом Куба. Президент был уполномочен задействовать армию и военно-морской флот Соединенных Штатов с целью выполнения этой инструкции, и было предписано немедленно вмешаться. Лучше всего, с точки зрения кубинских патриотов, в этом законе декларировалось, что народ Кубы является и должен быть свободным и независимым. Но еще несколько дней дипломатии, и должна была начаться война.

ИСПАНИЯ БРОСАЕТ ВЫЗОВ АМЕРИКЕ.

Вряд ли можно было ожидать, что испанское правительство и испанский народ уступят требованиям Соединенных Штатов без протеста. Власть нынешней династии на троне Испании настолько слаба, что было легко понять, что любая уступка со стороны королевы-регентши вызовет непреодолимое негодование Испании. Королева-мать должна была думать о короне своего маленького сына. Если бы она уступила превосходящей мощи Соединенных Штатов без борьбы, испанские революционеры свергли бы династию прежде, чем он смог бы взойти на трон. Как бы хорошо она ни понимала, что логическим исходом войны было бы сокрушительное

поражение испанского оружия, политическая необходимость вынудила ее занять позицию, продиктованную испанской гордостью.

Испанские кортесы собрались на специальное заседание в Мадриде, и 20 апреля королева-регентша выступила с речью перед этим законодательным органом и заявила, что ее парламент был созван в час опасности, чтобы защитить права ее страны и трон ее ребенка, какие бы жертвы это ни повлекло за собой. Именно в тот же день президент Маккинли предъявил ультиматум Соединенных Штатов Испании, сформулированный дипломатично по форме, но содержащий в себе четкое указание без промедления уступить Кубе свободу и отказаться от своих претензий на власть на этом острове. Копия ультиматума была направлена послу Испании в Вашингтоне сеньору Поло-и-Бернабе, который в ответ попросил предоставить ему паспорта и безопасный выезд из страны.

Достигнув точки, когда дипломатия больше не помогала, испанское правительство впервые предприняло агрессивный шаг против Соединенных Штатов. Вместо того чтобы дожидаться передачи ультиматума американским министром Стюартом Л. Вудфордом, министерство опередило его и выслало из Мадрида, не предоставив ему возможности представить этот важный документ. Оно было передано в Мадрид телеграммой от испанского министра в Вашингтоне, и правительство не считало нужным ждать официальных сообщений от представителя противника в Испании. Министр Вудфорд без промедления покинул Мадрид и наконец достиг французской границы после того, как подвергся многочисленным оскорблениям и нападениям в своем поезде по пути из испанской столицы.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БОЕВОГО ДУХА.

Волна национально-патриотического энтузиазма захлестнула Соединенные Штаты. Север и Юг, Восток и Запад - едва ли прозвучала хоть одна диссонирующая нота в громком хоре пылких аплодисментов, который поднялся, когда стало ясно, что наконец-то силы нации должны объединиться во имя свободы и человечности.

Но чувства не могли вести к битвам, если не были подкреплены материальным оснащением. Нация готовилась к войне. Со всех концов Соединенных Штатов войска регулярной армии спешно направлялись специальными поездами на юго-восток, в лагеря в Чикамоге и Тампе. На каждой военно-морской верфи днем и ночью велись спешные работы на всех недостроенных линкорах и крейсерах. Флоты американского военно-морского флота уже были сосредоточены на выгодных позициях, так что мало что оставалось сделать на этот счет. Конгресс, не теряя времени, обеспечил сухожилия войны щедрыми ассигнованиями на регулярные каналы снабжения, в дополнение к принятому единогласно обеими палатами решению о выделении 50 000 000 долларов в качестве специального фонда в распоряжение президента. Законопроект о военных ассигнованиях и законопроект о военно-морских ассигнованиях содержали положения о чрезвычайном положении. Была проведена подготовка к реорганизации регулярной армии более чем вдвое по сравнению с ее обычной численностью, и президент был уполномочен призвать добровольческую армию численностью 125 000 человек. Заглядывая в будущее и учитывая возможность длительного и дорогостоящего конфликта, были подготовлены финансовые меры, которые позволили бы увеличить доходы от войны за счет обычных каналов налогообложения и выпуска облигаций. Американцы были готовы засунуть руки в карманы и заплатить за привилегию преподать миру достойный урок.

Американцев никогда не подводит чувство юмора, и даже в этот напряженный период люди находили время улыбнуться истории о путешествии испанского министра из Вашингтона в Канаду. В Торонто сеньор Поло попытался дискредитировать нападения, совершенные на поезд министра Вудфорда в Испании, и рассказал, что он сам стал жертвой нападений в двух или трех важных городах по пути через Нью-Йорк, что представляло большую опасность для него самого и поезда, в котором он ехал.

В ходе расследования выяснилось, что нападения, вызвавшие у него опасения, были не такими враждебными, как он полагал. На станциях разделения на линии железнодорожные служащие, согласно обычаю, проходили вдоль вагонов, постукивая стальными молотками по шинам колес, чтобы проверить их на предмет возможного изъяна или поломки колеса, и именно это заставило испанского министра поверить, что он стал жертвой американского произвола.

РАЗДАЮТСЯ ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ.

Крейсер Соединенных Штатов "Нэшвилл" Североатлантической эскадры со штаб-квартирой в Ки-Уэсте имел честь произвести первый выстрел в нашей войне с Испанией.

Рано утром в пятницу, 22 апреля, американский флот вышел из Ки-Уэста и, направившись на юг через Флоридский пролив, к шести часам того же дня оказался в поле зрения Гаваны и мрачных укреплений замка Морро.

Отплытие флота, когда над Флорида-Кис заползал рассвет, было прекрасным зрелищем и имело большое значение, поскольку с момента подачи первых сигналов и до многих дней спустя не было ни одного часа бездействия. Было три часа ночи, когда на "Нью-Йорке", флагманском корабле адмирала Сэмпсона, начали мигать сигнальные огни. На боевых кораблях по всей линии появились ответные сигналы, и через несколько мгновений из труб всех кораблей начал извергаться черный дым, а экипажи перешли от тишины к активности.

Как только начало светать, крейсера и канонерские лодки внутри гавани подняли якоря и двинулись в путь, чтобы присоединиться к большим линкорам, которые уже выстроились в линию за пределами бара. В пять часов, когда весь флот собрался вокруг линкоров, капитан Сэмпсон подал сигнал с "Нью-Йорка" выступать. Построение линии было согласовано некоторое время назад, и каждое судно находилось на боевой позиции: "Нью-Йорк" в центре, а "Айова" и "Индиана" по обе стороны траверза. Корабли представляли собой прекраснейший вид, когда они неслись по океану без малейшего следа чего-либо не совсем необходимого на палубах. С них сняли все бесполезные надстройки, тенты, чехлы для оружия и все, что украшает корабль. Офицеры расхаживали по мостику, морские пехотинцы выстроились на палубе, и каждый был на своем посту. Они выглядели такими, какие были, - мрачные боевые машины, не военно-морские суда в походе и не эскадрилья эволюции и маневрирования, а военные корабли, отправленные по делам.

ЗАХВАЧЕН ПЕРВЫЙ ИСПАНСКИЙ КОРАБЛЬ.

Флот прошел двенадцать миль от Сэнд-Ки-Лайт, который находится в семи милях к юго-востоку от Ки-Уэста, когда "Нэшвилл" просигналил флагманскому кораблю, что замечено судно под флагом Испании. Адмирал Сэмпсон подал сигнал с "Нью-Йорка", чтобы "Нэшвилл" шел и взял его. "Нэшвилл" приблизился к испанскому кораблю и произвел холостой выстрел из левого кормового орудия. Это не остановило испанца, и, чтобы дать более определенный намек, рядом

с его носом был произведен мощный выстрел. Испанский корабль немедленно лег в дрейф и стал ждать, чтобы узнать о своей судьбе.

Судном оказалась "Буэна Вентура" с экипажем около тридцати человек, направлявшаяся из Паскагонлы в Роттердам с грузом пиломатериалов, крупного рогатого скота и других грузов. Как можно скорее с "Нэшвилла" была спущена шлюпка, и офицер был отправлен на борт "Буэна Вентура". Когда испанскому капитану сообщили, что его корабль не может двигаться дальше, он грациозно воспринял свой захват, пожал плечами и сказал, что, по его мнению, это всего лишь военная удача. Ему было высказано предположение, что захват корабля с таким названием, которое в переводе означает "удача", в качестве первого приза американского флота в войне, казался поразительным совпадением. Призовой экипаж морской пехоты под командованием энсина Т. П. Магрудера был размещен на борту, и во главе с "Нэшвиллом" оба корабля отправились в Ки-Уэст.

Поскольку "Буэна Вентура" была первым захваченным американским флотом в войне кораблем, она представляла более определенный интерес, чем успех такого же рода несколькими месяцами позже. Первый выстрел был произведен наводчиком Майклом Маллиа из "Нэшвилла", который, таким образом, имеет честь произвести первый выстрел на войне. Приз был богатым и оценивался, включая судно и груз, почти в 500 000 долларов, а полученный в результате призовой фонд превратился в заманчивую сумму. Капитан Уошберн Мейнард, командир "Нэшвилла", отличившийся первым захватом в плен, является уроженцем Ноксвилла, штат Теннесси. Он сын бывшего сенатора Соединенных Штатов Горация Мейнарда, и на момент поимки ему было около пятидесяти лет. Он поступил в Военно-морскую академию Аннаполиса в возрасте семнадцати лет и окончил ее первым в своем классе. В течение ряда лет он служил на Аляске и на момент получения своего нынешнего отличия четыре года командовал "Нэшвиллом".

НАЧАЛАСЬ БЛОКАДА ГАВАНЫ.

После того, как "Нэшвилл" покинул флот, чтобы вернуться в Ки-Уэст со своим призом, остальные суда эскадры направились дальше к побережью Кубы. Подойдя на расстояние пятнадцати миль к замку Морро, флот рассредоточился в более открытой боевой линии, часть судов повернула на восток, а другие - на запад, тем самым завершив блокаду порта. Ни один корабль не мог войти в гавань или покинуть ее, и каждый день суда блокадной эскадры получали новые призы.

К моменту получения официального уведомления о блокаде кубинской столицы она была в самом разгаре. Президент предупредил народы мира о том, что кубинские порты закрыты властями Соединенных Штатов, в следующем официальном заявлении:

ПРЕЗИДЕНТОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ: ПРОКЛАМАЦИЯ.

Принимая во внимание, что совместной резолюцией, принятой Конгрессом и одобренной 20 апреля 1898 г. и доведенной до сведения правительства Испании, требовалось, чтобы указанное правительство немедленно отказалось от своей власти и управления на острове Куба и вывело свои сухопутные и военно-морские силы с Кубы и кубинских вод; и Президенту Соединенных Штатов было поручено и уполномочено использовать все сухопутные и военно-морские силы Соединенных Штатов и призвать на действительную службу Соединенным Штатам ополчение нескольких Штатов в такой степени, которая может потребоваться для осуществления указанной резолюции; и

Принимая во внимание, что для осуществления настоящей резолюции Президент Соединенных Штатов считает необходимым начать и поддерживать блокаду северного побережья Кубы, включая все порты указанного побережья между Карденасом и Баия-Хондой и порт Сьенфуэгос на южном побережье Кубы;

Итак, я, Уильям Маккинли, президент Соединенных Штатов, в целях обеспечения выполнения указанной резолюции настоящим заявляю, что Соединенные Штаты Америки ввели и будут поддерживать блокаду северного побережья Кубы, включая порты на указанном побережье между Карденасом и Баия-Хондой, и порт Сьенфуэгос на южном побережье Кубы, упомянутый выше, в соответствии с законами Соединенных Штатов и международным правом, применимыми к таким случаям.

Будут размещены эффективные силы для предотвращения входа и выхода судов из вышеупомянутых портов. Любое нейтральное судно, приближающееся к указанным портам или пытающееся покинуть их без уведомления или знания об установлении такой блокады, будет должным образом предупреждено командующим силами блокады, который внесет в свой реестр факт и дату такого предупреждения, где такое предупреждение было сделано; и если то же самое судно снова попытается войти в любой блокированный порт, оно будет захвачено и отправлено в ближайший удобный порт для таких разбирательств против него и его груза в качестве приза, которые могут быть сочтены целесообразными. Нейтральным судам, находящимся в любом из указанных портов на момент установления такой блокады, будет предоставлено тридцать дней для выхода из них.

В удостоверение чего я приложил свою руку и распорядился поставить печать Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне 22 апреля 1898 года нашей эры и сто двадцать второго числа независимости Соединенных Штатов.

Президент: УИЛЬЯМ Маккинли.

ДЖОН ШЕРМАН, государственный секретарь.

ЕЩЕ БОЛЬШЕ ИСПАНСКИХ ПРИЗОВ.

Блокада была не просто бумажной, а чрезвычайно эффективной. Не прошло и двух дней, как взятые призы начали увеличиваться в количестве и стоимости. Вторым захваченным было испанское грузовое судно Pedro из Бильбоа, которое было захвачено "Нью-Йорком" во второй половине первого дня плавания.

Когда флот приблизился к побережью Кубы и рассредоточился для несения патрульной службы, "Нью-Йорк" повернул на восток для своей собственной вахты, не зная, что можно найти по соседству. Вдалеке на тусклом, расплывчатом фоне кубинских холмов, наполовину видимая, наполовину угадываемая, виднелась слабая пленка серого дыма - единственное видимое свидетельство того, что испанское грузовое судно тщетно пыталось пережить день, не будучи обнаруженным огромными серыми чудовищами, которые затянули небо на западе сплошной массой черных облаков из своих ревущих топок.

Тщетно испанец мчался вперед. Разогнавшись на пробной скорости, "Нью-Йорк" вскоре оказался поперек носа испанского корабля, и с палубы крейсера полыхнул оглушительный

вызов. Огромное облако белого дыма выкатилось из борта флагманского корабля, и вдалеке, прямо перед испанцем, в воздух взметнулся фонтан белой пены. Через мгновение курс странной испанки изменился, и она легла в дрейф.

Вскоре после этого "Нью-Йорк" отвел свою добычу подальше от берега и выбросил ее на берег. Можно было видеть, как команда и капитан мечутся по палубе корабля, как муравьиное гнездо, пряча свои ценности и стремясь предотвратить какую-то неминуемую участь, о которой они могли только догадываться в своем невежестве. Когда она оборачивалась, на корме можно было отчетливо прочесть ее имя: Педро из Бильбоа.

Как только "Педро" причалил к борту, на борт поднялся энсин Фрэнк Марбл с "Нью-Йорка". Энсин Марбл возглавлял призовой экипаж, состоящий из ряда морских пехотинцев и матросов. С большой формальностью энсин поднялся на борт и принял командование. Дородный босоногий американец тар оттолкнул испанского квартирмейстера от штурвала и начал задавать курс испанцу. Перепуганный испанский экипаж сбился в кучу возле бака и ждал развития событий.

Едва призовая команда была поднята на борт, как было замечено другое грузовое судно, идущее вдоль побережья на восток. "Нью-Йорк", оставив захваченное испанское судно на попечение призовой команды, прошел поперек носа "незнакомца" и послал выстрел в воду прямо перед его носом. Она не обратила внимания на вызов, но упорно продолжала движение, и через несколько секунд перед ней по воде пролетел еще один снаряд. После этой враждебной демонстрации она поднялась и вскоре последовала за "Нью-Йорком" в море. Однако было обнаружено, что на ней плавал немецкий флаг, и, следовательно, ей разрешили продолжить движение.

Призовая команда "Нью-Йорка" своим ходом доставила захваченное судно в порт Ки-Уэст. Корабль направлялся из Гаваны в Сантьяго с ценным грузом риса, железа и пива. В тот же день были совершены два других захвата: один торпедным катером "Эрикссон", который захватил рыболовецкую шхуну под самыми орудиями замка Морро, и торпедным катером "Портер", который захватил испанскую шхуну "Матильда" после оживленной погони и нескольких выстрелов. Оба этих приза были доставлены в Ки-Уэст, чтобы присоединиться к своим друзьям по несчастью.

ВОЛНЕНИЕ В ГАВАНЕ.

Было почти пять часов пополудни в ту счастливую пятницу, когда семафор на маяке в замке Морро возвестил жителям Гаваны, что был замечен флот. Говорили, что на нем не было никаких цветов, указывающих на его национальную принадлежность. В то время Ла Пунта, форт на берегу гавани напротив замка Морро, был переполнен любопытными людьми, в том числе многими дамами. Кроме того, с различных точек обзора были видны толпы людей, многие из которых собрались на крышах домов. В 6 часов вечера семафор возвестил, что в поле зрения появился флот Соединенных Штатов, а в 6:15 вечера на сигнальной станции был поднят красный флаг, из замка Морро, а затем из прилегающей к нему крепости Кабанас были выпущены предупредительные выстрелы. Это вызвало волнение во всем городе и стало первой настоящей нотой войны. Когда с семафорной станции поступил первый сигнал, британская шхуна, находившаяся в гавани, вышла в море. За ней немедленно последовал немецкий пароход "Ремус". Некоторое время спустя в море вышел американский пароход "Саратога".

Пушечные выстрелы из крепостей взбудоражили регулярные войска и добровольцев по всей Гаване и ее окрестностям, и началась спешка по квартирам. Сигнальные орудия с укреплений эхом разносились по дворцу и улицам, заставляя людей выбегать из своих домов, в результате чего вскоре все улицы были запружены возбужденными жителями. Генерал-капитан Бланко услышал выстрелы, находясь во дворце, куда немедленно прибыли генералы и командиры добровольцев, полные возбуждения и воинственного энтузиазма. Некоторое время спустя генерал-капитан в сопровождении своего штаба, генералов и других лиц покинул дворец и был тепло встречен солдатами и населением. Затем генерал произвел краткий последний осмотр укреплений и направился к месту, откуда мог видеть приближающийся флот.

Нигде не было никаких признаков тревоги. Испанцы были уверены, что Гавана готова к любым неожиданностям, и они очень верили в мощь своих фортов, батарей и т.д., А также в эффективность своей тяжелой артиллерии. На самом деле, было чувство удовлетворения от воинственной дрожи, охватившей все вокруг, когда стало видно, что час битвы явно приближается и что испанцам вскоре предстоит дать бой своим врагам.

По мере того как шло время, все больше людей толпилось на том месте, откуда флотилии были видны наиболее выгодно. К 8:30 вечера началось массовое движение по всем улицам и на всех площадях. Кофейни и клубы были переполнены возбужденными людьми, обсуждавшими прибытие американских военных кораблей. Испанцы выразили желание помериться силами с "захватчиками", и никто не выразил никаких сомнений относительно результата. Гражданские и военные власти Гаваны совещались во дворце, и испанцы приняли все возможные меры предосторожности, чтобы избежать внезапного ночного нападения и отразить нападение, если начнется бомбардировка.

ЛЬГОТНЫЕ ДНИ ИСПАНИИ ИСТЕКАЮТ.

Когда президент Маккинли направил свой ультиматум Испании, он указал, что срок его действия истекает в полдень субботы, 23 апреля, и к тому времени период, позволивший Испании отказаться от Кубы мирным путем, закончился. Испания, однако, не стала ждать, чтобы воспользоваться этим сроком, но своими собственными приготовлениями в течение прошедших дней, а также своими дипломатическими действиями ясно дала понять, что война неизбежна. Действия министра Поло, потребовавшего свой паспорт и покинувшего Соединенные Штаты, и действия испанского правительства по изгнанию министра Вудфорда были достаточным подтверждением политики, которую предстояло проводить. Поэтому флоту не было необходимости ждать более четкого ответа, прежде чем атаковать Гавану. Только по истечении времени, отведенного президентом Маккинли Испании, он предпринял определенные действия, которые обязали страну проводить четкую военную политику до объявления войны Конгрессом. Но в полдень в субботу президент издал следующее воззвание, призывающее 125 000 военнослужащих служить два года, если война продлится так долго:

ПРЕЗИДЕНТОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ: ПРОКЛАМАЦИЯ.

Принимая во внимание, что совместной резолюцией Конгресса, одобренной 22 апреля 1898 года, озаглавленной "Совместная резолюция о признании независимости народа Кубы, требующая, чтобы правительство Испании отказалось от своей власти и управления на острове Куба, вывело свои сухопутные и военно-морские силы с Кубы и кубинских вод, и

предписывающая Президенту Соединенных Штатов использовать сухопутные и военно-морские силы Соединенных Штатов для выполнения этих резолюций", и,

Принимая во внимание, что актом Конгресса, озаглавленным "Закон, предусматривающий увеличение военной мощи Соединенных Штатов во время войны и для других целей", утвержденным 22 апреля 1898 года, президент был уполномочен для создания добровольческой армии издать свое воззвание, призывающее добровольцев служить в армии Соединенных Штатов.

Итак, я, Уильям Маккинли, президент Соединенных Штатов, властью, предоставленной мне конституцией и законами, и считая, что для этого есть достаточный повод, счел нужным призвать и настоящим призываю добровольцев общим числом 125 000 человек для осуществления цели указанной резолюции, которые должны быть распределены, насколько это практически возможно, между несколькими штатами и Территориями и округом Колумбия, в соответствии с численностью населения, и служить в течение двух лет, если не будут уволены раньше. Подробности об этом объекте будут немедленно доведены до соответствующих властей через военное министерство.

В удостоверение чего я приложил к этому свою руку и распорядился поставить печать Соединенных Штатов.

Совершено в Вашингтоне 23 апреля 1898 года и в день провозглашения независимости Соединенных Штатов сто двадцать второго.

Президент: УИЛЬЯМ Маккинли.

ДЖОН ШЕРМАН, государственный секретарь.

ГОСУДАРСТВА НАЧИНАЮТ СОБИРАТЬ СВОИ ВОЙСКА.

Хотя было решено, что официальное уведомление губернаторов штатов о призыве добровольцев не должно быть сделано до следующего понедельника, первый шаг был сделан сразу после подписания прокламации путем издания приказов организованному ополчению округа Колумбия. Перед ужином забили барабаны, и была объявлена перекличка в пределах видимости и слышимости Белого дома, а еще до наступления ночи удары барабанов были слышны от Атлантики до Тихого океана и от Мексиканского залива до Великих озер.

Последовательность захватов американским флотом Гаваны не прерывалась, и к списку были добавлены два приза значительной ценности. В субботу канонерская лодка "Хелена" захватила большой пароход "Мигель Ховер", судно водоизмещением более 2000 тонн, с полным грузом хлопка и палок на борту. Приз стоил не менее 400 000 долларов. В пятницу вечером "Елена" покинула Ки-Уэст, чтобы следовать за основным флотом, но вместо того, чтобы плыть прямо в Гавану, повернула на запад, к западной оконечности острова Куба. Темная, облачная ночь едва разразилась ярким кубинским восходом, когда "Хелена" увидела дым на западном горизонте и бросилась в погоню.

Вскоре стало очевидно, что добыча заметила охотника и удирает. Однако грузовое судно не могло сравниться по скорости с канонерской лодкой, и вскоре "Елена" оказалась достаточно близко, чтобы произвести выстрел. Потребовался только один холостой выстрел. Пароход-беглец поднял испанский флаг и лег в дрейф. Когда подошла "Елена", капитан попытался

отговорить капитана Суинберна от его приза. Он настаивал на том, что он из американского порта, Нового Орлеана, и ничего не знает об объявлении войны. Разговор не принес ему пользы. Его взяли на борт "Хелены", а призовую команду из дюжины моряков и шестнадцати морских пехотинцев под командованием мичманов М. К. Дэвиса и Х. Г. Макфарланда разместили на борту "Джовера".

Первое, что флот узнал о захвате, было, когда "Елена" подошла со своим призом и подала сигнал флагману. Другие корабли зааплодировали, и "Хелена" отправилась в Ки-Уэст, а на "Джовере" работали его собственные люди под присмотром призовой команды.

ЗАХВАЧЕН ЦЕННЫЙ ПРИЗ.

Самым ценным призом, который когда-либо был взят, стал трансатлантический лайнер "Каталина", который достался "Детройту". Тоннаж судна составлял 6000 тонн, а с общим грузом приз оценивался почти в 600 000 долларов. Большое судно направлялось из Нового Орлеана в Барселону через Гавану с большим общим грузом. За двенадцать миль до захода в порт пароход был остановлен двумя выстрелами, и призовая команда под командованием энсина Х. Х. Кристи, состоящая из шестнадцати человек с "Детройта" и "Нью-Йорка", была поднята на борт, чтобы отвести судно обратно в Ки-Уэст.

В дополнение к этим заметным захватам торпедный катер "Портер" захватил испанскую шхуну "Антонио", груженную сахаром для Гаваны, а транспортный катер "Вайнона" пополнил список испанским пароходом "Сатурнин".

Если бы не азарт от случайного получения призов, блокада Гаваны была бы скучным занятием для Джека Тарса на борту североатлантической эскадрильи. Субботней ночью им пришлось слушать грохот орудий замка Морро и видеть вспышки огня из их жерл, но ответа от флота не последовало. Официальные лица Гаваны заявили, что выстрел из этих орудий был произведен только для подачи сигналов и не был нападением на флот, но было бы трудно заставить моряков поверить, что испанская меткость не была причиной того, что ни одна пуля не упала рядом с ними.

ИСПАНИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ.

Испанское правительство не стало дожидаться дальнейшей агрессии со стороны Соединенных Штатов, а само предприняло следующий официальный шаг, сделав заявление о факте существования войны, и определив условия, при которых испанское правительство ожидало продолжения конфликта. Этот указ был опубликован в Мадриде в воскресенье, 24 апреля, в следующих выражениях:

Дипломатические отношения между Испанией и Соединенными Штатами разорваны, и в связи с начавшимся состоянием войны между двумя странами возникают многочисленные вопросы международного права, которые должны быть точно определены главным образом потому, что несправедливость и провокации исходят от наших противников, и именно они своим отвратительным поведением вызвали этот серьезный конфликт.

Мы со строжайшей точностью соблюдали принципы международного права и проявляли самое скрупулезное уважение к морали и праву правительства. Существует мнение, что тот факт, что мы не присоединились к Парижской декларации, не освобождает нас от обязанности уважать

изложенные в ней принципы. Принцип, который Испания, несомненно, отказывалась признать тогда, заключался в отмене каперства. Правительство в настоящее время считает крайне необходимым проявлять абсолютную сдержанность в этом вопросе, чтобы сохранить нашу свободу действий и неоспоримое право прибегать к каперству, когда мы сочтем это целесообразным, во-первых, путем немедленной организации вспомогательных сил крейсеров военно-морского флота, которые будут состоять из судов нашего торгового флота и с равными отличиями в работе нашего военно-морского флота.

Пункт 1—Состояние войны, существующее между Испанией и Соединенными Штатами, аннулирует договор о мире и дружбе от 27 октября 1795 года и протокол от 12 января 1877 года, а также все другие соглашения, трактовки или конвенции, действующие между двумя странами.

Пункт 2.С момента публикации настоящих подарков всем кораблям Соединенных Штатов, стоящим на якоре в наших гаванях, предоставляется тридцать дней для беспрепятственного отплытия.

Пункт 3.Несмотря на то, что Испания не присоединилась к Парижской декларации, правительство, уважая принципы международного права, предлагает соблюдать и настоящим приказывает соблюдать следующие нормы морского права:

1. Нейтральные флаги прикрывают товары противника, за исключением военной контрабанды.
2. Нейтральные товары, за исключением военной контрабанды, не могут быть изъяты под флагом противника.
3. Обязательная блокада должна быть эффективной, а именно: она должна поддерживаться достаточными силами для предотвращения доступа к побережью противника.
4. Правительство Испании, отстаивая свое право выдавать каперские свидетельства, в настоящее время ограничится организацией с помощью судов торгового флота отряда вспомогательных крейсеров, которые будут сотрудничать с военно-морским флотом в соответствии с потребностями кампании и будут находиться под военно-морским контролем.
5. Для захвата кораблей противника и конфискации товаров противника и военной контрабанды в любой форме вспомогательные крейсера будут осуществлять право поиска в открытом море и в водах, находящихся под юрисдикцией противника, в соответствии с международным правом и правилами, которые будут опубликованы.
6. Определяет, что входит в состав военной контрабанды, называя оружие, боеприпасы, оборудование, двигатели и, в целом, все приборы, используемые на войне.
7. Капитаны, капитаны, офицеры и две трети экипажей судов, которые, не являясь американскими, совершают военные действия против Испании, должны рассматриваться и судиться как пираты со всей строгостью закона, даже если они снабжены каперскими удостоверениями, выданными Соединенными Штатами.

Ниже приводится краткое изложение наиболее важных из пяти пунктов, излагающих правила, которые Испания объявила, что будет соблюдать во время войны:

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ДАЮТ ОТВЕТ.

Палате представителей потребовалась всего одна минута и сорок одна секунда в понедельник, чтобы принять объявление войны в ответ на заявление Испании. Сенат действовал почти так же оперативно, и их соответствующие председатели и президент Соединенных Штатов немедленно подписали Акт Конгресса, так что он сразу же стал законом страны. Объявление войны было принято Конгрессом в ответ на послание президента с просьбой принять такие меры в следующих выражениях:

СЕНАТУ И ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ:

Я препровождаю Конгрессу для рассмотрения и принятия соответствующих мер копии переписки, недавно полученной с представителем Испании в Соединенных Штатах, с посланником Соединенных Штатов в Мадриде и через последнего с правительством Испании, свидетельствующие о действиях, предпринятых в соответствии с совместной резолюцией, одобренной 20 апреля 1898 года, "о признании независимости народа Кубы, требующей, чтобы правительство Испании отказалось от своей власти и правительства на острове Куба и вывело свои сухопутные и военно-морские силы с Кубы и кубинских вод, и предписывающей Президенту Соединенных Штатов привести эти резолюции в исполнение".

После сообщения испанскому министру в Вашингтоне о требовании, с которым исполнительная власть обязана обратиться к правительству Испании в соответствии с указанной резолюцией, указанный министр попросил свои паспорта и удалился. Министр иностранных дел Испании, в свою очередь, уведомил министра иностранных дел Соединенных Штатов Америки в Мадриде о том, что отзыв представителя Испании из Соединенных Штатов прекратил дипломатические отношения между двумя странами и что в связи с этим прекратились все официальные контакты между их соответствующими представителями.

Я рекомендую вашему особому вниманию ноту, адресованную министру Соединенных Штатов в Мадриде министром иностранных дел Испании 21 сентября, в которой было передано вышеупомянутое уведомление. Исходя из этого, будет воспринято, что правительство Испании, зная о совместной резолюции Конгресса Соединенных Штатов и принимая во внимание то, что Президент, таким образом, обязан и уполномочен делать, реагирует, рассматривая представительные требования этого правительства как враждебные меры, за которыми следует мгновенный и полный разрыв отношений его действиями, посредством которых использование наций сопровождает существующее состояние войны между суверенными державами.

Таким образом, позиция Испании была доведена до сведения, а требования Соединенных Штатов отклонены, с полным разрывом отношений в силу акта Испании, я был вынужден, в осуществление власти, предоставленной мне вышеупомянутой совместной резолюцией, объявить от 22 апреля 1898 года блокаду определенных портов на северном побережье Кубы, расположенных между Карденасом и Баия-Хондой, и порта Сьенфуэгос на южном побережье Кубы; и далее, в осуществление моих конституционных полномочий и с использованием предоставленных мне полномочий. на меня законом Конгресса, утвержденным 22 апреля 1898 года, возложено издание моей прокламации от 23 апреля 1898 года, призывающей добровольцев для приведения в действие упомянутых резолюций от 20 апреля 1898 года. Копии этих прокламаций прилагаются к настоящему документу.

Ввиду принятых таким образом мер и с целью принятия таких других мер, которые могут потребоваться для того, чтобы позволить мне выполнить выраженную волю Конгресса Соединенных Штатов в этом помещении, я сейчас рекомендую вашему уважаемому органу принять совместную резолюцию, объявляющую, что между Соединенными Штатами Америки и Королевством Испания существует состояние войны, и я настоятельно призываю к скорейшим действиям в связи с этим, с целью обнародования определения международного статуса Соединенных Штатов как воюющей державы и утверждения всех их прав и выполнения всех их обязанностей по ведению войны. публичная война может быть обеспечена.

Уильям Маккинли. Особняк исполнительной власти, Вашингтон, 25 апреля 1898 года.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА.

Официальное объявление войны, принятое палатами Конгресса, было коротким и резким, заслуживающим упоминания в качестве образца для таких неприятных документов. Оно гласило следующее:

ЗАКОНОПРОЕКТ, ОБЪЯВЛЯЮЩИЙ ВОЙНУ Между СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ И КОРОЛЕВСТВОМ ИСПАНИЯ.

Будет ли это введено в действие и т.д.:

Первое — Война будет, и настоящим объявляется, что она существует, и что война существует с 21 апреля 1898 года н.э., включая указанный день, между Соединенными Штатами Америки и Королевством Испания.

Второе — Что Президент Соединенных Штатов будет, и он настоящим является, направлен и уполномочен использовать все сухопутные и военно-морские силы Соединенных Штатов и привлекать на действительную службу Соединенным Штатам ополчение нескольких Штатов в такой степени, которая может оказаться необходимой для приведения в действие настоящего закона.

Дипломатия все еще принимала участие в войне. Испания была возмущена нападением на испанские владения и пыталась вызвать сочувствие у своих европейских соседей. Королева-регентша направила телеграммы всем суверенам Европы, протестуя против ущемления прав Испании Соединенными Штатами и заявляя, что ее правительство твердо намерено никогда не сдаваться, пока не будет сокрушено. Это было личное послание одной правительницы ее братьям-суверенам континентального королевства. В то же время был обнародован меморандум Испании всем европейским державам, который был официальным заявлением испанского министерства и подписан сеньором Гуллоном, министром иностранных дел Испании.

Меморандум начинался с упоминания о "моральной и материальной помощи, которую кубинские повстанцы получили от Соединенных Штатов" во время флибустьерских экспедиций и операций хунты. В нем упоминались неоднократные и решительные опровержения Испанией обвинений в жестокости по отношению к кубинцам и подчеркивалось важное значение депеши президента Кливленда от 7 декабря 1896 года о том, что мир был бы возможен, если бы Испания предоставила Кубе достаточную автономию.

В меморандуме утверждалось, что перед лицом новой либеральной конституции, предоставленной Кубе, которая "уже принесла плоды", трудно понять, почему президент Маккинли в своем послании от 6 декабря 1897 года и генерал Вудфорд в ноте от 20 декабря 1897 года все еще сомневаются в лояльности Испании.

Затем в документе довольно подробно говорилось об аварии в штате Мэн и утверждалось, что американцы под предлогом экстерриториальности судна так и не разрешили испанским властям посетить место крушения в целях расследования; и это самым торжественным образом подтверждало абсолютную невиновность испанских должностных лиц и испанских подданных в целом.

Справедливость и лояльность Испании были затем продемонстрированы ссылкой на равное обращение, которому американские флибустьеры, особенно конкуренты, подверглись со стороны Испании, и для того, чтобы более полно показать, насколько миролюбивой и корректной была позиция испанского правительства, в меморандуме были перечислены четыре пункта испанских предложений. Это были:

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИСПАНИИ.

1. Предложение передать все вопросы, возникающие в связи с делом штата Мэн, в арбитраж.
2. Приказ генерал-губернатору Бланко удалиться в западные провинции и потратить 3 000 000 песет на оказание помощи сельскохозяйственному населению с согласием правительства Испании на помощь кубинцам, направленную Соединенными Штатами, при условии, что такая помощь будет отправлена торговыми судами.
3. Сотрудничество парламента Кубы в определении объема полномочий, которые должны быть зарезервированы за центральным правительством.
4. Ввиду того, что парламент Кубы не соберется до 4 мая, провозглашается немедленное перемирие.

Далее в меморандуме заявлялось, что Соединенные Штаты не согласились даже на эти далеко идущие уступки и что добрые услуги папы римского также оказались бесполезными. В нем утверждалось, что авария в штате Мэн была использована политическими партиями Америки как средство для распространения "самой беспричинной и невыносимой клеветы на испанское правительство", и все же, говорилось в документе, мистер Олни в официальной ноте от 4 апреля 1896 года испанскому министру в Вашингтоне сам выразил очень серьезные опасения, что единственные существующие узы союза на Кубе исчезнут в случае ухода Испании с этого острова. Мистер Олни, как утверждалось в меморандуме, в то время опасался, что начнется война рас, тем более кровопролитная. пропорционально опыту и дисциплине, приобретенным во время восстания, и тому, что одновременно будут образованы две республики — одна белая, другая черная, — в результате одна из двух поглотит другую.

Столь серьезный взгляд мистера Олни на будущее Кубы, освобожденной от правления Испании, был затем расширен, и были предсказаны неизбежные расовые войны, которые "несомненно разрушат существование Кубы как государства, если Испания будет лишена суверенитета" над островом. Таким образом, будучи убежденной, как Испания, в том, что право

и справедливость на ее стороне, "она не откажется и не может отказаться от своего суверенитета на Кубе".

ПРОБЛЕМЫ У ИСПАНИИ ДОМА.

Затруднения Испании у себя дома множились и грозили лишь меньшей опасностью, чем военные действия Соединенных Штатов. Двадцать тысяч республиканцев всех оттенков взглядов в Мадриде подписали обращение к сеньору Кастелару, лидеру республиканцев, под предлогом поздравления с выздоровлением от недавней болезни, но на самом деле предлагая ему свои услуги, если он провозгласит республику.

В то же время Дон Карлос, претендент на испанский престол, был тревожным элементом, угрожавшим революцией против нынешней династии, если представится такая возможность.

Во время всех этих осложнений, которые одно время включали даже угрозу отставки испанского министерства, в Соединенных Штатах не было слышно ни одной диссонирующей ноты. Государственный секретарь Джон Шерман и генеральный почтмейстер Гэри подали в отставку из кабинета президента Маккинли из-за плохого состояния здоровья, чтобы правительство никоим образом не пострадало во время чрезвычайной ситуации. Госсекретаря Шермана сменил помощник госсекретаря судья Уильям Р. Дэй из Кантона, штат Огайо, который проявил замечательные способности к работе на этом посту в течение срока своей службы, в то время как преемником г-на Гэри стал почтенный Чарльз Эмори Смит из Филадельфии, редактор газеты и бывший посол в России.

ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ КУБЫ.

Именно торпедные катера поддерживали напряженность во время ранней блокады кубинских портов. Они подобны шершням, которые летают быстрее всего, что пытается убежать от них, жалят при нападении и исчезают в одно мгновение. Двое из этих бойких бойцов отличились в воскресенье, пока дипломаты были заняты в кабинетах мира. На торпедном катере "Портер", который быстр, как экспресс, работает отважная команда и бесстрашный командир с заслуженным именем. Это лейтенант Джон К. Фремонт, сын знаменитого "Следопыта", который сам никогда не колеблясь шел впереди, будь то исследование дикой природы или любая другая обязанность, которая выпадала на его долю.

Лейтенант Фремонт вместе с Носильщиком высадился на северном побережье Кубы с небольшим отрядом своих людей в поисках определенной информации, которая была необходима адмиралу Сэмпсону для руководства его планами. Это было опасное предприятие, так как отряд мог быть уничтожен, несмотря на их готовность сражаться, если бы они наткнулись на испанские войска. Однако никто из них не был встречен, путешествие прошло в безопасности, и десантный отряд с триумфом вернулся на флот, отличившись тем, что стал первым фактическим захватчиком кубинской земли в этой войне.

Ранее в тот же день торпедный катер "Фут" под командованием лейтенанта У. Л. Роджерса получил указание произвести зондирование подходов к гавани Матансаса, важного города на северном побережье Кубы в пятидесяти милях к востоку от Гаваны. "Фут" вызвал на себя первый огонь, который, как точно известно, был направлен против блокирующей эскадрильи. Маленький разведчик производил зондирование в трехстах ярдах от берега, когда замаскированная испанская батарея на восточной стороне гавани, командовавшая входом,

произвела три быстрых выстрела подряд. Все они прошли мимо цели, ударившись о воду почти в четверти мили от лодки. Офицеры и матросы на мгновение вздрогнули от залпа, а затем продолжили наблюдение. Крейсер "Цинциннати", находившийся неподалеку, был окликнут торпедным катером, и лейтенант Роджерс сообщил о своем опыте. Приказ капитана Честера, командовавшего "Цинциннати", не разрешал ему обстреливать Матансас, поэтому ответный огонь замаскированной батареи не был открыт.

ПРИЗЫВ К ОРУЖИЮ.

В понедельник, 25 апреля, национальные власти уведомили губернаторов каждого штата о том, что от них ожидают предоставления добровольцев для нашей войны с Испанией. Ответ последовал незамедлительно. В каждом штате Союза призыв к оружию был услышан с восторгом, и войска собрались на своих оружейных складах для скорейшего зачисления в армию. Скорость и легкость, с которыми могла быть мобилизована обученная и боеспособная армия, были изумлением для тех, кто не был знаком с деталями организации Национальной гвардии Америки. В течение двадцати четырех часов после получения приказа тысячи военнослужащих двинулись к государственным лагерям, где им было приказано собраться. Иллинойс был примером такой оперативности, без промедления отправив почти 5000 человек из Чикаго, но это было не более примечательно, чем рекорд, достигнутый многими другими штатами во всех частях Союза. Радостные возгласы и благословения сотен тысяч лояльных граждан воодушевили тех, кому предстояло отправиться на фронт со знаменем свободы, и они поняли, что представляют чувства единой нации.

Те дни, ближе к концу апреля, были волнующими временами. Вся нация была в нервном напряжении от беспокойства узнать, каким будет следующее событие, зафиксированное на суше или на море. Армии Соединенных Штатов готовились к борьбе, береговая оборона была доведена до завершения, и правительство было готово к любой чрезвычайной ситуации, которая могла возникнуть. Великолепная североатлантическая эскадра адмирала Сэмпсона блокировала порты Кубы. Адмирал Шлей с летучей эскадрильей на Хэмптон-Роудс был готов к быстрым действиям в любом направлении, где это могло оказаться эффективным, будь то защита городов атлантического побережья от угрозы нападения испанских военных кораблей или нападение на испанский флот для морского сражения.

Адмирал Дьюи с азиатской эскадрой был изгнан из Гонконга в результате применения законов о нейтралитете, и международные обязательства могли бы поставить его в затруднительное положение, если бы он не предпринял агрессивных действий и не создал для себя базу снабжения на Филиппинских островах. Каждый день ожидалось, что он предпримет нападение на Манилу, столицу Филиппин, и что первое по значимости морское столкновение в войне будет с испанским флотом в этих водах. Никто не сомневался, что азиатская эскадра сумеет хорошо зарекомендовать себя, хотя флот, который должен был противостоять ей, не испытывал недостатка в эффективных орудиях и боевой мощи.

Захват этой ценной испанской колонии, в которой шло восстание против правительства, был бы не только серьезным ударом по испанскому оружию, но и укрепил бы позиции Соединенных Штатов на Востоке за счет захвата крупных запасов угля и военно-морского оборудования, а также великолепной операционной базы.

Но пока шла подготовка к конфликту, которому суждено было стоить Испании ее владений в западном мире, было несколько человек, которые все еще предпринимали отчаянные попытки побудить администрацию в Вашингтоне пойти на компромисс любой ценой. Даже фактическое объявление войны и призыв добровольцев не смогли привести членов этой партии "мир любой ценой" к осознанию того факта, что терпение перестало быть добродетелью, что мы больше не можем оставаться глухи к призывам угнетенного народа и что храбрецы, которые погибли вместе с "Мэном", должны быть отомщены.

Каждый истинный американец чувствовал, что настал час, когда мы должны защитить честь нашей великой нации, и всем было очевидно, что близится время, когда должна начаться настоящая война как на суше, так и на море.

Повстанцы на Кубе, которые столько месяцев боролись с почти превосходящими силами противника, с безграничной радостью восприняли радостную весть об американском вмешательстве и сразу же направили представителей в Соединенные Штаты для организации сотрудничества во вторжении на Кубу и оказания помощи в планировании систематической кампании против испанских войск. Все приготовления к финальным действиям были завершены, и с людьми и деньгами, военным снаряжением и кораблями в достаточном количестве было очевидно, что скоро наступит решающее испытание и что война, наконец, станет реальным фактом.

ГЛАВА II.

КАК КОЛУМБ НАШЕЛ "ЖЕМЧУЖИНУ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ".

В благодарность Испании Великому Первооткрывателю, Подарившему Ей Новый Мир—Как Злая колониальная политика Испании уступила Западное полушарие Этой Устаревшей нации— Раннее заселение Кубы— Характер местных жителей на момент Открытия—Основание первых городов—Гавана становится столицей острова—Покорность местных жителей и их истребление испанскими угнетателями.

Куба и Колумб - имена, неразрывно связанные. Этот самый большой и плодородный остров Испанского Майна был открыт самим великим мореплавателем 28 октября 1492 года, вскоре после его первой высадки на землю западного полушария на острове Сан-Сальвадор. Мысль о том, что наш собственный континент был открыт благодаря пионерским экспедициям, отправленным из Испании, вызывает у американцев сентиментальные ассоциации. Но любое сожаление о том, что между двумя нациями возникла вражда, может быть смягчено воспоминанием о том, что Колумб сам был итальянцем, что потребовались годы его усилий, чтобы вызвать достаточный интерес со стороны испанских монархов к его предприятию, и что его жизнь на службе Испании была омрачена самой низкой неблагодарностью со стороны тех, кому он служил.

На красивом памятнике, воздвигнутом в память о Колумбе в Севилье Фердинандом и Изабеллой, есть простая надпись: "A Castile y Leon, nuevo mundo dio Colon" — "Кастилии и Леону Колумб подарил новый мир".

Это было запоздалое признание, дарованное первооткрывателю теми, кому он сделал чудесный подарок. В признании ему было отказано при жизни, за исключением нескольких лет настойчивых уговоров, уступающих только тем годам, которые он потратил впустую в своих попытках пробудить интерес и предприимчивость испанцев. Однажды он был отстранен от должности губернатора Вест-Индии и вернулся в Испанию в цепях. Титулов и почестей, которые были обещаны ему ранее, было отказано после того, как он заслужил их. Он был жертвой отвратительной неблагодарности, и ни один американец не должен позволять чувствам ослеплять его ради Колумба.

Великолепный новый свет, который Колумб подарил Испании, был самым чудесным добавлением территории, которое когда-либо переходило во владение какой-либо нации на земле. В него входила вся Южная Америка, за исключением Бразилии, которая была приобретена Португалией, и небольших колоний, известных как Британская, Голландская и Французская Гвиана. В него входили вся Центральная Америка и Мексика. Она включала в себя всю территорию нынешних Соединенных Штатов к западу от реки Миссисипи. Он включал все побережье Мексиканского залива и полуострова Флорида до южной границы Алабамы и Джорджии, и, за исключением нескольких разбросанных островов, он включал каждый фут суши в Мексиканском заливе и Карибском море, все коралловые скалы, а также большие острова Вест-Индии и Антильские острова. Сегодня ни один фут из всех этих огромных владений не остается бесспорным за Испанией, за исключением островов Куба и Пуэрто-Рико. Эти сотни тысяч квадратных миль населены свободными и мирными народами, большинство из которых являются республиками, за редким исключением, в рамках цивилизованной и либеральной колониальной политики. Влияние Испании на Кубу исчезло, и Пуэрто-Рико ускользает. Испания не смогла сохранить дары Колумба.

ПРОВОДИТ КОЛОНИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ Испании.

Логика событий и прогресс цивилизации повелели Испании покинуть свои владения в западном полушарии. Никогда еще не было такого свидетельства жестокости и варварства в завоеваниях, как то, что очерняет страницы испанской истории в связи с приобретением и подчинением Испании ее недавно открытых территорий. Будь то мирные индейцы Антильских островов, высокоцивилизованные ацтеки Мексики или инки Перу, проводимая политика всегда была одной и той же. Сначала вероломная дружба, затем грабеж и резня, затем рабство и, наконец, истребление - такова была неизменная программа. И вот, вместо того чтобы завоевать благосклонность и лояльность местных племен с последующим счастьем и процветанием, испанские завоеватели внушили владельцам страны всепоглощающую и неискоренимую ненависть, которая росла по мере объединения, пока в колонии за колонией узы не были разорваны насилием.

Когда Великобритания потеряла свои американские колонии из-за плохого управления и угнетения их, это был урок, который ее народ никогда не забывал. С этого дня колониальная политика британского правительства изменилась, и начал преобладать дух либеральности и великодушия. Сегодня каждая колония Великобритании, имеющая представительное правительство, - Канада, Австралия, Капская колония и многие другие, — обязана Соединенным Штатам свободой, которую предоставляет Великобритания.

Но Испания не смогла извлечь таких уроков. Ее жестокость и неправильное управление поднимали колонию за колонией на восстание, закончившееся свободой, но ее политика

осталась неизменной. Одно за другим владения сказочного богатства исчезали, пока, наконец, эта старая карга наций не осталась дрожать в одиночестве у своего очага, покинутая в своем несчастье всеми детьми, чья память о ней - не что иное, как память о порочной жестокости. Единственная жалость, на которую имеет право Испания, - это жалость за ее невежество и ее ошибки, а не за наказания, которые они на нее навлекли.

Когда-то Испания была интеллектуальным лидером мира, а также пионером открытий. Испанские университеты были центрами обучения задолго до интеллектуального зарождения Северной Европы. Испанские мореплаватели бороздили все моря, а испанские искатели приключений исследовали каждую землю. Если обучение и продвижение по службе влекут за собой обязательства, как это признается, то Испания обязана была быть лидером в борьбе за свободу разума и тела, но два самых заметных события в ее истории - это испанская инквизиция против свободы мысли и испанская жестокость, которая на многие годы поработила новый мир. Теперь она пожала плоды своих собственных злодеяний.

РАННЕЕ ЗАСЕЛЕНИЕ КУБЫ.

Всем известно, что Колумб искал не западное полушарие, а Восточное, и что, когда он нашел Кубу, он полагал, что достиг Ост-Индии и островов золота и пряностей, о которых сообщалось с этой таинственной земли. Своими первыми островными открытиями он считал отдаленные части этого восточного архипелага, и когда туземцы рассказали ему о более обширной земле неподалеку, которой он достиг несколькими днями позже, он поверил, что наконец-то добрался до Чипанго, как тогда называлась Япония.

Первое название, данное острову, было Хуана, в честь принца Хуана, сына Фердинанда и Изабеллы Арагонско-Кастильских. После смерти Фердинанда в его честь название было изменено на Фернандина. Еще позже он получил название Сантьяго в знак почтения к святому покровителю Испании, а несколько лет спустя было внесено еще одно изменение, когда жители в доказательство своего благочестия называли его Аве Мария, в честь Святой Девы. Несмотря на все эти усилия по закреплению испанского названия, первоначальное индейское название Кубы, которое она носила, когда великий мореплаватель впервые высадился на ее берегах, триумфально утвердилось на протяжении всех веков и теперь неискоренимо.

Согласно отчетам испанских писателей, которые были современниками открытия и жили в следующем столетии, коренные жители Кубы были щедрыми, мягкими, гостеприимными людьми, отнюдь не энергичными, но искренне радушными и вежливыми по отношению к незнакомцам, достигавшим их берегов. Мягкий климат не стимулировал их к большой активности в возделывании почвы, потому что тропические фрукты и овощи доставлялись без особых усилий со стороны туземцев. Их орудия труда и утварь были грубыми, а жизнь простой.

Система правления ни в коем случае не была сложной. Остров был разделен на девять независимых княжеств, каждое из которых находилось под властью касика, все они жили в гармонии, и военные действия были почти неизвестны. Их религия была мирной, без человеческих жертвоприношений или каннибализма, но жрецы обладали огромной властью благодаря своему притворному влиянию на духов добра и зла.

Из всех народов, открытых испанцами в ходе их колонизации западного полушария, кубинцы были наиболее восприимчивы к влияниям христианства в том, что касалось их готовности принять эти доктрины. Христианство в том виде, в каком его исповедовали испанские

завоеватели, едва ли относилось к высшему типу веры, и побуждения принять его были несколько жестокими. Тем не менее, следует отметить, что это свидетельство о покорности кубинских аборигенов почерпнуто именно из испанских источников. При таких обстоятельствах то, что испанские завоеватели полностью истребили сотни тысяч коренных кубинцев, которых они обнаружили на момент открытия, становится чудовищным преступлением, и то, что в течение немногим более столетия нигде на острове не осталось абсолютно никаких следов коренного населения.

Когда Колумб впервые обратил свой взор на остров Куба, он показался ему заколдованной землей. Он был очарован ее высокими горами, прекрасными реками и цветущими рощами, и в своем отчете о путешествии он сказал: "В Андалусии все зеленое, как апрель. Пение птиц таково, что кажется, будто человек никогда не захочет улетать. Есть стаи попугаев, которые заслоняют солнце. Здесь растут деревья тысячи видов, у каждого свои особые плоды, и все они изумительного вкуса".

Сначала Колумб подумал, что нашел остров, но, пройдя много миль вдоль берега, пришел к выводу, что это континент. Он сохранял последнее убеждение до самой своей смерти, поскольку только в 1508 году совершил кругосветное плавание по острову, когда было обнаружено, что он занимает примерно ту же площадь, что и Англия. В ходе последующей экспедиции он достиг побережья Южной Америки, но не имел представления о масштабах этого континента, и для него Куба была самым грандиозным из его открытий в Новом Свете.

Кубу Колумб посетил дважды после ее открытия, в апреле 1494 года и еще раз в 1502 году, и эти визиты подтвердили его первоначальное мнение о целебности климата и богатстве почвы. Его матросы отобрали у туземцев большое количество золота и серебра, и это привело к ошибочному мнению, что в пределах их досягаемости находятся очень богатые рудники.

БЕССЕРДЕЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ ИСПАНИИ К КОЛУМБУ.

Биография не дает никаких параллелей с жизнью Колумба. Были великие люди, которые сталкивались с несправедливостью и разочарованиями, но, пожалуй, нет другого примера человека, которого разочарования и несправедливость не приводили в уныние и не вызывали отвращения; чье величие было признано при жизни, и все же его лишили наград, на которые он имел право.

Вероятно, что перед смертью Колумб поделился своей верой в богатства, которые можно найти на Кубе, со своим сыном Диего Колумбом, поскольку в 1511 году последний снарядил экспедицию с целью колонизации острова. Эта компания состояла примерно из 300 человек под командованием Диего Веласкеса, который сопровождал великого исследователя в его втором путешествии. Первое поселение было основано в Баракоа, на крайнем востоке, и эта деревня в течение нескольких лет считалась столицей колонии. Тем временем испанцы основали обширные поселения на острове Ямайка, и в 1514 году на южном побережье Кубы были основаны города Сантьяго и Тринидад, чтобы жители двух колоний могли наладить более тесное общение. По мере роста иммиграции возникали и другие важные города, и остров стал базой для различных операций против Мексики. Население Баракоа значительно увеличилось, и в центральной части были основаны города Пуэрто-Принсипи и Санкти-Эспиритус, а на северном побережье - Сан-Хуан-де-лос-Ремедиос. В июле 1515 года был заложен город Сан-Кристобаль-де-ла-Гавана, получивший свое название в честь великого Первооткрывателя, но в

1519 году это название было перенесено на нынешнюю столицу, а первоначальный город назывался Батабано.

В 1518 году столица была установлена в Баракоа, который к этому времени превратился в город значительного значения и епархию колонии. В 1522 году резиденция правительства и епископство были перенесены в Сантьяго-де-Куба. В 1538 году Гавана была превращена в пепел французским капером; и чтобы предотвратить подобную катастрофу в будущем, Фернандо де Сото, губернатор Кубы, который впоследствии прославился своими исследованиями в южной и западной частях Северной Америки, а также открытием Миссисипи, построил Кастильо-де-ла-Фуэрса, крепость, которая существует до сих пор.

Используя современное выражение, эта великая крепость, дополненная к ней почти идеальной гаванью, подарила Гаване удивительный "бум", и город пережил замечательный рост.

Испанские купцы активно занимались перевозкой богатств Мексики на полуостров, и Гавана была для них удобным портом для обеспечения поставок провизии и воды. В 1549 году Гонсалес Перес де Ангуло был назначен губернатором острова, и он был настолько впечатлен красотами города, что выбрал его своей резиденцией. Несколько его преемников последовали его примеру, и в 1589 году он был юридически провозглашен столицей Кубы.

РАННЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КУБЫ.

Ранние записи об острове велись настолько несовершенно, что невозможно дать точный отчет о первых губернаторах и их заместителях. Однако несомненно, что резиденция правительства находилась в Сантьяго-де-Куба, и что Гаваной и другими городами второстепенного значения управляли лейтенанты. В 1538 году Эрнандо де Сото, аделантадо Флориды, а также губернатор Кубы, высадился в Сантьяго и пробыл там несколько дней, прежде чем отправиться на материк. Перед своим отъездом он оставил правительство острова на попечение дамы, доньи Исабель де Бобадилья, и выдал ее за своего коллегу дона Хуана де Рохаса, который одно время был вице-губернатором Гаваны. Можно сказать, что именно с этой даты начался постепенный перенос центра власти из Сантьяго в Гавану.

Дон Антонио де Чавес принял правительство в 1547 году, и именно он обеспечил Гавану первым регулярным водоснабжением, доставив его примерно в шесть миль от реки Чоррера.

Первые поселенцы посвятили себя в основном разведению крупного рогатого скота, уделяя очень мало внимания сельскохозяйственным занятиям или, фактически, любым средствам существования, требующим ручного труда. Много времени и денег было потрачено впустую на поиски золота и серебра, но они неизменно оказывались безуспешными, поскольку, хотя драгоценные металлы время от времени находили на острове, их количество никогда не было достаточным, чтобы окупить труд по поиску.

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ КОЛУМБОМ.

В заключение этой главы нельзя предложить ничего более интересного, чем рассказ самого Колумба о его первом взгляде на остров Куба. Он заключается в следующем

Добравшись до Хуаны, я пошел вдоль ее побережья на запад и обнаружил, что оно такое большое, что я подумал, что это, должно быть, материк, провинция Китай; и поскольку я не нашел ни городов, ни деревень на морском побережье, а только несколько деревушек, с

жителями которых я не мог поддерживать разговор, потому что все они немедленно разбежались, я продолжал следовать тем же маршрутом, думая, что не смогу не наткнуться на какие-нибудь крупные города. Наконец, пройдя много лиг и обнаружив, что ничего нового не представилось и что берег уводит меня на север (чего я хотел избежать, потому что зима уже наступила, и я намеревался двигаться на юг; и, кроме того, потому что ветры были противные), я решил не ждать перемены погоды, а вернуться в определенную гавань, которую я заметил и из которой я послал двух человек на берег, чтобы выяснить, есть ли в этой части какой-нибудь король или большие города. Они путешествовали три дня и обнаружили бесчисленное множество маленьких деревушек с бесчисленными жителями, но без малейшего подобия порядка; поэтому они вернулись. Тем временем я узнал от некоторых других индейцев, которых я захватил в плен, что эта земля, несомненно, была островом; соответственно, я проследовал вдоль берега на восток на расстояние 107 лиг, где он заканчивался мысом. С этого мыса я увидел другой остров к востоку, на расстоянии восемнадцати лье от первого, которому я дал название Ла Эспаньола. Туда я направился и прошел вдоль его северного побережья (точно так же, как я проделал с побережьем Хуаны) 118 полных миль строго на восток. Этот остров, как и все остальные, необычайно велик, а этот - необычайно велик. В нем много морских портов, с которыми ни один из известных мне в христианском мире не может сравниться, настолько хороших и вместительных, что на них просто удивительно смотреть. Земли здесь высокие, и здесь много высоких гор, с которыми острова Тенерифе не могут сравниться. Все они прекраснейшие, тысячи различных форм, доступные и покрытые деревьями тысячи видов, такой огромной высоты, что, кажется, они достигают небес. Мне говорили, что деревья никогда не сбрасывают свою листву, и я вполне могу это понять, потому что заметил, что они были такими же зелеными и пышными, как в Испании в мае месяце. Одни были в цвету, другие приносили плоды, а третьи - наоборот, в соответствии со своей природой. Пел соловей, а также другие маленькие птички тысячи разных видов, и это было в ноябре, месяце, в котором я бродил среди них. Здесь растут пальмы шести или восьми видов, замечательные в своем прекрасном разнообразии; но это относится и ко всем другим деревьям, фруктам и травам. Здесь есть необыкновенные сосновые рощи и очень обширные равнины. Там также есть мед, и великое множество птиц, и много разных видов фруктов. В глубине страны много рудников с металлами, а население неисчислимо".

ГЛАВА III.

ЧЕРНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕКОРД ИСПАНИИ.

Нынешние выдающиеся люди Похожи на тех, кто был печально известен много лет назад— Римское правление в Испании—Слабость испанского сопротивления—Открытия в Америке— Ужасы инквизиции— Испанское правление в Голландии—Изгнание мавров—Потеря американских колоний—Более поздняя история Испании.

Знаменательный факт, который представится перед изучающим испанскую историю, заключается в том, что с самых ранних времен страна находилась в состоянии постоянного внутреннего конфликта со своими колониями и с другими нациями; и редко это была оборонительная война. Почти во всех случаях Испания была агрессором. Испанец всегда был вероломным, алчным, свирепым. В его жилах все еще течет кровь Фердинанда, Торквемады и Филиппа II. Вейлер - прототип Альвы, а в Бланко мы находим другого Антонио де Мендосу.

Испания - это Китай современной Европы. Ее дух по-прежнему остается духом инквизиции. Ее политика заключается не в примирении, а в принуждении; не в справедливом обращении, а в ограблении и порабощении; и ее зависимость - это невежество и суеверия ее народа.

Все реформы, которых добиваются от правителей, должны быть сначала крещены кровью, и вполне возможно, что к концу нынешнего столетия новая нация, построенная на руинах старой, станет заслугой цивилизации, а не позором.

РИМСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ИСПАНИИ.

До первой войны между Римом и Карфагеном, закончившейся в 241 году до н.э., достоверной информации об истории страны, ныне известной миру как Испания, практически не было. Для древних это была страна тайн и очарования, родина заходящего солнца; и Иберия, как они ее называли, была всего лишь названием неопределенной протяженности территории на дальнем западе, населенной варварами-кельтами и иберами, с несколькими финикийскими поселениями для целей торговли на ее южных побережьях.

В конце первой Пунической войны Гамилькар Барка во главе карфагенского войска пересек Гибралтарский пролив и начал завоевание, которое завершил его сын Ганнибал и которое привело к бесспорному господству Карфагена почти на всей территории Испании. Это подводит нас к 218 году до нашей эры и знаменует начало второй Пунической войны, когда римские легионы впервые вошли в Испанию. После борьбы, длившейся тринадцать лет, карфагеняне были полностью разбиты, и страна была завоевана оружием Рима. Однако прошло много лет, прежде чем жители были по-настоящему покорены, но в конце концов они стали более полностью романизированными, чем любая провинция за пределами Италии. Попад под железное правление Империи, они были вынуждены отказаться от междоусобных войн, которым они привыкли предаваться, и, переняв язык, законы и манеры своих завоевателей, посвятили себя промышленным занятиям и заметно увеличили как богатство, так и численность. Их плодородные поля долгое время служили житницей Рима, и с гор, пронизанных металлическими прожилками, в римскую казну стекалось огромное количество золота и серебра. Однако это не были добровольные подношения туземцев. Их заставляли работать в шахтах на благо чужеземцев, и, таким образом, Испания в ранние века была прообразом Испанской Америки пятнадцатого и последующих веков, с той разницей, что в первом случае испанцы были рабами, а во втором - рабовладельцами.

Более 300 лет Испания оставалась под властью Рима, пока в 409 году нашей эры орды варваров не пересекли Пиренеи и не захлестнули полуостров. Свевы, аланы и вандалы с одинаковой яростью опустошали города и открытую местность и довели жителей до глубочайших страданий. В конце концов они были покорены вестготским войском, и в 415 году Валия, воинственный и амбициозный вождь, основал Западно-готское королевство в Испании, на руинах старой римской провинции. Валия заключил договор с императором Гонорием и, встав во главе храбрых готов, в трехлетней войне уничтожил или изгнал варваров с этой земли. Отвоеванная таким образом Испания номинально подчинялась Риму, но вскоре стала действительно независимой и стала центром христианской цивилизации. Это западно-готское королевство просуществовало около трех столетий, с 418 по 711 год, когда оно пало перед мавританским вторжением.

СЛАБОСТЬ ИСПАНСКИХ СИЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ.

Мало что в истории более примечательно, чем легкость, с которой Испания, страна, от природы приспособленная к обороне, была покорена всего лишь горсткой захватчиков. Плохое правительство вестготов, внутренние раздоры и зависть, а также недовольство многочисленных классов, особенно евреев, способствовали завоеванию и ослаблению силы сопротивления. Эти завоеватели исповедовали мусульманскую веру, но, хотя их объединяла религия, они принадлежали к разным расам. Помимо мавров, там были арабы, египтяне и сирийцы, и когда задача завоевания была выполнена и необходимость в единстве отпала, между ними возникли ссоры. Предотвратить эти распри было так трудно, что было признано необходимым разделить завоеванную территорию и выделить отдельные поселения для разных племен.

В период мавританского владычества было образовано несколько небольших независимых королевств в противовес мусульманскому правлению. Они включали Кастилию, Леон, Наварру и Арагон, и иногда по отдельности, иногда в сочетании, они находились в постоянной войне с общим врагом. Наступила эпоха великих крестовых походов, и весь христианский мир был поглощен борьбой с неверными, как на Востоке, так и на Западе. В Испании, как и в Палестине, были свои ордена крестоносцев, которые соперничали с тамплиерами и госпитальерами как в богатстве, так и в воинских отличиях. Решающее сражение произошло в июле 1212 года, когда объединенные силы Кастилии, Леона, Наварры, Арагона и Португалии встретились с мусульманской армией и одержали самую знаменитую победу, когда-либо одержанную христианами над своими врагами-мусульманами, причем последние потеряли, согласно отчету, переданному папе, 100 000 убитыми и 50 000 пленными. Король Гренады был быстро вынужден стать вассалом Кастилии, и с этого периода всякая опасность со стороны мавританского владычества миновала.

После этого времени, пока разные королевства не стали единым целым, в их истории нет ничего, заслуживающего подробного описания. История Испании как единого государства восходит к объединению Кастилии и Арагона в результате брака Изабеллы и Фердинанда, соответствующих правителей этих королевств, в 1469 году. Гренада, последнее оставшееся владение мавров, пала перед испанскими войсками в 1492 году, а Наварра была приобретена в 1512 году.

ОТКРЫТИЯ В АМЕРИКЕ.

1492 год, во времена правления Фердинанда и Изабеллы, стал свидетелем открытия Америки. Испания объединилась в единую империю от Пиренеев до Гибралтарского пролива, и гражданские войны подошли к концу. Морские исследования были задачей того времени, и под покровительством Изабеллы Колумб водрузил флаг Испании в Вест-Индии. Это грандиозное достижение привело к открытию великолепного континента, изобилующего богатствами, для испанских авантюристов и разорения. В 1498 году Колумб высадился на континенте Южная Америка, и через несколько лет все западное побережье было исследовано последующими искателями приключений. В 1512 году Понсе де Леон открыл Флориду, а в следующем году Бальбоа пересек Дарьенский перешеек и впервые увидел Тихий океан.

История Испании, в связи с ее открытием и заселением Нового Света, представляет собой один длинный список отвратительных преступлений. Новая Англия была заселена народом, который пришел, чтобы превратить дикую местность в город, но испанские захватчики отправились к

южным берегам, чтобы превратить города туземцев в дикую местность. В Мексике и Перу они обнаружили цивилизацию, равную и во многих отношениях превосходящую их собственную. С крестом и мечом в руках, во имя религии, но с жадностью золота в сердцах, их приход неизменно был сигналом к любому виду нападения, которое могла замыслить злоба или алчность. Куда бы они ни пошли, за ними следовало запустение. Они грабили города, мародерствовали, убивали людей; они сжигали как лачуги бедняков, так и дворцы богатых.

Стоимость сокровищ, которые Испания получила от Мексики и Перу, никогда не может быть точно установлена; но несомненно, что в течение шестидесяти лет со времени высадки Колумба она продвинулась до положения самой богатой и могущественной нации в Европе. Одержав победу в Африке и Италии, Филипп II, который тогда был правящим монархом, развязал войну во Франции и правил в Германии, а также в тех провинциях, которые сейчас известны как Бельгия и Голландия. Деньги, необходимые для ведения этих обширных завоевательных войн, несомненно, были приобретены в Новом Свете. Когда Кортес приблизился ко дворцу Монтесумы, его встретили королевские гонцы с подарками от своего повелителя. Эти подарки включали 200 фунтов золота для командующего и по два фунта золота для каждого члена его армии. Прескотт в своем "Завоевании Перу" говорит, что, когда испанские солдаты захватили столицу этой страны, они потратили дни на переплавку золотых сосудов, которые нашли в храмах и дворцах. За одно плавание одно-единственное судно доставило в Испанию 15 500 000 долларов золотом, помимо огромных запасов серебра и драгоценных камней.

УЖАСЫ ИНКВИЗИЦИИ.

Инквизиция была трибуналом в Римско-католической церкви для выявления, подавления и наказания ереси и неверия. Она зародилась в Риме, когда христианство утвердилось в качестве религии Империи, но ее история в Испании и ее зависимых странах почти полностью поглотила реальный интерес к этой болезненной теме.

Как обычный трибунал, подобный трибуналам других стран, он существовал там с самого начала. Его функции, однако, в те времена были немногим более чем номинальными; но в начале правления Фердинанда и Изабеллы, в связи с предполагаемым раскрытием еврейского заговора с целью свержения правительства, к папе было подано прошение разрешить его реорганизацию. Но, возродив трибунал, корона присвоила себе право назначать инквизиторов и контролировать всю их деятельность. По этой причине католические авторы рассматривают испанскую инквизицию как государственный трибунал и ссылаются на буллу папы римского Сикста IV, протестующую против нее. Однако, несмотря на этот протест, испанская корона сохранила свои полномочия. Были назначены инквизиторы, и в 1483 году трибунал начал свою ужасную карьеру под руководством Томаса де Торквемады.

Инквизиция арестовывала по подозрению, пытала, добиваясь признания, а затем наказывала огнем. Один свидетель подвел жертву к дыбе, двое - к пламени. Заключение не было поставлено лицом к лицу со своим обвинителем, и их имена никогда не были ему известны. Суд проходил в мрачном подземелье в полночь, тусклый свет исходил от коптящих факелов, и великий инквизитор, закутанный в черную мантию, пристально смотрел на свою жертву сквозь отверстия, прорезанные в капюшоне. Перед допросом обвиняемого, будь то мужчина, горничная или матрона, раздевали и растягивали на дыбе, где сухожилия можно было растягивать без трещин, кости дробить без переломов, а тело подвергать пыткам без смерти.

Когда заключенного признали виновным, ему отрезали язык, так что он не мог ни говорить, ни глотать. Утром в день казни перед страдальцем был накрыт завтрак из редких деликатесов, и с ироническим приглашением ему было предложено насладиться своей последней трапезой. Затем заключенного повели к погребальному костру, где была произнесена речь, восхваляющая инквизицию, осуждающая ересь и призывающая к повиновению папе и императору. Затем, под пение гимнов, вокруг жертвы были сложены горящие головни, пока ее тело не превратилось в кучку пепла.

Некоторое представление об ужасающей жестокости инквизиции при Торквемаде можно составить из заявления о том, что за шестнадцать лет его пребывания на этом посту почти 10 000 человек были приговорены к сожжению, а имущество 97 000 других было конфисковано.

ИСПАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ГОЛЛАНДИИ.

Какими бы ужасными ни были зверства инквизиции в метрополии, сомнительно, достигли ли они когда-либо вершины дикой жестокости, которой достигли в период, когда Испания стремилась укрепить оковы, которыми она номинально держала Голландию в своих руках. Испанское правительство с тех пор, как оно впервые заняло место среди наций, никогда не удовлетворялось разумной данью со стороны своих зависимых стран. Его план всегда состоял в том, чтобы истребовать все и не оставлять ничего, что могло бы обеспечить больше, чем жалкое существование. Так было в середине шестнадцатого века, когда Филипп II, жадный до сокровищ Голландии, решил лишить их богатства и планировал установить среди них инквизицию с помощью меча.

Герцог Алва, уже известный своей суровостью и фанатизмом, был назначен командующим войсками с почти неограниченными полномочиями. Он вступил в Нидерланды примерно с 20 000 испытанными войсками, готовыми к жестокостям, и все надежды на мир или милосердие улетучились перед ними. Произошел великий и отчаянный исход жителей; тысячи нашли убежище в Англии, Дании и Германии, и только отчаяние и беспомощность приветствовали хладнокровного испанца и его свору ортодоксальных палачей. Немедленно был учрежден Смутный совет — "Кровавый трибунал", и земля была залита кровью. За короткое время он полностью уничтожил все привилегии народа и с безжалостной жестокостью предал смерти множество людей.

Чем больше восставали крестьяне, тем жестокее были методы Альвы. Мужчин пытали, обезглавливали, жарили на медленном огне, щипали до смерти раскаленными щипцами, ломали на колесовании, сдирали кожу заживо. Однажды с живых тел вождей содрали шкуры и натянули их на барабаны, чтобы отбивать похоронный марш братьев, ведущих их на виселицу. В течение шести лет Алва выдвигал обвинения в ереси и государственной измене против 30 000 жителей и позорно хвастался, что в дополнение к множеству убитых в битве и резни после победы он предал палачу 18 000 человек.

Эта нечестивая война с Нидерландами длилась, время от времени прекращая боевые действия, восемьдесят лет, и во время ее продолжения Испания похоронила 350 000 своих сыновей и союзников в Голландии, потратила неисчислимые миллионы на попытки уничтожения свободы и опустила с первой державы Европы, империи, которая гордилась тем, что над ее владениями никогда не заходит солнце, до уровня страны четвертого сорта, жестокой в управлении, суеверной в религии и вечного врага прогресса.

ИЗГНАНИЕ МАВРОВ.

В дополнение к ужасному истощению страны в результате военных потерь, изгнание евреев и мавров привело к самым ужасным результатам. В 1609 году всем мориско было приказано покинуть полуостров в течение трех дней. Смертная казнь была объявлена всем, кто не подчинился, и любым христианам, которые должны были приютить непокорных. Эдикту подчинились, но это был удар, от которого Испания так и не оправилась. Мориско были опорой промышленного населения не только в торговле и мануфактурах, но и в сельском хозяйстве. Надменные и ленивые испанцы охотно оставили то, что они считали унижительным занятием, своим подчиненным. Мавры ввели в Испании выращивание сахара, хлопка, риса и шелка. В производстве и торговле они показали превосходство над христианскими жителями, и многие из их товаров были охотно востребованы другими странами. Все эти преимущества были принесены в жертву безумному стремлению к религиозному единству.

Правление Филиппа III. и Филиппа IV. стал свидетелем страшного ускорения упадка Испании из-за соперничества с голландцами и немецкими протестантами во время Тридцатилетней войны, войн с Францией и восстания Португалии в 1640 году, которая была присоединена к Испании Филиппом II. Правление Карла II. было еще более неудачным, и его смерть стала поводом для войны за испанское наследство.

При Карле III (1759-1788), мудром и просвещенном принце, началось второе великое возрождение страны, и торговля начала проявлять признаки возвращающейся активности. До его восшествия на престол Испания казалась трупом, за который европейские державы могли бороться по своему желанию. Внезапно люди были поражены, увидев, что эта страна поднимается с новой силой, чтобы снова играть важную роль на международной арене. Развивались торговля и сельское хозяйство, всячески поощрялось местное производство, и была предпринята попытка устранить все предубеждения против торговли среди знати. Какими бы достойными ни были эти реформы, было бы ложным представлять их как полностью успешные. Возрождение Испании ни в коем случае не было завершено, и многие из злоупотреблений, которые нарастали на протяжении веков, пережили попытку осуществить их уничтожение. Одной из главных причин этого провала были коррумпированность и невежество низших должностных лиц; и значительная часть населения в значительной степени погрязла в лени и суевериях, несмотря на все, что делалось в их интересах.

Во время бесславного правления Карла IV (1788-1808), который передал управление делами в руки неспособного Годоя (одновременно любовника королевы и премьер-министра короля), разразилась война с Великобританией, которая не принесла испанцам ничего, кроме катастрофы. Карл наконец отрекся от престола в пользу своего сына, принца Астурийского, который взошел на трон как Фердинанд VII. Вынужденный Наполеоном отказаться от всех притязаний на испанскую корону, Фердинанд стал пленником французов в год своего восшествия на престол, и в том же году Жозеф, брат французского императора, был провозглашен королем Испании и отправился в Мадрид, чтобы принять вверенное ему таким образом королевство. Но лояльность Испании была слишком глубокой, чтобы ее могла поколебать даже внушающая благоговейный трепет мощь великого Наполеона. Впервые он столкнулся лицом к лицу не с перепуганными и эгоистичными правителями, а с разъяренным народом. Восстание в Испании положило начало народному движению, которое в конечном итоге оказалось фатальным для его власти.

В июле 1808 года Англия по первому требованию заключила мир с Испанией, признала Фердинанда VII. королем и направила армию на помощь испанскому восстанию. Жозеф вторгся в страну 9 июля, разгромил испанцев при Рио-Секо и вступил в Мадрид 20-го. Но поражение Дюпона при Байлене от испанского генерала-ветерана Кастаньоса несколько изменило положение дел, и Жозеф, пробыв десять дней в своей столице, был вынужден покинуть ее.

Тем временем сэр Артур Уэлсли, впоследствии герцог Веллингтон, во главе британских вспомогательных войск высадился в заливе Мондего и начал войну на полуострове, разгромив французов при Ролице и Вимиеро. В ноябре 1808 года Наполеон, которому предшествовал Ней со 100 000 человек, вступил в Испанию и принял командование. Какое-то время его армии добивались полного успеха. Менее чем за неделю испанские войска были прорваны и рассеяны, и Жозеф был возвращен в Мадрид. Однако победа была недолгой, поскольку в апреле 1809 года генерал Уэлсли прибыл в Португалию и сразу же начал боевые действия. Благодаря мастерскому полководчеству и смелой предприимчивости ему в конце концов удалось изгнать французов из страны. Наполеон, не желая терять свои позиции на полуострове, послал Сульта, своего самого доверенного генерала, остановить вторжение британцев во Францию, но сражения при Пиренеях (24 июля - 1 августа 1813 г.) и при Нивеле, Ортезе и Тулузе в начале 1814 г. привели к победоносному завершению этого долгого и упорного противостояния.

ПОТЕРЯ АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ.

После пережитых потрясений Испании требовался период твердого, но примирительного правления, но злополучная судьба страны в этот кризис привела на трон одного из ее худших правителей. Фердинанд VII. не имел никакого представления об обязанностях государя; его общественное поведение регулировалось гордыней и суевериями, а его частная жизнь была запятнана грубейшим разгулом.

В течение шести лет Испания стонала под "Властью террора", а отдельные восстания служили лишь поводом для новых жестокостей. Финансы были растрочены в тщетных экспедициях по возвращению южноамериканских колоний, которые воспользовались завоеванием Испании Наполеоном для установления своей независимости. Испытывая нехватку денег, Фердинанд рискнул возмутить национальные чувства, продав Флориду Соединенным Штатам в 1819 году. Луизиана была передана Франции в 1803 году, а когда Мексика обрела независимость в 1822 году, последняя территория под властью Испании в Северной Америке была для нее потеряна.

Правление дочери Фердинанда, Изабеллы II, было нарушено восстанием карлистов в 1834-1839 годах, в ходе которого Англия помогла королеве армией под командованием сэра де Лейси Эванса. Испания при Изабелле II представляет собой мрачную картину фракций и интриг. Государственная политика вынудила ее вступить в неприятный брак со своим двоюродным братом Франциском Ассизским, и она искала компенсации в потворстве своим чувствам, пытаясь прикрыть распущенность своей личной жизни суеверной преданностью религии. Ей приходилось бороться с постоянными восстаниями, и в конце концов, в 1868 году она была вынуждена отречься от престола и бежать во Францию, спасая свою жизнь.

Было сформировано временное правительство с Серрано в качестве президента, и была принята новая конституция, согласно которой должен был править наследственный король

совместно с сенатом и народной палатой. Трон был предложен Амадею д'Аоста, второму сыну Виктора Эммануила, в 1870 году, и он приложил честные усилия для выполнения трудных обязанностей на этом посту. Но эта задача показалась ему слишком тяжелой и неприятной, и он ушел в отставку в 1873 году. Затем была образована временная республика, руководящим духом которой был Кастелар. Но испанцы, приученные относиться к монархии с суеверным почтением, не испытывали симпатии к республиканским институтам. Дон Карлос воспользовался возможностью возродить притязания на неотъемлемое мужское наследование и поднял знамя восстания. В конце концов Кастелар с отвращением покинул офис, и управление взял на себя комитет офицеров. Анархия была подавлена сильной рукой, но было очевидно, что порядок может быть восстановлен только путем возрождения монархии. Об иностранных принцах больше не думали, и Альфонсо XII, младший сын изгнанной Изабеллы, был восстановлен на троне в 1874 году. Его первой задачей было положить конец карлистской войне, которая все еще продолжалась на Севере, и это было успешно выполнено в 1876 году. Он умер в 1885 году, и регентство было поручено его вдове Кристине Австрийской. 17 мая 1886 года посмертно родился сын, который сейчас является титулованным королем Испании.

ГЛАВА IV.

ПИРАТСТВО И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ На МАЙНЕ ИСПАНИИ.

Украденные Испанией сокровища Мексики и Перу соблазняют ее европейских соперников—Испания много лет была главной ареной пиратского разграбления—Гавана и другие города под угрозой—Великобритания захватывает Санто—Доминго—Американские войска из британских колоний захватывают Гавану—Победа на суше и на море омрачена многими смертями отважных американцев от лихорадки-Уроки первого захвата Гаваны.

После того, как началось приобретение богатых и густонаселенных стран в западном полушарии, Испания обнаружила, что ее новообретенное богатство не достанется ей без борьбы. Из гаваней Мексики и Перу отплыли испанские галеоны с грузом сокровищ, награбленных у Монтесумов и инков. Год за годом богатые аргосцы, нагруженные золотом и серебром для пополнения расточительной казны испанской короны, пересекали моря. Атлантический океан, Мексиканский залив и Карибское море были изрыты килями испанских флотов в то время, когда европейские нации едва ли поддерживали видимость дружбы друг с другом.

Вряд ли можно было ожидать, что эти богатые призы останутся незамеченными. Англия и Франция прекрасно знали, что они были разграблены из местных сокровищниц нового света, и не было никаких причин, почему Испания, в свою очередь, не должна была быть лишена своей добычи. Таким образом, Испанское побережье, Карибское море, Мексиканский залив и прилегающие воды стали прибежищем буканьеров и пиратов, некоторые из которых выступали под флагами европейских стран, а другие - под черным флагом. Отчаянные схватки были уделом почти каждого испанского галеона, плававшего в этих морях, и иногда за череп и скрещенные кости доставались баснословные призы. Испанские военные корабли ходили взад и вперед, конвоируя торговые флоты, но их защита не всегда была достаточной. Пираты могли обзавестись фрегатами с пушками не хуже испанских, и, испытывая искушение разбогатеть, они отваживались на конфликт всякий раз, когда это было необходимо.

Гавани Ки-Уэст, Драй-Тортугас и другие вдоль Флорида-Кис, а также многие из них на Багамах, Вест-Индии и Антильских островах были пристанищем буканьеров и каперов, которые вытаскивали свои корабли на берег для ремонта или устраивали шумные пирушки на пляжах после победы над каким-нибудь испанским флотом сокровищ. Это были кровавые дни, полные драматического возбуждения. Из них некоторые из самых известных писателей-фантастов почерпнули свои рассказы, которые развлекают сегодняшних читателей.

Что было сделано со всем золотом, добытым таким образом в морских боях, прежде чем оно достигло портов Испании, трудно сказать. Иногда таинственные незнакомцы появлялись в портовых городах Франции, Англии и даже американских колоний в дни их молодости, чтобы на короткое время щедро потратить деньги, а затем исчезнуть так же таинственно, как и появились. Эти люди слыли пиратскими вождями, ищущими отдыха от своей обычной жизни. Другие пираты прятали свои богатства в тайниках, известных только им самим, секрет которых, должно быть, умер вместе с ними, в то время как золото остается нераскрытым. По всей территории Флорида-Кис и Вест-Индских островов, а также вдоль побережий Джорджии и Каролинских островов до сих пор существуют традиции, связанные с этими сокровищами. Сангвиники все еще копаются в песке этих пляжей в надежде, что когда-нибудь они откопают морской сундук, полный испанских дублонов или золотых украшений, снятых с ацтекских идолов. Некоторые находки действительно были сделаны, но те, кто их делает, не склонны раскрывать секрет, который мог бы привести другого к успешному поиску.

ПИРАТСКИЕ НАБЕГИ БЕСПОКОЯТ ГАВАНУ.

Обнаружив богатство, которое можно было получить в результате нападений на испанский флот, пираты начали задумываться о городах, которые сами были источником большей части этого богатства. Результатом этого стало то, что они начали совершать высадки у берегов не только Кубы, но и соседних островов Ямайка и Санто-Доминго. Расходы, вызванные попытками подавить эти вторжения, стали настолько большими к концу шестнадцатого века, что возникла необходимость ввести специальный налог для их покрытия.

Крепости во всех укрепленных гаванях были усовершенствованы, и власть военных чиновников возрастала по мере того, как росло их значение, а гражданских губернаторов уменьшалось. Именно в результате этих условий была создана должность генерал-капитана, в которой губернатор разделял как военную, так и гражданскую власть. Были спешно завершены укрепления Гаваны, и началась подготовка к обороне, которая до сих пор не получила существенного улучшения. Три крепости Эль-Морро, Ла-Пунта и Ла-Кабана были построены до конца шестнадцатого века и все еще оставались наиболее эффективными укреплениями Гаваны, когда началась наша война с Испанией.

Именно в тот же период африканские негры впервые были завезены на Кубу. Рабство оказалось настолько жестоким по отношению к аборигенам, что их численность почти достигла нулевой отметки, и не хватало рабочей силы для выращивания табака и сахарного тростника, основных продуктов испанского сельского хозяйства на острове. Именно для содействия производству этих новых предметов роскоши была начата африканская работорговля. Была получена королевская лицензия от короля Испании, гарантирующая привилегию ввоза негров.

Затем началась та грязная торговля, которая стала еще одним черным пятном в истории испанской колонизации западного полушария. Испанские корабли высадились у берегов

Африки и похитили тысячи негров для работы на кубинских плантациях тростника и табака. Ужасы торговли невозможно преувеличить, они слишком печальны, чтобы их повторять. Достаточно сказать, что в Гаване понимают, что гавань была свободна от акул, которые сейчас кишат там, пока они во множестве не последовали за невольничьими кораблями от африканских берегов на пиршество рабов, выброшенных за борт во время долгого плавания. Десятки и сотни африканцев погибли во время путешествия от тягот, которым они были вынуждены подвергнуться, и сама гаванская гавань стала последней могилой многих из этих несчастных.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ УГРОЖАЕТ ИСПАНСКИМ ВЛАДЕНИЯМ.

Сразу после середины семнадцатого века, во время правления Оливера Кромвеля в Англии, испанские губернаторы Кубы начали опасаться нападения британского флота. Эскадра отправилась в плавание в 1655 году с целью захвата Ямайки, и эта цель была легко достигнута. Этот остров был захвачен Великобританией, защищавшие его испанские войска потерпели полное поражение, губернатор был убит, и, как следствие, многие жители были переселены на Кубу. С Ямайки тот же флот отплыл в Гавану, но атака была отбита, и корабли отказались от попытки. За исключением вторжений французов на остров Санто-Доминго и постоянных пиратских набегов французских и английских буканьеров, испанцам в Вест-Индии больше не угрожали никакие военные действия, за исключением их собственных внутренних разногласий до 1762 года. В то время Испания и Англия находились в состоянии войны, Испания в союзе с францией, и британское правительство решило, что Куба является уязвимым и ценным владением, которое следует захватить.

Захват Гаваны войсками под английским флагом занимает мало места в истории Англии и Испании из-за масштабов интересов, задействованных в других странах. Это почти забыто в Америке, несмотря на связь всех современных событий с быстро приближающейся революцией, и все же это было достижением колониальных войск и, следовательно, первым нападением американцев на Кубу.

Это было событие первостепенной важности для своего времени и содержало первые уроки для руководства теми, кто должен был планировать ведение войны против Испании в 1898 году. Это доказало, что американские войска под командованием умелых офицеров могут успешно сражаться с удвоенным числом испанцев, полностью обеспеченных продовольствием и укрепленными траншеями. Это доказало, что Гавана может быть успешно атакована объединенными военными и военно-морскими силами, несмотря на ее живописные, но устаревшие укрепления. Отсутствие у Испании административных способностей в более поздней войне, так же как и в первой, уничтожило любое преимущество, которое можно было получить от ядер и пушек. С другой стороны, это доказывало, что американцам пришлось бы ожидать значительных человеческих жертв в результате климатических условий, если бы они попытались провести враждебные операции на Кубе в летний сезон.

Полная неспособность к прямому, упорному сражению, которую и Наполеон, и герцог Веллингтон обнаружили в испанской армии во время войны на Пиренейском полуострове, была столь же очевидна пятьдесят лет назад, когда американцы взяли Гавану, и может быть справедливо доказано, что она навсегда присуща национальному характеру; ибо, хотя летописи Испании полны примеров первоклассного индивидуального мужества, деморализация наступает, как только они объединяются в большом количестве перед лицом цивилизованного

врага. Их главным маневром на протяжении полутора столетий было просто-напросто бегство. Победоносный Веллингтон, видя, как его испанские союзники бегут из всех сил сразу после того, как он разгромил французскую линию противника в последней битве кампании на полуострове, был тронут замечанием, что в своей жизни он видел много любопытного, но никогда раньше 20 000 человек не участвовали в пешем забеге.

Однако бой, устроенный испанцами в Гаване во время нападения британских и колониальных войск в 1762 году, является единственным примечательным примером длительной борьбы между мужчинами, говорящими по-английски, и мужчинами, говорящими по-испански. Можно напрасно искать в истории, как в старом, так и в новом свете, столь же умелую в полководческом отношении оборону или столь же упорное сопротивление, какое оказали испанцы при осаде Гаваны. Во всех других случаях, от кампаний Елизаветинской эпохи в Голландии до войны с Мексикой, мужчины, получившие образование в испанской военной школе, довольствовались тем, что тратили свою энергию на одну атаку, а затем бежали, иногда даже когда перевес был в их пользу.

Английская армада вышла из Портсмута 5 марта 1762 года под командованием доблестного адмирала Покока и лорда Албемарла в составе семи дивизий. Она состояла из девятнадцати линейных кораблей, восемнадцати фрегатов или более мелких военных кораблей и 150 транспортов, на борту которых находилось около 10 000 солдат, почти вся пехота. На острове Хайти, который тогда назывался Эспаньола, к британцам присоединилась успешная экспедиция с Мартиники. Вместе они сели перед Гаваной 6 июля 1762 года.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГНИЛЬ ИСПАНИИ.

Испания, страдающая, как и сегодня, от интеллектуальной гнили, уже несколько недель знала о предполагаемой осаде. Тогда, как и сейчас, ничего адекватного для этого сделано не было. Губернатор Гаваны, маркиз де Гонсалес, был доблестным солдатом, что ему и предстояло доказать; но та унция профилактики, которая, как говорится, стоит больше фунта лечения, не была им предпринята, и британцы обнаружили укрепления в частично разрушенном состоянии, а четырнадцать линейных кораблей, стоявших в гавани перед городом, в таком состоянии, что их едва ли можно было назвать боеспособными. Испанская армия обороны насчитывала 27 000 человек и находилась в лучшем состоянии; но испанские моряки были совершенно деморализованы предоставлением слишком большой свободы действий на берегу, и лучшее применение, которое испанцы могли использовать своим боевым кораблям, - это потопить их у входа в якорную стоянку, чтобы предотвратить вход британского флота. Однако, как только враг оказался перед городом, все пришло в движение. Укрепления, которые были возведены слишком недавно, чтобы их можно было отремонтировать, были приведены в порядок, орудия замка Морро и форта, известного как Пунтал, напротив него, были направлены по наступающему врагу, и испанские корабли были потоплены, как уже было сказано.

Те, кто знаком с историей английских административных методов в этот период, не найдут особого выбора между ними и методами Испании. Когда прибыли англичане, уже наступило самое неблагоприятное для обитателей умеренного климата время года со всей его чередой эпидемий. Несмотря на то, что изо дня в день в тропиках шли сильные дожди, запасов воды было совершенно недостаточно, а то немногое, что можно было достать, было настолько загрязнено, что делало ее использование опасным. Не было лоцмана, который знал бы рейд, чтобы вести корабли против Морро и Пунтала в течение многих дней. Прокладывая параллели и

подходы к стенам города со стороны суши, солдаты обнаружили такую нехватку земли, так как слой камней был тончайшим, что этот необходимый материал для прикрытия атаки приходилось доставлять издалека. Тогда он тоже был заражен микробами болезни, и все, кто имел с ним дело, чрезвычайно страдали. Несмотря на все предосторожности офицеров, санитарное состояние лагеря было ужасным, и солдаты умирали как собаки.

ЯНКИ На КУБЕ.

Тем временем в Северной Америке находились крупные силы британских регулярных войск, дислоцировавшихся там с момента падения французской империи в Новом свете в 1760 году. Четыре тысячи таких солдат были собраны в Нью-Йорке. К ним колонии Восточный и Западный Джерси добавили полк численностью 500 человек, Нью-Йорк - еще один полк численностью 800 человек, в то время как Лайман собрал целую тысячу в Коннектикуте. Когда они тоже были собраны в Нью-Йорке, Лайман был произведен в бригадные генералы колониальных войск, а его подполковник Израэль Патнэм был произведен в полковники коннектикутских солдат вместо него. Это был тот самый Патнэм, который в одиночку сражался с волком в его пещере и которому несколько лет спустя предстояло совершить головокружительную поездку, спасаясь от тех самых войск, с которыми он теперь был связан. Все силы из 2300 провинциалов под командованием генерала Лаймана были не просто сборищем необстрелянных ополченцев. Почти все они служили против французов в тех хорошо обученных и активных войсках, которые получили общее название "рейнджеры"; особенно офицеры, к которым Патнэм относился едва ли больше, чем к типу, будучи людьми с большим опытом. Тот факт, что так много людей были готовы добровольно пойти на эту трудную и, как оказалось, отчаянную службу королю, красноречиво говорит о том, что можно было бы сделать с такими людьми, если бы Питт, а не Бьют были в то время во главе английской нации. Сообщения из Гаваны показали, что тамошняя армия остро нуждалась в подкреплении, поэтому с большими усилиями регулярные войска и провинциалов разместили на четырнадцати транспортах и в сопровождении нескольких фрегатов они отплыли на Юг примерно в середине мая. Были обычные крики восхищенного населения и слезы возлюбленных и жен; но легко сказать, что радости не было бы, если бы жители Коннектикута, Джерси и Нью-Йорка могли предвидеть, что едва ли один из каждых пятидесяти их добровольцев снова увидит свой дом.

АМЕРИКАНЦЫ ПОТЕРПЕЛИ КРУШЕНИЕ.

Как раз перед прибытием этих долгожданных подкреплений, 20 июля, несколько английских торговых судов прибыли с грузом мешков хлопка, которые были немедленно использованы для линий, которые теперь смыкались вокруг Гаваны; на кораблях также было обнаружено несколько лоцманов. Затем под всеобщее ликование прибыли войска с Севера, но без Патнэма и 500 его янки. Они находились на транспорте, который слишком близко огибал опасный берег, и потерпели кораблекрушение на одной из коварных отмелей поблизости. Патнэм, обладая поистине новоанглийским запасом ресурсов, импровизировал плоты из обломков судна и доставил всех своих людей на берег без потерь. Они высадились недалеко от города Картахена, воздвигли брустверы и были готовы отразить многотысячный натиск испанцев, когда корабли из Гаваны прибыли им на выручку, а их собственные товарищи мудро продолжили наступление и отправили помощь обратно из штаба.

Американские войска храбро принялись за работу, занимаясь главным образом подрывом одной из стен. Чтобы достичь этого, им было необходимо пройти по узкому возвышению, где

они были на виду и в пределах досягаемости испанцев. Несколько человек погибло в этом опасном предприятии, но их доблесть не была омрачена ни этим, ни еще более тяжелыми потерями, которые постигли их из-за болезней, распространенных во всех частях британского лагеря. Хотя люди были настолько выносливы, что по силе сопротивления должны были сравняться с британцами, их потери были сравнительно намного больше, доказывая, что они занимали позиции, представляющие большую опасность либо от пуль, либо от лихорадки в этом регионе.

ЗАМОК МОРРО ВЗЯТ.

Через пять дней после прибытия подкрепления лорд Албемарл счел себя достаточно сильным, чтобы штурмовать замок Морро, и соответствующее распоряжение было отдано. Затонувшие корабли были взорваны рано утром 25 июля, и британские корабли поплыли под яростный огонь испанских пушек, изрыгавших залпы со всего берега. Большие орудия кораблей не могли быть подняты достаточно высоко, чтобы заглушить огонь из замка Морро, и, соответственно, его пришлось брать штурмом. Пунтал был остановлен, войска высадились, и после пяти дней ожесточенных боев, в которых британские и американские потери были огромными из-за их открытой позиции, и где каждый участник проявил величайшую доблесть, замок Морро был взят штыком. Бои в его стенах после того, как был произведен захват, были чрезвычайно ожесточенными. Маркиз Гонсалес был убит своими собственными трусливыми людьми за отказ сдаться. Пушки с других испанских батарей были направлены на "Морро", как только был спущен испанский флаг и вместо него поднялся британский флаг; и затем медленная и катастрофическая работа по осаде возобновилась.

По мере того, как линии обороны становились все ближе и ближе, и последняя надежда испанцев на помощь была оставлена, была предпринята обычная попытка подкупить атакующую сторону. Хотя в любое время это было бы безнадежным предприятием, сумма, предложенная за выкуп города, была настолько ниже сокровищ, которые, как было известно, находились в городе, что предложение стало предметом насмешек. Через пятнадцать дней после того, как пал замок Морро, хотя смертность в окопах была так велика, что еще через несколько недель, должно быть, пришлось бы отказаться от предприятия, город пал, гарнизон договорился о выходе со всеми военными почестями, которые были им добровольно предоставлены из-за климатических условий, в которых оказался лорд Олбемарль. Было также оговорено, что следует уважать частную собственность. Это строго соблюдалось, хотя Испания неоднократно приводила примеры передачи захваченного города на разграбление, несмотря на противоположное условие.

14 августа 1762 года вступили британцы, слава их победы при таких тяжелых условиях даже тогда была омрачена огромной смертностью. Считалось, что несколько дней августа нанесли войскам вторжения больший урон, чем все предшествовавшие недели тяжелого труда и открытого штурма. В городе — Хаванне, как он тогда назывался, — были найдены сокровища на сумму 7 000 000 долларов, большая часть которых была в таком состоянии, что было достаточно времени вывезти их либо в Испанию, либо в глубь острова, если бы во главе дела стоял кто-то другой, кроме испанцев.

Оккупация британскими и колониальными войсками продолжалась всего несколько месяцев. Лорд Олбемарл, получивший 120 000 долларов призовых в качестве своей личной доли, получил уведомление о заключении Парижского мирного договора и вывел свою армию в

Великобританию. Одного корабля было достаточно, чтобы вывезти разбитые остатки солдат из Коннектикута, Джерси и Нью-Йорка. Две тысячи триста человек отплыли; вернулось едва пятьдесят. Это была часть удачи Америки — точнее, всей удачи, — которая благополучно вернула полковника Израэля Патнэма домой, хотя паралич, сокративший его труды вскоре после Провозглашения независимости, несомненно, был вызван воздействием вертикального солнца Кубы и ядовитых веществ ее чумного побережья.

В руках Георга III, тогдашнего короля Англии, все эти страдания и лишения были практически ничем. В душе он был трусом, человеком, который не мог даже воспользоваться такими с трудом одержанными победами. Парижский мир был подписан, и по его условиям Георг снова уступил Кубу и Филиппины державе, которая никогда не переставала злоупотреблять полученными таким образом преимуществами.

В 1807 году в Гаване утвердилось мнение, что английское правительство снова рассматривает возможность высадки на остров; и были приняты меры, чтобы привести его в более достойное состояние обороны, хотя из-за нехватки средств в казне и нехватки необходимых припасов перспектива вторжения была достаточно мрачной. Ополчение и войска гарнизона были тщательно обучены, и роты добровольцев формировались везде, где можно было найти материалы для них. Французы также, не удовлетворившись простыми приготовлениями, действительно высадились на острове, сначала угрожая Сантьяго, а затем высадившись в Батабано.

Захватчики состояли в основном из беженцев с Сан-Доминго; и их намерением, по-видимому, было завладеть с целью колонизации и обработки части непризнанной или, по крайней мере, незанятой территории на южной стороне острова, как это ранее делали их соотечественники на Сан-Доминго. Не прибегая к реальной силе, капитан-генерал убедил их уехать, предложив транспорт либо до Сан-Доминго, либо во Францию.

ГЛАВА V.

КОММЕРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУБЫ.

Усилия первых губернаторов по поощрению торговли—Выращивание сахара — одна из первых отраслей промышленности—Указ, определяющий полномочия генерал—капитана—Попытка аннексии Соединенных Штатов—Манифест Остенде—Его замечательные предсказания в свете более поздних событий—Экспорт и импорт между Кубой и Испанией—Будущее коммерческой Кубы.

Торговля Кубы росла, несмотря на ограничения, которые были на нее наложены, а не из-за какого-либо поощрения, которое ей оказывалось. Колумб назвал Кубу самой прекрасной землей, которую когда-либо видели глаза. Его ресурсы, дарованные щедрой природой, позволили ему восстанавливаться после разрушительных войн со скоростью, просто удивительной для тех, кто привык только к климату и почве умеренного пояса. Испанское угнетение с самого начала препятствовало развитию огромной промышленности Кубы, и тот факт, что она процветала в таких неблагоприятных условиях, является ярким свидетельством

того, чего можно ожидать при политике поощрения и свободы. Сахар, табак и другие тропические продукты ежегодно приносили Кубе состояния только для того, чтобы испанские чиновники крали их и отправляли туда грабить все, что попадалось им под руку. При гарантированном мире возможности для расширения промышленности на "Жемчужине Антильских островов" будут огромными.

Коммерческое развитие Кубы проходило через столетия беспорядков, войн и угнетения. Простой перечень всех зол, с которыми кубинцам приходилось бороться, занял бы целый том. Все, что здесь можно сделать, - это кратко указать на некоторые из наиболее заметных событий в истории острова после британских завоеваний и передачи приза испанским властям после восстановления мира. Ближе к концу прошлого столетия наступил период, который дал больше надежды на постоянное процветание на Кубе, чем предлагалось ранее. Правда, назначавшиеся последовательно губернаторы отличались по характеру, но некоторые из них были либерально настроенными, общественными деятелями, которые управляли колонией гораздо лучше, чем она привыкла. Одним из них был Луис де Лас Касас, который придал новый импульс сельскому хозяйству и торговле острова. Именно под его руководством торговля с Соединенными Штатами начала приобретать важное значение, и его усилиям был обязан перенос останков Колумба из Санто-Доминго в их нынешнее место упокоения в кафедральном соборе Гаваны. Он поощрял литературу, науку, изобразительное искусство и строительство различных общественных благотворительных и образовательных учреждений. Он был основателем первой публичной библиотеки и первой газеты, существовавшей на острове. Он продемонстрировал свои способности руководителя, сдерживая беспокойное население в условиях волнения, сопровождавшего революцию в соседней колонии Санто-Доминго, которая закончилась потерей этого острова Испанией.

Одна из самых ранних причин неприязни между островитянами Кубы и народом Испании возникла как раз в конце правления Лас Касаса в 1796 году. За семьдесят лет, предшествовавших тому времени, в Гаванском заливе выросла огромная военно-морская верфь, и там было построено 114 военных кораблей для конвоирования испанских кораблей с сокровищами. Внезапно это процветающее предприятие было закрыто по требованию испанских кораблестроителей о том, что работы должны выполняться в метрополии. Как и следовало ожидать, это вызвало большое возмущение среди большого числа людей в Гаване, которые зависели от этой отрасли.

Примерно в то же время, или всего за сто лет до начала нашей войны с Испанией, сахар стал важным предметом общей торговли. Однако даже тогда это не было предметом массового потребления и продавалось по непомерно высоким ценам, если судить по нынешней дешевизне изделия. Рыночные отчеты того времени показывают, что цена составляла приблизительно сорок центов за фунт, и это в то время, когда покупательная способность денег была по меньшей мере вдвое выше, чем сейчас. По мере того как цена падала, продукт и потребление увеличивались, и до последних лет это было огромным источником дохода для острова Куба. Когда Наполеон Бонапарт похитил королевскую семью Испании и сверг династию Бурбонов в 1808 году, каждый член провинциального совета Кубы дал клятву сохранить остров для своего законного суверена. Колониальное правительство немедленно объявило войну Наполеону и провозгласило Фердинанда VII. королем. Именно этим поступком колония заслужила свое название "вечно верный остров", что было превосходной фразой в качестве комплимента, но вряд ли оправдывалось реальными фактами. В течение нескольких лет после

этого события дела на острове находились в плачевном состоянии из-за хода наполеоновских войн в Европе, которые нарушали всю торговлю, а Испания находилась в постоянном беспорядке. Если бы не удачные выборы одного или двух губернаторов, все могло быть еще хуже, чем было на самом деле, и считалось, что Куба наслаждается таким же миром и процветанием, как ее соседние колонии и метрополии Европы. В 1812 году вспыхнул негритянский заговор, имевший значительный успех, и в результате этого испанские губернаторы стали проявлять все более суровую политику в своей администрации.

Под влиянием духа свободы, который распространялся повсюду вокруг них, кубинцы становились все более и более беспокойными. Революционные движения в Испанской Америке начались в 1810 году, и после четырнадцати лет партизанской войны европейское могущество в Западном полушарии исчезло от северной границы Соединенных Штатов до мыса Горн, за исключением колоний Британского Гондураса и Гвианских островов, а также нескольких островов Вест-Индии. В 1821 году Санто-Доминго стал независимым, и в том же году Флорида перешла во владение Соединенных Штатов. На Кубе начали возникать тайные общества, мотивом которых была революция, и население разделилось на четко определенные фракции. Действительно, в 1823 году одно из этих обществ, известное как "Солес Де Боливар", предприняло попытку открытого восстания, но она была предотвращена до того, как разразилась настоящая вспышка, и те ее лидеры, которые не смогли бежать с Кубы, были арестованы и наказаны. Именно в результате этих последовательных событий была создана должность генерал-капитана, наделенная всеми полномочиями восточного деспотизма. Функции генерал-капитана были определены королевским указом от 28 мая 1825 года следующего содержания:

Его Величество король, наш Повелитель, желая устранить неудобства, которые могут возникнуть в чрезвычайных случаях в результате разделения командования, а также вмешательства и прерогатив соответствующих должностных лиц; для достижения важной цели сохранения на этом драгоценном острове своей законной суверенной власти и общественного спокойствия надлежащими средствами, решил в соответствии с мнением своего совета министров предоставить вашему Превосходительству самые полные полномочия, наделив вас всеми полномочиями, которые королевскими указами предоставлены губернаторам осажденных городов. Вследствие этого его Величество наделяет ваше Превосходительство самыми широкими и неограниченными полномочиями не только высылать с острова любых должностных лиц, независимо от их рода занятий, ранга, сословия или состояния, пребывание которых на острове ваше Превосходительство может счесть вредным, или чье поведение, публичное или частное, может вас встревожить, заменяя их лицами, верными его Величеству и заслуживающими полного доверия вашего Превосходительства; но также приостанавливать исполнение любого приказа или любого общего положения, принятого в отношении любой ветви администрации, которую ваше Превосходительство сочтет наиболее подходящей для Королевской службы.

С тех пор этот указ стал, по существу, высшим законом Кубы и никогда радикально не изменялся никакими уступками, за исключением тех, которые были даны в качестве последней и затяжной попытки сохранить суверенитет Испании, когда после трехлетнего хода революции она поняла, что ее колония ускользнула из-под ее власти. Цитируемый указ сам по себе является достаточным оправданием кубинской революции во имя свободы.

ПОПЫТКА АННЕКСИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

В течение нынешнего столетия был предпринят ряд попыток со стороны людей, видных в общественной жизни, как в Соединенных Штатах, так и на Кубе, организовать мирную аннексию путем покупки этой страной острова у Испании. Государственные деятели обеих стран придерживались мнения, что такое урегулирование проблемы было бы взаимовыгодным, и использовали все дипломатические усилия для достижения этой цели.

Во время президентства Томаса Джефферсона, в то время как Испания прогибалась под игом Франции, от которого тогда не было никаких перспектив освободиться, народ Кубы, чувствуя себя некомпетентным в том, чтобы сохранить свою независимость, направил депутацию в Вашингтон с предложением присоединения острова к федеральной системе Северной Америки.

В 1854 году президент Пирс поручил У. М. Л. Марси, своему государственному секретарю, организовать конференцию министров Соединенных Штатов в Англии, Франции и Испании с целью приобретения Кубы.

Конференция собралась в Остенде 9 октября 1854 года и переехала в Экс-ла-Шапель, где были подготовлены записки. Г-н Суле, в то время наш посланник в Испании, сказал в письме г-ну Марси, препровождая совместный доклад: "Вопрос о приобретении нами Кубы набирает обороты по мере того, как он становится все более серьезно взволнованным и обдуманым. Сейчас для нас настало время покончить с этим, и если это принесет нам бедствие войны, пусть это произойдет сейчас, пока великие державы этого континента вовлечены в эту колоссальную борьбу, которая не может не задействовать все их силы и не отнимет всю их энергию, пока она длится, и может, прежде чем она закончится, потрясти их всех. Ни Англия, ни Франция, вероятно, не стали бы нам мешать. Англия не смогла бы вынести внезапного вытеснения с нашего рынка и паралича своей промышленности даже из-за временного прекращения ее сношений с нами. И у Франции, на плечах которой сейчас лежит тяжелая задача, и когда она так страстно стремится занять свое место в качестве признанного главы европейской семьи, не было бы никакого стимула брать на себя бремя еще одной войны".

Результаты этой конференции настолько интересны в применении к нынешним условиям, что их воспроизведение необходимо для того, чтобы сделать понятной всю историю Кубы, и мы приводим их здесь:

МАНИФЕСТ ОСТЕНДЕ.

Сэр (Перевод с английского): Нижеподписавшийся, в соответствии с пожеланием, выраженным президентом в нескольких конфиденциальных депешах, которые Вы направили нам соответственно с этой целью, мы собрались на конференцию, сначала в Остенде, в Бельгии, 9, 10 и 11 числа, а затем в Экс-ла-Шапель, в Пруссии, в следующие дни, вплоть до указанной здесь даты.

Между нами произошел полный и безоговорочный обмен мнениями и чувствами, результатом которого, как мы очень рады сообщить вам, стало сердечное совпадение мнений по серьезным и важным вопросам, представленным на наше рассмотрение.

Мы пришли к выводу и полностью убеждены, что правительству Соединенных Штатов следует предпринять немедленные и серьезные усилия для покупки Кубы у Испании по любой цене, за которую ее можно получить, но не более суммы в \$...

Предложение, по нашему мнению, должно быть сделано таким образом, чтобы оно было представлено посредством необходимых дипломатических форм Верховным Учредительным кортесам, которые вот-вот соберутся. По этому важному вопросу, в котором так глубоко заинтересованы народы как Испании, так и Соединенных Штатов, все наши действия должны быть открытыми, откровенными и публичными. Они должны носить такой характер, чтобы бросать вызов мировому одобрению.

Мы твердо верим, что в ходе человеческих событий настало время, когда жизненно важные интересы Испании будут столь же серьезно затронуты продажей острова, как и интересы Соединенных Штатов - покупкой, и что сделка окажется одинаково почетной для обеих наций.

При таких обстоятельствах мы не можем ожидать неудачи, разве что из-за пагубного влияния иностранных держав, которые не имеют никакого права вмешиваться в это дело.

Мы переходим к изложению некоторых причин, которые привели нас к такому выводу, и для ясности обозначим их под двумя разными заголовками:

1. Соединенным Штатам следует, если это практически возможно, приобрести Кубу с возможно меньшим опозданием.
2. Велика вероятность того, что правительство и кортесы Испании окажутся готовы продать его, потому что это, по сути, способствовало бы высшим интересам испанского народа.

Тогда, 1. Каждому размышляющему уму должно быть ясно, что из особенностей его географического положения и сопутствующих ему соображений. Куба так же необходима Североамериканской республике, как и любой из ее нынешних членов, и что она естественным образом принадлежит к той великой семье государств, провиденциальными питомниками которой является Союз.

Из своего местоположения он контролирует устье Миссисипи и огромную и ежегодно увеличивающуюся торговлю, которая должна искать этот путь к океану.

Что касается многочисленных судоходных рек общей протяженностью около тридцати тысяч миль, которые впадают через эту великолепную реку в Мексиканский залив, то прирост населения за последние десять лет превышает прирост населения всего Союза на момент присоединения к нему Луизианы.

Естественный и основной канал сбыта продукции всего этого населения, магистраль их прямых сношений с Атлантическими и тихоокеанскими государствами, никогда не может быть безопасным, но всегда должен подвергаться опасности, пока Куба находится в зависимости от далекой державы, во владении которой она оказалась источником постоянного раздражения и ущемления их интересов.

Действительно, Союз никогда не сможет ни наслаждаться покоем, ни обладать надежной безопасностью, пока Куба не будет охвачена его границами.

Его немедленное приобретение нашим правительством имеет первостепенное значение, и мы не можем не сомневаться, что это завершение, которого искренне желают его жители.

Общение, которое порождает и поощряет близость к нашему побережью между ними и гражданами Соединенных Штатов, с течением времени настолько объединило их интересы и объединило их судьбы, что теперь они смотрят друг на друга так, как если бы они были одним народом и имели только одну судьбу.

Существуют соображения, которые делают задержку с приобретением этого острова чрезвычайно опасной для Соединенных Штатов.

Недавно организованная в его пределах система иммиграции и труда, а также тирания и угнетение, характерные для его непосредственных правителей, в каждый момент угрожают восстанием, которое может привести к ужасным последствиям для американского народа.

Таким образом, Куба стала для нас непрекращающейся угрозой и постоянной причиной беспокойства.

Но нам нет необходимости распространяться на эти темы. Едва ли можно предположить, что иностранные державы в нарушение международного права воспользуются своим влиянием на Испанию, чтобы воспрепятствовать нашему приобретению острова. Его жители сейчас страдают от наихудшего из всех возможных правительств, абсолютного деспотизма, делегированного далекой властью безответственным агентам, которые меняются через короткие промежутки времени и которые испытывают искушение использовать предоставленную таким образом краткую возможность сколотить состояние самыми низменными средствами.

Пока эта система будет существовать, человечество может тщетно требовать пресечения африканской работорговли на острове. Это становится невозможным, пока эта печально известная торговля людьми остается непреодолимым искушением и источником огромной прибыли для нуждающихся и алчных чиновников, которые для достижения своих целей не стесняются попирают ногами самые священные принципы.

Испанское правительство у себя дома может быть настроено благожелательно, но опыт показал, что оно не может контролировать этих удаленных хранителей своей власти.

Кроме того, коммерческие нации мира не могут не понимать и не ценить огромные выгоды, которые принесут их народам разрыв вынужденных и неестественных связей между Испанией и Кубой и присоединение последней к Соединенным Штатам. Торговля Англии и Франции с Кубой в этом случае сразу приобрела бы важный и прибыльный характер и быстро расширилась бы по мере увеличения населения и процветания острова.

2. Но если бы Соединенные Штаты и каждая торговая нация выиграли от этой передачи, интересы Испании также были бы значительно и существенно продвинуты.

Она не может не понимать, что такая сумма денег, которую мы готовы заплатить за остров, повлияет на освоение ее огромных природных ресурсов.

Две трети этой суммы, если бы они были использованы на строительство системы железных дорог, в конечном итоге оказались бы источником большего богатства для испанского народа,

чем тот, который открылся их видению Кортесом. Их процветание началось бы с ратификации договора об уступке.

Франция уже построила непрерывные линии железных дорог от Гавра, Марселя, Валансьена и Страсбурга через Париж до испанской границы и с нетерпением ожидает того дня, когда Испания окажется в состоянии протянуть эти дороги через свои северные провинции к Мадриду, Севилье, Кадису, Малаге и границам Португалии.

После достижения этой цели Испания стала бы центром притяжения для путешествующего мира и обеспечила бы постоянный и прибыльный рынок сбыта для своих различных постановок. Ее поля, благодаря стимулированию промышленности за счет повышения цен, изобиловали бы зерновыми культурами, а ее виноградники производили бы значительно большее количество отборных вин. Испания быстро стала бы такой, какой ей было предназначено щедрым Провидением, одной из первых наций континентальной Европы — богатой, могущественной и довольной.

Хотя двух третей стоимости острова было бы достаточно для завершения наиболее важных общественных работ, на оставшиеся сорок миллионов она могла бы удовлетворить требования, которые сейчас так сильно давят на ее кредит, и создать резервный фонд, который постепенно освободил бы ее от огромного долга, парализующего ее энергию.

Ее нынешнее плачевное финансовое положение таково, что ее лучшие облигации продаются на ее собственной бирже примерно за треть их номинальной стоимости; в то время как другие облигации, по которым она не платит процентов, имеют лишь номинальную стоимость и котируются примерно в одну шестую от суммы, на которую они были выпущены. Кроме того, эти последние принадлежат главным образом британским кредиторам, которые могут со дня на день добиться эффективного вмешательства своего собственного правительства с целью принудительного платежа. Намеки на этот счет уже раздавались из высших кругов, и если какие-то новые источники доходов не позволят Испании удовлетворить такие потребности, не исключено, что они могут быть реализованы.

Если Испания откажется от нынешней прекрасной возможности развивать свои ресурсы и избавиться от финансовых затруднений, она может больше никогда не вернуться.

Куба в свои лучшие дни никогда не приносила своей казне, за вычетом расходов своего правительства, чистого годового дохода в размере более полутора миллионов долларов. Эти расходы возросли до такой степени, что образовался дефицит, возлагаемый на казначейство Испании, в размере шестисот тысяч долларов.

Таким образом, с финансовой точки зрения остров является обузой, а не источником прибыли для метрополии.

Ни при каких вероятных обстоятельствах Куба никогда не сможет уступить Испании ни одного процента от той крупной суммы, которую Соединенные Штаты готовы заплатить за ее приобретение. Но Испании грозит неминуемая опасность потерять Кубу без вознаграждения.

Крайнее угнетение, как теперь повсеместно признано, оправдывает попытки любого народа освободиться от ига своих угнетателей. Страдания, которые коррумпированная, произвольная и безжалостная местная администрация неизбежно влечет за собой для жителей Кубы, не могут

не стимулировать и поддерживать живым тот дух сопротивления и революции против Испании, который в последние годы так часто проявлялся. При таком положении дел напрасно ожидать, что симпатии народа Соединенных Штатов не будут горячо заручены поддержкой их угнетенных соседей.

Мы знаем, что президент справедливо непреклонен в своей решимости выполнять законы о нейтралитете; но если сами кубинцы поднимут восстание против угнетения, которому они подвергаются, никакая человеческая сила не сможет помешать гражданам Соединенных Штатов и либерально настроенным людям других стран поспешить им на помощь. Кроме того, настоящее - это эпоха приключений, в которой неугомонные и отважные души изобилуют во всех уголках мира.

Поэтому не исключено, что Куба может быть отторгнута у Испании в результате успешной революции; и в этом случае она потеряет и остров, и цену, которую мы сейчас готовы заплатить за него — цену, намного превышающую ту, которую когда-либо платил один народ другому за какую-либо провинцию.

Можно также отметить, что урегулирование этого щекотливого вопроса путем передачи Кубы Соединенным Штатам навсегда предотвратило бы опасные осложнения между странами, к которым это могло бы привести в противном случае.

Несомненно, что, если сами кубинцы организуют восстание против правительства Испании и если другие независимые страны придут на помощь Испании в этом противостоянии, никакая человеческая сила, по нашему мнению, не сможет помешать народу и правительству Соединенных Штатов принять участие в такой гражданской войне в поддержку своих соседей и друзей.

Но если Испания, равнодушная к голосу своих собственных интересов и движимая упрямой гордостью и ложным чувством чести, откажется продать Кубу Соединенным Штатам, тогда возникнет вопрос, каким должен быть курс американского правительства в таких обстоятельствах?

Самосохранение является первым законом природы как для государств, так и для отдельных людей. Все нации в разные периоды руководствовались этим принципом. Хотя это служило предлогом для совершения вопиющей несправедливости, как при разделе Польши и других подобных случаях, зафиксированных историей, все же сам принцип, хотя им часто злоупотребляли, всегда признавался.

Соединенные Штаты никогда не приобретали ни фута территории иначе, как путем честной покупки или, как в случае с Техасом, по свободному и добровольному заявлению народа этого независимого государства, который пожелал соединить свою судьбу с нашей.

Даже наши приобретения в Мексике не являются исключением из этого правила, потому что, хотя мы могли бы претендовать на них по праву завоевания справедливым способом, все же мы приобрели их за то, что тогда обе стороны считали полным эквивалентом.

Наша прошлая история запрещает нам приобретать остров Куба без согласия Испании, если только это не оправдано великим законом самосохранения. Мы должны, в любом случае, сохранять нашу собственную сознательную правоту и самоуважение.

Следуя этим курсом, мы можем позволить себе не обращать внимания на порицания мира, которым мы так часто и так несправедливо подвергались.

После того, как мы предложим Испании справедливую цену за Кубу, намного превышающую ее нынешнюю стоимость, и в этом будет отказано, тогда настанет время рассмотреть вопрос, представляет ли Куба, находящаяся во владении Испании, серьезную угрозу нашему внутреннему миру и существованию нашего желанного Союза?

Если на этот вопрос будет дан утвердительный ответ, то по всем законам, человеческим и божественным, мы будем вправе отвоевать его у Испании, если у нас хватит сил; и это на основании того же принципа, который оправдал бы человека при сносе горящего дома своего соседа, если бы не было других средств предотвратить уничтожение пламенем его собственного дома.

При таких обстоятельствах нам не следует ни подсчитывать цену, ни принимать во внимание шансы, которые Испания может выставить против нас. Мы воздерживаемся вдаваться в вопрос, оправдывает ли нынешнее состояние острова такую меру. Однако мы должны пренебречь своим долгом, оказаться недостойными наших доблестных предков и совершить подлую измену нашим потомкам, если позволим Кубе подвергнуться африканизации и стать вторым Сан-Доминго со всеми сопутствующими ужасами для белой расы и позволим пламени перекинуться на наши соседние берега, серьезно угрожая или фактически уничтожая прекрасную ткань нашего Союза.

Мы опасаемся, что ход и течение событий быстро склоняются к такой катастрофе. Мы, однако, надеемся на лучшее, хотя, безусловно, должны быть готовы к худшему.

Мы также воздерживаемся от расследования нынешнего состояния спорных вопросов между Соединенными Штатами и Испанией. Испанские официальные лица нанесли на Кубе длинный ряд телесных повреждений нашему народу, и они до сих пор не устранены. Но недавно в гавани Гаваны было совершено самое вопиющее попрание прав американских граждан и флага Соединенных Штатов при обстоятельствах, которые без немедленного устранения могли бы оправдать применение военных мер в защиту национальной чести. Это возмущение не только не оправдано, но и испанское правительство намеренно санкционировало действия своих подчиненных и взяло на себя ответственность, возложенную на них.

Ничто не могло бы более убедительно научить нас той опасности, которой постоянно подвергаются те мирные отношения, которые Соединенные Штаты всегда поддерживали с иностранными государствами, чем обстоятельства этого дела. Находясь в таком положении, в каком находятся Испания и Соединенные Штаты, последние воздержались от применения крайних мер.

Но этот курс не может продолжаться, учитывая их собственное достоинство как независимой нации; и наши рекомендации, представленные сейчас, продиктованы твердой верой в то, что передача Кубы Соединенным Штатам на условиях, столь же выгодных для Испании, как предложенные, является единственным эффективным способом урегулирования всех прошлых разногласий и защиты двух стран от будущих столкновений.

Мы уже были свидетелями счастливых результатов для обеих стран, которые придерживались аналогичной договоренности в отношении Флориды.

С глубоким уважением,

ДЖЕЙМС БЬЮКЕНЕН. Дж. Й. МЕЙСОН. ПЬЕР СУЛЬ.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ У. М. Л. МЕЙСИ, государственный секретарь.

К сожалению для Кубы, предложения, выдвинутые этой комиссией, не были приняты во внимание, хотя маловероятно, что Испания, всегда слепая к своим собственным интересам, признала бы справедливость или обоснованность аргументации, если бы ей было сделано предложение о покупке.

ЭКСПОРТ И ИМПОРТ.

Таблица, показывающая объем торговли между Кубой и Испанией в течение 1894 года (последний достоверный отчет), поучительна:

Импорт на Кубу из Испании \$ 7492,622

Экспорт с Кубы в Испанию \$23,412,376

Разница в пользу экспорта \$15,919,754

БУДУЩЕЕ КОММЕРЧЕСКОЙ КУБЫ.

При более благоприятных условиях не может быть никаких сомнений в том, что Куба быстро достигнет гораздо более высокого уровня коммерческого значения и процветания, чем это было до сих пор. Какой бы высокой ни была его продуктивность в прошлом, хорошо информированные авторы утверждают, что надлежащее освоение его ресурсов увеличит стоимость в пять раз, а либеральная система правления позволит ему воспользоваться своим замечательным положением, чтобы добиться большей известности в коммерческом мире.

ГЛАВА VI.

КРАСОТЫ ТРОПИЧЕСКОГО ОСТРОВА.

Восхитительный климат—Грандиозные живописные сюрпризы—Пещеры Белламара—Долина Юмури—Под Куполом Природы—Великолепные закаты—Пальмовые рощи—Дом Фруктов и цветов—Зодиакальный Свет.

Когда маленькому острову Куба, "Жемчужине Антильских островов", было отведено определенное место на земном шаре, природа, должно быть, пребывала в самом великодушном настроении. Конечно, ни на одной земле под небесами не было более совершенного сочетания гор и рек, лесов и равнин. Расположенный внутри и недалеко от границы северной тропической зоны, низменный берег имеет температуру жаркого климата, но высокогорная внутренняя часть острова отличается восхитительным климатом, а покрытые зеленью холмы с изящными пальмами и деревьями какао, четко выделяющимися на фоне чистого голубого неба, видны в любое время года.

Как и в других странах на границах тропиков, год делится на жаркий и влажный сезон, соответствующий северному склонению солнца, и прохладный и сухой период. Месяцы с начала мая по октябрь называются сезоном дождей, хотя некоторое количество дождей выпадает в каждом месяце года.

С мая на острове начинается весна, дожди и гроза случаются почти ежедневно, а температура повышается очень высоко с небольшими суточными колебаниями. Период с ноября по апрель, напротив, называется сухим сезоном.

В среднем за семь лет количество осадков в Гаване в сезон дождей составляло 27,8 дюйма, в засушливые месяцы - 12,7, или 40,5 дюйма за год.

Июль и август - самые теплые месяцы, и в этот период средняя температура в Гаване составляет 82 по Фаренгейту, колеблясь между максимумом 88 и минимумом 76. В более прохладные месяцы декабря и января столбик термометра показывает в среднем 72, максимум - 78, минимум - 58. Средняя годовая температура в Гаване в среднем за семь лет составляет 77.

Но во внутренних районах, на высоте более 300 футов над уровнем моря, зимой столбик термометра иногда опускается до точки замерзания. Нередки заморозки, а при северных ветрах может образоваться тонкий лед, хотя снега нет ни в одной части острова.

Преобладающим ветром является восточный пассат, но с ноября по февраль в западной части острова дуют прохладные северные ветры, редко длящиеся более сорока восьми часов, к которым они добавляют третье сезонное изменение. Ураганы могут происходить с августа по октябрь, но они редки, и иногда без такого шторма проходит пять-шесть лет.

ГРАНДИОЗНЫЕ СЦЕНИЧЕСКИЕ СЮРПРИЗЫ.

Многие "путешественники по миру", которые никогда не включали этот маленький уголок мира в свой маршрут, не ценят тот факт, что нигде под солнцем нельзя найти более совершенного климата, более величественных горных пейзажей, более очаровательных долин, более живописных руин и плодородных полей, чем Куба, открывающаяся их взору.

В другой части этой работы вы найдете описания городов Кубы, и здесь не лишним будет кратко упомянуть о некоторых красотах страны.

В долине Юмури находится один из самых величественных пейзажей в известном мире, который по величественности соперничает со знаменитым видом на горы Лукаут и Йосемити в горах Сьерра-Невада. Путешествие ведет по извилистой тропе, по которой легко передвигаются местные лошади, вверх по крутому холму, пока, после непрерывного подъема в течение полутора часов, дорога не огибает край поросшего травой обрыва, и вдали не расстилается прекрасная долина с ее зелеными и золотыми пятнами. Маленькая река Юмури петляет по своим усыпанным цветами берегам, пока не впадает в залив за ними, в то время как вдалеке возвышаются могучие горы, покрытые вечнозелеными покровами, а над ними - пушистые облака и лазурно-голубое небо.

В этих окрестностях любителям достопримечательностей предоставляется возможность посетить сахарную фабрику и получить представление о процессе производства сахара, хотя и в очень небольших масштабах, а также насладиться получасовым изучением местных жителей и их домашней жизни.

Путешественник, описывая это место, говорит:

"Наше интервью с маленьким черным "ниносом" было в высшей степени забавным. Войдя во двор негритянских кварталов, дюжина маленьких черных бесенят всех возрастов, полов и размеров, совершенно голых, бросились к нам и, скрестив руки на груди, упали перед нами на колени и забормотали что-то, из чего можно было различить: "Господин, господин, дай нам твое благословение", что мы истолковали как означающее "олово"; после чего мы разбросали среди них разные "лекарства"! Эй! presto! какая перемена! Маленькие черные дьяволы падали друг на друга, дрались, дергались и карабкались, чтобы заполучить приз, в то время как любой, кому посчастливилось заполучить монетку, маршировал прочь в состоянии исполненного достоинства восторга, его раздутый маленький животик тащился перед ним, как маленький пивной бочонок, в то время как его владелец продолжал выкрикивать: "Медио, йо тенго медио" (пять центов, у меня есть пять центов) ".

ПЕЩЕРЫ БЕЛЛАМАРА.

Одна из самых интересных поездок, которую можно совершить, - это посещение "Пещер Белламара", которые находятся примерно в двух с половиной милях к юго-востоку от города Матансас.

Путешествие ведет путешественника по извилистой и неровной дороге на вершину холма, где находится "Пещерный дом" - большое каркасное сооружение, построенное над входом и содержащее, среди других интересных объектов, большую коллекцию красивых кристаллических образований, найденных в пещере.

Здесь турист вносит свое имя в реестр посетителей, платит свой доллар и следует за мальчиком-гидом вниз по лестнице в пещеру. Примерно в ста пятидесяти футах от входа пересекают небольшой мост и достигают "Готического храма". Единственный свет исходит от нескольких разбросанных фонарей и, следовательно, очень тусклый, но можно увидеть миллионы кристаллов, тысячи причудливых форм и понять, что это необычайно красиво. Храм имеет около двухсот футов в длину и семидесяти футов в ширину, и хотя он не равен по размерам или торжественному величию одноименному храму в Мамонтовой пещере в Кентукки, он значительно превосходит его богатством и великолепием своих кристаллических образований и прекрасными эффектами.

Зритель, обладающий сильно развитым воображением, не может не почувствовать себя в сказочной стране. Из мрачных углов выходят гномы и демоны, а в хрустальных тенях он видит духов и прелестных фей, веселящихся под мечтательные напевы, на невидимых струнах которых играют руки духов.

Одним из самых красивых объектов в пещере является "Снежный фонтан", название, данное одному из огромных столбов, который местные жители называют "Плащом Девы". Другие известны как "Мантия Колумба", "Алтарь" и "Дух-хранитель".

"Кто не видел пещер Белламара, тот не видел Кубу".

ПОД КУПОЛОМ ПРИРОДЫ.

Одно из самых ярких описательных произведений, повествующих о красоте кубинского неба, принадлежит перу Джеймса М. Филиппо:

"Упоминалось великолепие раннего рассвета на Кубе, как и на тропических островах в ее окрестностях. Все небо часто настолько великолепно, что трудно определить, где появится дневное светило. Часто можно увидеть небольшие ворсистые облака, плывущие по северному ветру, и когда они парят над горами и встречаются с лучами солнца, то превращаются в жидкое золото и сотни невероятно красивых красок, более великолепных, чем оттенки радуги. В прохладные месяцы утра восхитительны примерно до десяти часов, воздух вскоре после рассвета становится приятно упругим и таким прозрачным, что отдаленные предметы кажутся как бы очерченными на яркой поверхности воздуха; пейзаж повсюду, особенно если смотреть с возвышенности, неописуемо насыщенный и сияющий; вершины холмов и пики гор залиты потоком света, в то время как видно, как пар стелется по долинам, здесь скрывая вход в какую-нибудь красивую долину, а там причудливо обвиваясь вокруг высокого шпиля или пальмовых рощ. деревья, отмечающие место расположения густонаселенной деревни.

"Самые прекрасные и великолепных закаты бывают на Вест-Индском архипелаге в сезоны дождей. Затем небо величественно покрывается гигантскими массами облаков, переливающихся тысячью великолепных красок и, кажется, собирающихся в конце дня, как бы образуя ложе для отдыха солнца. В них он погружается, наполняя их славой, касаясь небес и земли золотым и янтарным сиянием еще долго после того, как он пронзил своими лучами другое полушарие, или, возможно, наполовину являя себя сквозь похожие на кисею облака малиновой сферой, одновременно лишенной лучей и зловещих размеров.

"Лазурная арка, которая из-за оптической иллюзии ограничивает наш обзор со всех сторон, кажется здесь, как и вообще в тропиках, выше, чем в Англии, даже выше, чем в Италии. Здесь видно совершенство, по сравнению с которым даже итальянское небо кажется скучным и неинтересным, то чистое, безмятежное, бескрайнее небо, ту атмосферу ясного синего или ярко-красного, которая так способствует обогащению карандаша Клода Лоррена. Атмосфера Кубы, как и везде в тропиках, за исключением случаев, когда преобладают сильные ветры, настолько незагрязненная, такая тонкая, такая эластичная, такая сухая, такая безмятежная и такая почти непостижимо прозрачная и сверкающая, что каждый объект отчетлив и четко очерчен, как будто вырезан из ясного голубого неба. Все путешественники единодушны в восхвалении спокойной глубины пронзительно синего и восхитительно яркого неба межтропических широт. По оценкам, в умеренном поясе невооруженным глазом одновременно видно около 1000 звезд; но здесь, из-за увеличения высоты и большей протяженности свода, благодаря прозрачности атмосферы, особенно если смотреть с высокой горной цепи, их число значительно увеличивается. Если, однако, эти светила нельзя увидеть здесь в большем количестве, они, несомненно, сияют с большей яркостью. Различные созвездия действительно настолько сильно увеличены, что создается впечатление, что сила зрения увеличена. Венера восходит подобно маленькой луне и в отсутствие большей отбрасывает различимую тень.

"Млечный Путь, который в умеренной зоне имеет вид светящегося фосфоресцирующего облака и, как хорошо известно, черпает свою яркость из рассеянного света мириад звезд, сгущенных в столь малом пространстве, что, по оценкам, пятьдесят тысяч из них проходят через диск телескопа за час, здесь виден разделенным на созвездия, и вся галактика такой

ослепительной белизны, что напоминает чистое пламя серебристого света, разливающееся по небу, превращая атмосферу в подобие зеленой прозрачности. Помимо этого, существуют огромные массы звездных туманностей неопределенного разнообразия и формы, овальных, сплюснутых, эллиптических, а также различной степени плотности, рассеянных по небосводу и видимых в обычный телескоп, все они новы для жителя умеренного климата и напоминают восклицание псалмопевца: "Небеса возвещают славу Божию ... небосвод являет дело рук Его".

"Звезды

- Это древнее писание, написанное собственной рукой Бога,
Священное Писание подлинное, не искаженное человеком".

"Иногда здесь, как и на других островах Вест-Индии, происходит интересное явление, которое долгое время предполагалось наблюдать только в восточном полушарии. Незадолго до восхода или заката солнца вспышка сильного белого света, подобного Северному сиянию, простирается от горизонта на значительное расстояние до зенита и настолько напоминает рассвет, что может оказаться сильно обманчивой для постороннего человека. Наблюдая за светящимся следом, он видит, как он уменьшается, вместо того чтобы становиться более ярким, и, наконец, полностью исчезает, оставляя небеса почти такими же темными, как и до его появления. Это зодиакальный свет".

ГЛАВА VII.

БОГАТСТВА, СОБРАННЫЕ ПРИРОДОЙ В ЛЕСАХ И ПОЛЯХ КУБЫ.

Пальма, королева лесов Кубы—Сахарный тростник и его выращивание—Табачная промышленность—Тропические фрукты и цветы— Красота садов на Кубе—Огромные поставки в Испанию—Богатство острова.

Леса Кубы обширны и настолько густы, что становятся почти непроходимыми. Подсчитано, что из примерно 20 000 000 акров земли, все еще остающихся совершенно дикими и необработанными, почти 13 000 000 - это необработанный лес. Красное дерево и другие твердые породы древесины, такие как кубинское черное дерево, кедр и гранадила, ценные для изготовления изделий, изготовления шкафов и судостроения, являются местными и в значительной степени экспортируются.

Пальма - королева лесов Кубы и ее самое ценное дерево. Он растет в каждой части острова, но особенно на западе, придавая пейзажу характер и красоту. Королевская пальма является наиболее распространенной разновидностью и часто достигает высоты ста двадцати футов, ветвей насчитывается от двадцати до двадцати пяти, в центре которых находятся сердцевинки или бутоны растения, поднимающиеся перпендикулярно с остриями, похожими на иглы.

Из этого сердечка, завернутого в обертку из нежных белых листьев, получается вкуснейший салат, его также отваривают, как цветную капусту, и подают с нежным белым соусом. Ствол пальмы состоит из волокнистой материи, которую сдирают и сушат, образуя узкую, тонкую доску, которую туземцы используют для стен своих хижин. Ветви иногда используют для кровли, хотя обычно для этой цели используются пальмовые листья, а также для облицовки стен. "Эль

ярей" - еще одна разновидность пальмы, которая очень полезна. Из него местные женщины делают шляпы из пальмовых листьев, которые носят почти все сельские жители Кубы.

ТРОПИЧЕСКИЕ ФРУКТЫ В ИЗОБИЛИИ.

Плоды Кубы - это те, которые обычны для тропиков. Бананы, ананасы, апельсины, лимоны и хлеб - все фрукты растут в изобилии, вкусные на вкус и радующие глаз.

Ричард Генри Дана-младший, вернувшись из поездки в отпуск на Кубу, написал очаровательное описание фруктового сада, который ему посчастливилось там посетить:

"В саду росло замечательное разнообразие деревьев, в том числе несколько экзотических. Здесь манго с его похожей на персик листвой склонялось к земле под тяжестью созревающих плодов; аллигаторова груша была удивительно красива в полном цвету, напоминая по форме и цвету цветов страсти; мягкая, нежная листва тамаринда походила на наше чувствительное растение; банановые деревья были в полном расцвете, темно-зеленые плоды (они созревают и желтеют на дереве), собранные в гроздья по сотне, более или менее, увенчанные одновременно одним висющим клейким бутонем, размером почти с яблоко. ананас. Финиковая пальма, так напоминающая о дальнем Востоке и единственная, которую мы видели на Кубе, была представлена отборным экземпляром, завезенным в молодости. Здесь также росла звездчатая яблоня, замечательная своей однородной и изящной формой, усыпанная зелеными плодами, кое-где попадались созревающие экземпляры; так же, как и любимая сапота, ее покрытые ржавчиной плоды висели в заманчивом изобилии. С низких, широко раскидистых деревьев свисали плоды винограда, величиной с головку младенца и желтые, как золото, в то время как апельсиновые, лаймовые и лимонные деревья, все вместе несущие цветы, зеленые и спелые плоды, бросались в глаза на каждом шагу и наполняли сад благоуханием. Кокосовая пальма с ее высоким прямым стеблем и гроздьями плодов доминировала над всеми остальными. Гуава, инжир, яблоко с заварным кремом и хлебные деревья - все были в плодоношении.

Наш гостеприимный хозяин щедро срывал самые отборные для своих случайных посетителей. Был ли когда-нибудь такой фруктовый сад раньше или где-либо еще? В нем рассказывалось о плодородии почвы и восхитительном климате, о заботе, рассудительности и щедрых расходах, которые в совокупности превратили эти полдюжины акров земли в настоящий Рай. Через его сад Гесперид нас сопровождали также двое прелестных детей владельца, им не исполнилось и девяти лет, с такими многообещающими большими черными глазами и милыми личиками, что они запечатлелись в нашей памяти с фотографической точностью. Прежде чем покинуть сад, мы вернулись с нашим интеллигентным хозяином еще раз, чтобы осмотреть его прекрасные экземпляры бананов, которые вместе со своим родственным фруктом подорожником являются столь важным продуктом питания на Кубе и во всех тропических регионах. Кажется, что женское банановое дерево приносит больше плодов, чем мужское, но не таких крупных. Средние грозди первых составляют здесь около сотни, но на последних редко бывает более шестидесяти или семидесяти отдельных экземпляров продукта в форме огурца. Из центра его больших, широких листьев, которые собираются на верхушке, когда он достигает высоты двенадцати-пятнадцати футов, вырастает большой пурпурный бутон десяти дюймов длиной, по форме напоминающий огромный желудь, хотя и более заостренный. Этот конус подвешен к крепкому стеблю, на котором раскрывается лист, демонстрирующий гроздь молодых плодов. Как только они становятся достаточно большими, чтобы выдержать солнечную жару и прохладу дождя, этот защищающий лист опадает, и раскрывается другой, обнажая маленький выводок плодов; и так

продолжается до тех пор, пока не появятся шесть или восемь колец молодых бананов, образующих, как мы уже говорили, грозди числом от семидесяти до ста. Банан - травянистое растение, и после плодоношения его верхушка отмирает, но ежегодно он снова прорастает из свежих корней. Из незрелых плодов, высушенных на солнце, получается вкусная и питательная мука".

ТАБАЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Кубинский табак известен во всем мире и является одним из самых прибыльных из всех его продуктов. До 1791 года урожай отправлялся на национальные фабрики Испании "Коммерческой компанией Гаваны" по государственному контракту, но в том же году правительство учредило в Гаване "Факторию табака". Табак классифицировался как превосходный, средний и низший и поступал от производителей по фиксированным ценам. В 1804 году они составляли шесть, пять и два с половиной доллара за арробу (испанская единица веса, зависящая от местных различий, но в среднем равная примерно двадцати семи фунтам авоирдупа).

Сравнивая различные цены с количеством произведенного табака каждого сорта, мы обнаруживаем, что "Фактория" заплатила среднюю цену в 16 долларов за сотню фунтов листового табака. С учетом затрат на производство сигары обходились правительству в семьдесят пять центов за фунт; нюхательный табак мелкого помола и хорошего цвета - в сорок три цента, а обычный мягкий, или севильский, - в девятнадцать центов за фунт в Гаване. В хорошие годы, когда урожай составлял 350 000 листовых побегов, для Испании производилось 128 000 побегов, для Гаваны - 80 000, для Перу - 9 200, для Буэнос-Айреса - 6000, для Мексики - 2240 и для Каракаса и Кампичи - 1100.

Чтобы восполнить количество в 315 000 арроб (ибо урожай теряет десять процентов. веса, потерь и повреждений при транспортировке и изготовлении) мы должны предположить, что 80 000 арроб было израсходовано во внутренних районах острова, то есть в стране, на которую не распространялась королевская монополия. Содержание 120 рабов и производственные расходы не превышали 12 000 долларов в год; но жалованье офицеров "Фактории" составляло 541 000 долларов. Стоимость 128 000 арроб табака, отправленного в Испанию в годы изобилия в виде сигар, листьев или нюхательного табака по обычным тамошним ценам, превысила сумму в пять миллионов долларов.

Удивительно видеть в отчетах об экспорте из Гаваны (документы, опубликованные Consulado), что экспорт за 1816 год составил всего 3400 арроб; за 1823 год - только 13 900 арроб листового табака; а в 1825 году - только 70 302 фунта сигар и 167 100 фунтов листового табака и полосок; но мы должны помнить, что ни одна отрасль контрабандной торговли не является более активной, чем торговля сигарами. Табак с Вуэльта-де-Абахо является самым известным, но экспортируется большое количество табака, который производится в других частях острова. Выращивание табака было одной из самых ненадежных отраслей промышленности на Кубе. Скованный ограничениями и поборами, он был почти полностью ограничен беднейшими классами населения, которые получили возможность собирать скудный и неопределенный урожай благодаря авансам капитала, предоставленным им "Факторией". С момента отмены этой монополии ему пришлось бороться с более популярным и прибыльным занятием - выращиванием сахара, которое успешно конкурировало с ним за применение капитала, навыков и рабочей силы острова.

САХАРНЫЙ ТРОСТНИК И ЕГО ВЫРАЩИВАНИЕ.

Мэтьюрин Баллу в своей книге "Прошлое и настоящее Кубы", опубликованной в 1885 году, когда сахарная промышленность переживала свои лучшие дни, пишет интересный отчет о выращивании тростника:

"Сахарный тростник выращивают так же, как индийскую кукурузу, на которую он также похож по внешнему виду. Сначала его сажают рядами, а не холмами, и его нужно рыхлить и пропалывать, пока он не станет достаточно высоким, чтобы затенить свои корни. Затем его можно оставить в покое, пока он не достигнет зрелости. Это относится к первой закладке плантации, которая впоследствии будет продолжать приносить плоды в течение многих лет благодаря очень простым процессам обновления. При полном созревании тростник становится светло-золотисто-желтым, кое-где с красными прожилками. Верхушка темно-зеленая, с длинными узкими листьями, очень похожими на листья кукурузного стебля, из центра которого вверх отходит серебристый стебель высотой в пару футов, а из его кончика вырастает белое окаймленное перо нежно-сиреневого оттенка. Впечатление от большого поля в зрелом возрасте, лежащего под палящим солнцем и мягко колышущегося на ветру, очень прекрасное, картина, которая навсегда останется в памяти.

"В конкуренции между продуктами из свекловичного сахара и продуктами из сахарного тростника первый контролирует рынок, потому что его можно производить дешевле, кроме того, его производство стимулируется почти всеми европейскими государствами посредством либеральных субсидий как фермеру, так и производителю. Свекловичный сахар, однако, не содержит такого высокого процента истинного сахара, как продукт из тростника, последний, по-видимому, является самым непосредственным природным способом снабжения нас этим продуктом. У кубинских плантаторов есть одно преимущество перед всеми другими странами-производителями сахарного тростника - огромное и неисчерпаемое плодородие почвы острова. Например, на Ямайке хорошим урожаем считается одна или две бочки сахара на акр, но на Кубе в среднем три бочки. На полях с тростником редко применяются какие-либо удобрения, в то время как в свекловодстве они являются основным фактором успеха. Хотя современная техника, недавно примененная на плантациях, очень дорогая, все же результат, достигаемый с ее помощью, настолько превосходит результаты старых методов производства, что мелкие плантаторы вытесняются с рынка. Рабский труд не может конкурировать с машинами. Низкая цена на сахар требует экономии во всех отраслях бизнеса, чтобы сохранить маржу для получения прибыли.

"Один плантатор сообщил автору, что в этом году ему следует разбросать всю свою патоку по тростниковым полям в качестве удобрения, а не отправлять ее на отдаленный рынок и получать только то, что она стоит. Далее он сказал, что в этом сезоне тысячам акров сахарного тростника будет позволено гнить на полях, поскольку срезка, измельчение, упаковка и отправка его на рынок обойдутся дороже, чем можно было бы реализовать для произведенного изделия. Если бы цена на сахар осталась в этом году на уровне, который принес бы плантаторам справедливую прибыль, это могло бы стать средством преодоления пропасти банкротства, которая уже давно стояла перед ними и на краю которой они сейчас стоят. Но при урожае выше среднего, как по количеству, так и по качеству, собирать его или нет - проблема. В этих обстоятельствах трудно сказать, что станет с народом Кубы в финансовом отношении. Сахар является их основным продуктом питания, но любой бизнес на острове в равной степени

подавлен под гнетом гражданских законов, грабительского налогообложения и деспотичного правления.

"Сахарный тростник дает всего один урожай в год. Существует несколько разновидностей, но Отахейтан, по-видимому, культивируется чаще всего. В промежутке между тем временем, когда созреет достаточное количество тростника, чтобы обеспечить подачу пара на мельницу, и временем, когда жара и дожди испортят его качества, должен быть произведен весь сахар за сезон, отсюда необходимость большой промышленности в крупных поместьях. В Луизиане измельчение длится всего около восьми недель. На Кубе это продолжается четыре месяца. Анализируя сахар, производимый на острове, и сравнивая его с сахаром из главной земли, штата Луизиана, химики не смогли обнаружить никакой разницы в качестве истинного сахара, содержащегося в каждом из них.

"Большие сахарные плантации расположены в Вуэльтра-Арриба, регионе знаменитой красной земли. Лицо этого региона сияет процветанием. В любом направлении путешественник едет, пораженный изобилием садов, одинаково впечатленный великолепными размерами и обильным плодородием поместий, чьи пальмовые аллеи, сады подорожника и тростниковые поля сменяют друг друга почти непрерывной чередой. Поместья настолько продуктивны и спрос на урожай плантаторов настолько постоянен, что крупные сахарные плантаторы, по сути, являются князьями сельского хозяйства.

"Внушительный масштаб операций на огромной плантации придает жизни, которую человек там ведет, характер варварского царственного государства. Если смотреть на них просто как на развлечение, то мельницы этих огромных сахарных плантаций вполне сочетаются с непринужденной атмосферой этого места. Все открыто и проветривается, и процессы в прекрасном паровом оборудовании протекают без посторонних запахов, как и без звуков, которые делают большинство мануфактур отвратительными. В центробежном процессе производства сахара патока поступает в большой чан, по бокам которого расположен ряд двойных цилиндров, внешний из цельного металла, внутренний из проволоочной сетки. Каждый из этих цилиндров вращается вокруг оси, прикрепленной горизонтальным колесом и лентой к валу, который сообщается с центральным двигателем. Патока разливается в промежутки между внешним и внутренним цилиндрами, и оси приводятся в движение со скоростью тысяча девятьсот оборотов в минуту. В течение трех минут вы видите только белое расплывчатое кружение, затем движение прекращается, цилиндры вращаются все медленнее и медленнее, затем останавливаются, и вот! вся внутренняя поверхность внутреннего цилиндра покрыта красивой кристаллизацией светло-желтого сахара. Наблюдая за этим хитроумным процессом, я часто представлял, что примерно таким же образом космические туманности, возможно, медленно формируются в миры".

КАК ИСПАНИЯ ОГРАБИЛА КУБУ.

Некоторое представление об огромном богатстве, накопленном Испанией за счет ее кубинских владений, можно получить из следующей цитаты из книги Раймундо Кабреры "Куба и кубинцы", опубликованной в Нью-Йорке в 1850 году:

"О, мы действительно богаты!

"С 1812 по 1826 год Куба за счет собственных средств покрывала расходы казны. Наше богатство относится к тому периоду. У нас уже было достаточно негров-рабов, чтобы вырубать наши девственные леса, и достаточно полномочий, чтобы заставлять их работать ...

"Благодаря нашим порокам и нашей роскоши и вопреки ненависти ко всему испанскому, которую приписывал нам Морено, мы отправили в 1827 году первый небольшой миллион звонкой монетой в казну нации. С того времени и до 1864 года мы продолжали ежегодно отправлять в метрополию два с половиной миллиона одних и тех же товаров. По данным нескольких испанских статистиков, в 1864 году эти суммы составляли 89 107 287 долларов. Мы были очень богаты, разве вы не понимаете? невероятно богаты. Мы выделили более пяти миллионов долларов на нужды полуострова — 5 372 205 долларов. Мы оплатили, в значительной степени, расходы на войну в Африке. Одни только индивидуальные жертвования достигают баснословных сумм.

"Но, конечно, мы никогда не голосовали за наши собственные требования; они были навязаны нам, потому что мы так богаты. В 1862 году у нас были в рабочем состоянии следующие поместья: 2712 животноводческих ферм, 1521 сахарная плантация, 782 кофейные плантации, 6175 ранчо крупного рогатого скота, 18 плантаций какао, 35 хлопковых плантаций, 22 748 продуктовых ферм, 11 737 ферм по выращиванию грузовиков, 11 541 табачная плантация, 1731 пасека, 153 загородных курорта, 243 винокурни, 468 черепичных заводов, 504 печи для обжига извести, 63 печи для обжига древесного угля, 54 фабрики по производству маниоки и 61 кожевенный завод. Сегодня я не знаю, чем мы располагаем, потому что нет статистических данных и потому что недавно организованная оценка - это мешанина и новое бремя; но у нас есть больше, чем в то время; несомненно, у нас должно быть намного больше.

"В течение очень долгого времени мы несли расходы по содержанию поселения для заключенных Фернандо По. Мы оплатили неудачную мексиканскую экспедицию, расходы на войну в Сан-Доминго и с тихоокеанскими республиками. Как мы можем быть бедными? В то время как Англия, Франция и Голландия выделяют крупные суммы на нужды своих колоний, Испания не вносит ни единого цента на нужды своих. Нам это не нужно, мы по уши увязли в золотых реках. Если бы плодородие нашей почвы не пришло нам на помощь, мы волей-неволей обогатились бы благодаря системе защиты торговли метрополией. ... Четыре колонки тарифа действительно являются выдающимся изобретением.. Наша сельскохозяйственная промышленность нуждается в иностранной технике, инструментах и утвари, которые Испания не поставляет, но, поскольку она знает, что у нас есть лишнее золото, она может заставить нас платить за них очень дорого. И поскольку наш сахар будет продаваться в Соединенные Штаты ... неважно, сколько он будет стоить. Когда происходят землетрясения в Андалусии и наводнения в Мурсии, ненависть не мешает нам посылать нашим пострадавшим братьям большие суммы ... (которые иногда не доходят до места назначения).

"Мы богаты? Давайте посмотрим, так ли это. С древнейших времен и до настоящего времени официальные лица, приезжающие на Кубу, в кратчайшие сроки сколачивают состояния, которые растрачиваются в Мадриде и которые, по-видимому, никогда не тревожат их совесть. Эта страна очень богата, неисчислимо богата. В 1830 году мы внесли 6 120 934 доллара; в 1840 году - 9 605 877 долларов; в 1850 году - 10 074 677 долларов; в 1860 году - 29 610 779 долларов. Во время войны мы не просто вносили свой вклад, мы проливали кровь. Нам пришлось поддерживать бюджет в размере 82 000 000 долларов.

"Мы насчитываем 1 500 000 жителей, то есть полтора миллиона порочных, сладострастных, напыщенных расточителей, полных ненависти и низких страстей, которые вносят свой вклад в общественные расходы и никогда не получают ни цента взамен, которые пожертвовали до 92 долларов на душу населения и которые в настоящий момент платят государству столько, сколько ни один другой налогоплательщик во всем мире никогда не вносил. Кто-нибудь говорит, что мы не невероятно, завидно богаты?"

ГЛАВА VIII.

КУБИНЦЫ И ТО, КАК ОНИ ЖИВУТ.

Жизнь в сельской местности—Меню на Кубе—Развлечения сельских жителей—Карнавальные виды спорта—Местные танцы—Островная ферма—Фрукты, из которых делают хлеб—Скотоводческие фермы—Население острова—Образование и религия—Железные дороги и пароходства.

Путешественник с севера, впервые высаживающийся на берег Кубы, испытает величайшее наслаждение от радикальных изменений, которые он обнаружит по сравнению со всем, к чему он привык на своей родине. Если он читал Прескотта и Ирвинга, он теоретически кое-что знает о кастильских манерах и обычаях, но когда особенности народа, его домашняя жизнь, развлечения, религиозные обряды и методы ведения бизнеса предстают перед ним в реальности, он поражается постоянному очарованию новизны.

В мирное время уроженец сельской местности Кубы ничего не знает о борьбе за существование, с которой сталкивается большинство человечества в более холодном климате. Он "не трудится и не прядет" по той причине, что природа дает ему так щедро, что требуется очень мало усилий, чтобы сохранить ее дары. Иногда он может пахать, или сеять немного зерна, или даже собирать фрукты, но, как правило, он оставляет эту работу неграм. Если он живет на оживленной дороге, он, возможно, станет развлечением для людей и животных, где ему доставляет удовольствие сплетничать со всеми, кто попадает к нему на пути, и готов выпить, когда его пригласят. Его одеяние также не обладает великолепием Соломонова, поскольку обычно состоит из пары свободных штанов, подпоясанных кожаной лентой, льняной рубашки яркого оттенка, которую часто надевают поверх панталон, шелкового носового платка, повязанного вокруг головы, шляпы из пальмовых листьев и босых ног, обутых в кожаные туфли.

Он проницателен, хотя и откровенен, хвастлив, хотя и храбр, и суеверен, если не религиозен. Азартные игры - его главное удовольствие, и его бойцовым петухам уделяется больше внимания, чем его жене и семье.

Его лучшая половина более сдержанна, чем ее господин, особенно с незнакомцами. Она искусная наездница, хотя иногда садится верхом на спину животного вместе со своим мужем, ехала впереди него, почти на шее лошади. Ее платье - верх простоты (иногда даже слишком простой, чтобы соответствовать общепринятым представлениям), и состоит из свободного платья и носового платка, повязанного вокруг шеи. Как и ее муж, она обходится без чулок, за исключением торжественных случаев. Ее гордость - это ее волосы, которым она уделяет

большое внимание, и ей доставляет удовольствие демонстрировать их при каждой возможной возможности.

МЕНЮ НА КУБЕ.

Образ жизни жителей этих сельских районов совершенно не похож на образ жизни жителей городов. Это различие распространяется даже на их пищу и способ ее приготовления. В густонаселенных центрах, особенно среди представителей высшего сословия, сервировка столов производится по-французски, но среди деревенских жителей можно найти настоящую кубинскую кухню.

Утренний прием пищи обычно состоит из жареной свинины, которую они очень любят, отварного риса и жареного подорожника, который подается вместо хлеба. На ужин подают говядину, птицу или жареную свинину вместе с бананами и рагу, состоящим из свежего мяса, вяленого мяса, зеленых бананов и всевозможных овощей. Их готовят в бульоне, загущенном мучнистым корнем маланга и приправленном лимонным соком. Рис является основным продуктом питания, и ни одно блюдо не будет полноценным без него.

СЕЛЬСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Кубинцы, живущие в сельской местности, отличаются от своих городских собратьев не только гастрономией. У них есть свои особые развлечения, некоторые из которых кажутся жестокими утонченным людям, но в их защиту можно сказать, что футбол не является популярной игрой на острове.

Петушиные бои - национальный вид спорта, и мужчины, женщины и дети ставят свое последнее владение на результат схватки между цыплятами бойцовской крови. Гусиный бой - еще один жестокий вид спорта. В землю вбиваются два шеста с натянутой между ними веревкой, на которую подвешивают живого гуся с надежно связанными ногами и тщательно смазанной жиром головой. Участники сидят верхом и на полной скорости проезжают мимо гуся, пытаясь схватить его за голову и отделить от туловища, когда они проезжают мимо. Птица обычно погибает до того, как усилия увенчаются успехом, но наездник, который в конце концов добивается успеха в благородном начинании, получает славу и приз.

У каждой деревни есть святой-покровитель, в честь которого существует праздник, который отмечается мессами в церкви, а затем играми и танцами. В этот день всегда устраивается процессия, в которой маленькая девочка, одетая как истукан, едет в повозке, украшенной знаменами и цветами. Впереди идут мужчины в костюмах индейцев, за ними следуют другие, одетые как мавры. Оркестр является необходимым дополнением, и замыкают шествие жители, марширующие и поющие под музыку оркестра. Когда добираются до церкви, люди собираются вокруг ребенка, и она декламирует сочинение, написанное специально для этого случая.

Во время карнавала устраиваются шествия шарлатанов, кавалеров, одетых как рыцари древности, на великолепно убранных лошадях, скачки, маски, балы и всевозможные разгулы.

Танцы - это универсальное достижение, в котором молодые и пожилые находят удовольствие везде и в любое время года. Сапато, танец, характерный для Кубы, исполняется под гитарную музыку в сопровождении голосов танцоров. Он состоит из фантастических поз, причудливых

маршей и грациозных фигур и в некоторых деталях напоминает "прогулки по тарту" негров нашей страны.

ФЕРМА НА ОСТРОВЕ.

По соседству с крупными городами расположены сотни "Эстансий", которые соответствуют так называемым рыночным садам в Соединенных Штатах. Эти фермы обычно занимают менее ста акров каждая, и на них выращивают овощи, цыплят, мелкие фрукты и другие столовые деликатесы для городской торговли. При надлежащем уходе этот бизнес мог бы приносить большую прибыль, но землю, как правило, обрабатывают арендаторы, которые платят арендную плату в размере около пяти долларов за акр в год и которые слишком ленивы, чтобы уделять ей внимание, необходимое для получения прибыльной прибыли.

Основным овощем, выращиваемым на этих фермах, является сладкий картофель, которого существует две разновидности: желтая и белая. Почва и климат не благоприятствуют выращиванию ирландского картофеля, и приходится импортировать эту роскошь, что объясняет тот факт, что ее редко можно увидеть за пределами городов.

Бананы выращивают в больших количествах. Для кубинца этот продукт - то же, что для нас хлеб, и его можно охарактеризовать как стандартный продукт питания. Хотя он менее питателен, чем пшеница или картофель, его производят в значительно больших количествах в том же районе и с гораздо меньшими затратами. Он очень похож на банан и фактически часто рассматривается как разновидность этого фрукта. У местных жителей это причудливое название - "Адамово яблоко", и, по легенде, это был запретный плод Эдемского сада.

В ряде этих мест сельское хозяйство было полностью заброшено и построены печи для обжига извести, в которых широко используется обжиг.

СКОВОДЧЕСКИЕ РАНО И ЖИВОТОВОДЧЕСКИЕ ФЕРМЫ.

Разведение крупного рогатого скота является одной из важных отраслей промышленности Кубы, и поскольку подготовка поголовья для продажи обходится сравнительно недорого, получается значительная прибыль. Огромные стада бродят по прериям, не получая никакого внимания от своих владельцев, и продаются без какого-либо предварительного откорма. За свирепых быков, которых используют для боев быков в городах, взимаются баснословные цены, и разведение этих животных приносит большую прибыль.

Шкуры являются одним из основных предметов экспорта острова, а приготовленная из них черная кость в огромных количествах продается производителям сахара для использования в производстве этого изделия.

Лучшие лошади, выращиваемые на Кубе, происходят из Пуэрто-Принсипи, и они являются великолепными образцами благородных животных. Они известны своей выносливостью и могут путешествовать день за днем, покрывая от шестидесяти до семидесяти миль, легкой походкой, не выказывая признаков усталости. Поскольку лошади были неизвестны исконным жителям острова, предполагается, что современная кубинская лошадь происходит от испанского поголовья, и тот факт, что она так сильно отличается от этих животных как по внешнему виду, так и по качеству, объясняется изменившимися климатическими условиями при ее разведении. Каким бы ни было его происхождение, несомненно, что лучших образцов конины, чем на Кубе,

не найти, и местные жители очень заботятся о них, почти считая их членами своей семьи. Подобно ирландцу, который "держал свою свинью в гостиной", кубинец часто ставит свою лошадь в конюшню в комнате своего дома.

СВОЕОБРАЗНЫЕ ПОХОРОННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Одним из самых странных обычаев, который, вероятно, придется наблюдать туристу во внутренних отделах, является церемония, сопровождающая погребение умерших. Первыми идут маленькие мальчики, одетые поверх одежды в белые льняные халаты, достаточно короткие, чтобы были видны их рваные брюки и грязная обувь. Мальчик в центре несет высокий шест, на вершине которого частично задрапирован серебряный крест, в то время как каждый из других мальчиков несет высокий подсвечник.

За ними идет священник в поношенной одежде, в одной руке у него молитвенник, из которого он время от времени читает нараспев, а в другой руке, поскольку солнце припекает, он несет зонтик. Вслед за ним, пошатываясь, идет почтенный старик, изображающий послушника, звонаря, ризничего или другого церковного сановника, в зависимости от необходимости, выкрикивая что-то своим унылым голосом, размахивая горящим цензором, вторым после песнопений священника. Затем появляется гроб, сделанный из грубых досок, но покрытый черным бумажным муслином, и его несут на плечах четверо жителей деревни, толпа которых, все без покрывал, замыкает шествие.

Здесь, как и во всех других католических странах, зрители обнажают головы при прохождении похоронного кортежа. В церкви проводятся церемонии чтения молитв, зажигания свечей и окропления гроба святой водой, после чего священник уходит своей дорогой, а процессия продолжает свой путь к новосозданной могиле на полуразрушенном и запущенном кладбище, где гроб опускают без дальнейших церемоний. На протяжении всего мероприятия не присутствует ни одной женщины.

Семья, находящаяся в трауре на Кубе, не только одевается в темную одежду, на которой нет блеска, но и держит окна в доме закрытыми в течение шести месяцев. Фактически, постановлением правительства теперь запрещено выставлять труп на всеобщее обозрение через открытые окна, как это делалось раньше, и теперь требуется закрывать как окна, так и двери.

ГОСТЕПРИИМНЫЙ НАРОД.

Кубинец высшего класса известен своим гостеприимством. Его дверь всегда открыта для любого посетителя, будь то знакомый, друг или незнакомец. За его столом всегда найдется место для посетителя, причем бесплатно, и никто, имеющий малейшие претензии на любезность такого рода, не должен колебаться, принимая приглашение. На острове мало кто путешествует или общается, поэтому, даже если гость будет совершенно незнакомым, его хозяин почувствует себя сполна вознагражденным за свое гостеприимство новостями, которые путешественник принесет из внешнего мира. У датчан существует старый добрый обычай: когда произносится первый тост, он произносится за крышу дома, которая покрывает всех его обитателей, подразумевая, таким образом, что все это одна семья. Этот же обычай уместно было бы сохранить и среди кубинских плантаторов, поскольку, когда человек садится за стол, он сразу становится членом семейного круга.

ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ.

Образование на острове крайне отсталое. В отсутствие последних статистических данных подсчитано, что не одна десятая часть детей получает какое-либо грамотное образование, и даже среди высших классов общества гуманитарное образование распространено далеко не повсеместно. Несколько литераторов и ученых можно найти как в высших, так и в средних слоях общества, и до революции вопрос общественного образования вызывал некоторый интерес у креольского населения.

В Гаване находится королевский университет с ректором и тридцатью профессорами, медицинская и юридическая школы, а также учреждение под названием Королевский колледж Гаваны. Аналогичное учреждение есть в Пуэрто-Принсипи, в восточной части страны, и как в Гаване, так и в Сантьяго-де-Куба есть колледжи, в которых преподаются разделы церковного образования, а также гуманитарные науки и философия. Помимо этого, есть несколько частных школ, но они недоступны для широких масс. Вряд ли можно сказать, что у жителей есть какая-либо литература, несколько ежедневных и еженедельных журналов, находящихся под жесткой цензурой, обеспечивают почти всю любовь к литературе на острове.

Чтобы показать, насколько малой свободой мнений пользуются газеты Кубы, мы цитируем указ, изданный генералом Вейлером, бывшим генерал-капитаном острова:

Дон Валериано Вейлер-и-Николау, маркиз Тенерифе, генерал-губернатор, генерал-капитан острова Куба и главнокомандующий этой армией.

На основании закона об общественном порядке от 23 апреля 1870 года.

Я приказываю и Повелеваю,

1. Ни одна газета не должна публиковать никаких новостей о войне без разрешения офицеров штаба.

2. Никакие телеграфные сообщения политического характера также не должны публиковаться без разрешения секретаря генерал-губернатора в Гаване или гражданских должностных лиц в других провинциях.

3-й. Настоящим запрещается публиковать какие-либо передовицы или другие статьи или иллюстрации, которые могут прямо или косвенно иметь тенденцию снижать престиж метрополии, армии или властей, или преувеличивать силы и значение восстания, или каким-либо образом благоприятствовать последнему, или вызывать необоснованную тревогу, или возбуждать чувства людей.

4-й. Нарушения этого указа, не включенные в статьи первую и шестую указа от 16 февраля прошлого года, повлекут за собой наказание, указанное в статье 36 закона от 23 апреля 1870 года.

5-й. Все лица, упомянутые в статье 14 Уголовного кодекса полуострова, действующего на этом острове, будут привлечены к ответственности за указанные нарушения в том же порядке, который установлен указанной статьей.

6. Всякий раз, когда газета дважды понесла наказание за указанное нарушение и дает основание для третьего наказания, она может быть закрыта.

7-й. Гражданские губернаторы несут ответственность за выполнение этого указа, и против их решений, которые всегда должны быть обоснованными, заинтересованные стороны могут подать апелляцию в течение двадцати четырех часов после их уведомления.

ВАЛЕРИАНО ВЕЙЛЕР.

Гавана, 27 апреля 1896 года.

НАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВА.

Противоречивые свидетельства делают невозможным прийти к чему-либо похожему на уверенность относительно численности населения Кубы на момент ее завоевания, но ее можно оценить от 300 000 до 400 000 человек. Однако почти нет сомнений в том, что до 1560 года все это население исчезло с острова. Первая перепись была проведена в 1774 году, когда население составляло 171 620 человек. В 1791 году их было 272 300.

Из-за беспокойного состояния острова перепись жителей не проводилась с 1887 года, когда общая численность населения составляла 1 631 687 человек. Из этого числа 1 111 303 были белыми, а 520 684 - негритянской крови. Эти цифры ставят под сомнение утверждение о том, что война за свободу - это просто восстание цветных против кавказской расы.

ГЛАВА IX.

ГАВАНА, СТОЛИЦА ОСТРОВА.

Гавана и ее достопримечательности для туристов—Как добраться до Кубы— Описание гавани Гаваны—Как можно исправить вошедшую в поговорку нездоровость города—Характеристики делового квартала—Жилые дома и образ жизни людей—Парки и бульвары—Другие особенности жизни в городе.

Несмотря на то, что американские туристы мало поощряли посещение Гаваны, на протяжении многих лет она была популярным курортным местом для тех немногих, кто пробовал ее или был рекомендован своими друзьями. Учитывая привлекательность, которую он имел во времена испанского правления, когда атмосфера стеснения и подозрительности была характерна для общения с каждым американцем, неудивительно, что при изменившихся условиях и в атмосфере подлинной свободы американцы сочтут его одним из самых восхитительных и легкодоступных мест, которые они только могут посетить. Не все здесь приятно, но неприятные вещи иногда так же интересны, как и приятные. Если путешественник формирует свои суждения в соответствии с реальными удобствами, которые он может получить, он будет доволен от начала до конца своего пребывания. Если мерилom его хорошего мнения является то, похожи ли вещи на те, к которым он привык, он будет разочарован, потому что царит новизна. Но новизна не обязательно означает дискомфорт.

До Гаваны можно добраться морским путем продолжительностью в три-четыре дня из Нью-Йорка на любом из нескольких отличных пароходов под американским флагом, и даже зимой последняя часть путешествия будет приятной частью путешествия. Или можно проследить путь

американской вторгшейся эскадры, и путешественник, проехав через Флориду по железной дороге, может отправиться из Тампы почтовым пароходом и, сделав остановку в Ки-Уэсте на несколько часов, достичь Гаваны после двух ночей и дня плавания.

Флоридский пролив между Кубой и Флорида-Кис, который был ареной первых боевых действий войны, имеет ширину всего девяносто миль, и плавание из Ки-Уэста занимает несколько часов. Течение Гольфстрима делает канал немного напоминающим Ла-Манш, но оказавшись с подветренной стороны кубинского побережья, вода остается спокойной, а гавань старого города предлагает укрытие.

В довоенные дни замок Морро вызывал дополнительный интерес у путешественников из-за того факта, что за его хмурыми орудиями и под камнями, на которых он был построен, находились камеры для десятков печальных узников, некоторые из них годами провели в подземельях, стены которых могли выдавать секреты, подобные секретам инквизиции в Испании, если бы они умели говорить. Между замком Морро и его соседом через дорогу Ла-Пунта суда заходят в эту бухту, загаженную четырехсотлетним испанским правлением и грязью, где триста лет была сосредоточена работоторговля и куда канализационные стоки большого города сливали свои отбросы. Оказавшись внутри гавани, замок Кабана хмуро возвышается с холмов за Морро, а на противоположном берегу возвышаются здания самого города.

Гавань всегда была оживленной, так как торговля на острове и в городе была большой. В мирное время десятки судов стоят на якоре в мутных водах. Американская якорная стоянка почтовых пароходов в течение многих лет находилась в самой крайней части залива от самого города Гаваны, чтобы избежать заражения, которому угрожала более близкая якорная стоянка. До тех пор, пока начальник порта не направил "Мэн" к своей злополучной стоянке, прошло много времени с тех пор, как какое-либо американское судно останавливалось в этой части гавани.

ЛЕГКО СОЗДАТЬ ИДЕАЛЬНОЕ САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ.

Мелководная гавань Гаваны имеет вход из океана через канал шириной едва ли более трехсот ярдов и длиной почти в полмили, после чего он расширяется и разветвляется до тех пор, пока его площадь не достигнет нескольких квадратных миль. Ни один ручей пресной воды, большой или малый, не впадает в него для очистки воды. Вход в гавань настолько узок, а приливы и отливы вдоль этого побережья так незначительно поднимаются и опускаются, что уровень воды в гавани едва заметно меняется изо дня в день.

Результатом этого является то, что постоянный приток сточных вод из большого города, вливающийся в гавань, никогда не разбавляется, и в течение лета представляет собой просто гноющуюся массу разложения, покрывающую всю морскую стену и распространяющую в воздухе зловоние, которым должен дышать каждый на борту корабля. Есть одна часть гавани, известная как "дыра мертвеца", из которой, как говорят, ни одно судно никогда не отплывало после стоянки на якоре более одного дня, не заразившись желтой лихорадкой среди своей команды.

Вдоль берегов этой самой гавани расположены огромные склады для сахара и табака, ежегодно поставляемых в Соединенные Штаты тысячами тонн. Чтобы сохранить здоровье нашей страны, наше правительство поддерживает дорогостоящую службу морских госпиталей и систему карантина в наших южных портах, которые ведут торговлю с Гаваной, в дополнение к

поддержке службы морских госпиталей под руководством выдающегося доктора Берджесса в самой Гаване. Жесткому соблюдению этой системы и неустанной бдительности доктора Берджесса следует приписать иммунитет, которым обладают Соединенные Штаты от ежегодных эпидемий желтой лихорадки и оспы.

Вина Испании в том, что она позволила этому шокирующему состоянию продолжаться, никоим образом не может быть смягчена. В течение четырехсот лет она властвовала на острове, вольная действовать по своей воле и извлекая миллионы долларов избыточного дохода из введенных ею налогов на добычу полезных ископаемых. Установка санитарной системы сточных вод, которые должны сбрасываться в открытое море, а не в эту выгребную яму, лежащую у подножия города, была бы первым решением проблемы. Угроза была бы окончательно предотвращена затратой нескольких сотен тысяч долларов, которые открыли бы канал от дальней оконечности гавани к океану в восточном направлении. Расстояние составляет всего несколько миль, а инженерная задача - простая. Это, а также строительство причала к северо-западу от того места, где стоит замок Морро, отвело бы часть течения благородного гольфстрима ко входу в гавань, и нынешний грязный пруд был бы очищен от грязи постоянным наводнением, которое никогда не могло бы иссякнуть.

Город Вера-Крус на побережье Мексики доказал, что желтую лихорадку можно искоренить, и долг перед цивилизацией состоит в том, чтобы Гавана пошла по тому же пути. Если не обращать внимания на все другие оправдания, у Соединенных Штатов в течение многих лет было достаточно причин для вмешательства в кубинские дела в качестве меры безопасности для здоровья своих собственных граждан, так же справедливо, как один человек может пожаловаться властям, если его сосед устраивает беспорядки в соседнем дворе.

ДЕЛОВЫЕ КВАРТАЛЫ ГАВАНЫ.

Однажды бросив якорь в самом безопасном месте гавани, почтовые пароходы без промедления окружаются флотилией необычных лодок, какие можно увидеть только в Гаванском заливе. За немного серебра путешественника высаживают на берег, причем путь до пристани занимает всего несколько мгновений. Путешествие через таможню не является трудным, поскольку, если нет подозрений на какие-либо контрабандные товары, таможенники не предъявляют требований к путешественникам. У дверей таможни, или адуаны, ждут такси, которые в Гаване дешевле, чем в любом другом городе нового света, и они служат средством передвижения к отелям, которые все сгруппированы в одном районе.

Улицы, по которым проходит путешественник, живописны, но вряд ли практичны с американской точки зрения. Некоторые из них настолько узкие, что экипажи не могут проехать, и все движение должно идти в одном направлении. Почти на всех деловых улицах установлены навесы, протянувшиеся от одной стороны до другой, между крышами, для защиты от тропического солнца. Тротуары на некоторых из самых претенциозных улиц недостаточно широки, чтобы три человека могли идти в ряд, а на других не могут пройти двое. Со всех сторон создается впечатление древности, причем древности даже большей, чем на самом деле измеряют четыреста лет испанского владычества. Испанская архитектура, какой бы современной она ни была, иногда усиливает это впечатление, и при небольшом напряжении воображения можно поверить, что находишься в одном из древних городов старого света.

Улицы вымощены гранитными блоками и другим камнем, грубо отесанным и, следовательно, чрезвычайно шумным, но на этих узких улочках расположено несколько магазинов, таких же изысканных, какие можно было бы ожидать увидеть в Нью-Йорке или Париже. Это правда, что они невелики, но в этом нет необходимости, поскольку почти все они предназначены для специализированных блюд, а не для перевозки запасов товаров американского ассортимента. Тот, кто хочет ходить по магазинам, не будет испытывать недостатка в соблазнах. Выбор широк в любой линейке, которая может быть названа, стили современные и выполнены с изысканным вкусом, и в целом магазины приятно удивляют того, кто судит о них в первую очередь по внешнему виду. Магазины, специализирующиеся исключительно на веерах, зонтиках, перчатках, кружевах, драгоценных камнях, бронзе, шелках и красивой ткани из волокна ананаса, известной как *pire cloth*, свидетельствуют о разнообразии, которое можно найти. Обувь и другие предметы мужской и женской одежды почти все импортируются напрямую из Парижа, и там, где преобладают парижские стили, можно быть уверенным, что выбор не скуден. Продавцы вежливы даже до традиционной кастильской угодливости, и в целом поход за покупками по этой улице Обиспо запомнится вам с удовольствием.

ДОМА В ГАВАНЕ.

Вы замечаете, что все сделано для того, чтобы создавать комфорт и прохладу. Вместо стеклянных панелей окна открыты и ограждены легкими железными перилами, а тяжелые деревянные двери оставлены приоткрытыми. Проходя мимо, вы заглядываете во многие дома, и они выглядят очень прохладными и чистыми. Мраморные полы, плетеные кресла и шезлонги, тонкие кружевные занавески и вид на дворiki в центре каждого здания, часто с зелеными растениями или яркими цветами, растущими между гостиной и кухней.

Вы найдете почти такую же планировку в вашем отеле. Вы можете входить в двери или окна столовой, когда вам заблагорассудится, потому что боковые стены дома, кажется, могут быть полностью распахнуты, в то время как в центре здания вы видите голубое небо над головой. Все жители кажутся одинаково хладнокровными, и мудрому человеку, заботящемуся о собственном комфорте, не мешало бы последовать общему примеру. Даже солдаты носят соломенные шляпы. Джентльмены одеты в нижнее белье из шелка или лайловой нити и костюмы из льна, дрели или шелка, а дамы одеты столь же сдержанно.

Гавана - модное место, и вы будете поражены аккуратностью и стилем, которым соответствуют тканеподобные изделия, которые там носят.

Но приходите и посмотрите квартиру, в которой вы будете отдыхать каждую ночь. Десять к одному, что потолок здесь выше, чем вы когда-либо видели в частном доме, а огромные окна выходят на балкон с видом на зеленеющую площадь. Пол выложен мрамором или плиткой, а кровать сделана из богато украшенного железа или латуни, с туго натянутым полотном холста или тонкой проволочной сеткой вместо привычного матраса. В тропиках вы не смогли бы спать на матрасе с надлежащей степенью комфорта. Над головой есть балдахин со шторами, и все в комнате наверняка будет безупречно чистым. Там, как и везде, куда бы вы ни пошли, бросается в глаза кресло-качалка. Кресла-качалки можно найти в домах и на полках в клубах.

Гавана - столица Вест-Индии. Здесь больше жизни и суеты, чем во всем остальном архипелаге, вместе взятом. Если вы немец, англичанин, шотландец, голландец, американец, француз или кто бы вы ни были, вы найдете соотечественников среди 250 000 человек. Здесь царит

общественный дух, который редко встречается в этих краях. Театры поражают своими размерами и элегантностью. Аристократическим клубом является the Union, но самым популярным является Casino Espanol, клубный дом которого представляет собой чудо тропической элегантности и красоты. Почти все эти достопримечательности находятся на широкой, тенистой и внушительной улице Прадо или рядом с ней — череде парков, ведущих от воды напротив замка Морро почти через весь город.

В том или ином из этих парков три вечера в неделю играет военный оркестр, и сцена в таких случаях совершенно непривычна для глаз англичан. Именно в такие моменты можно увидеть прекрасных испанских и кубинских женщин. Они не покидают своих домов в разгар дня, если только что-то не требует от них этого, а когда это происходит, они остаются в своих экипажах в сопровождении слуги или пожилой компаньонки. Конфиденциальность, которой они окружены, настолько строга, что вы увидите, как они совершают покупки, не выходя из своих экипажей, под присмотром продавцов, которые выносят товары к транспортным средствам.

Но когда под лаврами или пальмами звучит музыка, сеньориты в своих легких одеяниях, на головах у которых нет ничего, кроме живописной мантильи Старой Испании, собираются на дорожках, скамейках, тротуарах и в своих экипажах, и там мужской элемент чинится и ведет себя поистине галантно.

Здесь вы услышите мечтательную мелодию этих широт, испанские песни о любви и кубинские вальсы, такие нежные и красивые, что вы удивляетесь, как весь мир не поет и не играет их. В другие вечера очень интересно прогуляться или прокатиться по Прадо. Проходя мимо самых элегантных домов, вы замечаете, что они двухэтажные, а семейные апартаменты расположены на верхних этажах, так что вы упускаете возможность украдкой наблюдать за семьями за трапезой и дамами, расположившимися на широких, выложенных черепицей подоконниках, которые есть в старых одноэтажных кварталах города.

ГЛАВА X.

ГОРОДА КУБЫ.

Гавань Матансас—Спортивные состязания карнавала—Сантьяго—де—Куба и его прекрасный залив—Кардинас, Торговый центр—Огромный экспорт сахара-Красоты Тринидада-Другие важные города.

Можно сказать, что Гавана имеет такое же отношение к Кубе, как Париж к Франции, поскольку в ней сосредоточены культура, утонченность и богатство острова, но есть несколько других городов, имеющих значительное значение, и многие из них стали достопримечательностями с тех пор, как борьба за свободу привлекла внимание цивилизованного мира.

Главным из них является Матансас. Этот город с обычным населением около 60 000 человек расположен в пятидесяти милях к востоку от Гаваны, с которой он связан железнодорожным и водным сообщением. Его судоходные интересы уступают только интересам столицы, поскольку это выход во многие из богатейших сельскохозяйственных районов острова.

Город расположен на равнинах по обе стороны реки Сан-Хуан, которая приносит большое количество грязи и сильно затрудняет внутреннее судоходство. В качестве компенсации бухта просторна, легкодоступна и защищена от жестоких штормов в заливе, которые преобладают в некоторые сезоны. Это делает порт излюбленным местом морских пехотинцев. Правительство потратило большую сумму денег на укрепление и защиту города, и он был соединен железной дорогой со всеми главными городами и производственными центрами провинций. Таким образом, это особенно излюбленный порт ввоза всех товаров, необходимых на плантациях, — основных продуктов питания и оборудования. Ее экспорт состоит в основном из сахара, кофе, патоки, табака, меда, воска и фруктов.

Город построен в основном из каменной кладки и самым основательным образом, хотя для сохранения архитектурной красоты было приложено мало усилий. Гордостью города является новый театр, который считается самым красивым зданием на Кубе. Академия Empresa также занимает равное место с любой другой за высокое качество своих учебных заведений.

На Кубе нет более очаровательного места, чем Матансас. Залив имеет форму полумесяца и принимает воды рек Юмури и Матансас, двух небольших несудоходных ручьев. Их разделяет высокий мост. На этом горном хребте за городом стоит собор, посвященный черной Деве. Это копия собора на Балеарских островах. Вид со шпиля великолепен. Оглядываясь назад, можно увидеть, что долина Юмури простирается вправо. Она имеет около десяти миль в ширину и шестидесяти миль в длину, усеяна пальмами и ровна, как пол амбара. Юмури прорывается через горы недалеко от залива Матансас, чем-то похожего на реку Арканзас в Кэнон-Сити. Покрытая живой зеленью и окруженная горами, эта долина — одна из жемчужин Кубы.

Примерно в десяти милях от Матансаса, слева от дороги, находятся так называемые горы Бредлоф. Они возвышаются над равниной, как Испанские пики в Колорадо. В этих горах находится штаб генерала Бетанкура, который командует повстанцами в провинции. Испанцы предложили награду в 1000 долларов за его голову. Было предпринято несколько попыток заполучить его, но во всех случаях потенциальный похититель лишился собственной головы.

В соответствии с указом Вейлера 11 000 реконцентрадо были согнаны в Матансас, и в течение года более 9000 из них погибли в городе. На площади, в тени резиденции губернатора, за один день от голода умерли двадцать три человека. Провинция Матансас по площади не больше штата Делавэр, однако с тех пор, как приказ вступил в силу, от голода и других болезней погибло 55 000 человек.

Но не все жители Матансаса — реконцентрадо, и даже в разгар военных тревог они находят время для развлечений, о чем свидетельствует следующее описание карнавального бала:

"Нам посчастливилось быть в Матансасе в последние три дня Карнавала; и хотя все это время было занято шумными процессиями и гротескными уличными маскарадами, церемония коронации состоялась в ночь на последнее воскресенье. Затем весь город приложил все усилия, чтобы завершить сезон "феей радости", полной удовольствий и увеселений. Почти в каждом сколько-нибудь значимом городе существует ассоциация молодых людей, широко известная как "Эль Лисео", организованная для художественных и литературных целей, а также для общественного отдыха. Ассоциация обычно занимает прекрасное большое здание с достаточным пространством для театральных представлений, балов и т.д.; в дополнение к этому здесь есть бильярдные и читальные залы, украшенные, вероятно, прекрасными картинами. В

Матансасе эта ассоциация известна как "Художественное и литературное общество Матансаса" и является особенно престижной, поскольку состоит из элиты города, у нее прекрасный большой дом, к которому они сделали пристройку, купив "Клуб", красиво расположенный на площади.

Благодаря нашему рекомендательному письму, благодаря любезным услугам членов клуба, нам было разрешено насладиться прелестями их грандиозного бала под названием "Пиньята", который действительно был очень грандиозным мероприятием, на котором присутствовали красавицы и модницы Матансаса. Бал начался в положенное время - в 8 часов вечера; и при входе каждый должен был сдать свой билет комитету распорядителей, который, таким образом, проводил своего рода общую проверку всех допущенных.

"Бальный зал представлял собой длинный, большой зал, в другом конце которого находилась красивая сцена для театральных представлений; по обе стороны комнаты тянулись арочные колоннады, над которыми располагались галереи, где размещался оркестр. Развешанные в двойные ряды стульев по всей длине комнаты перед колоннадой, сидели сотни темноглазых ангелов, спокойных, исполненных достоинства, и большинство из них казались простыми зрителями; среди них не было ни одного черного пальто. Все они, за исключением нескольких отважных, которые стояли лицом к лицу со всей этой красотой, столпились в другом конце комнаты, желая набраться смелости (это не могло быть склонностью), чтобы засвидетельствовать свое почтение "лас Сеньоритас".

"В чем именно проблема между джентльменами и леди на Кубе, я никогда не мог до конца понять. Мужчины, как правило, утонченны и джентльменски воспитаны — по-видимому, достаточно умны; в то время как дамы полны достоинства и хороши собой. И все же я никогда не видел той видимости легкого и приятного общения между полами, которая делает наше общество таким очаровательным.

"Я склонен полагать, что в значительной степени в этом виноваты обычаи, которые окружают кубинских женщин этикетом, железными прутьями и формальностями. Казалось бы, это относится только к туземцам, ибо ничто не может быть добрее, дружелюбнее и обходительнее, чем манеры кубинских дам по отношению к незнакомцам, по крайней мере, судя по тому, что видно. Возможно, одна дама, с которой я спорил по этому поводу, сказала: "С незнакомцами все совсем по-другому, сеньор, и особенно с американцами, которые славятся своей рыцарской галантностью по отношению к дамам". Теперь я называю это очень красивым национальным комплиментом.

Взяв под руку моего друга, мы прогуливаемся взад-вперед, чтобы посмотреть, как он выражается, "кому быть представленными", и, поверьте, если красота должна быть испытанием, то, казалось бы, трудно решиться, ее так много, но после одного-двух кругов по комнате эта форма пройдена, и человек начинает чувствовать себя как дома и готов наслаждаться самим собой.

"Когда кто-то находит женщин (а их немало), получивших образование за границей, либо в Соединенных Штатах, либо в Европе, он находит их высокообразованными и интересными. Несколько человек, с которыми я имел удовольствие встречаться в этом и других случаях, в совершенстве говорили по-французски, некоторые по-английски, а один или два - и на том, и на другом в дополнение к своему родному языку.

Но давайте вернемся к балу, который все это время проходит с большим размахом. Он начинается с появления на сцене дюжины или более молодых людей под руководством ведущего в каком-нибудь маскарадном костюме, очень красиво сшитом, которые, поклонившись зрителям, исполняют какой-нибудь новый вид танца. Исполнители используют этот способ, чтобы заполнить интервалы общего танца и позабавить публику.

"Сейчас уже поздно, и в комнатах ужасно жарко. Поклонники длинных рядов прелестных натурщиц, которые весь вечер не двигались со своих мест, продолжают постоянно трепетать, и начинаешь мечтать о глотке свежего воздуха и облегчении от неудобств парадного костюма. Но нам сказали, что главное событие вечера еще впереди, поэтому мы задерживаемся и, наконец, вознаграждены грандиозной церемонией "Пиньята", от которой бал получил свое название. Я с трудом могу передать значение этого слова применительно к этой церемонии, которая заключается в подвешивании к потолку в виде лент и цветов, ленты пронумерованы и свисают с цветочного венка, права на вытягивание которого разыгрываются, как призы в лотерее. К одной из этих лент прикреплена красивая цветочная корона, которая, когда за ленту, к которой она прикреплена, тянут, попадает в руки счастливица, который имеет привилегию короновать любую даму, которую он сочтет достойной звания "Королева бала", которой каждый обязан подчиняться, отдавать дань уважения и восхищения. Дамам также предоставляется такая же возможность короновать короля. Вся церемония красива и вызывает много веселья.

Церемония окончена, в полночь мы выходим на свежий воздух. Но что за зрелище нас там встречает! Огни горят в таком изобилии, что кажется, что здесь больше, чем днем. Музыка и танцы повсюду. Песни и веселье полностью завладели этим местом, в то время как люди всех возрастов, полов и цветов кожи смешались вместе в какой-то, кажется, неразберихе, намереваясь хорошо провести время на открытом воздухе, в то время как их хозяева и те, кто лучше их, делают то же самое под прикрытием. Это действительно карнавальное зрелище, которое можно увидеть только в тропическом климате".

ГУАНТАНАМО, ПРИБЕЖИЩЕ ПИРАТОВ.

Приближаясь к Кубе, как это сделал Колумб, — через узкую полоску моря из Сан—Доминго, - вы первым делом видите длинный низкий мыс на восточной оконечности, который первооткрыватель назвал Мыс Майси. Вид настолько отличается от того, что открывается на другом конце острова, когда вы спускаетесь обычным маршрутом из Нью-Йорка или Флориды, что с трудом верится, что это та же самая маленькая страна. От мыса Майси земля поднимается крутыми террасами, окруженная высокими холмами и еще более высокими горами, и все это настолько расплывчато в тумане и облаках, что вы не знаете, где кончается земля и начинается небо. Приближаясь, выделяются серые хребты, которые похожи на монахов в капюшонах, заглядывающих друг другу через плечи, причем кое-где величественный пик возвышается намного над своими собратьями — например, Пико Туркино, возвышающийся на 11 000 футов над уровнем моря. Плывая на запад вдоль этого южного берега, "Королева Антильских островов" выглядит пустынной и неприступной по сравнению с другими частями Вест-Индии; открывается панорама диких высот, бесплодных берегов и избитых волнами утесов, покрытых кричащими морскими птицами. Через редкие промежутки времени в скалистом побережье виднеется крошечная гавань, окаймленная пальмами какао, столь охраняемая и скрытая холмами, и ее внезапное открытие, когда вы приближаетесь к ней, поражает вас так же, как и первого исследователя.

Согласно традиции, все это когда-то было логовом пиратов, в старые добрые времена, о которых мы читаем, когда "длинные, низкие, подозрительного вида суда с кривыми мачтами" крались из защищенных бухт, чтобы грабить неосторожных. У входа в каждую маленькую бухту, о существовании которой честные моряки не подозревали, есть высокий лесистый мыс, откуда морские разбойники постоянно следили за проходящими торговыми судами и нагруженными сокровищами галеонами, их собственные быстроходные суда были в безопасности вне поля зрения в бухте; а затем, по данному сигналу, они набрасывались на ничего не подозревающую добычу, как паук на свою паутину. Одним из самых известных мест встречи пиратов был Гаунтанамо, который, как говорят, наши военные корабли обстреливали два или три раза за последнее время. В последние годы его узкий залив, разветвляющийся далеко вглубь страны подобно реке, приобрел значительное значение благодаря железной дороге, соединяющей его с Сантьяго, а также потому, что патриотическая армия, укрывшаяся в близлежащих горах, лелеяла надежды одолеть испанский гарнизон и превратить его в базу для получения помощи извне. До войны в этом городе были обширные сахарные плантации, сейчас все они опустошены. Горы Кобре, мрачно вырисовывающиеся на горизонте, - это великий медно-железный хребет Кубы, который, как говорят, содержит несметные минеральные богатства, ожидающие разработки компанией Yankee enterprise. В прежние времена средняя стоимость экспорта меди и железа с Кубы составляла 4 000 000 долларов в год; но в 1867 году 6 000 000 тонн было вывезено менее чем за десять месяцев. Затем, как обычно, вмешалась Испания. Не довольствуясь львиной долей, которую она всегда понимала в виде непомерных налогов на продукцию, она увеличила акцизы до такой степени, что полностью уничтожила отрасль. Долгое время после этого руда лежала нетронутой в "карманах" кобры, пока внимание американцев не было обращено в эту сторону. Их первые претензии на добычу железа и меди в этих горах были признаны кубинским правительством около семнадцати лет назад. Три корпорации янки разработали богатые участки горнодобывающей промышленности в окрестностях, построили железные дороги от побережья до своих заводов на холмах и экспортировали руду в Соединенные Штаты. В старейшей из этих компаний работало 2000 человек, у нее было 1600 автомобилей и флот из двадцати пароходов для перевозки своей продукции. В компании Карнеги, продукция которой поставлялась в Филадельфию, также работало более тысячи человек.

SANTIAGO DE CUBA.

Наконец, резкое окончание суровых серых утесов, отмечающих эту береговую линию, указывает на близость гавани Сантьяго, а при ближайшем рассмотрении открывается самый живописный форт или замок, а также один из старейших, которые можно найти в западном полушарии. Огромная округлая скала, основание которой было выдолблено в огромные пещеры беспокойным Карибским морем, стоящая прямо у входа в узкий канал, ведущий в гавань, возвышается у кромки воды чередой стен, валов, башен и турелей, образуя идеальную картину средневековой крепости с ребристыми скалами. Это знаменитый замок Сан-Яго, Моро, который по меньшей мере на сто лет опережает более знакомую одноименную крепость в Гаванской гавани. Вряд ли нужны слова, чтобы описать эту старинную, выглядящую в мавританском стиле крепость с ее осыпающимися зубчатыми стенами цвета меда, причудливыми маленькими боковыми башенками и темными башенками, возвышающимися на поверхности серовато-коричневого утеса высотой 150 футов - такого старого, такого странного, такого непохожего ни на что в Америке, с чем можно было бы ее сравнить. Фотография или карандашный набросок немногим лучше, и даже кисть не смогла бы в точности воспроизвести

оттенки его потрепанных временем и непогодой стен - восточные розовые, старые синие и преобладающие желтые тона, которые придают ему половину очарования. На самой нижней стене, прямо нависающей над морем, находится каменная сторожевая будка в форме купола, по бокам которой установлена старинная пушка. Над ним резко очерчены линии каменной кладки, каждая охраняемая терраса переходит в следующую, более высокую, на всех установлены пушки, над которыми возвышается массивная башня устаревшей конструкции.

Чтобы увидеть все это, требуется немало времени, поскольку новые этажи и лестницы, флигели и террасы постоянно возникают в неожиданных местах, но поскольку он занимает три стороны округлого утеса, а лоцман, поднимающийся на борт при входе в канал, ведет ваш пароход вплотную под хмурыми зубчатыми стенами, у вас достаточно времени, чтобы изучить его. Оконные отверстия, вырубленные в скале во всех направлениях, показывают, насколько обширны раскопки. Здесь всегда расквартирован большой гарнизон, даже в мирное время, когда их единственное занятие - поиск тенистых местечек вдоль стен, к которым можно прислониться. Над рядами дорожек есть ряды, соединенные лестницами, вырубленными в цельной скале, каждый ряд покрыт развалившимися солдатами. Вы проходите так близко, что слышите, как они переговариваются. Те, что сидят на самом верхнем парапете, свесив свои синие шерстяные ножки, находятся так высоко и так прямо над головой, что напоминают мух на потолке.

В разных местах в скале были вырыты небольшие ниши, некоторые с распятиями или фигурами святых, а в других местах голая, цельная стена скалы поднимается отвесно прямо на 100 футов. Внизу, на берегу океана, находятся пещеры, глубокие, темные и сверхъестественные, вырубленные глубоко в скале. Некоторые из них настолько обширны, что их не исследовали поколениями.

Широкие и высокие входы в один из них, выдолбленные наступающим морем, представляют собой самую совершенную арку, какую только мог нарисовать искусный архитектор, и с этим связана традиция, насчитывающая пару столетий. Этажом или двумя выше этих изъеденных волнами пещер находится множество маленьких окон, каждое из которых забрано тяжелыми железными решетками. Это подземелья, вырытые в твердой скале, и над ними вполне может быть написано: "Оставьте надежду позади, вы, кто входит сюда!" Толпа изможденных, бледных лиц прижата к решетке; и когда вы медленно проплываете мимо, так близко, что можете заговорить с несчастными узниками, кажется, что на яркий солнечный свет внезапно упала тень, и холод, подобный предчувствию приближающейся смерти, сжимает сердце. С незапамятных времен Моро Сантьяго оборудовал темницы для тех, кто навлек на себя неудовольствие правительства, которых следует бояться бесконечно больше, чем его тезку в Гаване. Если бы у этих скользких стен был язык, какие истории они могли бы рассказать о преступлениях и страданиях, о благородно перенесенных пытках, о смерти, растянутой на долгие годы, и убийствах, которые не "всплывут" до судного дня.

У этой старой башни четверть века назад наших соотечественников с "Виргиниуса" зарезали, как овец. Десятки более поздних патриотов были выведены на крепостной вал и расстреляны, их тела, возможно, еще не лишенные жизни, упали в море, где их схватили акулы, как только они коснулись воды.

Узкий извилистый канал, ведущий из открытого моря в гавань, проходит по своему извилистому руслу мимо нескольких других укреплений причудливой конструкции, но малопригодных против

современных орудий, — между невысокими холмами и широкими лугами, рыбацкими деревушками и кокосовыми рощами. Вскоре вы поворачиваете за крутой угол холмов и входите в широкую, не имеющую выхода к морю бухту, со всех сторон окруженную грядами холмов с многочисленными выступами и мысами, выступающими в спокойную воду, оставляя за собой глубокие маленькие бухточки, окаймленные пальмами какао. Между этим голубым заливом и возвышающимися на фоне пурпурных гор раскинулся город, который Диего Веласкес, его основатель, окрестил в честь святого покровителя Испании еще в 1514 году. Это старейший действующий город в Новом свете, за исключением Санто-Доминго, который сам Колумб основал всего восемнадцатью годами ранее. Кстати, Сан-Яго, Сан-Диего и Сантьяго — это на самом деле одно и то же название, которое на нашем языке переводится как Сент-Джеймс; и везде, где побывали испанцы, их много. Этот конкретный город Сент-Джеймс расположен на пологом склоне холма, в 600 милях к юго-востоку от Гаваны, которая сама по себе является столицей департамента, и занимает третье место среди городов Кубы по коммерческому значению, на втором месте Матансас. Как обычно во всех этих южных портах, вода слишком мелкая, чтобы крупные суда могли подойти к причалу, и пароходам приходится бросать якорь в миле от берега. Пока вы ожидаете прибытия сотрудников службы здравоохранения или таможи, этих величественных джентльменов, которые никогда не склонны к недостойной спешке, у вас есть достаточно времени, чтобы полюбоваться открывающейся панорамой, и, по правде говоря, вам лучше развернуться, не сходя на берег, если вы хотите сохранить первые восхитительные впечатления, поскольку этот старинный город святого покровителя Испании — один из многих, которым расстояние придает очарование.

Здания с красными крышами из камня и самана полностью покрывают склон холма, тут и там виднеются устремляющиеся ввысь купола, башни, церковный шпиль или пальма телья, высывающая свою макушку над садовой оградой — сверкающая зелень хорошо контрастирует с красноватой черепицей и розовыми, серыми, голубыми и желтыми красками стен. В золотистом свете тропического утра он выглядит как восточный городок, расположенный между сапфировым морем и бирюзовыми горами. Его низкие массивные здания, стены которых окружают открытые дворы, с балконами с колоннами и коридорами, большими открытыми окнами, защищенными железными решетками вместо стекол, и крышами, покрытыми глиняной черепицей, являются прямым импортом с Юга Испании, если не с дальнего востока. Танжер в Африке построен на таком же пологом склоне холма, и эта столица Марокко выглядит ничуть не более мавританской, чем Сантьяго-де-Куба. На узкой полоске Лауда, граничащей с восточным краем гавани, с Моро на одном конце и городом на другом, расположено несколько вилл, окруженных рощами и садами, которые, как нам сказали, принадлежат в основном американцам, интересующимся рудниками Кобре. Огромные железные причалы справа принадлежат американским горнодобывающим компаниям, построенным для погрузки руды на свои суда.

КАРДИНАЛЫ.

В пятидесяти милях к востоку от Матансаса находится город Кардинас, последний сколько-нибудь значимый порт на северном побережье острова. Его население составляет 25 000 человек, и он является столицей плодородного района. Это один из главных выходов в богатейшую провинцию Кубы, Матансас, и крупный железнодорожный центр острова, или, точнее говоря, так и должно быть, поскольку железные дороги страны соединяются в пятнадцати милях от берега, на незначительной станции под названием Жувелленес.

В мирное время бизнес Cardinas процветает, особенно в производстве сахара и патоки, экспорт которых иногда достигает 100 000 тонн в год. На западе и юге простираются огромные сахарные плантации, которые сделали эту часть испанских владений призом, за который стоит побороться. Прибрежная часть города выходит на длинные причалы и застроена складами, а его обширное железнодорожное депо сделало бы честь любому мегаполису.

Здесь есть несколько претенциозных общественных зданий, в том числе таможня, больница и колледж. Его мощеные булыжником улицы значительно шире, чем в Гаване, и имеют два ряда конных повозок. Здесь есть газ и электрическое освещение, а также больше двухэтажных домов, чем можно привыкнуть видеть на острове.

Но, несмотря на широкую голубую бухту впереди и Пасео, чьи высокие деревья, кажется, соприкасаются кончиками пальцев через дорогу, поздравляя друг друга с наступлением вечного лета, Кардинас нельзя назвать привлекательным городом. Человеку не хватает очарования старины и исторического интереса, которые пронизывают Гавану, Матансас и Сантьяго, и почему-то кажется, что город новый, но не современный, молодой, но не юный.

ДРУГИЕ ВАЖНЫЕ ГОРОДА.

Пуэрто-Принсипи, или, если дать ему полное название на испанском языке, Санта-Мария-де-Пуэрто-Принсипи, является столицей Центрального департамента и расположен примерно на полпути между северным и южным побережьями, в 305 милях к юго-востоку от Гаваны и в сорока пяти милях к юго-западу от Нуэвитаса, его порта, с которым он связан железной дорогой. Его население составляет около 30 000 человек, и он окружен богатым сельскохозяйственным районом, основными продуктами производства которого являются сахар и табак. Климат жаркий, влажный и нездоровый. Одно время здесь заседал верховный суд всех испанских колоний в Америке.

Одним из самых привлекательных городов Кубы является Тринидад, который расположен недалеко от южного побережья, в трех милях по железной дороге от порта Касильдас. Он красиво расположен на возвышенности с видом на море, и благодаря своему мягкому и очень ровному климату является излюбленным курортом туристов и инвалидов.

Нуэвитас, Санкти-Эспириту, Баракоа и Сьенфуэгос - населенные пункты со многими природными преимуществами, а при справедливой форме правления и появлении американской предприимчивости и капитала они могли бы стать процветающими, привлекательными и имеющими большое коммерческое значение.

ГЛАВА XI.

РОПОТ ВОССТАНИЯ.

Рабство на Кубе—Применяемые ужасные пытки—Заговор Лопеса—Соединенные Штаты вмешиваются—Лопес схвачен и казнен —Захват американских кораблей—Наше правительство требует и гарантирует компенсацию от Испании—Огромные зарплаты кубинских чиновников—Жесткое налогообложение.

Рабство оказывало деморализующее влияние на Кубу, как и на любую другую страну, в которой существовала эта система, и с его присутствием связан один из самых сенсационных эпизодов во всей сенсационной истории несчастного острова. Невозможно знать, в какой степени предполагаемое восстание рабов на сахарных плантациях около Матансаса было реальной угрозой. Обвинения, выдвинутые обвинителями, были настолько ужасны, что им почти невозможно поверить. Во всяком случае, такое восстание ожидалось, и власти приняли меры для его подавления, более суровые, чем любое подобное правительственное движение со времен самой испанской инквизиции. Получить свидетелей обычными методами было невозможно, поэтому применялись самые шокирующие формы пыток. Тех, кто отказывался признаваться, какие бы обвинения ни были выдвинуты против них, пытали до тех пор, пока они не признавались, а затем, вероятно, казнили за преступления, в которых они признались при таких обстоятельствах. В результате таких "судебных" процессов было осуждено 1346 человек, из которых семьдесят восемь были расстреляны, а остальные были наказаны менее сурово различными способами. Сотни других умерли от пыток, которым они подвергались, или в грязных тюрьмах, в которых они содержались, и о них у нас нет никаких сведений. Из тех, кто был осужден и наказан в соответствии с предполагаемыми формами закона, четырнадцать были белыми, 1242 были свободными неграми и пятьдесят девять были рабами. Негры Кубы никогда не забудут варварства, которому подверглись их родители в тот тяжелый год.

Наиболее заметной вспышкой кубинских повстанческих сил до начала Десятилетней войны, начавшейся в 1868 году, был так называемый заговор Лопеса.

Уже в мае 1847 года Нарциссо Лопес и ряд его сообщников, планировавших восстание в центральной части острова, были преследуемы в Соединенных Штатах испанскими агентами, которые следили за их заговором. Общество Одинокой звезды поддерживало этих беженцев, и в определенной степени они сосуществовали. Лопес в 1849 году организовал военную экспедицию для вторжения на Кубу. Усилиями должностных лиц правительства Соединенных Штатов отплытие экспедиции было предотвращено. Однако, несмотря на активность правительства, Лопес в следующем году собрал силы численностью 600 человек за пределами Соединенных Штатов, переправил им оружие и боеприпасы из этой страны и 19 мая 1850 года высадился в Карденасе.

Власти Соединенных Штатов предупредили испанское правительство на Кубе об этой экспедиции. Президент Тейлор издал прокламацию, предупреждающую всех граждан Соединенных Штатов не принимать участия в такой экспедиции и каким-либо образом не оказывать ей содействия. Экспедицию выгнали в море из Карденаса через несколько дней после того, как она приземлилась, отплыла в Ки-Уэст и там распалась. Тем временем на острове произошел ряд восстаний между группами несчастных туземцев, которым не хватило мудрости сотрудничать в попытке противостоять деспотичной руке испанцев.

В августе 1851 года Лопес ускользнул от властей Соединенных Штатов в порту Нового Орлеана и отплыл в Мексиканский залив с экспедицией численностью 450 человек. Его лейтенантом в этой экспедиции был полковник Криттенден, уроженец штата Кентукки. Они приземлились недалеко от Байя-Хонда, примерно в тридцати милях к западу от Гаваны, и обнаружили, что их поджидают правительственные войска. Полковник Криттенден с подразделением в 150 человек был вынужден сдаться, а остальные были рассеяны. Лопес вместе с пятьюдесятью другими был схвачен, доставлен в Гавану и там казнен.

Обстоятельства, сопутствовавшие провалу "Лопеса", и несколько актов насилия со стороны Испании в отношении американских граждан и судов вызвали в Соединенных Штатах глубокие чувства, и быстро росло мнение, что национальный долг ради нашего собственного мира - сделать что-то, что сделало бы беспокойного соседа приятным. Прошло пятьдесят лет, прежде чем были предприняты какие-либо действия, но, раз начавшись, они были хорошо выполнены.

Это было в 1848 году, еще до вторжения Лопеса, когда президент Полк впервые обратился к испанскому правительству с предложением приобрести остров за 100 000 000 долларов, но получил отказ без должного рассмотрения. Несколько лет спустя последовала череда нападений испанских военных кораблей на американские торговые суда под предлогом того, что перехваченные суда находились на службе у флибустьеров. По некоторым из них был открыт огонь, и американские почтовые мешки открылись, причем в этом списке были пароходы Falcon и Crescent City. Самым вопиющим случаем был случай с "Черным воином", большим пароходом, осуществлявшим каботажную торговлю между Нью-Йорком и Мобилом. В феврале 1850 года, находясь в гавани Гаваны, судно было остановлено, его груз конфискован и объявлен штраф в двукратном размере. Ее капитан спустил знамена и, забрав их с собой, покинул судно, как захваченное испанцами. После пяти лет "дипломатии" Испания выплатила компенсацию в размере 300 000 долларов за это безобразие.

Это было в 1852 году, когда правительства Великобритании и Франции попытались вовлечь Соединенные Штаты в соглашение по вопросу о Кубе, которое, к счастью, было отклонено на подлинно американских основаниях. Было предложено, чтобы все стороны взяли на себя обязательство не приобретать Кубу самостоятельно и не позволять какой-либо другой державе делать это. Наше правительство уважительно рассмотрело это предложение, но отказалось заключать какие-либо подобные соглашения на том основании, что мы предпочитаем избегать запутанных иностранных союзов, что было бы неразумно, если не неконституционно, связывать нам руки на будущее, независимо от того, что может произойти, и что по географическим соображениям, в то время как Англия и Франция шли на очень незначительные уступки, нас попросили сделать очень важную уступку.

Соединенные Штаты были как никогда близки к покупке Кубы в 1854 году, но Испания не слишком поощряла этот план. Три американских министра в европейских странах, г-н Дж. Бьюкенен, Мейсон и Соул встретились в Остенде и разработали план покупки, подписания и выпуска того, что стало известно как остендский манифест. Они рекомендовали купить остров за 120 000 000 долларов и ни в коем случае не допускать, чтобы он перешел под власть какого-либо другого европейского правительства, кроме того, которым он был удержан. В то время и впоследствии, когда флибустьерские экспедиции были частыми, а беспорядки на Кубе постоянно угрожали, вопрос о приобретении Кубы обсуждался в Конгрессе, но никакого прогресса в этом вопросе достигнуто не было. Наконец, условия на острове стали невыносимыми для тамошних патриотов, и началась Десятилетняя война.

Здесь необходимо рассказать о некоторых причинах частых беспорядков и восстаний на острове Куба. Были названы некоторые особенности испанского дурного правления в колонии, но список далек от завершения.

Большинство авторов-юристов, как бы горько они ни осуждали Испанию, признают, что это полуостровное королевство само пострадало и что народ сам перенес почти непосильные страдания. Куба - не единственная страна, с которой мы можем разделить часть наших

симпатий. Но симпатия к Испании должна исходить не от внешнего угнетения, а от чего-то другого. Ее угнетение происходит в пределах ее собственных границ, и ее власти пытались переложить его бремя на колонистов за морем. Долг Испании достиг огромных размеров, и, потеряв свое высокое положение как коммерческой нации, стало невозможным выплачивать большие проценты по ее плавающему долгу обычными и правильными методами. Как говорит один писатель: "Чтобы выплачивать проценты, необходимо самое жестокое угнетение. Движущим импульсом является не злоба, а жадность голодающих; и угнетатель, и угнетаемые в равной степени являются объектами сочувствия".

Годовой доход, собираемый на острове Куба, достиг почти 26 000 000 долларов к моменту начала Десятилетней войны, и шла подготовка к значительному увеличению поборов. Собранные большие доходы были потрачены таким образом, чтобы вызвать раздражение кубинцев или любого другого лица, которое должно было помочь их выплатить. Годовая зарплата генерал-капитана составляла 50 000 долларов, в то время как президент Соединенных Штатов получал всего 25 000 долларов в год. Каждый губернатор провинции на Кубе получал зарплату в размере 12 000 долларов, в то время как премьер-министр Испании получал лишь половину этой суммы.

Епископ Гаваны и архиепископ Сантьяго-де-Куба получали зарплату в размере 18 000 долларов каждый. Все должности, гражданские, военные и церковные, давали богатые льготы, за исключением тех случаев, когда воровство было проще. Повсеместная коррупция на таможнях была общеизвестна и признавалась всеми. Кражи на таможнях Гаваны оценивались в сорок процентов, а в Сантьяго - в семьдесят процентов от всей выручки. Все должности, кроме самых низших, как в церкви, так и в государстве, были заполнены людьми, присланными из Испании, с искренним пониманием того, что как только каждый новый назначенный сможет сколотить состояние честными средствами, так и нечестными, он должен уйти в отставку и позволить прислать другого, чтобы тот по очереди наградил. Результатом этого было то, что у власти всегда были чужаки, люди, не сочувствующие местным нуждам, и не нуждающиеся в поддержании местной репутации. Совершенно очевидно, какую государственную службу создали бы такие условия.

Как и следовало ожидать, результатом стал рост двух партий, одна из которых была коренными кубинцами и называлась *insulares*, другая - выходцами из Испании и их приверженцами, известными как *peninsulares*. Грань между ними была резко проведена в течение многих лет, и они находятся по разные стороны баррикад. Именно из рядов жителей континента был сформирован кубинский добровольческий корпус, одно из самых отягчающих и угрожающих влияний, направленных против мира на Кубе.

Испания ввела дифференцированные пошлины таким образом, что фактически монополизировала торговлю острова. В то же время цены на весь импорт на Кубу были завышены до неестественных цифр, к великому огорчению народа. Мелочное притеснение в виде почтовых сборов и сборов за крещение умножилось, так что из мелкого оно стало большим. Увеличение налога на Кубу для использования в Испании за два года до начала Десятилетней войны составило более 14 000 000 долларов, и в следующем году было предложено увеличить его еще больше. Города безнадежно увязли в долгах и были неспособны произвести самые обычные и самые необходимые общественные улучшения. Те немногие школы, которые там были, почти все были закрыты. Не имея приютов для душевнобольных,

несчастные из этого класса содержались в тюрьмах. Люди увидели страну, отделенную от них лишь узкой полоской воды, где царила свобода. Они видели, что их сильно притесняют налогами в интересах народа Испании и что, кроме того, их безжалостно грабят в интересах властей, которые были временно поставлены над ними. Если бы собранные с них деньги были потрачены в их пользу на острове или были потрачены честно, дело могло бы быть по-другому. Однако, как бы то ни было, невыносимые условия сохранялись слишком долго, и они восстали против них в борьбе, известной в истории как Десятилетняя война.

ГЛАВА XII.

НАЧАЛО ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

На Кубе снова начались беспорядки — Налоги на острове выросли — Была принята Декларация независимости — Организовано гражданское правительство — Заседание Законодательного органа и выборы должностных лиц — Указ тирана.

Перед началом Десятилетней войны партия реформ на Кубе, в которую входили все наиболее просвещенные, богатые и влиятельные граждане острова, исчерпала все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, чтобы побудить Испанию установить более справедливое управление делами, но все безрезультатно.

Было предложено, чтобы Куба приняла автономистскую конституцию. Отмена верховной власти генерал-капитана, свобода прессы, право подачи петиций, регулирование основных махинаций, с помощью которых выборы были организованы таким образом, что ни один кубинец не мог занимать государственные должности, право собраний, представительство в кортесах и полное местное самоуправление были среди требуемых реформ. Планы рассматривались в Испании, пересматривались и рассматривались снова, и это было практически все, что из них вышло, за исключением того, что в июне 1868 года генерал-капитану Лерсунди было разрешено повысить прямые налоги на острове на десять процентов.

Наконец, доведенные до точки, когда они больше не могли этого выносить, они сделали шаг к свободе и начали бороться за нее, как должны были делать храбрые люди на протяжении всей мировой истории.

За несколько месяцев до революции в Испании и отречения Изабеллы были приняты меры по подготовке к усилиям по достижению независимости. Наконец, события в метрополии развивались так быстро, что кубинцы не осмелились ждать завершения своих планов, но 10 октября 1868 года начали военные действия. В тот день Карлос М. де Сеспедес, юрист Баямо, проявил инициативу со 128 плохо вооруженными людьми и опубликовал декларацию независимости в Яре. Это заявление оправдывало себя тем, что в следующих выражениях указывало на жалобы, которые были изложены:

"Вооружаясь против тиранического правительства Испании, мы должны, согласно прецеденту во всех цивилизованных странах, провозгласить перед миром причину, побуждающую нас предпринять этот шаг, который, хотя и может повлечь за собой значительные беспорядки в настоящем, обеспечит счастье в будущем. ... И поскольку Испания много раз обещала нам, кубинцам, уважать наши права, не выполнив своих обещаний; и она продолжает облагать нас

высокими налогами, и тем самым, вероятно, уничтожит наше богатство; поскольку мы рискуем потерять нашу собственность, наши жизни и нашу честь под испанским владычеством " и т.д.

В течение нескольких недель Сеспедес стоял во главе 15 000 человек, плохо подготовленных к войне с точки зрения вооружения и снаряжения, но хорошо обеспеченных решимостью, храбростью и справедливым делом. Было организовано гражданское правительство и разработана конституция, предусматривающая избираемых президента и вице-президента, кабинет министров и единую законодательную палату. В нем также провозглашалась немедленная отмена рабства. Эта конституция была обнародована в Гуаймаро в Центральной части Кубы 10 апреля 1869 года. Вскоре после этого законодательный орган собрался и избрал президентом Сеспедеса, а Франсиско М. Агилеро вице-президент.

Это восстание вскоре приняло грозные размеры, и генерал Бальмаседа издал следующий указ:

Жители страны! Прибыло подкрепление войск, которого я так долго ждал. С ними я обеспечу защиту добрым людям и быстро накажу тех, кто все еще продолжает бунтовать против правительства метрополии.

Вы знаете, что я простил тех, кто сражался с нами с оружием в руках; что ваши жены, матери и сестры нашли во мне неожиданную защиту, в которой вы им отказали. Вы также знаете, что многие из тех, кого мы помиловали, снова отвернулись от нас. Перед лицом такой неблагодарности, такого подлости я не могу быть тем человеком, которым я был; фальшивому нейтралитету больше нет места; тот, кто не за меня, тот против меня; и чтобы мои солдаты умели отличать, вы слышите приказ, который они отдают.

1. Каждый мужчина в возрасте от пятнадцати лет и старше, обнаруженный вдали от своего жилья (finca) и не докажуший обоснованных мотивов для этого, будет расстрелян.
2. Каждое незанятое жилье будет сожжено войсками.
3. Каждое жилье, над которым не развевается белый флаг в знак того, что его обитатели желают мира, будет превращено в пепел.

Женщины, которые живут не в своих домах или в домах своих родственников, соберутся в городе Джигуани или Баямо, где им будет предоставлено содержание. Те, кто не явится, будут задержаны принудительно.

Вышеуказанные решения вступят в силу 14 числа текущего месяца.

EL CONDE DE BALMACEDA.

Баямо, 4 апреля 1869г.

Даже Вейлеру, "Мяснику", никогда не удавалось состряпать манифест, превосходящий этот в злобных оправданиях древних испанских забав грабежа, поджога и убийства.

ПРИЧИНА СПРАВЕДЛИВАЯ.

Теперь высшие испанские власти признают, что у повстанцев были веские основания для этого восстания, и сеньор Дюпуи де Ломе, бывший посол Испании в Соединенных Штатах, признает в

письме в "Нью-Йорк Геральд", что подавляющее большинство видных граждан острова сочувствовали борьбе за свободу.

Новое правительство получило моральную поддержку почти всех южноамериканских республик, но поскольку многие из них были обеспокоены внутренними разногласиями и не были уверены в собственной безопасности, они были не в состоянии оказать помощь более практического характера, и революционерам пришлось самим искать спасения.

В исчерпывающем обзоре разногласий между Испанией и ее кубинскими владениями, опубликованном в 1873 году, в "Эдинбург Ревью" говорилось:

"Хорошо известно, что Испания управляет островом Куба железной и окровавленной рукой. Первая держит вторую лишенной гражданских, политических и религиозных свобод. Отсюда несчастные кубинцы, незаконно преследуемые и отправленные в изгнание или казненные военными комиссиями в мирное время; отсюда их не пускают на публичные собрания и запрещают говорить или писать о государственных делах; отсюда их протесты против зла, которое их постигает, рассматриваются как действия мятежников, из-за того факта, что они обязаны молчать и повиноваться; отсюда нескончаемая эпидемия голодных чиновников из Испании, которые пожирают продукты своей промышленности и труда; отсюда их исключение из общественных мест и отсутствие возможности приспособиться к искусству управления; отсюда ограничения, которым подвергаются общественные деятели. их обучают, чтобы держать в таком невежестве, чтобы они не могли знать и отстаивать свои права в какой бы то ни было форме; отсюда флот и постоянная армия, которые содержатся в их стране за счет огромных средств из их собственного богатства, чтобы заставить их преклонять колени и подставлять шею железному ярму, которое их позорит; отсюда изнурительные налоги, под которыми они трудятся, и которые заставили бы их всех погибнуть в нищете, если бы не изумительное плодородие их почвы".

ГЛАВА XIII.

МАССОВОЕ УБИЙСТВО ОФИЦЕРОВ И КОМАНДЫ "ВИРДЖИНИУСА".

Волнение в Соединенных Штатах из-за возмущения Испании двадцатипятилетней давности — "Вирджиниус а", прорвавший блокаду — Суровость военного трибунала Испании — Дерзость в адрес американского консула — Возмущение в Соединенных Штатах — Переговоры между Вашингтоном и Мадридом — Урегулирование, неудовлетворительное для большинства людей — Справедливого возмездия так и не последовало.

Менее чем за двадцать пять лет до гибели "Мэна" другое судно, экипаж которого встретил свою судьбу в испанском порту на Кубе, стало предметом такого же пристального общественного интереса в Соединенных Штатах, какой вызвала катастрофа 1898 года. Обнадеживающий прогресс Кубинской революции 1868-78 годов побудил их друзей в Соединенных Штатах помогать повстанцам всеми возможными способами - деньгами, людьми и военным снаряжением. Флибустьерство было постоянным, и народ Соединенных Штатов почти не препятствовал ему, несмотря на протест Испании. Именно в результате этого состояния и произошла ужасная история с "Виргиниусом".

Случай с "Виргиниусом" содержал в себе элементы трагедии, которые сделали его более зрелищным и драматичным, чем случай с "Мэном", и американский дух был доведен до еще большего напряжения, чем сейчас, прежде чем дипломатия и осторожность предотвратили войну между Соединенными Штатами и Испанией. В случае с "Вирджиниусом" факты испанской агрессии никоим образом не отрицались, а, наоборот, какое-то время с гордостью признавались, пока власти Мадрида не утомили свой народ, который своими разговорами усложнял урегулирование. Единственное разногласие касалось того, были ли действия Испании в этом вопросе в рамках ее прав. Но мировое соглашение, каким бы оно ни оставило права на судно все еще нерешенными, было упреком Испании, и те, кто помнит об этом, никогда не простили Испании казнь американских граждан, едва ли соблюдавшую закон, независимо от того, какое дипломатическое решение было принято относительно удовлетворения.

Первоначально "Вирджиниус" был английским колесным пароходом под названием Virgin, а во время войны между Штатами был одним из самых известных участников блокады, пока не был захвачен судном Соединенных Штатов. В 1870 году она была продана в Вашингтоне агенту кубинской хунты в Нью-Йорке, ее имя было изменено на Вирджиниус, и она переехала в Кюрасоа в Вест-Индии. С того времени и до своей несчастливой судьбы она ни разу не была в водах Соединенных Штатов. В Аспинуолле, а также в портах Венесуэлы и Вест-Индии она в течение трех лет была известна как самая смелая и успешная из флибустьеров, неоднократно совершавшая высадки на побережье Кубы с поставками оружия, боеприпасов, продовольствия и одежды для повстанцев, которые в то время вели Десятилетнюю войну. Однако, несмотря на все его флибустьерские действия, утверждалось, что "Вирджиниус" никогда не терял своего характера американского корабля, хотя кубинский флаг сохранялся на верхушке мачты всякий раз, когда эта практика служила какой-либо благой цели.

Судно отправилось в роковой рейс из Кингстона, Ямайка, 23 октября 1873 года, получив разрешение в консульстве Соединенных Штатов как судно Соединенных Штатов, направляющееся в Порт-Саймон, Коста-Рика. Командиром был капитан Джозеф Фрай, гражданин Соединенных Штатов. Груз состоял из военного снаряжения для кубинских повстанцев, а экипаж состоял как из кубинских, так и из американских граждан. Также на борту находилось несколько рядовых, направлявшихся присоединиться к повстанческой армии.

Только 31 октября "Вирджиниус" приблизился к берегам Кубы, чтобы совершить посадку, и был перехвачен испанской канонерской лодкой "Торнадо". "Торнадо" был построен той же английской фирмой, что и "Вирджиниус", также для забега в блокаду, но в последовавшей гонке "Вирджиниус" не смог сравняться в скорости со своим испанским преследователем. Погоня длилась восемь часов. Наконец, в 10 часов вечера "Вирджиниус" был остановлен и сдался в ответ на пушечные выстрелы "Торнадо", которые подошли на расстояние выстрела. Капитан возразил, что его документы были обычными и что "Вирджиниус" был "американским кораблем, носящим американские цвета и документы, с американским капитаном и американской командой". В ответ ему сказали, что он пират, его флаг был спущен и растоптан, а на его месте был поднят испанский флаг.

Во время погони за "Вирджиниусом" пассажиры и экипаж обреченного судна были в состоянии паники. Груз, состоявший из военного снаряжения, был выброшен за борт, и все находившиеся на судне люди вынули из своих сундуков все, что могло показаться подозрительным. Почти с

момента поимки судьба несчастных была предreshена, и вскоре они осознали степень угрожавшей им опасности.

ВЕРДИКТ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ИСПАНИИ.

Когда на следующий день "Торнадо" и "Вирджиниус" достигли Сантьяго-де-Куба, 155 захваченных мужчин были помещены в строгое заключение, и сразу же был созван военный трибунал. Различные военные трибуналы приговорили большинство, если не всех заключенных, к смертной казни, причем это упрощенное производство, как утверждалось, соответствовало испанским законам, по крайней мере, в том, что касалось характера суда и характера судебных форм. Первые казни были совершены утром 4 ноября, когда были застрелены четверо мужчин, одним из которых был бригадный генерал Вашингтон Райан, заявивший о британском гражданстве как канадец, хотя он служил в армии Союза во время последней войны. Жертвы были убиты выстрелом в спину, а их тела впоследствии обезглавлены, головы насажены на пики, а туловища растоптаны лошадьми. Джордж У. Шерман, корреспондент "Нью-Йорк Геральд", попытался зарисовать место происшествия и был заключен в тюрьму на четыре дня за свою попытку. Охранник удерживал американского консула в его доме, чтобы он не мог явиться с протестом.

Поскольку "Вирджиниус" носил американские цвета и был зафрахтован и допущен как американское судно, у него было *prima facie* право на защиту как таковую до тех пор, пока его право не будет опровергнуто. Поэтому мистер Э. Г. Шмитт, американский вице-консул в Сантьяго, незамедлительно потребовал доступа к заключенным с целью защиты прав судна и всех находящихся на борту, кто мог быть американскими гражданами. Губернатор провинции обошелся с ним крайне невежливо, фактически сказав ему, что это не его дело, и настойчиво заявляя, что все они пираты и с ними поступят как с таковыми. Мистеру Шмитту даже отказали в использовании подводного кабеля для консультаций с консулом в Кингстоне, Ямайка. Таким образом, он остался бы совершенно беспомощным, если бы не дружеская помощь британского и французского консулов.

8 ноября были казнены еще двенадцать человек, а 13-го - тридцать семь, в эту последнюю партию входили офицеры и команда "Вирджиниуса" и большинство американских граждан. В 4 часа пополудни осужденных повели к месту казни, минуя американское консульство и отдавая честь его сотрудникам, на которых не развевался флаг.

Капитан Фрай был застрелен первым и был единственным человеком, хотя солдаты стояли всего в десяти футах от него, который упал замертво при первом же залпе. Большинство бедняг, пока продолжалась стрельба, были ранены и убиты, лежа на земле, обычным испанским способом - залпом винтовок в рот тем, кто был инвалидом. Второй инженер "Вирджиниуса" был среди казненных. Он сделал заявление испанцам, что испортил двигатели и снизил скорость судна, чтобы его можно было захватить, и был отправлен вместе с остальными, чтобы его товарищи не узнали, что его пощадят. Его застрелили по ошибке, когда он отчаянно протестовал и давал объяснения, но, поскольку он так или иначе был предателем, его смерть была единственной из всех, о которой никто никогда не сожалел.

ПРОТЕСТЫ ОСТАЛИСЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ.

Все это время консулы в Сантьяго не бездействовали, но они были беспомощны. Э. Г. Шмитт, американский вице-консул, и Теодор Брукс, британский вице-консул, заявляли всевозможные

протесты, которые были тщетны. Шмитту не разрешалось видаться с заключенными ни до, ни после военного трибунала, до самого конца, когда он добрался до капитана Фрая и подписал у него свой протест. Ему не разрешили пользоваться телеграфом для связи с правительством в Вашингтоне через Кингстон, Ямайка.

Он неоднократно писал записки генералу. Барриэлю, испанскому командующему в Сантьяго, не получая на них ответа, пока, наконец, не пришел ответ, который был более раздражающим, чем молчание. Барриэль сказал ему, что он должен был знать, что предыдущий день был днем религиозного праздника, во время которого он и все его офицеры были заняты "размышлением о божественных тайнах" и не могли думать о мирских делах. Он также сообщил консулу, что его могут выслать с острова за попытку втянуть Соединенные Штаты и Испанию в неприятности, если он не будет осторожен.

Затем появилось единственное светлое пятно во всем этом деле. Известие о происходящем достигло Ямайки, и британская канонерская лодка "Ниобе", капитан сэр Лэмбтон Лоррейн, отправилась к месту резни в такой спешке, что оставила часть команды на берегу. Капитан высадился в Сантьяго еще до того, как его корабль бросил якорь, и потребовал немедленно прекратить резню. Он заявил, что представляет Соединенные Штаты так же, как и Англию, и что он подвергнет город бомбардировке, если будет казнен еще один американский гражданин. Девяносто трем мужчинам был вынесен смертный приговор, многие из которых были американцами, но приговоры были немедленно приостановлены, и жизни были спасены. Впоследствии испанцы утверждали, что казни были остановлены по приказу, полученному из Мадрида.

В следующий раз, когда сэр Лэмбтон Лоррейн был в Нью-Йорке, ему предложили прием, от которого он отказался. Однако ему подарили серебряный кирпич, на котором были выгравированы слова: "Кровь гуще воды". Резолюция с выражением благодарности ему была положена на стол в Палате представителей и так и не была принята.

АМЕРИКАНЦЫ ТРЕБУЮТ МЕСТИ.

Когда новости обо всем этом достигли Соединенных Штатов, общественное возмущение быстро возросло. Прошли массовые митинги с требованием мести Испании. Президент Грант направил специальные послания Конгрессу, и госдепартамент начал дипломатические переговоры. Гамильтон Фиш, государственный секретарь, заявил, что "Вирджиниус", будучи зарегистрированным как американское судно, имеющее официальные документы на лицевой стороне и несущее флаг Соединенных Штатов, полностью находится вне юрисдикции какой-либо другой державы в открытом море в мирное время; что, если она добилась обманного проникновения или совершила любое другое мошенничество, противоречащее законам Соединенных Штатов, она должна быть передана судам Соединенных Штатов для наказания, а не быть схваченной и наказанной какой-либо другой державой.

Министром иностранных дел Испании в то время был адмирал Поло де Бернабе, отец нового министра Испании, сменившего Дюпюи де Ломе. Он хотел передать дело в арбитраж, и госсекретарь Фиш ответил ему, что "Соединенные Штаты готовы передать в арбитраж все вопросы, должным образом подлежащие рассмотрению, но что вопрос о оскорблении флага страны и захвате в мирное время в открытом море судна, несущего этот флаг и имеющего также реестр и документы американского судна, не считается вопросом, который может быть передан

на рассмотрение другим державам. Нация должна быть судьей и хранителем своей собственной чести".

Большинство мужчин были казнены после того, как в Мадриде начались протесты. Толпы мадридцев устроили демонстрацию против американского министра генерала Сиклза. 4 ноября госсекретарь Фиш телеграфировал Сиклсу: "В случае отказа в удовлетворительном возмещении ущерба в течение двенадцати дней с этой даты закройте свою миссию и покиньте Мадрид". Десять дней спустя, когда казни закончились, он телеграфировал: "Если Испания не сможет исправить эти безобразия, это сделают Соединенные Штаты". Через десять дней после этого он телеграфировал: "Если к концу завтрашнего дня не будет достигнуто соглашение, уезжайте". На следующий день Испания стала сговорчивой, и война была предотвращена.

Своим поведением в Мадриде в то время генерал Сиклс приобрел много друзей среди тех американцев, которые хотели видеть энергичные действия, и много врагов среди тех, кто хотел мира любой ценой. Впоследствии утверждалось, что последнее влияние стало доминирующим, и что его отзыв с этого поста был результатом их работы по наказанию его за его энергию, которая не всегда проявлялась дипломатично в своих формах.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Условия урегулирования проблемы заключались в том, что "Вирджиниус" должен быть передан американскому военному кораблю вместе с выжившими из тех, кто был захвачен вместе с ним в плен, и что 25 декабря "Торнадо" должен салютовать флагу Соединенных Штатов. Капитуляция была произведена в малоизвестной гавани Баия-Хонда 16 декабря, испанцы отвели туда "Вирджиниус", чтобы избежать унижения капитуляции в Сантьяго или Гаване, где она должна была быть произведена. Капитан У. Д. Уайтинг, начальник штаба Североатлантической эскадры, был назначен принять сдачу "Вирджиниуса", и с этой целью вместе с ним в Баия-Хонду было отправлено донесение с канонерской лодки. Лейтенант. Адольф Марикс был флаг-лейтенантом Диспетчерской службы, тем самым, который впоследствии был судьей-адвокатом суда по расследованию катастрофы в штате Мэн. "Вирджиниус" был доставлен с поднятым флагом, но оказался немореходным и, попав в шторм у мыса Хаттерас, затонул по пути в Нью-Йорк. Соединенные Штаты отказались от организованного салюта флагу, поскольку генеральный прокурор высказал мнение, что "Вирджиниус" не имел права поднимать американский флаг, когда был захвачен.

Майор Мозес П. Хэнди, впоследствии прославившийся как журналист, присутствовал при сдаче "Вирджиниуса" американским военным в гавани Баия-Хонда и дает наглядный отчет об обстоятельствах, сопутствовавших этой церемонии. В заключение своего рассказа он говорит: "Сдача выживших узников резни произошла со временем в Сантьяго, скорее благодаря настойчивости британцев, чем нашему слабому представительству. Что касается пятидесяти трех убитых, то Испания никогда не доставляла нам никакого реального удовлетворения. Долгое время мадридское правительство беззастенчиво отрицало, что имело место какое-либо убийство, а когда его вынудили признать этот факт, они оттолкнули нас нелепыми оправданиями. "Мясник Борриэль", по приказу которого было совершено это злодеяние, был признан в Мадриде оправданным обстоятельствами. Было сделано вид, что приказы приостановить казнь Райана и его сообщников были, "к сожалению", получены слишком поздно из-за обрыва телеграфных линий повстанцами, на чьи широкие и истекающие кровью плечи таким образом была предпринята попытка переложить ответственность.

"Было формальное осуждение поступка Борриэля и было дано обещание наказать "тех, кто оскорбил", но никакого наказания ни к кому применено не было. Испанское правительство, со свойственным ему двурушничеством, прибегло к проволочкам, увиливанию и обману и таким образом выиграло время, пока новые проблемы не стерли в сознании американцев память о старых неотмытых обидах. Вместо того чтобы быть пониженным в должности, Борриэль получил повышение. По сей день Испания так и не добилась какого-либо адекватного искупления, не говоря уже об извинениях или выражении сожаления по поводу резни в Виргинии".

Сумма денег, выплаченная правительству Соединенных Штатов для распределения среди семей американских пострадавших в результате этого дела, составила 80 000 долларов. И это размер компенсации, полученной за шокирующее преступление.

"Вирджиниус", хотя и был самым заметным, был не единственной американской жертвой испанского плохого правительства на Кубе во время Десятилетней войны. В 1877 году три китобойных судна "Райзинг Сан", "Эллен Рицпа" и "Эдвард Ли", занимавшиеся своим законным бизнесом под американским флагом за пределами кубинских вод, были обстреляны и задержаны на несколько дней с особыми трудностями и жестокостью. Правительство Соединенных Штатов тщательно расследовало это безобразие и потребовало от Испании возмещения ущерба в размере 19 500 долларов. Требование, однако, не было исполнено, и сумма в размере 10 000 долларов была принята в качестве компромиссного решения.

ГЛАВА XIV.

ОПЕРАЦИИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.

Сравнение двух войн — Гаванские добровольцы—Резня в театре Вильянува—Военный трибунал над студентами—Каникулы в Гаване—Окончание войны—Зендзонский мирный договор.

Читателю, внимательно следившему за борьбой на Кубе в течение последних трех лет, нет необходимости говорить, что Испания имела полное преимущество в людях, деньгах, оружии и боеприпасах. Такое же положение дел существовало во время Десятилетней войны. На самом деле неравенство было еще большим, поскольку испанская армия тогда состояла из опытных солдат, которых хорошо кормили, хорошо одевали и которым регулярно платили. В нынешнем конфликте многие из них - мальчишки, которых отправили из дома делать мишени для пуль повстанцев. Они сравнительно ничего не знают о военной тактике, им месяцами не платят, и у них нет еды и одежды. Оснащение повстанческих сил во время предыдущего восстания было еще более ограниченным, чем в этом. Хотя они не испытывали серьезных трудностей с добычей продовольствия, боевые орудия в любых количествах были вне их досягаемости. Но в них был тот же дух, который придавал мужества нашим американским героям в революционные времена, и в течение десяти лет они храбро боролись с превосходящими силами противника.

Невозможно подробно рассказать о чудовищных жестокостях, практиковавшихся испанской армией в те годы кровавой бойни. Вот свидетельство одного офицера:

"Мы взяли в плен семнадцать человек, тринадцать из которых были расстреляны на месте; умирая, они кричали: "Ура свободной Кубе, ура независимости". Мулат сказал: "Ура Сеспедесу". На следующий день мы убили кубинского офицера и еще одного человека. Среди тринадцати

человек, которых мы расстреляли в первый день, мы нашли трех сыновей и их отца. Отец был свидетелем казни своих сыновей, даже не изменив цвета лица, и когда подошла его очередь, он сказал, что погиб за независимость своей страны. Возвращаясь, мы привезли с собой три повозки, наполненные женщинами и детьми, семьями тех, кого мы расстреляли, и они попросили нас расстрелять их, потому что они предпочли бы умереть, чем жить среди испанцев".

Другой написал:

"Ни один кубинец не останется на этом острове, потому что мы снимаем все, что находим на полях, на фермах и в каждой лачуге. Мы не оставляем в живых ни одно существо, где проходим, будь то человек или животное. Если мы находим коров, мы убиваем их, если лошадей, то же самое, если свиней, то же самое, мужчин, женщин или детей, то же самое. Что касается домов, мы их сжигаем. Так что каждый получит по заслугам: люди - по яйцам, животные - по штыковым ударам. Остров останется необитаемым".

В городах совершались не менее варварские бесчинства.

ГАВАНСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ.

Гаванские добровольцы, состоящие из жителей испанского происхождения, в пользу которых всегда было организовано правительство острова, захватили Гавану и подчинили ее власти толпы. В мае 1870 года они прошли маршем перед театром Вильянува и открыли залповый огонь по входящей толпе. По словам некоторых из них, у них были основания полагать, что представление, которое должно было состояться там, было направлено на сбор средств для дела повстанцев.

Эта организация была настолько могущественной, что вскоре после этого безобразия они арестовали генерал-капитана острова и, наконец, отправили его в Испанию, сообщив правительству метрополии, что он недостаточно суров в своем правлении, чтобы соответствовать их взглядам, и предположив, что в случае, если на полуострове не найдется людей, обладающих необходимой выносливостью, чтобы управлять Кубой в соответствии со своими идеями, они могут счесть целесообразным взять командование на себя.

В другой раз мертвое тело одного из этих добровольцев было помещено в общественную могилу в Гаване, и было обнаружено, что хранилище было осквернено непристойной надписью на стекле двери. Без какой-либо известной причины, кроме кровожадного желания отомстить кому-либо, независимо от того, виновен он или невиновен, утверждалось, что преступление было совершено кем-то из студентов университета, и по жалобе добровольческого корпуса сорок три из этих молодых людей были арестованы.

Они предстали перед военным трибуналом, и обвинение было настолько явно несправедливым, что защищать их вызвался офицер регулярной армии Испании. Против них не было абсолютно никаких доказательств, и они были оправданы. Но добровольцы были полны решимости не допустить побега своих жертв, и, воспользовавшись страхом, в котором их держали даже официальные лица Гаваны, они вынудили генерал-губернатора издать приказ о повторном предании суду. На этом допросе они подстроили дело так, что две трети членов судебной коллегии были связаны с их организацией, и в отношении всех заключенных был быстро

вынесен обвинительный вердикт. Восемь из них были приговорены к расстрелу, а остальные - к длительным срокам заключения на каторжных работах.

День казни в Гаване был праздничным. Музыкальные оркестры прошли парадом по улицам, за ними последовали добровольцы численностью 15 000 человек, а за ними, закованные в цепи и под военной охраной, шли восемь мальчиков, приговоренных к смерти. Сознывая свою невиновность ни в каком преступлении, они не дрогнули, а храбро направились к месту казни, где столкнулись лицом к лицу со своими убийцами и пали, изрешеченные пулями из винтовок добровольцев. Сообщение об этом деле вызвало трепет ужаса во всем цивилизованном мире, и виновные в этом безобразии были сурово осуждены испанскими кортесами, но не было предпринято никаких попыток наказать их, и те, кто был заключен в тюрьму, не были освобождены.

Тем временем война в провинциях велась с переменным успехом, но в конце концов между гражданскими и военными властями республики Куба возникли разногласия, и поскольку "дом, разделенный сам против себя, не может устоять", эффективность кампании была сведена на нет, и в 1878 году испанское правительство предложило уступки, которые были приняты революционерами, и борьба была прекращена.

Каким мог бы быть исход соревнования, могло ли оно быть продолжено с лидерами, объединенными ради его успеха, - вопрос открытый. С годами рядовой состав кубинской армии, казалось, был более полон решимости, чем когда-либо, сбросить ярмо, а правительство Испании стало менее оперативно присылать людей и деньги для продолжения войны. Они с готовностью воспользовались возможностью довести дело до конца, и Зенджонский мирный договор, подписанный генералом Мартинесом Кампосом, испанским генерал-губернатором острова, и генералом Максимо Гомесом, главнокомандующим кубинской армией, обещал множество реформ и амнистию всем, кто принимал участие в восстании.

ГЛАВА XV.

ЗЕНДЖОНСКИЙ МИР И НАРУШЕННЫЕ ИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Лицемерие и обман Испании—Кубинцам отказано в представительстве—Повышение налогов—Королевские указы—Правдоподобный аргумент, который не подтверждается фактами—Обещания Испании всегда нарушались.

Если бы Испания была искренна в обещаниях реформ, которые она дала своей кубинской колонии при подписании Зенджонского мирного договора, вполне вероятно, что нынешней войны никогда бы не произошло. Ибо, в то время как некоторые лидеры — в частности, генерал Масео — отказались идти на умиротворение, подавляющее большинство лучших классов были рады принять мирное урегулирование на условиях, которые давали им фактически, если не номинально, почти все уступки, за которые они боролись.

Но им не потребовалось много времени, чтобы понять, что их обманули. Испания предоставила Кубе свободы Пуэрто-Рико, у которого их не было. На этой обманчивой почве была заложена новая ситуация, по которой потек поток лжи и лицемерия. Испания, чье мнение не изменилось, поспешила изменить название вещей. Генерал-капитан назывался генерал-губернатором.

Королевские указы получили название разрешений. Коммерческая монополия Испании получила название каботажной торговли. Право на изгнание было преобразовано в закон о бродяжничестве. Жестокие нападения на беззащитных граждан получили название "componte". Закон о конституционных гарантиях стал законом об общественном порядке. Налогообложение без согласия или ведома кубинского народа было изменено в законе о смете (бюджете), за который проголосовали представители Испании.

Болезненный урок Десятилетней войны был полностью забыт Испанией. Вместо того, чтобы начать спасительную политику, которая залечила бы недавние раны, ослабила общественное беспокойство и утолила жажду справедливости, испытываемую народом, желавшим воспользоваться своими естественными правами, полуостров, щедро обещая реформы, упорно продолжал в неизменном виде свою старую и хитрую систему, а именно: отстранять каждого коренного кубинца от любой должности, которая могла дать ему сколько-нибудь эффективное влияние и вмешательство в общественные дела; неуправляемую эксплуатацию труда колонистов на благо испанской торговли и испанской бюрократии, как гражданской, так и военной. Для достижения последней цели необходимо было поддерживать первую любой ценой.

Г-н Кларенс Кинг, признанный авторитет в политических вопросах, связанных с кубинскими делами, говорит:

"Главной уступкой, за которую повстанцы согласились на мир, было обещание конституционной реформы. Фактически, незамедлительно последовали следующие четыре королевских указа: 9 июня, дающий Кубе право избирать депутатов в кортесы, по одному на каждые 40 000 человек; 9 июня, разделяющий остров на нынешние шесть провинций; 21 июня, устанавливающий систему провинциального и муниципального управления, за которым 16 августа последовали необходимые правила проведения выборов. Но система сразу же была воспринята как тень, лишенная сути самоуправления. Провинциальное собрание могло выдвинуть только трех кандидатов на пост председателя. Это был неизбежный генерал-губернатор, который имел право назначать, не обязательно одного из трех кандидатов, но любого члена Ассамблеи, которого он выбирал. Но весь этот провинциальный механизм на самом деле является пустой формой, поскольку прямо по закону генерал-губернатору было предоставлено право приостанавливать работу собраний по своему усмотрению. Депутаты никогда ничего не могли добиться в Кортесах. Более того, суть всего финансового гнета — тарифы, налоги, абсолютный контроль над доходами и их расходованием — оставалась за Испанией".

Лояльный испанец настаивает на том, что каждое соглашение, заключенное его правительством, добросовестно выполнялось; что кубинцам время от времени предоставлялись даже большие свободы, чем обещал им договор; и что в ряде важных вопросов им были предоставлены иммунитеты, которых народ метрополии не разделял.

Помощник министра по делам колоний Испании завершает пространную защиту политики своего правительства на Кубе следующим образом:

Таким образом, на Кубе нет оснований жаловаться на нелиберальность законов. Если и был какой-то недостаток в отношении морали, то не нация виновата; никто, кроме колониальных провинций, не виноват в этом; если бы мы предложили искать утешения в сравнениях, не было

бы необходимости искать их в Южной Америке, в странах, которые освободились от испанской метрополии, потому что примеры (некоторые из них совсем недавние) актов насилия, анархии и скандальных вспышек можно было бы найти в самих штатах Союза.

Что касается другого вопроса, то здесь ведется много глупых разговоров. Из заявлений некоторых людей может показаться, что Куба ничего не делает, кроме как вносит свой вклад в виде налогов, которые она платит, для облегчения бремени казны полуострова, тогда как на самом деле все обстоит как раз наоборот. В последнее время страна гарантировала конвертацию испанских долгов на Кубе, которая состоялась в 1886 и 1890 годах. Благодаря этим операциям и тому факту, что все налоги, которые не должны были оплачиваться непосредственно правительством, были строго исключены из бюджета Кубы, удалось сократить кубинский бюджет с сорока шести с половиной миллионов долларов, который составлял его сумму в конце прошлой войны (за 1878-79 финансовый год) до немногим более двадцати трех миллионов долларов, как следует из бюджета 1893 года.

Финансовые законы были усвоены, и если система налогообложения не была усвоена полностью, то это из-за того, что прямые налоги очень противны настроениям населения Кубы, особенно налог на землю, который является основой бюджета полуострова. Однако, похоже, что у наших кубинских братьев нет причин жаловаться в этом отношении. Прямой налог на сельскую собственность на Кубе составляет два процента, тогда как в Испании он составляет семнадцать и даже двадцать процентов. Очевидно, что каждый бюджет должен на чем-то основываться; на Кубе, как и во всех других странах с аналогичными природными условиями, этим чем-то обязательно должны быть доходы от таможенных пошлин. Несмотря на это, можно отметить, что в годы наибольшего финансового кризиса испанское правительство без колебаний жертвовало этими доходами, когда это было необходимо, для удовлетворения особой потребности Кубы в основном сельскохозяйственном продукте. В результате был заключен торговый договор Испании с Соединенными Штатами, который, безусловно, не был заключен ранее ни по какой вине испанского правительства. Согласно этому договору, главной целью которого было поощрение экспорта кубинского сахара, который находил свой основной рынок сбыта в штатах Союза, были принесены в жертву многие отрасли испанской промышленности, которые ранее удовлетворяли потребности народа Кубы. Эта жертва была принесена без колебаний, и теперь, когда договор больше не действует, это связано с тем фактом, что новый американский тариф исключил сахар из списка бесплатных.

Следует также обратить внимание на тот факт, что только колониальные провинции освобождены от налога на кровь, поскольку Куба никогда не была обязана поставлять новобранцев.

Лишение кубинцев права занимать государственные должности - это чистый миф. Подобные дисквалификации не содержатся в тексте ни одного закона или нормативного акта, и на самом деле такого исключения нет. Для проверки этого утверждения было бы достаточно изучить списки кубинских офицеров, особенно тех, кто занят отправлением правосудия и во всех сферах обучения. Даже если бы захотелось провести сравнение политических постов, даже тех, которые связаны с функциями, выполняемыми на полуострове, все равно было бы показано соотношение, в котором испанцы на Кубе стремятся к тому и другому. Дело в том, что к распространенной ошибке апеллируют на языке, обычно используемом врагами Испании, которые называют людей "жителями полуострова", которые не родились на Кубе, но прожили

там много лет и имеют там все свои связи и интересы, и не называют "кубинцами" тех, кто родился там и покинул остров для удовлетворения потребностей, связанных, возможно, с их оккупацией. Это было сделано в Сенате, когда сторонников отделения Кубы называли только "кубинцами", в то время как патриотами называли только тех, кто отказался от верности метрополии Испании.

В заключение я расскажу факт, который может показаться шуткой, но который в определенном смысле является доказательством того, что я только что сказал. Когда Рафаэль Гассет вернулся из Гаваны, он пришел и попросил у меня некоторые данные, показывающие долю кубинцев, занимающих должности при нашем правительстве. Я задал ему в качестве предварительного вопроса определение того, что мы должны понимать под "кубинским" и что - под "Полуостровным". Он сразу признал, что решение всего вопроса основывалось на этом определении, и я обратил его внимание на тот факт, что здесь, в Министерстве по делам колоний, в настоящее время работают три высокопоставленных правительственных чиновника. Один из них - представитель Гаваны, являющийся в то же время профессором ее университета, а другой, а именно ваш покорный слуга, испанец, потому что он родился в самой Гаване. Этот другой мужчина уроженец полуострова, а я разве не кубинец?

ГИЛЬЕРМО. Помощник министра по делам колоний Испании.

Это аргумент с точки зрения полуострова, и он, вероятно, выдвинут добросовестно. Но хотя испанское правление на Кубе может показаться справедливым в теории, на самом деле оно деспотично и тиранически. Хотя правительство, возможно, частично выполнило букву своих обещаний, не было предпринято никаких усилий, чтобы хотя бы в малой степени соответствовать духу соглашения, а нарушенные обязательства по Зендзонскому мирному договору лишь добавляют новые главы в долгую историю испанского вероломства и лжи.

ГЛАВА XVI.

ПОДГОТОВКА К ОЧЕРЕДНОМУ ВОССТАНИЮ.

Политика недоверия Испании—Цена десятилетней войны—Работа кубинских эмигрантов—Революционные клубы в Западном полушарии—Провал экспедиции—Героизм кубинских женщин—Борьба началась.

С тех пор, как Испания потеряла свои колонии на американском континенте, кубинцы стремились обрести независимость. Десятилетняя война стоила метрополии 300 000 000 песет и 100 000 человек, большинство из которых были жертвами желтой лихорадки. Когда в 1880 году рабство было отменено, начались новые беспорядки. Большинство рабовладельцев, не получивших компенсации, присоединились к партии независимости.

Испания, придерживаясь своей старой политики недоверия, сохранила большую армию на Кубе и военно-морской флот у своих берегов, расходы на которые привели к тому, что бюджет составил 46 594 000 долларов в то время, когда две трети острова представляли собой не что

иное, как груды руин, и когда Куба начинала ощущать последствия конкуренции с другими странами-производителями сахара.

В то время как европейские производители получали значительные льготы, кубинским производителям приходилось платить экспортные пошлины на свой сахар, а импорт всех сельскохозяйственных и промышленных орудий облагался почти запретительными пошлинами.

В 1882 году были приняты два закона, регулирующие торговлю между Кубой и Испанией. В соответствии с положениями этих законов импортные пошлины на все испанские товары должны были постепенно снижаться до тех пор, пока их ввоз на Кубу не станет полностью бесплатным, в то время как кубинцы должны были платить за свой импорт в Испанию пошлины, которые практически закрыли испанский рынок для всех их товаров.

Испанские товары, как правило, значительно уступают товарам английского, французского или американского производства, но кубинский потребитель был вынужден покупать испанские товары или платить непомерную цену за те, которые он предпочел бы купить по справедливой цене. Чтобы проиллюстрировать это, будет достаточно примера: когда в 1895 году началась нынешняя война, пошлина на сто килограммов шерстяного кашемира составляла пятнадцать долларов сорок семь центов, если речь идет об испанском, и триста долларов, если об иностранном. Эти дифференцированные пошлины положили начало процветанию промышленности Испании, куда импортировались или ввозились контрабандой иностранные товары, которые позже отправлялись на Кубу под видом испанских.

Несправедливость этих коммерческих законов была настолько очевидной и наносила такой ущерб интересам Кубы, что в 1894 году Ассоциация плантаторов, президентом которой был испанец граф де Диана, назвала их "разрушительными для нашего общественного богатства, источником неугасимого недовольства и зародышем серьезных разногласий".

Островные бюджеты никогда не могли быть покрыты, и в результате государственный долг продолжал увеличиваться. Расходы были распределены следующим образом: на армию и флот - 36,59% от общей суммы бюджета; на долговые обязательства - 40,89; на правосудие и правительство - 19,77 и на общественные работы - 2,75. За семнадцать лет, прошедших между двумя войнами, не было начато никакой общественной работы.

Кубинское казначейство в период с 1823 по 1864 год отправило в Испанию 82 165 436 долларов золотом. Эти деньги поступили в испанскую казну как "Колониальный излишек", но, как говорит испанский писатель (Сарагоса) в своей книге "Восстания на Кубе", было абсурдно говорить об избытке, когда не было предпринято даже строительства плохой дороги.

С политической точки зрения положение кубинцев после восстановления мира в 1878 году было таким же плохим, как и раньше. Существовали законы, которые могли бы заставить ненаблюдательных людей поверить, что кубинцы пользуются всеми свободами, но на самом деле кубинцы находились в самом невыносимом вассалитете. Испанцы на Кубе до этой войны составляли всего 9,30% населения острова, но, воспользовавшись законом, который давал им большинство при переписи избирателей, они должны были вернуть двадцать четыре из тридцати депутатов, которых остров тогда направил в испанские кортесы.

Закон о выборах был настолько строгим, что только 53 000 мужчин имели право голоса на всем острове, хотя его население составляло 1 762 000 человек. В муниципальном округе Гвинес с

населением 12 500 кубинцев и 500 испанцев в ходе переписи избирателей было зарегистрировано 400 испанцев и тридцать два кубинца. Это один из многих подобных примеров. Совет старейшин Гаваны, столицы острова, в течение многих лет состоял исключительно из испанцев, и то же самое можно сказать о Сьенфуэгосе и других важных городах.

Несмотря на все конституционные положения, генерал-губернатор острова имел право депортировать с острова без суда любое лицо, присутствие которого там он считал опасным для безопасности государства. На острове царил мир, когда были депортированы Сепеда, Лопес де Бринас и Маркес Стерлинг, все журналисты. Свобода прессы была и остается мифом. Автономистский орган El País был привлечен к уголовной ответственности в 1889 году за то, что осудил назначение одного из сыновей председателя Апелляционного суда Гаваны на должность, которую он не мог занимать на законных основаниях.

О том, какой свободой ассоциаций пользовались кубинцы, можно судить по тому факту, что на их собраниях должен был присутствовать представитель правительства, имеющий право распускать их, когда сочтет нужным.

Ни один кубинец не мог получить место в администрации, если только он не был достаточно богат, чтобы поехать в Мадрид и там познакомиться с каким-нибудь влиятельным политиком. Тем не менее, кубинцам редко удавалось получить назначение на важные должности.

Кубинские изгнанники в Ки-Уэсте, Нью-Йорке и других городах Соединенных Штатов, а также в Коста-Рике, Гондурасе, Санто-Доминго и других частях Испанской Америки несколько лет планировали новое восстание. Стремление кубинцев к национальной независимости было усилено тем, что они пострадали от плохого правления Испании. В течение двух или трех лет изгнанники в Соединенных Штатах и странах Испанской Америки, ветераны войны 1868-78 годов и молодые борцы за свободную Кубу организовывали клубы, собирали военный фонд, закупали военное снаряжение и вместе со своими соотечественниками на Кубе строили планы новой борьбы за независимость. В Северной и Южной Америке, на Кубе и других островах Вест-Индии существовало 140 революционных клубов, объединенных под названием революционной партии, готовых поддержать восстание финансовой и моральной помощью. Кубинские рабочие в Соединенных Штатах пообещали вносить десятую часть своего заработка, а при необходимости и больше. На острове было огнестрельное оружие, которое оставалось спрятанным со времен прошлой войны, часть из них была куплена у коррумпированных хранителей правительственных арсеналов, которые, посчитав невозможным получить причитающуюся им плату из Испании, воспользовались этим методом, чтобы заполучить то, что принадлежало им по праву.

ПРОВЕРЕНА ЭКСПЕДИЦИЯ.

Экспедиция, планировавшая отплыть на яхте Lagonda из Фернандины, штат Флорида, 14 января 1895 года, была разогнана властями Соединенных Штатов. Генерал Антонио Масео, ее лидер, вместе с Хосе Марти, политическим организатором нового правительства, отправились в Санто-Доминго, где они могли посоветоваться с лидерами революционеров, живущих на Кубе. Там Марти нашел Максимо Гомеса, ветерана дюжины сражений, храброго и способного солдата, и предложил ему командование и организацию армии. Гомес согласился и сразу же приступил к составлению своей программы.

План революционеров состоял в том, чтобы восстать одновременно в шести провинциях 24 февраля. У лидеров на острове и организаторов за рубежом было полное взаимопонимание.

ГЕРОИЗМ КУБИНСКИХ ЖЕНЩИН.

Мужчины Кубы были не одиноки в своих планах обретения независимости, поскольку их жены и сестры, матери и возлюбленные были полными энтузиазма и верными союзниками. Остров был полон преданных женщин, воспитанных в праздности и роскоши, которые были неутомимы в своих успешных попытках получить весточку от одной разрозненной банды повстанцев к другой и переслать им еду, медикаменты и одежду. Эти женщины были гораздо лучшими конспираторами, чем их отцы и братья, потому что кубинские мужчины должны говорить, но женщины, похоже, знают цену молчанию.

Красивые и нежные сеньориты переодевались в мужскую одежду и по ночам крались к ближайшим убежищам возлюбленного или брата в "Высокой траве", как называют лагеря повстанцев, с припрятанной едой в накладных карманах или письмами, конверты которых были обмакнуты в чернила, спрятанные в их черных волосах. Лекарства носили в тростях, а ткань для одежды или ран прятали в подкладке пальто. Одна девушка, переодетая продавщицей, часто носила в лес динамит в искусно приготовленной яичной скорлупе.

У нее было много захватывающих переживаний, но самым чудом ей удалось спастись, когда испанский солдат на обочине дороги настоял на том, чтобы она достала из корзины яйцо и бросила его содержимое на горячую сковороду. Его с трудом убедили отказаться от ужина. Динамит приготовила другая женщина, которая тщательно добывала ингредиенты в разное время и в широко разбросанных аптеках.

И вот, когда почти все кубинские мужчины, женщины и дети объединились в твердой решимости сделать остров одним из свободных и независимых государств земли, началась последняя борьба.

ГЛАВА XVII.

КУБИНСКАЯ ХУНТА И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Организация, представляющая повстанцев в Соединенных Штатах —Великолепная работа, проделанная сеньором Томасом Эстрадой Пальмой и его сотрудниками—Источники финансирования войны—Щедрость кубинских производителей сигар, поддержавших Революцию—Щедрые подарки от американцев—Некоторые внутренние факты о флибустьерской деятельности—Американские моряки не любят захватывать припасы повстанцев—Обращение Пальмы к американскому народу.

С момента первой вспышки восстания на Кубе в феврале 1895 года название Кубинской хунты было знакомо каждому в Соединенных Штатах, и все же ее функции и организация ни в коем случае не были хорошо поняты. Были те в Конгрессе и в других местах, кто пренебрежительно отзывался о ней как об организации, объединившейся каким-то образом ради собственной выгоды, не понимая, что ее члены были доверенными представителями всего кубинского народа за границей.

Параллелей между кубинским восстанием и восстанием американских колоний против Великобритании в 1776 году гораздо больше, чем принято считать. Кубинская армия была плохо одета и временами скудно питалась, а также оснащена всевозможными устаревшими боевыми средствами. Но все это позорно и действительно является основой большой гордости американцев за великолепную работу, сделанную их предками во время того другого восстания, которое, завершившись успешно, теперь известно как Американская революция. В адрес правительства кубинской республики звучали насмешки из-за того, что его офицерам приходилось в разное время переезжать с места на место, чтобы избежать угрозы захвата испанскими войсками. Но было ли когда-либо более странствующее национальное правительство, чем в американских колониях во время революции, когда законодательная власть и ее должностные лица заседали последовательно в Филадельфии, Джермантауне, Принстоне, Нью-Йорке и нескольких других местах, изгнанные из каждого по очереди одним и тем же страхом захвата британскими войсками?

Наконец, следует помнить, хотя, возможно, это и не так, что колонии поддерживали организацию, в точности подобную организации Кубинской хунты в Нью-Йорке, с целью получения денег и поддержки от народа и правительств Европы, при которых они были аккредитованы. Единственной страной, которая оказала им желанную поддержку, была Франция. Но положение Бенджамина Франклина в Париже в качестве главы того, что фактически было Американской хунтой, было тогда и остается сейчас честью для его имени и его соотечественников. Она заручилась той же помощью со стороны Франции и французских граждан, какую кубинская хунта в Нью-Йорке заручилась помощью Соединенных Штатов и американских граждан, и нет никаких оснований судить о последнем предприятии менее похвально, чем о первом.

ХАРАКТЕР РАБОТЫ ХУНТЫ.

Хунта - это организация, через которую друзья Кубы связываются с кубинцами на местах. Во многих местах эти друзья объединяются и работают на благо Кубы как организации. В Соединенных Штатах и Европе насчитывается 300 кубинских революционных клубов, насчитывающих более 50 000 членов. Эти клубы были результатом предложения Хосе Марти, и их организация была осуществлена делегацией, с которой все они находятся в самом тесном контакте, перед которой все они отчитываются и через которую все они делают взносы деньгами, одеждой, провизией, оружием и амуницией для тех, кто переносит тяготы войны. До начала революции у этих клубов было 100 000 долларов в банке в качестве военного фонда.

Эти самые важные материалы должны быть переданы армии на местах, и задача делегации - проследить за тем, чтобы они туда попали. И они добирались туда при самых неблагоприятных и тяжелых обстоятельствах, среди опасностей на суше и на море, где враги наблюдают и где дружественному правительству приходится остерегаться нарушения законов о нейтралитете.

Для выполнения своей работы Хунта никоим образом не была ограничена в полномочиях, кубинское правительство даже предоставило особые полномочия, позволяющие г-ну Пальме выпускать ограниченное количество облигаций, чеканить монеты и выдавать каперские свидетельства.

Поддержание связи с повстанцами также было обязанностью хунты, сопряженной с риском для жизни ее агентов. Это было сделано секретными агентами, которые приезжали и уезжали из

Нью-Йорка в Ки-Уэст, из Ки-Уэста в Гавану, из Гаваны в испанские города Кубы и через провинции острова.

Штаб-квартира хунты не имеет никаких внешних признаков, за исключением звездно-полосатого флага Кубы с единственной звездой, развевающегося из окна третьего этажа, где находится офис мистера Пальмы. Узкий холл и извилистая лестница ведут в кабинет делегата, где со всех сторон видны признаки активного бизнеса: полки, столы, на которых лежат груды писем, бухгалтерских книг и разного рода документов. Здесь делегат работает, принимает своих друзей, коллег и агентов.

Рядом с главной комнатой находится личный кабинет, где секретные агенты отчитываются и проходят инструктаж, а также где проводятся важные советы и принимаются жизненно важные для дела Кубы решения, за которыми следуют приказы, имеющие огромное значение для армии освобождения.

Кубинская хунта со своей штаб-квартирой представляет представительство Кубинской республики за рубежом, а главой так называемой хунты является Т. Эстрада Пальма. Собственно говоря, он является делегатом и вместе с членами своего министерского и дипломатического окружения составляет делегацию Кубинской республики.

Термин "Хунта" был применен потому, что такой орган или совет был прикреплен к дипломатическому ведомству Кубы во время Десятилетней войны. Поскольку власть хунты часто ограничивала действия делегата, сторонники нынешней революции решили устранить его; тем не менее, это название сохранилось и используется для обозначения г-на Пальмы и его соратников.

ВЛАСТЬ ХУНТЫ.

Эта хунта, как представитель Кубинской республики, обладает высокими полномочиями, поскольку делегация была назначена 19 сентября 1895 года Учредительным собранием, которое сформировало правительство и назначило Максимо Гомеса главнокомандующим кубинской армией. В то же время это сделало г-на Пальму делегатом и представителем Кубы за рубежом, наделенным полномочиями назначать министров во все правительства и контролировать все дипломатические отношения Кубы и ее представителей по всему миру. Кроме того, г-н Пальма является должным образом аккредитованным послом Кубы в Соединенных Штатах, и в случае признания Кубинской республики его приняли бы как такового.

Под своим руководством г-н Пальма назначил заместителей делегатов, или дипломатических агентов, во Франции, Италии, Мексике и республиках Центральной и Южной Америки. Поскольку независимость Кубы этими странами не признается, ее министры официально не признаются, но их часто неофициально принимают "с черного хода", и они оказывают влияние на благо Кубы в странах, в которые они назначены.

Г-н Пальма на самом деле является главой кубинской революционной партии за рубежом, которая является одним из трех ведомств кубинского революционного правительства, двумя другими являются гражданское правительство и армия освобождения.

Это отделение кубинской революции было основано Хосе Марти, которого кубинцы считают апостолом и главным умом кубинской революции.

Мистер Пальма не только глава и фронтмен хунты, но и единственный человек, на ком сосредоточена ее власть. Он родился на Кубе около шестидесяти лет назад и в своей нежной юности впитал дух свободы острова, дух, который рос вместе с ним, пока не повлиял на каждое его слово и поступок, и, наконец, получил всю его преданность. Его методы настолько прямолинейны, мягки, но решительны, а его речь и манеры настолько непритязательны и незамысловаты, что вскоре он стал известен как "кубинский Франклин", и это имя еще прочнее закрепилось за ним, поскольку мощное влияние его политики ощущалось во всем мире.

Во время Десятилетней войны г-н Пальма был президентом Кубинской республики; был взят в плен испанскими войсками и отправлен в Испанию, где находился в заключении до окончания конфликта. Находясь в Испании, абсолютно страдая от тягот тюремного заключения, ему предложили свободу, если он поклянется в верности испанской короне.

"Нет!" - был его ответ. "Вы можете застрелить меня, если хотите, но если меня застрелят, то только как президента Кубинской республики".

Помимо г-на Пальмы, единственными членами делегации, назначенными кубинским правительством, являются: доктор Хоакин Д. Кастильо, заместитель делегата; Бенджамин Дж. Гуэрра, казначей республики за рубежом, и Гонсало де Кесада, временный поверенный в делах в Вашингтоне.

Доктор Кастильо является заместителем делегата и займет место мистера Пальмы в случае его смерти или неспособности действовать.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВОЙНЫ.

У хунты, чьей обязанностью было предоставлять средства для продолжения войны, были различные источники дохода, и все они явно свидетельствовали о честности кубинских властей и чувствах тех, кто вносил деньги. Большая часть наличных поступила в виде небольших взносов кубинцев, проживающих в Соединенных Штатах. Производители сигар в Ки-Уэсте, Тампе, Джексонвилле, Нью-Йорке и других городах, где сосредоточены крупные кубинские колонии, доказали свой патриотизм и приверженность делу, пожертвовав более щедрую часть своего заработка, чем когда-либо прежде жители любой страны, борющиеся за свободу. Вряд ли есть исключение из утверждения, что каждый кубинец в Америке принимал участие в взносах в военный фонд.

Минимальный взнос составлял десять процентов от еженедельного заработка, и это принесло огромную сумму в казну хунты на военные цели. Это правда, что военный фонд в размере 50 000 или 100 000 долларов в неделю вряд ли был бы каплей в море для ведения войны после установленных методов организованных армий. Но это была война за свободу, и условия были уникальными. Ни один солдат во всех армиях Куба Либре никогда не получал ни одного доллара жалованья за свою службу. Тысячи из них сражались с момента первой вспышки восстания, не получая за это ни цента денег. Если из военных расходов вычесть денежное довольствие армии, то сэкономится самая крупная статья.

Также не было необходимости покупать много одежды из-за мягкости кубинского климата, который благоприятствует тем, кто к нему привык. Продовольственного отдела тоже почти не существовало, и солдаты на поле боя жили добыванием продовольствия и сбором овощей и

фруктов, сохраненных для них женщинами и детьми, чьи сердца так же глубоко вовлечены в конфликт, как и их собственные. Основная потребность в деньгах заключалась в закупке оружия, боеприпасов и медицинских и хирургических принадлежностей.

В дополнение к пожертвованиям, поступающим от патриотически настроенных кубинцев, другим крупным источником дохода хунты была молчаливая щедрость многих американских граждан, которые доказали свою практическую симпатию к делу свободы, пожертвовав на это свое состояние. Помимо этих источников, единственным доходом была продажа облигаций Кубинской республики - средства получения денег, которое использовалось консервативно, чтобы молодая республика не была обременена большими долгами в начале своей карьеры в качестве независимого государства.

Помимо денежных взносов кубинским властям, щедрый народ Соединенных Штатов, организованный в Кубинские общества вспомогательной помощи в различных городах страны, предложил огромное количество медицинских и хирургических принадлежностей и больничных деликатесов. Американские женщины приняли видное участие в этом движении и заслужили тем самым вечную благодарность кубинцев.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ О ФЛИБУСТЬЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Отплытие судов из Нью-Йорка и других портов с грузами припасов для кубинских революционеров было частым явлением, гораздо более частым, чем было известно общественности. Флибустьерство - это словосочетание, которое за эти три года приобрело такой почет, какого никогда раньше не имело. Продолжая служить делу человечности и свободы, она руководствовалась мотивами, оправдывающими ее нарушения, и мало кто осуждал эту практику. В тумане раннего утра какой-нибудь быстроходный пароход уходил из атлантического порта, нагруженный оружием, амуницией, хинином и всевозможными госпитальными, медицинскими и хирургическими принадлежностями, обычно в сопровождении банды кубинских патриотов, ищущих первой возможности вернуться на свой прекрасный остров и взяться за оружие для его освобождения. Было захвачено несколько таких экспедиций, но из всех захваченных в плен десятки беспрепятственно достигли места назначения на кубинском побережье и благополучно доставили свой груз в лагеря повстанцев.

Правительство Соединенных Штатов, признавая свои дипломатические обязательства, потратило миллионы долларов до начала нашей войны с Испанией на патрулирование атлантического побережья и Мексиканского залива, чтобы предотвратить плавание флибустьерских экспедиций. Теперь, когда день такой патрульной службы в помощь Испании закончился навсегда, не будет ничего плохого в том, чтобы рассказать некоторые подробности, которые раньше могли быть компрометирующими.

Американские крейсера и канонерские лодки были размещены в гаванях по всему побережью, от Нью-Йорка до Нового Орлеана, и особенно по обе стороны полуострова Флорида. На одно из этих судов поступало известие о том, что подозреваемое флибустьерское судно, вероятно, отплывет из определенного места в определенное время, и был отдан приказ перехватить "ровер", если это возможно. Для того, кто не знал нрава и духа американских моряков от высшего до низшего звена военно-морского флота, последовавшие за этим действия могли бы вызвать недоумение. Несмотря на вошедшую в поговорку оперативность, с которой американское судно может выйти в море, в такие моменты всегда происходила задержка. Было

почти наверняка, что произойдет что-то неправильное, на исправление чего потребуется некоторое время, прежде чем можно будет взвесить якорь. Могло возникнуть необходимость закупить провизию или взять уголь перед отплытием, а затем, не раз после того, как был поднят якорь и начался фактический старт, обнаруживалось, что с оборудованием произошла какая-нибудь незначительная авария, которая потребовала бы еще одной остановки для его ремонта. Наконец, выйдя в море, крейсер на полной скорости удалялся в направлении предполагаемого флибустьера, пока его корпус и даже дым не исчезали далеко за горизонтом.

ЗАХВАТ ФЛИБУСТЬЕРСКИХ СУДОВ.

Что произошло после этого, никто на берегу не мог знать. Но не раз возникали серьезные подозрения, что происходили и другие задержки, когда судно скрывалось из виду, или что курс менялся в погоне за каким-нибудь другим проходящим судном, пока после нескольких часов погони не обнаруживалось, что это не нарушающее правил судно, и курс возобновлялся к цели, как было приказано вначале.

Как бы то ни было, несомненно, что захват флибустьерского судна до того, как его груз был выгружен, был почти неизвестным событием, и что захват такого судна после того, как его груз был выгружен, никоим образом не мог иметь катастрофических последствий для дела Кубы, когда ничего нельзя было доказать против лодки или ее людей. Несомненно то, что ни один офицер или матрос американского военно-морского флота никогда не хотел брать в плен флибустьеров. Для американца было пятном на чести корабля то, что он должен был использоваться для перехвата оружия и боеприпасов на пути к угнетенному народу, борющемуся за свою свободу. Можно с уверенностью сказать, что два или три захвата флибустьеров в то время, когда нельзя было избежать их конфискации и осуждения их офицеров, были настоящим горем для каждого человека, участвовавшего в погоне и последовавших наказаниях.

Никто не может отрицать честность или способности людей, которые зачислены на службу делу Кубы в качестве Нью-Йоркской хунты, кто знает факты, касающиеся их личности и проделанной ими работы. Некоторые из дипломатических и государственных документов, выпущенных сеньором Пальмой, достойны того, чтобы встать в один ряд с высказываниями любого американца, получившего известность в национальной истории благодаря подобной работе. Примечательный пример достоинства и красноречия, с которыми он говорит, можно найти в воззвании к народу Соединенных Штатов, которое он выпустил всего за несколько недель до начала нашей войны с Испанией. Он сказал:

СЕНЬОР ПАЛЬМА ОБ ИСПАНСКИХ КОНЦЕССИЯХ.

"Настойчивость, с которой американская пресса в течение последних нескольких дней освещала предполагаемые административные реформы, которые будут проведены на Кубе правительством Испании, вынуждает меня просить опубликовать следующие заявления, которые я делаю от имени моего правительства, армии освобождения Кубы и кубинской революционной партии.

"Вопрос о предлагаемых реформах совершенно не касается тех, кто уже создал независимое правительство на Кубе и решил не бояться жертвовать имуществом или жизнью ради освобождения всего острова от испанского ига. Если испанские жители острова, пользующиеся у испанского правительства всевозможными привилегиями и монополиями, и

если горстка кубинцев, слишком малодушных или слишком гордых, чтобы признать свою ошибку, или несколько иностранцев, руководствующихся только эгоистичными интересами, удовлетворены тем, что Куба должна оставаться под испанским господством, то мы, сражающиеся под флагом одинокой звезды, мы, которые уже составляют Республику Куба и принадлежим к свободному народу со своим собственным правительством и своими собственными законами, твердо решили не слушать компромиссов и вести переговоры с Испанией на основе абсолютной независимости Кубы.

"Если у Испании есть сила уничтожить нас, то пусть она превратит остров в огромное кладбище; если у нее ее нет и она желает прекратить войну до того, как вся страна превратится в пепел, тогда пусть она примет единственную меру, которая положит этому конец, и признает нашу независимость. К этому времени Испания должна знать, что, пока на Кубе есть хоть один достойно живущий кубинец — а их много тысяч, — мира на Кубе не будет и даже надежды на это.

"Все благие дела должны в конце концов восторжествовать, и наше дело - благое. Это дело справедливости, к которой относятся с презрением, права, подавляемого силой, и достоинства народа, оскорбленного до последней степени.

"У нас, кубинцев, в наших усилиях освободиться от испанского ига в тысячу раз больше оснований, чем было у жителей тринадцати колоний, когда в 1776 году они поднялись с оружием в руках против британского правительства.

СРАВНЕНИЯ С АМЕРИКАНСКИМИ КОЛОНИЯМИ.

"Жители этих колоний в полной мере пользовались всеми правами человека; у них была свобода совести, свобода слова, свобода печати, право на публичные собрания и право свободного передвижения; они избирали тех, кто ими управлял, они устанавливали свои собственные законы и, по сути, пользовались благами самоуправления. Они не находились под властью генерал-капитана с произвольными полномочиями, который по своей воле мог заключить их в тюрьму, депортировать в исправительные колонии или отдать приказ об их казни даже без подобия военного трибунала. Им не нужно было ни платить постоянной армии и флоту, чтобы держать их в повиновении, ни кормить толпы голодных служащих, ежегодно присылаемых из метрополии грабить страну.

"Они никогда не подвергались глупому и сокрушительному таможенному тарифу, который вынуждал их ежегодно отправляться на внутренние рынки за миллионами товаров, которые они могли купить намного дешевле в другом месте; их никогда не заставляли покрывать бюджет в размере 26 000 000 или 30 000 000 долларов в год без согласия налогоплательщиков и в целях покрытия расходов армии и флота угнетателя, выплачивать жалование тысячам никчемных европейских служащих, все проценты по долгу, который не понесла колония, и другие расходы, от которых остров не получал никакой выгоды; ибо из всех этих миллионов только ничтожная сумма в 700 000 долларов, по-видимому, была потрачена на работы по внутреннему благоустройству, и половина этой суммы неизменно оседала в карманах испанских служащих.

"Мы вступили в борьбу сознательно; мы знали, с чем нам придется столкнуться, и мы решили непоколебимо упорствовать до тех пор, пока не освободимся от испанского правительства. И мы знаем, что способны это сделать, как знаем, что мы компетентны управлять самими собой.

"Среди других доказательств, которые можно было бы привести о способности белых и цветных кубинцев управлять собой, - сильная организация кубинской революционной партии в Америке. В его состав входят более 20 000 кубинцев, проживающих в разных странах нового света, и сформированы клубы, члены которых ежегодно избирают своего лидера. Эта организация существует более пяти лет, в течение которых каждый член строго выполнял свои обязанности, без каких-либо перерывов соблюдал правила и преданно подчинялся избранному делегату. Среди членов клубов есть несколько испанцев, которые пользуются теми же правами, что и кубинцы, и живут с ними в братской гармонии. Этот факт и тот факт, что многие испанцы вступили в нашу армию, полностью демонстрируют, что наша революция - это не результат личной ненависти, а восстание, вдохновленное только естественной любовью к свободе и свободным институтам. Война на Кубе имеет своей единственной целью свержение испанской власти и установление независимой республики, по благодетельным законам которой испанцы могут продолжать жить бок о бок с кубинцами как члены одного сообщества и граждане одной нации. Это наша программа, и мы строго придерживаемся ее.

"Революция могущественна и глубоко укоренилась в сердцах кубинского народа, и никакая испанская держава, никакая держава в мире не сможет остановить ее продвижение. Война с тех пор, как генерал Вейлер принял командование испанской армией, приобрела жестокий характер. Его войска расстреливают кубинских пленных, преследуют и убивают больных и раненых, убивают безоружных и сжигают их дома. Кубинские войска, со своей стороны, уничтожают в качестве военной меры технику и постройки на сахарных плантациях и твердо намерены не оставить камня на камне во время своей кампании.

"Пусть те, кто может положить конец этой войне, задумаются о том, что наша свобода завоевана кровью тысяч кубинских жертв, среди которых Хосе Марти, апостол и мученик нашей революции. Пусть они подумают, что перед священной памятью этого нового искупителя нет ни одного кубинца, который отказался бы от дела освобождения, не испытывая стыда за то, что отказался от флага, который 24 февраля 1895 года был поднят любимым мастером.

"Кубинскому народу пора удовлетворить свое справедливое желание занять место среди свободных наций мира, и пусть его не обвиняют, если для достижения своей благородной цели он вынужден превратить в пепел кубинскую землю.

Tomas Estrada Palma."

ГЛАВА XVIII.

КИ-УЭСТ И КУБИНЦЫ.

Кубинские беженцы в Ки—Уэсте — Их преданность делу— Особенности города— Необычные достопримечательности и звуки— Флибустьеры и их работа— Первая санкционированная экспедиция — Провалена— Вторая Более успешная— Доставка припасов для повстанцев— Капитан Хосе Лакрет и некоторые из его приключений.

Остров Ки-Уэст расположен в шестидесяти милях к югу от мыса Сейбл, самой южной точки материковой части Флориды, и имеет семь миль в длину и от одной до двух миль в ширину. Город занимает почти половину острова, и его население составляет около 25 000 человек. Ки-

Уэст был описан как "для Кубы то же, что Гибралтар для Сеуты, для Мексиканского залива то же, что Гибралтар для Средиземного моря". Это одна из главных военно-морских баз Соединенных Штатов и сильно укрепленная.

Наиболее важной отраслью промышленности является производство сигар, которое дает работу тысячам кубинцев, составляющих подавляющее большинство населения, и многие из которых являются беженцами, обвиняемыми в политических преступлениях, за головы которых назначена награда. Здесь находится штаб-квартира одного из важнейших подразделений Кубинской хунты Соединенных Штатов. Почти каждый кубинец в Ки-Уэсте регулярно жертвует часть своего заработка на это дело, и многие партии оружия, боеприпасов и припасов были отправлены повстанцам их собратьями на этом маленьком острове. Город уникален во многих отношениях. Он состоит из бесчисленных маленьких деревянных домиков без труб, но скученных нерегулярными группами. Во многих домах вместо стеклянных окон установлены деревянные ставни.

На большинстве улиц нет тротуаров, но люди спотыкаются о неровные края коралловых скал. Здесь множество общественных транспортных средств, и одно из них можно остановить на любом углу и нанять за 10 центов. Некоторые из этих экипажей имеют вполне респектабельный внешний вид. Как правило, это дела с двумя сиденьями, от которых отказались на севере. Лошади - развалина, и по их виду видно, что корм дорог и что их кормят не наполовину.

Один из звуков Ки-Уэста - это фыркание лошадей, запряженных экипажами, и мулов, которые передвигают трамваи с места на место.

Трамваи выглядят так, словно их откопали неподалеку от пирамид. Веревки используются вместо вожжей, и единственная существенная вещь во всем снаряжении - это огромный кнут из сыромятной кожи, с которым водитель трамвая не переставая работает. Народ, как правило, выступает против чрезмерных нагрузок, но в случае труда кнутом они делают исключение.

ЖУРНАЛИСТИКА, КЛИМАТ И СОБАКИ.

В городе есть одна газета, испытывающая трудности, которая достойна лучшей поддержки. О редакторе рассказывают, что он приехал в Ки-Уэст босоногим мальчиком из Джорджии и дослужился до своей нынешней выдающейся должности преподавателя этикета в "четырёхстах".

Сотни собак, кошек, петухов, коз и "острийщиков" свободно разгуливают по улицам, и три первых в сочетании делают ночь отвратительной. Ранним вечером преобладают звуки негритянских собраний и ликований. Затем кошки начинаются там, где заканчиваются крикуны. Позже собаки, крадущиеся, с воспаленными глазами, более многочисленные, чем любой другой вид, подхватывают припев. Они воют и лают, и продолжают выть и лаять, пока сон не становится невозможным. Наконец, когда бодрствующий человек думает, что скандал окончен, петухи, самые подлые, тощие и крикливые петухи в мире, продолжают серенаду до тех пор, пока смерть не покажется желанной, особенно смерть петухов.

ПАТРИОТИЧНЫ ТОЛЬКО НЕГРЫ.

В Ки-Уэсте странное смешение рас, но негры - самый патриотичный класс. Только они отмечают Четвертое июля и другие национальные праздники. В то время как в городе есть просвещенные

и респектабельные люди, в нем также есть низший класс, чье невежество в отношении остального мира доводит их до гротескных крайностей в их попытках провозгласить свое величие.

Даже в своих школах Ки-Уэст необычен. Здания школ построены как фабрики по производству сигар, и на крыше каждой установлен колокол старого локомотива. Когда звонят школьные звонки, легко закрыть глаза и представить себя в одном из крупнейших железнодорожных депо севера.

ПЕРВАЯ САНКЦИОНИРОВАННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

До начала нашей войны с Испанией власти Соединенных Штатов пристально следили за кубинцами в Ки-Уэсте и прилагали все усилия, чтобы предотвратить отправку припасов повстанцам. Но как только начался конфликт, политика изменилась, и правительство всячески содействовало работам. Первая экспедиция закончилась неудачей. Под командованием капитана армии Соединенных Штатов Дорста транспортный пароход "Гасси" отплыл из Ки-Уэста с двумя ротами пехоты на борту, на борту которых находилось 7000 винтовок и 200 000 патронов, предназначенных для повстанцев Пинар-дель-Рио. Припасы должны были быть доставлены генералу Гомесу силами повстанцев, расположившихся лагерем в трех милях от побережья.

Но груз не был высажен по той причине, что повстанцы не смогли встретить десантную группу на месте встречи, и капитан Дорст был вынужден вернуться в Ки-Уэст со своим грузом. Вторая попытка была более успешной. Около 400 человек с обозом и большим количеством оружия и боеприпасов отплыли на пароходе Plant line Florida из Ки-Уэста в ночь на 21 мая. Эти люди и снаряжение составляли экспедицию, способную действовать независимо и защищаться от любых испанских войск, которые могли бы ей противостоять.

Экспедицией командовал капитан Хосе Лакрет, бывший командир повстанцев в провинции Матансас. Он взял на себя руководство делами сразу после высадки экспедиции. До тех пор все контролировал генерал Хоакин Кастильо.

При высадке экспедиции армию Соединенных Штатов представлял капитан Дж. А. Дорст, а Томаса Эстраду Пальму представлял Дж. Э. Картайя, который более года был агентом по высадке почти во всех флибустьерских экспедициях. Господа. Кастильо, Картайя и Дорст вернулись в Ки-Уэст. Генерал Хулио Сангвилы, направлявшийся на доклад к генералу Максимо Гомесу, тоже был на яхте.

САМЫЙ МОГУЩЕСТВЕННЫЙ Из ВСЕХ.

Это была самая мощная антииспанская экспедиция, отправленная на Кубу на тот момент. Около 300 человек были кубинцами, остальные - американцами. Инженерный корпус экспедиции полностью состоял из американцев под командованием Аврелиана Лэдда.

Мужчины были одеты в брезентовую форму, предоставленную правительством Соединенных Штатов, а в продовольственном отделе было достаточно пайков, чтобы продержаться пятнадцать дней после высадки. Вьючный обоз состоял из семидесяти пяти мулов и двадцати пяти лошадей. Экспедиция везла 7000 винтовок и 3 000 000 патронов для генерала Каликсто Гарсии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА САНГВИЛЬИ.

Возвращение генерала Сангвильи на Кубу - примечательный случай в его выдающейся карьере. Его доблестные заслуги во время Десятилетней войны, его арест в Гаване в начале нынешнего восстания, его смертный приговор и освобождение по ходатайству госсекретаря Шермана под обещание оставаться за пределами Кубы сделали его заметной фигурой.

Экспедицию сопровождали крейсер "Марблхед", эсминец-торпедоносец "Игл" и другие военные корабли. В экспедиции участвуют два младших брата покойного генерала Нестора Арангурена.

НЕКОТОРЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛАКРЕТА.

Когда началась нынешняя революция на Кубе, генерал Хосе Лакрет Морло, под этим титулом он широко известен в Народе, обеспечил себе проезд на пароходе "Маскотт" на Ямайку по пути на Кубу. Английское правительство располагало информацией о передвижениях Лакрета и предотвратило его отплытие на Кубу с Ямайки. Затем он отправился в Мексику, а затем в Нью-Йорк. В последнем месте он проконсультировался с хунтой и вернулся в Тампу. Здесь он сел на пароход "Оливетта", идущий в Гавану, в одеянии священника.

Все еще переодетый, он сел на поезд, следующий в Сагуа-ла-Гранде. Его сопровождало большое количество испанских солдат. Его высокого образования, приятной внешности и звания "падре" было достаточно, чтобы обеспечить ему доступ в лучшее испанское общество Сагуа-ла-Гранде. Лакре остановился в лучшем отеле и в кафе сел по правую руку от алькальда.

После общения с повстанцами "падре" внезапно исчез из отеля. Он присоединился к повстанцам и, сбросив личину священника, с тех пор доблестно служит делу свободы Кубы. Вскоре после прибытия его перевели в провинцию Матансас, и его карьера там войдет в интересную главу истории Кубы. Из провинции Матансас он был направлен на восток в качестве делегата на ассамблею, состоявшуюся в Пуэрто-Принсипи в феврале прошлого года, на которой было сформировано новое правительство. От этой ассамблеи ему было приказано прибыть в эту страну в качестве курьера депеш для хунты.

Когда "Флорида" в сопровождении "Оцеолы" подошла вплотную к берегу в месте, выбранном для высадки, она послала разведчиков посмотреть, все ли чисто. Этих разведчиков встретили генералы Ферия и Рохас с примерно 1500 вооруженными повстанцами. Таким образом, высадка экспедиции была далека от какой-либо враждебной демонстрации со стороны испанцев и носила характер триумфального вторжения. У кубинцев, ожидавших вечеринки, был духовой оркестр, и они приветствовали новоприбывших национальными песнями.

Работа по разгрузке груза с "Флориды" была незамедлительно начата и продолжена 432 мужчинами, входившими в состав экспедиции. Ничто не мешало работе, и вскоре она была завершена.

У НИХ ВСЕ БЫЛО ПО-СВОЕМУ.

Пока груз разгружался, вспомогательная канонерская лодка "Оцеола" с готовыми к бою орудиями осматривала окрестности в поисках врага. Но испанцы, по-видимому, не подозревали о том, что происходит. Опасная миссия была выполнена так легко, что, пока одни члены отряда

доставляли припасы на берег, другие запасались фруктами, сахаром и другими продуктами с места высадки, большой запас которых был привезен для друзей из Ки-Уэста.

В тот момент, когда работа была завершена, "Флорида" и "Оцеола" ускользнули, предоставив повстанцам самим перебрасывать свои подкрепления вглубь страны, что было сделано без каких-либо жертв.

Вернувшиеся члены флоридской партии привезли с собой несколько сотен частных писем, которые дают полное представление об условиях, сложившихся на блокированном острове.

ГЛАВА XIX.

ЕЩЕ ОДИН РЫВОК К СВОБОДЕ.

Начало восстания—В Сантьяго и Матансасе объявлено военное положение—Прибытие Кампоса—Чернокожие в качестве солдат—Никаких кастовых предрассудков—Убит генерал Сантосильдес—История провала кампании Масео—Кампоса—Он возвращается в Испанию.

Повстанцы намеревались начать операции в шести провинциях в один и тот же день, но в назначенное время трем из них не удалось выполнить план, и только в одной из них ситуация была угрожающей. В Гаване и Матансасе испанским властям не составило труда подавить мятежников, и лидер бывшей провинции, редактор газеты, принял помилование и вернулся к своей работе.

Однако в малонаселенном Сантьяго движение неуклонно набирало обороты. Высадка партии революционеров из Сан-Доминго пробудила патриотов, и их тепло приветствовали, снабжая подкреплениями, где бы они ни появлялись. Правительство сделало вид, что оно просто раздражено, не более того, и сделало вид, что смотрит на патриотов как на простых разбойников. Каллеха, наконец, встревожилась, когда стало известно о решимости повстанцев, и объявила военное положение в Сантьяго и Матансасе, а также направила войска в обе провинции. Однако он мог выставить на поле боя только девять тысяч человек и имел в своем распоряжении всего семь канонерских лодок для несения береговой службы. Организация снабжения была плачевной и часто приводила к прерыванию важных передвижений. Повстанцы были вездесущи и появлялись то тут, то там без малейшего предупреждения, совершая набеги на плантации, которые они грабили и с которых выманивали рабочих, исчезая в болотах, где преследование было невозможно, и появляясь снова примерно через день в каком-нибудь неожиданном месте и повторяя те же маневры. Таким образом, они терроризировали лоялистов и разрушили их перспективы собрать урожай, а поскольку многие из них зависели исключительно от почвы, этот метод ведения войны нанес им смертельный удар.

В конце марта 1895 года Антонио Масео с шестнадцатью товарищами отплыл из Коста-Рики и высадился в Баракоа, на восточной оконечности острова. Они были застигнуты врасплох испанской кавалерией, но в течение нескольких часов вели бой с перерывами, когда Масео удалось ускользнуть от своих врагов и скрыться. Прожив в лесу десять дней, пробираясь на запад, он встретил отряд повстанцев, был узан и встречен с большим энтузиазмом. Он принял командование повстанцами по соседству и начал быстро набирать рекрутов. Он участвовал в

нескольких острых столкновениях с испанцами и нес такую эффективную службу, что моральный эффект был замечен сразу. Он и его брат Хосе были произведены в генералы.

Примерно в середине апреля Максимо Гомес и Хосе Марти приземлились из Сан-Доминго примерно в том же месте, где приземлились Масео. В течение нескольких дней им приходилось скрываться в пещере из-за присутствия вражеских пикетов, но в конце концов они добрались до лагеря повстанцев, и Гомес приступил к своим обязанностям главнокомандующего. Теперь во главе повстанцев стоял опытный лидер, к ним подоспели подкрепления, и вскоре у них были силы в шесть тысяч человек.

ПРИБЫТИЕ КАМПОСА.

Правительство объявило новые призывы в войска, и в апреле было собрано не менее двадцати пяти тысяч человек. Мартинес Кампос прибыл из Испании в Сантьяго 16 апреля и сразу же отправился в Гавану, где сменил Кальеху на посту капитан-генерала. Кампос был ветераном и рассчитывал подавить восстание сразу, но день ото дня его задача становилась все труднее.

Гомес и Масео, вместо того чтобы гонять их туда-сюда, повели Кампоса танцевать, и ему помешали укрепить две тропы, которые он сформировал. Гомес никогда не предпринимал крупных сражений или осад, но преследовал врага всеми возможными способами, отрезая его конвои, тщательно отбирая их, поднимая ночную тревогу и всячески досажая ему. Его закаленные солдаты, особенно негры, могли переносить трудности и по-прежнему оставаться в хорошей боевой форме, но с европейцами, из-за желтой лихорадки и постоянных тревог войны, все было по-другому. Ни один европейский солдат не смог бы жить в условиях тех лишений, которые, казалось, вдохнули жизнь в негритянских солдат.

НИКАКИХ КАСТОВЫХ ПРЕДРАССУДКОВ.

Следует понимать, что между негром и чистокровным кубинцем нет кастового чувства. Они ходят, едят и спят бок о бок. Более того, из негров получаются отличные солдаты, с более прекрасным телосложением, чем у самих кубинцев, и такой же выносливостью.

Кубинец небольшого роста по сравнению с американским солдатом, но он хорошо сложен, жилист и, по-видимому, обладает неограниченной выносливостью. Он часто питается одним разом в день, и то скудно, но у него нет никаких признаков того, что его плохо кормят; на самом деле, он, кажется, преуспевает в этом, и у него есть неприятная привычка маршировать по шесть часов утром на пустой желудок, что было бы фатально для обычного англосакса.

Примерно первого июля Масео, все еще находившийся в провинции Сантьяго, сосредоточил силы в округе Ольгин и двинулся против Баямо, захватывая один обоз с провизией за другим, направлявшиеся в это место. Кампос взял с собой полторы тысячи человек под вторым командованием генерала Сантосильдеса и отправился на помощь Баямо. Примерно в середине июля Масео с двумя тысячами семьями повстанцами напал на него в нескольких милях от Баямо. Он и весь его штаб чудом избежали пленения, и только храбрость генерала Сантосильдеса предотвратила эту катастрофу. Храбрый генерал погиб, и испанцы были вынуждены бежать после пятичасового боя, окруженные со всех сторон повстанцами. В конце концов им удалось скрыться в Баямо, арьергард с большим трудом прикрывал их отступление.

Флор Кромбет пала в бою за несколько недель до этого боя, а Марти был убит в незначительном бою при Дос-Риосе. Гомес отправился в Камагуэй, чтобы подлить масла в огонь восстания, а Масео остался командовать провинцией Сантьяго. Ему Кампос был обязан своим поражением. Он избежал поимки, словно повинувшись интуиции. Масео расставил для него новую ловушку после смерти Сантосильдеса, и он уже был в ее сетях, когда, интуитивно угадав ситуацию, оказался лицом к лицу с окружением и бежал в Баямо по неиспользуемой дороге, покрытой непроходимыми зарослями в тылу победоносных войск Масео.

Испанцы были быстро восстановлены после побега в Баямо, и Масео вместе с Квинтином Бандеро начал отступать в свое неприступное горное убежище в Джарауике. Это было в самом сердце Сантьяго-де-Куба, более чем в ста милях к востоку от Баямо и в двадцати пяти милях к северо-востоку от порта Сантьяго. Его измотанная войной армия нуждалась в отдыхе, рекрутах и припасах. Оказавшись в своей горной крепости, он был в полной безопасности, поскольку ни одна испанская армия не стала бы полагаться на скалистый хребет. Весть о его передвижениях достигла Сантьяго, и предпринимались энергичные попытки перехватить его в Сан-Луисе, железнодорожном городке в пятнадцати милях к северо-западу от этого города. Ничто, однако, не ускользало от наблюдения кубинского генерала. С удивительным предвидением он предвидел действия испанцев. Его солдаты были вооружены мачете, а пехота - винтовками и боеприпасами, захваченными в Паралехо. Бандера командовал этой бандой чернокожих. Марш был ужасающим, лошади и люди почти выбились из сил. Из-за скудных припасов темп поддерживался в течение нескольких часов. Солнце зашло, и луна заливала листья пальм бледным серебристым светом. Масео провел короткое совещание с Квинтином Бандерой, и вскоре после этого чернокожие развернулись в колонну и исчезли.

Тем временем кубинская кавалерия продолжала свой путь. К полуночи она достигла Кладбищенского холма, откуда открывался вид на город Сан-Луис. Луна прошла половину пути по небу. Масео сидел на лошади, долго и молча обозревая пейзаж внизу. Маленький городок сверкал электрическими огнями, и в долине раздавались гудки локомотивов. В городе было расквартировано более трех тысяч испанских солдат, и их передвижения были хорошо заметны. Из Сантьяго ежечасно прибывали поезда с сильными подкреплениями. Масео наблюдал в полевой бинокль за волнующей сценой. Он направил подзорную трубу за пределы города и терпеливо смотрел в нее, выдавая легкое беспокойство. Наконец он вышел и посоветовался с полковником Миро, своим начальником штаба. Мгновением позже поступил приказ спешиться. Триста солдат подчинились и собирались привязать своих лошадей, когда их призвали к вниманию. До их ушей донесся второй приказ. Им было приказано стоять неподвижно, поставив обе ноги на землю, и ждать дальнейших приказов, положив правые руки на седла. В лунном свете под разбросанными пальмами они стояли молча, словно окаменев.

ИСТОРИЯ МАСЕО.

Среди них был газетный корреспондент, который знал Масео много лет и который расстался с ним в Порт-Лаймоне, в Центральной Америке, несколько месяцев назад. Он присоединился к колонне сразу после битвы при Паралехо. Повинувшись приказу, он стоял, положив руку на спину своей лошади, и, моргая, смотрел на оживляющую сцену внизу. Измученный дневным переходом, он закрыл глаза и обнаружил, что не может больше бодрствовать. Мгновение спустя он привязал уздечку к ноге, завернулся в резиновый плащ, подложил под голову сумку и заснул на мокрой траве. Вскоре адъютант разбудил его, сказав, что ему лучше встать, так как они

собираются подраться. Он поблагодарил адъютанта, который сказал ему, что в Сан-Луисе находится более трех тысяч испанских солдат и что он окружен четырнадцатью блокпостами. Вскоре корреспондент во второй раз свернулся калачиком на траве и погрузился в крепкий сон, когда его снова разбудил адъютант, который сказал ему, что ему грозит реальная опасность, если он будет упорствовать в неповиновении приказу генерала Масео. В третий раз его тяжелые веки сомкнулись, и он погрузился в мертвый сон, когда кто-то властно встряхнул его. Хесус Масконс, секретарь Масео, встал над ним. "Вставайте сию же минуту", - сказал он. "Генерал хочет видеть вас немедленно".

Через несколько секунд корреспондент был уже на ногах. Все еще раздавались свистки, в долине все еще горели электрические фонари, а на горизонте стояла луна. Он двинулся вперед с некоторым трепетом, полагая, что генерал собирается упрекнуть его за неподчинение приказу. Он был удивлен, обнаружив, что тот очень приятен. Масео всегда говорил тихим голосом, так как ему дважды прострелили легкие.

- Ты не голоден? - спросил он.

"Нет", - ответил корреспондент, гадая, что же такое носится по ветру.

"Я подумал, что, возможно, вы захотите чего-нибудь поесть", - сказал генерал Масео с улыбкой. "У меня здесь есть вареное яйцо, и я хочу разделить его с тобой". Произнеся эти слова, он вытащил свое мачете и разрезал яйцо прямо посередине. Передавая половину яйца корреспонденту, он сказал: "Поделитесь, это пойдет вам на пользу". Газетчик поблагодарил генерала, и они молча съели яйцо. Позже он сказал, что этот инцидент напомнил ему завтрак генерала Мариона с британским офицером. Он прочитал об этом инциденте в "Истории революции" Питера Парли, когда был школьником. Марион вытащила запеченный сладкий картофель из золы походного костра и разделила его со своим британским гостем. Офицер пожалел об отсутствии соли, и корреспондент сказал, что испытал такое же сожаление, когда съел свою порцию яйца генерала Масео.

Прожевав яйцо, оба мужчины некоторое время сидели, наблюдая за волнующей сценой в долине под ними. Луна зашла, но в свете электрических ламп они могли видеть, что активность испанцев была такой же большой, как и всегда. Внезапно Масео повернулся к корреспонденту и отрывисто спросил: "Вы спали, когда Иисус позвал вас?"

"О нет, — ответил корреспондент, - я не спал; я просто устал - вот и все".

Генерал испытующе посмотрел на него, а затем сказал: "Не волнуйся, все в порядке. Через несколько минут мы проезжаем этот город. Возможно, предстоит ожесточенный бой, и тебе понадобится ясная голова. Яйцо придаст тебе сил.

Через двадцать минут небольшие колонны из трехсот человек были в движении. Примерно за час до рассвета они повели своих лошадей вниз по склону во главе с генералом. Тихо и незаметно они въехали на окраину города. Колонны незамеченными миновали два блокпоста и на рассвете оказались за городом на главной дороге, ведущей в Банабакоа. Тем временем испанцы обнаружили их. Город всполошился, и сто пятьдесят испанских кавалеристов возглавили преследование. Дорога вилась через поля, поросшие тростником. За кавалерией следовала сильная колонна испанской пехоты. Масео оставил своих людей в резерве и продолжил свой марш, испанские солдаты тащились за ними, как стая диких кошек.

Внезапно, к их изумлению, пехота Квинтина Бандеры возникла по обе стороны дороги и почти полностью уничтожила преследующую колонну. Те, кому удалось спастись, подняли по тревоге колонны пехоты, которые вернулись в Сан-Луис, чтобы укрепиться. Масео и Бандера разбили лагерь в поместье Мехорана, примерно в шести милях отсюда. Именно здесь незадолго до этого встретились Марти, Гомес, два Масео, Кромбет, Гуэрра и Раби, чтобы положить начало новой революции. Бандера и Масео нашли в поместье много провизии, но не было хлеба. Маленького кубинского мальчика отправили к испанскому коменданту в Сан-Луис с запиской, в которой просили его быть столь любезным и прислать немного хлеба посетителям плантации Мехорана. Мальчик передал записку, и испанский командующий спросил, кто его послал. Не колеблясь ни секунды, он ответил: "Генерал Масео". Испанский чиновник рассмеялся и ответил: "Очень хорошо, запас хлеба будет отправлен. Масео не нужно будет приезжать за ним". Что еще более примечательно, так это тот факт, что Масео заранее сказал корреспонденту, что хлеб будет отправлен, поскольку накануне испанцы были так напуганы бандеровцами, что не хотели провоцировать новое нападение. В тот же вечер мальчик вернулся, неся множество мешков с хлебом. Испанцы оставались в городе до тех пор, пока Масео не дал отдых своей армии и не отправился в Джарауику.

КАМПАНИЯ КАМПОСА ПРОВАЛИВАЕТСЯ.

Еще до конца года кампания Кампоса была признана провальной. Однако он не мог отступить от своей гуманной политики и в начале 1896 года вернулся в Испанию. Бешеные испанцы Гаваны, вынудив Кампоса подать прошение об отставке, потребовали от Кановаса, генерал-капитана, закованного в старое железо испанских завоевателей, не участвовать в сражениях и рисковать своей жизнью на поле боя, а истреблять местное население. По их мнению, женщины, дети, все, кто родился на Кубе, должны нести ответственность за сложившуюся ситуацию. Им не нравился солдат с блестящей карьерой и личным мужеством. Им нужен был палач. Кановас удовлетворил их и назначил дона Валериано Вейлера-и-Николау преемником Мартинеса Кампоса.

Можно задать вопрос, почему повстанцы после стольких побед не захватили Гавану и не покончили тем самым с испанским владычеством. Ответ предельно ясен. После битвы при Колисео генерал Гомес провел смотр своим войскам и обнаружил, что у каждого солдата было всего по три патрона. Кубинцы в Соединенных Штатах предпринимали тщетные попытки направить большую экспедицию к повстанцам, но политика нашего правительства заключалась в невмешательстве, и их планы были сдержаны. В Гира-де-Элена 4 января 1896 года кубинцам пришлось сражаться мачете, чтобы войти в провинцию Гавана.

Если история не может провести параллель с непреклонной решимостью кубинцев умереть или победить в борьбе, несмотря ни на что, то она также не представляет случая упорного сопротивления правосудию и правам человека и варварской жестокости, равной истории Испании на Кубе.

ГЛАВА XX.

ХОСЕ МАРТИ И ДРУГИЕ КУБИНСКИЕ ГЕРОИ.

Кубинский патриот—Жизнь, посвященная Делу—Первая работа на Кубу—Изгнанный с Родной земли—Он возвращается, чтобы бороться за свободу—Его смерть—Максимо Гомес, главнокомандующий Вооруженными силами Кубы-Его методы ведения войны-Антонио Масео, цветной командир—Другие известные военнослужащие кубинской армии.

Когда настанет день, когда Куба займет свое место среди свободных и независимых наций земли, Хосе Марти, который, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы побудить повстанцев к последней борьбе за свободу, не будет среди них, чтобы разделить их триумф. Сраженный испанской пулей почти в начале последней революции, он спит под южными небесами, и ни лязг мечей, ни гром пушек над его могилой не могут нарушить его покой.

Родившийся в Гаване, сын офицера испанской армии, он с детства был приучен к тому, что друзья дела Кубы - повстанцы, заслуживающие смерти. Но с возрастом он начал думать самостоятельно, и чем больше он узнавал об испанском разбое, несправедливости и жестокости, тем решительнее он становился посвятить свою жизнь делу защиты своей родины.

Еще будучи совсем мальчиком, он начал эту работу. Он опубликовал подпольные циркуляры, он написал пьесу, в которой изобразил зло, причиненное жителям острова; "Свободная Куба" была его мыслью днем, его мечтой ночью. Во время тюремного заключения и изгнания в Испании, Мексике и Соединенных Штатах каждым поступком в его жизни руководила одна цель.

14 апреля 1895 года Марти вместе с Максимо Гомесом высадился на побережье Кубы, в Кобонико. Его приход придал повстанцам нового мужества, и их численность быстро росла. Он был произведен в генерал-майоры армии и вместе с Гомесом, который прошел службу в предыдущей кампании, возглавил ряд успешных атак против отрядов испанских войск.

После организации экспедиции, которая должна была отправиться в Пуэрто-Принсипи под командованием Гомеса, Марти намеревался отправиться на побережье моря, чтобы вернуться за границу и продолжить там свою работу в пользу сепаратистской революции.

Примерно в это же время человек по имени Чакон был схвачен полковником Сандовалем из испанских войск, и у него были найдены письма от повстанцев и немного денег, на которые он собирался сделать покупки для вождей повстанцев. Этот человек сообщил информацию о местонахождении противника, и, действуя на основе этой информации, полковник Сандовал 19 мая привел свою армию в Ла-Бриху. Эскадрон Эрнана Кортеса под командованием капитана Капы находился в авангарде и атаковал отряд под командованием Беллито, который вышел навстречу колонне.

Когда полковник Сандовал услышал об этом, он выдвинулся на равнину Дос-Риос и приказал своей пехоте открыть огонь. Завязался ожесточенный бой со смертельным исходом для повстанцев, поскольку испанский гид Антонио Олива, подбежав на помощь солдату, окруженному большой группой противника, выстрелил из винтовки во всадника, который упал на землю, и было установлено, что это Хосе Марти. Капитан Энрике Сатуэ первым узнал его. На месте завязалась драка, повстанцы изо всех сил пытались унести труп, но им был дан отпор.

Максимо Гомес был ранен в этой стычке, что на несколько дней привело к убеждению, что он тоже мертв. Согласно одному из рассказов, Гомес с самого начала был в гуще сражения и, спеша забрать труп Марти, был слегка ранен. Другие говорят, что знаменитый вождь уже простился с Марти, чтобы отправиться в Камагуэй, когда, проезжая на некотором расстоянии от Дос-Риоса, услышал выстрел. Он представил себе, что происходит, и побежал спасать гражданского вождя революции, но когда он прибыл, Марти был убит. Гомес был ранен, Борреро посадил его на свою лошадь и таким образом доставил в безопасное место. Испанцы после своей победы перебрались в Реманганагаус, где труп Марти был забальзамирован. Из последнего города гроб был доставлен в Сантьяго-де-Куба, и по пути туда войскам пришлось отражать атаку повстанцев, которые намеревались унести гроб. По прибытии в город останки Марти были выставлены на кладбище. Полковник Сандовал председательствовал на похоронных церемониях, и мертвому лидеру было предоставлено достойное место для упокоения. Вот слова Сандовала по этому поводу:

Джентльмены: В присутствии трупа того, кто при жизни был Хосе Марти, и в отсутствие кого-либо из родственников или друзей, кто мог бы произнести над его останками такие слова, какие принято произносить, я прошу вас больше не считать эти останки останками врага, а просто останками человека, которого политические разногласия привели лицом к лицу с испанскими солдатами. С того момента, как духи освободились от материи, Всемогущий дает им приют и великодушно прощает их, а оставленная материя остается на нашем попечении, чтобы мы развеяли все злопамятные чувства и похоронили труп по-христиански, как подобает умершему.

МАКСИМО ГОМЕС, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ.

Главнокомандующим вооруженными силами Кубы является Максимо Гомес, человек с научными достижениями, большим интеллектом и большим опытом в военном деле. Бывший офицер Испании, он объясняет свое нынешнее положение следующими словами:

"Когда я отказался в 1868 году от своей формы и звания майора испанской армии, это было потому, что я знал, что если сохраню их. Когда-нибудь мне придется встретиться со своими собственными детьми на поле боя и бороться против их справедливого стремления к свободе. Теперь, когда мне исполнилось много лет, я пришел, чтобы вести новое поколение к окончательной победе и наставлять его".

О своих методах ведения войны Томас Алворд говорит:

"У генерала Гомеса никогда не бывает с собой больше 300 или 400 человек. Его любимый лагерь находится недалеко от Арройо Бланко, на высоком плато, труднодоступном и покрытом густыми зарослями. Он выставляет свои внешние посты по крайней мере в трех милях от города, в направлениях, с которых может подойти враг. Испанцы, когда это возможно, передвигаются по дорогам, и, поскольку эти дороги хорошо охраняются, Гомес спит спокойно. Он знает, что кто-нибудь из кубинцев сообщит его пикетам задолго до того, как испанская колонна покинет ближайшую деревню или минует ее, чтобы напасть на него. Выстрел самого дальнего часового почти не вызывает волнения в лагере Гомеса. Сообщение вселяет в испанскую колонну опасения нападения или засады, и она продвигается вперед очень медленно и осторожно. Известно, что два пикета в такое время удерживали 2000 человек в страхе в течение целого дня. Если колонна двинется дальше и генерал Гомес услышит выстрел часового неподалеку, он неторопливо встанет со своего гамака и отдаст приказ готовиться к переносу лагеря. У него

было так много опыта подобного рода, что только после того, как он услышит залповую стрельбу приближающихся испанцев, он подозвал свою лошадь, отдал приказ выступать и исчез, сопровождаемый всем своим отрядом, в тропическом подлеске, который смыкается за ним, как занавес, оставляя испанцев наедине с покинутым лагерем, без малейших следов пути, пройденного его недавними обитателями.

Иногда Гомес продвигается всего на милю или две. Испанцы обычно не бросаются в погоню. Если они это делают, Гомес получает огромное удовольствие, водя их по кругу. Если ему удастся сбить их с толку до наступления темноты, утром он ложится спать в своем лагере, более счастливый, чем если бы выиграл битву. Испанцы ничему не учатся на подобном опыте. Гомес время от времени вносит разнообразие в ход игры, заходя прямо в тыл противника и там, подкрепленный другими повстанческими бандами по соседству, нападая на колонну и жестоко наказывая ее. Хотя его непосредственные силы невелики, генерал может за короткое время призвать к себе на помощь почти 6000 человек".

ЦВЕТНОЙ КОМАНДИР.

Как только восстание приняло такие масштабы, что стало возможным организовать регулярную военную организацию среди повстанцев, Антонио Масео был назначен заместителем командующего при генерале Гомесе в звании генерал-лейтенанта. Он поднялся из рядовых до должности генерал-майора во время Десятилетней войны, где, несмотря на свою цветную кровь, проявил необычные способности как руководитель людей. Сыновья первых семей Кубы гордились тем, что встали под его знамена и признали его своим старшим офицером. В другой части этого тома рассказу о предательском характере его смерти отведено особое место.

Следующее письмо, написанное им генералу Вейлеру вскоре после прибытия последнего на Кубу, показывает, что он умел сражаться как пером, так и шпагой:

Республика Куба, армия вторжения. Второй корпус, Кайяхабос, 27 февраля 1896 года.

Генерал Валериано Вейлер, Гавана:

Несмотря на все, что публиковала пресса в отношении вас, я никогда не был готов поверить в это и основывать свое суждение о вашем поведении на ее заявлениях; такое скопление зверств, столько преступлений, отвратительных и позорящих любого человека чести, я считал невозможным для солдата, носящего ваше высокое звание.

Мне показалось, что эти обвинения были выдвинуты недобросовестно или были выражением личной вражды, и я ожидал, что вы позаботитесь о том, чтобы должным образом изложить ложь вашим недоброжелателям, поднявшись на высоту, требуемую от джентльмена, и избавив себя от любого обвинения подобного рода, просто приняв в обращении с ранеными и военнопленными благородный курс, которого революционеры придерживались с самого начала по отношению к испанским раненым и пленным.

Но, к сожалению, испанское владычество всегда должно сопровождаться позором, и хотя ошибки и противоправные действия прошлой войны, казалось, были исправлены в начале этой, сегодня стало очевидно, что только закрыв глаза на неизменное личное прошлое и неисправимый традиционный произвол, мы могли представить, что Испания навсегда забудет свою фатальную черту - жестокость по отношению к беззащитным. Но мы не можем не верить

свидетельствам. Во время моего марша в период этой кампании я с тревогой, с ужасом вижу, как подтверждается подлая репутация, которой вы пользуетесь, и как повторяются поступки, свидетельствующие о вашем варварском раздражении. Что! должны ли даже мирные жители (я говорю о раненых и военнопленных), должны ли они быть принесены в жертву тряпкам, которые принесли герцогу Алва его имя и славу?

Значит ли это, что Испания через вас отвечает на милосердие и доброту, с которыми мы, спасители этого страдающего народа, действовали в подобных обстоятельствах? Какой упрек себе и Испании! Лицензия на поджог хижин, убийства, подобные тем, что были в Нуэва-Пас и на вилле Эль-Гато, совершенные испанскими колоннами, в частности полковниками Молиной и Вилхельмом, объявляют вас виновными перед всем человечеством. Твое имя навсегда останется печально известным, здесь и далеко отсюда его будут вспоминать с отвращением и ужасом.

Из человеколюбия, уступая благородным и великодушным побуждениям, которые отождествляются как с духом, так и с тенденцией революции, я никогда не прибегну к репрессиям, которые были бы недостойны репутации и мощи освободительной армии Кубы. Но я, тем не менее, предвижу, что такое отвратительное поведение с вашей стороны и со стороны ваших людей в скором времени вызовет месть частных лиц, жертвами которой они станут, и я не смогу предотвратить это, даже если мне придется наказать сотни невинных людей.

По этой последней причине, поскольку война должна касаться только комбатантов, и бесчеловечно заставлять других страдать от ее последствий, я приглашаю вас вернуться по своим следам, если вы признаете свою вину, или жестоко пресечь эти преступления, если они были совершены без вашего согласия. В любом случае, позаботьтесь о том, чтобы ни капли крови не пролилось за пределами поля битвы. Будьте милосердны ко многим несчастным гражданам. Поступая так, вы будете достойно подражать нашему поведению и нашим процедурам. С уважением, А. МАСЕО.

Это письмо мог написать только храбрый и благородный солдат, решивший защищать интересы угнетенных мирных жителей, даже когда он, вероятно, знал, что его призыв был бессилем хоть в малейшей степени уменьшить их страдания.

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА.

Среди многих храбрых лидеров повстанцев, пожалуй, нет ни одного, кто проявил бы больше героизма, чем молодой Де Робау. После начала революции он был одним из первых, кто присоединился к знамени независимости. В то время он был помолвлен, но для него чувство долга было превыше любых эгоистичных соображений. Прослужив несколько месяцев с заметной честью, он был отправлен со своим командованием по соседству со своей невестой.

Можно себе представить, что мужчины до сих пор не обращали особого внимания на свою внешность, но теперь состоялся обычный парад одежды. Был реквизирован парикмахер, амуниция почищена, а потрепанные непогодой сомбреро украшены блестящими лентами. Когда метаморфоза завершилась, де Робау встал во главе своего лихого отряда и торжественно отправился навестить даму своей привязанности.

Его шествие было триумфальным, поскольку повсюду его сопровождали толпы восторженных людей, которые давно знали его и теперь приветствовали как выдающегося чемпиона. О том, как быстро он добился своего, можно судить по тому факту, что вскоре на виллу кура был

отправлен ординарец и что там состоялась свадьба, которая вполне могла соперничать со свадьбой Камачо, о которой так часто и с такой нежностью вспоминал знаменитый Санчо. С тех пор сеньора де Робау сопровождала своего мужа на протяжении всей кампании, разделяя тяготы и опасности, выпавшие на долю мужчин, и пополнив еще одну благородную группу патриотически настроенных кубинских женщин, которые соперничают со своими мужьями и братьями в верности своей родной земле.

ДРУГИЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ КОМАНДИРЫ.

У этого дела есть много других храбрых лидеров, среди которых можно упомянуть генерала Каликсто Гарсию, генерала Серафина Санчеса, Франсиско Коррильо и Хосе Марию Родригеса. Все они ветераны войны 1868-1878 годов и готовы пожертвовать своими жизнями в борьбе за свободу.

ГЛАВА XXI.

ОТЧАЯННЫЕ СРАЖЕНИЯ С МАЧЕТЕ И ВИНТОВКОЙ.

Меч Кубы—Боевой клич революционеров—Кавалерийские атаки—Стратегии войны—Рукопашные схватки—Масео на фронте—Варварство испанских солдат—Американцы в кубинской армии—Борьба за жизнь—Стрелок—янки—Как погиб храбрый человек.

Есть история о великом римском полководце, который, одержав победу во многих битвах, перековал свой меч на лемех орала и перешел от тревог войны к мирному занятию сельским хозяйством. Кубинец перевернул историю. Когда он оставлял свои труды в лесах и полях, чтобы бороться со своими угнетателями, он брал с собой орудие труда, с помощью которого срезал сахарный тростник на своей плантации, и прокладывал тропинки через густую тропическую растительность. Мачете - это меч кубинского солдата, и он будет знаменит вечно. Его лезвие из закаленной стали, слегка изогнутое на конце, с одним острым, как бритва, краем. У него рукоятка из рога, и его носят в кожаных ножнах, прикрепленных к узкому поясу.

Оружие в руках того, кто понимает, как им пользоваться, ужасно эффективно. Известны случаи, когда стволы винтовок были разрублены им надвое, а головы отделены от тел одним ударом. Его название, выкрикиваемое диким свирепым тоном, является боевым кличем повстанцев, и когда оно исходит из сотни глоток, оно несет в себе такой внушающий благоговейный трепет звук, что неудивительно, что враг охвачен страхом, поскольку на самом деле это означает "война до ножа".

КАВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА.

Кубинцы - одни из самых искусных и отважных наездников мира, равные ковбоям наших западных Штатов и прославленным казакам России. Спины лошадей были их колыбелью, и здесь они обладают решительным преимуществом перед своими испанскими врагами, которые знают об искусстве верховой езды так же мало, как, кажется, понимают права других или удобства войны. Конный отряд повстанцев, бросающийся на отряд врага, размахивающий ужасным мачете, принесет с собой ужас и смерть и победит вдвое большее их число.

Героические братья-мулаты Антонио и Хосе Масео применяли эту манеру боя при каждом удобном случае, и заслуживает внимания совпадение, что они оба встретили свою смерть, сражаясь с мачете против своих ненавистных врагов.

НЕХВАТКА БОЕПРИПАСОВ В РЯДАХ КУБИНЦЕВ.

Нехватка боеприпасов - одна из слабых сторон повстанцев. Храбростью, способностями и людьми они обладают в избытке, но нехватка патронов мешала многим их наилучшим планам и часто мешала им воспользоваться благоприятными возможностями. Три-четыре раунда для человека - ничто в бою, особенно когда испанцы всегда так обильно снабжены. Однако они полны решимости, и поскольку неспособность испании становится с каждым днем все более очевидной, они чувствуют, что это всего лишь вопрос нескольких месяцев, когда дело, за которое они так долго и храбро боролись, будет со славой выиграно.

МАСЕО ВПЕРЕДИ.

Через три месяца после того, как Гомес и Масео высадились в Баракоа, весь Сантьяго и Пуэрто-Принсипи были охвачены восстанием. Они начали со сравнительно небольшой группы людей. Самые надежные источники сходятся во мнении, что их было не более 300, но к ним быстро присоединились тысячи кубинцев, которые достали из тайников оружие и боеприпасы, которые они собирали и прятали годами.

Генерал Кампос, испанский командующий, заявил, что Пуэрто-Принсипи никогда не восстанет против Испании, и сразу же предложил план, который сделает это вдвойне надежным. Он добился от Мадрида специальных концессий для иностранных железных дорог, разрешив им импортировать железные мосты для замены деревянных конструкций и пообещав им 20 000 долларов в месяц, пока они не расширят свои линии и не наладят соединения для завершения непрерывной дороги через страну, используя деньги для найма местных жителей. Это было сделано для того, чтобы обеспечить мир в Пуэрто-Принсипи и Санта-Кларе, которые считались консервативными, и предотвратить присоединение людей к революционной партии.

После того, как план был объявлен, революционеры сожгли деревянные мосты, разрушили рельсы во многих местах, и с тех пор дороги практически полностью находятся в их руках. Кампос, тем временем, чтобы помешать Гомесу продвинуться на восток, разместил 10 000 военнослужащих на границе между провинциями Пуэрто-Принсипи и Сантьяго, но Гомес пересек границу 19 мая, после битвы при Бока-дель-Дос-Биос, где были понесены потери в результате гибели генерала Марти, что стало настолько сильным ударом для Кубы, что Кампос объявил, что "бандитам нанесен смертельный удар".

В Пуэрто-Принсипи Гомес захватил все города, которые пытался захватить, в том числе Альта-Грасию, Сан-Херонимо и Коскорро. Он взял форт Эль-Мулато и во всех местах собрал большое количество боеприпасов. Его с таким энтузиазмом приняли в провинциях Пуэрто-Принсипи и Санта-Клара, что в последней 400 испанских добровольцев присоединились к нему с оружием в руках.

Самое важное сражение лета произошло при Баямо в июле, как раз когда Гомес находился недалеко от испанской линии между Санта-Кларой и Пуэрто-Принсипи, где в столкновении двух армий, насчитывавших около 3000 человек с каждой стороны, испанские войска были полностью разгромлены.

С этого времени на протяжении всего лета и до глубокой осени каждый день был отмечен стычками, захватом важных объектов и угрозами более крупным городам. Из-за этого испанские колонны постоянно перемещались, а в сезон дождей погибли тысячи людей.

Масео теперь отделил свои войска от командования Гомеса и двинулся на запад, сражаясь на ходу и повсюду добиваясь успеха. Он установил новое правительство в таких городах, как Мантуя, Сан-Кристобаль, Рематес, Паласиос, Пасо-Реаль-де-Сан-Диего, Гуане, Консоласьон-дель-Сур, Пилотос, Алонсо-де-Рохас, Сан-Луис, Сан-Хуан-и-Мартинес и других, менее значимых.

Город Пинар-дель-Рио, столица провинции, был единственным важным городом, который устоял, но он был отрезан от своего порта Колон и испытывал нехватку провизии. Один из припасов, присланных испанцами для оказания помощи, - 100 000 пайков - попал в руки Масео.

В Сан-Кристобале испанский флаг на здании правительства был заменен гербом новой республики, были назначены мэр и городские чиновники, новые власти приняли резолюции, и после того, как все оружие в городе было собрано, Мако остался на день, чтобы дать отдых своим людям и лошадям, и двинулся дальше на следующее утро на рассвете.

Генералам Наварре и Луке было приказано сокрушить армию повстанцев любой ценой. Их объединенные силы состояли из 5000 пехотинцев, 200 кавалеристов и 11 артиллерийских орудий. После двухдневного марша к ним присоединилось командование генерала Аризона, которое накануне столкнулось с арьергардом Масео с катастрофическими результатами.

Недалеко от Квивера-Ача стрелки Наварры столкнулись с небольшой группой повстанцев, и, опасаясь, что вся армия Масео находится поблизости, были быстро сформированы боевые порядки. Сражение длилось менее получаса, когда силы повстанцев отступили, не понеся серьезных потерь ни с одной из сторон. Генерал Наварро, наконец, обнаружил, что основная часть сил Масео находится в поместье Армендорес, и место проведения операций было изменено. Генерал Луке сменил Наварро на посту командующего, и вот уже несколько дней прошло без какого-либо заметного конфликта. Наконец, Луке повел атаку на авангард Масео в окрестностях Пинар-дель-Рио, но в момент начала атаки он оказался под огнем с вершин невысоких холмов по обе стороны дороги, где повстанцы были хорошо защищены, и он понес серьезные потери, не причинив врагу большого вреда. Схватка была настолько жаркой, что Луке отступил и приготовился атаковать два пункта, где враг укрепился. Он удерживал дорогу одним батальоном, отправив одно отделение вправо, а другое - влево. Атака была успешной. Испанцы предприняли великолепное усилие под уничтожающим огнем и смели войска Масео перед собой, однако не раньше, чем те покинули поле боя, усеянное их собственными убитыми и ранеными.

По какой-то причине кавалерия не использовалась. Артиллерия только подходила, когда действие достигло этой точки. Испанцы обнаружили, что противник, вместо того чтобы быть разгромленным, просто отступил и занял позицию на другом холме, и рассеянная стрельба продолжалась в течение значительного времени, пока Луке готовился к новой атаке. Затем против 2000 человек Масео было направлено все командование Луке, более 4000 пехотинцев, 200 кавалеристов и одиннадцать артиллерийских орудий.

По меньшей мере половина армии Масео, определенно не менее 2000 кавалеристов, двигалась в тыл Луке и напала на него, застав врасплох как раз в тот момент, когда предпринималась вторая атака.

Какое-то время возникал вопрос, не будет ли уничтожена команда Луке. Они были практически окружены людьми Масео, и целых полтора часа сражение было отчаянным. Невозможно разобраться в историях обеих сторон, чтобы составить четкое представление об этой встрече.

Когда канонада прекратилась, четыре роты пехоты ворвались на холм и заняли его прежде, чем повстанцы, изгнанные артиллерией, смогли вернуть его обратно. Вскоре холм слева от дороги был взят таким же образом, и Луке, хотя и с большими потерями, отразил атаку Масео с тыла.

Битва длилась чуть больше двух часов. У Масео было около сорока раненых и четверо убитых на поле боя, еще десять человек были убиты. Двадцать или больше его лошадей были убиты. Испанец сообщил, что у него было 1000 убитых, на следующий день сократил это число до 300 и, наконец, до заявления о том, что "потери противника, должно быть, были огромными", обычной фразы, когда истинное число уничительно. О потерях Луке никогда официально не сообщалось, но по разным оценкам, они составили от семидесяти пяти до ста человек.

РАБОТА ДЬЯВОЛОВ.

Кубинцы сообщают ужасные подробности сражения при Пасо-Хил между армией генерала Луке и подразделением сил Масео под командованием Бермудеса. Свидетели столкновения утверждают, что испанцы ворвались в больницу и добились раненых повстанцев прямо в их постелях, и что Бермудес в отместку выстроился в шеренгу и расстрелял тридцать семь испанских пленников.

В своем отчете об этом сражении Луке говорит: "Повстанцы заняли сильную оборону, ведя огонь с крыш домов и вдоль заборов вокруг города. Испанский авангард под командованием полковника Эрнандеса атаковал авангард, центр и арьергард повстанцев на центральных улицах города, отбросив их непрерывными залпами и ожесточенными кавалерийскими атаками к окраинам города. К этому моменту мы убили десять повстанцев".

Жители Пасо-Реала говорят, что это сообщение соответствует действительности, насколько это возможно, но Луке забывает добавить, что затем он напал на больницу и убил двадцать восемь раненых, стреляя в них, когда они лежали на койках, через окна и, наконец, выломав дверь, прикончил остальных штыком.

Под датой 8 февраля у нас есть отчет об операциях испанского генерала Сабаса Марина, который незадолго до этого покинул Гавану. Его кампания по поиску генерала Гомеса потерпела неудачу, а официальные сообщения об испанских победах вводили в заблуждение. Были потери с обеих сторон, но Марин не добился абсолютно ничего из того, чего он намеревался достичь.

Первым несчастьем, постигшим испанцев, был разгром Карнеллас, в тот самый день, когда Марин покинул Гавану, Гомес послал отряд под командованием Педро Диаса перехватить его, и эти силы достигли Саладригаса ранним утром. На этом участке местность разделена на небольшие поля, разделенные каменными заборами, а перед дорогой стоит высокий забор с канавой перед ним. Диас разместил 400 пехотинцев за этим забором, а сам с 1000

кавалеристами ждал за ближайшим холмом. Когда появились испанские войска, авангарду позволили пройти, и как только основные силы оказались изрядно в ловушке, по ним были выпущены залпы, буквально выкашивающие их. При звуке первого выстрела Диас повел свою тысячу всадников во фланг и тыл врагу. Атака была неотразимой. Половина людей Диаса даже не выстрелила, но с криками "мачете!" они яростно наскakали на ряды испанцев, прорубая себе путь и сражаясь со страшным эффектом.

Испанцы не опубликовали официального отчета об этом сражении. Насколько показывают записи, его никогда не было. Один из испанских офицеров, сражавшихся в нем, признал потерю 200 человек, но, вероятно, вдвое больше было бы ближе к правильной цифре.

АМЕРИКАНЦЫ В КУБИНСКОЙ АРМИИ.

Полковник Фредерик Фанстон, вернувшийся в Нью-Йорк в январе 1898 года, рассказал интересную историю о храбрых парнях-янки, служивших под началом генералов Гомеса и Гарсии на Востоке Кубы, а также рассказал о печальной смерти У. Даны Осгуда, знаменитого футболиста, ранее преподававшего в Пенсильванском университете.

Полковник Фанстон был в армии Гомеса, когда они атаковали Гимаро. С ними была двенадцатифунтовая винтовка Хотчкисса и четверо американских артиллеристов: Осгуд из Пенсильвании, Латрoуб и Дженни из Балтимора и Дивайн из Техаса.

Утром они атаковали Гимаро с дистанции от 400 до 600 ярдов, причем пехота была защищена земляным бруствером, в котором были оставлены отверстия для орудий.

Испанский гарнизон состоял из 200 человек в одиннадцати фортах, и они поддерживали жаркий огонь весь день. Постепенно, однако, винтовка Хотчкисса, огнем из которой руководил Осгуд, сделала самый большой и ближайший форт непригодным для обороны, и он был оставлен гарнизоном. Как только испанские войска покинули его, им овладела банда повстанцев, и с этой выгодной точки бои продолжились с новой силой. Как только стемнело, одно из кубинских орудий было выдвинуто вперед и размещено в этом форте, а на следующий день ураган снарядов обрушился на другие форты.

Естественно, винтовки гарнизона большую часть времени были нацелены на человека, целившегося в Хотчкисса в захваченном форте, и там, ранним утром, склонившись над своим ружьем, бесстрашный Осгуд получил пулю в голову. Он был унесен своими товарищами под огнем и умер четыре часа спустя. Смерть этого доблестного молодого солдата была оплакана всеми, и кубинцы чтят его память как одного из первых американцев, отдавших свою жизнь, сражаясь за их дело.

Вместе с Гомесом, Гарсией и Масео в каждом лагере повстанцев были храбрые люди американского происхождения, которые сражались за флаг Свободной Кубы бок о бок с местными солдатами и отдали свои жизни в войне против испанской тирании и неправильного правления.

ГЛАВА XXII.

ФЛИБУСТЬЕРЫ ИЗ ФЛОРИДЫ.

Первые экспедиции—Расходы для Соединенных Штатов—Действия президента Пирса—Восстание 1868 года-Патрулирование побережья—Экспедиция на "Трех друзьях"—Оружие и боеприпасы для повстанцев—Отчаянные шансы—Успешная высадка.

Отчет за последние пятьдесят лет является самым ясным и убедительным доказательством, которое можно представить против утверждения Испании о том, что Соединенные Штаты не озабочены вопросом правления на Кубе и не были серьезно пострадали от неспособности испанской администрации обеспечить кубинцам мирное и удовлетворительное правительство. Первые доказательства, которые будут представлены, были получены еще в 1848 году, когда президент Полк от имени Соединенных Штатов объявил, что, хотя Соединенные Штаты желают, чтобы Куба оставалась под испанской собственностью и правительством, они никогда не согласятся на оккупацию острова какой-либо другой европейской нацией.

В то время американским правительством было указано, что, если бы Соединенные Штаты признали, что Куба открыта для захвата любым правительством, способным вышвырнуть Испанию вон, тот факт, что она была почти окружена в Центральной и Южной Америке и на других островах Вест-Индии территорией, принадлежащей двенадцати другим странам, сделал бы ее ареной нескончаемых раздоров. И эти склоки не были вопросами, которые не представляли бы интереса и не нанесли бы ущерба торговле и миру Соединенных Штатов. За этим последовало предложение Испании 100 000 000 долларов за остров Куба. Предложение было немедленно отклонено, и Соединенные Штаты были проинформированы о том, что Кубы нет на рынке.

ПЕРВАЯ ФЛИБУСТЬЕРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

Тем не менее, в Соединенных Штатах было сформировано Общество Одиноким звезды, целью которого было "приобретение острова Куба как части территории Соединенных Штатов".

"Заговор Лопеса", о котором подробно рассказано на предыдущих страницах этой работы, был первой флибустьерской экспедицией, привлечшей особое внимание властей, и была надежда, что ее катастрофический конец удержит других от подобных попыток. Но надежда была тщетной, поскольку в течение двух лет аналогичная экспедиция под руководством генерала Квитмана из Миссисипи была организована в Соединенных Штатах. Было завербовано много людей и зафрахтованы суда, но экспедиция была пресечена правительством Соединенных Штатов.

РАСХОДЫ ДЛЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Таким образом, будет видно, что тот факт, что Испания не смогла мирно управлять Кубой, вызвал у Соединенных Штатов большие расходы и раздражение на гораздо более длительный период, чем это обычно принимается во внимание в наши дни. Соединенные Штаты не виноваты в том, что их граждане были вызваны сочувствием к жертвам политики испанского правительства путем грабежей и убийств. Соединенные Штаты не виноваты в том, что эта страна

стала убежищем для людей, которые были изгнаны из страны своего рождения, потому что их присутствие там означало неудержимую работу в них стремления к свободе, желания, невыносимого для испанских институтов.

Соединенные Штаты не виноваты в том, что эти беженцы, живущие на земле гражданской свободы, должны желать вернуться в свою родную страну и изгнать тех, кто сделал ее несчастной. Но, согласно международному праву, Соединенные Штаты были бы виноваты, если бы этим изгнанным кубинцам было позволено осуществить их вполне естественное и похвальное желание совместно с американцами, чьи симпатии были вызваны историей о несправедливости Испании. Разработка планов экспедиций, задуманных с такой решимостью и настойчивостью, была не только задачей, требующей огромных затрат денег и энергии, но и крайне неприятной и непопулярной работой для правительства.

31 мая 1854 года президент Пирс издал прокламацию, инструктирующую граждан Соединенных Штатов относительно их обязанностей воздерживаться от поощрения, помощи или участия в связи с кубинскими восстаниями.

ВОССТАНИЕ 1868 ГОДА.

Осенью 1868 года, после разрозненных восстаний и нескольких сражений в течение предыдущего года, были составлены планы согласованного восстания. План был раскрыт, и восстание началось преждевременно. Затем последовала кампания, в ходе которой испанские войска численностью 110 000 человек не смогли сдержать кубинские силы численностью около 26 000 человек. В мае флибустьерские экспедиции, которые должны были обернуться такими огромными расходами и досадой для Соединенных Штатов, начались снова. Испанский военно-морской флот сотрудничал с правительством Соединенных Штатов в усилиях по подавлению этих экспедиций, но многие из них ускользали от властей и помогали повстанцам оружием и провизией.

Это раздражало как Испанию, так и Соединенные Штаты, потому что содержание безуспешного антифлибустьерского патруля стоило столько же, сколько и фактическая поимка флибустьеров, и, более того, каждая успешная экспедиция ослабляла авторитет федерального правительства. Эта власть в Южных Штатах сразу после войны была не слишком сильной, и было нехорошо, что по всему южному побережью разыгрывался спектакль неповиновения Соединенным Штатам.

С 1878 по 1895 год, когда нынешнее восстание набрало силу и переросло в открытую активность, предполагается, что на острове царил мир, но в последний год снова начались открытая война и флибустьерские экспедиции. Имя президента Кливленда было добавлено в список президентов, в обязанности которых входило препятствовать усилиям по оказанию помощи кубинской свободе. Он издал соответствующие прокламации 12 июня 1895 года и 30 июля 1896 года. Торговые катера и военные корабли постоянно патрулировали побережье Флориды и, по сути, все воды Мексиканского залива, а иногда и гавань Нью-Йорка, чтобы пресекать флибустьерские экспедиции. Говорят, что подавление естественного желания граждан Соединенных Штатов облегчить политическое бедствие на Кубе обошлось дороже, чем обеспечение соблюдения таможенных правил на той же территории.

ПУТЕШЕСТВИЕ "ТРЕХ ДРУЗЕЙ".

В качестве доказательства того факта, что сторонникам Кубы удалось избежать патрулирования у берегов Америки и линкоров противника в кубинских водах, мы приводим отчет об одной из многих экспедиций, которые были предприняты за последние три года.

Пароход "Три друга" из Джексонвилла, Флорида, под командованием капитана Наполеона Б. Броварда вернулся в Джексонвилл 18 марта, успешно высадив на Кубе генерала Энрике Колласо, майора Чарльза Эрнандеса и дюка Эстраду, помимо пятидесяти четырех человек, снятых со шхуны "Арделл" из Тампы, и всего груза оружия и боеприпасов со шхуны "Мэллори" из Сидар-Ки. По большому счету, это была самая важная экспедиция, отправившаяся из этой страны, и кубинцы в Джексонвилле, когда узнали, что "Три друга" благополучно выполнили свою миссию, кричали "Да здравствует Куба!" до хрипоты.

Они заявили, что это изменит характер всей войны, поскольку безоружные люди теперь будут вооружены, и что Масео, который раньше был осторожен, станет более агрессивным, чем когда-либо прежде. Груз оружия, доставленный "Тремя друзьями" и "Мэллори", был следующим: 750 000 патронов, 1200 винтовок, 2100 мачете, 400 револьверов, не считая магазинов, инструментов для перезарядки и т.д.

"Три друга" встретились с "Мэллори" на Аллигатор-Ки. "Арделл" только что закончил переводить к ней мужчин. Пока они встречались там, за соснами, в глубокой бухте, окруженной кораллами, мимо медленно проплыли три больших испанских военных корабля, но они не обнаружили ничего подозрительного на берегу, хотя в подзорную трубу было видно, как люди в своих наблюдательных пунктах осматривают горизонт, а также обыскивают берег. В воскресенье, около полудня, поскольку поблизости не было видно ни одного судна, "Три друга" взяли на буксир "Мэллори" и направились на юг под сильным напором пара.

"Три друга" - мощный буксир, и к вечеру понедельника они были достаточно близко к кубинскому берегу, чтобы слышать шум прибоя. К западу виднелись несколько корабельных огней, один из которых, очевидно, был испанским военным кораблем, поскольку на носу у него был прожектор, которым он рассекал волны, но "Три друга" были далеко, у них не было света, и поэтому испанец находился вне зоны досягаемости.

УДАЧНАЯ ПОСАДКА.

В десять часов вечера того же дня с помощью баркаса с бензином и двух больших лодок для серфинга, которые были взяты из Джексонвилла, "Три друга" выгрузили людей и боеприпасы из своего трюма и с трюма "Мэллори". На выполнение работы ушло четыре с половиной часа. На берегу были сотни мужчин, которые помогали, и они делали это молча, понимая опасность положения.

Кубинцы на берегу сразу узнали генерала Колясо, и никакие слова не могут описать их радость при виде его. Он ветеран войн на Кубе и тот, кого боится Испания. На самом деле известно, что во время его пребывания во Флориде за ним следили детективы, которым было поручено не жалеть средств, чтобы помешать Колласо добраться до Кубы. Когда прошептали, что Колясо действительно был среди них, они, казалось, не поверили своим ушам, но вышли вперед, посмотрели и, увидев, что ошибки действительно нет, всплеснули руками и заплакали от радости. Майор Чарльз Эрнандес и герцог Эстрада также были встречены с энтузиазмом.

Той ночью стало известно, что Масео получил оружие первой экспедиции, отправившейся в путь за три дня до высадки "Трех друзей". Они были не с "Коммодора", поскольку сообщили, что сейчас ищут это судно. Они также сказали, что к концу недели четыре экспедиции были на плаву. Двое, включая "Трех друзей", приземлились, и еще двое были в пути. Во вторник утром, когда "Три друга" возвращались, она увидела пароход, который соответствовал описанию "Коммодора". Судно направлялось на юг и двигалось, по-видимому, со скоростью пятнадцать узлов в час.

Вот история захвата экспедицией командера Бутрона испанской канонерской лодки "Менсагера":

"Менсагере" было приказано наблюдать за побережьем между Кайо-Джулией и Моррильо, примерно в ста милях. Днем 25 апреля стало известно, что возле Кебрадос-де-Увас видели подозрительную шхуну. Канонерская лодка последовала за ней и обнаружила "Конкурента". Были поданы обычные сигналы, но шхуна попыталась подойти ближе к берегу, чтобы высадить скорострельное орудие.

Затем "Менсагера" была выдвинута вперед и произвела выстрел, который поразил шхуну и взорвал ящик с патронами, который мужчины пытались вывезти на берег. Несколько пассажиров шхуны встревожились и бросились в воду, опасаясь взрыва динамита. Команда канонерской лодки схватила винтовки и начала стрелять, убив трех человек. Еще несколько человек достигли берега.

"На борту шхуны, когда ее ремонтировали, находились трое мужчин, и они сдались без сопротивления. Среди них был Оуэн Милтон, редактор "Москито Ки-Уэст". Матросы были отправлены на берег, чтобы захватить высаженное оружие. В перестрелке были убиты двое мужчин, предположительно флибустьеры, и лошадь. Они захватили несколько брошенных ящиков с патронами. Группа повстанцев прибыла посмотреть на высадку команды лодки. "Менсагера" прибыла в Гавану с оружием и пленными, которых сильно укачало. Шхуна была отбуксирована в Гавану канонерской лодкой "Висенте Яньес". Толпа рассматривает ее как объект большого любопытства. При захвате на ней развевался испанский флаг. Это аккуратная, прочная лодка, и она выглядит быстрой. Один из захваченных пленных упорно отказывается назвать свое имя".

Отчет о судебном процессе, отправленный из Гаваны 8 мая, гласит следующее:

"Суд открылся в "Арсенале". Заключение были Альфредо Лиаборде, уроженец Нового Орлеана; Оуэн Милтон из Канзаса; Уильям Кинли, англичанин, и Элиас Ведиа и Теодор Дела Маза, оба кубинцы. Капитан Руис выступал в качестве председателя суда, который состоял из девяти других военных и флотских офицеров. Судебный процесс над пятью флибустьерами, захваченными на борту "Конкурента", был продолжен вопреки официальному протесту, представленному генеральным консулом Уильямсом, который заявил, что судебный процесс был незаконным и нарушал договор между Испанией и Соединенными Штатами.

"Заключенным не вручили копию предъявленных им обвинений, и им не разрешили самим выбирать адвоката, но их представлял военно-морской офицер, назначенный правительством. Им не разрешили вызывать свидетелей для своей защиты, обвинение вызвало всех свидетелей. Оуэн Милтон из Канзаса показал через переводчика, что он приехал в экспедицию только для

того, чтобы вести корреспонденцию для газеты. Уильям Кинли, когда его вызвали, был без пиджака. Он встал и сказал по-английски: "Я не признаю вашу власть и обращаюсь за защитой к американскому и английскому консулам".

К счастью для этих заключенных, вмешалось правительство Соединенных Штатов, и в конце концов они были освобождены.

ГЛАВА XXIII.

МЯСНИК ВЕЙЛЕР.

Его происхождение — Солдат С юности — Он сменил генерала Кампоса — Мастер дипломатии — Раб Испании — Его внешность — Его интервью с женщиной — Его определение войны — Его отставка.

В начале 1896 года, когда испанское правительство начало понимать, что восстание принимает серьезные масштабы, были приняты меры для отзыва генерала Кампоса, тогдашнего генерал-губернатора острова, и генерал Вейлер был отправлен исполнять обязанности президента. В Испании бытовало мнение, что Кампос был слишком мягок в своем обращении с повстанцами, а поскольку Вейлер, как было известно, не обладал качествами ягненка, его считали идеальным кандидатом на эту должность. То, что ему не удалось подавить восстание, было, конечно, не из-за отсутствия крайних мер с его стороны. Он известен как "Мясник", и его руководство делами на Кубе, безусловно, дает ему полное право на этот титул.

Валериано Вейлер-и-Николау, если называть его полным именем, испанец только наполовину. Его отец был пруссаком, хотя сам Вейлер родился в Кадисе в 1839 году. Его родители были в очень скромных условиях и не благородного происхождения. То, чего добился Вейлер, он приобрел своими собственными усилиями. Он прошел свой путь в одиночку. Он окончил пехотную школу в Толедо в 1857 году и сразу же был направлен на Кубу в качестве младшего офицера. Его быстро произвели в капитаны, и его первой работой было подавление небольшого восстания в Сан-Доминго.

Он быстро повышался в звании и во время первого кубинского восстания командовал провинцией Сантьяго, где заслужил титул, который с тех пор сделал его знаменитым в глазах его сторонников, но печально известным с цивилизованной точки зрения. Но он подавил восстание. В награду он был назначен генерал-капитаном Канарских островов. Его администрация была настолько успешной, что он был назначен маркизом Тенерифе. Ему тогда едва исполнилось тридцать девять лет. Он отличился в Карлистской войне и по ее окончании был произведен в генерал-капитаны Филиппин, где подавил восстание и, по общему признанию, дал островам лучшее управление, которое они когда-либо знали. Он вернулся в Испанию в 1889 году и командовал Барселоной до начала нынешней Кубинской революции.

Вот его мысленная фотография, сделанная корреспондентом газеты:

"Большинство людей соответствуют своей репутации, и если тот, кто посещает персонажа с мировым именем, вспоминает славно прожитую жизнь, он вполне естественно обнаруживает особенности выражения лица и телосложения, которые, по-видимому, определяют

индивидуальность человека, борца, философа, преступника, реформатора или кем бы он ни был.

"Все это верно в отношении генерала Вейлера. Он один из тех людей, которые производят первое впечатление, первый взгляд на которых никогда не может изгладиться из памяти, чье присутствие мгновенно впечатляет самого неосторожного наблюдателя, и все же, взятый в целом, он человек, в котором элементы величия скрыты под покровом непроницаемого мрака. Неполноценный физически, не по-солдатски держащийся, не проявляющий ни следа утонченной чувствительности, ни удовольствия от нежных отношений, ради которых другие живут или, по крайней мере, ищут развлечения, он, тем не менее, является воплощением остроты ума, хитрости, беспринципности, бесстрашия и неукротимого упорства.

"Я разговаривал с Кампосом, Марином и Вейлером, тремя капитан-генералами, которым Испания доверила (пока безуспешно) отвоевание Кубы. Реконкиста кажется неудачно выбранным словом, но один из сотрудников генерала Вейлера назвал эту войну именно так, а кубинские революции можно уладить только завоеваниями, Кампос был исключительным человеком. Марин был обычным человеком. Вейлер уникален. Кампос и Марин повлияли на золотые кружева, достоинство и самосознание. Вейлер игнорирует их всех как бесполезные, ненужные препятствия, если уж на то пошло, на пути к единственной цели своего существования. Кампос был толстым, добродушным, мудрым, философствующим, медлительным в своих умственных процессах, ясным в своих суждениях, решительным в своих мнениях, откровенным и, кроме того, милым, гуманным, консервативным, конструктивным, прогрессивным человеком, у которого всегда был только один проект - прославление Испании как матери-земли и фигуры среди мирных, просвещенных наций.

"Вейлер худой, миниатюрный, сморщенный, жаждущий бессмертия, независимо от его запаха, мастер дипломатии, раб Испании, ради славы восседать по правую руку от ее трона, непривлекательный, нелюбящий, возвышенный и, несомненно, справедливо самоуважаемый, потому что он безошибочно оценивает свою ценность для своей королевы. Его страсть - успех как таковой, невзирая на грязные или справедливые последствия или общепринятые представления человечества.

"Он маленький человечек. Чернокожий призрак — черные глаза, черные волосы, черная борода, смуглый, чрезвычайно смуглый цвет лица, простая черная одежда, черные туфли, черный галстук, очень грязная рубашка с запачканным стоячим воротничком, без украшений и без каких-либо признаков темноты на лице.

Неудивительно, что я на мгновение заколебался, чтобы убедиться, что это действительно Вейлер. Сомнения рассеялись при взгляде на его лицо. Его глаза, широко расставленные, яркие, настороженные и поразительные, окинули меня с первого взгляда. Его лицо, казалось, доходило до подбородка, нижняя челюсть выступала далеко за пределы любого обычного признака твердости, настойчивости или силы воли. Его лоб не является ни высоким, ни скошенным, как и у вдумчивого или философствующего человека. Его уши посажены далеко назад, и сильно развито то, что называется областью интеллекта, в которой находятся те умственные качества, которые можно было бы определить как наблюдательность, расчет, суждение и исполнительность. Форма его головы, однако, не является общепринятой в качестве признака какого-либо выраженного проявления филогенетичности или родственных ей эмоций и склонностей. У него орлиный нос, бескровный и бросающийся в глаза; Когда он говорит, то с

высоким носовым произношением, которое не вызывает неприятностей, потому что оно не растягивается, и его предложения оправдывают все впечатление, которое уже сложилось об этом человеке. Они короткие, четкие, выразительные.

"Я испытываю отвращение к публичности", - сказал он. "Я враг публикаций. Я предпочитаю действовать, а не говорить. Я здесь, чтобы восстановить мир. Когда на земле воцарится мир, я уйду. Я солдат. Когда меня не станет, политики восстановят Кубу, и, вероятно, они снова будут все расстраивать, пока ситуация не станет такой же плохой, как сейчас. Меня волнуют не Америка, Англия, кто угодно, а только договоры, которые мы заключаем с ними. Они - закон. Я соблюдаю закон, каждую букву закона. У меня есть свои соображения об отношении Кубы к Испании. Я никогда их не высказывал. Некоторые политики согласились бы с ними, другие - нет. Никто не согласился бы со всеми из них. Я знаю, что я безжалостен, но милосердию нет места на войне. Я знаю, какая репутация сложилась за мной. То, что мне поручили, выполнялось офицерами под моим началом, и я был признан ответственным за все события Десятилетней войны, включая ее победоносное окончание. Я не скрываю тот факт, что я здесь исключительно потому, что считается, что я могу подавить это восстание. Меня не волнует, что говорят обо мне, если только это не ложь настолько большая, чтобы вызвать тревогу. Я не политик. Я Вейлер".

ИНТЕРВЬЮ ЖЕНЩИНЫ С ВЕЙЛЕРОМ.

Следующее интервью "Мяснику" взяла миссис Кейт Мастерсон, которая боролась со львом в его логове для американской газеты:

"Его превосходительство генерал-капитан Вейлер любезно предоставил мне аудиенцию сегодня. Он принял меня с самой очаровательной вежливостью, провел по своим апартаментам и преподнес букет роз со своего собственного стола. Перед моим отъездом он удостоил меня приглашения отобедать с ним во Дворце.

"Ваше превосходительство, - сказал я ему через своего переводчика, - американские женщины очень плохого мнения о вас. Я сам вас очень боюсь, но я пришел попросить о чести побеседовать с вами, чтобы я мог написать что-нибудь, что убедило бы женщин Америки в том, что вы не обращаетесь с женщинами и детьми безжалостно".

"Я не даю интервью", - сказал он. "Однако я готов ответить на любой вопрос, который вы пожелаете задать".

"В Соединенных Штатах, - сказал я, - преобладает впечатление, что ваш указ, запрещающий корреспондентам газет работать на местах, направлен только на то, чтобы скрыть жестокости, совершенные над пленными повстанцами. Не назовет ли ваше превосходительство мне истинную причину?"

"Я закрыл доступ к испанским и кубинским газетам, - ответил генерал, - так же как и к американским. Во время последней войны корреспонденты вызывали большую зависть тем, что они писали. Они хвалили одних и порицали других. Они писали то, что диктовали заключенные, вместо фактов. Они даже посеяли неприязнь между испанскими офицерами. Они досаждают.

- Значит, я могу опровергнуть слухи о твоей жестокости?

Генерал пожал своими тяжелыми плечами и небрежно сказал: "У меня нет времени обращать внимание на истории. Некоторые из них правдивы, а некоторые нет. Если вы уточните, я дам прямые ответы, но эти вещи не важны".

"Не считает ли ваше превосходительство, что с военнопленными следует обращаться с уважением и милосердием?"

Глаза генерала опасно сверкнули. "Испанские колонны заботятся о своих пленниках так же хорошо, как любая другая страна во время войны", - ответил он. "Война есть война. По-другому не получится, как ни старайся".

"Не позволит ли мне ваше превосходительство отправиться на место сражения в сопровождении солдат, если необходимо, чтобы я мог описать ситуацию такой, какая она есть на самом деле, и исправить сложившееся в Америке впечатление о бесчеловечном обращении с пленными повстанцами?"

"Невозможно", - ответил генерал. "Это было бы небезопасно".

"Я готов подвергнуться любой опасности, если ваше превосходительство позволит мне уйти", - воскликнул я.

Генерал Вейлер рассмеялся. "Опасность будет исходить не от повстанцев, - сказал он, - а от испанских солдат. У них очень нежный нрав, и они все влюбились бы в тебя.

- Я буду держаться на большом расстоянии от места сражения, если вы позволите мне уйти.

Губы генерала плотно сжались, и он сказал: "Невозможно!
Невозможно!"

"Что произойдет, - спросил я, - если меня обнаружат пересекающим границу без разрешения?"

- С тобой обращались бы точно так же, как с мужчиной.

- "Отправят ли меня в замок Морро?"

"Да", - ответил он, энергично кивая головой. Это решило дело.
Я решил не ехать.

"Почему, - спросил я его, - на заключенных распространяется правило изоляции от внешнего мира? Разве это не жестоко - мешать мужчине видиться со своей женой и детьми?"

"Правило изоляции от внешнего мира, - сказал генерал, - является военным законом. Заключенным разрешается видиться со своими родственниками в качестве одолжения, но в таких случаях мы проявляем осмотрительность".

"Ходят слухи, что заключенных расстреливают в замке Морро каждое утро на рассвете и что выстрелы отчетливо слышны по ту сторону залива. Это правда?"

В глазах генерала снова появилось неприятное выражение. "Это ложь!" - коротко сказал он. "Заключенные проходят через обычный военный трибунал, и никто не может быть застрелен в Морро без моего приказа, а я не отдавал приказов стрелять в кого-либо с тех пор, как я здесь".

- Вам не кажется, что это очень жестоко, заставляя страдать невинных женщин и детей во время войны?

"Ни в чем не повинные женщины и дети не страдают. Ранения получают только те, кто покидает свои дома и принимает участие в битве. Только повстанцы разрушают мирные дома".

"Сообщается, - сказал я, - что тридцать женщин сражаются под командованием Масео. Это правда?"

"Да", - ответил генерал. "Вчера мы захватили одну женщину. Она была одета в мужскую одежду и держала в руках мачете. Сейчас она в замке Морро. Эти женщины свирепее мужчин. Многие из них мулаты. Эта конкретная женщина была белой.

- "Какова будет ее судьба?"

- "Она пройдет через обычную форму судебного разбирательства".

- "Неужели ей не будет оказано никакой пощады?"

"К женщине всегда проявляют милосердие. Хотя закон одинаков для обоих полов, есть пункт, который допускает милосердие к женщине."

"В Морро и Кабанасе есть несколько кубинских женщин-повстанцев. - Не позволит ли ваше превосходительство, - спросил я, - мне навестить их?"

"Нет", - сказал он. "Есть закон, по которому ни один иностранец не должен входить в наши крепости. Это военный закон. Мы не можем делать исключений. Вы понимаете, что я не хочу быть невежливым, сеньорита.

"Говорят, что некоторых из этих женщин, - продолжал я, - сажают в тюрьму просто за то, что у них дома развешаны кубинские флаги. Возможно ли это?"

"Государственная измена, - воскликнул генерал, - всегда является преступлением, наказуемым тюремным заключением".

- В настоящее время в Морро находится корреспондент газеты. В чем заключалось его преступление?

Генерал снова пожал плечами. "Я ничего о нем не знаю", - сказал он. "Я думаю, что его освободили".

- Вам не кажется, что жизнь газетного корреспондента в Гаване в настоящее время очень несчастлива?

"Я думаю, что так и должно быть, потому что они делают меня несчастной. Если бы все они были такими, как ты, это было бы приятно".

- Правда ли, что для выбивания признаний из заключенных используются гайки?

- Только не испанцы. Повстанцы используют все эти штуки, похожие на те, что использовались при пытках инквизиции.

"Что ваше превосходительство думает о кубинцах как о расе? Вы не считаете их прогрессивными и храбрыми?"

"Вместе с прогрессом всех наций прогрессировали и кубинцы", - ответил он. "Многие кубинцы симпатизируют Испании, но это восстание - пятно на кубинской расе, которое ничто и никогда не сможет стереть. Это пятно, оставленное кровью убитых и слезами женщин. Оно ранит самих кубинцев больше, чем любое другое".

Несмотря на хвастовство Вейлера, когда он принял командование испанскими войсками на Кубе, что он быстро подавит восстание, его провал был таким же полным, как и провал генерала Кампоса, и в конце концов потребовали его отзыва. В своем письме протеста правительству метрополии он сказал:

"Если бы функции, которые правительство возложило на меня, были просто функциями генерал-губернатора Кубы, я бы поспешил подать в отставку. Но двоякий характер моей миссии и мой долг как главнокомандующего перед лицом врага не позволяют мне подать заявление об отставке.

"Тем не менее, хотя я могу рассчитывать на абсолютную поддержку автономистской и конституционной партий, а также на общественное мнение, этого было бы недостаточно без доверия правительства, которое мне сейчас более чем когда-либо необходимо после порицания, объектом которого я стал со стороны членов и журналов Либеральной партии и общественного мнения в Соединенных Штатах, на которое последнее в значительной степени влияет первое. Эта уверенность была бы необходима, чтобы позволить мне положить конец войне, которая уже фактически завершена от наших позиций в Хукаро до мыса Антонио".

Сеньор Сагаста ответил: "Я благодарю вас за ваше объяснение и ценю вашу откровенность, я хочу заверить вас, что правительство признает ваши услуги и ценит их так, как они того заслуживают, но оно считает необходимым изменить политику. Для достижения успеха требуется, чтобы власти были заодно с министерством".

ГЛАВА XXIV.

КУБА ПОД УДАРОМ.

Гражданская гвардия и их преступления —Ужасное убийство восьми невинных людей—Человек по сердцу Вейлеру—Как испанцы одерживают "Победы"—Жизнь, свобода и имущество принесены в жертву—Война не расовая —Сопrotивление до победного конца.

На Кубе более пятидесяти лет действует военное положение, и его соблюдение Гражданской гвардией (так называются офицеры, назначенные испанским правительством) несет ответственность за бесчисленные посягательства на жизнь и имущество жителей. Эти

чиновники были виновны во всех известных преступлениях, но, защищенные своим положением, они избежали законного наказания, и только в тех случаях, когда доведенные до отчаяния люди действовали как судьи и палачи, беря закон в свои руки, было возможно какое-либо возмещение ущерба.

Если по какой-либо причине эти охранники захотят преследовать человека, тот факт, что он не является комбатантом, не является защитой ни для него, ни для его семьи. Они были средством пополнения рядов повстанцев, поскольку часто человек, у которого на глазах расстреливали его родственников и друзей, ради удовлетворения какой-то личной злобы или для того, чтобы какой-нибудь офицер мог заслужить похвалу за сражение, покидал свои поля и отправлялся наносить мужественный удар за свою страну и свой дом.

История восьми мирных белых мужчин, которые были расстреляны без суда на Кампо Флорида, недалеко от Гаваны, послужит примером работы этих извергов.

Этих бедолаг арестовали, связали им руки и доставили в полицейский участок. Один из них только что закончил изготовление гроба для женщины, и его потащили на станцию с веревкой на шее. На следующий день, даже без намека на суд, их отвели по двое в овраг недалеко от форта, где недавно была вырыта траншея, и, несмотря на самые жалкие мольбы о пощаде, они были хладнокровно расстреляны жестокими стражниками, которые, казалось, получали дьявольское удовольствие от своего кровавого дела.

Следующее заявление было сделано патриотами Кубы с просьбой о том, чтобы оно получило как можно более широкую огласку среди народа Соединенных Штатов:

"Если правительство, которое, к несчастью, управляет судьбами этой несчастной страны, должно быть верным самым элементарным принципам справедливости и морали, полковник Джулл, недавно назначенный военным губернатором провинции Матансас, должен быть на галерах среди преступников. Прошло совсем немного времени с тех пор, как генерал Мартинес Кампос освободил его от военного командования в Сьенфуэгосе, поскольку он ни разу не вступал в бой ни с кем из повстанческих сил, но вымещал все свои свирепые инстинкты против невинных и безобидных крестьян.

"В Ягуарамасе, маленьком городке недалеко от Сьенфуэгоса, он арестовал в качестве подозреваемых и шпионов г-на Антонио Морехона, честного и трудолюбивого человека, и г-на Игнасио Чапи, который уже в преклонных годах и почти слеп. Не имея возможности доказать выдвинутое против них обвинение, поскольку они были невиновны, он приказал майору Морено из барселонского батальона, несшего гарнизонную службу в Ягуарамасе, убить их мачете и немедленно похоронить. Майор Морено ответил, что он джентльмен, который приехал сражаться за целостность своей страны, а не совершать убийства. Это сильно рассердило полковника, но, к сожалению, сержант-доброволец и еще шестеро человек были готовы выполнить приказ полковника, и Морежон и Чапи были убиты без жалости.

"Приказ Джулла был выполнен самым жестоким образом. Страшно даже подумать об этом. Мистер Шапи, который знал повадки полковника Джулла, когда его разбудили в три часа ночи и предупредили, что он и Морехон должны выйти, заподозрил, что за этим последует, и велел своему спутнику звать на помощь, как только их выведут из форта. Они так и сделали, но те, кто должен был выполнить приказ Джулла, не были ни тронуты, ни ослаблены в своей цели.

УЖАСНОЕ ЗРЕЛИЩЕ.

Напротив, при первых же криках Чапи и Морехона они набросили себе на головы лассо и потянули его за концы. Через несколько мгновений они упали на землю, задохнувшись насмерть. Их без жалости волокли по земле к месту, где они были похоронены. Всю эту кровавую сцену Джулл наблюдала с небольшого расстояния. Провидение не желало, чтобы столько беззакония оставалось скрытым навсегда. В спешке могила, где были похоронены эти двое невинных людей, была вырыта недостаточно глубоко, и часть веревки, которой они были задушены, осталась снаружи. Сосед, разыскивавший потерявшуюся корову, увидел веревку, ухватился за нее и, потянув, откопал голову одной из жертв. Он был поражен ужасом и немедленно уведомил судью, который, установив, что эти люди были убиты по приказу полковника Джулла, приостановил разбирательство.

"Соседи и все гражданские и военные власти знают все, о чем здесь говорилось, но таково положение дел на острове, что генерал Вейлер не возражает против назначения этого монстра, полковника Джулла, военным губернатором Матансаса. Такие поступки, как перечисленные, являются обычным явлением. Жители города Матансас с Джуллом в качестве губернатора и Ароласом во главе колонны пострадают из-за своих пагубных и кровожадных инстинктов.

"Чтобы читатели могли частично узнать, кто такой генерал Аролас, было бы неплохо рассказать о том, что произошло в поместье Мерседес, недалеко от Колона. Узнав, что небольшой отряд повстанцев расположился лагерем на сахарной плантации Мерседес мистера Каррильо, генерал Аролас отправился вступить с ними в бой, но повстанцы, которых было немного, отступили. Сильно раздосадованный тем, что не смог произвести в них ни одного выстрела, он взял в плен троих рабочих, которые пасли животных в поле поместья, и без каких-либо формальностей суда застрелил их. Когда тела доставили в Центральную больницу, их опознали, и, чтобы хоть как-то смягчить свою ответственность, генерал Аролас сказал, что, когда он бросил им вызов, они убежали и при первом же выстреле из ружья упали замертво".

ЖИЗНЬ, СВОБОДА И ИМУЩЕСТВО ПРИНЕСЕНЫ В ЖЕРТВУ.

Жизнь, свобода и собственность - все это было принесено в жертву этими решительными патриотами ради дела, которое они любят. Их города были сожжены, их дома разграблены, их жены и дети умерли от голода, и во многих частях острова не бросается в глаза ничего, кроме руин и отбросов. Даже их больные и раненые не защищены от меча угнетателя, и везде, где у повстанцев есть госпиталь, у них есть гарнизон для его защиты. В каждой из шести провинций есть госпиталь повстанцев со штатом врачей и медсестер, а также подразделение армии.

Самый большой из них находится в той части Санта-Клары, которая называется Перешеек Сапата. Это дикий, болотистый край, по которому только местные жители могут различать эти ненадежные тропы, где малейшее отклонение означает увязнуть в коварной трясине.

РЕШИТЕЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ.

Выдающийся кубинец, который, можно сказать, говорит от имени всей своей расы, делает следующее заявление:

"Население острова составляет, в круглых цифрах, 1 600 000 человек, из которых менее 200 000 - испанцы, около 500 000 - цветные кубинцы и более 800 000 - белые кубинцы. Небольшая, но не

незначительная часть испанцев, хотя и не принимает активного участия в защите нашего дела, сочувствует ему и поддерживает его различными способами. Все кубинцы, будь то цветные или белые, симпатизируют революции, за исключением нескольких разрозненных людей, которые занимают должности при испанском правительстве или заняты на предприятиях, которые не могут процветать без нее. Все кубинцы, у которых были средства и возможность вступить в революционную армию, сделали это, в то время как те, кто был вынужден по той или иной причине остаться в городах, сотрудничают в меру своих возможностей. Если бы жители небольшой части западной части острова, которая пока остается спокойной, были снабжены оружием и боеприпасами, они восстали бы до одного человека в течение двадцати четырех часов.

"Эта революция всего кубинского народа против правительства Испании - это то, что испанские официальные лица с удовольствием описывают как беспорядки, вызванные несколькими авантюристами, грабителями, бандитами и ассасинами! Но у них есть цель так охарактеризовать это, и это не что иное, как каким-то образом оправдать войну на уничтожение, которую, как объявил сам премьер-министр Испании, его правительство будет вести против кубинского народа. Они еще не удовлетворены реками человеческой крови, которыми в прошлые времена они затопили поля Италии, Нидерландов, нашего континента Америки и всего несколько лет назад самой Кубы. Испанская газета Гаваны "Эль Пуэбло" призывает испанских солдат не давать пощады, никого не щадить, убивать всех, всех без исключения, пока у них не появятся потоки кубинской крови, в которых они смогут искупаться. Это хорошо. Кубинцы принимают вызов, но они не будут подражать своим тиранам и покрывать себя позором, ведя жестокую войну. Кубинцы уважают жизни своих испанских пленных, они не нападают на больницы, и они лечат и оказывают помощь с такой же заботой, с какой они лечат и оказывают помощь своим собственным, раненым испанцам, которые могут попасть к ним в руки. Они делали это с самого начала войны, и они не изменят своей гуманной политики.

Испанские официальные лица также пытались убедить вас, что война на Кубе - это война рас. Каких рас? Черных против белых? Это неправда, и факты ясно показывают, что ничего подобного нет. И войны, которую кубинцы ведут против испанцев, как таковой нет. Нет. Война ведется против правительства Испании, и только против правительства Испании, должностных лиц и нескольких монополистов, которые при нем живут и процветают за счет средств кубинцев. Мы не испытываем недобрых чувств к тысячам испанцев, которые трудолюбиво и честно зарабатывают себе на жизнь на Кубе.

Но с правительством Испании мы не заключим мира и не пойдем ни на какие компромиссы. Под его правлением для нашего народа не будет ничего, кроме угнетения и нищеты. В течение многих лет кубинский народ терпеливо страдал и в интересах колонии, а также в интересах метрополии искренне молился о реформах. Испания не только осталась глуха к молитвам, но и вместо того, чтобы искоренить самые вопиющие злоупотребления, позволила им увеличиваться и процветать, пока не была достигнута такая точка, когда продолжение испанского правления означает для кубинского народа полное уничтожение".

ГЛАВА XXV.

ФИЦХЬЮ ЛИ ВЫХОДИТ ВПЕРЕД.

Важность американского консульства в Гаване в критический момент—Генерал Фицхью Ли, человек на это место—Очерк жизни Ли—Доверие нации к своему популярному герою—Как он покинул Гавану и как обещал вернуть жену и семью генерала Ли—Его место в начале войны.

Никогда не было более подлинного и типичного американского джентльмена в трудном положении, когда был необходим подлинный и типичный американский джентльмен, чем Фицхью Ли, генеральный консул США в Гаване в самый критический момент перед началом нашей войны с Испанией. Генеральное консульство Кубы имеет гораздо большее значение, чем другие учреждения с таким же названием в других странах, где имеются дипломатические представительства. Это включает в себя обязательства как дипломатические, так и коммерческие, и Ли был подходящим человеком для обоих.

Его предшественник на этом посту, Рамон Уильямс, занимал эту должность много лет, и он, а также власти Вашингтона признали, что необходимо внести изменения из-за необычных требований, предъявляемых к офису. Его долгая и верная служба в тропической стране подорвала его здоровье, так что из-за этого его энергия иссякла в то время, когда она была наиболее необходима для обеспечения интересов Америки.

Весной 1896 года президент Кливленд, полагая, что Соединенные Штаты в Гаване должен представлять человек с необычными способностями, выбрал на этот пост Фицхью Ли. Выбор был одобрен с самого начала всеми, кто его знал, и прошло не так много месяцев, как генерал Ли стал кумиром и героем всего американского народа.

Его послужной список в Гаване не стал сюрпризом для тех, кто знал о его подвигах во время войны или о его семье. Кровь покажет, и это сказалось в случае с генералом Ли. Его семья всегда была знаменита в американской истории. Как мог внук "Лайтхорса Гарри, героя-революционера", или племянник Роберта Э. Ли быть кем-то иным, кроме как смелым и обладающим тактом и здравым смыслом?

Сын морского офицера, он предпочел карьеру в армии. Окончив Вест-Пойнт, он шесть лет сражался на границе, прежде чем началось Восстание, и участвовал в нескольких отчаянных столкновениях с индейцами команчи в Техасе. В одном из таких случаев стрела пронзила ему легкие, но он выжил, чтобы рассказать эту историю. В другой раз он сцепился с крупным индейцем в рукопашной схватке, повалил своего противника на землю и убил его.

Хотя Ли было всего двадцать семь лет, когда началась война, он был инструктором по тактике кавалерии в Вест-Пойнте. Он "последовал за своим штатом" в движение за отделение. Его военный послужной список является предметом гордости каждого вирджинца. Лихой молодой офицер был идеальным солдатом, ничего не боявшимся и любимым своими людьми. Он также был скромным. После какого-то блестящего проявления личной доблести его бригада собралась в единое целое и решила спеть ему серенаду в его штабе, ожидая, конечно, речи. Но Ли догадался об этом, и когда он увидел, что они приближаются, он выскользнул из своей палатки и спрятался в кустах. После того, как разочарованные солдаты напрасно позвали его и

разошлись, он украдкой выглянул из своего укрытия и приглушенным тоном спросил: "Они ушли?"

ХЛАДНОКРОВИЕ В БОЮ.

Генерал Ли обладал замечательным самообладанием в бою. Он никогда не терялся в самых тяжелых условиях, за исключением Сэйлорз-Крик, при отступлении из Питерсберга; он никогда не выказывал беспокойства, и, хотя часто попадал под грохочущий огонь, никто никогда не видел, чтобы он уворачивался. Этого нельзя сказать о многих самых храбрых людях. Иногда пуля неожиданно просвистит совсем рядом с чьей-то головой, и желание увернуться становится почти непреодолимым, хотя это никогда никому не приносило пользы.

Один из сопровождавших его офицеров однажды сказал, что единственный раз, когда он пострадал от вражеского огня, был в битве при Винчестере. Он и генерал Эрли встретились под яблоней на вершине холма, на очень открытом месте. Стрельбы в то время не было, но пока два генерала, все еще сидя на конях, внимательно изучали карту, прозвучал один выстрел. Он не достиг цели, и они не обратили на него внимания. Но вот! прилетел другой, ударил по яблоне прямо у них над головами, и когда яблоки дождем посыпались на них, они пришли к выводу, что карту можно было бы лучше рассмотреть в менее уязвимом месте — к выводу, с которым все остальные согласились с поразительным единодушием. И никто не остановился, чтобы купить яблок.

Генерал Ли - превосходный наездник. Он ездил на великолепной кобыле по кличке Нелли. У нее были фигура, сила, ловкость конечностей, заостренная шея, подвижная осанка головы, яркие и умные глаза, которые делали ее образцом, достойным любого мастера. Она была само изящество и красота. Когда колонны конфедерации были разбиты в том же сражении и начался разгром, поскольку он был немногим меньше, генерал Ли оказался в очень уязвимом месте. Против него был направлен огонь тридцати артиллерийских орудий. Воздух был полон разрывающихся снарядов; лошади металась на трех ногах, жалобно ржась в поисках убежища; другие были выпотрошены яростным выстрелом; другие были на свободе, бегали взад и вперед, сбитые с толку ужасным опустошением, в то время как изуродованные тела людей виднелись со всех сторон; множество искалеченных людей ковыляли прочь, и все, казалось, были обречены на смерть. Именно здесь прекрасная Нелли была пронзена одним осколком снаряда, а нога ее хозяина разорвана другим.

Он был известен своей сердечностью и веселостью. Он любил юмор и забавы и получал все, что можно было получить в те трудные времена. Но в Аппоматтоксе его жизнерадостность иссякла. Там он заплакал.

После окончания войны генерал Ли поселился в округе Стаффорд в качестве фермера и мельника. Его жизнь была тихой и без происшествий, как у сельского джентльмена, не заботящегося ни о чем, кроме своей жены, на которой он женился в 1871 году, и своих детей. Примерно в 1875 году он начал принимать активное участие в политике и присутствовал в качестве делегата на национальном съезде 1876 года. В 1885 году он был избран губернатором Вирджинии. Именно тогда он снова стал бросаться в глаза. Генерал Ли возглавлял южную дивизию на параде инаугурации, и его величественное присутствие и великолепное владение верховой ездой заставили людей на тротуарах подбадривать его с большей энергией, чем кого-либо другого. Похожая демонстрация произошла, когда четыре года спустя генерал Ли

возглавил войска Вирджинии на параде в честь столетия Вашингтона в Нью-Йорке под зажигательную мелодию "Дикси". В обоих этих случаях он сидел в одинаковом седле, которое его дядя, генерал Роберт Э. Ли, использовал на своем знакомом сером боевом коне Тревелере. Кто мог бы занять его более достойно? Любой, кто видел "Фитца" Ли верхом, подобно кентавру, на чистокровном скакуне из Вирджинии, наверняка навсегда сохранит в памяти идеальную фигуру рыцарского "мужчины на коне". Пешком он не так внушителен, поскольку всего лишь среднего роста и, в последние годы, довольно дороден. У него красивая голова и лицо, с откровенными стальными голубыми глазами и румяным цветом лица, оттеняемым его теперь почти белыми волосами, усами и имперской выправкой. Его осанка настороженная и военная. В целом он не выглядит и, вероятно, не чувствует себя на свои шестьдесят два года.

Во время второго срока правления мистера Кливленда он был назначен сборщиком внутренних доходов в Линчбурге, Вирджиния.

ЧЕЛОВЕК, ДОСТОЙНЫЙ МЕСТА В ГАВАНЕ.

После того, как генерал Ли занял свой пост в Гаване, его слава начала приумножаться. Американское мнение о нем было озвучено сразу после гибели "Мэна" Л. П. Сигсби, братом командира того злополучного корабля, когда он сказал: "Там, внизу, есть человек, заботящийся об интересах этой страны, которого нельзя ослепить. У него больше песка, чем у кого-либо из известных мне людей, и если в этом взрыве есть что-то предательское, мы узнаем об этом без промедления. Человек, которого я имею в виду, - генерал Фитцхью Ли.

Та же мысль приходила в голову каждому американцу, наблюдавшему за его карьерой. От начала до конца все были уверены в его американизме, его храбрости и хладнокровии. Он занимал свой пост исключительно благодаря заслугам, и ни один политик не добился никакого успеха в попытках добиться от него этого выдающегося и прибыльного положения после смены администрации, когда президент Маккинли занял исполнительное кресло. Нация признала, что он в первую очередь был американцем, и вмешательство в его дела по партизанским мотивам было бы недопустимо.

Ревниво относясь к чести американцев и твердо настаивая на правах своих соотечественников, он всегда сохранял хладнокровие. Обходительный и вежливый, а также смелый, он никогда не бушевал и завоевал уважение и восхищение испанцев, а также их страх.

На протяжении всей его службы на Кубе фигура генерала Ли была хорошо известна в Гаване, и даже те, кто был настроен к нему враждебно из-за своего официального положения, искренне восхищались им. Какой бы ни была угроза насилия со стороны вспыльчивых испанцев, когда отношения между двумя странами были наиболее напряженными, генерал Ли никогда не допускал ни малейшей опасности для себя и отказывался принимать какую-либо охрану, кроме той, которую он сам был в состоянии обеспечить для себя. На улицах, в гостиницах и кафе к нему не проявляли неуважения благодаря одной только силе его великолепной личности. И никогда, вплоть до последнего дня его пребывания в Гаване, когда были разорваны все дипломатические отношения, испанские власти в этом городе не пренебрегали ни одной из форм вежливости.

ГЕНЕРАЛ ЛИ ОБЕЩАЕТ ВЕРНУТЬСЯ.

В тот день, когда в сопровождении генерального консула Великобритании он отправился попрощаться с генерал-капитаном Бланко, последний отказался встретиться с ним под предлогом того, что был слишком занят. Когда путешествие домой действительно началось, в маленькой лодке, которая доставила на пароход Генерального консула и последних газетных корреспондентов, оставшихся в Гаване до конца, злоба испанских зевак в доках больше не могла сдерживаться. С проклятиями, презрительными и оскорбительными эпитетами они возвысили свой голос против него. С должным достоинством генерал Ли проигнорировал все это, за исключением одного определенного последнего сообщения, в котором говорилось, что он вскоре вернется с войсками, которые будут рядом с ним.

В своем кабинете в консульстве в Гаване генерал Ли снискал восхищение и доверие каждого американца, имевшего возможность встретиться с ним. Храбрый, каким и должен быть американец, и в равной степени мягкий и отзывчивый, он был человеком для этого места. Бесчинства Испании в отношении американских граждан пробудили в нем только два чувства. Одним из них было сочувствие и скорбь по тем, кто пострадал. Другим было негодование и вражда к тем, кто был виновен. В меру всех своих сил он охранял и помогал тем, в ком пробудилось это первое чувство. Он покинул Кубу с накопившимся чувством отвращения к бесчинствам испанцев на этом несчастном острове против американцев и кубинцев, которые будут стимулировать к доблестным поступкам в любой войне, которая может последовать, в которой ему предстояло быть лидером. Обладая большим сердцем, блестящим умом и великолепным телосложением, генерал Ли сочетал в себе все качества, которые делали его достойным гордости Америки, которая была сосредоточена на нем.

ГЛАВА XXVL

АМЕРИКАНЦЫ В ИСПАНСКИХ ЗАСТЕНКАХ.

Ненависть испанцев к американской нации—Примеры несправедливости—Случай доктора Руиса —Его смерть в темнице—Хулио Сангвильи—Действия Сената Соединенных Штатов в его защиту—Корреспондент в замке Морро—Переживания Уолтера Дайгерта—Генерал Ли проявляет свой характер в деле Чарльза Скотта.

Не довольствуясь своим жестоким и бесчеловечным обращением с кубинскими патриотами, испанские официальные лица, казалось, получали особое удовлетворение от заключения в тюрьму и даже убийства американских граждан по малейшему поводу. Объектом их самой лютой ненависти являются повстанцы, но если судить о них по их деяниям, то окажется, что американец занимает почти второе место в их черном списке.

Снова и снова наше правительство было вынуждено вмешиваться, чтобы спасти жизни своих граждан, и, к сожалению, в ряде случаев это вмешательство было слишком запоздалым. Невозможно представить список всех мужчин и женщин американского происхождения, потерявших жизнь, свободу и имущество из-за испанских властей, начиная с массового убийства экипажа "Вирджиниуса" и заканчивая крушением "Мэна", но можно упомянуть несколько примеров, которые убедительно докажут, что возмездие, началом которого была славная победа в Манильском заливе, наступило не слишком скоро.

СЛУЧАЙ С ДОКТОРОМ РУИСОМ.

Одним из самых вопиющих из этих безобразий стало заключение в тюрьму доктора Рикардо Руиса, кубинца по происхождению, но натурализованного гражданина Соединенных Штатов. По профессии он был стоматологом, учился в стоматологическом колледже Пенсильвании, а после получения диплома вернулся в родную страну, чтобы заниматься своей профессией.

Его обвинили в симпатиях к революционерам, арестовали и продержали в тюрьме два года, после чего он умер, вероятно, от насилия. В следующем письме, написанном из Гаваны по этому делу, будут рассмотрены причины такого предположения:

"Руис умер, по словам хирургов, от закупорки мозга, вызванной ударом или ударами. Когда генерал Ли и мистер Кэлхун посетили тюрьму в Гуанабакоа, им показали камеру, в которой, по словам испанцев, умер Руис. Охранник объяснил генералу Ли и мистеру Кэлхауну, что он услышал стук с внутренней стороны двери, и когда он открыл ее и вошел, Руиз бежал к тяжелой двери и бодал ее головой. У Руиза была только одна рана на макушке. Если бы он боднул эту дверь, как говорит тюремщик, его скальп обязательно был бы разорван в нескольких местах".

Хулио Сангвильи - еще один американский гражданин, которого судили за государственную измену и приговорили к пожизненному заключению. Это дело привлекло большое внимание в Соединенных Штатах, и Комитет по международным отношениям Сената принял резолюцию, в которой потребовал от правительства Испании его освобождения. Во время обсуждения этой резолюции сенатор Дэниел от штата Вирджиния сказал:

"Вчера, два года назад, Хулио Сангвильи, гражданин США, был брошен в тюрьму. Прошло два года, а это правительство практически ничего не сделало для этого гражданина. Великобритания освободила бы его, как только один из ее линкоров смог бы достичь Гаваны. С ним жестоко обращались и осудили на основании неподтвержденных показаний в военном трибунале. Эта страна и вся цивилизация были опозорены обращением, примененным к этому несчастному человеку. Каждый гражданин этой страны патриотически приветствовал бы президента, если бы он направил флот американских линкоров и добился освобождения этого американского гражданина, чья страна была оскорблена обращением с ним и с нашим представителем на Кубе".

Премьер-министр в Мадриде, понимая, что из-за этого дела могут возникнуть серьезные неприятности, телеграфировал Вейлеру, чтобы тот освободил заключенного из-под стражи и выслал его с острова.

Сангвайли немедленно приехал в Соединенные Штаты, где его тепло приняли друзья, и с тех пор он активно участвует в работе во имя свободы Кубы.

Чарльз Скотт, сотрудник Американской газовой компании, был арестован в Регле по обвинению в хранении кубинских почтовых марок. Четырнадцать дней он провел в одиночной камере, в сырой, пустой камере размером пять на одиннадцать футов. Однажды во время заключения его оставили на два дня без капли воды. Генерал Ли, в то время консул Соединенных Штатов в Гаване, телеграфировал в Вашингтон, прося принять меры для отправки военных кораблей в Гавану в случае необходимости, и заявляя, что, если его просьбы не будут выполнены, он покинет остров. В этом деле, как и во многих других, генерал Ли доказал, что он был нужным

человеком в нужном месте, поскольку именно благодаря его усилиям в интересах Скотта ему, наконец, даровали свободу.

Мистер Чарльз Майклсон, корреспондент газеты, и его переводчик были заключены в тюрьму в замке Морро в качестве подозреваемых. Потребовалась тонкая детективная работа, чтобы обнаружить этот факт, поскольку они отсутствовали некоторое время, прежде чем стало определенно известно, что они были в лапах Вейлера, но "Мясник" наконец признался в этом, и после небольшой задержки консул Соединенных Штатов убедил их освободить. Обращение мистера Майклсона было почти жестоким по своей природе.

Интерьер замка похож на подземелье, и он был вынужден спать на полу, так как гамак, присланный ему друзьями снаружи, не был выдан ему до дня освобождения. Еду ему бросали через прутья двери, а присланные ему блюда съедали охранники. Крысы были его постоянными спутниками, и когда время от времени он погружался в легкий сон, то внезапно просыпался и обнаруживал, что одно из животных копается у него в волосах, другое роется у него под пальто, а еще одно готовит еду на его ботинках. Однажды он запустил ботинком в крысу, которая ударилась о дверь его камеры, после чего охранник пригрозил наказать его за нарушение тюремной дисциплины, поскольку шум был против правил.

Уолтер Дайгарт рассказывает о своем опыте пребывания в качестве вынужденного гостя испанского правительства. Очевидно, что у зрителя тюрьмы на Кубе есть прибыльное занятие.

"Ребенок может плакать при виде ежевики умной,
И дев, когда их возлюбленные расстаются;
Но горе стране, когда
Она видит слезы бородатых мужчин".

"Эти строки поэта Скотта пришли мне на ум, когда я увидел пожилых людей, плачущих и убитых горем из-за того, что их разлучили со своими семьями и заперли в этом аду. Но почему испанское правительство затыкает рот беспомощным калекам и некомбатантам? Этот вопрос некоторое время озадачивал меня, но я, наконец, решил его и отвечаю на него после того, как опишу еду и воду.

"Вскоре после шести утра каждому из нас дали по маленькой чашечке кофе. Первый прием пищи за день, если это можно было назвать приемом пищи, подали после девяти часов. Он состоял из небольшого количества риса, который, как правило, был грязным, нескольких небольших картофелин, сваренных в кожуре и часто частично протухших, небольшого кусочка отварной соленой говядины или говядины, нарезанной мелкими кусочками, с супом, которого хватало примерно на половину и который был самого плохого качества. Мясо часто оказывалось испорченным и непригодным в пищу кому бы то ни было, кроме стервятника. Второй и последний прием пищи в этот день был около четырех часов дня и ничем не отличался от первого.

"У меня не было возможности сосчитать заключенных, но я узнал, что в среднем там содержалось около 180 человек. Я узнал настолько определенно, насколько мог, не видя контракта, что определенная сторона заключила контракт на питание этих заключенных по двадцать пять центов каждому в день. Таким образом, он получает 45 долларов в день, и я узнал,

что еда обходится ему всего в 7-8 долларов в день, а поскольку некоторые заключенные сами готовили еду, его прибыль легко увидеть. По такому контракту он мог позволить себе делиться с судьей и армейскими офицерами, чтобы тюрьма была переполнена".

СЛУЖИТЕЛЬ ЕВАНГЕЛИЯ В ЗАМКЕ МОРРО.

У Южного баптистского миссионерского общества есть миссия в городе Гавана, и ранее ею руководил преподобный Альберто Дж. Диас, чей дом находится в Соединенных Штатах. Всегда верный своему флагу и верящий в институты своей страны, он не упускал возможности проповедовать гражданскую и религиозную свободу, и, хотя испанские власти часто призывали его воздержаться от этого, он продолжал курс, который считал своим священным долгом. Он приводит следующие подробности своего ареста:

"Однажды около трех часов утра меня разбудил стук в дверь моего дома, и когда я открыл ее, то увидел около пятидесяти или шестидесяти испанских солдат, наставивших на меня ружья. Я быстро закрыл дверь и заговорил через нее. Капитан сказал, что должен обыскать дом, и я согласился впустить троих мужчин. Они потратили семь часов, просматривая два сундука, набитых проповедями и другими бумагами, и когда обыск был завершен, они не нашли никаких компрометирующих документов".

Тем не менее, и доктор Диас, и его брат были заключены в тюрьму в замке Морро. Их судили за предательские высказывания и приговорили к смертной казни. К счастью, один из тюремных часовых был прихожанином церкви доктора Диаса, и благодаря его любезности президенту Южного баптистского миссионерского общества в Атланте было отправлено послание. Он связался с властями в Вашингтоне. В результате казнь была отложена, а с братьями обошлись более гуманно, чем с ними обращались до сих пор.

Доктор Диас направил телеграмму нашему государственному секретарю, в которой сообщил подробности ареста, судебного процесса и осуждения, а также обратился к нему с просьбой потребовать их немедленного освобождения. Сообщение было тайно доставлено на борт судна, направлявшегося в Ки-Уэст, и Вейлер, узнав об этом, немедленно телеграфировал в Вашингтон, что Диас освобожден. Он вместе со своим братом и семьей был вынужден покинуть остров первым же пароходом, и они вернулись в Соединенные Штаты.

В нашем договоре с Испанией, который действовал до момента объявления войны, был следующий пункт:

"Ни один гражданин Соединенных Штатов, проживающий в Испании, на прилегающих к ней островах или в ее ультрамариновых владениях, обвиняемый в подстрекательстве к мятежу, государственной измене или заговоре против институтов, общественной безопасности, целостности территории или против верховного правительства, или в каком-либо другом преступлении вообще, не должен подлежать суду любого суда, допускающего исключения, но исключительно обычной юрисдикции, за исключением случая захвата с оружием в руках".

Предполагалось, что этот договор защитит американских граждан от судебного разбирательства в соответствии с военным положением, но испанские официальные лица на Кубе снова и снова игнорировали его, и, фактически, до прибытия генерала Ли в Гавану американский гражданин имел очень мало преимуществ перед кубинским повстанцем, когда речь шла о безопасности его имущества или его личности.

ГЛАВА XXVII.

МАСЕО УБИТ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ.

Великий лидер Великого Дела—Современный Иуда—Достойный сын благородного Отца—Прощальное письмо—Оценка характера Масео—Ликование испанских сторонников—Их ошибочная вера—Патриотический пыл повстанцев.

Со смертью Антонио Масео дело Кубы потеряло одного из своих сильнейших защитников. Помимо того, что он был человеком острого интеллекта и генералом большого военного мастерства, он обладал редким даром личного магнетизма, и никто никогда не следовал его руководству, не испытывая к нему той преданности, которая часто придает мужество трусам и делает героями в трудную минуту.

В том, что его смерть наступила в результате предательства, мало кто сомневается. Доктор Зертуха, его лечащий врач и верный друг, обвиняется в том, что он выдал его испанцам. Офицер повстанцев, который был с генералом, когда тот получил смертельное ранение, говорит, что они слышали выстрелы в окрестностях Пунта-Брава. Зертуха проскакал небольшое расстояние в кустах и вернулся, крикнув им следовать за ним. Масео тотчас же пришпорил своего коня и в сопровождении своих помощников быстро поскакал вслед за врачом, который нырнул в густые заросли на обочине дороги. Они проехали совсем небольшое расстояние, когда Зертуха внезапно низко наклонился в седле и, резко свернув в сторону, помчался прочь как сумасшедший. Почти в тот же момент отряд испанских солдат, спрятавшихся в густом подлеске, дал залп, и Масео и четверо его помощников выпали из седел, смертельно раненные.

Единственный выживший, тот, кто рассказывает эту историю, сумел вернуться к своим людям и привел их на место трагедии, но тела были убраны, и когда их наконец обнаружили, они были изуродованы самым шокирующим образом. Затем стало известно, что одной из жертв был Франсиско Гомес, сын главнокомандующего кубинской армией, который был одним из помощников Масео. Похоже, что его рана не обязательно была смертельной, но он отказался покинуть своего умирающего командира и вместо того, чтобы пасть живым в руках своих врагов, покончил с собой. Это письмо было найдено у него в руке:

Дорогие мама, папа, дорогие братья, я умираю на своем посту. Я не хотел оставлять тело генерала Масео и остался с ним. Я был ранен в двух местах, и поскольку я не попал в руки врага, я покончил с собой. Я умираю. Я умираю довольным тем, что защищал дело Кубы. Я жду тебя в другом мире. Твой сын,

ФРАНСИСКО ГОМЕС.

Торро в Сан-Доминго.

(Друзья или враги, пожалуйста, передайте по назначению, как просил один из погибших.)

Доктор Зертуха сдался испанскому офицеру вскоре после того, как Масео был убит. Он сказал, что погибший лидер был обескуражен постоянными неудачами повстанцев в борьбе со своими врагами; что из-за его цвета кожи подчиненные офицеры в кубинских рядах не проявляли к нему

должного уважения или не подчинялись его командам, и что он намеренно оказался в зоне досягаемости вражеских винтовок, намеренно ища смерти.

Эти утверждения явно ложны и во многом подтверждают мнение о том, что трус, сделавший их, виновно знал о способах смерти храброго солдата, которого он оклеветал.

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА МАСЕО.

Джентльмен, который познакомился с Масео в Гаване до нынешнего восстания, так оценивает его характер:

"Масео был прирожденным политиком в том смысле, что обладал талантом угадывать общественное мнение и брать на себя руководство народными движениями. В то время он находился в Гаване, изучая людей и строя планы нынешней революции. Он всегда отличался самым солнечным нравом, привязывал к себе всех людей и был человеком строжайшей моральной целостности. Он никогда не пил вина, никогда не курил, и это в стране, где табак так же распространен, как картофель в Ирландии, и он никогда не играл в карты. Он испытывал огромное отвращение к мужчинам, которые напивались до изнеможения, и не терпел их рядом с собой.

"Находясь в Гаване, он всегда одевался в самом изысканном стиле. Его массивное телосложение — он был около пяти футов десяти дюймов ростом и необычайно широкоплеч — всегда выгодно подчеркивалось в сюртуке, наглухо застегнутом, и он обычно носил шелковую шляпу. Он был опрятен, даже до брезгливости, в своей одежде. Обычно он носил трость.

Однако, когда Масео вышел на поле боя, он грубо обошелся со своими людьми и оделся соответственно. В бою он носил длиннотвольный револьвер 38-го калибра с перламутровой рукояткой и толедский клинок, выполненный в форме мачете. Рукоять этого мачете была из тонко обработанного серебряно-бирюзового панциря и имела четыре выемки, в которые легко пролезали пальцы. В походах Масео всегда сопровождали три лошади, самой любимой из которых была большая белая".

Вероятно, ни одно событие в войне до того времени не вызывало такого общего удовлетворения среди сторонников существующего правительства, как на Кубе, так и в Испании, как смерть Масео. Когда был убит Хосе Марти, они были уверены, что потеря этого лидера вынудит повстанцев отказаться от надежд на успех. Напротив, это придало им большей решимости, чем раньше. Но сторонники Испании ничему не научились из этого опыта, и когда стало определенно известно, что Масео больше не следует опасаться, они были единодушны в том, что конец борьбы близок. Последующие события показали, как мало они знали о типе людей, с которыми воевали.

"Кровь мучеников - это семя церкви", и каждый кубинский патриот, павший в этой войне на уничтожение, лишь подлил масла в огонь свободы, который сметает испанское правление с острова, не оставляя тиранам ничего, кроме пепла их надежд.

ГЛАВА XXVIII.

ПОЛИТИКА РЕКОНЦЕНТРАЦИИ ВЕЙЛЕРА И ЕЕ УЖАСЫ.

Цель Плана — Рабы Испании — Массовое убийство невинных — Опустевшие поля и Фермы — Ужасающая смертность — Кубинцы, старейшие американцы кавказской крови — Женщины и дети, Обреченные на смерть — Призыв о помощи — Наш Очевидный долг.

Когда генерал Вейлер обнародовал свою политику реконцентрации, он лицемерно утверждал, что она была направлена на защиту мирных крестьян острова, но его единственной целью было заставить их полностью отдать себя во власть испанских чиновников. Никто лучше "Мясника" не знал, что кубинский крестьянин, что бы он ни заявлял публично, всем сердцем был предан делу свободной Кубы и что он никогда не упускал возможности помочь повстанцам всеми доступными ему средствами. И когда он сформулировал план, заставляющий их покидать свои дома в сельских округах и собираться в стадо, как овцы, в городах, которые все еще находились под его властью, это было сделано для того, чтобы помешать им предоставлять помощь и информацию повстанцам. Он должен был знать, что приведение в исполнение этого эдикта означало неминуемую голодную смерть для тысяч безобидных жителей, но никакая мысль о нищете и несправедливости, которые он таким образом причинил им, не удержала его в решимости сокрушить несчастный народ и по-прежнему держать его рабами Испании.

Орден обнаружил, что очень большая часть рабочего класса совершенно лишена денег, и мужчины, зная, что в городах для них нет работы, не решались ехать со своими семьями, в то время как они не осмеливались оставаться в своих бедных домах, где, по крайней мере, они могли быть уверены в еде. Следствием этого стало то, что тысячи домов опустели. Женщин и детей отправили в города, чтобы они, как могли, позаботились о себе, в то время как мужчины присоединились к повстанческой армии. В ряде случаев жены отказывались разлучаться со своими мужьями и следовали за ними в ряды революционеров, где сражались подобно древним амазонкам. Некоторые из них находили меланхолическое удовольствие в уходе за больными и ранеными, другие сражались бок о бок с мужчинами, и страх смерти был и вполнину не так силен, как при мысли об ужасах, которые ожидали их в их домах или среди реконцентрадо в городах. Были заключены браки, и дети родились на полях сражений. Испания лелеет слабую надежду, когда рассчитывает усмирить таких патриотов, как эти.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ, ОБРЕЧЕННЫЕ НА СМЕРТЬ.

Достопочтенный К. У. Рассел, атташе Министерства юстиции Соединенных Штатов, отправился на Кубу вскоре после вступления в силу приказа о повторной централизации. Его целью было выяснить путем личного наблюдения, много или мало правды было в сообщениях, поступавших в эту страну об ужасных страданиях среди реконцентрадо. Он излагает результаты своего расследования следующим образом:

"Я провел на Кубе всего две недели, посетил Гавану, отправился на юг в Яруко, на юго-запад в Гвинес, на северо-восток в Матансас, на восток примерно в двухстах милях через центр страны в Сан-Доминго, Санта-Клару и Сагуа-ла-Гранде. Я посетил Марианао, недалеко к западу от Гаваны, и увидел вдоль железной дороги тридцать или сорок городков или станций. В Гаване я посетил Фоссос, больничную тюрьму в Альдекоа, где беседовал с отцом Эванджелины

Сиснерос, и место под названием Якоба. Я нашел reconcentrados во всех трех местах и повсюду просил милостыню на улицах Гаваны.

"Зрелище в домах Фоссо и Якоба, где женщины и дети превратились в скелеты и страдали от болезней, вызванных голодом, было отвратительным. В Сагуа я видел нескольких больных и истощенных маленьких девочек в детской больнице, открытой тремя днями ранее благотворительными кубинцами, и видел толпу жалкого вида реконцентрадо с жестяными ведерками и другими емкостями, получавших небольшие порции еды, раздаваемые им во дворе. В том же городе, на старом сахарном складе, я увидел, что вдоль внутренних стен разместились остатки двадцати или тридцати кубинских семей.

"В одном случае остаток состоял из двух детей семи или восьми лет. В другом случае, когда я разговаривал с людьми на ломаном испанском, было четыре человека: мать, четырнадцатилетняя девочка и две совсем маленькие девочки. Самая маленькая в то время страдала малярийной лихорадкой. У следующей на руках были уже знакомые мне знаки, свидетельствующие о том, что у нее была эта ужасная болезнь, бери-бери. Эти четверо были всеми, кого орден концентрации оставил в живых из одиннадцати. В Сан-Доминго, где соединяются две железные дороги, депо было переполнено женщинами и детьми, причем одна из последних, насколько я помню, распухла от "бери-бери" и самым серьезным образом просила милостыню у немногих пассажиров.

"В мирное время Сан-Доминго - это немногим больше железнодорожной станции, но в настоящее время здесь проживает значительное население, живущее в хижинах, крытых соломой с верхушками королевских пальм, состоящее из выживших во время реконцентрадос. Хижины расположены близко друг к другу небольшими группами, и порядок сосредоточения требовал и, по-видимому, все еще требует, чтобы эти люди жили в кругу небольших блочных домов, обычно именуемых в донесениях фортами. У них не было работы, которую нужно было обрабатывать, не было семян, которые нужно было сажать, и они только просили милостыню, чтобы жить дальше. Я не знаю точных размеров замкнутого круга, очерченного вокруг них, но внутри него определенно не было ничего, чем мог бы прокормиться человек. Практически они были пленниками. На каждой из многочисленных остановок вдоль дороги можно было увидеть такое же скопление хижин, и в большинстве из них попрошайки, часто симпатичные женщины и красивые дети, заполонили машины. Между станциями, хотя я всегда путешествовал при дневном свете, поскольку поезда ночью не ходят, и я наблюдал как можно тщательнее, я не видел никаких признаков того, что реконцентрадо уходят от фортов. Если бы они ушли, потребовались бы семена, инструменты, земля и три-четыре месяца, чтобы вырастить овощи, которые можно было бы произвести быстрее всего, а нигде, кроме блочных домов, не было никаких признаков выращивания овощей. Вблизи крупных городов круг концентрации, казалось, был несколько больше, и, по-видимому, продолжались посадки овощей, табака и т.д. При этом очень немногие люди, возможно, кто-то из реконцентрадо, нашли работу.

ЗАБРОШЕННЫЕ ПОЛЯ И ФЕРМЫ.

"Вдоль всей железной дороги, насколько хватало глаз, простиралась самая плодородная и красивая местность, где было очень мало деревьев, даже на невысоких горах, и большинство из них составляли настоящие королевские пальмы. Я видел много десятков сожженных тростниковых полей, а однажды вечером, направляясь из Гвинеса в Гавану, увидел, что все небо вдоль дороги освещено пожарами, в основном высокой травой, но частично и тростником. Вся

земля лежала совершенно без дела, за исключением того, что я видел две, три или четыре сахарные фабрики, где выращивали тростник, но во всех таких случаях мельница и тростник были окружены фортами, укомплектованными солдатами, которым, как мне сказали, платили владельцы. За исключением городов, я не видел никаких признаков того, что голодающим людям оказывалась какая-либо помощь. Ни в Гаване, ни где-либо еще ни один священник, религиозная женщина или другой человек, казалось, не обращал никакого внимания на нужды голодающих, за исключением того, что на Фоссосе и в некоторых других местах милосердные кубинцы ухаживали за больными. Церковь, будучи государственным учреждением, насколько я мог видеть, оставляла жертв без физической или духовной помощи. На самом деле, общая атмосфера безразличия к страданиям, которая, казалось, царила повсюду, была поразительной.

УЖАСАЮЩАЯ СМЕРТНОСТЬ.

"Поскольку население страны было сокращено в порядке концентрации, легко поверить, что 400 000 человек были собраны за фортами, не получив ни еды, ни медикаментов, ни каких-либо средств для заработка на жизнь, за исключением тех случаев, когда в крупных городах немногие могли найти работу в мелких офисах. Судя по сиротам, которых мне показывали в Якобе, Айдекоа и других местах, и по всему, что я видел и слышал, я полагаю, что половина из 400 000 человек умерла в результате голода. Я знаю из официального реестра города Санта-Клара, население которого обычно составляет около 14 000 человек, что число смертей за ноябрь превысило 1000, а число смертей за декабрь превысило 900, и показало увеличение, учитывая потерю прежних 1000 человек от общей численности населения. Точные цифры за декабрь составляют 971. В этом городе правительство распределяло 500 разовых пайков в день из общего объема ассигнований в размере 15 000 долларов. Это было не облегчение, а просто продление страданий небольшой части реконцентрадо города.

"Насколько я видел какие-либо свидетельства облегчения или даже слышал о них во всех моих беседах на острове, оставшиеся в живых 200 000 человек находятся в том же состоянии и перед ними стоит такая же перспектива голодной смерти, как и перед их умершими родственниками. Сейчас люди нуждаются в лекарствах не меньше, чем в пище, а они не получают ни того, ни другого. Сторонники Испании на Кубе объясняют это тем, что войска сначала нужно накормить, и несомненно, что многие солдаты больны и страдают от недостатка нормальной пищи. Я сам видел многих, которые выглядели именно так. Мне сообщили со всех сторон, что им не платили зарплату в течение восьми месяцев, и что большинство гражданских чиновников не получали зарплату в течение аналогичного периода. Следовательно, наиболее вероятно, что Испания практически не в состоянии предоставить миллионы, которые немедленно необходимы для предотвращения гибели большинства выживших реконцентрадо, но это приводит к политическим вопросам, которых я хочу избежать.

НАШ ОЧЕВИДНЫЙ ДОЛГ.

"Я хочу просто заявить таким убедительным образом, что в результате концентрации людей около 200 000 кубинцев ежедневно страдают и умирают от болезней, вызванных недостатком питания, посреди того, что я считаю, должно быть, самой плодородной страной в мире, и что для них необходимо что-то сделать в больших масштабах, и немедленно, иначе через несколько месяцев они будут истреблены. Насколько я мог судить, это терпеливая, дружелюбная, интеллигентная группа людей, у некоторых из них, которых я видел просящими милостыню,

были лица, как у мадонн. Они американцы, вероятно, старейшие американцы европейского происхождения. Постоянные контакты с Соединенными Штатами заставили их сочувствовать и ценить нас, которые находятся всего в шести часах езды на лодке от них, если мы не сочувствуем им и не заботимся о них. Никакой приказ или разрешение генерала Бланко не может спасти жизни многих из них. Действительно, многие зашли слишком далеко, чтобы их можно было спасти лучшим уходом.

"Не было никаких признаков прекращения боевых действий со стороны повстанцев. Если они добровольно не прекратят, их тактика такова, что Испания не сможет победить их, если вообще сможет, до того, как "реконцентрадо" нанесут завершающий удар. Но даже быстрое прекращение войны не спасло бы многих из них. Что им нужно, так это немедленная денежная помощь в размере 20 000 долларов в день, распределяемая нашими консулами. Частная благотворительность, похоже, вряд ли принесет такую сумму. Двадцать тысяч долларов - это всего лишь десять центов на лекарства, одежду и еду. Когда я покидал Гавану, мне сообщили, что генеральный консул Ли получил 5000 долларов и несколько сотен банок сгущенного молока. Поскольку только в Гаване насчитывается около 30 000 пострадавших, недостаточность таких пожертвований очевидна. Должен ли Конгресс выделять средства, как в случае с беженцами из Сан-Доминго и в других случаях, решать не мне, но я прошу благотворительную организацию поверить изложенным мною фактам и попытаться понять, что они означают".

Корреспондент на Кубе приводит интересный отчет о случае, который привлек его внимание среди реконцентрадо в городе Гваделупе. По существу, это выглядит следующим образом:

На всей охваченной нищетой Кубе нет города, в котором царство нищеты было бы таким абсолютным, как в Гваделупе. Даже расположение этого места можно было бы назвать "долиной смертной тени". Оно находится не на поверхности земли, а далеко внизу, в широкой, глубокой яме. Окружающие холмы не зеленые, а черные. Ибо эти пологие поля, на которых было выращено много богатых урожаев табака, теперь покрыты чернеющим пеплом — дело рук факелов повстанцев. В этом низменном городке 3000 реконцентрадо голые, без крова и голодающие. Помощь до сих пор не пришла к ним из-за неблагодарности и предательства двоих из их числа.

Поскольку двое виновных только что понесли наказание за свое преступление, Общество Красного Креста, вероятно, будет иметь корпус помощи в Гваделупе к тому времени, когда будет напечатано это письмо.

Трагедия при Гваделупе, свидетелем развязки которой я был, показывает, что повстанцы научились искусству разделки, как учат испанцы, и что реконцентрадо иногда предает самаритянина, который ему помогает. Верный мул доставил меня в Гваделупу в два часа дня, в час сиесты. Я приехал с побережья, за много миль отсюда, через холмы. Въезжая в город, я сказал мулу: "Следующий художник, которому будет поручено проиллюстрировать "Ад" Данте, должен приехать сюда. Он мог рисовать с натуры картины более адские, чем мог вообразить простой человеческий разум".

Повсюду под палящим солнцем лежали Реконцентрады. Мул пробирался между человеческими кучами, которые выглядели как кучки тряпья. Из груды торчали ноги и руки скелетов. Тихие стоны матерей и плач маленьких детей свидетельствовали о множестве смертей при жизни.

ОДИН ДОБРОСЕРДЕЧНЫЙ ИСПАНЕЦ.

Я вручил свои верительные грамоты коменданту. Он был самым добродушным испанским чиновником, которого я встречал между Гаваной и Гваделупой. Когда он улыбался, его лицо излучало доброту. Когда он говорил о реконцентрадос, слезы хлынули у него из глаз. Однако вокруг его рта и подбородка пролегли жестокие морщины, свидетельствующие о натуре столь же суровой, сколь и сострадательной. Он сказал мне, что больница была переполнена, всегда переполнена; в ее палатах хватало места только для 200 пациентов, и только один врач на всех. Все, кто попадал в это место болезни, выходили оттуда не исцеленными, а мертвыми. За три месяца в этом городе скончались три тысячи человек, в основном женщины и дети. Почти все умерли от голода и переохлаждения. Когда кладбище заполнилось, их начали хоронить на все еще горящих табачных полях на склонах холмов.

Но был час сиесты. Комендант извинился, сказав, что немного отдохнет, и посоветовал мне сделать то же самое.

Дом коменданта находился в центре города. Кругом стояли дома тех, кому принадлежали табачные поля. За этими домами зажиточных людей стояли сотни хижин. В них жили реконцентрадо, по несколько семей в каждой, или столько, сколько могло уместиться внутри и не натягивать на головы грубо сколоченный каркас из пальмовых стеблей. За кругом хижин виднелись почерневшие поля и холмы. На вершинах холмов, с интервалом в 200 ярдов, располагался круг маленьких домиков, похожих на сторожевые будки. Это были действительно маленькие крепости, по четыре солдата в каждой. За фортами было, одному богу известно, сколько повстанцев-партизан, сторожевых псов с рысьими глазами, которые всегда притаивались и ждали случая напасть на один из маленьких фортов, перебить гарнизон из четырех человек и скрыться в кустах.

УЖАСНОЕ БРЕМЯ СОЛДАТА.

В этот момент поблизости не было видно ни одного солдата. Возможно, все спали, как и комендант. Или, возможно, солдаты всегда оставались внутри баррикад, окружающих их форты, опасаясь, что выйти наружу означало бы навлечь на себя пули притаившихся повстанцев. Ибо такова война на холмах Кубы сегодня; во многом та же самая война, которую знали наши американские предки, когда каждый человек, переступивший порог своего дома, мог стать мишенью для стрел притаившихся и невидимых краснокожих.

Я мысленно отмечал эту картину войны и страданий, как вдруг увидел человеческую фигуру на вершине холма, через который я только что перешел. Странная форма белой шляпы, которую носил этот призрак, подсказала мне, что это был солдат. Посреди белой дороги он остановился, опустил на землю ношу со своих плеч. Что там делал этот солдат и какова была природа его явно тяжелой ноши? Со своего наместа на балконе я поманил к себе часового, который расхаживал взад-вперед перед домом коменданта. Часовой подошел к балкону, бросил один взгляд в направлении моего указательного пальца и затем бросился в дом. В следующий момент появился комендант. В полевой бинокль он осмотрел фигуру на вершине холма.

- Он что-то несет, - сказал я, наблюдая, как мужчина вдалеке взвалил на плечи свою ношу и начал спускаться с холма.

- Мертвый человек, - сказал команданте. И он задумчиво закрыл бинокль. Затем он протянул мне длинную черную сигару.

Мы ждали. Через полчаса солдат подошел к дому. Да, на спине он нес труп.

КОНТРОЛЬНЫЙ КЛОЧОК БУМАГИ.

Он положил свою ношу на дорогу и отдал честь коменданту. Вокруг собралась группа офицеров и солдат. Тело принадлежало известному капитану повстанцев. Был предъявлен клочок бумаги. Он был найден в кармане убитого солдатом, который отнес тело в город.

Комендант прочитал бумагу. Его брови нахмурились. Теперь он был само суровость.

- Приведите сюда этого человека, Хосе Мануэля, - сказал он сержанту.

Через пять минут перед нами стоял старик, одни кости и кожа. Несчастный дрожал, как в параличе.

- Да, сеньор, я сделал это. Я сбежал с холма. Я сообщил. Виноват только я.

Очевидно, негодяй знал, в чем его обвиняют. Также было очевидно, что виновен был не только он.

"Кто написал это для вас?" - спросил команданте.

- Да, сеньор, я написал это.

- Этот человек лжет, - пробормотал один из офицеров.

"Приведите сюда сына Хосе Мануэля", - был следующий приказ.

С этими словами вперед выступил еще один скелет, молодой.

- Я здесь, сеньор, и я написал записку. Это все. Мы двое, сеньор. Я написал, и мой отец сбежал. В тот день он был сильнее, чем даже мои молодые кости".

Комендант сжал губы. Он повернулся к сержанту и сказал: "На закате прикажите расстрелять этих двоих".

Двое мужчин просто сплюнули на землю. Очевидно, смерть их не пугала. Когда их уводили, они снова и снова осеняли себя крестным знаменем на обнаженной груди. Сотня умирающих от голода несчастных молча последовала за ними.

Когда мы снова остались одни на балконе — это был широкий квадратный балкон — комендант заметил мой вопросительный взгляд.

"Эту историю можно рассказать вкратце", - сказал он. "Вы просто свидетель трагедии, которая началась на этом самом балконе месяц назад. Я передал через священника сообщение даме в Гаване — англичанке, — что у нас в городе 4000 голодающих. Не могла бы она нам помочь? Всегда щедрая, благотворительная, самоотверженная, эта дама ответила лично. Она прибыла береговым пароходом, причалила ровно в полдень, преодолела те две мили, которые вы преодолели несколько часов назад от побережья, привезя с собой семь запряженных волами повозок с провизией, одеждой и медикаментами. С ней приехала ее дочь, молодая девушка,

только что приехавшая из Англии. Их благотворительность раздавалась с этого самого балкона голодающим людям. Раздача заняла целых два дня. Из 4000 человек 2000 получили еду, одежду и лекарства. Она пообещала другой половине такую же помощь, как только сможет отправиться в Гавану и вернуться с припасами. В ночь перед тем, как она должна была покинуть нас, леди и джентльмены из здешних ведущих семей вместе с офицерами моего штаба предложили устроить банкет для "добрых самаритян". Предложение было принято. Все собрались на банкет на этом балконе. Я задрапировал фасад дома в испанские цвета и вывесил все доступные лампы. Это освещение погубило нас. Тридцать четыре человека сели обедать. Только тридцать человек пережили первое блюдо. Внезапно на нас обрушился град пуль. Бутылка вина, стоявшая передо мной, разлетелась на куски. Не осталось ни одной целой тарелки или стакана. Мы вскочили и убежали в дом. Впрочем, не все. Нет. Трое мужчин — трое моих лучших офицеров — замертво упали со своих стульев. Другой — о Боже!"

УБИТ АНГЛИЙСКИЙ САМАРИТАНИН.

Комендант не смог продолжить. Он сделал жест, указывающий мне войти в дом.

В своей комнате он открыл огромный платяной шкаф и достал оттуда куртку, крошечное пальтишко, какое мог бы носить мальчик-солдат. Рукава были украшены золотым галуном и золотыми звездами полковника испанской армии. На левой стороне этого пиджака была рваная дыра.

"Пуля вошла сюда", - печально сказал команданте. "Она пронзила ее сердце. Бедная мать отнесла свою мертвую дочь обратно в Гавану. Вот и все.

Я понял. Смертельный залп был произведен по той званой вечеринке повстанцами на вершинах холмов. Дом находился в центре города, и лампы, подсвечивающие испанские цвета, сделали балкон лучшей мишенью. Эти испанские офицеры и невинная молодая англичанка, самарянка, были убиты.

И кем? Повстанцами, которых вели на вершины холмов двое из тех самых реконцентрадо, которых жертвы спасли в тот день от голодной смерти. Один из них написал записку, информирующую повстанцев об обстоятельствах, времени и месте банкета. Другой передал записку одному из убийц. Отец и сын были одинаково виновны в неблагодарности и предательстве. Компрометирующая записка была найдена на трупе капитана повстанцев, который принес в город испанский солдат.

ПЕЧАЛЬНАЯ ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА.

На закате взвод из двадцати человек, вооруженных и возглавляемых старшим лейтенантом, гуськом вышел из казарм. Впереди отряда маршировали двое заключенных, их руки были связаны за спиной выше локтей. За солдатами шла, наверное, тысяча несчастных и умирающих от голода.

Ни ропота, ни поднятия рук, ничего, кроме торжественного молчания. Перед стеной, окаймлявшей одно из почерневших полей, пленников поставили на колени. Священник стоял над ними, произнося последние утешительные слова.

Из отряда в двадцать солдат восемь вышли вперед и навели винтовки на коленопреклоненных отца и сына.

Восемь выстрелов прозвучали как один, и одно из самых черных преступлений этой жестокой войны было искуплено.

ГЛАВА XXIX.

ВОЗМУЩЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ РАСТЕТ.

Американский народ поддерживает Кубу—Влияние прессы—Ненависть к Вейлеру—Сообщения генерала Ли об ужасах войны—Вопрос об аннексии—Испанские солдаты выступают против американской помощи страждущим—Консульские отчеты с острова.

Народ Соединенных Штатов с самого начала войны был глубоко заинтересован в успехе кубинского дела. Ведущие журналы, почти без исключения, поддерживали революционеров и в значительной степени способствовали побуждению нашего правительства к действию. Следующая редакционная статья - одна из многих на эту тему, которая выразила общественное мнение и дала надежду борющейся группе патриотов как в Соединенных Штатах, так и на Кубе:

"Куба истекает кровью из каждой поры, и Свобода рыдает по земле, опустошенной жестокой войной и подавленной железной рукой иностранного деспотизма. Мы считаем, что это правительство имело бы право не только признать воинственность Кубы, но и признать независимость Кубы исключительно на основании прав и притязаний оскорбленного человечества. ... Вследствие варварских указов Вейлера самые ужасающие сцены дикости и зверства происходят почти ежедневно на этом прекрасном острове, который расположен в сотне миль от нашей береговой линии во Флориде. Посреди этих ужасающих зрелищ Куба в мольбе протягивает руку к этой стране хваленной свободы, прося лишь о добром взгляде дружеского узнавания.

"Неужели мы откажемся от этой крошки комфорта с нашего щедрого стола? Испания, возможно, имеет право ожидать американского нейтралитета, но она не имеет права требовать от нас безразличия к судьбе храброго народа, территория которого почти соприкасается с нашей собственной и находится ближе к нашей национальной столице, чем ряд штатов Союза, и чья героическая борьба за свободу была в значительной степени вдохновлена нашим славным примером благотворных свободных институтов и успешного самоуправления.

"Испанское правление на Кубе характеризовалось несправедливостью, угнетением, вымогательством и деморализацией. Она сковала энергию людей, в то время как сама жирела на их трудолюбии. Она улыбалась, но для того, чтобы поразить, и обнимала, но чтобы сокрушить. Она обескуражила усилия, дисквалифицировала заслуги и уничтожила терпение и снисходительность, поддерживая в буйной роскоши орду иностранных чиновников в ущерб местной промышленности и бережливости.

"Раздраженные до сопротивления, кубинцы теперь являются предполагаемыми жертвами растущей несправедливости. Но бесчеловечному замыслу не суждено сбыться. Кубинский патриотизм развивается с ростом угнетения. Стремление к свободе возрастает

пропорционально тяжести ее умножающихся цепей. Рассвет кубинской свободы стремительно приближается".

КОНСУЛЬСКИЕ СООБЩЕНИЯ О СТРАДАНИЯХ НА ОСТРОВЕ.

Отчеты генерала Ли охватывают период с 17 ноября 1897 года по 1 апреля 1898 года. Большая часть переписки помечена как конфиденциальная. Во многих примерах приводятся только выдержки. Первое сообщение генерала Ли касалось изменения генералом Бланко приказа генерала Вейлера о сосредоточении войск. В своем сообщении он говорит:

- Во-первых. Повстанцы не согласятся на автономию.

-Второй. Подавляющее большинство испанских подданных, имеющих коммерческие интересы и владеющих собственностью здесь, не примут автономию, но предпочтут присоединение к Соединенным Штатам, а не независимую республику или подлинную автономию под испанским флагом".

Остальная часть письма посвящена планам по освобождению реконцентрадо.

"В этом городе, - пишет он, - дела идут лучше благодаря благотворительным комитетам. О большом количестве людей теперь заботятся и их кормят по частным подпискам. Я был свидетелем многих ужасных сцен и видел, как некоторые умирали, когда я присутствовал. Мне сказали, что генерал Бланко пожертвует 100 000 долларов в фонд помощи".

ЖЕЛАЕМАЯ АННЕКСИЯ.

Генерал Ли пишет 13 декабря:

Борьба за автономию и против нее крайне неравная. За нее выступают пять или шесть высших офицеров во Дворце и двадцать или тридцать других человек здесь, в городе. Против этого, во-первых, выступают повстанцы, с оружием или без, и кубинские некомбатанты; во-вторых, огромная масса испанцев, носящих или не носящих оружие — последние желают, если необходимо что-то изменить, присоединения к Соединенным Штатам. Действительно, существует величайшая апатия в отношении автономии в любой форме. Никто не спрашивает, какой она будет, когда и как она наступит.

"Я не вижу, как это вообще можно привести в действие силой, потому что до тех пор, пока повстанцы отказываются принять это, до тех пор, как говорят испанские власти, война должна продолжаться".

Затем генерал Ли описывает усилия по формированию автономистского кабинета на Кубе и общественное неодобрение народа.

8 января генерал Ли делает следующий доклад:

"Сэр, я имею честь заявить, исходя из общественных интересов, что приказ генерала Вейлера, бывшего генерал—губернатора этого острова, о реконцентрадо превратил около четырехсот тысяч самообеспечивающихся людей, в основном женщин и детей, во множество, которое должно поддерживаться за счет пожертвований других или умереть от голода или лихорадки, вызванной низким физическим состоянием и скоплением в больших количествах, без смены одежды и еды.

"Их дома были сожжены, их поля и грядки уничтожены, а их домашний скот угнан или убит.

"По моим оценкам, вероятно, двести тысяч сельского населения в провинциях Пинар-дель-Рио, Гавана, Матансас и Санта-Клара умерли от голода или от сопутствующих причин, и смерть целых семей почти одновременно или с интервалом в несколько дней друг от друга, а также матерей, молящихся о том, чтобы смерть избавила их детей от ужасных страданий, - не последняя из многих прискорбных сцен, которые когда-либо происходили. В провинциях Пуэрто-Принсипи и Сантьяго-де-Куба, где "порядок реконцентрадо" не смог быть приведен в исполнение, большая масса людей живет самостоятельно. ...

"Ежедневные расходы на питание в среднем на десять центов для двухсот тысяч человек составили бы 20 000 долларов в день, и, конечно, самые гуманные усилия со стороны наших граждан не могут принести такой гигантской помощи, и большую часть этих людей придется бросить на произвол судьбы". ...

12, 13, 14 и 15 января генерал Ли отправил в департамент краткие телеграммы в связи с беспорядками и демонстрациями против автономии, Бланко и трех редакций газет.

13 Января он сказал, что некоторые из участников беспорядков угрожали пойти к консульству Соединенных Штатов. "Корабли, - сказал он, - не нужны, но могут появиться позже. Если американцы в опасности, корабли должны немедленно двигаться к Гаване. Неуверенность и волнение широко распространены ". Беспорядки прекратились на следующий день, и генерал Ли доложил, что все спокойно.

1 марта генерал Ли сообщает, что раздача продовольствия, медикаментов и одежды нуждающимся проходит удовлетворительно. Работа, по его словам, была хорошо организована и систематизирована под наблюдением и руководством мисс Клары Бартон, президента Красного Креста Соединенных Штатов, и ее активной, способной и опытной помощницы. Он приложил письмо от 14 марта от консула Баркера из Сагуа, который просит его передать следующее письмо, адресованное ему (генералу Ли):

"Уважаемый сэр, я буду признателен вам за то, что вы как можно быстрее сообщите в департамент о том факте, что военный комендант и другие офицеры категорически отказываются разрешить *reconcentrados*, которым я выдаю продукты питания в сыром виде, закупать топливо для приготовления пищи.

Кроме того, они запретили этому классу людей (я даю еду только примерно пятой части обездоленных - власти вообще прекратили сбор) собирать овощи, выращенные в пределах защиты фортов, сказав им: "Американцы предлагают накормить вас, и за американцами вы должны присматривать".

Генерал Ли сообщает 28 марта, что "гражданским правительством Гаваны были даны инструкции о том, что алькальды и другие власти не должны разглашать никаких фактов о реконцентрадо, и если какой-либо из американских комитетов помощи проведет расследование относительно них, все такие расследования должны быть переданы ему".

Депеши генерала Ли заканчиваются депешей, датированной 1 апреля, в которой сообщается об указе генерал-губернатора, отменяющем приказ о концентрации.

ОТЧЕТ КОНСУЛА БАРКЕРА.

Консул Баркер описывает условия, существующие в провинции Санта-Клара, в нескольких сообщениях, начиная с 20 ноября 1897 года и заканчивая последним 24 марта. Его письма представляют собой одну длинную историю страданий, болезней, нужды и смерти, пока, действительно, картина, даже нарисованная простым языком официальных сообщений, не становится отвратительной.

Мистер Баркер уделил сравнительно мало места политическим вопросам. Только одно или два его письма написаны в этом духе. Вероятно, наиболее примечательным из них является его сообщение от 10 января прошлого года:

"Когда Испания признает поражение, - пишет он, - ни один смертный, по моему скромному мнению, не осмелится предсказать. То, что ее план урегулирования — автономии — провалился, и что с этим провалом остров выходит из-под ее власти, не подлежит сомнению. В ожидании этого признания с ее стороны тысячи людей, невинных в возбуждении восстания или в каком-либо участии в нем, умирают из-за нехватки средств к существованию".

Затем мистер Баркер предлагает разрешить жителям Кубы оформлять первые документы в соответствии с законами о натурализации у консула на Кубе, и что, по его мнению, благодаря этой схеме Испания получит упрек и изменит свои законы.

Он добавляет, что помощь со стороны Соединенных Штатов должна продолжаться, иначе люди будут умирать с голоду до тех пор, пока в стране находится вооруженный испанский солдат, "поскольку эти люди из страха быть убитыми не возвращаются в свои загородные дома".

15 января мистер Баркер пишет: "В этом консульском округе царит террор и анархия, которые власти, при их желании, совершенно бессильны контролировать или в какой-либо мере подчинить. Помимо страданий и отчаяния, вызванных беспрецедентной нищетой, я считаю, что ситуация быстро переходит в критическую стадию. Как указывалось ранее, власти никоим образом не отступили от политики, проводимой покойным, но не оплакиваемым генералом Вейлером. Испанские войска, а также партизаны под командованием жестоких вождей Каррераса, Клаварриетты и Лазо продолжают разорять страну и заливать ее кровью мирных жителей. Хотя "бандо" генерал-капитана предусматривает, что рабочие могут возвращаться в поместья, оно ограничивает их деятельность теми, у кого есть гарнизон. На прошлой неделе число сотрудников "Штаба. Поместье Ана, расположенное в лиге от Сагуа и принадлежащее Джорджу Торндайку из Ньюпорта, было изгнано после возвращения, и военный комендант, мэр Лемо, один из доверенных офицеров при режиме Вейлера, отказал в разрешении в качестве защиты".

Мистер Баркер говорит, что с 15 февраля по 12 марта он заботился о тысяче двухстах человек, увеличив число в списке нуждающихся после этой даты до двух тысяч.

24 марта мистер Баркер увеличил свою оценку количества продовольствия, необходимого для поддержания жизни населения этой провинции. Он сказал, что в то время требовалось сто пятьдесят тонн в месяц и что бедствие было гораздо большим, чем показывали его прежние отчеты. В письме, датированном этим днем, он излагает подробности визита в Санта-Клару, где, по его словам, он узнал от своих собственных агентов, а также от губернатора провинции, что количество нуждающихся в помощи превысило любую оценку, которую он ранее отправил

правительству. Всего за три дня до этого он сказал, что, по его мнению, двадцать тонн в месяц следует добавить к предложенным ранее восьмидесяти тоннам. В сообщении от 20 марта мистер Баркер говорит: "Горе просто душераздирающее. Целые семьи без одежды, прикрывающей наготу, спят на голой земле, без каких-либо постельных принадлежностей, без еды, за исключением той, которую мы смогли достать с помощью провизии, присланной нашим собственным благородным народом; и наиболее удручающей чертой является то, что целых 50процентов людей больны, не имея медицинской помощи или лекарств".

СОЛДАТЫ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ПОМОЩИ.

Мистер Баркер добавляет, что если бы удалось отправить генеральному консулу Ли 5000 долларов, то в Санта-Кларе можно было бы приобрести одеяла, детские кровати и лекарства и, таким образом, спасти тысячи людей, которые должны умереть, если будут вынуждены ждать отправки этих припасов из Соединенных Штатов.

"Я обнаружил, - говорит он, - что гражданский губернатор готов оказать любую помощь, какая в его силах, но он признает, что ничего не может сделать, кроме как помочь своим гражданским чиновникам ускорить отправку помощи из Соединенных Штатов. Военные препятствуют всеми возможными способами".

ОТЧЕТ КОНСУЛА ХАЙЯТТА.

В письме от 5 декабря мистер Хайатт сказал: "Порядок повторной концентрации смягчен, но не отменен; но многие люди достигли точки, когда им совершенно безразлично, отменят его или нет, поскольку они потеряли всякий интерес к проблеме существования. Я уверен, что перепись населения острова, проведенная сегодня, по сравнению с переписью, проведенной три года назад, показала бы, что две трети жителей пропали без вести, и испанская армия показала бы не лучшие результаты".

14 декабря мистер Хайатт написал: "Порядок реконцентрации практически стерт с лица земли, и, насколько это касается испанского правительства, люди поступают так, как им заблагорассудится. Повстанцы и сочувствующие им лица, несомненно, воспользуются отменой, чтобы получить от городов то, что им нужно, и иным образом укрепить свое дело. Последствия для занятий сельским хозяйством будут разочаровывающими, потому что подавляющее большинство тех, кто хотел или должен был взяться за эту работу, присоединились к силам повстанцев, когда были вынуждены покинуть свои дома, а та часть, которая попала в зону реконцентрации, - это женщины, дети, старики и больные люди, большинство из которых, похоже, мало интересуются проблемами жизни. Некому отвести этих людей обратно на поля и использовать их оставшиеся силы. Их дома разрушены, поля заросли сорняками, у них нет семян для посева, а если бы и были, они не смогли бы прожить шестьдесят или восемьдесят дней, пока не созреет урожай, который, когда он вырастет, скорее всего, достанется той или иной из противоборствующих сторон".

УМИРАЮ У ЕГО ДВЕРИ.

"Пока я пишу, - заканчивает мистер Хайятт это сообщение, - на улице перед моей дверью умирает человек, третий за сравнительно небольшое время".

В письме мистера Хайатта от 21 декабря в основном говорится о заболеваемости и смертности на острове, которые он характеризует как ужасающие. "Статистика, - говорит он, - показывает печальные результаты, но она далека от истины. Болезнь обычно вызывается недостатком пищи. Иногда это называют палудальной лихорадкой, а в других случаях гриппом, и это скорее эпидемия, чем зараза. От 30 до 40 процентов людей были поражены этим заболеванием".

Он также сообщил о преобладании оспы и желтой лихорадки и сказал, что из общего числа шестнадцати тысяч солдат, недавно отправленных в Мансанильо, почти пять тысяч находятся в больницах или расквартированы среди населения. Он говорит, что доктор Гаминеро, санитарный инспектор Соединенных Штатов, сообщил в то время, что в постелях находилось более двенадцати тысяч больных, не считая тех, кто находился в военных госпиталях. Это по меньшей мере 35 процентов нынешнего населения. Г-н Хайатт добавляет, что хинин, единственное доступное лекарство, продается в десять раз дороже, чем в Соединенных Штатах. Он говорит, что пароходы, заходящие в порт, раз в день раздают суп ожидающим толпам, а свежее мясо продается по цене от 50 центов до 1 доллара за фунт.

ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ ПРИ ЖИЗНИ.

Примерно каждые десять дней толпы мужчин в наручниках проводят по улицам Гаваны, по которым они больше никогда не ступят, по пути к транспортному судну, которое доставит их в исправительные колонии на африканском побережье. Многие из этих людей представляют элиту кубинского общества. Против них редко выдвигаются прямые обвинения. Полицейские шпионы объявляют их сторонниками Кубы. Их не судят, чтобы они могли доказать ложность обвинений. В административном порядке их приговаривают к пожизненному изгнанию, и часто источником их несчастий является личная месть или личные чувства. С начала войны по меньшей мере десять тысяч выдающихся граждан были оторваны от своего родного острова, семей и друзей и отправлены в пожизненное изгнание в грязные, перенаселенные, смертоносные болота Фернандо-По. Имея немного денег и крепкое здоровье, можно выжить в Сеуте, но никто никогда не возвращается из Фернандо По. 23 марта большая группа жителей района Матансас прошла через Гавану по пути к транспорту. Это была печальная процессия. Бездарные, измученные, отчаявшиеся люди со связанными за спиной руками и закованными в кандалы ногами вынуждены покинуть Кубу и встретить медленную, ужасную смерть. В поезде из Матансаса двое из этих несчастных были буквально разорваны на куски. Охранники сообщили, что они пытались сбежать и были застрелены при попытке. Их товарищи по заключению рассказали другую историю. "Двое мужчин были намеренно выведены на платформу между вагонами и обстреляны. И солдаты не назвали причин". Действия, вероятно, можно было объяснить личной местью.

В течение трех четвертей века плохое правительство Испании на Кубе было позором соседства и скандалом для народа Соединенных Штатов. Предупреждая вмешательство любой другой иностранной державы в рамках политики, известной как "Доктрина Монро", американский народ стал свидетелем неоднократных попыток менее благоприятствуемой нации этого полушария вырваться из рук угнетателя. Они были свидетелями того, как в периоды каждого из этих восстаний их собственные военные корабли патрулировали южное побережье и воды, прилегающие к Кубе, чтобы перехватывать любых молодых американцев, чьи симпатии могли побудить их присоединиться к кубинскому делу, и они соглашались, потому что этого требовал закон в его нынешнем виде. Они были свидетелями не одного из таких восстаний, когда

несколько молодых американцев, ускользнувших от бдительности крейсеров Соединенных Штатов, высадились на острове и были захвачены испанскими войсками. Эти молодые люди стояли у стен замка Морро и были застрелены, как собаки, потому что их правительство было бессильно по закону помочь им. Они были свидетелями предложений со стороны их правительства в разное время прекратить продолжающийся скандал с цивилизованным правительством на одном из въездов в их страну путем покупки острова за щедрую сумму денег и отклонения таких предложений Испанией.

Американский народ, наконец, осознал, что мир на Кубе никогда не наступит, пока он не будет навязан действиями Соединенных Штатов, и постепенно росло мнение, что ни международные обязательства, ни желание поддерживать дружественные отношения с Испанией не могут оправдать наше правительство, позволяющее этим безобразиям продолжаться у наших дверей.

ГЛАВА XXX.

БЕЗОБРАЗИЯ В ОТНОШЕНИИ АМЕРИКАНЦЕВ НА КУБЕ.

Как Испания платит свои долги—Опыт старого солдата—Дело Педро Казановы—Уничтожение имущества—Грабеж и убийство—Жестокое нападение—Повстанцы спешат на помощь—Прячутся в зарослях тростника—Обращение к консулу—Вмешательство оправдано.

Многие американские граждане на Кубе были заключены в испанские тюрьмы, некоторые были отправлены в исправительные колонии, имущество некоторых было конфисковано, а другие были хладнокровно убиты. Знаменитым делом, которое показывает, как медленно иногда вращаются колеса правосудия, было дело Антонио Максимо, натурализованного американского гражданина. Он был приговорен к смертной казни, а его поместья были объявлены собственностью правительства по постановлению военного трибунала в 1870 году. Его обвинили в участии в революции, происходившей в то время на Кубе, и осудили, несмотря на то, что он не проживал на острове. Соединенные Штаты потребовали реституции и компенсации ущерба, и в 1873 году испанская республика признала, что это требование было справедливым. Указ был утвержден королевским правительством в 1876 году, но власти Кубы откладывали его исполнение до тех пор, пока поместья не превратились в руины. Испания, наконец, предложила сумму в 1 500 000 песо в качестве компенсации, и это предложение было принято в 1886 году. Кортесы, однако, не выделили средств на выплату, и в 1888 году государственный министр Испании попытался включить в соглашение новое условие, согласно которому определенные претензии испанских подданных должны рассматриваться одновременно. Госсекретарь Байярд отклонил это предложение, и наше правительство продолжало призывать испанские власти выполнить свой контракт. 12 июня 1895 года госсекретарь Олни поручил Ханнису Тейлору, посланнику Соединенных Штатов в Мадриде, попросить Испанию дать гарантии того, что она урегулирует иск в течение двух месяцев. Затем испанское правительство предложило выплатить основную сумму иска, и истец согласился отказаться от процентов. 14 сентября, когда первоначальный заявитель умер, правительство Испании выплатило 1 499 000 долларов, что равно 1 500 000 песо, в качестве урегулирования давней претензии.

ОПЫТ СТАРОГО СОЛДАТА.

Уильям Юинг из Буффало, штат Нью-Йорк, служил в Семнадцатом пехотном полку Соединенных Штатов на протяжении всей гражданской войны и является членом GAR. Он отправился на Кубу и вложил 7000 долларов, все деньги, которые у него были, в сахарную плантацию, и вместе со своей женой, дочерью и шурином Уильямом Гамильтоном поселился на острове.

Наконец, из-за нестабильных условий, возникших в результате войны, он отправил свою семью обратно в Соединенные Штаты и вступил в повстанческую армию. Его шурином также поддерживал кубинское дело и был убит в бою. Обескураженный своими неудачами, он решил вернуться на родину и совершил побег с острова, сев на борт "блокадника", который высадил его в Атлантик-Сити, откуда он пешком добрался до Нью-Йорка. Товарищи по Великой Армии дали ему еду и кров, а также помогли добраться до своей семьи. Этот человек лично заинтересован в успехе дела, поскольку, когда придет время, он надеется вернуть себе свою собственность.

ДЕЛО ПЕДРО КАЗАНОВЫ.

Педро Казанова, гражданин Соединенных Штатов, проживал недалеко от маленькой железнодорожной станции Сан-Мигель-де-Харука со своей семьей, которая состоит из его жены, троих детей и племянника, последний родился в Соединенных Штатах. Он рассказал историю своих обид от рук испанцев представителю "Нью-Йорк Геральд" в следующих словах:

"Я подвергся большому насилию со стороны испанских солдат. Солдаты недавно прошли по дороге, и моя жена обратила мое внимание на тот факт, что они ворвались в пустой дом, где хранилось ценное имущество, и растаскивали вещи по частям. Как раз в этот момент я увидел двух полицейских, направлявшихся к дому. Я был очень рад, вышел им навстречу и пригласил их войти в дом и освежиться. Они согласились и сказали, что любят кофе. Пока они пили, один или два солдата подошли и поговорили с капитаном, который спросил меня: "Кто эти люди в сахарной лавке?" "Мои работники, - ответил я, - включая одного инженера. Остальные заняты ремонтом.

Капитан сказал: "Я слышал, там прячутся повстанцы. Я должен отвести людей к майору на допрос; сам майор будет здесь завтра.

После того, как он ушел, я обнаружил, что дверь дома на холме взломана. Было похищено некоторое количество пива в бутылках, а также мои седла и уздечки и многое другое. Перчатки и другие предметы женской одежды были выброшены во двор. Я пошла на станцию. Аптека выглядела так, словно в нее забрел бешеный бык. Все полки и ящики были выброшены и разбиты. Пустой магазин напротив был в таком же состоянии. Прилавок был повален, а дверные косяки взломаны мачете. Большая кофейная мельница была сломана, и все было в беспорядке. Солдаты шепотом рассказали капитану об этой работе. Офицер заметил мне с насмешкой: "Повстанцы очень добры к вам, поскольку здесь не было причинено никакого вреда".

"В следующую среду утром я был удивлен, услышав выстрелы, похожие на несколько мушкетных залпов. Около трехсот солдат — пехотинцев и кавалеристов — фактически находились снаружи, окружив мой дом. Вскоре появились еще несколько под командованием капитана Сересо Мартинеса. В самых грубых и вульгарных выражениях он приказал всем, кто был в доме, выйти на улицу. Ворвались солдаты и вытащили меня за воротник пальто. Мою жену с ребенком

вывели, приставив к ее груди винтовку. Элеутрие Занабрия, служанка-негритянка, которая была сильно напугана, попыталась спрятаться. Его вытащили вперед, и на моих глазах солдат нанес ему сильный удар своим мачете, глубоко ранив в голову и руку, оставив на полу лужу крови. Рана была серьезной.

Затем был отдан приказ взять под стражу всех мужчин в поместье. Возле дерева за холмом, в ста ярдах от дома, я остановился, примерно в сорока шагах от остальных, чтобы поговорить с капитаном, который был в доме неделю назад. В этот момент молодой негр Мануэль Фебельс бросился бежать. Несколько кавалеристов бросились за ним, стреляя. Он упал, и они изуродовали его тело, выколов глаза. Офицер, взбешенный бегством негра, выхватил саблю и крикнул остальным: "Встаньте на колени!" Они повиновались, и он связал их и продержал в таком положении четверть часа.

"Пока я разговаривал с капитаном, моя жена и пятилетний ребенок молили о пощаде для меня. Кавалеристы запаслись зерном для своих лошадей и наконец тронулись в путь. Офицеры сказали мне, что жизнь моего племянника и моя собственная были спасены только потому, что мы были американцами, и они не хотели ввязываться в неприятности с Соединенными Штатами. Затем они приказали мне покинуть Сан-Мигель, не дожидаясь ни минуты.

"Их объяснение рейда состояло в том, что повстанцы открыли огонь по войскам, и что они видели, как один человек вбежал в мой дом, когда он стрелял, и что, согласно инструкциям майора, вся семья должна была быть убита. Моя жена и дети были в агонии, пока меня не было. Все мои сотрудники были увезены войсками.

"Офицер высокого ранга испанской армии проходил мимо моего дома после того, как я уехал, подошел ко мне сюда и сказал: "Я знаю, что произошло. Командующий не годится быть офицером Испании. "Я слышал, что моих людей отвезли в испанский лагерь и расстреляли во время завтрака".

УНИЧТОЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВА.

Братья Фаррар, предъявляя свой иск о возмещении ущерба, сделали следующее заявление:

"В субботу, 21 марта, жилой дом кофейной плантации Эстрелла стал объектом бессмысленного нападения со стороны колонны генерала. Бернат, действующей в этом регионе. Указанное здание было обстреляно из пушек картечью и канистрами, в результате чего были разбиты дверь, одно окно, несколько колонн площади Пьяцца и поставлена под серьезную угрозу жизнь семей моих братьев, дона Тасио и дона Луиса Фаррара, обоих американских граждан. В доме находились двое маленьких детей. Из моей информации следует, что упомянутые войска выдержали перестрелку с бандой повстанцев на плантации Пас, в четверти лиги от Эстрельи. Повстанцы бежали на плантации Педрозо и Буэна-Эсперанса, правительственные войска продвигались к Эстрелье в направлении, совершенно противоположном тому, которое выбрали повстанцы. По прибытии к границам плантации Эстрелья испанская колонна начала обстрел из пушек жилого дома, и он был немедленно захвачен солдатами, которые разграбили его, забрав шкафы, все драгоценности и мужскую одежду, которые в них находились, а также сумму в размере около 60 долларов деньгами. Они также забрали все, что нашли в домах рабочих, арестовав при этом двенадцать жильцов, которых они доставили в Алькисар как повстанцев. Следует отметить, что пушки стреляли исключительно по жилому дому владельцев, хотя на плантации было еще двадцать строений, и это место было полностью очищено от повстанцев.

"Принимая во внимание все вышесказанное, и особенно из-за опасности, которой подвергались его родственники, а также из-за неоправданного мародерства со стороны регулярных войск на службе у официального правительства, нижеподписавшийся выражает самый серьезный протест и просит немедленной компенсации понесенного ущерба, который он оценивает в 5000 долларов, поскольку все работы на плантации прекращены и все брошено".

ЖЕСТОКОЕ НАПАДЕНИЕ.

Случай доктора Делигадо особенно прискорбен. Его дом находился в Нью-Йорке, где он был практикующим врачом, но он отправился на Кубу, чтобы вступить во владение кое-какой собственностью, доставшейся ему по наследству. Его отец рассказал историю их страданий корреспонденту, и его рассказ был дополнен дополнительными подробностями от самого доктора. Пожилой джентльмен сказал:

- Наша плантация называется Долорес, а прежнее название было Моралес. Было около половины второго четвертого марта, когда полк повстанцев, численностью около четырехсот или пятисот человек, вторгся в это место. Они сказали нам, что это люди Масео, и вскоре за ними пришел Масео с двадцатью четырьмя женщинами, шестнадцатью белыми и восемью мулатками. Я понял, что эти женщины были женами офицеров.

Масео вежливо пожал мне руку и спросил, позволю ли я им позавтракать с нами. Конечно, ничего не оставалось, как сказать "да", и мужчины рассредоточились примерно на семидесяти акрах плантации, а офицеры и дамы вошли в дом. У них была с собой провизия, но они хотели приготовить и подать ее на стол, что они и сделали. Они сели за стол и вскоре уже шутили и смеялись. Внезапно мы услышали ружейные выстрелы. Эрнандес крикнул жене, чтобы она подала ему мачете. Затем все вышли и обнаружили, что стрельба велась со стороны того, кто, по-видимому, был авангардом испанских войск. На некотором расстоянии произошла перестрелка, и повстанцы уехали. Они не хотели сражаться на плантации, поскольку выполняли другое задание.

"Испанцы обстреляли тростник, думая, что там прячутся другие повстанцы. Испанские пули застучали по черепичной крыше дома, и работники фермы, которые вспахивали заднюю часть дома, испугались и захотели войти внутрь.

Через некоторое время я открыл окно, чтобы посмотреть, как обстоят дела, и увидел двух кавалеристов и капитана с двумя солдатами. Мой сын и работники фермы вышли к горящему тростнику в попытке спасти несколько волов, которые были рядом с тростником. Когда капитан увидел их, он закричал: "Кто эти люди?" Я сказал ему, что это наши рабочие, и затем он отдал приказ очистить дом. Они погнали своих лошадей прямо через дом, капитан вел их. Я достал свои американские документы и показал их ему, чтобы доказать, что я мирный гражданин. "Это худшие документы, которые у вас могли быть", - сказал капитан. Они ответили моему сыну тем же, и капитан повторил приказ очистить дом. Затем они приказали нам идти дальше как пленным, а женщинам оставаться на месте. Мой сын попросил их позволить мне остаться с женщинами, и они позволили мне это сделать. Конечно, женщины были охвачены паникой и кричали, когда увидели, что их мужей уводят.

"Мы слышали выстрелы, а затем второй залп. Одна из женщин закричала: "Они убили моего мужа!" Ее слова были правдой. Примерно через три часа я отважился выйти и увидел идущего к

дому старого работника фермы, мужчину лет семидесяти. Казалось, он перекинул через руку красный носовой платок, но когда я подошел ближе, то увидел, что он весь в крови. Увидев меня, он закричал: "Они убили их!" "Мой сын! Мой сын!" - закричал я. "Он был первым, кого они убили", - сказал он.

"Я отвел мужчину в дом и попытался перевязать ему руку, которая была раздроблена пулей. Я попытался успокоить женщин и сказал им, что они должны обратиться за помощью к ближайшим соседям. Двое белых рабочих с фермы, которые прятались в тростнике, затем подошли к дому, пока я пытался успокоить женщин. Они боялись пошевелиться, охваченные паникой, и не хотели обращаться за помощью.

Внезапно к дому на полном скаку подскочил молодой человек. Он достал револьвер и велел работникам фермы принести раскладушки, подушки и лекарства для пропавших мужчин на случай, если кто-нибудь из них еще жив. Он сказал, что застрелит их, если они не подчинятся, и они сделали, как он приказал. Они соорудили носилки, и мы пошли дальше, пока не нашли место, где в луже крови лежали мужчины.

"Я посмотрела в лицо моему сыну и закричала: "Мой сын, мой сын!" Он открыл глаза и прошептал: "Отец, они убили нас".

Старый джентльмен разрыдался при этих воспоминаниях об ужасной сцене, и сын рассказал ему об ужасной бойне:

"Они повели нас маршем, - сказал Доктор, - и я обратился к генералу: "Генерал, я американский гражданин, и вот мои документы от мистера Уильямса". "Это худшее, что у вас может быть", - сказал он. "Хотел бы я, чтобы здесь был сам консул, чтобы я мог так с ним обойтись", - и он трижды ударил меня по лицу. Затем он протрубил в горн, созывая добровольцев, и приказал отвести нас в арьергард. Конечно, мы знали, что это означало смерть. Они выстроили нас в линию со связанными руками. Я знал сержанта и сказал ему: "Возможно ли, что вы собираетесь убить меня?" - "Что я могу поделать?" - ответил он. Затем был отдан приказ, и солдаты бросились на нас с мачете. Их ножи перерезали наши веревки, когда мы пытались увернуться от ударов, и солдаты дали по нам два залпа. Первый выстрел задел мою голову, и я рухнул на землю как мертвый. Старый работник фермы тоже бросился на землю. Этот поступок спас нам жизни.

Остальные четверо мужчин, пытавшихся сопротивляться, были убиты. При втором выстреле пуля пробила мне бок. Когда мы все лежали как мертвые, они подошли, перевернули нас и обыскали наши карманы — сначала мой, конечно, потому что я был одет лучше, чем другие мужчины. Один из солдат заметил, что моя грудь шевельнулась, и крикнул: "Этот парень еще не умер. Ударь его еще раз", - и он поднял свое мачете и полоснул меня по лицу и горлу. Потом я потерял сознание".

Отец Дельгадо продолжил рассказ, когда его сын остановился: "Храбрый молодой человек, который привел нас к месту, где был мой сын, теперь спрыгнул с лошади и приказал своим людям поднять моего сына на носилки, поскольку мы обнаружили, что он был единственным человеком, оставшимся в живых. Мы подложили ему под голову подушку, и двое рабочих с фермы подняли носилки и отнесли их на тростниковое поле. Тем временем женщины-родственницы погибших мужчин подошли и начали причитать и плакать. Молодой человек, который, как мы впоследствии выяснили, был лидером повстанцев, сказал им, что они должны вести себя тихо, так как их причитания снова привлекут испанские войска.

Затем носилки перенесли на тростниковое поле. Этот молодой человек сказал: "Вы должны немедленно написать американскому консулу. Я дам тебе посыльного, и ты сможешь спокойно отдохнуть на этом тростниковом поле вместе со своим сыном. Я поставлю вокруг него охрану из 500 человек, чтобы они не смогли его сжечь, как они делают, когда знают, что в тростнике прячутся люди".

"В течение пяти дней я была на тростниковом поле со своим сыном. На нас шел дождь, и тогда я положила подушки на грудь моего сына, чтобы защитить его. Я сильно страдал от ревматизма. Появился только молодой человек и сказал, что генерал Масео прислал охрану, чтобы сопровождать меня домой. Нас с моим мальчиком отвезли туда, и вокруг нашего дома стояла охрана. От консула вернулся посыльный, и я поехал в Гавану, чтобы повидаться с генералом Вейлером, который приказал доставить моего сына сюда, в город.

Историй о бесчинствах против американцев, которые, несомненно, правдивы, может быть представлено в количестве, достаточном для заполнения всего этого тома, но приведено достаточно, чтобы убедить самых скептически настроенных людей в том, что требование вмешательства было оправдано как ради нас самих, так и ради народа Кубы.

ГЛАВА XXXI.

Маккинли СМЕНЯЕТ "КЛИВЛЕНД".

Кубинский вопрос не нов — Усилия бывших администраций добиться урегулирования — Послание президента Кливленда — Рекомендации президента Маккинли — Оскорбительное письмо испанского министра — Его отставка принята — Извинения испанского правительства.

Более девяноста лет правительство Соединенных Штатов сталкивается с кубинским вопросом. Временами он исчезал из нашей политики, но всегда появлялся вновь. Когда-то мы сочли разумным помешать острову обрести независимость от Испании, и тем самым, возможно, заключили моральные узы, чтобы убедиться, что Испания управляет им достойно. Независимо от того, взяли мы на себя такое обязательство или нет, кубинский вопрос никогда не переставал нас раздражать. Споры по этому поводу составляют длинный ряд глав в одной непрерывной истории дипломатических проблем. Многим нашим самым способным государственным деятелям приходилось сталкиваться с этим в качестве государственных секретарей и министров Испании, и ни один из них не смог с этим справиться. Один президент за другим брали его на вооружение, и каждый передавал его своему преемнику. В разное время это было "гвоздем" в платформах всех наших политических партий — как это было в платформах обеих партий 1896 года — и это было предметом посланий почти всех наших президентов, как это было в послании президента Кливленда в декабре 1896 года, в котором он четко выразил мнение, что Соединенные Штаты могут почувствовать себя вынужденными признать "более высокие обязательства", чем нейтралитет перед Испанией. Несмотря на периоды кажущегося затишья, старые проблемы всегда проявлялись вновь в острой форме, и они так и не были урегулированы; в последнее время также не было никаких серьезных оснований надеяться, что их можно будет урегулировать просто путем дипломатических переговоров с Испанией. Наши дипломаты давно знакомы с испанским характером и методами, которые общественность может лучше понять, поскольку идет война. Жалкая неэффективность и постоянная косвенность

испанского характера теперь очевидны всему миру; они были очевидны давным-давно тем, кому приходилось выполнять наши дипломатические обязанности.

Таким образом, переговоры затянулись. Нам пришлось столкнуться с трудностями и расходами, чтобы предотвратить флибустьерство, и флибустьерство продолжалось вопреки нам. До сих пор не раз возникала опасность международного конфликта, как, например, когда американские моряки с "Вирджиниуса" были казнены на Кубе в 1873 году. Делались предложения купить остров и формировались планы его аннексии. Все это время на Кубе были большие интересы Америки. Наши граждане владели там большой собственностью и делали инвестиции, а также многое сделали для повышения плодородия. Они платили дань как незаконным, так и законным образом, как повстанцам, так и испанским чиновникам. Они потеряли имущество, за которое не было выплачено никакой компенсации. Все это время мы вели торговлю с островом, важную в периоды затишья и раздражающую в периоды волнений.

ПРОБЛЕМА НЕ ИЗ НОВЫХ.

Таким образом, кубинская проблема не является новой проблемой, даже в острой форме. Она долгое время продвигалась к кризису. Тем не менее, в то время как наше правительство терпело эти дипломатические неприятности, а наши граждане - эти потери, а наши торговцы - эти неприятности, масса американского народа мало задумывалась об этом всерьез. Газеты постоянно напоминали нам о продолжающейся войне в опере-буфф, и время от времени появлялись сведения о деликатных и хлопотных дипломатических обязанностях нашего министра в Испании. Если бы Куба находилась в пределах ста миль от побережья одного из наших густонаселенных государств и вблизи одного из наших крупных портов, периоды острого интереса к ее состоянию, несомненно, наступали бы раньше и чаще, и нам давно пришлось бы бороться с кризисом военными мерами. Или, если бы повстанцы вызывали уважение, а не просто жалость, мы бы раньше обратили внимание на их борьбу; ибо это почти американская максима, что народ не может управлять сам собой, пока не завоюет свою собственную независимость.

Когда стало известно, что метод уничтожения, применяемый Вейлером, приводит к нужде на острове, и когда были сделаны обращения к американской благотворительной организации, мы заинтересовались еще больше. Президент Кливленд столкнулся с растущими трудностями в решении этой проблемы. Наш Государственный департамент снова был вынужден уделять этому все более серьезное внимание, и администрация пришла к твердому решению прекратить этот скандал для цивилизации — мы все еще предполагали, мирным путем, — и Испания была проинформирована о нашем решении. Когда г-н Маккинли занял пост президента, народ, сознававший наличие кубинской проблемы, еще не был сильно взволнован по этому поводу. Действительно, предсказание войны, сделанное во время инаугурации, показалось бы диким и глупым. Большинство людей по-прежнему мало думали о Кубе, и существовала вероятность, что они будут продолжать жить бесконечно, не задумываясь об этом всерьез, поскольку ни повстанцы, ни кубинская хунта, ни кубинская партия в Соединенных Штатах, если такая партия существовала, не вызывали уважения.

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА Маккинли.

Президент Маккинли направил Конгрессу послание через несколько недель после своей инаугурации, в котором рекомендовал выделить 50 000 долларов на помощь американским гражданам на Кубе. Оно гласило следующее:

"Официальная информация от наших консулов на Кубе подтверждает тот факт, что большое количество американских граждан на острове находятся в состоянии нищеты, страдая от нехватки продовольствия и медикаментов. Это особенно относится к сельским округам центральной и восточной частей. Сельскохозяйственные классы были вынуждены покинуть свои фермы и перебраться в ближайшие города, где они остались без работы и денег. Местные власти нескольких городов, какими бы доброжелательными они ни были, не в состоянии удовлетворить потребности своего собственного населения и совершенно бессильны помочь нашим гражданам. Согласно последнему отчету генерального консула Ли, от 600 до 800 человек остались без средств к существованию. Я заверил его, что будут немедленно приняты меры для оказания им помощи. С этой целью я рекомендую Конгрессу выделить ассигнования в размере не менее 50 000 долларов, которые должны быть немедленно предоставлены для использования под руководством Государственного секретаря.

"Желательно, чтобы часть суммы, которая может быть выделена Конгрессом, по усмотрению государственного секретаря была также использована для перевозки американских граждан, которые, желая вернуться в Соединенные Штаты, не имеют для этого средств".

Совместная резолюция, предложенная сенатором Гэллинджером и воплотившая рекомендации президента Маккинли, была принята обеими палатами без голосования против.

Влиятельный журнал опубликовал следующую редакционную статью по поводу этой меры:

"Это принципиально новый поворот в международных делах, и сторонники прецедента должны выступить с суетливыми протестами, как они это сделали в связи с венесуэльским вопросом, против доктрины Монро, заявив, что ее нельзя найти в кодексе международного права. Безусловно, очень необычно, если не беспрецедентно, что правительство выделяет средства на оказание помощи своему собственному народу в какой-то чужой стране. Правда в том, что эта ситуация на Кубе совершенно исключительная. Перед вами маленький остров, находящийся в состоянии гражданской войны. Это в значительной степени война на части острова, когда одна часть острова находится во владении одной из воюющих сторон, а другая часть - во владении другой воюющей стороны.

"Несколько сотен наших американских граждан находятся в той части острова, которая оккупирована испанскими войсками, и страдают, как и сами кубинцы, от преднамеренной политики голода. Вейлер пытается победить голодом. Это его неизменная цель, и, исходя из характера дела, не проводится никакой дискриминации между восставшими испанскими подданными и американскими гражданами, находящимися на острове. Если политика массового уничтожения не может быть продолжена без такого разбора, тем хуже для Вейлера и его политики. Конгрессу остается только выделить запрошенные ассигнования, и помощь будет оказана без учета каких-либо побочных последствий".

ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ДЕ ЛОМА.

Одним из самых сенсационных инцидентов в связи с испанскими делами, предшествовавшими уничтожению "Мэна", была публикация письма, попавшего в руки кубинской хунты,

написанного сеньором Дюпуи Де Ломе, представителем испанского правительства в Вашингтоне, редактору мадридской газеты. Приводится перевод письма:

Мой Уважаемый и Дорогой Друг!

Тебе не нужно извиняться за то, что ты мне не писала. Мне следовало бы написать вам, но я не сделал этого из-за того, что был отягощен работой.

Ситуация здесь остается неизменной. Все зависит от политического и военного успеха на Кубе. Пролог этого второго метода ведения войны закончится в тот день, когда будет назначен Колониальный кабинет, и это снимает с нас в глазах этой страны часть ответственности за то, что может там произойти, и они должны возложить ответственность на кубинцев, которых они считают такими безупречными.

До тех пор мы не сможем ясно видеть, и я считаю это потерей времени и продвижением по ложному пути, отправкой эмиссаров на поле боя повстанцев, переговорами с автономистами, которые еще не объявлены юридически образованными, и раскрытием намерений и целей этого правительства. Изгнанники будут возвращаться один за другим, и когда они вернутся, то войдут в овчарню, и вожди постепенно вернутся.

Ни у кого из них не хватило смелости массово уехать, и у них не хватит смелости таким образом вернуться. Послание президента обмануло повстанцев, которые ожидали чего-то другого, и парализовало деятельность Конгресса, но я считаю это плохим.

Помимо естественной и неизбежной грубости, с которой он повторяет все, что пресса и общественное мнение Испании наговорили о Вейлере, это еще раз показывает, кто такой Маккинли — слабак, угождающий черни, и, кроме того, низкий политик, который желает оставить дверь открытой для меня и поддерживать ура-патриотов своей партии. Тем не менее, на самом деле, только от нас самих будет зависеть, окажется ли он плохим и враждебным по отношению к нам.

Я полностью согласен с вами, что без военного успеха там ничего не будет достигнуто, а без военного и политического успеха здесь всегда существует опасность того, что повстанцы будут поощряться, если не правительством, то, по крайней мере, частью общественного мнения. Я не верю, что вы уделяете достаточно внимания роли Англии. Почти вся эта газетная каналья, которой кишмя кишат в вашем отеле, - англичане, и хотя они являются корреспондентами американских журналов, они также являются корреспондентами лучших газет и обзоров Лондона.

Так было с самого начала. На мой взгляд, единственная цель Англии состоит в том, чтобы американцы занялись нами и оставили ее в покое, а если начнется война, тем лучше. Это еще больше устранило бы то, что ей угрожает, хотя этого никогда не произойдет. Было бы очень важно, чтобы вы подняли вопрос о коммерческих отношениях, даже если это было бы только для эффекта, и чтобы вы послали сюда важного человека, чтобы я мог использовать его для ведения пропаганды среди сенаторов и других лиц в противовес хунте и для привлечения на свою сторону изгнанников. Уходит Амбларад. Я считаю, что он слишком глубоко погружен в политические вопросы, и должно произойти что-то великое, иначе мы проиграем. Адела отвечает на ваше приветствие, и мы желаем вам в новом году стать посланником мира и

передать этот новогодний подарок бедной Испании. Всегда ваш внимательный друг и слуга, который целует вам руку,

ENRIQUE DUPUY DE LOME.

Как только это письмо было обнародовано, Де Ломе телеграфировал испанскому правительству о своей отставке и забрал свои паспорта в Государственном департаменте в Вашингтоне, избавив себя таким образом от унижительного увольнения. Испанское правительство в Мадриде направило министру Вудфорду следующее сообщение по этому делу:

Испанское правительство, узнав об инциденте, в котором был замешан министр Дюпуи Де Ломе, и будучи проинформировано о его нежелательном сообщении, со всей искренностью сожалеет об инциденте, заявляет, что министр Де Ломе подал заявление об отставке, и оно было принято до представления вопроса министром Вудфордом. Что министерство Испании, принимая отставку чиновника, услугами которого оно пользовалось и ценило до сих пор, оставляет совершенно очевидным тот факт, что оно не разделяет, а скорее, наоборот, отвергает критику, имеющую тенденцию оскорблять или порицать главу дружественного государства, хотя такая критика была написана в рамках дружбы и получила огласку хитрыми и преступными средствами.

Что этот смысл был сформулирован в резолюции Совета министров до того, как генерал Вудфорд представил этот вопрос, и в то время, когда испанское правительство располагало лишь расплывчатыми телеграфными сообщениями относительно упомянутых настроений. Что испанский народ с таким же и большим основанием подтверждает свою точку зрения и решение после прочтения слов, содержащихся в письме, посвященном президенту Соединенных Штатов.

Что касается пункта, касающегося желательности переговоров о коммерческих отношениях, хотя бы для эффективности и важности использования представителя для целей, указанных в письме сеньора Дюпуи Де Ломе, правительство выражает обеспокоенность тем, что в свете его поведения спустя долгое время после написания письма и ввиду неопровержимых свидетельств одновременных и последующих фактов должны существовать какие-либо сомнения в том, что испанское правительство предоставило доказательства своего реального желания и своих самых сокровенных убеждений в отношении новой торговой системы и проектируемого торгового договора.

Что испанское правительство сейчас не считает необходимым подчеркивать или заново демонстрировать истинность и искренность своих целей и незапятнанную добросовестность своих намерений. Что публично и торжественно правительство Испании взяло на себя перед метрополией и ее колониями ответственность за политические и тарифные сборы, которые оно ввело на обоих Антильских островах, естественные цели которых во внутренней и международной сферах оно преследует с твердостью, которая всегда будет вдохновлять его поведение.

ГЛАВА XXXII.

ДЕЛО ЭВАНДЖЕЛИНЫ СИСНЕРОС.

Мученик за Правое дело—Сыновняя преданность—Испанское рыцарство—В испанской тюрьме—Американский спаситель—Отвага янки перед грубой силой—Побег—Прибытие в Нью—Йорк—Восторженный прием—Дом в Стране Свободы.

Испанские официальные лица на Кубе всегда отрицали обвинения в том, что они воевали с женщинами, и настаивали на том, что рассказы о преследованиях слабого пола, дошедшие до этой страны, были выдумками повстанцев, опубликованными с целью вызвать сочувствие к их делу. Прямо противоречит этому утверждению история Эванджелины Сиснерос, племянницы президента кубинской республики. Ее отец, выдающийся кубинский патриот, был сослан на остров Пайнс, и она продемонстрировала свою сыновнюю преданность, покинув роскошный дом, чтобы разделить его изгнание. Находясь там, ее красота привлекла внимание испанского генерала, который пытался всеми доступными ему средствами завоевать ее расположение. Вполне естественно, что она презирала любого, кто носил ненавистную испанскую форму, и из-за того, что она отвергла его ухаживания, ее обвинили в заговоре против правительства и отправили в гаванскую тюрьму.

Ее несчастливая судьба привлекла внимание мистера У. Р. Херста, владельца "Нью-Йорк Джорнэл", и он, движимый, без сомнения, филантропическими мотивами, а также желанием продвигать интересы своей газеты, решил приложить усилия для ее освобождения.

О том, как это было достигнуто, лучше всего рассказывает мистер Карл Деккер, который был представителем мистера Херста при осуществлении заговора.

"Я сломал тюремные решетки и освободил прекрасную пленницу Монстра Вейлера, вернув ее друзьям и родственникам и сделав силой, умением и стратегией то, чего нельзя было достичь петицией и настоящей просьбой Папы Римского. Вейлер мог скрыть от королевы истинный характер Эванджелины, но он не мог построить тюрьму, которая удержала бы "энтерпрайз", если бы его должным образом взялись за дело.

"Сегодня вся Гавана гудит от этой истории. Это единственная тема для разговоров. Все остальное меркнет перед незначительностью. Никто не помнит, что в Служении произошли изменения. Какое это имеет значение, если Вейлер уходит? Эванджелина Сиснерос сбежала из тюрьмы, которую все считали неприступной. Заговор был задуман прямо в центре Гаваны — отчаянный заговор, — о чем свидетельствует револьвер, найденный на крыше дома, через который был осуществлен побег, и в результате этого заговора, приведенного в действие под самым носом у испанских охранников, Эванджелина на свободе. Как это было сделано? Как это могло быть сделано?

ПОДРОБНОСТИ ПОБЕГА.

"Вот вопросы, которые задают сегодня вечером завсегдатаи кафе по всему городу, где собираются жители Гаваны. Все, включая дворцовых чиновников, признают, что это был самый

дерзкий переворот в истории войны, и дерзость этого поступка парализует. Никто не знает, где сейчас Эванджелина, и не может знать.

"Чтобы вкратце рассказать историю побега, я приехал сюда три недели назад, получив указание отправиться на Кубу и вызволить из тюрьмы мисс Сиснерос, девушку нежного воспитания, происходящую из одной из лучших семей острова и ставшую мученицей неудовлетворенных желаний чудовища в испанской форме. Я прибыл в Сьенфуэгос в конце сентября, телеграфировал известному и испытанному человеку в Сантьяго-де-Куба с просьбой встретиться со мной в Гаване, а затем отправился в Санта-Клару, где подобрал второго человека, который, как известно, суров, как Сахара, и затем направился в Гавану.

Здесь я оставался в почти абсолютном укрытии, чтобы избежать шпионов, которые следуют за человеком по пятам, куда бы он ни пошел, и делают невозможной любую хитроумную работу такого рода. Оба сопровождавших меня человека, Джозеф Эрнандон и Харрисон Мэллори, придерживались того же курса и хранили молчание до тех пор, пока все планы не были выполнены.

Тот факт, что мисс Сиснерос находилась без связи с внешним миром, поначалу делал попытку казаться невозможной, но в конце концов нам с помощью Эрнандона, который родился на острове и говорит по-испански как родной, удалось отправить ей записку через старую негритянку, которая навестила одного из своих друзей в тюрьме. Сторож передал эту записку мисс Сиснерос из двух рук в руки, а трое сторожей позже передали ей упаковку сладостей с наркотиком. Наладив с ней связь, мы приступили к работе, не теряя ни дня".

ТЮРЬМА ОСТАЛАСЬ ПОЗАДИ.

Затем мистер Декер рассказывает хью, что снял дом рядом с тюрьмой и поручил мисс Сиснерос раздать конфеты с наркотиком другим женщинам, которые находились вместе с ней в тюрьме. Как только наркотик произвел на них желаемый эффект, решетки тюрьмы были перерезаны снаружи, и мисс Сиснерос помогли выбраться через окно на крышу дома, который арендовал мистер Декер, продержали в укрытии два дня, а затем тайно доставили на борт корабля, направлявшегося в страну свободы.

Ее прибытие в Нью-Йорк описывается следующим образом:

"Эванджелин Сиснерос, неделю назад заключенная среди отверженных в гаванской тюрьме, является гостьей отеля Waldorf. Окруженная роскошью и элегантностью, она попеременно смеется и плачет над событиями одной короткой недели. Неделю назад прошлой ночью корреспондент сломал прутья ее камеры и вывел ее на свободу по плоским крышам кубинской столицы. Сейчас ей чаще всего вспоминаются те несколько волнующих минут, которые означали для нее пожизненное заключение или мирное и свободное будущее.

"Она прибыла сегодня на подопечном лайнере "Сенека" и была доставлена с парохода катером на карантин благодаря любезности правительства и карантинных властей. Когда "Сенека" отплывал из Гаваны, в списке пассажиров значился некто Хуан Сола. Девушка, подписавшаяся именем Хуаны Сола в декларации, которую потребовали сотрудники таможни, была ближайшей пассажиркой, которая могла возместить потерю. Она заявила, что не ввозила в страну ничего облагаемого пошлиной.

Если когда-либо это заявление было сделано правдиво, то оно было сделано в случае с этой кареглазой девушкой с каштановыми волосами, которая так стремилась угодить мужчине, который заставил ее расписаться. Все, что у нее было, - это простое красное платье, которое было у нее за спиной, и сверток, в котором лежал костюм, который мог бы носить сын плантатора.

Это была та самая одежда, в которой Хуан Сола взбегал по сходням в Гаване, с большой шляпой с опущенными полями на каштановых волосах, которую даже опасность разоблачения не могла заставить ее срезать, и толстой сигарой в красных смеющихся губах, которая, возможно, случайно выпустила облако дыма в лицо начальнику полиции, наблюдавшему за этой сходней, и сделала черты молодого человека действительно очень нечеткими.

- Не было никаких причин, по которым начальник полиции должен был бы слишком пристально разглядывать молодого человека с большой сигарой. Паспорт Хуана Сола был должным образом выдан испанским правительством, и, насколько можно было судить по документам, оснований подозревать его не было.

Конечно, Хуана Сола была девушкой, которую корреспондент спас из тюрьмы и слава о побеге которой была у всех на устах в Гаване, девушкой, ради поимки которой полиция в течение трех дней врывалась в дома и охраняла дороги, и все же она прошла у них под носом без маскировки, в одном мальчишеском костюме.

Мисс Сиснерос не стала подвергать себя большей опасности, чем было необходимо, и сразу же отправилась в свою каюту. Однако на следующий день, когда замок Морро остался далеко позади, она появилась на палубе, превратившись в сеньориту Хуану Сола, известную под псевдонимом Эванджелина Сиснерос.

"Когда корабль увидел огни мыса Хаттерас, молодая женщина спросила, что это за огни, и когда ей ответили, что это американский маяк, она опустилась на колени в салоне и помолилась. После этого она заплакала от радости. Должно быть, она была вся взвинчена от волнения из-за пережитого, и когда она увидела свет, то больше не могла сдерживаться и просто переполнилась.

"Кубинскую девочку ничего не было видно, когда "Сенека" замедлил ход напротив карантин, чтобы разрешить посадку санитарному врачу. Остальные пассажиры, по привычке океанских путешественников, сгруппировались в середине корабля, чтобы осмотреть судно тирана, в чьей власти было запереть их всех на карантин. Девушка пряталась в своей каюте, гадая, какой прием ожидает ее в большом городе, линия неба которого пересекала горизонт впереди.

"Люди на борту были добры к ней с того момента, как она раскрыла свою личность, но в этот момент, когда она достигла убежища, ради достижения которого она и ее доблестные спасители рисковали самой смертью, она сбежала от новообретенных друзей и даже не выглянула за дверь своей каюты".

Мисс Сиснерос был устроен великолепный прием в Мэдисон-сквер-гарден во время ее пребывания в Нью-Йорке, где многие известные мужчины и женщины поздравили ее со счастливым спасением и приветствовали в "стране свободных и доме храбрых". С тех пор она

стала протеже миссис Джон А. Логан, вдовы знаменитого генерала, и теперь является членом ее семьи.

Есть подозрение, что генерал Вейлер потворствовал побегу мисс Сиснерос, поскольку маловероятно, что это могло быть совершено без ведома тюремных властей, и поскольку они не были привлечены к ответственности за свою халатность, может показаться, что они просто выполняли приказ, удобно закрыв глаза.

Военный судья Гаваны издал постановление, предписывающее мисс Сиснерос вернуться в тюрьму, но было очевидно, что это всего лишь юридическая формальность. На Кубе были люди, занимающие высокие официальные посты, которые не могли позволить, чтобы история о преследованиях, жертвой которых она стала, находясь в добровольном изгнании со своим отцом на острове Пайнс, стала достоянием гласности, поскольку это вызвало бы к ним презрение цивилизованного мира. Ее дело привлекло внимание известных мужчин и женщин не только в нашей стране, но также в Англии, Франции и Германии, и, вероятно, оно должно было стать международным делом, и Вейлер, вероятно, решила избежать этих осложнений, позволив "вызволить" ее из тюремной камеры.

Хотя все детали дела доказывают правильность этого предположения, все заинтересованные стороны хорошо охраняли тайну, и остается лишь констатировать, что прямых доказательств в поддержку теории нет, и как человек, который планировал, так и тот, кто осуществил, заслужили все почести, которые они получили.

ГЛАВА XXXIII.

РАБОТА МИСС КЛАРЫ БАРТОН И КРАСНОГО КРЕСТА.

Женевская конференция—Участие мисс Бартон в войне за восстание—Организация Американского Красного Креста—Работа на Кубе—Обращение к общественности—Плавучий госпиталь—Переписка с адмиралом Сэмпсоном—Испанские заключенные в Ки-Уэсте и то, что Красный Крест сделал для них.

Было предпринято много попыток заключить международное соглашение для смягчения ужасов и смертности в битвах. Первое успешное движение такого рода было начато в то же время, когда в Соединенных Штатах бушевала гражданская война. В 1863 году в Женеве, Швейцария, состоялась конференция юристов и других лиц, интересующихся гуманитарной деятельностью. Они составили международный договор, который был одобрен швейцарским правительством, и заручились поддержкой и санкцией французской империи. Однако прошло несколько лет, прежде чем статьи соглашения были подписаны всеми цивилизованными странами мира, и, как ни странно, Соединенные Штаты были последней из великих держав, официально признавшей права на особую защиту, предоставляемые носителям символа Красного Креста.

Осенью 1881 года была предпринята последняя попытка заручиться согласием Соединенных Штатов с положениями Женевской конвенции, и президент Артур заверил их в своей готовности присоединиться. Впоследствии президент и Сенат официально признали ассоциацию, и договор был подписан 16 марта 1882 года. В ожидании этого решения правительства было

сформировано и инкорпорировано в соответствии с законами округа Колумбия национальное общество, носящее название Американской ассоциации Красного Креста.

Этим международным договором обществу Красного Креста предоставляются особые привилегии во время войны, а его агентам и офицерам разрешается выполнять свою работу без помех со стороны любой из воюющих сторон, но им запрещается иметь какое-либо, даже отдаленное, отношение к военным или военно-морским операциям. Они имеют дело исключительно со средствами, предоставляемыми для оказания помощи раненым, облегчения страданий и ухода за больными, во всем этом агенты Красного Креста не знают ни друзей, ни врагов. В случае сражения машины скорой помощи, хирурги и медсестры общества выезжают на поле боя, как только у них появляется такая возможность, и выполняют работу милосердия, которая была предпринята.

Американское общество было щедрым в оказании помощи другим странам во время войны, и во время франко-прусских военных действий в 1870-71 годах оно отправило в Париж из своих собственных средств 120 000 долларов, в то время как французское отделение израсходовало 2 500 000 долларов. Даже испанское отделение внесло свой вклад в гуманитарную работу во время той войны на сумму 4000 долларов. В турецко-российской, Тунисской, Тонкинской, Мадагаскарской, греко-турецкой и ряде других войн Красный Крест продолжал свою работу милосердия.

МИСС КЛАРА БАРТОН.

Когда началась война за восстание, мисс Клара Бартон работала клерком в Патентном бюро в Вашингтоне. Она ушла в отставку, чтобы посвятить себя уходу за ранеными солдатами на поле боя. В 1864 году генерал Батлер назначил ее "леди, отвечающей" за госпитали на фронте армии Джеймса. В 1865 году ее отправили в Андерсонвилл, штат Джорджия, чтобы идентифицировать и отметить могилы похороненных там солдат Союза, и в том же году президент Линкольн назначил ее ответственной за поиски пропавших без вести военнослужащих армии Союза, и, занимаясь этой работой, она выяснила судьбу 30 000 человек. В 1873 году она положила начало движению за признание общества Красного Креста правительством Соединенных Штатов, и, наконец, во время правления президента Артура она увидела, что ее труды вознаграждены. Естественно, она стала президентом американского отделения общества, которое было основано в 1882 году, и до сих пор занимает этот почетный пост.

РАБОТА НА КУБЕ.

После того, как печально известный приказ Вейлера о повторной концентрации вступил в силу, общество Красного Креста вскоре осознало, что ему предстоит работать среди страдающего народа Кубы. Было обращено обращение к общественности, и на остров была отправлена экспедиция во главе с мисс Бартон. Говоря о ее работе во время того правления террора, сенатор Проктор сказал в ходе своего обращения к Сенату:

Мисс Бартон не нуждается в моем одобрении. Я знаю и уважаю ее много лет, но даже наполовину не оценил ее способности и преданность своей работе. Я особенно внимательно изучил ее методы ведения бизнеса, опасаясь, что здесь кроется величайшая опасность ошибки, что может возникнуть отсутствие системы, расточительство и экстравагантность, но я обнаружил, что она может научить меня всем этим моментам. Я посетил склад, где принимаются и распределяются припасы, ознакомился с методами проверки, посетил

больницы, созданные или организованные и поставляемые ею, видел, как распределяются продукты питания в нескольких городах, и мне кажется, что все проходит наилучшим образом".

Когда между нашей страной и Испанией были разорваны дипломатические отношения и американские консулы на Кубе были отозваны, было сочтено целесообразным, чтобы представители Красного Креста, находившиеся тогда на Кубе, приехали вместе с ними. Мисс Бартон и ее помощники вернулись в Нью-Йорк и немедленно приступили к подготовке к вторжению нашей армии на Кубу. Было опубликовано следующее обращение:

Американский национальный корпус Помощи Красного Креста, действующий под эгидой Американского национального Красного Креста, имеет своей целью сбор средств для оказания медицинской и хирургической помощи, ухода за больными, медикаментов, продовольствия, одежды и другой необходимой помощи, которая может потребоваться Американскому национальному Красному Кресту по призыву правительства Соединенных Штатов, с целью объединения всех усилий с этой целью во время нынешней войны.

В соответствии с положениями Женевской конференции, из которых каждое Национальное общество Красного Креста черпает свои полномочия, Американскому национальному Красному Кресту поручено оказывать такую помощь, которая может потребоваться всем, без различия друзей или врагов, которые могут пострадать от бедствий, связанных с войной, эпидемией или голодом.

Красный Крест здесь, как и во всем цивилизованном мире, благодаря широкому и разнообразному опыту недавних войн, признавая в международных договорах священные обязательства оказывать помощь страждущим, где бы они ни находились, настолько усовершенствовал свою организацию, что становится признанным и законным каналом для пожертвований от всех классов людей и всевозможных вспомогательных ассоциаций.

С целью надлежащей систематизации благотворительных импульсов широкой общественности и надлежащего направления эффективной работы Красного Креста комитет обращается за сотрудничеством к отдельным лицам и вспомогательным ассоциациям по всей стране, будучи уверенным, что с помощью таких средств различные собранные средства и предметы смогут наиболее безопасно и самым прямым образом достичь своего конечного пункта назначения.

Был зафрахтован пароход "Штат Техас", груженный продовольствием, медикаментами и больничными принадлежностями, а штаб-квартира была размещена в Ки-Уэсте.

Когда мисс Бартон прибыла в штат Техас в Ки-Уэсте 29 апреля, казалось, что непосредственной перспективы вторжения армии Соединенных Штатов на Кубу не было, и, следовательно, не было возможности облегчить страдания голодающего кубинского народа. Зная, что такое бедствие неизбежно должно было сильно усилиться из-за блокады, и стремясь сделать что-нибудь, чтобы смягчить его - или, по крайней мере, продемонстрировать готовность "Бед-Кросса" предпринять меры по его смягчению, - мисс Бартон написала и отправила адмиралу Сэмпсону, командующему Военно-морскими силами на Североатлантической станции, следующее письмо:

Штат Техас, 2 мая 1898 года.

Адмирал У. Т. Сэмпсон, США, командующий флотом перед Гаваной:

Адмирал, Если бы не представление, любезно предложенное нашим общим знакомым капитаном Харрингтоном, я едва ли осмелился бы обращаться к вам. Он ознакомит вас с предметом, который я желаю вынести на ваше благосклонное рассмотрение.

В документах, направленных по указанию нашего правительства, будет указано, какая обязанность возложена на меня, а именно: доставлять продовольствие голодающему народу Кубы. Со мной груз в 1400 тонн под флагом Красного Креста, единственной международной эмблемой нейтралитета и гуманности, известной цивилизации. Испания знает и уважает это.

Четырнадцать месяцев назад все испанское правительство в Мадриде телеграфировало мне с разрешением брать и раздавать еду страдающим людям на Кубе. Это официальное разрешение было широко опубликовано. Если наш народ прочтет, то никакого ответа не последовало и никаких действий не предпринималось до тех пор, пока два месяца назад, по гуманному и милосердному призыву нашего уважаемого Президента, я не пошел и не раздал еду, не подвергшись никакому насилию нигде на острове, пока наше правительство не приняло меры для того, чтобы все американские граждане покинули Кубу. Люди, должно быть, сейчас умирают там сотнями, если не тысячами, ежедневно из-за нехватки пищи, которой мы лишаемся. Не привлечет ли мир нас к ответственности? Напишет ли история, что мы невиновны? Не скажут ли о нас, что мы завершили план уничтожения, начатый Вейлером?

К счастью, я знаком с испанскими властями на Кубе, генерал-капитаном Бланко и его помощниками. Мы расстались совершенно дружелюбно. Они рассматривают меня не просто как американца, а как национального представителя международного договора, который они сами подписали и в соответствии с которым действуют. Я верю, что они приняли бы меня и посоветовались со мной, если бы такое стало возможным.

Я хотел бы попросить у Испании разрешения и защиты высадиться и раздать продовольствие прямо сейчас в штате Техас. Могу ли я попросить разрешения встретиться с ними под флагом перемирия? Если мы приложим усилия и получим отказ, вина ляжет на них; если мы не сможем этого сделать, вина ляжет на нас. Я считаю хорошей государственной мудростью, по крайней мере, разделить ответственность. Мне сказали, что должно пройти несколько дней, прежде чем наши войска смогут занять позиции, чтобы добраться до этих голодающих людей и накормить их. Наша еда и наши силы здесь, готовы приступить к работе немедленно. С заверениями в глубочайшем уважении, я, адмирал,

С глубоким уважением,

[Подпись] КЛАРА БАРТОН.

В то время, когда было написано вышеупомянутое письмо, Американский Красный Крест действовал по совету и указанию Государственного и Военно-морского ведомств, Военное министерство не имело сил на местах.

Адмирал Сэмпсон ответил следующим образом:

Флагманский корабль США "Нью-Йорк", первоклассный, Ки-Уэст, Флорида, 2 мая 1898 года.

Мисс Клара Бартон, президент Американского Национального Красного Креста:

1. Я получил через присутствующего старшего офицера военно-морского флота копию письма Государственного департамента министру военно-морского флота; копию письма министра военно-морского флота главнокомандующему военно-морскими силами на этой станции; а также копию письма министра военно-морского флота коменданту военно-морской базы в Ки-Уэсте.

2. Из этих сообщений следует, что пункт назначения корабля СС "Штат Техас", загруженного припасами для голодающих "реконцентрадо" на Кубе, в некоторой степени остается на мое усмотрение.

3. В настоящее время я действую в соответствии с инструкциями Военно-морского министерства по блокаде побережья Кубы с целью предотвращения, среди прочего, доставки любых поставок продовольствия испанским силам на Кубе. При таких обстоятельствах мне кажется неразумным отправлять корабль с такими припасами в реконцентрадо, поскольку, по моему мнению, они были бы распределены среди испанской армии. До тех пор, пока на Кубе не будет оккупирован какой-то пункт нашими войсками, из которого можно будет распределять припасы среди тех, для кого они предназначены, я не желаю, чтобы они высаживались на кубинской земле.

С глубоким уважением,

[Подпись] У. Т. СЭМПСОН, контр-адмирал США

Главкомандующий Военно-морскими силами США, станция в Северной Атлантике.

После этого обмена письмами мисс Бартон провела совещание с адмиралом Сэмпсоном, в ходе которого последний более подробно объяснил свои причины отказа разрешить штату Техас заходить в любой кубинский порт до тех пор, пока этот порт не будет занят американскими войсками.

3 мая мисс Бартон отправила следующую телеграмму Стивену Э. Бартону, председателю Центрального комитета кубинской веры в Нью-Йорке:

Ки-Уэст, 3 мая 1898 года.

Стивен Э. Бартон, председатель и др.:

Настоящим я препровождаю копии писем, переданных между адмиралом Сэмпсоном и мной. Я считаю важным, чтобы вы немедленно представили это письмо лично правительству, поскольку оно представит им точную ситуацию здесь. Между адмиралом Сэмпсоном и мной существуют предельные сердечные отношения. Адмирал считает своим долгом, как командующий блокадной эскадрой, не допускать попадания продовольствия на Кубу, но признает, что, с моей точки зрения, мой долг - попытаться доставить продовольствие на Кубу. Если я буду настаивать, адмирал Сэмпсон попытается установить связь под флагом перемирия; но в его письме выражено его мнение относительно наилучшего метода. Советы правительства позволили бы нам принять решение. Если в Вашингтоне не возникнет возражений, вы можете опубликовать эту переписку, если пожелаете.

[Подпись] КЛАРА БАРТОН.

6 мая председатель Центрального комитета помощи Кубе ответил следующим образом:

Вашингтон, округ Колумбия, 6 мая 1898г.

Клара Бартон, Ки-Уэст, Флорида:

Передал ваше послание президенту и Кабинету министров, и оно было прочитано с увлажненными глазами. Его сочли серьезным и трогательным. Взгляды адмирала Сэмпсона на данный момент считаются самыми мудрыми. Надеюсь вскоре вас высадить. Президент, Лонг и Мур передают вам наилучшие пожелания.

[Подпись] БАРТОН.

При таких обстоятельствах, конечно, пароходу Красного Креста ничего не оставалось, как терпеливо ждать в Ки-Уэсте, пока армия вторжения не отправится из Тампы к берегам Кубы.

Тем временем, однако, мисс Бартон обнаружила поле благотворительной деятельности для Красного Креста в Ки-Уэсте, где находилось около 200 испанцев, в основном рыбаков, заключенных на судах, захваченных во время прохождения блокады, и без средств к существованию. Большинство этих несчастных питались рыбой после того, как их поймали, и ни у кого из них не было возможности добыть другую пищу, поскольку по закону им не разрешалось покидать свои суда. Морские офицеры не имели полномочий снабжать пленников продовольствием с кораблей, стоявших в гавани, так что их участь была далека от завидной.

Когда мисс Клара Бартон получила известие об их тяжелом положении, она отправила доктора Игана, главного врача экспедиции, с несколькими помощниками обойти флотилию призов, чтобы раздать еду. Во время одного из самых крупных заходов доктор Иган обнаружил, что команда в течение нескольких дней не ела ничего, кроме рыбы. Колодец в лодке, в котором находились сотни живых рыб, содержал также большое количество мертвых рыб, которые разлагались и быстро загрязняли живых. Врач немедленно приказал удалить мертвую рыбу и закачать в колодец свежую воду. Затем он снабдил команду хлебом, картофелем и соленым мясом, чтобы можно было изменить пятничный рацион питания.

Спасательные катера Красного Креста составили полный и точный список испанских призов в гавани — всего двадцать два — с указанием численности каждого экипажа, количества провизии, если таковая имеется, на каждом судне, а также количества и вида продовольствия, которое потребуется каждому. Это было сразу же обеспечено, и, таким образом, почти первой работой, проделанной Красным Крестом в нашей войне с Испанией, было накормление представителей нации, которая вынудила нас вступить в войну главным образом из-за своей политики морения голодом народа Кубы.

Утром 20 июня пароход Красного Креста "Штат Техас" вышел из Ки-Уэста в Сантьяго, запасшись продовольствием и медикаментами и имея на борту мисс Бартон, мистера Кеннана и полный штат врачей и медсестер. Их тепло встретили по прибытии на кубинские берега, и штат Техас стал первым американским кораблем, вошедшим в гавань Сантьяго после капитуляции.

Красный Крест проделал грандиозную работу на многих полях сражений в каждой четверти земного шара, но никогда он не оказывал более эффективной помощи страждущему человечеству, чем на южных берегах острова Куба. На поле боя, не боясь вражеских пуль, в госпиталях, заботясь о нуждах раненых и умирающих, среди несчастных мирных жителей,

раздавая еду голодающим и ухаживая за больными лихорадкой беженцами, эти благородные мужчины и женщины всегда были готовы откликнуться на крик нуждающихся и беспомощных.

ГЛАВА XXXIV.

КАТАСТРОФА В ШТАТЕ МЭН.

Комиссия по расследованию на заседании — Ее отчет получен Конгрессом —Испанские официальные лица на Кубе проявляют сочувствие—Показания водолазов—Подводная мина—Офицеры и матросы "Мэна" Оправданы—Ответственность не установлена.

История уничтожения линкора "Мэн" уже была рассказана на этих страницах. Военно-морская комиссия, назначенная для расследования причин катастрофы, состояла из следующих офицеров военно-морского флота Соединенных Штатов: капитана Сэмпсона с "Айовы"; капитана Чедвика с "Нью-Йорка"; капитана Марикса с "Вермонта" и лейтенант-коммандера Поттера с "Нью-Йорка".

После расследования, длившегося более трех недель, эта Комиссия по расследованию направила свой отчет президенту Маккинли, который препроводил его Конгрессу, сопроводив следующим сообщением:

Конгрессу Соединенных Штатов:

За некоторое время до визита "Мэна" в Гаванскую гавань наши консульские представители указывали на преимущества, вытекающие из визитов национальных судов в кубинские воды, поскольку они приучают людей к присутствию нашего флага как символа доброй воли и к тому, что наши корабли выполняют миссию защиты американских интересов, даже если в этом нет непосредственной необходимости.

Соответственно, 24 января прошлого года, после совещания с испанским министром, на котором был обсужден и принят вопрос о возобновлении визитов наших военных кораблей в испанские воды, власти полуострова в Мадриде и Гаване были уведомлены о намерении этого правительства возобновить дружественные военно-морские визиты в кубинские порты, и с этой целью "Мэн" немедленно зайдет в гаванский порт. Это объявление было воспринято испанским правительством с признательностью за дружественный характер визита Мэна и с уведомлением о намерении ответить любезностью, направив испанские корабли в основные порты Соединенных Штатов. Тем временем "Мэн" вошел в гаванский порт 25 января, и его прибытие не было отмечено никакими особыми инцидентами, если не считать обмена обычными приветствиями и церемониальных визитов.

"Мэн" оставался в гавани Гаваны в течение трех недель после своего прибытия. Ее пребывание здесь не сопровождалось заметным волнением; напротив, чувство облегчения и уверенности последовало за возобновлением давно прерванного дружеского общения. Немедленный эффект от ее визита был настолько заметен, что Генеральный консул настоятельно призвал сохранить присутствие наших кораблей в кубинских водах, оставив "Мэн" в Гаване или, в случае ее отъезда, направив туда другое судно на ее место.

В сорок минут десятого вечера 15 февраля "Мэн" был разрушен взрывом, в результате которого вся носовая часть корабля была полностью разрушена. В этой катастрофе погибли два офицера и двести шестьдесят четыре члена экипажа, а те, кто не погиб сразу от взрыва, были зажаты между палубами грудой обломков и утонули в результате немедленного погружения корпуса.

Оперативная помощь была оказана соседними судами, стоявшими на якоре в гавани, особенно шлюпками испанского крейсера "Альфонс XII" и линейного парохода "Уорд оф Вашингтон", который находился неподалеку. Власти Гаваны щедро заботились о раненых, больницы были открыты для них бесплатно, в то время как самые ранние найденные тела погибших были преданы муниципалитетом земле на городском общественном кладбище. Слова скорби и сочувствия были принесены со всех официальных точек острова.

Ужасающее бедствие обрушилось на народ нашей страны с сокрушительной силой, и на короткое время воцарилось сильное возбуждение, которое в обществе менее справедливого и самоконтролируемого, чем наше, могло бы привести к поспешным актам слепого негодования. Однако этот настрой вскоре уступил место более спокойным рассуждениям и решимости расследовать факты и дожидаться материальных доказательств, прежде чем выносить суждение о причине, ответственности и, если того требуют факты, о средствах правовой защиты. Этот курс с самого начала был рекомендован Исполнительной властью, поскольку только в свете беспристрастно установленной определенности она могла определить характер и меру выполнения своих обязанностей в данном вопросе.

Была соблюдена обычная процедура, как и во всех случаях несчастных случаев с национальными судами любого морского государства. Сразу же был организован Военно-морской следственный суд, состоящий из офицеров, обладающих высокой квалификацией по званию и практическому опыту для выполнения возложенных на них обязанностей. С помощью большого отряда аварийщиков и водолазов суд приступил к тщательному расследованию на месте, используя все доступные средства для беспристрастного и точного установления причин взрыва. Его операции проводились с максимальной обдуманностью и рассудительностью, и, хотя они проводились независимо, ни один источник информации не был упущен из виду, и испанские власти предоставили максимально полную возможность для одновременного расследования.

ПОЛУЧЕН ОТЧЕТ ПРАВЛЕНИЯ.

Вывод Следственного суда был сделан после двадцати трех дней непрерывной работы 21 марта и, будучи одобрен 22 числа главнокомандующим военно-морскими силами Соединенных Штатов в Северной Атлантике, был передан Исполнительной власти.

Настоящим оно представлено Конгрессу вместе с обширными показаниями, полученными в суде. Вкратце его смысл заключается в следующем:

Когда "Мэн" прибыл в Гавану, штатный правительственный лоцман проводил его к бую № 5, к которому он был пришвартован на глубине от пяти с половиной до шести морских саженей. Состояние дисциплины на борту и состояние его складских помещений, котлов, угольных бункеров и складских отсеков были подвергнуты проверке с выводом о том, что царил превосходный порядок и что никаких признаков какой-либо причины внутреннего взрыва нигде не было.

В восемь часов вечера 15 февраля сообщалось, что все в порядке и все спокойно. В сорок минут десятого судно внезапно было уничтожено. Раздались два отчетливых взрыва с коротким интервалом между ними. Первый очень ощутимо поднял носовую часть корабля; второй, который был более открытым, удлиненным и большего объема, суд объясняет частичным взрывом двух или более носовых магазинов.

Показания водолазов свидетельствуют о том, что кормовая часть корабля была практически неповрежденной и затонула в таком состоянии через несколько минут после взрыва. Носовая часть была полностью разрушена. На основании доказательств наличия сопутствующей внешней причины суд пришел к следующему выводу:

На семнадцатом кадре внешняя обшивка корабля, начиная с точки в одиннадцати с половиной футах от средней линии корабля и на шесть футов выше киля, в своем нормальном положении поднята так, что находится сейчас примерно в четырех футах над поверхностью воды; следовательно, примерно на тридцать четыре фута выше того места, где она находилась бы, если бы корабль затонул невредимым.

Наружная обшивка днища изогнута в перевернутую V-образную форму, заднее крыло которой, шириной около пятнадцати футов и длиной тридцать два фута (от рамы 17 до рамы 25), загнута назад против продолжения того же места, выступающего вперед. На шпангоуте 18 вертикальный киль разломан надвое, а плоский киль согнут под углом, аналогичным углу, образованному внешней нижней пластиной. Этот пролом сейчас находится примерно в шести футах под поверхностью воды и примерно в тридцати футах над своим нормальным положением.

МИНА ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ.

По мнению суда, такой эффект мог быть вызван только взрывом мины, расположенной под днищем судна, примерно на 18-м шпангоуте и немного по левому борту судна.

Выводы суда таковы: гибель "Мэна" ни в коем случае не произошла по вине или халатности со стороны кого-либо из офицеров или членов ее экипажа;

Что корабль был разрушен в результате взрыва подводной мины, что вызвало частичный взрыв двух или более носовых складов; и

Что не было получено никаких доказательств, возлагающих ответственность за уничтожение штата Мэн на какое-либо лицо или группы лиц.

Я распорядился, чтобы выводы Следственного суда и мнения этого правительства по ним были доведены до сведения правительства Ее Величества королевы-регентши, и я не позволяю себе сомневаться в том, что чувство справедливости испанской нации продиктует курс действий, подсказанный честью и дружественными отношениями двух правительств.

Обязанностью Исполнительной власти будет проинформировать Конгресс о результатах, а пока требуется тщательное рассмотрение.

(Подпись) УИЛЬЯМ Маккинли. Особняк исполнительной власти, 28 марта 1898 года.

ОТЧЕТ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ.

Текст доклада Комиссии по расследованию был следующим:

Айова США, первоклассный район, Ки-Уэст, Флорида, понедельник, 21 марта 1898 года.

После полного и взвешенного рассмотрения всех представленных ему свидетельских показаний суд приходит к следующему:

1. Что линкор Соединенных Штатов "Мэн" прибыл в Гавану, Куба, двадцать пятого января тысяча восемьсот Девяносто восьмого года и был доставлен к бую № 4 на глубине от пяти с половиной до шести морских саженей штатным правительственным лоцманом. Генеральный консул Соединенных Штатов в Гаване уведомил власти этого места накануне вечером о предполагаемом прибытии "Мэна".

2. Состояние дисциплины на борту "Мэна" было превосходным, и все приказы и инструкции, касающиеся ухода за судном и безопасности, строго выполнялись. Все боеприпасы были уложены в соответствии с предписанными инструкциями, и при обращении с боеприпасами соблюдался надлежащий уход. Ни в одном из складских помещений или отсеков для снарядов не было ничего такого, что не разрешалось бы там хранить.

Складское и снарядное отделения всегда запирались после того, как их вскрывали, а после гибели "Мэна" ключи были найдены на своем месте в капитанской каюте, поскольку в тот вечер в восемь часов вечера сообщалось, что все в порядке. Температура в складском и снарядном отделениях измерялась ежедневно и сообщалась в отчетах. Единственным магазином, в котором было чрезмерно много тепла, был второй 10-дюймовый магазин, и он не взорвался в момент уничтожения "Мэна".

Все боеголовки торпед были уложены в кормовой части корабля под кают-компанией и не были причиной разрушения "Мэна" и не участвовали в нем. Воспламенители и детонаторы для сухого пистолета были сложены в кормовой каюте, вдали от места взрыва.

За отходами на борту "Мэна" тщательно следили, чтобы избежать опасности. Командир отдал особые распоряжения на этот счет. Лаки, сушилки, спирт и другие горючие материалы подобного рода находились на главной палубе или над ней и не могли иметь никакого отношения к уничтожению "Мэна". Медицинские припасы хранились в кормовой части, под палатой, вдали от места взрыва. Никаких опасных припасов внизу, ни в одном из других складских помещений, размещено не было.

Угольные шоры проверялись ежедневно. Из этих бункеров, примыкающих к носовым складам и снарядным помещениям, четыре были пусты, а именно "В3, В4, В5 и В6". "А5" в тот день использовался, а "А16" был полон угля из нью-Ривер. Этот уголь был тщательно осмотрен, прежде чем попасть на борт. Бункер, в котором он был спрятан, был доступен с трех сторон в любое время, а четвертая сторона в это время была пуста из-за бункеров "В4" и "В6". Этот бункер "А16" был осмотрен в понедельник дежурным инженером.

Пожарная сигнализация в бункерах была в рабочем состоянии, и на борту "Мэна" никогда не было случаев самовозгорания угля. Два кормовых котла корабля использовались во время катастрофы, но только для вспомогательных целей, со сравнительно низким давлением пара и

под присмотром надежной вахты. Эти котлы не могли стать причиной взрыва корабля. Четыре носовых котла впоследствии были обнаружены водолазами и находятся в хорошем состоянии.

В ночь уничтожения "Мэна" надежные люди через соответствующие инстанции доложили командиру, что на ночь все было в порядке в восемь часов вечера. В то время, когда "Мэн" был уничтожен, судно было тихим и, следовательно, наименее подвержено несчастным случаям, вызванным перемещениями тех, кто находился на борту.

3. Гибель "Мэна" произошла в 9:40 вечера 15 февраля 1898 года в гавани Гаваны, Куба, когда судно было пришвартовано к тому же бую, к которому его доставили по прибытии.

Произошло два взрыва совершенно разного характера с очень коротким, но отчетливым интервалом между ними, и носовая часть корабля заметно приподнялась во время первого взрыва.

Первый взрыв больше походил на выстрел, подобный выстрелу из пистолета, в то время как второй взрыв был более открытым, продолжительным и большей громкости. Этот второй взрыв был, по мнению суда, вызван частичным взрывом двух или более носовых складов "Мэна".

Подтверждающие это доказательства, полученные в основном от водолазов, не позволили суду сделать определенный вывод относительно состояния затонувшего судна, хотя было установлено, что кормовая часть судна была практически неповрежденной и затонула в таком состоянии через несколько минут после разрушения носовой части.

4. Следующие факты в отношении носовой части корабля, однако, установлены свидетельскими показаниями: Та часть защитной палубы по левому борту, которая простирается примерно от шпангоута 30 до шпангоута 41, была взорвана в кормовой части и по левому борту, главная палуба примерно от шпангоута 30 до шпангоута 41 была взорвана в кормовой части и немного по правому борту, в результате чего передняя часть средней надстройки была сложена поверх кормовой части.

Это было, по мнению суда, вызвано частичным взрывом двух или более носовых магазинов "Мэна".

5. На шпангоуте 17 внешняя обшивка судна, начиная с точки в одиннадцати с половиной футах от средней линии судна и шести футах над килем, когда она находится в своем нормальном положении, была поднята так, что теперь находится примерно в четырех футах над поверхностью воды, следовательно, примерно на тридцать четыре фута выше того места, где она находилась бы, если бы судно затонуло невредимым. Внешняя нижняя обшивка изогнута в виде перевернутой буквы V, заднее крыло которой, шириной около пятнадцати футов и длиной тридцать два фута (от рамы 17 до рамы 25), загнуто назад против продолжения той же обшивки, выступающей вперед.

На шпангоуте 18 вертикальный киль разломан надвое, а плоский киль согнут под углом, аналогичным углу, образованному наружной обшивкой днища. Этот пролом сейчас находится примерно в шести футах ниже поверхности воды и примерно в тридцати футах выше своего обычного положения.

ОФИЦЕРЫ ПОЛИЦИИ ШТАТА МЭН ОПРАВДАНЫ.

По мнению суда, такой эффект мог быть вызван только взрывом мины, расположенной под днищем судна примерно на 18-м шпангоуте и немного по левому борту судна.

6. Суд приходит к выводу, что гибель "Мэна" в названном случае ни в коем случае не произошла по вине или халатности со стороны офицеров или матросов экипажа указанного судна.

7. По мнению суда, "Мэн" был уничтожен в результате взрыва подводной мины, что вызвало частичный взрыв двух носовых складов.

8. Суду не удалось получить доказательства, возлагающие ответственность за уничтожение штата Мэн на какое-либо лицо или группы лиц.

У. Т. СЭМПСОН, капитан США, президент.

А. МАРИКС, капитан-лейтенант США, судья-адвокат.

ГЛАВА XXXV.

ТЕРПЕНИЕ На ПРЕДЕЛЕ.

Вспомнились наши прежние проблемы с Испанией —Вердикт народа — Испанское правление — пятно на цивилизации—Отношение других наций—Необходимость отсрочки—Послание Конгрессу - "Война на Кубе должна прекратиться!"

Американский народ не стал дожидаться отчета Военно-морского совета, чтобы составить мнение о причине трагедии. Массы мыслят событиями, а не силлогизмами, и это было событием. Это событие вызвало подозрения в общественном сознании. Мысли всей нации мгновенно обратились к Кубе. Вспомнили судьбу моряков с "Вирджиниуса" двадцатипятилетней давности. Любопытство общественности ко всему кубинскому и испанскому усилилось. Метод ведения войны Вейлера стал более широко известен. Вспомнилась история наших длительных дипломатических проблем с Испанией. Дипломатия была вынуждена действовать при менее надежно закрытых дверях. Страна с нетерпением ждала новостей из Вашингтона и Мадрида. Так получилось, что это было на редкость тихое и даже унылое время в нашей собственной политической жизни — время, благоприятное для концентрации общественного внимания на любом предмете, который бросался в глаза.

Еженедельник Leslie's Weekly выразил общественное мнение в своем выпуске от 14 апреля следующим образом:

"Если отчет комиссии по расследованию будет принят как окончательный, то уничтожение штата Мэн было актом войны. "Мэн" находился в испанской гавани с мирным поручением. Его местоположение было определено испанскими властями, и если в гавани была установлена мина, то ее могли установить только испанцы. Думать иначе - значит дискредитировать официальный отчет. Вердикт может быть оспорен правительством Испании. Испания может настаивать на подъеме обломков и проведении экспертизы. Если такая экспертиза будет проведена, и если весомость доказательств опровергнет вердикт, наше положение будет унижительным. Таким образом, мы исходим из того, что наше правительство полностью

удовлетворено расследованием и что оно принимает вердикт следственного суда как окончательный и обжалованию не подлежит. Этот вердикт возлагает на Испанию ответственность за гибель штата Мэн, за принесение в жертву жизней 266 героев и за все связанные с этим последствия. Обвинительный акт требует ответа. Любая другая нация, кроме этой, потребовала бы немедленного ответа. Мы можем подождать. От ответа Испании должны зависеть вопросы будущего. Никакая политика уклонения, которую Испания проводила во всех своих отношениях с нами, не позволит ей скрыться. Она предстала перед судом с окровавленными пальцами и должна признать себя виновной. Никакая другая просьба не может быть принята. И наказание должно соответствовать преступлению ".

ПРИЧИНЫ, ВЕДУЩИЕ К РАЗДОРАМ.

Чем лучше понималось положение Кубы, тем более плачевным оно представлялось; чем больше изучалось правительство острова, тем шире казались расхождения между методами Испании и нашими собственными; чем больше рассматривалась дипломатическая история дела, тем яснее становилось намерение Испании не допускать вмешательства, будь то во имя гуманности или во имя дружественных коммерческих интересов. Спокойный отчет военно-морского следственного суда о взрыве "Мэна" и отчет сенатора Проктора о положении на Кубе привели весь народ в серьезное настроение.

Это и многое другое внесло свой вклад в быстро растущий ажиотаж. Но все это вместе взятое не могло бы подтолкнуть нас к войне, если бы мы не хотели, чтобы нас подтолкнули, если бы в умах людей не укрепилось убеждение, что испанское правление на Кубе — это пятно на цивилизации, которое теперь начало вызывать у нас порицание; и когда президент, выступавший за мир, объявил его невыносимым, люди были готовы принять его решение.

Конгресс, это правда, в спокойные времена, вероятно, отражает мелководье и преходящие волнения нашей жизни, а не ее глубокие настроения, но среди членов Конгресса есть значительная часть консервативных людей; и требование войны было практически единодушным, и общественное мнение поддержало его. Среди людей в период, когда война казалась неизбежной, но еще не была объявлена, — период, в течение которого европейские державы находили время и разум, чтобы выразить надежду на мир, — влиятельные люди почти не проводили мирных собраний. Было известно, что президент и его кабинет хотели бы подольше пробовать дипломатические средства предотвращения войны, но организованной партии мира так и не появилось. За исключением выражений надежды на мир, сделанных коммерческими и церковными организациями, не было слышно никаких протестов против приближающегося решения Конгресса. Многие думали, что войну можно отложить, если не предотвратить, но настроение населения было, по крайней мере, уступчивым, если не настойчивым, и в конце концов оно стало безошибочно одобрительным.

Мало того, что в Соединенных Штатах народ безошибочно одобрил войну как единственное эффективное средство восстановления цивилизации на Кубе, но и мнение английского народа быстро одобрило ее, что свидетельствует об инстинктивной расовой и институциональной симпатии. Если англосаксонские институты и методы чего-либо стоят, то институты и методы испанского правления на Кубе были мерзостью и поношением. И сочувствие Англии не было более значительным доказательством необходимости войны и добрым предзнаменованием для будущего свободных институтов, чем столь же инстинктивная симпатия к Испании, выраженная некоторыми представителями декадентских течений на континенте; действительно, истинное

значение американской цивилизации и идеалов отныне будет несколько более ясно пониматься в нескольких частях света.

Американский характер будет понят еще лучше, когда весь мир ясно осознает, что целью войны было только убрать от наших дверей этот жестокий и неэффективный образец средневековья, ставший одним из величайших скандалов последних лет столетия.

Несмотря на то, что мы были на пороге войны, со всеми ее ужасами, со всеми ее возможностями разрушения жизни и счастья, нация следовала своим привычным путем, днем занималась своими делами, а ночью мирно спала. На плечах главы исполнительной власти лежала серьезнейшая из всех обязанностей, и нация доверяла ему безопасно выполнять ее. Раздавались опрометчивые требования о поспешных и враждебных действиях. Конгрессмены под давлением своих избирателей оглашали воздух криками о немедленных действиях, но среди всей этой суматохи президент оставался невозмутимым. Он осознал то, чего, как ни странно, не осознала страна, - что мы скатываемся к конфликту с нацией, которая находится в состоянии войны. Он знал, что мы были совершенно не готовы к войне. Боеприпасы, корабли, склады, припасы в огромном количестве и бесконечного разнообразия были абсолютно необходимы, прежде чем можно было предпринять какой-либо шаг. Оборона гавани, более тесная связь между уязвимыми пунктами и установка современного вооружения — тысячи вещей должны были быть сделаны, и сделаны немедленно. Современное оружие требовало наличия современных боеприпасов, которых по эту сторону океана почти не было. Такова была ситуация, как это видели президент, руководители армии и военно-морского флота, а также Кабинет министров, и это было оставлено тайной для всего мира.

Они понимали необходимость промедления, а также необходимость государственной мудрости высочайшего качества в решении кубинского вопроса. Мы ничего не потеряли из-за их промедления. Мы получили неисчислимые преимущества благодаря их благоразумию, благоразумию, которое никогда не покидало их, даже когда приготовления к войне были завершены. Послание Конгрессу представляло собой спокойное, бесстрастное судебное изложение дела, и после такого изложения фактов и улик мы предстали перед присяжными из стран мира. Мог быть вынесен только один вердикт, с которым американский народ мог согласиться, и этот вердикт, независимо от того, был ли он вынесен миром или войной, состоял, выражаясь языком послания президента, в том, что "война на Кубе должна прекратиться!"

ГЛАВА XXXVI.

СОБЫТИЯ В АМЕРИКАНСКОМ КОНГРЕССЕ.

Друзья Кубы в Конгрессе —Обращение сенатора Проктора к своим коллегам—Заметная демонстрация патриотизма—Ассигнования на национальную оборону—Помощь выжившим и жертвам войны в штате Мэн—Признание независимости Кубы.

Со дня первой попытки народа Кубы обеспечить свою независимость от Испании у него были сторонники в Американском Конгрессе, которые высказывали свое мнение и голосовали от его имени. После начала революции 1895 года численность и влияние этих сторонников

постепенно увеличивались, пока ко времени инаугурации мистера Маккинли они не включили в свои ряды многих лидеров обеих палат.

В феврале 1898 года несколько сенаторов и представителей конгресса отправились на Кубу с целью изучения условий на острове и личного ознакомления с результатами испанской политики правления или разорения.

Сенатор Проктор был одним из членов этого комитета, и после их возвращения в Соединенные Штаты в речи перед своими коллегами он привел самый сильный аргумент в пользу интервенции в интересах Кубы, который когда-либо приводился в Сенате Соединенных Штатов. Он тщательно подготовил свое обращение и произнес его как официальный отчет о том, что он наблюдал на острове. Он не высказал своего мнения о том, какие действия следует предпринять правительству. Он сказал, что урегулирование "вполне может быть оставлено на усмотрение американского президента и американского народа". Но хотя он не высказал рекомендации в столь многословном виде, у всех, кто его слушал, сложилось впечатление, что он выступает за провозглашение нашим правительством независимости Кубы. Он заявил, что выступает против аннексии, и, хотя многие кубинцы выступали за установление протектората со стороны Соединенных Штатов, он не мог решить, что это будет лучшим выходом из создавшегося положения. Он сказал своим коллегам, что, по его мнению, кубинцы способны управлять самостоятельно, и подкрепил это заявление утверждением, что кубинское население никогда не будет удовлетворено ни одним правительством под властью Испании. Замечательная речь сенатора, несомненно, оказала мощное воздействие как на действия конгресса, так и на общественное мнение. Как способный и ответственный член Конгресса и бывший военный министр, его слова имели бы вес при любых обстоятельствах, но, помимо этих соображений, речь была примечательна своей очевидной верностью фактам и воздержанностью от всего, что напоминает сенсационность.

ЗАМЕТНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА.

Ни в одном законодательном органе мира не было более заметного проявления гармонии и патриотизма, чем в Палате представителей, когда конгрессмен Кэннон представил законопроект о выделении 50 000 000 долларов на национальную оборону и передаче этой суммы в руки президента Маккинли с правом расходования по его усмотрению.

Партийная линия была отброшена, и Конгресс единогласно выразил доверие администрации. Многие депутаты, которые работали в паре с отсутствующими коллегами, взяли на себя ответственность разорвать свои пары, что является беспрецедентным явлением в анналах законодательства, чтобы они могли официально заявить о поддержке этих огромных ассигнований на поддержание достоинства и чести своей страны. Спикер Рид, который как председательствующее должностное лицо редко голосовал, за исключением случаев равенства голосов, вызвал свое имя и проголосовал в качестве представителя. Сцена энтузиазма, с которой было встречено объявление результатов голосования — "за", 311; "нет", ни одного, — редко встречалась в Палате представителей. Законопроект был принят Сенатом без голосования против, и 9 марта президент подписал эту меру, тем самым придав ей силу закона.

ПОМОЩЬ ВЫЖИВШИМ В ШТАТЕ МЭН.

21 марта Палата представителей единогласно приняла законопроект об оказании помощи выжившим и жертвам катастрофы в штате Мэн. Законопроект возмещал оставшимся в живых офицерам и рядовому составу понесенные ими убытки в размере, не превышающем годовое морское жалованье, и предусматривал выплату суммы, равной годовому жалованью, законным наследникам погибших.

Когда президент направил Конгрессу отчет Военно-морской экзаменационной комиссии, настроения этого органа сразу же нашли открытое выражение в резолюциях, предлагающих объявление войны, признание независимости Кубы, вооруженное вмешательство и другие решительные и воинственные шаги против Испании. Каждая группа сенаторов говорила о Кубе. Проводились постоянные конференции, и все признавали серьезность этого события. Со стороны Палаты представителей было очевидно, что большинство больше не могло контролироваться так называемым консервативным элементом во главе со спикером. Группы депутатов в состоянии возбуждения были видны повсюду. Было общепризнано, что возникла серьезная ситуация, что кризис близок.

11 апреля было получено долгожданное сообщение. В нем президент просил Конгресс уполномочить его принять меры для обеспечения прекращения военных действий на Кубе и установления на острове стабильной формы правления, а также использовать военные и военно-морские силы Соединенных Штатов по мере необходимости. Послание было встречено молчанием. Наиболее заметной критикой стало полное отсутствие каких-либо упоминаний о независимости Кубы. Признание в послании, что президент предложил Испании перемирие до октября, вызвало бурные комментарии. Но члены консервативной партии были очень довольны позицией, занятой президентом, и многие все еще надеялись, что войну удастся предотвратить.

Однако это не помешало закупке у иностранных держав ряда вооруженных крейсеров, которые были переведены под флаг Соединенных Штатов. Суда нескольких пассажирских и почтовых линий также были приобретены или арендованы в качестве вспомогательных крейсеров и сразу же отремонтированы и введены в эксплуатацию. Наиболее заметными примерами были два корабля американской постройки "Сент-Патил" и "Сент-Луис" американской линии. Новые закупки были немедленно приспособлены для их нового применения, и приготовления к войне продолжались без промедления.

Конгресс, следуя примеру Президента, объединился вокруг следующих резолюций, которые были подписаны Президентом 20 апреля:

Совместные резолюции о признании независимости народа Кубы, требующие, чтобы правительство Испании отказалось от своей власти и правительства на острове Куба и вывело свои сухопутные и военно-морские силы с Кубы и кубинских вод, и предписывающие президенту Соединенных Штатов использовать сухопутные и военно-морские силы Соединенных Штатов для выполнения этих резолюций.

Принимая во внимание, что отвратительные условия, которые существовали более трех лет на острове Куба, так близко к нашим собственным границам, потрясли моральные чувства народа Соединенных Штатов, были позором для христианской цивилизации, кульминацией которых стало уничтожение линкора Соединенных Штатов с 260 офицерами и командой во время дружественного визита в гаванскую гавань, и их нельзя больше терпеть, как было изложено

Президентом Соединенных Штатов в его послании Конгрессу от 11 апреля 1898 года, на основании которого Конгресс принял решение приглашен; следовательно, да будет это решено;

Первое — народ острова Куба является и по праву должен быть свободным и независимым.

Второе — Долг Соединенных Штатов требовать, и правительство Соединенных Штатов настоящим требует, чтобы правительство Испании немедленно отказалось от своей власти и управления на острове Куба и в кубинских водах.

Третье — Что Президент Соединенных Штатов будет руководиться и уполномочен использовать все сухопутные и военно-морские силы Соединенных Штатов и привлекать на действительную службу Соединенным Штатам ополчение нескольких Штатов в такой степени, которая может оказаться необходимой для выполнения этих резолюций.

Четвертое — Настоящим Соединенные Штаты отказываются от какого-либо расположения или намерения осуществлять суверенитет, юрисдикцию или контроль над указанным островом, за исключением его умиротворения, и подтверждают свою решимость, когда это будет достигнуто, оставить правительство и контроль над островом его народу.

Испанское правительство было введено в заблуждение, полагая, что в случае войны наша страна не сможет выступить единым фронтом и что межконфессиональная вражда ослабит наши силы. Действия Конгресса со времени появления первых слухов о войне и до конца сессии показали, как мало оснований было для этой веры. Представители народа со всех уголков нашей обширной страны оказывали президенту Маккинли верную поддержку во всех начинаниях, и Юг соперничал с Севером, Восток с Западом в выражениях преданности нашей нации и нашему флагу.

ГЛАВА XXXVII.

ПРЕЗИДЕНТ Маккинли ДЕЙСТВУЕТ.

Послание Конгрессу—Сокращение американской торговли—Ужасающий рост смертности—Американская помощь голодающим—Предложение президента Испании—Основания для интервенции—Уничтожение штата Мэн—Дополнения.

В условиях лихорадочного негодования прессы и общественности всей страны и очевидной решимости значительного большинства членов Конгресса Соединенных Штатов довести дело до кризиса всем стало очевидно, что настало время действовать.

Президент уступил требованию народа и 11 апреля направил Конгрессу следующее послание:

Конгрессу Соединенных Штатов:

Подчиняясь тому предписанию Конституции, которое предписывает Президенту время от времени предоставлять Конгрессу информацию о состоянии Союза и рекомендовать на их рассмотрение такие меры, которые он сочтет необходимыми и целесообразными, я считаю своим долгом обратиться к вашему органу в связи с серьезным кризисом, возникшим в

отношениях Соединенных Штатов с Испанией по причине войны, которая более трех лет бушует на соседнем острове Куба. Я делаю это из-за тесной связи кубинского вопроса с состоянием нашего собственного Союза и серьезного отношения, которое сейчас обязана принять нация, к традиционной политике нашего правительства, если мы хотим, чтобы она соответствовала принципам, установленным основателями Республики и свято соблюдаемым последующими администрациями по сей день.

Нынешняя революция является всего лишь преемницей других подобных восстаний, произошедших на Кубе против владычества Испании, длившихся почти полвека, каждое из которых в ходе своего развития заставляло Соединенные Штаты прилагать огромные усилия и тратить средства для обеспечения соблюдения своих законов о нейтралитете, наносило огромные убытки американской торговле, вызывало раздражение и беспорядки среди наших граждан, а применение жестоких, варварских и нецивилизованных методов ведения войны потрясло чувства и оскорбило гуманные симпатии нашего народа.

С тех пор, как началась нынешняя революция, в феврале 1895 года, эта страна стала свидетелем того, как плодородные земли у нашего порога были опустошены огнем и мечом в ходе борьбы, не имеющей себе равных в истории острова, и редко сравнимой по количеству сражавшихся и ожесточенности борьбы с любой революцией современности, когда зависимый народ, стремящийся к свободе, был угнетен властью суверенного государства. Наш народ стал свидетелем того, как некогда процветающее сообщество оказалось в сравнительной нужде, его прибыльная торговля практически парализована, его исключительная продуктивность снизилась, его поля опустошены, заводы в руинах, а его жители десятками тысяч гибнут от голода и нужды. Мы обнаружили, что мы вынуждены соблюдать тот строгий нейтралитет, который предписывают наши законы и который предписывает международное право охранять наши воды и наблюдать за нашими собственными морскими портами в целях предотвращения любых незаконных действий в помощь кубинцам.

ПОТЕРЯ АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВЛИ.

Наша торговля пострадала, капитал, вложенный нашими гражданами на Кубе, был в значительной степени утрачен, а характер и терпимость нашего народа подверглись таким серьезным испытаниям, что вызвали опасные волнения среди наших собственных граждан, которые неизбежно время от времени находили свое выражение в национальном законодательном органе, так что вопросы, совершенно внешние по отношению к нашей собственной политике, стоят на пути той преданности внутреннему прогрессу, которая присуща автономному содружеству *becomes*, основной максимой которого было избегание любых внешних вмешательств. Все это должно пробудить и действительно вызывало крайнюю озабоченность со стороны нынешнего правительства, как во время правления моего предшественника, так и при моем собственном.

В апреле 1896 года бедствия, от которых наша страна пострадала во время войны на Кубе, стали настолько тяжелыми, что мой предшественник предпринял попытку добиться мира при посредничестве этого правительства любым способом, который мог бы способствовать достойному урегулированию конфликта между Испанией и ее восставшей колонией на основе какой-либо эффективной схемы самоуправления Кубы под флагом и суверенитетом Испании. Это провалилось из-за отказа испанского правительства, находившегося тогда у власти, рассматривать какую-либо форму посредничества или, более того, какой-либо план

урегулирования, который не начинался бы с фактического подчинения повстанцев метрополии, да и то только на таких условиях, которые сама Испания сочла бы целесообразными предоставить. Война не ослабевала. Соппротивление повстанцев нисколько не уменьшилось.

Усилия Испании были усилены как отправкой новых рекрутов на Кубу, так и присоединением к ужасам междоусобицы новой бесчеловечной фазы, к счастью, беспрецедентной в современной истории цивилизованных христианских народов. Политика опустошения и концентрации, проводимая бандо генерал-капитана в октябре 1896 года в провинции Пинар-дель-Рио, была оттуда распространена на весь остров, до которого мощь испанского оружия смогла дотянуться в результате оккупации или военных операций. Крестьянство, включая всех, кто жил на открытой сельскохозяйственной территории, было загнано в гарнизонные города или изолированные места, удерживаемые войсками. Сбор и перемещение провизии всех видов были запрещены. Поля были опустошены, жилища сняты с крыш и сожжены, мельницы разрушены, короче говоря, все, что могло опустошить землю и сделать ее непригодной для проживания людей или поддержки, было приказано той или иной из противоборствующих сторон и выполнено всеми силами, имевшимися в их распоряжении.

К моменту прихода нынешней администрации к власти год назад так называемая реконцентрация была осуществлена на большей части четырех центральных и западных провинций - Санта-Кларе, Матансасе, Гаване и Пинар-дель-Рио. Сельское население, численность которого оценивалась в 300 000 или более человек, было согнано в города и их ближайшие окрестности, лишено средств к существованию, лишено крова, оставлено плохо одетым и подвергалось самым антисанитарным условиям. По мере того как нехватка продовольствия возрастала вместе с опустошением обезлюдивших производственных районов, нужда переросла в нищету и голодную смерть.

УЖАСАЮЩИЙ РОСТ СМЕРТНОСТИ.

Месяц за месяцем уровень смертности увеличивался в угрожающей пропорции. К марту 1897 года, по самым скромным оценкам официальных испанских источников, смертность среди реконцентрадо от голода и связанных с ним болезней превысила 50 процентов от их общего числа. Никакой практической помощи обездоленным оказано не было. Перегруженные города, и без того страдавшие от общего дефицита, не могли оказать никакой помощи.

При таком положении дел моя администрация столкнулась с серьезной проблемой выполнения своих служебных обязанностей. В моем послании от декабря прошлого года был проведен обзор ситуации и рассказано о шагах, предпринятых с целью ослабить ее остроту и открыть путь к какой-либо форме почетного урегулирования. Убийство премьер-министра Кановаса привело к смене правительства в Испании. Прежняя администрация, поклявшаяся подчиняться без уступок, уступила место более либеральной партии, задолго до этого приверженной политике реформ, включающей более широкий принцип самоуправления для Кубы и Пуэрто-Рико.

Предложения этого правительства, сделанные через его нового посланника генерала Вудфорда и направленные на немедленное и эффективное улучшение положения на острове, хотя и не были приняты в той степени, в какой допускалось посредничество в какой-либо форме, были встречены заверениями, что самоуправление на продвинутой стадии будет немедленно предложено Кубе, не дожидаясь окончания войны, и что отныне при ведении военных действий должны преобладать более гуманные методы.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ.

Пока шли эти переговоры, растущая нужда несчастных реконцентрадо и вызывающая тревогу смертность среди них требовали серьезного внимания. Успех, сопутствовавший ограниченной мере помощи, оказанной страждущим американским гражданам, среди которых были и разумные траты через консульские учреждения денег, выделенных специально для их помощи совместной резолюцией, одобренной 24 мая 1897 года, побудил к гуманному распространению аналогичной схемы помощи на огромное количество страдальцев. Предложение с этой целью было одобрено испанскими властями. 24 декабря прошлого года я добился распространения обращения к американскому народу с призывом вносить взносы деньгами или натурой для помощи голодающим на Кубе, за которым 8 января последовало аналогичное публичное объявление о создании Центрального Кубинского комитета помощи со штаб-квартирой в Нью-Йорке, состоящего из трех членов, представляющих Национальный Красный Крест, религиозные и деловые круги сообщества.

По совпадению с этими заявлениями, новое правительство Испании продолжило политику, уже начатую его предшественником, демонстрируя дружеское отношение к этой стране, освобождая американских граждан, задержанных по тем или иным обвинениям, связанным с восстанием, так что к концу ноября в испанской тюрьме не осталось ни одного человека, имеющего какое-либо право на нашу национальную защиту.

Война на Кубе носит такой характер, что без порабощения или уничтожения окончательная военная победа любой из сторон кажется практически невозможной. Альтернатива заключается в физическом истощении одной или другой стороны, а возможно, и обеих — условие, которое фактически положило конец Десятилетней войне Зенджонским перемирием. Перспектива такого затягивания и завершения нынешней борьбы - это случайность, которую вряд ли можно рассматривать с невозмутимостью цивилизованному миру, и меньше всего Соединенным Штатам, которые, как и мы, глубоко и интимно затронуты самим ее существованием.

Понимая это, я считал своим долгом в духе истинного дружелюбия не меньше по отношению к Испании, чем к кубинцам, которым так много можно потерять из-за затягивания борьбы, стремиться к немедленному прекращению войны. С этой целью я представил 27-го ультимо, в результате продолжительного представительства и переписки через посланника Соединенных Штатов в Мадриде, предложения испанскому правительству о перемирии до 1 октября для мирных переговоров при посредничестве президента.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ИСПАНИИ.

Кроме того, я потребовал немедленной отмены приказа о повторной концентрации, чтобы позволить людям вернуться на свои фермы, а нуждающимся обеспечить себя провизией и припасами из Соединенных Штатов, сотрудничая с испанскими властями, чтобы обеспечить полную помощь.

Ответ испанского кабинета министров был получен в ночь на 31-е ультимо. В качестве средства установления мира на Кубе предлагается доверить его подготовку Островному парламенту, поскольку согласие этого органа было бы необходимо для достижения окончательного результата, при этом, однако, понимается, что полномочия, закрепленные Конституцией за центральным правительством, не уменьшаются. Поскольку парламент Кубы не собирается до 4

мая текущего года, испанское правительство, со своей стороны, не возражало бы немедленно согласиться на приостановку военных действий, если бы повстанцы обратились с просьбой к главнокомандующему, которому в таком случае было бы поручено определить продолжительность и условия перемирия.

Предложения, представленные генералом Вудфордом, и ответ испанского правительства были представлены в форме кратких меморандумов, тексты которых находятся передо мной, и в основном на приведенных выше формулировках.

Остаются альтернативные формы вмешательства для прекращения войны, либо в качестве беспристрастного нейтрала путем установления рационального компромисса между противоборствующими сторонами, либо в качестве активного союзника той или иной стороны.

Что касается первого, то не следует забывать, что в течение последних нескольких месяцев отношения Соединенных Штатов фактически представляли собой дружественное вмешательство во многих отношениях, каждое из которых само по себе не является окончательным, но все они направлены на оказание потенциального влияния в направлении достижения окончательного мирного результата, справедливого и почетного для всех заинтересованных сторон. Духом всех наших действий до сих пор было искреннее, бескорыстное стремление к миру и процветанию на Кубе, незапятнанное различиями между нами и Испанией и незапятнанное кровью американских граждан.

Насильственное вмешательство Соединенных Штатов как нейтральной страны с целью остановить войну в соответствии с велениями человечества и после многих исторических прецедентов, когда соседние государства вмешивались, чтобы остановить безнадежные человеческие жертвы в результате междоусобных конфликтов за пределами их границ, оправдано рациональными соображениями. Однако это предполагает враждебное принуждение обеих сторон к конфликту, а также принуждение к перемирию в качестве руководства к окончательному урегулированию.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА.

Основания для такого вмешательства можно кратко резюмировать следующим образом:

Первый. Во имя человечества и положить конец варварству, кровопролитию, голоду и ужасным страданиям, которые сейчас существуют там и которые стороны конфликта либо не в состоянии, либо не желают остановить или смягчить. Сказать, что все это находится в другой стране, принадлежит другой нации, и поэтому нас это не касается, - это не ответ. Это особая наша обязанность, потому что она находится прямо у нашей двери.

Второй. Мы в долгу перед нашими гражданами на Кубе предоставить им ту защиту и компенсацию за жизнь и имущество, которую ни одно правительство там не может и не будет себе позволить, и с этой целью прекратить действие условий, которые лишают их правовой защиты.

Третий. Право на вмешательство может быть оправдано очень серьезным ущербом торговле и предпринимательству нашего народа, а также бессмысленным уничтожением собственности и опустошением острова.

Четвертое. Помощь, имеющая первостепенное значение. Нынешнее положение дел на Кубе представляет постоянную угрозу нашему миру и влечет за собой для этого правительства огромные расходы. При таком конфликте, который годами ведется на острове, столь близком к нам, и с которым у нашего народа такие торговые отношения; когда жизнь и свобода наших граждан находятся в постоянной опасности, а их имущество уничтожено, а они сами разорены; когда наши торговые суда подвергаются аресту и их у самых наших дверей захватывают военные корабли иностранного государства, флибустьерские экспедиции, которые мы совершенно бессильны предотвратить, и возникающие при этом раздражающие вопросы и путаницы — все это и другие, которые мне нет необходимости упоминать, с вытекающими из этого напряженными отношениями, представляют постоянную угрозу нашему миру и безопасности. вынудить нас поддерживать полувоенный режим с нацией, с которой мы живем в мире.

РАЗРУШЕНИЕ ШТАТА МЭН.

Эти элементы опасности и беспорядка, на которые уже указывалось, были поразительно проиллюстрированы трагическим событием, которое глубоко и справедливо тронуло американский народ. Я уже передал Конгрессу отчет Военно-морского следственного суда об уничтожении линкора "Мэн" в гавани Гаваны в ночь на 15 февраля. Разрушение этого благородного сосуда наполнило сердца нации невыразимым ужасом. Двести пятьдесят восемь отважных моряков и морских пехотинцев и два офицера нашего военно-морского флота, отдыхающие в воображаемой безопасности дружественной гавани, были брошены на смерть, горе и нужда принесли в их дома и горе нации.

Военно-морской следственный суд, который, нет необходимости говорить, пользуется безоговорочным доверием правительства, был единодушен в своих выводах о том, что разрушение "Мэна" было вызвано внешним взрывом — взрывом подводной мины. Он не предполагал возлагать на себя ответственность. Это еще предстоит исправить.

В любом случае уничтожение штата Мэн по какой бы то ни было внешней причине является очевидным и впечатляющим доказательством того, что положение вещей на Кубе является невыносимым. Таким образом, показано, что это условие таково, что испанское правительство не может обеспечить охрану судну ВМС США, находящемуся в гавани Гаваны с мирной миссией и находящемуся там по праву.

Далее, ссылаясь в этой связи на недавнюю дипломатическую переписку, в депеше нашего министра в Испанию от 26-го ультимо содержалось заявление о том, что министр иностранных дел Испании положительно заверил его, что Испания сделает все, чего требуют высочайшая честь и справедливость в вопросе штата Мэн. Упомянутый выше ответ от 31-го ультимо также содержал выражение готовности Испании передать в арбитраж все разногласия, которые могут возникнуть в этом вопросе, что впоследствии разъясняется в ноте испанского министра в Вашингтоне от 10-го числа следующим образом:

Что касается вопроса о факте, который вытекает из различий во взглядах в отчете американской и испанской комиссий, Испания предлагает установить этот факт путем беспристрастного расследования экспертами, с решением которых Испания заранее соглашается. На это я ничего не ответил.

Принимая во внимание эти факты и эти соображения, я прошу Конгресс уполномочить Президента принять меры для обеспечения полного и окончательного прекращения военных действий между правительством Испании и народом Кубы и обеспечить на острове создание стабильного правительства, способного поддерживать порядок и соблюдать свои международные обязательства, обеспечивать мир и безмятежность и безопасность своих граждан, а также нашу собственную, и использовать военные и военно-морские силы Соединенных Штатов, насколько это может быть необходимо для этих целей.

И в интересах человечества и для помощи в сохранении жизней голодающих жителей острова я рекомендую продолжить раздачу продовольствия и припасов, а также выделить средства из государственной казны в дополнение к благотворительности наших граждан. Теперь этот вопрос находится в ведении Конгресса. Это серьезная ответственность. Я приложил все усилия, чтобы облегчить невыносимое положение дел, которое сложилось у наших дверей.

Готовый выполнить все обязательства, возложенные на меня Конституцией и законом, я жду ваших действий.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Вчера, с момента подготовки вышеупомянутого послания, я получил официальную информацию о том, что последний указ королевы-регентши Испании предписывает генералу Бланко в целях подготовки и содействия миру объявить приостановку военных действий, продолжительность и детали которых мне еще не были сообщены. Я уверен, что этот факт, наряду со всеми другими соответствующими соображениями, привлечет ваше справедливое и пристальное внимание к торжественным обсуждениям, к которым вы собираетесь приступить. Если эта мера даст успешный результат, то наши устремления как христианского, миролюбивого народа будут реализованы. Если это не удастся, это будет лишь еще одним оправданием наших предполагаемых действий.

(Подпись) УИЛЬЯМ Маккинли.

Представительский особняк, 11 апреля 1898 года.

ГЛАВА XXXVIII.

ЧИСЛЕННОСТЬ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ ЭСКАДРИЛИЙ И АРМИЙ.

Рост Белой эскадры за одно десятилетие—Прогресс нашего военно—морского флота — приятная ода после того, как он был честно начат—Положение Соединенных Штатов по сравнению с другими странами мира— Список кораблей в американском военно—морском флоте—Список кораблей в военно—морском флоте Испании в начале войны-Интересы всех стран сосредоточены на результате наших морских сражений-Современные орудия и снаряды-Армии двух воюющих сторон-Береговая оборона Соединенных Штатов.

Три элемента влияют на боеспособность стран, находящихся в состоянии войны: мощь их военно-морского флота, мощь их армий и состояние их береговой обороны. Впервые за много лет всеобщее внимание народа Соединенных Штатов было сосредоточено на этих условиях,

когда начало угрожать начало военных действий. Поскольку было признано, что большая часть боевых действий будет вестись на море или, по крайней мере, что эффективность наших флотов будет наиболее важным фактором, большая часть внимания была направлена на изучение военно-морского флота.

Строительство того, что мы называем новым военно-морским флотом Соединенных Штатов, "белой эскадрой", которая поставила нас на шестое место в рейтинге военно-морских держав мира, а не настолько низко, что нас вообще едва можно было сосчитать, было завершено менее чем за двенадцать лет. Возможно, быть шестым в рейтинге еще недостаточно высоко, но прогресс за одно десятилетие, безусловно, замечателен.

После Гражданской войны, когда военные действия на нашем собственном побережье и осложнения за границей, казалось, подошли к концу, забота о военно-морском флоте была оставлена, и корабли продавались почти без протеста, почти так же массово, как это делалось восемьдесят лет назад, в конце революции. Причин для такой политики было еще меньше, потому что в 1785 году страна была бедна и нуждалась в деньгах, которые привозили корабли, в то время как за двадцать лет, последовавших за Гражданской войной, такого оправдания национальной бедности не было. К 1885 году вмс Соединенных Штатов вообще не имели достойного названия, поскольку деревянные суда в списке с их устаревшими орудиями не представляли никакой ценности в случае военных действий с иностранной державой, которая сохранила свое оснащение нарезными орудиями и броненосцами.

Движение за восстановление упадка началось, когда в 1881 году министр военно-морского флота Уильям Х. Хант назначил первый консультативный совет под председательством контр-адмирала Джона Боджерса "для определения требований нового военно-морского флота". Эта комиссия сообщила, что Соединенные Штаты должны иметь двадцать один линкор, семьдесят небронированных крейсеров различных размеров и типов, двадцать торпедных катеров, пять таранных и пять торпедных канонерских лодок, все они должны быть построены из стали. Доклад был встречен Конгрессом и страной со всем вниманием, которого он заслуживал, но начать работу было совсем другим делом.

ПОЛИТИКА ЭКОНОМИСТОВ.

Экономисты восхваляли политику бездействия в военно-морском строительстве, утверждая, во-первых, что мы живем в мире и нам не нужно тратить деньги на дорогие суда, а во-вторых, что военно-морское строительство находится на экспериментальной стадии и что мы должны позволить европейским странам оплачивать эксперименты, как они это делали, и когда будет достигнут какой-то результат, воспользоваться им, вместо того, чтобы тратить наши собственные деньги на работу, от которой придется отказаться через несколько лет.

Когда страна убедилась в необходимости военно-морского флота, выяснилось, что мы не можем следовать этой приятной маленькой теории. Наши военно-морские власти не смогли получить нужные им факты и опыт от других стран, а наши верфи не смогли построить даже один из броненосцев. Мы не могли скатать даже самую тонкую из современных броневых плит и не могли изготовить орудие, которое стоило бы установить на современное судно, если бы оно у нас было.

Верфь Джона Роуча выполнила первые работы по созданию нового военно-морского флота и за время пребывания госсекретаря Чандлера в должности построила "Чикаго", "Бостон", "Атланту"

и "Долфин". Вместо линкоров первыми в составе флота были третьеразрядные крейсера. Броневой лист был куплен на иностранном рынке, и мы фактически отправились за границу за чертежами одного из наших крупнейших крейсеров - "Чарльстон".

В 1885 году военно-морское министерство перешло под управление госсекретаря Уильяма К. Уитни, и именно с его многолетней службы был достигнут наибольший прогресс. В то время как на наших верфях учились строить корабли, оружейники и изготовители броневых листов тоже осваивали свое ремесло, так что прогресс шел параллельно. В 1886 году на покупку современных нарезных орудий была выделена сумма в размере 2 128 000 долларов. Первый контракт на поставку бронепластин был подписан в 1887 году. С тех пор были достроены заводы для строительства, и из них получалась броневая плита, не уступающая лучшей в мире. Десять лет ученичества научили нас строить все, что нам нужно для ведения морской войны.

ЗАНИМАЕТ ШЕСТОЕ МЕСТО.

К 1894 году Соединенные Штаты поднялись на шестое место среди военно-морских держав мира, причем первые десять и их относительная численность, выраженная в процентах от численности Великобритании, были следующими:

Великобритания	100	Соединенные Штаты	17
Франция	68	Испания	11
Италия	48	Китай	6
Россия	38	Австрия	5
Германия	21	Турция	3

С тех пор относительное положение лидеров существенно не изменилось, хотя, по некоторым оценкам, Россия и Италия поменялись местами и Испания немного обошла Соединенные Штаты. Все те, кто шел в конце процессии, опустились ниже отведенного им места из-за продвижения Японии, которая вышла из-за пределов первой десятки и сейчас находится на восьмом месте, занимая место между Испанией и Китаем. Оценки основаны на расчете всех элементов, влияющих на эффективность военно-морских сил, таких как тоннаж, скорость, бронетехника, калибр и дальность действия вооружения, количество военнослужащих и их эффективность. Такие расчеты не могут быть абсолютными, поскольку они не могут постоянно измерять точность стрельбы определенного судна. Человеческое уравнение играет настолько заметную роль в ведении войны, что математические расчеты всегда должны быть неполными. Однако американцы не сразу поверят, что они находятся в невыгодном положении в этой детали, каким бы ни было их материальное оснащение.

В следующей таблице показана численность военно-морского флота Соединенных Штатов. В той части таблицы, которая помечена как "первоклассный", четыре корабля, занявшие первые места, являются первоклассными боевыми кораблями, "Бруклин" и "Нью-Йорк" - бронированными крейсерами, "Колумбия", "Олимпия" и "Миннеаполис" - защищенными крейсерами, "Техас" - боевым кораблем второго класса и "Пуританин" - двухбашенным монитором. Среди второсортных крейсеров все, кроме "Миантономы", "Амфитриты", "Монаднока" и "Террора" (мониторов), являются защищенными крейсерами. Недавно купленные лодки New Orleans и Albany относятся к этому классу. Третьестепенные игроки представляют собой разнородную группу, состоящую из крейсеров, канонерских лодок, старых

мониторов и незащищенных крейсеров. Из игроков четвертого рейтинга "Везувий" - судно с динамитом, "Янки" и "Мичиган" - крейсера, "Буревестник", "Бэнкрофт" и "Пинта" - канонерские лодки, а "Ферн" - транспорт. Остальные классы в таблице однородны. Недавно правительство закупило множество буксиров и яхт, не учтенных в таблице:

ПЕРВОКЛАССНЫЙ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи в лошадиных силах

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность - Корпус]

Айова 11,340 18 12,105 Сталь
Индиана 10,288 16 9,738 Сталь
Массачусетс 10,288 16 10,403 Сталь
Орегон 10,288 16 11,111 Сталь
Бруклин 9,215 20 18,769 Сталь
Нью -Йорк 8,200 18 17,401 Сталь
Колумбия 7,375 11 18,509 Сталь
Миннеаполис 7,375 11 20,862 Сталь
Техас 6,315 8,610 Сталь
Пуританин 6,060 10 3,700 Железо
Олимпия 5,870 14 17,313 Сталь

ВТОРОСОРТНЫЙ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Чикаго 4,500 18 9,000 Steel
Балтимор 4,413 10 10,064 Steel
Филадельфия 4,324 12 8,815 Steel
Монтерей 4,084 4 5,244 Steel
Ньюарк 4,098 12 8,869 Сталь
Сан - Франциско 4,098 12 9,913 Сталь
Чарльстон 3,730 8 6,666 Сталь
Миантома 3,990 4 1,426 Железо
Амфитрита 3,990 6 1,600 Железа
Монаднок 3,990 6 3,000 Железа
Ужас 3,990 4 1,600 Железа
Ланкастер 3,250 12 1,000 Дерево
Цинциннати 3,213 11 10,000 Сталь

Роли 3,213 11 10,000 Сталь
Атланта 3,000 8 4,030 Стил
Бостон 3,000 8 4,030 Стил

ТРЕТЬЕСОРТНЫЙ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Хартфорд 2,790 13 2,000 Дерево
Катахдин 2,155 4 Сталь 5068
" Аякс " 2,100 2 340 Железный
Каноникус 2,100 2 340 Железный
Махопак 2,100 2 340 Железный
Манхэттен 2100 2 340 Железных
Вайандотт 2100 2 340 Железных
Детройт 2,089 10 5,227 Стил
Монтгомери 2,089 10 5,580 Стил
Марблхед 2,089 10 5,451 Стил
Мэрион 1,900 8 1,100 Вуд
Могиканин 1,900 10 1,100 Вуд
Команч 1,873 2 340 Айрон
Кэтскилл 1,875 2 340 Айрон
Джейсон 1,875 2 340 Айрон
Лихай 1,875 2 340 Железо
Монтаук 1,875 2 340 Железо
Нахант 1,875 2 340 Железо
Нантакет 1,875 2 340 Железо
Пассаик 1,875 2 340 Железо
Беннингтон 1,710 6 3,436 Сталь
Конкорд 1,710 6 3,405 Сталь
Йорктаун 1,710 6 3,392 Сталь
Дельфин 1,486 2 2,253 Сталь
Уилмингтон 1,392 8 1,894 Сталь
Хелена 1,392 8 1,988 Сталь
Адамс 1,375 6 800 Дерево
Альянс 1,375 6 800 Вуд
Эссекс 1,375 6 800 Вуд
Энтерпрайз 1,375 4 800 Вуд
Нэшвилл 1,371 8 2,536 Сталь
Монокейси 1,370 6 850 Железо
Фетис 1,250 0,530 Дерево
Литье 1,177,8 2,199 Сталь

Машины 1,177 8 2,046 Стальных
Тревога 1,020 3 500 Железных
Рейнджер 1,020 6 500 Железных
Аннаполис 1,000 6 1,227 Сост .
Виксбург 1,000 6 1,118 сост .
Уилинг 1,000 6 1,081 Комп
Мариэтта 1,000 6 1,054 Комп
Ньюпорт 1,000 6 1,008 Комп

ЧЕТВЕРТЫЙ СОРТ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Везувий 929 3 3795 Сталь
Янтик 900 4 310 Дерево
Буревестник 892 4 1095 Сталь
Папоротник 840 0 0 Дерево
Бэнкрофт 839 4 1,213 Сталь
Мичиган 685 4 365 Железо
Пинта 550 2 310 Железо

ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе (тонны) мощность главной батареи в
лошадиных силах

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность - Корпус]

1-Гашинг 105 3 1720 Стил 2-Эрикссон 120 3 1800 Стил 3-Фут 142 3 2000 Стил 4-Роджерс 142 3
2000 Стил 5-Уинслоу 142 3 2000 Стил 6-Портер 0 3 0 Стил 7-Дюпон 0 3 0 Стил 8-Роуэн 182 3 3200
Стил 9-Дальгрэн 146 2 4200 Стил 10-Т. А. М. Крейвен 146 2 4200 Стил 11-Фаррагут 273 2 5600
Стил 12-Дэвис 132 3 1750 Стил 13_Fox 132 3 1750 Стил 14-Моррис 103 3 1750 Сталь 15-Talbot 46
1/2 2 850 Сталь 16-Gwin 46 1/2 2 850 Сталь 17-Mackenzie 65 2 850 Сталь 18-McKee 65 2 850 Сталь
19-Stringham 340 2 7200 Сталь 20-Goldsborough 247 1/2 2 0 Сталь 21-Bailey 235 2 5600 Стальной
Стилет 31 2 359 Дерево

БУКСИРЫ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Fortune 450 0 340 Железо
Ивана. 192 0 300 Сталь
Лейден 450 0 340 Железо
Наркита 192 0 300 Сталь
Нина 357 0 388 Железо
Ракета 187 0 147 Дерево
Стэндиш 450 1 340 Железо
Трафик 280 0 0 Дерево
Тритон 212 0 300 Сталь
Ванета 192 0 300 Сталь
Unadilla 345 Сталь 0 500
Samoset 225 Сталь 0 450

ПАРУСНЫЕ КОРАБЛИ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Мононгахела 2100 4 0 Дерево
Созвездие 1,186 8 0 Вуд
Джеймстаун 1,150 0 0 Вуд
Портсмут 1,125 12 0 Вуд
Саратога 1,025 0 0 Вуд
Сент-Мэри. 1,025 0 0 Вуд

ПРИНИМАЮЩИЕ КОРАБЛИ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Франклин 5170 4 1050 Вуд
Уобаш 4650 0 950 Вуд
Вермонт 4150 0 0 Вуд
Индепенденс 3,270 .6 0 Дерево
Ричмонд 2,700 .2 692 Дерево

НЕПРИГОДЕН К ЭКСПЛУАТАЦИИ.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Нью-Гэмпшир 4,150 .6 0 Дерево

Пенсакола 3,000 0 680 Дерево

Омаха. 2400 0 953 Деревя

Конституция 2,200 4 0 Вуд

Ирокез 1,575 0 1,202 Вуд

Нипсик 1,375 4 839 Вуд

Сент-Луис 830 0 0 Вуд

Дейл. 675 0 0 Вуд

Миннесота 4,700 9 1,000 Вуд

В СТАДИИ СТРОИТЕЛЬСТВА.

НАЗОВИТЕ водоизмещение орудий в указанном корпусе
(тонны) мощность главной батареи

[Тоннаж - Орудия в батареях - мощность в лошадиных силах - Корпус]

Керсардж 11,525 22 10 000 Стил

Кентукки 11,525 22 10 000 Стил

Иллинойс 11,525 18 10 000 Стил

Алабама 11,525 18 10 000 Стил

Висконсин 11,525 18 10 000 Сталь

Принстон 1,000 6 800 Комп

Поршень 168 2 1200 Сталь

Буксир № 6 225 0 450 Сталь

Буксир № 7 225 0 450 Сталь

Учебный корабль. 1,175 6 0 Комп.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ИСПАНИИ СЛАБЕЕ.

Военно-морской флот Испании явно слаб по сравнению с военно-морским флотом Соединенных Штатов. Простого взгляда на две таблицы будет достаточно, чтобы показать разницу. Список небронированных крейсеров Испании длинный, но четыре наших боевых корабля или быстроходных современных бронированных крейсера могли бы вывести их из строя. Что касается торпедных катеров, то мы выгодно отличаемся от Испании. В одном отношении Испания сильнее, а именно в своих шести скоростных эсминцах-торпедоносцах. В этой таблице указаны все военные корабли, которыми располагает Испания, не говоря уже о

нескольких старинных торговых судах испанской линейной компании, которые можно превратить в крейсера.

ПЕРВОКЛАССНЫЕ БОЕВЫЕ КОРАБЛИ.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Пелайо 9,900 22 17,0 Сталь

Витория (неэффективная) 7,250 0 11,0 Чугун

СТАРЫЕ БОЕВЫЕ КОРАБЛИ.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Нуманция 7,250 10 11,0 Железо

ПЕРВОКЛАССНЫЕ БРОНЕНОСНЫЕ КРЕЙСЕРА.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Карлос V 9 235 28 20,0 Сталь

Сиснерос 7000 24 20,0 Сталь

Каталония 7,000 24 20,0 Сталь

Принцесса Астурия 7,000 24 20,0 Сталь

Альмиранте Океңдо 7000 30 20,0 Сталь

Мария Тереза 7,000 30 20,0 Сталь

Бискайя 7,000 30 20,0 Сталь

Кристоваль Колон 6,840 40 20,0 Сталь

БРОНЕНОСНЫЕ КРЕЙСЕРА ВТОРОГО КЛАССА.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Альфонсо XII 5000 19 20,0 Сталь

Лепанто 4,826 25 20,0 Сталь

НЕБРОНИРОВАННЫЕ КРЕЙСЕРА.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Рейна Кристина 3,520 21 17,5 Сталь

Арагон 3,342 24 17,5 Сталь

Харилья 3,342 22 17,5 Сталь

Наварра 3,342 16 17,5 Сталь

Альфонсо XII 3,090 23 17,5 Сталь

Рейна Мерседес 3,090 21 17,5 Сталь

Веласко 1,152 7 14,3 Сталь

К. де Венадито 1,130 13 14,0 Сталь

Уллоа 1,130 12 14,0 Сталь

Австрия 1,130 12 14,0 Сталь

Изабель 1,130 15 14,0 Сталь

Изабель II 1,130 16 14,0 Сталь

Исла- де - Куба 1,030 12 16,0 Сталь

Исла- де - Лусон 1,030 12 16,0 Сталь

Энсенада 1,030 13 15,0 Сталь

Кирос 315 0 0 Железо

Виллаболас 315 0 0 Железо

-- 935 5 0 Дерево

ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА. [Примечание: Вооружены двумя и четырьмя торпедными аппаратами, шестью скорострельными и двумя пулеметами.]

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Альваро де Безан 830 0 20,0 Сталь

Мария Молина 830 0 20,0 Стальной

Деструктор 458 0 20,0 Стальной

Филиппинки 750 0 20,0 Стальной

Галисия 571 0 20,0 Стальной

Маркес Витория 830 0 20,0 Стальной

Маркес Молина 571 0 20,0 Стальной

Пинзон 571 0 20,0 Сталь

Новая Испания 630 0 20,0 Сталь

Rapido 570 0 20,0 Сталь

Temerario 590 0 20,0 Сталь

Янез Пинзон 571 0 20,0 Сталь

КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ. [Примечание: Есть восемнадцать других кораблей меньшего размера, которые вместе с вышеупомянутыми были построены для обслуживания в кубинских водах и сейчас находятся там.]

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Эрнон Кортес 300 1 12,0 Сталь

Писарро 300 2 12,0 Сталь

Нуньес Бальбоа 300 1 12,5 Сталь

Диего Веласкес 200 3 12,0 Сталь

Ponce de Leon 200 3 Сталь 12,0

Альварадо 100 2 12,0 Сталь

Сандовал 100 2 12,0 Сталь

ИСТРЕБИТЕЛИ ТОРПЕДНЫХ КАТЕРОВ.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Аудаз 400 6 30,0 Сталь

Фурор 380 6 28,0 Сталь

Террор 380 6 28.0 Сталь

Osada 380 6 28.0 Сталь

Pluton 380 6 28.0 Сталь

Prosperina 380 6 28.0 Сталь

МАЛЫЕ ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Ариете 0 0 26,1 Сталь

Райо 0 0 25,5 Сталь

Азор 0 0 24,0 Сталь

Халкон 0 0 24,0 Сталь

Гавана 0 0 21,3 Сталь
Барсело 0 0 19,5 Сталь
Орион 0 0 21,5 Сталь
Ретамоза 0 0 20,5 Сталь
Ордоньес 0 0 20,1 Сталь
Эхерсито 0 0 19,1 Сталь
Pollux 0 0 19,5 Сталь
Колесико 0 0 19,0 Сталь
Aire 0 0 8,0 Сталь

ОРУДИЙНЫЕ СУДА (ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ).

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.
Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Общая Раковина 520 0 0 Сталь
Элькано 524 0 0 Сталь
Общие сведения Lego 524 0 0 Сталь
Магелланы 524 0 0 Сталь

ЗДАНИЕ.

(Боевой корабль.)

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.
Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

-- 10 000 0 0 Стали

(Броненосные крейсера.)

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.
Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

-- 10 500 0 0 Сталь
Педро д'Арагон 6 840 0 0 Сталь

(Защищенные крейсера.)

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Королевская Регента 5,372 0 0 Сталь

Рио - де - ла - Плата 1,775 0 0 Сталь

(Торпедные катера.)

Пять типа Ariete и один весом 750 тонн.

ВКЛАДЫШИ ДЛЯ ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ.

Имя. Тоннаж. Скорость орудий в корпусе.

Батареи. узлы в час.

[Тоннаж - Орудия в батареях - Скорость в узлах / час - Корпус]

Магеллановы 6,932,0 17,0 Сталь

Буэнос-Айрес 5,195 0 14,0 Сталь

Монтевидео 5,096 0 14,5 Сталь

Альфонсо XII 5,063 0 15,0 Сталь

Леон XIII 4,687 0 15,0 Сталь

Сатрустеги 4,638 0 15,0 Сталь

Альфонсо XIII 4,381 0 16,0 Сталь

Мария Кристина 4,381 0 16,0 Сталь

Лусон 4,252 0 13,0 Сталь

Минданао 4,195 0 13,5 Сталь

Исла - де - Панай 3,636 0 13,5 Сталь

Каталония 3,488 0 14,0 Сталь

Город Кадис 3,084 0 13,5 Сталь

ИНТЕРЕС К РАБОТЕ СОВРЕМЕННЫХ БОЕВЫХ КОРАБЛЕЙ.

Загадка, которая беспокоила каждое военно-морское руководство, а также каждого государственного деятеля цивилизованного мира с началом войны между Соединенными Штатами и Испанией, заключалась в том, каковы будут результаты конфликта на море между плавучими крепостями, которые сейчас служат боевыми кораблями. С тех пор как военно-морской флот приобрел свою современную форму, не было ни одной войны, в которой испытание боевого корабля было бы завершено. Можно было бы извлечь уроки, сформировать мнения и сделать пророчества из действий боевых кораблей в войне между Китаем и Японией, войне между Чили и Перу, а также из катастроф, постигших "Мэн" в гаванской гавани и "Викторию" при столкновении с "Кампердауном", а также крушения "Рейны Регенте" и других. Но во всех этих случаях, как ни суммируй информацию, не было достаточных свидетельств,

чтобы доказать, что произошло бы, если бы две силы, почти равные по силе, встретились для борьбы до конца.

Что бы ни было неопределенным, по крайней мере, было известно, что больше не будет морских сражений, подобных тем, что были в прошлом веке и первой половине нынешнего, когда трехпалубные фрегаты и семидесятичетырехпушечные военные корабли сталкивались друг с другом, в то время как их экипажи часами сражались стрелковым оружием и абордажными саблями. Это были дни, когда "дубовые сердца" и "деревянные стены Англии" создавали всю романтику морской войны, а корабли молодых Соединенных Штатов завоевывали уважение на всех морях. В боях тех дней суда всплывали до тех пор, пока их не разносило на куски, и, воодушевленные рукопашным боем, люди были готовы принять любые трудности, взяв на абордаж вражеское судно. Было хорошо понятно, что изменившиеся условия приведут к совершенно иным сражениям между современными боевыми машинами.

Все военно-морские власти признавали, что морское сражение между современными флотами, вооруженными современными орудиями, было бы ужасно разрушительным как для кораблей, так и для жизней тех, кто ими управлял. Разрушительность должна была исходить не только из огромной мощности и эффективности орудий, но и из того факта, что снаряд заменил сплошную дробь всех калибров, вплоть до однофунтового, так что к проникающему действию снаряда добавилась его взрывная сила и разлет осколков по разрушительному и смертоносному кругу диаметром во много футов.

СОВРЕМЕННЫЕ ПУШКИ И СНАРЯДЫ.

Современный бронебойный снаряд, изготовленный из закаленной стали, с коническим наконечником, тщательно обработанным для достижения наибольшей проникающей способности, обладает всей бронебойной эффективностью сплошного снаряда той же формы, в то время как его взрывоопасность делает его бесконечно более разрушительным. Ибо современный снаряд взрывается не при первом попадании в борт или броню вражеского корабля, а после того, как он пробил борт или броню и исчерпал свое пробивное действие. Ударный взрыватель находится в основании снаряда и взрывается поршнем, приводимым в движение за счет силы удара снаряда при нанесении удара. Времени между ударом снаряда и его взрывом достаточно для того, чтобы он полностью проделал свою проникающую работу.

Прежде всего необходимо понять, что все современные орудия на военных кораблях заряжаются с казенной части и нарезные, и что гладкоствольное оружие существует только как реликвия или для использования в чрезвычайных ситуациях для береговой обороны, когда современные орудия недоступны. От тринадцатидюймовых до четырехдюймовых орудия обозначаются по их калибру, диаметру канала ствола и мощности выстрела, который они выбрасывают, в то время как от этого до однофунтовых они получают свое название по весу выстрела. Все, что ниже однофунтового калибра, относится к классу пулеметов.

Основой скорострельной стрельбы является объединение в одном патроне капсюля, пороха и гильзы. Когда достигается предел веса патрона, с которым легко справляется один человек, достигается и предел скорострельности; и, хотя быстроходные затворные механизмы применялись за рубежом для ружей калибра до восьми дюймов, такие ружья будут считаться скорострельными, а не скорострельными, и для их заряжания порох и дробь потребуются заряжать отдельно.

На современных линкорах функцией больших орудий является пробитие брони противника либо в районе ватерлинии, либо в башнях и орудийных позициях, в то время как функция скорострельных - разрушение небронированных частей или вывод из строя орудий, не защищенных броней. Шестифунтовые, трехфунтовые и однофунтовые пушки обрушивают град выстрелов на иллюминаторы башен, орудийные щитки или незащищенные части корабля, также нацеливаясь на торпедные катера, в то время как с боевых вершушек "гатлинги" обрушивают тысячу выстрелов в минуту на любого члена экипажа, находящегося на открытых позициях. При таком шквале крупных и мелких снарядов, казалось бы, вопрос скорее в том, кто останется в живых, а не в том, кто будет убит.

Орудиями, используемыми ВМС США, являются 13-дюймовые, 12-дюймовые, 10-дюймовые, 8-дюймовые, 6-дюймовые, 5-дюймовые, 4-дюймовые, 6-фунтовые, 3-фунтовые, 1-фунтовые револьверные пушки Hotchkiss калибра 37 мм и пулеметы. В следующей таблице приведены длина и вес этих орудий, а также снаряда, который они несут:

Длина, Вес пороха
в ружье, заряда, снаряда,
ОРУДИЙ. Ножи. фунтов стерлингов. фунтов стерлингов.

[Длина порохового заряда - вес снаряда]

Однофунтовый	5.1	.3	1
Трехфунтовый	7.3	1.7	3
Шестифунтовый	8,9	3,0	6
Четырнадцатифунтовый	11,6	8,0	14
Четырехдюймовый	13,7	14,0	33
Пятидюймовый	17,4	30,0	50
Шестидюймовый	21,3	50,0	100
Восьмидюймовый	28,7	115,0	250
Десятидюймовый	31,2	240,0	500
Двенадцатидюймовый	36,8	425,0	850
Тринадцатидюймовый	40,0	550,0	1100

КАК ИСПОЛЬЗУЮТСЯ БОЛЬШИЕ ПУШКИ.

14-фунтовое орудие, хотя и не входит в состав вооружения ВМС, приведено с целью сравнения, поскольку именно орудиями этого калибра вооружены некоторые испанские эсминцы-торпедоносцы. Самое крупное орудие, которое до сих пор установлено на наших крупнейших торпедных катерах, - это 6-фунтовое, в то время как единственное 1-фунтовое орудие является пушечным вооружением обычного торпедного катера. Револьверная пушка Хотchkисса не приведена в таблице, потому что ее калибр и т.д. такой же, как у 1-фунтовой пушки, и, фактически, последняя заменила ее в новейших вооружениях, так что теперь ее можно найти только на старых кораблях современного флота. Пулеметы не выдаются, потому что их эффективная работа практически одинакова. "Гатлинг" 45-го калибра и использует государственные боеприпасы для винтовки "Спрингфилд".

Просмотр таблицы показывает некоторые общие принципы в отношении используемого порошка и оболочек. Пороховой заряд составляет примерно половину веса снаряда, в то время как длина снаряда чуть более чем в три раза превышает его диаметр.

Для достижения максимальной дальности стрельбы орудия необходимо придать угол возвышения около пятнадцати градусов. Максимальный угол возвышения любого из орудий на борту корабля составляет около шести градусов. Это ограничение обусловлено двумя факторами — размером иллюминаторов или отверстий в башнях для более крупных орудий и опасностью перемещения орудия назад и вниз по палубе при любом большем возвышении. Следовательно, считается, что практическая дальнобойность больших корабельных орудий, десяти, двенадцати и тринадцатидюймовых, не превышает пяти-шести миль, и даже на этой дистанции шансы поразить данный объект были бы очень малы. Город, конечно, можно было бы подвергнуть бомбардировке с такого расстояния, поскольку снаряд нанес бы огромный ущерб везде, куда бы он ни попал, но город, к которому корабль мог подойти не ближе, чем, скажем, на семь миль, был бы в безопасности от бомбардировки.

Начальная скорость, заданная снарядами из орудий военно-морского флота, является чем-то огромным, в то время как начальная энергия просто ужасающая. Снаряд из тринадцатидюймового орудия вылетает из дула со скоростью 2100 футов в секунду и с энергией 33 627 фут-тонн, или мощностью, необходимой для подъема одной тонны на один фут. При такой скорости дальность стрельбы составляет до 1800 футов в секунду у однофунтового орудия, хотя у трехфунтового на высоте 2050 футов она в среднем примерно такая же, как у тринадцатидюймового. Пятидюймовая скорострельная пушка имеет наибольшую начальную скорость выстрела на высоте 2250 футов. Дульная энергия, конечно, невелика у орудий меньшего размера, она составляет всего двадцать пять футов в тонне у однофунтового орудия и 500 тонн у четырнадцатифунтового.

Проникающая способность уже была дана в общих чертах, но проникающая способность стали намного больше. При начальной скорости снаряда тринадцатидюймовый снаряд пробивает 26,66 дюйма стали, двенадцатидюймовый - 24,16 дюйма, десятидюймовый - 20 дюймов и пятидюймовый - 9 дюймов. Однофунтовый снаряд разрывается, пробивая пластины толщиной в одну четвертую и девять шестнадцатых дюйма, разбрасывая осколки позади цели.

Возможно, интересно отметить, что стоимость одного разряда тринадцатидюймового орудия составляет 800 долларов, и что когда линкор типа "Массачусетс" разряжает всю свою батарею, как основную, так и вспомогательную, стоимость одного разряда составляет 6000 долларов.

ГЛАВА XXXIX.

ЛИНКОРЫ И ВОЙСКА НАЧИНАЮТ ДВИЖЕНИЕ.

Североатлантическая эскадрилья отправлена в Ки—Уэст—Коммодор Шлей на Хэмптон—Роудс—Плавание "Орегона"—Лагерь в Чикамоге — Где была проведена первоначальная работа по мобилизации войск—Жизнь в Кэмп—Томасе-Жизнь на Знаменитом поле битвы-Встреча в Форт-Тампе-Большом Артиллерийском лагере.

Сразу же после решения Конгресса, разрешающего президенту призвать на службу армию и военно-морской флот Соединенных Штатов, североатлантическая эскадрилья под командованием капитана Сэмпсона была мобилизована в Ки-Уэсте. В его состав входили следующие суда: линкоры "Айова" и "Индиана", бронепалубный крейсер "Нью-Йорк", мониторы "Пуританин", "Террор" и "Амфитрита", канонерские лодки "Нэшвилл", "Кастин", "Мачиас", "Уилмингтон" и "Хелена", крейсера "Детройт", "Цинциннати" и "Марблхед", а также торпедные катера "Кушинг", "Эрикссон", "Дюпон", "Фут", "Уинслоу", "Портер" и "Мэйфлауэр".

Они представляли собой тяжелое боевое объединение под руководством хладнокровного и отважного бойца. Двум первоклассным линкорам ничто в испанском военно-морском флоте не могло сравниться по боевой мощи, и "Нью-Йорк" был одним из лучших боевых кораблей такого рода в мире.

Коммодор Уинфилд Скотт Шлей и истребители его летучей эскадрильи собрались на Хэмптон-Роудс, с нетерпением ожидая приказа из Вашингтона встретиться лицом к лицу с врагом. Далеко в водах Тихого океана коммодор Дьюи получил телеграмму с приказом оставаться в готовности следовать в Манилу, а надежный корабль "Орегон" под командованием капитана Кларка огибал мыс Горн, чтобы присоединиться к флоту в кубинских водах.

В армии была проявлена не меньшая активность.

ЛАГЕРЬ В ЧИКАМОГЕ.

Парк Чикамауга, недалеко от Чаттануги, штат Теннесси, был пунктом сосредоточения регулярных войск, которые собирались для войны с Испанией. Это был начальный лагерь, где проводилась мобилизация, и из которого солдаты и припасы были отправлены в прибрежные города, расположенные в пределах легкой досягаемости от Кубы. Когда из штаба армии в Вашингтоне поступил приказ о переброске регулярных войск в Чикамогу, трепет солдатской гордости наполнил грудь каждого человека, носившего синюю форму дяди Сэма, и все поспешно бросились к новому лагерю. Нет ничего, что военный служащий, будь то офицер или рядовой, так не любит, как бездействие. Сражаться, особенно с иностранным врагом, подходит ему больше, чем бездельничать, и приказ "отправиться на фронт" всегда приветствуется.

В течение почти трех недель войска прибывали в Чикамогу каждым поездом. Они прибывали со всех концов страны, из каждого полка и рода войск. Там были "тестяшки" и кавалеристы, инженеры и артиллеристы; некоторые полки были там в полном составе, другие были представлены только отрядами. Там были роты и части рот, эскадрильи и части эскадрилий, батареи и части батарей. Это было объединение солдатиков дяди Сэма из всех мыслимых уголков страны. Они прибыли с постов в Калифорнии и Техасе, из Вайоминга и Мэна, из Колорадо и Миннесоты. В мирное время регулярная армия сильно разбросана. Редко бывает, чтобы целый полк дислоцировался на одном посту, поскольку роты распределены по обширной территории. Таким образом, мобилизация, подобная той, что была проведена в Чикамоге, имела тенденцию консолидировать и вдохнуть новую жизнь в командования, которые были сильно разобщены из-за требований службы. Старые товарищи собрались вместе, и произошло своего рода всеобщее воссоединение и прославление. Мужчины, которые несли полицейскую службу вблизи больших городов, встречались с теми, кто наблюдал за индейцами на равнинах или преследовал бандитов-смазчиков на границе. Они обменивались историями и

готовились к суровым реалиям войны с энергией, которая не предвещала ничего хорошего для врага, с которым им предстояло столкнуться.

Солдат дяди Сэма - большой ворчун, когда пребывает в праздности. Он находит недостатки в своих офицерах, еде, помещениях, одежде, жалованье и даже в самом себе. Ему ничто не нравится. Он записывает громкие клятвы о своем идиотизме, когда отказывается от свободы сроком на несколько лет. Но стоит прозвучать военному набату, показать ему активные приготовления к схватке с врагом, и "обычный" будет доволен. Таково было состояние, царившее в Чикамоге. Мужчины были полны энтузиазма и работали так же усердно, как пресловутые бобры. Учения, которые когда-то были неприятными и от которых по возможности уклонялись, проходили с готовностью, и "мальчик в синем" был настоящим солдатом, каждым своим сантиметром. На горизонте была война.

ЖИЗНЬ В КЭМП-ТОМАСЕ.

По крайней мере, в одном пункте рядовые были едины во мнениях — лагерь получил удачное название. "Лагерь Джорджа Х. Они называли его "Томас" в память о старом "Папе", герое Чикамоги, и как солдаты, так и офицеры очень явно гордились тем, что являются жителями палаточного городка. Создание общины в Кэмп-Томасе было во многом похоже на создание колонии в незаселенной стране, в том, что касалось бытовых удобств. Туда нужно было свозить все, и каждый полк, который сам по себе представлял собой небольшой холщовый городок, должен был полностью полагаться на свои собственные ресурсы. Разбросанные тут и там по всему пространству пятнадцатимильной резервации, были видны эти палаточные городки, и храбрецы, жившие в них, зависели от самих себя и друг друга в тех немногих развлечениях, которые им доставались. Описание каюты одного офицера пригодится всем. Его домом была палатка "А", или настенная палатка размером 10 на 12 футов, а некоторые из них и на размер меньше. С одной стороны - складная походная раскладушка с тонким, но удобным матрасом и обилием тяжелых шерстяных армейских одеял. У двери в изножье койки стоял стол площадью около двадцати дюймов с ножками, которые складывались так, чтобы образовалось как можно меньше места. Один-два складных стула для посетителей, большой саквояж или очень маленький сундучок, кусочек зеркала, подвешенный к шесту палатки, трубчатый фонарь или, если жильцу палатки не повезло обзавестись таким современным светильником, то свечу, прикрепленную к палке, воткнутой в землю рядом с его кроватью. Завязки, прикрепленные к задней стенке палатки, служили местом для подвешивания "его второй рубашки" и пары запасных ботинок. На ногах у него были гетры и сапоги, а пояс, пистолет и сабля стояли в углу. Блокнот писчей бумаги, карманная чернильница, ремешок для бритвы, если только он не отказался от бритья, трубка из вереска или кукурузных початков и кисет с табаком дополняли обстановку его дома. У командиров в штабе полка была дополнительная крыша, или "пролет для палатки", в качестве навеса перед своими квартирами, но в остальном они жили так же, как и другие офицеры.

Рядовые, расквартированные в палатках с коническими стенками, которые теперь приняты армией, располагались головами к стене и ногами к центру, с девяти до двенадцати в палатке Их постельные принадлежности и одеяла были хорошими, и они чувствовали себя настолько комфортно, насколько солдаты могли надеяться в полевых условиях. У некоторых полков с отдаленного Северо-Запада была коническая палатка Сибли, у которой не было стены, но была

небольшая печь из листового железа. Они были более чем оценены в холодную дождливую погоду, которая царила в Кэмп-Томасе.

Палатки-столовые и кухни примерно одинаковы во всех видах обслуживания. Печь "cuddy-bunk", изготовленная из листового железа, хорошо выпекается и выглядит как две железные сковороды, скрепленные одна на другой. Мужчины, назначенные поварами и официантами, или "кухонной полицией", как их называют на должностях, следили за приготовлением и подачей блюд, и солдатам действительно жилось неплохо. Полевые пайки использовались при переходе из пункта в пункт, но в лагере рота или отрядная столовая закупали свежее мясо, овощи, яйца, фрукты и т.д. и жили на широкую ногу.

ВСТРЕЧА В ФОРТ-ТАМПЕ.

Двадцать восемь артиллерийских батарей, почти весь состав этого рода войск армии Соединенных Штатов, находились в лагере в Порт-Тампе, штат Флорида, ожидая приказа нанести удар по испанским войскам на Кубе. Это большое скопление артиллерии было отличительной чертой лагеря. Здесь также размещались пехотные и кавалерийские части, и их количество увеличивалось с каждым днем, но гражданская публика проявляла наибольший интерес именно к артиллерии. Это можно сказать без принижения "мальчиков с тестом" и "конюхов", несмотря на тот факт, что в Тампе были одни из самых известных бойцов дяди Сэма в обеих линиях службы, среди которых были Девятый кавалерийский, а также четвертый, пятый, девятый, Тринадцатый и Двадцать четвертый пехотные. Ни один кавалерийский полк не имеет лучшего послужного списка, чем Девятый, кавалерийский полк "баффало", который дал сиу и апачам больше сражений, чем они хотели, но южанам не нужны солдаты-негры, и их похвалы достались белым артиллеристам.

Такого скопления легкой и тяжеловооруженной артиллерии раньше не было ни в одном городе Соединенных Штатов, даже во время войны.

Жизнь в лагере в Тампе была почти такой же, как в Чикамоге, за исключением того, что погода была намного жарче. Однако, чтобы компенсировать это, у мальчиков были прекрасные морские купания, хорошие возможности для прогулок под парусом и лучшая свежая рыба, которой можно было заквасить их рационы из соленой конины и сухарей. Удивительно, как быстро человек учится добывать пищу и готовить после вступления в регулярную армию. Три месяца работы превратят самого неопытного кондитера в эксперта в искусстве выманивать цыплят из курятника и готовить из них пикантное рагу. Одного из солдат Девятой кавалерийской дивизии прозвали "Цыплятами" из-за его пристрастий в этой области. Конечно, были приказы, запрещающие добывать пищу; на дружественной территории всегда есть приказы, но они никогда не имеют большого значения. Офицеры знали, что им не повиновались, но они подмигнули другим глазом и ничего не сказали. Намекают, что в этом курсе часто можно найти объяснение роскоши, с которой подается офицерская столовая. Однажды вечером майор курил сигару на ночь прямо перед своей палаткой, когда заметил "Цыплят", крадущихся мимо в тени деревьев. "Цыплят", конечно, остановили и спросили, почему он рыщет здесь в такое время ночи. Прежде чем преступник успел придумать оправдание, майор заметил подозрительную выпуклость спереди на блузе солдата и неловкое скручивающее движение внутри. Ему было ясно, что "Цыплята" добывали пропитание и возвращались в свои покои со своей добычей.

- Добывал пищу, эй? - спросил майор. - Разве ты не знаешь, что это противоречит приказам?

"Цыплята" пробормотали что-то в ответ, когда майор, внезапно схватившись за ворот блузы, разорвал ее, и оттуда вывалились две пухлые молодки.

- Куриц воруете, а? - спросил майор. - Тебя отправят в тюрьму за это.

"Я их не крал, Маджа", - сказал "Цыплята" с наглой наглостью. - Ах, слава богу, я не знал, что эти молодки такие милые. Я залезла в твою блузку, чтобы сохранить верность, Маджа.

Ответ так развеселил ветерана, что он пропустил "Цыплят" мимо ушей, и на следующее утро на посту был один офицер, у которого на завтрак была тушеная молодка.

Одним из самых известных пехотных полков в Тампе был Тринадцатый. Он имеет заслуженную репутацию хорошего боевого подразделения. Некоторые из самых выдающихся офицеров армии были в ее списках в прошлом, среди них Шерман и Шеридан. История Тринадцатого полка восходит к 14 мая 1861 года, когда президент Линкольн руководил его организацией. Первым полковником был Уильям Т. Шерман, который вернулся в армию после ряда лет занятий банковским делом и юридической практикой. Си Си Авгур был одним из майоров, а Филип Х. Шеридан - капитаном. Шеридан присоединился к полку в ноябре 1861 года, но вскоре был назначен главным комиссаром и квартирмейстером армии Юго-запада Миссури, что практически разорвало его связь с полком.

В 1862 году первый батальон полка поступил на действительную службу в долине Миссисипи. Он участвовал в экспедиции Язу под командованием Шермана, который к тому времени был генерал-майором добровольцев, а позже принял участие в операциях Гранта вокруг Вicksburga. Батальон получил на своих цветах гордую надпись "Первая честь при Вicksбурге" и потерял 43,3% своего личного состава в атаке на конфедератов. Среди погибших был его тогдашний командир, который погиб на парашюте. Девятилетний сын Шермана, Вилли, который был со своим отцом в Вicksбурге, был в шутку назван "сержантом" Тринадцатого батальона, и его смерть от лихорадки в октябре 1863 года вызвала скорбное письмо генерала Шермана командиру Тринадцатого. "Пожалуйста, передайте батальону мою сердечную благодарность, - писал он, - и заверьте всех, что если по прошествии лет они нанесут визит мне или моим товарищам и упомянут, что они были в Тринадцатом регулярном отряде, когда Вилли был сержантом, у них будет ключ к привязанности моей семьи, который откроет все, что у него есть; что мы поделимся с ними нашим последним одеялом, нашей последней корочкой хлеба!"

После войны полк был переброшен на Запад. Он использовался в Канзасе, Монтане, Дакоте, Юте, Вайоминге и других местах до 1874 года, большую часть времени почти непрерывно сражаясь с враждебно настроенными индейцами. В 1874 году он был переведен в Новый Орлеан и в течение шести лет нес службу в Южном департаменте. Во время рабочих бунтов 1877 года все роты, кроме двух, несли дежурство в Питтсбурге, Скрэнтоне, Уилксбарре и других пунктах Пенсильвании. Затем он снова отправился на Запад и, получив несколько небольших отпусков, оставался на границе до октября 1894 года, когда его перевели на различные должности в штате Нью-Йорк.

ГЛАВА XL.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕКРАЩАЮТСЯ.

Мужественно выполненные серьезные обязательства —Ультиматум Испании—Министр иностранных дел Испании отправляет министру Вудфорду Свой транспорт—Наши консулы на Кубе покидают остров—Судьба американцев осталась позади—Испанские шпионы за работой— Ведут отчаянную игру.

Никто, кроме тех, кто был близок к людям, стоявшим во главе нашего правительства незадолго до начала войны с Испанией, не может себе представить, с каким вниманием они следили за развитием предварительных слушаний.

Полностью осознавая свою серьезную ответственность, осознавая силу, присущую их положению, для достижения результатов, и все же осознавая с течением времени свою неспособность предотвратить исполнение предначертания судьбы, они, насколько могли, старались направлять события таким образом, чтобы они и люди были безупречны в глазах мира во всем, что могло последовать. То, что они так хорошо выдержали это напряжение, свидетельствует об их душевном равновесии и силе характера.

Поведение президента претерпело заметные изменения. Приветливое, жизнерадостное настроение, которое раньше характеризовало его, уступило место суровости манер, подобающей гуманному, но справедливому судье, призванному привести в исполнение справедливый приговор. Любопытной иллюстрацией темперамента мистера Маккинли стала перемена в его поведении после принятия резолюций, которые сделали войну неизбежной. Пока был хоть малейший шанс на мир, на него давила неуверенность, и его лицо приобрело бледный и измученный вид. Это выражение не исчезло полностью, но оно больше не было отмечено тревогой. С того момента, как было принято решение, возложившее на него руководство страной, находящейся в состоянии войны, он, казалось, испытал чувство облегчения, поскольку видел перед собой прямой путь, каким бы трудным он ни был.

Сразу после подписания резолюций, призывающих наше правительство к интервенции, президент направил ультиматум Испании, сославшись на акт Конгресса, и уведомил ее, что ее армия и флот должны быть выведены с Кубы к полудню 23 апреля.

Испанский министр Поло и Бернабе немедленно подал заявление на получение своих паспортов и покинул страну. Испанское правительство, не дожидаясь, пока министр Вудфорд предъявит ультиматум правительства Соединенных Штатов, направило ему свой транспорт, тем самым проявив инициативу и практически объявив войну этому правительству. Официальное уведомление генералу Вудфорду от министра иностранных дел Испании было следующего содержания:

Уважаемый сэр!

Выполняя свой тягостный долг, имею честь сообщить вам, что Президент Республики санкционировал резолюцию обеих палат Соединенных Штатов, которая отрицает законный суверенитет Испании и угрожает немедленной вооруженной интервенцией на Кубу, что равносильно объявлению войны.

Правительство Ее Величества приказало своему министру в Вашингтоне без промедления покинуть территорию Северной Америки вместе со всеми представителями Дипломатической миссии. Этим актом прекращаются дипломатические отношения, которые ранее существовали между двумя странами, и все официальные сношения между их соответствующими представителями. Я обязан проинформировать вас, чтобы вы, со своей стороны, могли принять такие меры, какие сочтете удобными.

Я прошу, чтобы в подходящее время Ваше превосходительство подтвердило получение этого письма и воспользовалось этой возможностью, чтобы еще раз заверить меня в моем самом глубоком уважении.

ПИО ГУЛЛОН.

Затем генерал Вудфорд передал миссию на попечение британского правительства и приказал всем американским консулам в Испании прекратить свои полномочия и немедленно покинуть страну. Затем он сам приготовился к отъезду и без промедления отправился в Париж.

КОНСУЛЫ НА КУБЕ ПОКИДАЮТ ОСТРОВ.

В преддверии действий, предпринятых Конгрессом, между генеральным консулом Ли и консулами несколько недель назад была согласована особая форма уведомления. Телеграмма, уведомляющая их покинуть остров, должна была состоять из следующих слов: "Ассигнования на оказание помощи американским гражданам исчерпаны". Эта форма была разработана по причине, которая имела отношение к несчастливой судьбе американцев, оставшихся на острове. Испанцы, принадлежащие к классу мстителей, так и не смогли смириться с действиями Соединенных Штатов по оказанию поддержки своим гражданам на Кубе. Эти действия разительно контрастировали с курсом испанского правительства. Испанцы не упускали возможности показать свое негодование по отношению к американцам. Когда планировались местные меры помощи, американцев дразнили и говорили обращаться к Соединенным Штатам за помощью и защитой. Благотворительность, оказанная Соединенными Штатами, навлекла на бенефициаров преследование со стороны испанцев. Генерал Ли, понимая силу этого недостойного чувства, подумал, что сообщение на процитированном языке будет настолько приятно испанцам, что его без промедления передадут консулам. В этом он был прав. Правительство попыталось предусмотреть выдворение американцев с острова одновременно с уведомлением консулов об отзыве. Результаты показали, что лишь сравнительно небольшое число людей воспользовались возможностью поехать. Корабль прошел вдоль южного побережья Кубы и вывез из Сантьяго, Мансанильо и Сьенфуэгоса от 200 до 300 беженцев, переправив их на Ямайку. Это была едва ли половина. С северного побережья число вывезенных с острова было намного меньше. В списках консульства Гаваны значилось более 600 американцев, из которых, возможно, 200 предпочли воспользоваться кораблями, присланными Соединенными Штатами. В Матансасе у консула Брайса было около 400 американцев. У консула Баркера в Сагуа было примерно столько же, а у консула Хэнса в Карденасе - около 100. Очень немногие из них хотели оставить свои интересы и родственников. Все они были совершенно обездолены. Они не знали, что могли бы делать, если бы оказались в Соединенных Штатах без друзей. Многие из них были кубинцами, прожившими в Соединенных Штатах достаточно долго, чтобы получить американское гражданство. Все их связи были на Кубе. Они верили, что военные корабли с провизией придут быстро. И поэтому они решили остаться. Когда консулы уехали, они снабдили американцев достаточным количеством

продовольствия, чтобы им хватило на срок от десяти дней до двух недель. Судьбу этих несчастных можно только представить. Из-за предубеждения, которое существовало по отношению к американским центрадосам, консулы знают, что они будут последними, кто получит какое-либо внимание, когда блокада начнет усиливаться.

ИСПАНСКИЕ ШПИОНЫ ЗА РАБОТОЙ.

Незадолго до начала реальных военных действий между этой страной и Испанией военный атташе испанского представительства в Вашингтоне был вынужден покинуть эту страну, поскольку стало известно, что он пытался узнать определенные факты, касающиеся силы наших фортов и их оборонительного оборудования. Этим человеком был лейтенант Собрал, и, говоря простым и бескомпромиссным английским языком, он был шпионом или сотрудником секретной службы Испании, что подразумевает одно и то же.

Прежде чем он покинул эту страну, его изгнали из нескольких фортов вдоль побережья Южной Атлантики, где его застали за попытками получить доступ к тем тайнам, о которых ни один человек, если только он не носит форму армии Соединенных Штатов, не может по праву знать что-либо, даже в мирное время. Это был первый намек этой страны на то, что Испания введет здесь ту же систему шпионажа, которую она использует у себя дома. После изгнания Собрапа из страны стало известно, что испанские шпионы работали в Вашингтоне, следя за каждым совершаемым там шагом; что они кишели в Ки-Уэсте и в Нью-Йорке, где вели строгое наблюдение за членами кубинской хунты.

Многие из этих шпионов были американскими гражданами, или, по крайней мере, номинально, поскольку их работа выполнялась под руководством хорошо известного детективного агентства, действующего, разумеется, совместно с присутствующими здесь испанскими представителями. Эти люди были в основном заняты предотвращением отправки припасов и оружия на Кубу. Одно время было невозможно войти в здание, где находилась штаб-квартира хунты, или выйти из него, не заметив одного или нескольких мужчин, слоняющихся без дела и тщетно пытающихся сделать это как можно изящнее. Это были волнующие времена в анналах хунты, когда за Рубенсом, Пальмой и капитаном О'Брайеном регулярно следили по дороге из их домов в штаб-квартиру. Это были хорошие времена и для американского детективного агентства. Но все это было просто неуклюжей работой, больше раздражающей, чем что-либо другое, и едва ли служившей препятствием для доставки оружия и припасов, когда хунте посчастливилось иметь оружие и припасы для отправки.

Но после объявления войны шпионский вопрос приобрел настолько серьезный характер, насколько это было возможно. Испания действовала тихо, тайно, через одну из наиболее управляемых ветвей своего правительства и со всей присущей латиноамериканцам любовью к интригам. Она больше не обращала особого внимания ни на Пальму, ни на Рубенса, ни на капитана О'Брайена. Она играла в более серьезную игру. Американские детективы больше не представляли здесь ее интересы — что, конечно, невозможно при существующих условиях. При Поло был создан самый полный отдел шпионажа, которым он управлял из убежища, предложенного ему Канадой.

Сбор информации и тех фактов, которые обычно касаются деятельности секретных служб цивилизованных стран, по-видимому, был второстепенной задачей этого конкретного

ведомства. Масштабы его операций отличались от тех, которым обычно следуют простые шпионы.

Намерение Поло, по-видимому, состояло в том, чтобы перенести войну в Америку новым и поразительным образом — поразительным, потому что его действия нельзя было увидеть или предсказать до тех пор, пока не был нанесен удар. Он использовал подконтрольный ему корпус, чтобы подложить бомбу анархиста и факел зажигательной смеси под наши арсеналы и те здания, где правительство хранило свои припасы для армии и флота.

Какое-то время он преуспевал в своих трусливых интригах, и его эмиссары отпраздновали его успех многими тоннами хорошего американского пороха ценой жизней нескольких хороших американцев. Бомбы были найдены в угле, предназначенном для использования на борту наших военных кораблей. Их даже извлекали из угольных бункеров наших кораблей, и они были найдены в некоторых правительственных зданиях в Вашингтоне. Действительно, ситуация стала настолько серьезной, что в конце концов незнакомцам запретили посещать военное судно или входить в форт.

Следует помнить, что в Америке тысячи испанцев, которые, если только они не совершат какой-либо открытый акт насилия, могут пользоваться всеми привилегиями, предоставляемыми гражданину. Это, вместе с нашим смешанным населением, во многих кругах состоящим в основном из народов Южной Европы, все более или менее одного типа, все говорящие на языках, которые, по крайней мере, для неподготовленного уха, почти идентичны друг другу, дало испанскому шпиону в Америке защиту и свободу от подозрений и слежки, с которыми он вряд ли встретился бы в какой-либо другой стране, и которые, наоборот, не предоставили никаких возможностей американскому шпиону в Испании, если бы мы решили использовать те же методы.

ИГРАЕМ В ОТЧАЯННУЮ ИГРУ.

Однако эти испанцы вели отчаянную игру. Это было буквально рискованно для их шей, потому что, если бы человек был задержан, у него не было бы никакой возможности избежать позорной смерти, которая обычно поджидает на подобных службах. Собравшись разрешить уехать, хотя не было никаких сомнений в том, что его поведение было настолько компрометирующим, что ему грозил арест, суд и, в случае признания виновным, смертная казнь, если бы эта страна позаботилась о его задержании. Его судьбу за границей было бы легко предсказать. Его вина была почти такой же большой, как та, которая привела майора Андре к смерти во времена Революции.

ГЛАВА XLІ.

ПЕРВОЕ ОРУЖИЕ И ПЕРВЫЕ ПРИЗЫ ВОЙНЫ.

Захват "ЛаФайетта" — Правительство приказывает ее освободить — Буксировка призов в Ки— Уэст—Испанцы устроили ловушку — "Виксбург" и "Моррилл" Заглатывают наживку — Испанские артиллеристы Плохие стрелки - Еще один шанс спастись.

Вскоре после объявления блокады кубинских портов был произведен захват, который угрожал международными осложнениями. Французский почтовый пароход "Лафайет" был задержан почти под обстрелом замка Морро.

"Аннаполис" окликнул ее в гавани и, не получив ответа, лишь продемонстрировав французский триколор, ударил шестифунтовым снарядом по носу и заставил встать.

МОЛИТВЫ И СЛЕЗЫ В КАЮТАХ.

Из 161 каютного пассажира парохода восемьдесят были женщинами и детьми. Когда прозвучал предупредительный выстрел и подошли "Аннаполис" и "Уилмингтон", они заперлись в каютах и предались молитвам и слезам.

Большинство пассажиров были испанцами или кубинцами, было и несколько мексиканцев. Почти все направлялись в Гавану.

Пароход был доверху заполнен медикаментами, провизией, винами и хлопчатобумажными изделиями, отправленными торговцам в Гавану и Вера-Крус, Мексика. Подсчитано, что стоимость груза судна составила почти 500 000 долларов. Его чистый тоннаж составляет 4000 тонн. Она родом из Сантандера, Франция, и освобождена из Ла-Коруньи, Испания, 23 апреля, через два дня после того, как президент издал прокламацию о блокаде, хотя капитан Лешапелан заявил, что его не уведомили.

Как только официальное уведомление о ее поимке достигло Вашингтона, были разосланы телеграммы с приказом о немедленном освобождении.

Объяснение этого действия со стороны администрации приводится в заявлении, которое следует ниже и которое было выпущено из Белого дома:

""Лафайет" был освобожден во исполнение приказов, которые были изданы Военно-морским министерством до его захвата, но которые не были получены командирами судов, производивших захват. Факты таковы, что 29 апреля посольство Франции сделало неофициальный запрос относительно того, будет ли разрешено лайнеру "Лафайет", который вылетел из Сен-Назера, Франция, в Вера-Крус через Гавану, до объявления войны или получения информации о блокаде, высадить в Гаване определенных пассажиров, ее почтовые сумки и почтовую сумку Генерального консульства Франции и взять на борт некоторых французских пассажиров. Было дано заверение, что, если эта привилегия будет предоставлена, французский консул запретит пароходу высаживать товары.

"Этот вопрос был должным образом рассмотрен, и было решено, что, невзирая на строгий закон о блокаде и в качестве акта вежливости, просьба французского правительства должна быть удовлетворена. Соответственно, заказы были отправлены 2 мая. Когда была получена информация о захвате парохода и о том, что его доставили в Ки-Уэст, эти приказы были доведены до сведения похитителей с инструкциями освободить пароход и проследить за тем, чтобы приказы были должным образом доставлены, с тем чтобы их можно было привести в исполнение. Ни со стороны французского правительства, ни от его имени, прямо или косвенно, не было выдвинуто никаких требований об освобождении парохода. "Уилмингтон" будет сопровождать "Лафайет" в Гавану сегодня вечером.

8 мая британский трамп Strathdee, капитан Карри, попытался прорвать блокаду, но был остановлен канонерской лодкой Machias. Капитан "Стратди" утверждал, что судно было загружено сахаром и что у него на борту находилось несколько испанских беженцев из Сагуа-ла-Гранде. Он также сказал, что пароход направляется в Матансас, где желательно высажить часть беженцев. Однако командир "Мачиаса" скептически отнесся к этой истории и предупредил капитана "Стратди", что, если он попытается увести судно в Матансас, по нему будет открыт огонь, после чего "Стратди" развернулся и направился в сторону Нью-Йорка.

ТРИ НЕБОЛЬШИХ ПРИЗА ОТБУКСИРОВАНЫ В КИ-УЭСТ.

9 мая были разыграны три приза. Это была бригантина "Лоренцо", захваченная "Монтгомери" близ Гаваны в пятницу, когда они направлялись в Рио-де-ла-Плата с грузом вяленой говядины.

"Эспана", маленький рыбацкий шлюп, был захвачен "Морриллом" примерно в трех милях от Мариэля сразу после ожесточенного боя. В то время "Ньюпорт" был совсем рядом, и призовая команда, состоящая из обоих кораблей, доставила захваченное судно.

Третьим захваченным судном была шхуна "Падре де Диос" капитана Матео Эрреры, груженная рыбой. Он был снят с "Ньюпорта" у Мариэля и доставлен старшиной и призовой командой. Все трое сочли достаточным по одному холостому выстрелу на каждого.

ЗАСТАВЛЯЕТ СВОЙ ПРИЗ РАБОТАТЬ БУКСИРОМ.

Утром 9 мая было замечено, как один пленник доставлял другого в порт. Оба являются призами канонерской лодки "Ньюпорт" и были захвачены между Мариэлем и Гаваной.

На рассвете, сразу после необъяснимого выстрела с батареи в Гаване, курьерский катер у замка Морро заметил "Ньюпорт", за которым послушно следовал большой норвежский трамп "Братсберг". Внезапно из дымовой трубы "Ньюпорта" повалили клубы черного дыма, и, пытаясь выяснить причину, они увидели красивую двухмачтовую шхуну с распущенными парусами, летящую с северо-запада в Гавану.

Над водой прогремел холостой выстрел. У шхуны не было никаких шансов, но она держала курс до тех пор, пока солидное шестифунтовое орудие с "Ньюпорта" не пронеслось к ней наперерез и не упало перед бушпритом. Затем она опустила кливер и быстро развернулась, направляясь к военному кораблю, подобно тому, как собака бежит к своему хозяину по щелчку кнута. Она была Фернандито, скупившейся на вознаграждение, которое капитан-генерал Бланко предлагал за рыбу, доставленную голодной Гаване. На борт был протянут трос, и "Братсберг" был вынужден сесть за другой конец и направиться в Ки-Уэст.

Однажды во время блокады испанцы устроили ловушку. Коварные испанцы устроили ловушку, чтобы отправить на дно пару наших кораблей. Из Гаванской гавани была выслана небольшая шхуна, чтобы заманить часть американцев в засаду. Уловка сработала как по волшебству. "Виксбург" и "Моррилл" в пылу погони и из-за своего презрения к испанской артиллерии попали прямо в расставленную для них ловушку. Если бы испанцы набрались терпения хотя бы на пять минут дольше, даже их плохая артиллерийская подготовка не спасла бы наши корабли, и еще два наших судна лежали бы на дне в двух шагах от места крушения злополучного "Мэна".

В пятницу вечером "Виксбург" и "Моррилл", курсировавшие к западу от замка Морро, были обстреляны крупнокалиберными орудиями батарей Кожимар. По "Виксбургу" было произведено два выстрела, а по "Морриллу" - один. Оба не достигли цели, и оба судна, не открывая ответного огня, вышли за пределы досягаемости. Поступить иначе было бы безумием. Но на этот раз испанцам повезло больше. Шхуна, которую они отослали еще до рассвета, направилась на восток, прижимаясь к берегу, ветер дул ей в правую четверть борта. Примерно в трех милях к востоку от входа в гавань она легла на левый галс. Легкая дымка окаймляла горизонт, и ее обнаружили только в трех милях от берега, когда "Мэйфлауэр" разглядел ее и подал сигнал "Морриллу" и "Виксбергу".

ОНИ ЗАГЛАТЫВАЮТ НАЖИВКУ.

Капитан Смит с "Моррилла" и командер Лилли с "Виксбурга" немедленно пустили все паруса и пустились в погоню. Шхуна мгновенно развернулась и побежала к замку Морро против ветра. Таким образом, согласно хорошо продуманному испанскому плану, она должна была вывести два американских военных корабля прямо под орудия батарей Санта-Клары. Эти сооружения находятся в нескольких милях к западу от Морро и являются частью оборонительных сооружений гавани. Есть две батареи: одна на берегу, недавно возведенная из песка и мортиры, с широкими амбразурами для восьмидюймовых орудий, а другая на гребне скалистого возвышения, выступающего в воду залива у мыса.

На верхней батарее установлены современные 10-дюймовые и 12-дюймовые орудия. Крупная за шестифутовым каменным парапетом, перед которым находятся двадцать футов земляных насыпей и пояс из железнодорожного железа. Эта батарея считается самой грозной из оборонительных сооружений Гаваны, за исключением замка Морро. Она замаскирована и не была полностью обнаружена американскими военными кораблями. Вероятно, именно из-за того, что испанцы не желали раскрывать свою позицию, "Виксбург" и "Моррилл" сейчас находятся на плаву.

"Моррилл" и "Виксбург" находились примерно в шести милях от шхуны, когда началась погоня. Они устремились за ней на полной скорости, "Моррилл" шел впереди, пока не оказался в полутора милях от батарей Санта-Клары. Командер Смит с "Виксбурга" первым осознал опасность, в которую их привело безрассудное преследование. Он решил, что пора отчаливать, и выстрелил в нос шхуны.

ЧУТЬ НЕ ПОПАЛ ПОД ШРАПНЕЛЬ.

Испанский шкипер немедленно развернул свое судно, но пока оно все еще качалось на волнах с хлопающими парусами, 8-дюймовый шрапнельный снаряд просвистел в воздухе от водяной батареи, расположенной в полутора милях от него. Снаряд пролетел над "Морриллом" между рулевой рубкой и дымовой трубой и взорвался менее чем в пятидесяти футах по левому борту. Небольшая дробь ударила о борт. Это было на волосок от смерти.

Быстро последовали еще два выстрела, оба осколочные. Один разорвался близко под четвертью правого борта, наполнив машинное отделение дымом от взрыва снаряда, а другой, как и первый, прошел над ним и взорвался сразу за ним.

У испанских артиллеристов была дальнобойность, и их временные взрыватели были точно установлены. Экипажи обоих кораблей находились у своих орудий. Лейтенант Крейг, который

отвечал за носовое 4-дюймовое скорострельное орудие "Моррилла", запросил и получил разрешение открыть ответный огонь. При первом же выстреле "Виксбург", шедший в кильватере "Моррилла", слегка прижатый к берегу, отклонился и прошел с наветренной стороны под кормой "Моррилла".

ЕЩЕ ОДИН УЗКИЙ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ.

Тем временем капитан Смит также повернул штурвал влево, и это произошло не слишком быстро, потому что, когда "Моррилл" отчалил, мощный 8-дюймовый снаряд задел четверть ее правого борта и поднял тонны воды, когда она ударилась о волну в 100 ярдах дальше. Капитан Смит позже сказал, что это, несомненно, был 8-дюймовый бронебойный снаряд и что он прошел бы сквозь котлы "Моррилла", если бы он в последний момент не изменил курс.

Все орудия водной батареи были теперь в работе. Одно из них перерезало трап Якоба на дрейфующем "Виксбурге", а другое унесло часть такелажа. Когда "Моррилл" и "Виксбург" отчалили, их кормовые орудия были задействованы, но было сделано всего несколько выстрелов. 6-дюймовое орудие "Моррилла" было поднято на 4000 ярдов и несколько раз ударило по земляному сооружению. "Виксбург" произвел всего три выстрела из своего 6-фунтового орудия.

Испанцы продолжали стрелять дробью в течение двадцати минут, но выстрелы были неэффективны. Некоторые из них были настолько дикими, что вызывали насмешки американских "Джеки". Испанцы прекратили огонь только тогда, когда "Моррилл" и "Виксбург" оказались полностью вне пределов досягаемости.

Если бы все испанские артиллеристы страдали косоглазием, их тренировки не могли бы быть хуже. Но офицеры как "Моррилла", так и "Виксбурга" откровенно признают свое собственное безрассудство и то, что их суда едва избежали гибели. Они твердо убеждены, что преследование шхуны было тщательно спланированной уловкой, которая почти увенчалась успехом.

Если бы хоть одна из пуль попала в тонкую обшивку любого из сосудов, она оказала бы сопротивление не большее, чем лист бумаги ружейной пуле.

Точность первых нескольких выстрелов объясняется тем фактом, что у испанских офицеров было достаточно времени для наблюдений. Пеленги двух судов, вероятно, были сняты с помощью дальномера на батарее Санта-Клара, и, поскольку эта батарея, вероятно, соединена проводом с Morro, они смогли взять пеленги с обеих точек и путем кропотливых вычислений довольно точно зафиксировали положение судов. При такой возможности наблюдения американскому артиллеристу не составило бы большого труда пустить снаряд в дымовую трубу судна.

Как только корабли отошли после первого залпа, испанские артиллеристы потеряли дальность стрельбы, и их практика стала смехотворной. Капитан Смит говорит, что если бы они подождали еще пять минут, прежде чем открыть огонь, промахнуться по цели было бы практически невозможно.

Перед вторжением нашей армии на Кубу повстанцам были отправлены большие запасы оружия и боеприпасов. Одна из самых заметных таких экспедиций была совершена буксиром "Лейден",

который перевозил 50 000 винтовочных патронов и два ящика динамита. Она покинула Ки-Уэст с полковником Акостой и примерно двадцатью пятью другими кубинцами на борту, которые должны были присоединиться к генералу Гомесу в провинции Санта-Клара. Буксир достиг побережья Кубы и, благополучно высадив своих пассажиров, направился к точке в семнадцати милях к западу от Гаваны, где его встретил генерал Перико Дельгадо с примерно 100 кубинцами на пляже. Экипаж "Лейдена" начал выгружать боеприпасы, когда небольшой отряд испанской кавалерии появился на небольшом расстоянии от берега и, спешившись, начал обстреливать "Лейден". Несколько пуль пробили дымовую трубу буксира, когда лодка отошла от берега примерно на три мили, где встретила канонерскую лодку "Уилмингтон".

Вернувшись под защиту канонерской лодки, "Лейден" снова приступил к выгрузке своего груза. Испанцы вскоре вернулись и, не обращая внимания на оживленную перестрелку повстанцев Дегальдо, возобновили свое наступление на Лейден. "Уилмингтон", занявший позицию дальше от берега, послал трехфунтовый снаряд в гущу кавалерии, ранив нескольких из них и обратив их в бегство. Затем "Лейден" завершил работу по выгрузке боеприпасов и вернулся в Ки-Уэст.

ГЛАВА XLII.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ.

Испанский министр в Вашингтоне требует свои паспорта— Министр Вудфорд покидает Мадрид—Официальное объявление войны—Наше правительство заявляет о своих намерениях—Ощущение войны в Испании—Последствия объявления на Кубе—Мнение вице-президента Кубинской республики.

Испании был дан срок до полудня субботы, 23 апреля, для ответа на требование нашего правительства, выраженное в совместных кубинских резолюциях, принятых обеими палатами Конгресса и подписанных Президентом. Не получив к тому времени ответа, президент заявил о своем намерении выполнить цель ультиматума. Копия этого ультиматума была передана сеньору Поло, испанскому посланнику в Вашингтоне. Сеньор Поло немедленно потребовал свои паспорта, объявил, что все дипломатические отношения между ним как министром и Соединенными Штатами более невозможны, и через несколько часов был на пути в Канаду.

В Мадриде, прежде чем наш министр смог выполнить свои инструкции, он был уведомлен министром иностранных дел Испании о прекращении дипломатических отношений. Он сразу же попросил свои паспорта и в тот же день уехал в Париж.

Президент Маккинли справедливо расценил поведение Испании, разорвавшей дипломатические отношения и отказавшейся даже принять его требование, как равносильное абсолютному отказу. Не оставалось причин ждать принятия мер до полудня субботы, поскольку нельзя было ожидать возможного ответа на требование, само представление которого было положительно отклонено. Короче говоря, Испания немедленно показала, что рассматривает акт Конгресса и президента практически как объявление войны, и ей не оставалось ничего другого, как прибегнуть к оружию.

В понедельник, 25 апреля, президент направил Конгрессу послание с просьбой принять совместную резолюцию, объявляющую состояние войны между Испанией и Соединенными

Штатами, и в Палату представителей сразу же был внесен законопроект, объявляющий, что война действительно существует и существовала с 21 апреля включительно, который был принят менее чем за две минуты. Сенат быстро согласился, и законопроект стал законом.

Хотя Соединенные Штаты не были участником Парижской декларации, правительство заявило о своем намерении придерживаться ее четырех основных принципов: (1) Каперство отменено. (2) Нейтральные флаги, освобождающие товары противника от захвата, за исключением военной контрабанды. (3) Нейтральные товары под флагом противника конфискации не подлежат (4) Обязательная блокада должна быть эффективной. Испания, со своей стороны, издала указ, признающий факт существования военного положения, разрывающий все договоры с Соединенными Штатами и обещающий соблюдать только что приведенные правила, за исключением того, что она сохранила свое право выдавать каперские свидетельства каперам. Но это исключение было изменено заявлением Испании о своем намерении отправлять только вспомогательные крейсера, изъятые у торгового флота и находящиеся под военно-морским контролем. Одним из соображений, которое, возможно, повлияло на это решение, был самоочевидный факт, что европейские державы, несомненно, вмешались бы в том случае, если бы Испания попыталась продолжать каперство старыми методами.

ОЩУЩЕНИЕ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ.

В Испании настроение войны было высоким. Королева-регентша в своей речи перед кортесами заявила о "неизменной решимости моего правительства защищать наши права, на какие бы жертвы нам ни пришлось пойти при выполнении этой задачи". Она сказала далее:

"Таким образом, отождествляя себя с нацией, я не только выполняю клятву, которую дала, принимая регентство, но и следую велению материнского сердца, доверяя испанскому народу сплотиться вокруг трона моего сына и защищать его, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы защищать его самостоятельно, а также доверяя испанскому народу защищать честь и территорию нации".

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ.

Президент и Конгресс, несомненно, действовали в русле правильной политики, официально объявив войну. Как сказал мистер Маккинли в своем послании Конгрессу, развитие событий вынудило его принять меры враждебного характера. Была установлена блокада и захвачены испанские суда. В то время как каждая цивилизованная держава на земле немедленно узнала факты, все еще оставалась необходимость совершить официальный акт уведомления их о намерениях этого правительства. В этом случае, как и в других случаях в истории страны, фактические военные действия были начаты до того, как правительству показалось необходимым сделать официальное заявление. По мнению авторитетных специалистов по международному праву, "заявление может быть необходимым, но не является существенным". В данном случае, когда стало настолько очевидно, что общий конфликт неизбежен, администрация поступила справедливо по отношению к торговым державам мира, официально заявив о своей позиции и предупредив их всех о последствиях, которые могут последовать в случае попытки судов войти в кубинские воды.

Резолюции были восхитительно краткими и лаконичными, они просто объявляли о существовании военного положения и уполномочивали президента делать с армией и флотом все, что он сочтет нужным.

Этим актом, хотя ситуация сама по себе никоим образом не изменилась, нация приобрела определенный дипломатический статус воюющей державы и была вольна предпринимать любые действия, которые подпадали под действие законов цивилизованных наций во время войны.

ДЕЙСТВИЕ ДЕКЛАРАЦИИ НА КУБЕ.

Когда весть о действиях администрации достигла повстанцев на Кубе, это вызвало среди них огромную радость, поскольку они почувствовали, что час их освобождения наконец-то близок. Говоря об этом, доктор Капоте, вице-президент Кубинской республики, сказал:

Я хочу поблагодарить великий американский народ и его правительство за принятое ими решение освободить нас от тиранического правления Испании. Народ Кубы верит в добрую волю народа Америки. Они верят в честность своих намерений освободить Кубу и уверены в своей способности добиться этого; но следует иметь в виду, что главной целью кубинцев является не просто свобода от владычества Испании, но независимость от внешнего контроля, каким бы благотворным этот контроль ни был, и абсолютное невмешательство других в управление нашими собственными делами. "Куба свободна и независима" - это лозунг кубинской свободы.

Кубинское командование ожидает какого-нибудь решительного шага со стороны ваших генералов. Если вы сможете наладить и поддерживать связь с кубинской армией и предоставить нам обильные поставки оружия и боеприпасов, мы освободим Кубу, не потеряв ни одного американского солдата. Наше положение на поле боя шаткое. Из-за нехватки припасов мы не можем сосредоточить наши войска. Наши лагеря перемещаются с места на место в зависимости от условий с продовольствием. Мы испытываем трудности из-за нехватки боеприпасов. Мы не можем вооружить людей, которых можем выставить на поле боя. Откройте связь, дайте нам оружие и припасы, и мы больше ничего не просим.

Что касается окончательного заселения острова, то после окончания войны, когда последний испанский солдат покинет Кубу, работа временного правительства будет прекращена. Народ Кубы, независимо от класса или симпатий, тогда скажет, как нами будут управлять. Не будет никаких репрессий, никаких конфискации, никаких различий.

ГЛАВА XLIII.

ВЫЗОВИ НАЦИОНАЛЬНУЮ ГВАРДИЮ, НАШ ГРАЖДАНСКИЙ СОЛДАТ.

Восторженный ответ на призыв—Требования Военного министерства—Кто может поступить на службу—Как формировалась армия—В тренировочных лагерях—Из американцев получают лучшие солдаты—"Крутые наездники"—Ковбои и светские люди—Их форма и оружие—Их боевые лидеры.

Если бы все мужчины, изъявившие желание откликнуться на призыв к оружию, были приняты, ни одна нация в мире не могла бы похвастаться большей армией. Спрос был настолько ограничен, а предложение так велико, что пришлось отказать гораздо большему количеству

солдат, чем было принято, и многие из Национальной гвардии, которым отдавалось предпочтение во всех штатах, были отклонены на выпускных экзаменах, потому что им не хватало некоторых квалификаций, необходимых для солдата Соединенных Штатов.

Согласно требованиям военного министерства, кандидаты на поступление на военную службу должны быть в возрасте от 18 до 35 лет, обладать хорошим характером и привычками, быть трудоспособными, свободными от болезней и должны уметь говорить на английском языке. Если человек пристрастился к вредной привычке курить сигареты, вполне вероятно, что он не пройдет медосмотр. Человек, который много пил, склонен к тому, что его отвергнут без церемоний.

Женатые мужчины будут зачислены на службу только с одобрения командира полка.

Несовершеннолетние не должны быть зачислены на службу без письменного согласия отца, единственного оставшегося в живых родителя или законно назначенного опекуна. Первоначальный призыв будет ограничен лицами, которые являются гражданами Соединенных Штатов или которые официально заявили о своем намерении стать их гражданами.

При выполнении этих требований мужчине разрешается пройти медицинский осмотр. Немногие понимают, насколько жестким является этот осмотр. Были отвергнуты многие из тех, кто думал, что они находятся в идеальной физической форме. Ряд заявителей, которые были уверены, что им разрешат поступить на военную службу, были отклонены врачами из-за варикозного расширения вен. Варикозное расширение вен - это увеличенные вены, которые могут лопнуть под воздействием длительных физических нагрузок. Тесно связано с этим варикоцеле, из-за которого выбыла на удивление большая часть Национальной гвардии и новобранцев.

После того, как мужчину взвешивают и измеряют его рост, его передают врачу, который поднимает руки заявителя над его головой и приступает к ощупыванию его плоти. Если мясо мягкое и состоит из дряблых волокон, врач недоволен, и если он находит, что кости слишком нежные для такого количества мяса, он отказывает заявителю. Толстяки, однако, справляются, если их кости крепкие и у них нет какой-либо органической слабости. Чтобы определить состояние сердца, заявителя заставляют пропрыгать около пяти ярдов на одной ноге и вернуться обратно на другой. Затем врач слушает биение сердца. Он поднимает голову и говорит какому-то, по-видимому, красивому образцу мужественности простое слово:

"Отклонено".

У этого человека больное сердце, и, как ни странно, он об этом не знает. Если у человека бледный цвет лица или скорее землистый, врачи спросят его о состоянии желудка. Конечно, легкие тщательно проверяются. Однако нечасто представляется человек, страдающий заболеваниями легких. В частности, одному мужчине было отказано из-за формы его грудной клетки. Он был тем, кого обычно называют "с голубиной грудью". Врачи сказали, что в легких недостаточно места для воздуха, и все же отклоненный кандидат был известным спортсменом.

Но после того, как все органические центры были найдены в отличном состоянии, еще предстоит проверить несколько вещей. Ноги мужчины не должны легко покрываться волдырями. Зубы у него должны быть хорошими, потому что плохие зубы мешают пищеварению и могут вызвать проблемы с желудком. Конечно, принимая во внимание другие факторы,

конкретный дефект может быть пропущен по усмотрению врача. Человек с отрубленным указательным пальцем не выставляется напоказ.

Кривоногого мужчину примут, а вот человека со сбитыми коленями - редко.

Последний тест - на зрение. На расстоянии двадцати футов человек должен уметь читать буквы размером в полдюйма. Было использовано множество трюков, чтобы прочесть буквы, когда нетерпеливый кандидат мог видеть перед собой лишь размытое пятно. Любимым методом было запоминание букв у тех, кто сдавал экзамен и точно знал, в каком порядке расположены буквы.

КАК ФОРМИРУЕТСЯ АРМИЯ.

Создание армии — вот что значит превратить мирных людей в людей войны, подготовить механика или бизнесмена, фермера или шахтера к вооруженному бою с иностранным врагом — было для нынешнего поколения вопросом догадок и уроков, извлеченных из предыдущих отрывков национальных хроник. В нашей войне с Испанией это стало фактом, и прогресс, достигнутый на различных этапах, составляет главу в общественной истории, которая не менее интересна, чем любое из тех завоеваний в мирное или военное время, которые украшают для каждого американца страницы достижений Союза Штатов.

Невозможно точно сказать, как создается армия. Во время долгих дебатов, предшествовавших объявлению войны, красноречивые люди по обе стороны от палат Конгресса изображали силу американского оружия, пронзительный крик орла и остроту его когтей, а аплодирующие зрительные залы видели в предстоящем сражении не что иное, как призыв огромной массы резервных сил американского народа, его марширование на врага и возвращение с захваченными знаменами и ведением закованных в цепи пленников под музыку аплодирующих наций и благодарность народа, ставшего свободным благодаря своей борьбе. Другая сторона так и не была затронута. Ночи тяжелого труда штабных офицеров, умноженные силы заводов и фабрик, визг поездов, пересекающих континент, везущих людей и боеприпасы, и часы ожидания завершения изготовления тех боевых орудий, о которых мирный американец никогда раньше не задумывался при расширении своих промышленных учреждений, были совершенно упущены из виду.

Однако не всеми, ибо с того момента, как конфликт казался неизбежным, люди с суровым взглядом, сражавшиеся раньше, начали считать не цену, а часы между отдачей приказа и его выполнением, между призывом и приходом, и, наконец, когда результаты их трудов были завершены, история того, что они сделали, может быть частично рассказана.

Все процессы изготовления солдата так же различны, как и те, которые отмечают время посева и сбора урожая, размалывание и выпекание буханки. Легко видеть, что в стране, где постоянная армия составляет всего 25 000 человек, а силы ополчения различных штатов составляют такую незначительную долю от населения, что производство материалов, используемых только во время войны, не могло процветать. Таким образом, на момент начала военных действий в Соединенных Штатах имелось снаряжение для армии, численность которой составляла менее одной пятой той, что впоследствии вышла на поле боя, и патриотизм и верность были проявлены в снаряжении этих сил настолько, насколько это может быть продемонстрировано в реальном бою любым добровольцем или офицером регулярной армии, будь то в форте или на поле боя, и завоевать славу блестящим броском, или просто выполняя свой долг, удерживая свой пост.

Быстрого отклика на призыв президента о наборе добровольцев было достаточно, чтобы доказать, что люди горят желанием взять в руки оружие и готовы отправиться на фронт. Но энтузиазм, патриотизм и боеготовность никогда не создают армию. Армия - это огромная машина, частью которой является каждый человек, и даже ополченцам различных государств, которые потратили так много времени на подготовку именно к такой борьбе, не хватало одного важного элемента, без которого ни одна армия не может надеяться на успех: способности действовать в унисон. Лишь немногие штаты обучали своих солдат тому, что превращает простую роту или полк в колесо бригады или дивизии.

В больших лагерях в Чикамоге, в Кэмп-Элджере, в Тампе и в Сан-Франциско продолжалась работа по созданию армии из людей, которые месяц назад работали в магазине, на мельнице или в поле. Это означало длительную, тщательную муштру под руководством компетентных инструкторов. Тщательное изучение тактики и разумное понимание смысла приказа делают солдата. Невозможно представить себе что-либо более трудное, чем тщательная подготовка носителя оружия, и для этой задачи американец, по-видимому, подходит лучше, чем мужчины любой другой страны. При анализе солдат мира авторитетный специалист поставил бы американца, в жилах которого течет кровь разных наций, во главе списка по той причине, что с его более тонкой чувствительностью, большей способностью думать, действуя, и действовать, думая, все это способствует формированию в нем характера, способного к высокому и совершенному развитию в солдате.

В Чикамоге под командованием генерала Уэйда; в Вашингтоне под командованием генерала Грэма; в Тампе под командованием генерала Шафтера; в Сан-Франциско под командованием генерала Мерриам и на побережьях Нью-Йорка и Новой Англии под командованием бригадиров, служивших на Востоке и Западе, формировался исходный материал, пока, наконец, не был произведен идеальный солдат, о котором можно было сказать:

"Их дело не рассуждать "почему",
Их дело - делать и умирать".

О КРУТЫХ НАЕЗДНИКАХ.

Те, кто знаком с характером службы, обычно требуемой от кавалерии во время войны, не подвергнут сомнению полезность полка ковбоев — "грубых наездников", как их называют, — которые были воспитаны на Западе для участия во вторжении на Кубу.

Ковбой - быстро проходящий типаж. Колючая проволока, ограждение полигона, а также орошение и возделывание тех регионов, которые когда-то были отмечены на картах как пустыни, стали причиной его гибели, и он предпринял то, что может оказаться его последним боем как солдата.

Идея создания ковбойского полка принадлежала помощнику министра военно-морского флота Теодору Рузвельту, который сам имел некоторый опыт ковбойства на своем ранчо в Вайоминге и был экспертом в таких вопросах, как клеймение, метание веревки, разбивание бронхов и других приемах, характерных для "ковбоев".

Полк подполковника Рузвельта, который фигурирует в армейских документах как "1-й полк стрелковых рейнджеров", но который широкая публика с самого начала предпочитала называть

"грубыми наездниками Рузвельта", или, проще говоря, "ужасами Тедди", состоял почти полностью из ковбоев с небольшой примесью светских людей, которые любили и умели управлять лошадьми, не находя другого выхода, кроме как на охотничьих полях и площадках для игры в поло.

ПОЧТИ ПОЛНОСТЬЮ СОСТОИТ ИЗ КОВБОЕВ.

По организации полк не сильно отличался от знаменитых Техасских рейнджеров, но форма была такой же, как у кавалеристов регулярной армии, только слегка измененной. Однако его личный состав, за исключением членов "миллионера", был примерно таким же, как и у Рейнджеров. В нее входили мужчины почти из каждого штата Союза, и все они умели хорошо ездить верхом и стрелять, и многие из них нюхали порох не в одной войне с индейцами.

Хотя подполковник Рузвельт принимал самое активное участие в его формировании, он не командовал полком. Эта ответственность была возложена на полковника Вуда, который был почти так же хорошо известен на Западе, как Рузвельт на Востоке. Он поступил в армию хирургом, но, вероятно, имел гораздо больше отношения к нанесению ран, чем к их заживлению.

О нем говорят, что когда его впервые назначили на службу на пост в Аризоне, он прибыл на пост однажды вечером в 7 часов, а на следующее утро в 4 был в поле и на работе. Это было во время кампании против апачей в 1885 году, и хирург Вуд вскоре завоевал себе звание боевого врача. Он был замечен во время знаменитой вспышки Джеронимо, в разное время командуя пехотой и разведчиками, участвовавшими в погоне за этим коварным дикарем.

Полк был вооружен карабином Крага-Йоргенсена и револьверами, без которых не обходился ни один ковбой даже в мирное время. И вместо обычной кавалерийской шпаги, которая является довольно громоздким инструментом, за исключением рук людей, обученных ее использованию, грубые наездники взяли на вооружение кубинское мачете, которым могут успешно пользоваться даже неопытные; но не предполагалось, что они должны быть фехтовальщиками; они полагались на винтовку и револьвер. Мачете носили просто на случай, если закончатся боеприпасы или произойдет рукопашная схватка с кавалерией противника. При разработке этого плана действий можно видеть, что полковник Вуд и подполковник Рузвельт в применяемой ими тактике в точности следовали тактике, применявшейся конными стрелками революции. Именно такой отряд, проехав шестьдесят миль, в последний день встретился с англичанами под командованием полковника Фергюсона и наголову разбил их.

ГЛАВА XLIV.

БЛОКАДА КУБИНСКИХ ПОРТОВ.

Военная контрабанда—Конфискация грузов—Установление блокады—Уведомление других стран—Призы, Законные и незаконные—Каперство отменено—Распределение призовых денег—Использование правительством Своей доли.

Пока шла великая блокада, воздух был полон разговоров о "призах", "контрабанде", "обыске" и "захвате", и некоторые термины оказались довольно загадочными для среднего гражданина, у которого никогда не было возможности изучать правила ведения войны.

Сначала о "контрабанде". Одно из самых строгих правил войны гласит, что нейтральные страны не должны вмешиваться ни в коем случае оказывать помощь ни одной из сторон.

Предоставление кораблей, оружия или боеприпасов может значительно затянуть конфликт или даже изменить его результат, особенно когда эта помощь оказывается такой стране, как сегодняшняя Испания, плохо обеспеченной и с небольшими ресурсами. Это было бы явно несправедливо, и для нейтрального лица предлагать или поощрять такую помощь является тяжким преступлением. За небрежность в деле с отягчающими обстоятельствами такого рода (в случае с "Алабамой") Англия была вынуждена выплатить нам крупный ущерб. Ни национальное сочувствие, ни национальные интересы не могут служить оправданием.

Вот почему мы сдерживали и наказывали тех, кто организовывал экспедиции на помощь кубинцам, пока у нас все еще был мир с Испанией. Но страны, вовлеченные в войну, не должны требовать слишком многого. Они могут настаивать на том, что нейтральное государство не должно допускать проведения враждебных операций на своей территории, но они не имеют права требовать, чтобы оно наказывало своих частных граждан за участие в торговле предметами, которые могут быть полезны врагу, поскольку это создало бы слишком много проблем и расходов для нации, которая не имеет отношения к ссоре. Такая торговля наказуема, но дело пострадавшей от нее нации — ловить участвующие в ней суда и приводить в исполнение наказание, которое обычно заключается в конфискации товаров как "военной контрабанды". Для этого он может останавливать и обыскивать любые корабли — за исключением военных, — которые он обнаружит в море; и до тех пор, пока не будет совершено никаких нарушений, нейтральный должен подчиняться, и у него нет оснований для жалоб. Торговля контрабандными товарами допускается, но осуществляется на собственный страх и риск торговца. Его правительство не возьмет на себя обязательство защищать его от законных последствий его предприятия.

Как уже было сказано, контрабандные товары конфискуются похитителем. Судно, однако, должно быть захвачено, пока виновный товар все еще находится на борту; наложение ареста на выручку после того, как груз был продан и выгружен на берег, недопустимо, хотя иногда это делалось. Если судно принадлежит тому же владельцу, что и конфискованный товар, оно тоже конфискуется; в противном случае оно освобождается после того, как товар будет снят.

Очень важно точно знать, какие предметы являются контрабандными, а какие нет; но часто это трудно решить. Об оружии, военном снаряжении и боеприпасах речи не идет. Это явно контрабанда, и материалы, из которых они сделаны, причисляются к ним всякий раз, когда кажется, что они предназначены для военного использования. Таким образом, сера и селитра всегда являются контрабандой. Отделенные части пушек и корабельных двигателей действительно ускользают с помощью хитрости разделения.

Ткань сама по себе не является контрабандой, но если бы она была такого качества, которое явно предназначено для изготовления униформы, ее, вероятно, изъяли бы. Лошади настолько полезны на войне, что большинство стран относятся к ним как к контрабанде — хотя, как ни странно, Россия никогда этого не делала. Еще более нежелательным в наши дни является уголь, которому никогда не будет позволено попасть в бункеры вражеских военных кораблей, если это

можно предотвратить. Это ясно показывает, насколько неопределенным и изменчивым является этот список, поскольку пятьдесят лет назад уголь был таким же бесплатным, как и провизия, хотя даже продовольствие нельзя было переправлять через линию блокады.

Такие предметы, как уголь, которые представляют большую ценность на войне, но также в значительной степени используются в мирных целях, называются "случайной контрабандой", и их изъятие вызывает бесконечные споры. Несправедливо рассматривать их как контрабанду, за исключением случаев, когда они явно предназначены для использования во враждебных целях. Иногда, в сомнительных случаях, такие товары не конфискуются, а изымаются и оплачиваются, чтобы предотвратить их попадание к врагу. Это называется "преимущественной покупкой"; но, каким бы справедливым это ни казалось, существует большая опасность, что это послужит предлогом для присвоения товаров, которые должны продаваться совершенно бесплатно, и такая практика в целом осуждается.

Досмотр в море чрезвычайно раздражает, и суда, совершенно не причастные к контрабанде, часто подвергаются большим неудобствам. Это необходимо вынести; попытка сопротивления или побега повлечет за собой конфискацию, каким бы ни оказался их груз. Однако только должным образом сданные в эксплуатацию суда имеют право задерживать торговые суда с этой целью. Другим видом вмешательства в войну, за которое нейтральный гражданин может быть наказан конфискацией, но за которое его правительство не несет ответственности, является проведение блокады.

Блокада, подобная той, которую мы поддерживали вокруг Кубы, устанавливается путем размещения военных судов у входов в гавани и через определенные промежутки времени вдоль заблокированного побережья. Его цель - перекрыть поставки и прекратить всякое сообщение с врагом по морю. Поэтому торговым судам всех стран запрещено проходить линию или даже приближаться к ней, а наказанием за неповиновение является конфискация как судна, так и груза - является ли последний контрабандой или нет, здесь не имеет значения. Если судно не остановится по сигналу, оно может быть обстреляно, и если оно затонет при попытке к бегству, то это будет ее собственная вина. И в отличие от судов, просто виновных в перевозке контрабанды, оно не менее подвержено аресту на обратном пути, после того как его груз будет утилизирован. В целом, осуществление блокады - опасное дело. Обычно такие попытки предпринимаются под покровом ночи или в штормовую погоду, и они так же полны волнения и приключений, как и сама война. Мотивом обычно является либо получение выгоды от цен на продовольствие, вызванных голодом, либо оказание помощи врагу путем доставки припасов или депеш.

Нейтральные суда, однако, имеют право на своего рода предупреждение о существовании блокады. Поэтому всем нейтральным правительствам направляется уведомление, в котором сообщается об этом факте и точно указывается протяженность охваченного побережья. Кроме того, до тех пор, пока блокада не продлится некоторое время и, таким образом, не станет общеизвестной, офицеры блокирующего флота обычно посещают и предупреждают каждое приближающееся судно, причем предупреждение с указанием даты заносится в его реестр. Если после этого судно приблизится к запретному побережью, оно подлежит конфискации - хотя, возможно, сильные погодные условия могли бы оправдать его, при условии, что оно не выгрузило никакого груза. Инструкции такого рода были даны президентом Маккинли нашей эскадрилье, осуществлявшей блокаду Кубы. Кроме того, судам, находившимся в

блокированных портах на момент объявления блокады, было предоставлено разумное время для того, чтобы совершить побег. Президент Маккинли выделил для этой цели тридцать дней, что было необычно либерально.

Страны, участвующие в войне, иногда предполагали, что они могли бы установить блокаду, просто издав прокламацию, запрещающую нейтральным странам приближаться к побережью противника, без размещения кораблей для обеспечения ее соблюдения. Например, во время наполеоновских войн Франция объявила все побережье Англии блокадой в то время, когда она едва осмеливалась отправить корабль из своих портов, получив основательное поражение при Трафальгаре. Но эти "бумажные блокады" - просто пустая трата времени и чернил. Они недействительны, и, кроме как в форме гневного и презрительного протеста, ни одна нация не сочла бы их достойными ни малейшего внимания. Если Испания, например, попытается отчаянно блефовать, объявив Новый Орлеан, Нью-Йорк и Бостон в блокаде, все нейтральные корабли будут приходить и уходить точно так же, и она будет вмешиваться в их дела на свой страх и риск. Этот вопрос — если он когда-либо был вопросом - был окончательно решен эпохальной конвенцией держав по окончании Крымской войны (Парижский мирный договор 1856 года), которая, наряду с другими правилами, революционизировавшими морскую войну, провозгласила, что "блокады, чтобы быть обязательными, должны быть эффективными". Это означает, что они должны поддерживаться силами, фактически размещенными на блокированном побережье, достаточно сильными, чтобы сделать попытку прорыва крайне опасной. Однако временное отсутствие некоторых кораблей, либо в погоне за врагом, либо из-за сильного шторма, не отменит блокаду, и корабли, пытающиеся воспользоваться таким прорывом, в случае поимки понесут полное наказание.

А теперь несколько слов о "призах" — особенно интересной и своевременной теме, поскольку в течение первой недели войны наш флот захватил не менее пятнадцати из них.

Во время войны должным образом укомплектованные корабли имеют право захватывать не только вооруженные суда, но и беспомощных торговых представителей противника. Это действительно очень похоже на пиратство, но такова была всеобщая практика с незапамятных времен. Эти захваченные суда отводятся в какой-нибудь удобный порт страны захватившего, чтобы суды могли вынести по ним решение, и, если при захвате не было допущено ошибки, они немедленно объявляются "законным трофеем". Затем они продаются, и похитителям вручаются "призовые деньги" пропорционально стоимости приза. С грузом обращаются таким же образом, за исключением случаев, когда он принадлежит нейтральному государству, и в этом случае он свободен; хотя владелец должен мириться с неудобствами и задержками, возникшими в результате ареста, поскольку он сознательно пошел на этот риск, поместив свой груз на враждебное судно. Раньше его имущество иногда конфисковывалось при таких обстоятельствах, но уже упомянутый Парижский мирный договор положил этому конец. Раньше товары врагов тоже можно было забирать с нейтральных судов и конфисковывать таким же образом, как военную контрабанду, но Парижский мирный договор положил конец и этому.

Еще одно замечательное правило, принятое по этому знаменательному случаю, отменило каперство. Каперы были вооруженными кораблями, принадлежащими частным лицам, которые получили от своего собственного правительства комиссионное вознаграждение (каперское свидетельство), которое уполномочивало их захватывать торговые суда противника и присваивать вырученные средства. Отмена каперства была долгим шагом в правильном

направлении, поскольку мотивом капера было главным образом грабеж, а весь этот бизнес действительно был близок к пиратству. Ни Соединенные Штаты, ни Испания не подписывали первоначальное соглашение, но обе присоединились к нему сейчас — Испания, очевидно, во многом против своей воли, поскольку ее граждане жаждали богатой добычи нашей торговли, факт, который делает в высшей степени смешным ее безумный бред против наших законных захватов как "американского пиратства".

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗОВЫХ ДЕНЕГ.

Призовой фонд, присуждаемый победителям, распределяется в следующих пропорциях:

1. Командующий флотом или эскадрой - одна двадцатая часть всех призовых денег, присуждаемых любому судну или судам, находящимся под его непосредственным командованием.
2. Командующему подразделением флота или эскадры сумму, равную одной пятидесятой всех призовых, присужденных судну подразделения, находящемуся под его командованием, выплачивать из суммы, причитающейся Соединенным Штатам, если таковая имеется; если нет, то из суммы, присужденной захватившим в плен.
3. Капитану флота - сотая часть всех призовых денег, присуждаемых любому судну флота, на котором он служит, и в этом случае он должен разделить их пропорционально своему жалованью с другими офицерами и матросами на борту такого судна.
4. Командиру отдельного судна - десятая часть всех призовых, присужденных судну.
5. После вышеуказанных вычетов остаток распределяется между другими лицами, несущими службу на борту, и отражается в судовых книгах пропорционально их соответствующим ставкам оплаты.

Все суда военно-морского флота, находящиеся на расстоянии сигнала от судна, производящего захват, и в таком состоянии, чтобы иметь возможность оказать эффективную помощь в случае необходимости, разделят приз. Любое лицо, временно отсутствующее на своем судне, может участвовать в захвате, сделанном во время его отсутствия. Призовой суд определяет, какие суда должны разделить приз, а также был ли приз выше или ниже по сравнению с судном или судами, совершившими захват.

Часть призовых, присуждаемых Соединенным Штатам, навсегда выделяется в качестве фонда для выплаты пенсий военно-морским офицерам, морякам и морским пехотинцам, имеющим право на пенсии.

ГЛАВА XLV.

ИСПАНСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ДОМА.

Испании угрожают внутренние трудности — Опасность того, что корона может перейти к королю—младенцу Испании —Дон Карлос и карлисты активны—Кастелара просят установить Республику— Генерал Вейлер как возможный диктатор-История движения карлистов и очерк "Претендента".

Пока происходили эти события в международных отношениях Соединенных Штатов и Испании, когда над последней нависла угроза безнадежной войны, затруднения правительства королевства полуострова в связи с конфликтом внутри страны множились с каждым днем. В целом, помимо предполагаемых операций в ходе самой войны, королеве-регентше и ее министерству пришлось столкнуться не с одной местной трудностью.

На их внутренних советах было откровенно признано, что череда поражений Испании, по всей вероятности, приведет к потере трона династией и что юный король никогда не наденет корону своего отца. Вторая угроза заключалась в том, что в разгар трудностей за границей произойдет восстание приверженцев Дона Карлоса "Самозванца", которые воспользуются ситуацией, чтобы развязать гражданскую войну и захватить власть. В дополнение ко всему этому республиканцы Испании, которые становились все более беспокойными из-за плохого правления, которое они наблюдали, объединились в обращении к Кастелару, который ранее был президентом испанской республики, призывая его провозгласить республику вновь созданной и обещая поддержать его в таком движении. Под этим запросом были подписаны имена 20 000 лучших граждан Испании, и это был элемент опасности для монархии, который был хорошо признан. Наконец, сторонники генерала Вейлера, которые составляли значительную часть самых гордых и влиятельных людей Испании, проявляли явные признаки желания установить диктатуру с этим свирепым генералом в качестве верховной власти. Он был отозван с Кубы в качестве упрека и для того, чтобы изменить политику, которую он там проводил. Его друзья были готовы возмутиться этим упреком и предложить ему более высокое место, чем он занимал раньше.

ДОН КАРЛОС И КАРЛИСТЫ.

Испания была ареной многих революций, и этот факт легко понять, когда известен характер правительства. Нечестность и угнетение в администрации всегда порождают дух бунта. Дон Карлос, который считает Альфонсо узурпатором и считает себя истинным королем Испании, издал 13 апреля из своего убежища в Швейцарии манифест к своим сторонникам. В этом он обвинил правительство, попытался настроить возбужденное испанское население против королевы-регентши, ее сына и ее министров и заявил, что они позволили втоптать испанский штандарт в грязь. Он, в частности, сказал:

Двадцать лет патриотического уединения доказали, что я не честолюбец и не заговорщик. Большая и лучшая часть моей мужской жизни была потрачена на выполнение трудной задачи по сдерживанию своих естественных порывов и порывов моих восторженных карлистов, чье рвение я оценил первым, но которое, тем не менее, я обуздал, хотя это разрывало мне сердце. Сегодня национальная честь говорит громче всего, и тот же патриотический долг, который раньше повелевал мне сказать "Подождите еще немного", может побудить меня крикнуть, скомандовав карлистам: "Вперед!" - и не только карлистам, но и всем испанцам, особенно двум национальным силам, которые все еще храбро противостоят изнуряющей женственности регентства, народу и армии.

Если перчатка, брошенная Вашингтоном в лицо Испании, будет поднята Мадридом, я продолжу тот же пример отречения, что и прежде, несчастный из-за того, что не могу участвовать в борьбе иначе, как молитвами и влиянием своего имени. Я буду от души аплодировать тем, кому посчастливилось оказаться лицом к лицу с огнем, и я буду рассматривать тех карлистов как служащих моему делу, которые вступают в войну против Соединенных Штатов.

Но если все заставит меня опасаться, что политика унижения снова восторжествует, мы выхватим бразды правления у тех, кто недостойн их держать, и займем их места.

Пока их лидер говорил в таком тоне, его сторонники готовились действовать. Они верили, что условия для революции стали более благоприятными, чем были в течение многих лет, что нынешняя династия обречена и что Испания будет вынуждена выбирать между республиканизмом и Доном Карлосом. По их словам, единственным шансом для сохранения нынешней династии было бы для Испании разгромить Соединенные Штаты, и они не были настолько слепы, чтобы верить, что таков будет исход войны между двумя державами.

ГОТОВ К ДЕЙСТВИЮ.

Сам дон Карлос считал, что пришло время действовать. Он отправился в Остенде, где проконсультировался с лордом Эшбернхемом и другими англичанами-католиками, которые были его сторонниками, и наметил план кампании. Он был готов в любой удобный момент пересечь границу и встать во главе своих сторонников.

Никогда с тех пор, как появился претендент на трон Испании, а Дон Карлос является третьим носителем этого имени, перспективы падения конституционной монархии не были столь благоприятными.

Недовольство было широко распространено в Испании, и оно было разжигается карлистами, обладающими великолепной организацией, насчитывающей более 2000 клубов, разбросанных по разным частям королевства.

Поводов для недовольства не было недостатка, и восстания на Кубе и Филиппинах, а также угроза неприятностей с Соединенными Штатами были не единственными причинами народного недовольства. Испания была банкротом, и ей было трудно занимать деньги у ростовщиков Лондона и Парижа. С увеличением расходов из-за революции произошло сокращение поступлений по той же причине — обычных поступлений из Гаваны не хватало. Люди были бедны, и тысячи из них голодали. О дополнительном налогообложении не могло быть и речи, поскольку люди были обложены налогами до предела.

Таковы были причины, вызвавшие силу карлистской агитации. А в том, что она была сильной, не может быть никаких сомнений. День рождения дон Карлоса, 30 марта, отмечался в этом году с энтузиазмом и беспрецедентной степенью единодушия по всему королевству, и правительство не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы вмешиваться в них.

ПРОИЗНОСЯТ ТОСТ КАК ЗА КОРОЛЯ.

В городах, поселках и деревнях проводились сотни праздников, и многие из них проводились под открытым небом, где за претендента произносили тосты как за "Эль Ки" или "короля", а Альфонсо игнорировали.

Это бездействие могло быть связано только с тем, что правительство было бессильно. Сказать, что они не боялись Дона Карлоса, было бы смешно, поскольку последний манифест Дона Карлоса был подавлен, и правительство действительно пребывало в страхе и трепете. Более правдоподобной причиной было бы то, что министерство хотело бы снискать расположение дон Карлоса в случае его победы, и они не были готовы доверять себе в абсолютной лояльности нынешней династии.

Тем временем, пока пишется эта глава, сообщения из Испании сообщают о беспрецедентной активности карлистов. Они вооружаются. Оружие льется через границу в таких количествах, которые показывают, что карлисты готовятся к раннему восстанию, и все действия и высказывания лидера показывают, что они только ждут благоприятной возможности начать революцию. Убедительным доказательством этого является тот факт, что с тех пор, как дон Карлос получил огромное состояние своей второй жены, он был скуп, и не верится, что он стал бы тратить деньги на оружие, если бы не был уверен, что эти траты принесут какую-то практическую пользу его делу.

Его агенты работали среди армейских офицеров, и говорят, что они привлекли много новобранцев для своего дела. Трон Испании, как и трон России в прошлом столетии или трон Борна во времена империи, в значительной степени держится на армии, и если бы армия, недовольная, какой она, безусловно, является, подняла восстание, успех дона Карлоса был бы почти несомненным.

С момента своей женитьбы в 1894 году на принцессе де Роган, которая принесла ему большое состояние, Дон Карлос ждал благоприятной возможности для государственного переворота. Не может быть лучшего, чем тот, который будет предложен, когда Испания потерпит поражение от Соединенных Штатов, и было бы неудивительно увидеть, как дон Карлос развернет свое знамя по ветру и призовет войска встать под его знамена.

Те, кто поддерживает притязания дона Карлоса, верят, что право на их стороне. Его сторонники любят его с преданностью легитимистов дому Стюартов в период до реставрации в Англии. Его личность привлекательна. У него есть все элементы личной популярности в массах. Он храбр и напорист. Он не сидит и не оплакивает павшую славу своей расы, но он всегда готов к действию. Он готов в любой момент возглавить армию в безнадежном деле и будет сражаться за то, что, по его мнению, является его правами.

ЦВЕТOK ИСПАНИИ.

Позиция, занимаемая доном Карлосом в испанских делах, аналогична той, которую занимал принц Чарльз Эдуард по отношению к трону Великобритании в прошлом столетии. Его семья была лишена собственности примерно столько же времени, и он сражался так же романтично, но с более блестящими перспективами, возглавляя героических горцев, обитателей баскских гор. Его последователи - цвет Испании, самые аристократические семьи королевства, готовые рисковать всем ради его поддержки, ставя собственность и саму жизнь в ничто по сравнению со своей честью.

Было три претендента-карлиста на трон Испании. Первым был Карлос V., родившийся в 1788 году. Он предъявил права на трон после смерти своего брата Фердинанда VII в 1833 году.

Правление Фердинанда было бурным, его раздирали разногласия между двором и народной партией. Наполеон вынудил его уйти в отставку в пользу Жозефа Бонапарта, но после падения Бонапарта он вернулся на трон своих предков. За двадцать восемь лет он женился на пяти женах подряд. От четырех из них у него не было детей, но у последней родилась дочь, которая была принцессой Неаполитанской. Она обеспечила себе абсолютную власть над королем, который был слабоумным, непригодным для правления. Очевидным наследником престола был дед нынешнего дона Карлоса, Карлос V., брат Фердинанда. Между Карлосом и его братом была давняя вражда.

Кристина использовала свое влияние на мужа, чтобы убедить его лишить брата наследства. По салическому закону женщины не могли наследовать трон Франции. Но под влиянием Фердинанда и его супруги кортесы были убеждены отменить закон, тем более охотно, что Карлос выступал за абсолютизм, в то время как при правлении женщины было бы больше шансов на увековечение конституционализма. Карлисты утверждают, что в последние дни Фердинанд раскаялся в своем поступке и выдал документы, которые могли бы подтвердить право Карлоса на престолонаследие, но они были изъяты. Как бы то ни было, после смерти Фердинанда его маленькая дочь была провозглашена королевой Испании, а ее мать - регентшей.

В течение пяти лет шла гражданская война. Молодость и слабость молодой королевы доказали ее силу. Либералы верили, что с ней в качестве номинального правителя будет обеспечено продолжение конституционной монархии. По тем же причинам Франция и Англия поддерживали Изабеллу. Это были трудности, с которыми Карлос не мог эффективно бороться, и в 1869 году он отступил из Испании, и историки рассматривают вопрос о престолонаследии как решенный в пользу молодой девушки, которая даже в то время не была подростком.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕВЫ ИЗABELЛЫ.

Изабелла II, или, скорее, ее мать, поскольку последняя была настоящей правительницей, не отличалась благоразумием. Скандалы опозорили правление и привели к отстранению регента от регентства. Злополучный брак королевы Изабеллы и другие интриги привели к домашним беспорядкам, которые поддерживали притязания карлистов.

После смерти первого претендента в 1853 году возник второй в лице его сына дона Карлоса, графа де Монтемолим. Он попытался устроить революцию в 1860 году, но был арестован вместе со своим братом, и их не освобождали до тех пор, пока они не подписали отказ от своих притязаний на трон.

Второй претендент умер в 1861 году, и тогда возник нынешний Дон Карлос. Он был сыном дона Хуана и братом тех двоих, которые отказались от своих притязаний на испанский трон, и он утверждал, что их отречение не может быть для него обязательным. Это был Дон Карлос, который сейчас является лидером легитимистов, и он никогда не отказывался от своих притязаний на трон своих предков.

Его полное имя Дон Карлос де лос Долорес Хуан Исидор Джозеф Франсиско Кирино Антонио Мигель Габриэль Рафаэль. Он родился в маленькой деревушке Лайбах в Австрийских Альпах, когда его родители путешествовали по стране, и с младенчества его карьера была окружена романтикой, которая покорила сердца его последователей. Его отец, Дон Хуан, был изгнанником из Испании и королевским скитальцем, искавшим место, где он мог бы спокойно закончить свою жизнь.

Он и его жена подружились с австрийским императором Фердинандом, который отдал юного дона Карлоса на попечение испанского священника, который подготовил его к священству. Даже в младенчестве он не стремился стать священником, несмотря на свою истовую преданность римско-католической вере, но мечтал о том дне, когда он будет править как король Испании.

Дону Карлосу было всего семнадцать лет, когда он встретил Маргариту, дочь герцога Пармского, и влюбился в нее. Ей было всего четырнадцать, и мать юного принца убедила их отложить свадьбу на три года. Вместе со своей женой претендент получил большое состояние, и ему удавалось поддерживать при дворе подобие королевской семьи в течение нескольких лет.

Тридцать лет назад Карлос мог бы стать королем. Тогда корону предложили ему Прим и Сагаста, которые с этой целью отправились в Лондон. Они сказали, что это должно принадлежать ему, если он поддержит либеральную конституцию, предложенную для страны, и выступит за отделение церкви от государства. Именно последняя идея привела к тому, что он отверг предложенную честь. Его строгое римско-католическое воспитание заставило его отказаться, потому что религия была для него больше, чем что-либо другое.

ПРЕЗРИТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ КАРЛОСА.

"Когда я взойду на трон, - заявил он, - я буду править своей страной так, как сочту нужным".

С этими словами он презрительно отверг их предложение.

Республиканцы так и не простили его, и позже, когда после свержения Изабеллы его имя снова было предложено в кортесах его сторонниками, Прим и Сагаста стали его самыми злейшими врагами.

От имени дона Карлоса в 1869 и 1872 годах произошли восстания, быстро подавленные. Но восстание, возглавленное им лично в 1873 году, оказалось гораздо более грозным и держало баскские провинции в большом замешательстве до начала 1876 года, когда оно было подавлено.

Перед началом войны 1872-76 годов Дон Карлос четко определил свою позицию и взгляды в различных манифестах, обращенных к народу Испании. Он заявил, что при нем революционной доктрине не должно быть места. Чего хотела Испания, сказал дон Карлос, так это того, чтобы не было нанесено никакого оскорбления вере ее отцов, ибо в католичестве покоилась истина, как она ее понимала, символ всей ее славы, дух всех ее законов и узы согласия между всеми добрыми испанцами. Чего хотела Испания, так это настоящего короля и правительства, достойного и энергичного, сильного и уважаемого.

Возможность для дона Карлоса представилась в смутные времена, которые привели к отречению Амадео I, герцога Аосты, избранного кортесами, и последовали за ним. Четырехлетняя война началась весной 1872 года, а год спустя Амадео отрекся от престола в послании, в котором говорилось, что он видит Испанию в постоянной борьбе, а эру мира все более отдаленной; он искал средства правовой защиты в рамках закона, но не нашел их; его усилия были бесплодны.

После этого две палаты объединились в качестве суверенной власти Испании и проголосовали за создание республики. Два года республики были самыми бурными в истории Испании, и именно тогда карлисты добились наибольшего прогресса. Они составляли, вероятно, треть населения Испании. Республика не соответствовала настроениям испанцев, и Кастелар, стоявший у руля государственного корабля, с отвращением отказался от своей задачи. Затем

Альфонсо XII, сын изгнанной Изабеллы, был провозглашен наследником престола. Альфонсо XIII - его сын.

Первой задачей Альфонсо XII было подавить карлистов, и в этом он преуспел. Народ устал от постоянной борьбы. Роялисты и республиканцы одинаково приветствовали нового монарха.

Число его последователей постепенно сокращалось, и, обнаружив, что дальнейшее сопротивление невозможно, Дон Карлос окончательно убедился, что продолжать борьбу бесполезно. В начале 1876 года его армия была распущена. В сопровождении своего телохранителя он пересек Пиренеи. Ступив на французскую землю, он повернулся, как бы прощаясь с Испанией, но его последними словами, энергично произнесенными, были: "Вольвере, вольвере! Я вернусь, я вернусь!" И его последователи верят, что его время близко.

ЕГО ВЕРНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ.

Ни у кого нет более преданных последователей. Армия, сражавшаяся за него во время карлистской революции, была одной из самых героических, которые когда-либо были собраны. Под его знамена становились молодые люди из хороших семей со всех стран. Он считался представителем старого режима монархистов, и в его рядах были те, кто надеялся на восстановление ныне устаревшего божественного права королей. Он был главой дома Бурбонов во всей Европе. Если бы не существование Марии Терезии, дочери Фердинанда Моденского, вышедшей замуж за принца Людовика Баварского, Дон Карлос был бы законным представителем королевского дома Стюартов и, если бы не английский акт о поселении, королем Великобритании и Ирландии.

Этот факт, возможно, имел какое-то отношение к холодному отношению, с которым к нему отнеслись все европейские державы. Дон Карлос считался представителем полудюжины претендентов на трон, которые живут в изгнании среди собственных маленьких дворов и строят воздушные замки, населенные вещами, которые они будут делать, когда взойдут на троны, которых, как они считают, их лишили.

Карлисты верят, что при поддержке одного из великих правительств они бы победили. Но они не смогли добиться признания даже своей воинственности, и это несмотря на то, что еще в 1873 году президент Испанской Республики заявил в кортесах: "У нас настоящая гражданская война. ... У него реальная административная организация и он собирает налоги. Вы представили одно государство перед другим. На самом деле это большая война".

Однако, несмотря на это заявление и несмотря на тот факт, что пять сменявших друг друга глав мадридского правительства признавали воинственность карлистов конвенциями; что договоры были заключены для эксплуатации железных дорог и для других целей, и что у карлистов были монетный двор, почта и все оборудование обычного правительства, державы отказали в признании. Все зависело от Англии, и генерал Киркпатрик, бригадный генерал времен гражданской войны, представлявший карлистов в качестве временного поверенного в делах в Лондоне, не смог добиться этого от Гладстона, и ни одна из континентальных держав не стала бы действовать, пока Англия не укажет путь.

После своего ухода из Испании, когда война истощила его ресурсы, Дон Карлос скромно и тихо жил в Париже. Он разлюбил свою жену, и они вели жалкую семейную жизнь. Он продавал своего боевого коня и бросал деньги ей на пустой стол, говоря, чтобы она купила на них хлеба.

Затем его друзья снова выкупали коня. Однажды он избавился от знака ордена Золотого руна, которым был награжден сын его прославленного предка Карла V. Дискредитирующая часть этого поступка заключалась не столько в самом акте заложения, сколько в том, что он возложил вину за это на старого генерала, который преданно служил ему в течение двадцати лет. Он утверждал, что генерал украл его, воображая, что преданность старого солдата его интересам заставит его хранить молчание. Но генерал сразу изложил все факты по делу, а также рассказал, как дон Карлос использовал деньги для удовлетворения требований известного полудурка.

Его финансовым трудностям пришел конец со смертью графа и графини де Шамбор, которые завещали большую часть своего огромного состояния своей любимой племяннице, жене дона Карлоса. Герцогиня держала деньги в своих руках, но давала ему все, в чем он нуждался. После своей смерти она была столь же предусмотрительна, оставив деньги в доверительное управление своим детям и выделяя лишь небольшое пособие своему мужу, с которым она жила отдельно пятнадцать лет.

ЖЕНИЛСЯ НА БОГАТСТВЕ.

Это снова поставило претендента в затруднительное финансовое положение, поскольку у него дорогие вкусы, для поддержания которых требуется большое состояние. Поэтому он стал подыскивать невесту. Его последователи были поражены, услышав о его женитьбе на богатой принцессе Марии Берте де Роган. Свадьба состоялась 29 апреля 1894 года, и, хотя она была красива, чрезвычайно богата и происходила из прославленной семьи Роан, которая единственная из всех благородных семей Франции и Австрии имеет привилегию называть монарха кузиной, все карлисты в Испании и легитимисты повсюду рассматривали это как мезальянс. Они считали, что дону Карлосу не следовало жениться ни на ком, кроме отпрыска королевского дома.

От первого брака у дона Карлоса было пятеро детей, среди них дон Хайме, которому сейчас двадцать восемь лет, которого карлисты считают наследником престола. Говорят, что дон Хайме в высокой степени обладает силой воли и решительным характером своего отца. Он получил образование в Англии и Австрии, а сейчас служит в российской армии. Военное дело - его хобби, и он сможет сражаться за свой трон, как это делал его отец, если в этом возникнет необходимость.

Дон Карлос сейчас находится в Швейцарии, на родине изгнанников из других стран, и там он проводит лето. Его зимняя резиденция находится во дворце Лоредан в Венеции.

На сегодняшний день партия карлистов является одной из сильнейших политических партий Испании. Этого нет в представительстве в испанских кортесах, поскольку при нынешней системе право свободно пользоваться избирательным правом является фарсом.

Нет никаких сомнений в том, что популярность Дона Карлоса больше, чем у маленького короля. Королева считается иностранкой, а король слишком молод, чтобы вызывать какое-либо восхищение, несмотря на то, что используются все возможности, чтобы заставить его сделать это. Чтобы популяризировать маленького короля, королева-регентша прогуливает бедного ребенка по провинциям. Он произносит ребяческие речи перед населением, прикасается к флагам добровольцев и всячески стремится возродить энтузиазм в отношении австрийского

дома. Но безуспешно. Несчастные крестьяне, раздавленные налогами, не находят ничего, что могло бы взволновать их в этом зрелище.

Напротив, Дон Карлос - великий военный герой, чьи действия вызывают восхищение у людей, несмотря на многие его плохие качества.

Кажется трудным поверить в то, что нынешняя династия сохранится, если учесть все беды, от которых страдает Испания. Если не произойдет чуда или власти не укрепят трон маленького короля, народ, скорее всего, обратится за помощью к Дону Карлосу. Есть те, кто считает, что республиканизм также свирепствует, и что агитация карлистов маскирует республиканские доктрины, и что Вейлер станет диктатором. Это может быть. Но дон Карлос, кажется, ближе к трону, чем когда-либо за всю свою карьеру.

ГЛАВА XLVI.

ФИЛИППИНЫ, ПУЭРТО-РИКО И ДРУГИЕ КОЛОНИИ ИСПАНИИ.

Филиппины Еще один пример шокирующего плохого управления отдаленными владениями Испании—Интересные факты о Филиппинах—Испанский гнет и жестокость—Манила, столица островов—Промышленность и торговля Восточного архипелага—Пуэрто—Рико и его история—Продукты и люди—Дух восстания распространен повсюду—Колонии у берегов Африки, куда Испания ссылает политических и других преступников -Канарские острова, Фернандо-По и Сеута.

С самого начала нашей войны с Испанией у королевства полуострова были основания опасаться, что потеря Кубы станет лишь одним из бедствий, постигших его в войне с Соединенными Штатами. Во всех кругах было признано, что королева-регентша была бы готова позволить кубинским повстанцам получить свой остров без дальнейших протестов, если бы не тот факт, что отказ, вероятно, спровоцировал бы восстание дома, что привело бы к потере короны ее сыном до того, как у него появился шанс надеть ее.

Было вполне понятно, что такая же вероятность того, что Филиппинские острова, эта великолепная колония Испании в Ост-Индии, одновременно перейдут под контроль Испании, и что остров Пуэрто-Рико, последний остаток огромных колониальных владений Испании в Западном полушарии, после потери Кубы тоже обретет свободу. Королева-регентша отвергла единственный курс в кубинских делах, который позволили бы Соединенные Штаты, когда американские военные корабли угрожали Маниле, и сразу стало очевидно, что вторая сторона дилеммы, которая была выбрана, была столь же фатальной для испанского суверенитета, как и первая.

Даже Куба, со всеми ее мерзостями, едва ли являла собой столь замечательную картину испанского гнета, неправильно называемого правительством, как это можно увидеть на Филиппинах. Только удаленность и изоляция этих несчастных островов помешали совершаемым там зверствам вызвать возмущение всего мира. Читатели достаточно знакомы с шокирующими варварствами, практикуемыми испанскими властями во времена беспорядков, и

их не нужно здесь умножать, но на Филиппинах продемонстрирована полная неспособность испанцев осуществлять цивилизованное управление зависимой провинцией даже во времена так называемого мира.

Филиппины чрезвычайно интересны сами по себе, но их редко посещают туристы, отчасти из-за того, что они находятся в стороне от обычных маршрутов передвижения, а отчасти из-за политики уединения китайцев, проводимой правительством. Климат здесь тоже нездоровый, даже выше того, что обычно бывает в тропиках, а неустроенность страны, кишасей разъяренными дикарями и бандитами самого худшего сорта, делает экскурсии за пределы главных городов очень опасными. В группу входит около 600 островов, а общая площадь их значительна — около 150 000 квадратных миль, что в три-четыре раза больше площади Кубы, однако точные данные получить сложно. Есть множество незначительных островков, о которых едва ли известно, кроме как на картах мореплавателей; но по протяженности Лусон почти равен Кубе. В общей сложности на островах, вероятно, проживает менее 8 000 000 душ; так что испанская жестокость находит много сырого материала для работы.

ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ.

И большая часть его до крайности сыра — смесь разнообразных и враждебных рас, начиная от жалких и вымирающих остатков негритосов, которые живут, как дикие звери, в высокогорье, питаясь корнями, которые они вырывают из земли, и заканчивая свирепыми и непокорными мусульманскими племенами, которые все еще продолжают кровавую войну вероисповеданий, которая бушевала в самой Испании на протяжении стольких веков. Последние в основном малайского происхождения, и многие из них — профессиональные охотники за головами, хорошо подготовленные для того, чтобы ответить тем же на испанские оскорбления. Также в большом количестве есть китайцы и полукровки всех разновидностей. Доля европейцев невелика, даже в городах. Все постоянно проживающие испанцы в той или иной степени являются солдатами или чиновниками и находятся там просто ради того, что они могут заработать путем вымогательства и коррупции.

Филиппинские острова были открыты в 1521 году кругосветным мореплавателем Магелланом, а полвека спустя были завоеваны Испанией и превратились в колонию во время правления Филиппа II, в честь которого они были названы. Испанское владычество никогда не распространялось более чем на половину из 1400 островов архипелага, остальные оставались под властью своих коренных диких племен и мусульманских правителей. Предполагаемая площадь составляет около 120 000 квадратных миль, а предполагаемое население — около 7 500 000 человек. Около половины этой территории и три четверти этого населения номинально находятся под властью Испании, но восстание поставило ситуацию под сомнение. Остальной частью народа управляют в соответствии с их собственными обычаями независимые местные князья. Образование чрезвычайно отсталое. Римско-католическое духовенство было трудолюбивым, и, вероятно, 2 500 000 местных жителей номинально обратились в христианскую религию; но образование среди них продвинулось очень мало. Помимо трех епископов, в Маниле есть римско-католический архиепископ.

История Филиппин включала в себя череду революций против испанской власти, подавленных ожесточенными боевыми действиями и жестокостью со стороны победителей. Обращение и порабощение островов не сопровождалось такими ужасами, которые были характерны для испанского завоевания Южной Америки, но эта летопись уступает только этому. Манила была

захвачена англичанами в 1762 году и удерживалась ими в течение двух лет, пока испанцы не выкупили ее в размере 1 000 000 фунтов стерлингов. Сражения с мятежными племенами, нападения пиратов, извержения вулканов, землетрясения и торнадо помогают нарушить монотонность истории.

МАНИЛА, СТОЛИЦА КОЛОНИИ.

Манила, столица колонии и самого большого острова Лусон, расположена в 628 милях, или шестидесяти часах легкого плавания, к юго-востоку от Гонконга и вдвое на большем расстоянии к северо-востоку от Сингапура. Население города составляет около 330 000 человек, из которых только 10 000 — включая военнослужащих, правительственных чиновников и духовенство — европейцы, и не более 500 человек говорят по-английски. Несколько американских домов имеют филиалы в Маниле, так что американское население составляет около 100 человек. Город выходит окнами на прекрасный залив, в который впадает река Пасиг. Большинство европейцев живут в Бинондо, красивом пригороде на возвышенности, за рекой. Существует множество местных диалектов, но социальной, официальной и деловой идиомой является испанский. Армия гражданских, религиозных, военных и военно-морских чиновников Испании присасывается к народу точно так же, как это было на Кубе. Они монополизировали все места получения прибыли, назначения на отборные должности на Филиппинах назначаются тем, кого желательно вознаградить за службу правительству Испании. Вполне понятно, что от такого назначенца ожидается, что он как можно быстрее разбогатеет любым возможным способом, чтобы уступить место кому-то другому, кого можно было бы привезти из Испании за аналогичное вознаграждение. Эта политика аналогична колониальной политике Испании на Кубе, и за ней последовали те же результаты.

Но, действительно, грабеж несчастных туземцев является почти открытой целью правительства — единственной целью, ради которой оно организовано и поддерживается; так почему же мелкие чиновники должны быть щепетильными? Это старая римская провинциальная система, осужденная Цицероном 2000 лет назад, но в Испании забытая и не усовершенствованная. Какая еще польза ей от зависимостей, кроме как в качестве источника дохода, добытого пытками у нищих рабов, и, между прочим, в качестве полигона для ее свирепых боевых псов? Говорят, что здесь отвратительный Вейлер за три года сколотил состояние в несколько миллионов долларов — более чем в двадцать раз превышающее всю его зарплату!

Методы, используемые в этой легализованной системе грабежей, носят средневековый характер, но часто весьма изобретательны. Один из них - "cedula personal", своего рода паспорт. Каждый житель островов старше восемнадцати лет, имеющий доступ к властям, обязан предъявить один из этих документов; даже женщины не являются исключением. Седула должна продлеваться ежегодно, и ее стоимость составляет от 1,50 до 25 долларов США, в зависимости от обстоятельств — главными обстоятельствами являются платежеспособность жертвы. И это в стране, где заработная плата иногда падает до пяти центов в день! И любой, у кого есть cedula стоимостью менее 3 долларов, также обязан предоставить правительству пятнадцать дней неоплачиваемого труда.

СЛУЧАИ МЕЛКОГО ВЫМОГАТЕЛЬСТВА.

Но седула - лишь одно из многих устройств для извлечения золота из упорной руды бедности. Голодный местный житель не может зарезать собственную свинью или буйвола ради мяса без

специального разрешения, за которое, конечно, нужно заплатить. Ему не разрешается выжимать пинту кокосового масла из плодов собственного сада, пока он не получит лицензию, и это тоже имеет свою цену. Сам фруктовый сад облагается налогом; на Филиппинах облагается налогом все.

Постоянно проживающие китайцы дополнительно облагаются специальным налогом — за существование или за несуществование чего-либо еще не указано. Они не пользуются популярностью, и к ним относятся с самой бесстыдной несправедливостью. Это проиллюстрирует следующий случай:

Пожары в Маниле очень часты и очень разрушительны, большинство домов построены из дерева, в то время как более бедные районы представляют собой просто нагромождение бамбуковых хижин, тысячи из которых иногда сгорают за день, не вызывая особых комментариев. Однако пожар в деловой сфере вызывает больший интерес; он открывает возможности, которыми нельзя пренебрегать. В одном из таких случаев, когда местом пожара был квартал, занятый в основном китайскими лавками, улица вскоре была запружена нетерпеливой толпой. Бедные китайцы, ведя себя во многом как обезумевший скот, убежали в свои верхние комнаты и заперли двери, очевидно, предпочитая смерть в огне обращению, которое они, вероятно, ожидали снаружи. Но спасения не было.

"Спасатели" - испанские солдаты — быстро ворвались внутрь с топорами и, опустошив ящики с деньгами, выбросили несчастных монголов и все их имущество на улицу, чтобы с ними поступили по своему усмотрению. Это был всего лишь предлог для грабежа и бесчинств, поскольку многие магазины находились далеко от места пожара и им ничто не угрожало. На следующее утро середина улицы была завалена грязными и сломанными товарами, и любому, кто хотел подкупить часовых, разрешалось унести столько, сколько ему заблагорассудится. Весь день телеги ходили взад и вперед, открыто увозя награбленное. Владельцев не было видно; что с ними стало, не зафиксировано. Такова "пожарная служба" в Маниле.

Налоги взимаются за "улучшения", но никакие улучшения не допускаются, даже если они подкреплены иностранным капиталом. Дороги остаются непроходимыми грязевыми каналами, образование - фарсом, внедрение техники не одобряется, а прогресс тормозится.

Природные ресурсы Филиппин очень богаты, и при цивилизованном управлении эти острова были бы богатыми и процветающими. Но плесень испанского дурного правительства повсюду, и ее многолетняя зараза гораздо более пагубна, чем самые страшные вспышки жестокости во время войны. Его полная неспособность поддерживать сносное правительство в мирное время - вот что характеризует испанца как безнадежно непригодного к правлению.

Манила имеет кабельное сообщение с остальным миром и регулярные линии пассажирских пароходов. В европейской колонии есть свои ежедневные газеты, которые, однако, находятся под строгой цензурой, религиозной и военной, и следят за новостями и модой дня. До восстания последних двух лет армия, за исключением двух испанских артиллерийских бригад и инженерного корпуса, состояла из местных жителей и состояла из семи полков пехоты и одного кавалерийского полка. В Маниле также имелся отряд испанского ополчения, добровольческий корпус, подобный тому, который всегда содержался в Гаване при испанском правлении, который мог быть вызван генерал-капитаном в случае необходимости.

СЛАБЫЙ КОНТРОЛЬ ИСПАНИИ Над ОСТРОВАМИ.

Когда началось последнее восстание, Испания отправила в свою отдаленную колонию всех мужчин, которых можно было освободить от службы на Кубе, и после нескольких месяцев боев было объявлено, что восстание подавлено. Однако на самом деле Испания контролирует лишь сравнительно небольшую часть островов, и местные жители в других местах так же свободны от обязанности платить испанские налоги, как и до открытия.

Торговые ограничения препятствовали коммерческому прогрессу колонии, но, несмотря на этот факт, их торговля с внешним миром велика. В течение многих лет после завоевания между Манилой и испано-американским портом Акапулько разрешалось курсировать только одному судну в год. Затем их количество было увеличено до пяти. Затем испанская зафрахтованная компания получила монополию на торговлю с островами. Когда срок действия этой монополии истек, другие дома начали бизнес, пока, наконец, многие крупные английские и немецкие фирмы не разделили торговлю, в то время как американские дома и американские корабли ни в коем случае не были в конце списка. Общий объем экспорта и импорта составляет около 75 000 000 долларов в год.

Производство на Филиппинах состоит в основном из текстильных материалов из ананасового волокна, шелка и хлопка; головных уборов, циновок, корзин, веревок, мебели, керамики и музыкальных инструментов. Большую ценность представляют растительные продукты - индиго, какао, сахар, рис, бамбук, конопля и табак. Кофе, перец и кассия произрастают в диком виде в достаточном количестве и качестве, чтобы обеспечить жизнь тем, кто желает воспользоваться тем, что предоставила природа. Уголь, золото, железо и медь добываются с прибылью. Почва чрезвычайно плодородна, и хотя климат тропический, с небольшими изменениями, за исключением периода между влажным и сухим сезонами, европейцам было нетрудно привыкнуть к нему. Самый большой остров имеет почти 500 миль в длину и 125 миль в ширину, в то время как другие более чем вдвое меньше. Следует помнить, что внутренняя часть этих больших островов и целых сотен островов поменьше не исследованы и почти не посещаются путешественниками из цивилизованных стран, поскольку испанские исследования не представляли особой практической ценности ни для остального мира, ни для науки.

PUERTO RICO.

Пуэрто-Рико, меньший из двух островов, принадлежащих Испании в Вест-Индии, был открыт Колумбом в 1493 году и оккупирован солдатами под командованием Понсе де Леона в начале шестнадцатого века. Он расположен далеко за пределами Карибского моря, в открытой Атлантике, и по этой причине его близость к континенту несколько не влияет на климат, в отличие от Кубы. Его климат определяется в основном океаном, чьи бризы постоянно дуют над всем островом, прекрасно смягчая тропическую жару солнца.

Поверхность острова в равной степени благоприятна для отличных климатических условий. Здесь нет гор, но есть холмы, которые простираются из конца в конец и образуют идеальный водораздел, обеспечивающий дренаж для равнин и долин. Тысяча триста рек, сорок семь из которых судоходны, осушают территорию площадью 3500 квадратных миль, территорию размером со штат Делавэр. На всем его протяжении, помимо основной гряды холмов, которые некоторые называют горами, есть холмы с круглыми вершинами и прекраснейшей почвой, почти все из которых возделаны. Летом в долинах нет чрезмерной жары, а зимой на холмах

никогда не образуется лед. Это чисто сельскохозяйственная страна, и подавляющее большинство местных жителей - фермеры. Среди населения в 810 000 человек 300 000 негров, которые сейчас свободны, а с тех пор, как обрели свободу, уехали в большие и невеликие города и нашли работу на сахарных заводах и в подобных местах.

Коренные пуэрториканцы привязаны к почве. Их труд не тяжел там, где почва рыхлая и плодородная, как везде, за исключением прибрежных районов, и по уже указанным причинам климат очень благоприятен для комфортного существования. Пожалуй, единственным недостатком этого комфорта для жителей острова является отсутствие прочных мостов через многочисленные ручьи и хороших дорог.

На острове есть несколько обширных лесов, и хотя своими основными очертаниями они напоминают леса других островов Вест-Индии, там произрастают определенные разновидности деревьев и кустарников, которых нет больше нигде. Барон Эггерс, у которого в 1883 году была кофейная ферма площадью 2000 акров, которая только начинала зарождаться, нашел свободное время от других своих занятий, чтобы исследовать некоторые леса, и — поскольку он был авторитетом в этом вопросе — факты, которые он обнаружил и сообщил, вызвали интерес у путешественников и студентов. Он нашел пальмы и необычное разнообразие орхидей, но пальмы не были такими высокими, а орхидеи - такими богатыми, как на Карибских островах. Но он нашел деревья необычайной красоты и большой пользы в производстве, которые не в изобилии встречаются на других островах, если, конечно, они вообще когда-либо встречаются на каком-либо из них.

Барон с восторгом описывает сабино, называемое так туземцами, но им самим называемое талаума; оно от пятнадцати до двадцати футов высотой, с раскидистыми ветвями, большими серебристыми листьями и огромными белыми пахучими цветами. Хиетелла - еще одно дерево с замечательными листьями и красивыми малиновыми цветами. Он описывает еще одно дерево, не называя его, как имеющее оранжевую листву, большие пурпурные цветы, и как имеющее по соседству другие деревья, отличные от него, но похожие на него и, очевидно, родственные ему. Это дерево, по его словам, больше нигде не встречается. Еще одно дерево, ортегон, цветы которого представляют собой пурпурные шипы длиной в ярд, а древесина используется для заготовки древесины, распространено на возвышенностях у побережья. А еще здесь есть красивая древесина, красное дерево и бурое дерево. Отсюда видно, что леса Пуэрто-Рико в целом красивы и странны в некоторых своих особенностях.

Слова Пуэрто-Рико в переводе означают Богатый порт, и они очень применимы к этому уютному местечку в Атлантическом океане, всего в нескольких минутах ходьбы от побережья Соединенных Штатов. Каждая разновидность почвы приспособлена для выращивания определенного вида сельскохозяйственных культур. Самые высокие холмы, как и самые низкие долины, возделываются с учетом того, что они принесут наилучший урожай. На холмах выращивают рис; в долинах - кофе, хлопок и сахарный тростник; на возвышенностях между долинами и холмами - табак. Рис Пуэрто-Рико, в отличие от риса Каролинских островов, растет на засушливых землях, даже на самых высоких холмах, без полива. Это основной продукт питания рабочих. В консульском отчете Вашингтону за 1897 год говорится, что в том году было произведено 26 655 тонн кофе, 54 205 тонн сахара и 1039 тонн табака. Количество тюков хлопка не указано, но консул расхваливает его прекрасное качество. О богатстве сахарных угодий

можно судить по этому пункту отчета: "Три бочки сахара - это средний урожай с акра без использования каких-либо удобрений".

Пуэрто-Рико - одна из лучших пастбищных стран в мире. Здесь огромные стада крупного рогатого скота, и оттуда на другие острова Вест-Индии поставляется скот высшего качества. Большое количество шкур отправляется в разные страны.

Несмотря на то, что остров богат сельскохозяйственными угодьями и имеет право считаться исключительно сельскохозяйственным, в прошлые времена здесь велась значительная добыча золота, меди и соли. Действительно, медь все еще добывается в небольшом количестве, а соли все еще так много, что правительство находит выгоду в монополизации ее продажи.

Пуэрто-Рико имеет всего 100 миль в длину и от пятидесяти до шестидесяти миль в ширину и площадь, равную коробке из-под галантереи. На востоке и западе, на севере и юге его береговые линии проходят почти так же точно, как если бы они были нанесены по компасу. Это радость моряка, как его плодородная почва - радость земледельца.

Гавань Сан-Хуан - главная в Пуэрто-Рико и одна из лучших по своим размерам в Карибском море. Он безопасен и защищен, велик и не имеет выхода к морю, и хотя вход в него несколько "грязноват", корабли глубиной в три морских сажени могут войти и найти якорную стоянку внутри, поскольку на любой глубине до шести морских саженей имеется хорошее место для стоянки. Залив широк и красив и открывается на север, так что судно, идущее курсом из Нью-Йорка, могло бы, если бы на пути не было препятствий, войти прямо в гавань.

Укрепления, окружающие город Сан-Хуан, подобны испанским родословным, древним, ярким, красивым на вид, но при этом столь же бесполезным. Этот город с населением около 25 000 человек полностью окружен внушительными стенами из камня и затвердевшего строительного раствора высотой от 50 до 100 футов. У них живописные ворота и разводные мосты, опускные решетки и перемычки, причудливые старые сторожевые будки, выступающие в море, хмурые зубчатые стены и все такое; но большая часть их пушек датируется прошлым веком.

В древние времена главный форт или замок назывался "морро", или мавританская башня, потому что обычно он был круглым; и в Сан-Хуане, как и в Гаване, Морро является самой заметной точкой его укреплений. Он стоит на утесе, выступающем из городских стен, и сразу за ним находится маяк. За обращенным к морю фасадом массивных стен грохочет океан, но обращенная к суше гавань тиха и безопасна для любого судна. К западу от цитадели за стенами разбит широкий плац, а неподалеку находится старейший дом в городе, сооружение не меньшее, чем древний замок Понсе де Леона, бывшего местного губернатора и первооткрывателя Флориды. Его прах также хранится здесь, в свинцовом футляре, ибо Понсе Львиное Сердце был великим человеком в свое время и уничтожил индейцев этого острова с такой тщательностью, что заслужил чрезвычайно высокую награду.

Прямо под северной стеной замка находится общественное кладбище, над воротами на него нависает богато украшенная будка часового, а по углам ограды сложены кости выселенных жильцов могил, срок аренды которых истек. Преобладающие ветры днем дуют с моря в направлении суши; ночью - с внутренних гор в направлении побережья. Далеко вглубь материка возвышается коническая вершина большого Лукильо, горы высотой около 4000 футов, со сторон которой стекают ручьи, удобряющие остров.

От Сан-Хуана до Понсе, южного порта, около девяноста миль по прекрасной дороге, идущей по диагонали через остров. Испанцы, как правило, плохие дорожники, но на этом острове они справились лучше, чем на Кубе, и здесь можно проехать милью с изрядным комфортом. Строится несколько линий железных дорог, система которых проектируется вокруг острова протяженностью 340 миль.

Город Понсе - крупнейший, с населением около 38 000 человек и обширной экспортной торговлей. Это главный пункт отгрузки сахара, хотя у него нет хорошей гавани, и он расположен почти в трех милях от моря. Это довольно красивый город с красивой площадью и величественным собором, и все его дома, как и в Сан-Хуане, построены из камня.

Другие гавани: на восточном побережье - Фахардо и Умакао; на севере, помимо Сан-Хуана, Арресибо; на западе - Агуадилья и Маягуэс, в первой из которых Колумб поил свои каравеллы в 1493 году и где до сих пор бьет первый источник.

Рядом с Пуэрто-Рико находятся два небольших острова под названием Кулебра и Вьеке, населенные в основном рыбаками, но с прекрасными лесами из красивых и древесных пород, которые необходимо эксплуатировать. Торговля острова ведется в основном с Соединенными Штатами. За последние десять лет мы получали 1 000 000 долларов в год от экспорта на этот остров и почти 3 000 000 долларов от импорта. Имея мощное правительство и находясь под мудрым контролем, Пуэрто-Рико приблизится к достижению своей полной продуктивности. Ежегодный урожай сахара оценивается примерно в 70 000 тонн; кофе - в 17 000 тонн; бананов - почти в 200 000 000; кокосовых орехов - в 3 000 000 и табака - в 7 000 000 фунтов. Изначально здесь в изобилии было найдено золото, медь, железо и свинец. При предприимчивости и защите жизни и имущества их эксплуатация будет приносить прибыль.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ИСПАНИИ.

Потеря Кубы и Пуэрто-Рико не оставила Испанию без колониальных владений, как показано в прилагаемой таблице:

Площадь —английские
владения в Азии в квадратных милях. Население.

Филиппинские острова 114 326 7 000 000
Острова Сулу 950 73 000
Каролинские острова и Палаос 560 36 000
Марианские острова 420 10 172

Всего азиатских владений 116,256 7,121,172

Владения в Африке

Рио-де-Оро и Адрар 243 000 100 000
Ifni 27 6000
Фернандо-По, Аннабон, Корсико, Элобей, Сан-Хуан 850 30 000

Общее количество африканских владений 243 877 136 000

Архипелаг Сулу расположен к юго-западу от острова Минданао и непосредственно к югу от Манилы и моря Миндора. Главный остров дал свое название группе, которая простирается до трехмильной границы Борнео. Площадь всего острова оценивается в 950 квадратных миль; население - 75 000 меланезийцев.

Острова Каролина и Марианна, или Ладроне, более многочисленны, но едва ли столь же важны и густонаселенны, как группа Сулу. Они принадлежат к тому, что иногда называют Микронезией, из-за крайней малочисленности суши. Эти две группы расположены к востоку и северо-востоку от Филиппин, и до них легко добраться под парусом из Манилы. С востока на запад они простираются на 30 с лишним градусов долготы, а с севера на юг - на 20 градусов широты.

Обитаемые острова имеют коралловую формацию, обычно не более чем на десять-двенадцать футов выше отметки прилива. На самом деле это кучи песка и водорослей, занесенные ветром над коралловыми рифами. Большинство этих островов представляют собой узкие полосы суши от нескольких ярдов до трети мили в поперечнике с лагуной, частично или полностью закрытой рифом. Кокосовые орехи и рыба - главная пища местных жителей, которые являются низшим видом даже для полинезийцев.

Первыми и наиболее привлекательными из африканских владений, как из-за природных ресурсов, так и из-за их преимуществ в качестве военно-морской базы, являются Канарские острова, которые считаются частью собственно испанского королевства, настолько долго и надежно Испания держала их.

Более обширным по площади, если не более привлекательным для проживания, является песчаный, частично пустынный участок, носящий названия Рио-де-Оро (Золотая река) и Адрар. Воображаемая линия, знакомая школьникам под названием Тропик Рака, пользуется особой любовью в этом регионе, проходя недалеко от северного и южного центра. Округ расположен недалеко от Канарских островов на их северной окраине, и им управляет заместитель губернатора при губернаторе Канарских островов. На побережье есть два небольших поселения. Единственная слава, которую Испания получает от этого владения, - это возможность увидеть его цветное обозначение на картах Африки.

Из других перечисленных африканских владений некоторые едва ли настолько велики, чтобы их можно было увидеть на обычной карте без помощи микроскопа. Кориско - это небольшой участок побережья вокруг бухты к югу от мыса Сент-Джон, недалеко от экватора. Остров Фернандо-По находится прямо во внутреннем изгибе большого африканского колена. Остров Аннабон находится недалеко от мыса Лопес.

Еще одно владение или притязание пришедшей в упадок монархии полуострова еще предстоит каталогизировать — страна на берегах рек Муни и Кампо площадью 69 000 квадратных миль с населением 500 000 человек. Право собственности на этот раздел также принадлежит Франции.

ГЛАВА XLVII.

ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Стремление сражаться —Матансас подвергся бомбардировке—Шурин Вейлера попал в плен - Ситуация в Гаване-Бланко обращается лично к Гомесу—Ответ патриота— "Одна раса, человечество"—Импульс войны—Наше положение среди наций.

Поразительной особенностью в начале войны было всеобщее стремление сражаться. Были войны, в которых было много маневрирования и буйства, но до драки дело не доходило. Были кампании на море и суше, в которых командиры исчерпывали все стратегические приемы, чтобы не мешать друг другу, но в этой войне американцы усложняли стратегию, обходили правила и искали предлоги, чтобы добраться до испанцев.

Учитывая испанский укрепленный город и американский флот, была произведена срочная бомбардировка. Взяли испанский форт и канонерскую лодку янки, и завязался бой. Не было никаких припевов "все спокойно на Потомаке" или "ничего-нового-перед-Парижем". Американцы знали, что они были правы, и они пошли вперед.

ОБСТРЕЛЯН МАТАНСАС.

Первая настоящая бомбардировка кубинских фортов состоялась 27 апреля в Матансасе, когда три корабля флота адмирала Сэмпсона, флагманский корабль "Нью-Йорк", монитор "Пуританин" и крейсер "Цинциннати", открыли огонь по укреплениям. Испанцы активно работали над укреплениями в Пунта-Горде, и именно знание этого факта побудило адмирала Сэмпсона обстрелять это место с целью помешать их завершению.

Небольшая батарея на восточной стороне залива открыла огонь по "Нью-Йорку", и флагман быстро ответил своими тяжелыми орудиями. Вероятно, с батареи по нашим кораблям было выпущено двадцать пять восьмидюймовых снарядов, но все они не долетели. Несколько холостых снарядов было выпущено также с неполной батареи.

Один или два из них просвистели над флагманским кораблем адмирала Сэмпсона. Завершив свою работу, корабли вышли в открытое море, флагманский корабль вернулся на свой пост у Гаваны, в то время как "Цинциннати" и "Пуританин" остались на страже у Матансаса. В то время как флагманский корабль "Нью-Йорк", его дочерний крейсер "Цинциннати" и монитор "Пуританин" определяли местонахождение оборонительных сооружений гавани Матансас, батареи, охранявшие вход, открыли огонь по "Нью-Йорку". Их ответом был бортовой залп с флагманского корабля адмирала Сэмпсона, причем первый огонь был произведен из носового восьмидюймового орудия по левому борту. Монитор атаковал укрепление Пойнт-Майя, флагманский корабль подошел ближе и обстрелял Рубалькайя-Пойнт, в то время как "Цинциннати" вскоре приступил к обстрелу укрепления на западной стороне залива. Менее чем за двадцать минут военные корабли адмирала Сэмпсона заставили замолчать испанские батареи.

Разрывные снаряды из фортов падали далеко от кораблей. Последний выстрел с берега был произведен с мыса Рубалькая. Монитор "Пуританин" дал залп из одного из своих двенадцатидюймовых орудий, и его эффект был виден, когда часть укрепления взлетела на

воздух. Батарея в Майе была более мощной из двух, и ее огонь был более постоянным, но все ее снаряды не попали в наши корабли.

Стрельба по мишеням флагманского корабля была вдохновляющим зрелищем. При каждом выстреле с его батареей облака пыли и большие куски камня показывали, где пострадали испанские форты. "Нью-Йорк", сократив дальность стрельбы с более чем шести тысяч до трех тысяч ярдов, выпускал по фортам противника снаряды со скоростью три в минуту, каждый из которых сеял хаос. Пуриитанин не менее тщательно позаботился о Пойнт-Майе. Когда ей удалось установить дальность стрельбы, ее артиллеристы при каждом выстреле выпускали по снаряду внутрь сооружения.

Когда "Цинциннати" было дано разрешение принять участие в первом сражении между войсками янки и Испании, крейсер подошел на расстояние 2000 ярдов от берега, и почти сразу же заработали его орудия. Кадет Бун на флагманском корабле произвел первый выстрел из пушки в ответ на выстрелы испанских батарей.

Испанский почтовый пароход "Аргоната" капитана Лейджа был конвоирован в гавань Ки-Уэст крейсером Соединенных Штатов "Марблхед" 3 мая. Полковник Висенте Де Кортихо из Третьей испанской кавалерийской дивизии, который вместе с девятнадцатью другими армейскими офицерами был взят в качестве приза, является шурином генерал-лейтенанта Валериано Вейлера. Полковник Де Кортихо и другие офицеры были переведены на "Гвидо", а рядовые - на "Амбросио Боливар", два других трофея первой недели войны.

Сама "Аргоната" была неплохим призом, поскольку ее грузоподъемность составляла 1000 тонн, но ценность захваченного заключалась главным образом в военнопленных и почте, направлявшейся генералу Бланко. Ее грузом были товары общего назначения, включая большое количество боеприпасов и припасов для испанских войск на Кубе.

СИТУАЦИЯ В ГАВАНЕ.

Корреспондент из Гаваны 3 мая написал следующее:

"Сегодня диспетчерскому судну снова удалось установить связь с Гаваной, и ваш корреспондент привез с собой вчерашние утренние газеты.

"Город Гавана представляет собой печальное зрелище. Сейчас на улицах все еще есть несколько реконцентрадо, но голод положил конец страданиям большинства из них, и их кости были выброшены в траншеи за пределами города.

"Голодная смерть теперь грозит самим гражданам Испании. Гавана - кладбище. Две трети жителей бежали. Другая треть начинает испытывать муки голода.

"Цены здесь сравнимы с ценами на Клондайке. Бифштекс стоит 1 доллар за фунт. Цыплята - 1 доллар за штуку. Мука - 50 долларов за баррель. Все конфискуется для армии Бланко. Холеным, сытым людям ежедневно угрожают смертью, чтобы заставить их раскрыть местонахождение их скрытых запасов провизии.

"Несколько продовольственных магазинов на боковых улицах были взломаны и разграблены. Генералу Бланко настоятельно рекомендуют затопить артезианские колодцы для обеспечения водой в случае осады, поскольку совместная атака кубинских и американских войск разрушит

акведук. Не думаю, что Бланко попытается это сделать, поскольку у него не будет достаточно времени.

"В бюллетене, вывешенном сегодня утром на стене дворца, сообщалось, что почтовый пароход "Авилес" из Нуэвитасы и "Косме Херра" из Сагуа прибыли прошлой ночью. Также утверждается, что испанский бриг "Линчеватель" прибыл в Матансас из Монтевидео с запасами продовольствия для правительства.

"Дворец генерал-капитана практически опустел с тех пор, как началась блокада. Бланко лично принял командование батареей Мариена и руководит возведением новых песчаных батарей по всей береговой линии к западу от входа в Гаванскую бухту. Генерал-лейтенант Перрадо делает Гуанабакоа своей штаб-квартирой, устанавливает новые батареи и, насколько это возможно, укрепляет укрепления. Более 300 извозчиков заняты вывозом песка из устья Альмандреса для использования при строительстве земляных работ вдоль побережья, а в пригородах города всем извозчикам было приказано явиться добровольцами на службу со своими подводами. На улицах буйствуют полупьяные испанские добровольцы, требующие американской и кубинской крови.

"По ночам город погружается во тьму, по приказу Бланко отключается все газовое и электрическое освещение. Испанские солдаты пользуются этим, чтобы совершать шокирующие акты насилия над незащищенными кубинскими семьями. Несмотря на эти ужасные обстоятельства, Бланко распорядился украсить город, надеясь пробудить патриотизм населения".

БЛАНКО ОБРАЩАЕТСЯ ЛИЧНО К ГОМЕСУ.

4 мая генерал Бланко предпринял невероятные усилия для победы над кубинскими войсками, написав письмо генералу Гомесу. Копия этого письма и ответ генерала Гомеса были найдены у командера Лимы, которого подобрал "Текумсе" в пятнадцати милях от Гаваны. Письмо генерала Бланко было следующего содержания:

Генерал Максимо Гомес, главнокомандующий Революционными силами:

Сэр— От вас не скроешь, что кубинская проблема радикально изменилась. Мы, испанцы и кубинцы, сталкиваемся с иностранцами другой расы, с естественной склонностью к поглощению и с намерениями не только лишить Испанию ее флага над кубинской землей, но и истребить кубинский народ из-за того, что в нем течет испанская кровь.

Следовательно, настал решающий момент, когда мы должны забыть наши прошлые недоразумения и в котором, объединенные интересами нашей собственной обороны, мы, испанцы и кубинцы, должны дать отпор захватчику.

Генерал, по этим причинам я предлагаю заключить союз обеих армий в городе Санта-Клара. Кубинцы получают оружие испанской армии, и с криками "Да здравствует Испания!" и "Да здравствует Куба!" мы отразим захватчика и освободим от иностранного ига потомков того же народа.

Ваш покорный слуга,

РАМОН БЛАНКО.

На это генерал Гомес ответил следующим образом:

Сэр— я удивляюсь, как вы смеее снова писать мне об условиях мира, когда знаете, что кубинцы и испанцы никогда не смогут жить в мире на земле Кубы. Вы представляете на этом континенте старую и дискредитированную монархию. Мы боремся за американские принципы, такие же, как у Боливара и Вашингтона.

Вы говорите, что мы принадлежим к одной расе, и приглашаете меня сражаться против иностранного захватчика, но вы снова ошибаетесь, ибо нет различий в расах и крови. Я верю только в одну расу, человечество, и для меня есть только хорошие и плохие нации, Испания до сих пор была плохой, а Соединенные Штаты выполняют в этих движениях по отношению к Кубе долг человечности и цивилизации.

От дикого смуглого индейца до утонченного светловолосого англичанина, мужчина для меня достоин уважения за его честность и чувства, независимо от того, к какой стране или расе он принадлежит или какую религию исповедует.

Для меня таковы и нации, и до настоящего времени у меня были только причины восхищаться Соединенными Штатами. Я написал президенту Маккинли и генералу Майлзу, поблагодарив их за американское вмешательство на Кубе. Я не вижу опасности нашего уничтожения Соединенными Штатами, на которую вы ссылаетесь в своем письме. Если это так, история рассудит. В настоящее время я должен повторить, что уже слишком поздно для какого-либо взаимопонимания между моей армией и вашей.

Ваш покорный слуга,

MAXIMO GOMEZ.

ОДНА РАСА —ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Ответ Гомеса Бланко останется в истории. Странное обращение Бланко к кубинскому генералу было характерно для испанца. Казалось бы, умный человек не стал бы обращаться с таким призывом, прекрасно понимая, что это бесполезно. В течение трех лет Гомес вел то, что многим казалось безнадежной борьбой. После этих лет самопожертвования он приобрел Соединенные Штаты в качестве союзника, и это приобретение обеспечило ему окончательный успех. В этих обстоятельствах Бланко, представитель сил, с которыми боролся Гомес, обратился к Гомесу с просьбой присоединиться к нему в попытке дать отпор силам Соединенных Штатов. Такое обращение в данных обстоятельствах, учитывая тот факт, что Бланко считался умным человеком, показало, что испанец неспособен оценить чувства, которые побуждали людей продолжать борьбу за свободу.

Генерал Бланко обосновал свою апелляцию утверждением о том, что кубинец и испанец принадлежали к одной расе и поклонялись одному и тому же святилищу. Он стремился разжечь в душе Гомеса расовые и религиозные предрассудки и зашел так далеко, что предположил, что в случае, если Гомес объединит свои силы с силами Бланко, Испания даст свободу Кубе и "откроет свои объятия еще одной новой дочери народов нового света, которые говорят на ее языке, исповедуют ее религию и чувствуют в своих жилах благородную испанскую кровь".

Письмо Гомеса было интересным по нескольким причинам. Для тех, кто представлял его грубым, неграмотным человеком, это письмо стало откровением. Однако это не стало неожиданностью для тех, кто внимательно изучал карьеру Гомеса и кто понимает, что он был ученым человеком, а также опытным солдатом.

"Я верю только в одну расу, человечество", - сказал Гомес, и эта фраза займет видное место в истории этого континента.

"От дикого смуглого индейца до утонченного светловолосого англичанина, - сказал Гомес, - я уважаю каждого мужчину в соответствии с его честностью и чувствами, независимо от того, к какой стране или расе он принадлежит или какую религию исповедует. Как и нации для меня". Столь прекрасные чувства, несомненно, были напрасны на испанца, но люди всех цивилизованных наций, даже мы, Соединенные Штаты, можем найти большую ценность в этих великолепных выражениях кубинского генерала.

Человек, который верит, что есть только одна раса, которой мы обязаны верностью, что эта раса - человечество, и что этой расе он обязан всей верностью, должен иметь свое сердце в нужном месте. Человек, который отбрасывает соображения о случайности рождения и, помимо патриотических дел, применяет термин "товарищ" ко всем Божьим созданиям, тот человек не напрасно изучал цели творения. Человек, который формирует свою оценку личности в соответствии с мужественностью, проявляемой индивидуумом, изгоняя из своего сознания все расовые и религиозные предрассудки, несомненно, с пользой усвоил жизненный урок.

"Я верю только в одну расу, человечество". Это чувство религиозные наставники и мудрецы пытались внушить нам. Но объединенные усилия всех наставников и всех мудрецов в обучении братству людей не были столь впечатляющими, как простое заявление этого великолепного патриота, в котором он отверг искушение расовыми и религиозными предрассудками.

Человечество - это раса, а честный человек - это человек, независимо от того, к какой стране он принадлежит и какую религию исповедует. Это было чувство Максимо Гомеса, кубинского патриота, чистоплотного американца, чувство, к которому присоединится весь разум мира и в свете которого предрассудки должны наконец исчезнуть.

ИМПУЛЬС ВОЙНЫ.

Что касается американского народа, то уничтожение штата Мэн стало началом военных действий. Нация в одно мгновение отказалась от медлительных привычек мира и шагнула навстречу мощному и стремительному импульсу войны. Великие события наслаивались друг на друга до такой степени, что за шестьдесят дней мы вошли в историю больше, чем за предыдущие тридцать лет. Движение не было диким дрейфом, но было таким же прямым, быстрым и безудержным, как у пушечного ядра. Перед нами стояла цель, и правительство и народ направились прямо к ней.

Когда Мэн был разрушен, наш военно-морской флот был рассеян, наша армия находилась на тридцати различных постах во стольких же штатах, на местах не было добровольцев, в умах людей не было цели войны. Испанская власть на Кубе казалась надежной; никто не думал о том, что Испания уступит Пуэрто-Рико или Филиппинские острова. Людей нельзя было привлечь к серьезному рассмотрению кубинского вопроса, и им была безразлична судьба Гавайев. Они сдерживались, когда кто-либо говорил о наших правах на Тихом океане, и без особого

энтузиазма относились к планам укрепления нашего военно-морского флота и нашей береговой обороны. Все эти вопросы были неотложными, но народ колебался, и Конгресс колебался с ними.

Взрыв, уничтоживший наш линкор и убивший наших моряков, перерезал все веревки, которые приковывали нас к бездействию. Через неделю военно-морской флот был готов к наступлению. Через три недели в распоряжение президента было предоставлено 50 000 000 долларов для проведения подготовительных работ по национальной обороне. За месяц были закуплены новые военные корабли, старые мониторы отремонтированы и введены в эксплуатацию, американские лайнеры переданы военно-морскому флоту. Через два месяца была объявлена война, реорганизованная североатлантическая эскадра блокировала кубинские порты, а регулярная армия спешно продвигалась к месту встречи на Юге. Еще через неделю 125 000 добровольцев заполнили столицы штатов.

Под влиянием войны мы за несколько недель продвинулись вперед и заняли самое главенствующее положение, которое когда-либо занимали среди наций. Без хвастовства мы поразили мир своей силой и ясно показали правоту нашего дела. Мы доказали, что республика, приверженная миру, может быстро подготовиться к войне и что народное правительство так же быстро и могущественно, как монархия, мстить за оскорбление или несправедливость.

ГЛАВА XLVIII.

МОРСКОЙ БОЙ У МАНИЛЫ, АМЕРИКАНЦЫ ОДЕРЖАЛИ ПОБЕДУ.

Взоры всего мира устремлены на Первое Крупное морское сражение нашей войны с Испанией—Азиатские воды — место Заметного конфликта—Важность сражения с точки зрения его возможного влияния на строительство всех европейских военно—морских сил—Храбрость адмирала Дьюи и американских моряков Его флота—Славная победа Звездно-Полосатого Знамени-Захват Манилы и уничтожение испанского флота.

Редко внимание всего мира было так приковано к ожидаемому событию в отдаленной части земного шара, как в те несколько дней в конце апреля, когда американский флот в азиатских водах готовился к атаке на Манилу, столицу Филиппинских островов. Глаза каждой цивилизованной страны были напряжены, чтобы увидеть, каков будет результат столкновения, которое, несомненно, должно было произойти.

Авторитетные военные специалисты во всем мире откровенно признавали, что исход этого первого крупного морского сражения во многом определит судьбу всей войны. Но важность этого события с этой точки зрения была меньше, чем с другой, которая интересовала правительства всей Европы. Ожидалось, что это первое испытание современной боевой машины на море послужит уроком, по которому можно будет определенно судить о достоинствах таких кораблей. Возможно, они окажутся гораздо менее эффективными, чем было рассчитано лордами адмиралтейства, и миллионы, вложенные во флоты Европы, окажутся фактически потраченными впустую. Именно это, а также его влияние на ход войны привлекли всеобщее внимание к встрече эскадрилий на Филиппинах.

Вся Америка обрадовалась новостям, которые промелькнули по телеграфу в воскресенье, 1 мая, когда первые известия о битве достигли Соединенных Штатов. Даже испанские фразы не могли

скрыть тот факт, что это столкновение было блестящей победой доблести американских моряков и мощи американских кораблей. Превосходящий по численности испанский флот практически уничтожен, город в ужасе от захвата, армии повстанцев у ворот Манилы, потери испанских солдат и матросов, по общему признанию, большие, и, наконец, угрюмый ропот недовольства, поднимавшийся против правительства в Мадриде, — все это указывало на то, что азиатская эскадра под командованием адмирала Джорджа Дьюи одержала сокрушительную победу.

По мере того, как подробности сражения начали множиться, несмотря на испанскую цензуру телеграмм, которые максимально щедро искажали факты в пользу испанских войск, энтузиазм людей по всем городам и деревням Америки возрастал в нарастающей волне радости и благодарности за дарованную им победу. От Истпорта до Сан-Диего и от Ки-Уэста до Сизтла развевались флаги, и приветствия множества людей возносились к небу. Вокруг газетных бюллетеней собирались толпы, чтобы прочитать первые краткие сообщения, а затем расходились, чтобы распространить новость среди своих соседей. Редко какое событие было так широко известно по всей стране с таким небольшим опозданием, как это известие о победе американцев в войне с антиподами. Результат вызвал у всех чувство восторга и облегчения, и в сознании каждого росла абсолютная уверенность в том, что американскому оружию не будет нанесен ущерб в угрожаемых конфликтах на берегу или в море.

НАЦИЯ В НАПРЯЖЕНИИ.

Но после того, как были получены первые известия о победе, наступил период задержки. Стало известно, что кабель между Манилой и Гонконгом был перерезан, и единственное средство непосредственной связи было отключено.

Затем наступили томительные дни ожидания, и больше ни слова о великой битве. Беспокойство усиливалось тем, что время от времени доходили отвратительные слухи о том, что адмирал Дьюи попал в ловушку, и когда были рассмотрены все обстоятельства дела, неудивительно, что начало ощущаться нечто вроде холодка тревоги за судьбу американского флота и его доблестного командующего. Было известно, что Манильский залив заминирован, и, возможно, снова были проведены электрические подключения. Орудия фортов в заливе, не имеющем выхода к морю, могли и не умолкнуть, а вероломство и коварство испанцев могли бы добиться того, чего не смог добиться испанский флот в открытом бою.

Но утро 7 мая принесло известие из Гонконга, которое вызвало трепет патриотической гордости по всей Америке. Наши "янки тарс" выиграли бой, и выиграли его без потерь.

Даже те, кто был свидетелем ошеломляющей победы, с трудом могли понять, как корабли и люди на кораблях адмирала Дьюи вышли из боя невредимыми и практически без опознавательных знаков.

Вскоре после полуночи воскресного утра, 1 мая, американский флот во главе с флагманом Olympia, самым большим судном среди них, прошел незамеченным мимо батарей, которые пытались охранять широкий вход в гавань. Каждому судну было приказано держаться на 400 ярдов позади предыдущего, и поскольку в составе американского флота было девять судов, включая два транспорта и угольщики "Наньшань" и "Зафи́ро", линия была длиной почти в милю и три четверти, и при скорости движения паров прошло, возможно, три четверти часа с того

момента, как "Олимпия" оказалась в пределах досягаемости береговых батарей, пока два транспорта благополучно вошли в гавань.

"Олимпия", "Балтимор", "Роли", "Буревестник" и "Конкорд" прошли благополучно, и сухопутные батареи, возможно, никогда бы не заподозрили присутствия флота, если бы не странный инцидент на "Маккалохе". Сажа в трубе загорелась. Из нее вырвалось пламя, и искры рассыпались по всей палубе. Батареи, должно быть, не спали и наблюдали. Пять минут спустя, или просто в 11:50, на южном берегу были замечены сигналы, очевидно, на Лимбоунз-пойнт. Летящие искры от этой лодки сделали ее единственной целью в американской линии. Она продолжала двигаться вперед, и в 12.15 1 мая, как раз когда она проходила между фортом в Рестинго и батареями на острове Коррехидор, она была обстреляна фортом на юге.

На "Бостоне", находившемся чуть впереди, были установлены и готовы к стрельбе орудия, и он ответил на огонь с берега с большой оперативностью, послав восьмидюймовый снаряд в сторону завитка дыма, поднимавшегося над батареей. Это был первый выстрел, произведенный американцами. Судить о его эффекте было невозможно. На берегу вспыхнула еще одна вспышка, и снаряд просвистел мимо, всего в нескольких ярдах от носа корабля. Если бы он попал точно, то разорвал бы небронированный катер. Это был единственный шанс "Маккалоха" вступить в бой. Она замедлила ход, остановилась и выпустила шестифунтовый снаряд по береговой батарее, за которым немедленно последовал еще один.

Испанцы ответили, но на этот раз выстрел получился неистовым. Затем "Маккалох" выпустил третий снаряд, и почти сразу же "Бостон" повторил стрельбу из одного из своих больших орудий. После этого береговая батарея умолкла, и последняя половина флота беспрепятственно вошла в бухту. Батареи Коррехидора ни разу не открыли огня. Вся стрельба испанцев велась с южной батареи, которая находилась гораздо ближе. Американцы выпустили пять или шесть снарядов, а испанцы выстрелили три раза, не причинив абсолютно никакого ущерба. Среди морских офицеров поступали противоречивые сообщения о стрельбе у входа в бухту, но несомненно, что "Маккалох" произвел три выстрела. Во время этой стрельбы главный инженер McCulloch скончался от нервного потрясения.

КОГДА БЫЛИ ЗАМЕЧЕНЫ ИСПАНСКИЕ КОРАБЛИ.

После прохождения ла-манша американская линия продвигалась очень медленно. Люди на "Мак-Каллохе" были в боевой горячке после зарослей у входа в гавань и каждую минуту ожидали услышать канонаду с тяжелых кораблей впереди. Флот полз все дальше и дальше, выжидая под покровом темноты и не будучи уверенным ни в своем местоположении, ни вообще в том, что они в любой момент не наткнутся на минное гнездо.

Был почти час дня, когда они благополучно добрались до бухты. Между этим часом и 4.30 флот, медленно двигаясь в северо-восточном направлении, направился к точке, примерно в пяти милях к северу от Манилы. Пройдя около семнадцати миль, с первыми лучами солнца испанские корабли были замечены уходящими на восток под прикрытием сильно укрепленной военно-морской базы в Кавите. Батареи и город Кавите находятся примерно в семи милях к юго-западу от Манилы и расположены на полосе суши, простирающейся на север и охватывающей меньшую гавань, известную как Бейкер-бей. С того места, где флот впервые остановился, можно было смутно различить очертания более крупных испанских крейсеров, а также неправильные очертания береговых батарей позади. Даже сухопутному жителю было очевидно,

что испанский флот не вступит в бой, если наши корабли не предпримут атаку, подойдя в пределах досягаемости батарей Кавите.

Сигнал с флагманского корабля и торопливое движение на каждой палубе показали, что флот готов к атаке. Тем временем "Мак-Каллох" получил приказ. Она должна была находиться далеко за пределами, то есть к западу от линии боевых действий, и защищать два грузовых корабля "Наньшань" и "Зафиро". Отведенная ей позиция позволяла американскому флоту продолжать свои боевые маневры и в то же время держаться между испанским флотом и тремя американскими кораблями, которые не были квалифицированы для участия в бою.

ПРОКЛАМАЦИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА.

Незадолго до 5 часов утра в воскресенье, когда каждое судно флота доложило о своей готовности двинуться на Кавите, команды были сформированы, и матросам было зачитано замечательное воззвание, изданное генерал-губернатором Филиппинских островов 23 апреля. Каждый американский моряк шел в бой с решимостью возмутиться оскорблениями, содержащимися в послании, которое звучало следующим образом:

Испанцы! Между Испанией и Соединенными Штатами начались военные действия. Для нас настал момент доказать миру, что у нас достаточно духа, чтобы победить тех, кто, притворяясь верными друзьями, воспользовался нашим несчастьем и злоупотребил нашим гостеприимством, используя средства, которые цивилизованные нации считают недостойными и порочащими репутацию.

Североамериканский народ, состоящий из всех социальных наместов, истощил наше терпение и спровоцировал войну своими вероломными махинациями, своими актами предательства, своим надругательством над законами наций и международными конвенциями. Борьба будет короткой и решающей, Бог побед даст нам такую блестящую и завершенную, какой требует праведность и правосудие нашего дела. Испания, которая рассчитывает на симпатии всех наций, победоносно выйдет из нового испытания, унизив и уничтожив авантюристов из тех государств, которые без единства и без истории предлагают человечеству только позорные традиции и неблагоприятное зрелище камер, в которых проявляются объединенные наглость, трусость и цинизм. Эскадра, укомплектованная иностранцами, не обладающими ни инструкциями, ни дисциплиной, готовится прибыть на этот архипелаг с негодяйским намерением отнять у нас все, что означает жизнь, честь и свободу.

Делая вид, что вдохновлены мужеством, на которое они неспособны, североамериканские моряки предпринимают в качестве осуществимого предприятия замену католической религии, которую вы исповедуете, протестантизмом, обращаются с вами как с племенами, невосприимчивыми к цивилизации, завладевают вашими богатствами, как если бы они не были знакомы с правами собственности, и похищают тех людей, которых они считают полезными для укомплектования своих кораблей или для использования в сельском хозяйстве или индивидуальном труде. Тщетный замысел! Нелепое хвастовство! Вашей неукротимой храбрости будет достаточно, чтобы сорвать попытку воплотить их в жизнь. Вы не позволите, чтобы вера, которую вы исповедуете, была превращена в посмешище, нечестивые руки были наложены на храм истинного Бога, изображения, которым вы поклоняетесь, были низвергнуты неверием. Агрессоры не должны осквернять могилы ваших отцов. Они не должны удовлетворять свои похотливые страсти за счет чести ваших жен и дочерей или присваивать имущество,

накопленное вашей промышленностью, в качестве обеспечения вашей старости. Нет! Они не должны совершать преступлений, вдохновленных их злобой и алчностью, потому что вашей доблести и патриотизма будет достаточно, чтобы наказать и унижить людей, которые, называя себя цивилизованными и образованными, истребили коренных жителей Северной Америки вместо того, чтобы принести им жизнь цивилизации и прогресса. Мужчины Филиппин, готовьтесь к борьбе и, объединившись под славным испанским флагом, который всегда увенчан лаврами, давайте сражаться с убежденностью, что победа увенчает наши усилия, и призываю наших врагов давайте решительно противопоставим христианский и патриотический клич "Да здравствует Испания". Ваш губернатор,

БАЗИЛИО АВГУСТИН ДИВИЛИО.

ВЗРЫВ МИН.

Если крика "Помните Мэн" было недостаточно, чтобы привести американских моряков в боевое настроение, когда военные корабли двинулись вперед в боевом порядке, память об этом оскорбительном воззвании помогла им воспрянуть духом.

"Олимпия" направилась прямо к позициям испанцев за несколько минут до пяти часов. Она двигалась с умеренной скоростью. Остальные суда последовали в том же порядке, который соблюдался при входе в бухту. Испанцы были нетерпеливы и проявили недальновидность. В 5:10 над одной из батарей Кавите появилось облако дыма, и снаряд упал в воду далеко от берега от флагманского корабля. Последовало несколько выстрелов, но дистанция была слишком большой. В то время как американские корабли продолжали тесниться, были замечены два подъема воды далеко в кильватере "Олимпии" и с одной стороны. Две мины были взорваны на их наземных соединениях. Они даже не затопили ни одну из наших лодок, но те, кто наблюдал и следовал за ними, в ужасе затаили дыхание, потому что не знали, в какой момент они могут увидеть, как один из кораблей поднимается в воздух. Но мин больше не было. Испанцы, взрывая их, допустили ошибку, как и впоследствии на каждом этапе своих отчаянных боев.

Над сухопутными батареями и вдоль линии испанских кораблей у берега уже повисла пелена дыма. Над водой донесся грохот их орудий. Наш флот не обратил на это внимания.

Шедшая впереди "Олимпия" насчитала десять испанских военных кораблей, выстроившихся полукругом перед округлым полуостровом Кавите, так что они были как прикрываемы, так и с флангов сухопутными батареями. Десятью судами, которые составляли боевую линию, были флагманы "Рейна Кристина", "Кастилия", "Антонио де Ульоа", "Исла де Куба", "Исла де Лусон", "Эль Коррео", "Маркиз дель Дуэро", "Веласко", "Ген. Лезо и Минданао, причем последний был почтовым пароходом, который испанцы поспешно оснастили пушками. "Кастилья" была пришвартована носом и кормой, очевидно, для того, чтобы дать флоту постоянное место для маневрирования, но остальные лодки были под парами и готовы к отходу.

"Олимпия" открыла огонь по американскому флоту, находясь в двух милях от противника. Она начала обстреливать его из своих четырех восьмидюймовых башенных орудий. Над водой прокатились раскаты грома, и флагманы были почти скрыты в дыму. Теперь наши корабли двигались на север и восток в общем направлении города Манилы. То есть американский флот, все время двигавшийся на северо-восток и дальше к берегу, развернулся и вернулся в юго-западном направлении, пройдя парадным строем прямо перед испанским флотом и батареями, так что первый общий залп был с левого борта, или слева от кораблей, если стоять на корме

лицом к носу. "Мак-Каллох" занял свою позицию таким образом, что флот, дав этот первый бортовой залп, прошел между ним и противником. Маккаллохи, Наньшань и Зафиро играли за плотной линией обороны, как защитники футбольной команды.

Дав залп по левому борту, американский флот развернулся, направляясь к берегу, и двинулся обратно на северо-восток, дав залп по правому борту.

Когда наши корабли проходили взад и вперед, из облаков дыма были видны звездно-полосатые флаги, и когда линия прошла второй и третий раз без признаков повреждения какого-либо корабля, моряки начали чувствовать, что испанцы, в конце концов, не так уж и грозны. Их выстрелы разрывались над нашими кораблями или разбрызгивали воду дальше от берега. Некоторые из тех, кто сражался у орудий, рассказывали, что после первого общего бортового залпа матросы смеялись над беспорядочными выстрелами и безрассудно подставлялись, чувствуя, что им не грозит никакая особая опасность.

История первого генерального сражения такова, что американцы пять раз проходили перед линией испанских войск, поливая их бортовыми залпами из всех имеющихся орудий. С каждым разом флот приближался к берегу, и с каждым разом стрельба становилась все более устрашающе эффективной, в то время как испанцам не удавалось улучшить меткость стрельбы. Наши артиллеристы дали сначала залп по левому борту, затем по правому, затем снова по левому, затем по правому борту, а затем в третий раз из орудий левого борта, и при этом последнем, или пятом, возвращении для боя вдоль линии они находились в 1500 ярдах от испанских позиций. Вся наша линия задыхалась от дыма, но все еще была невредима. Испанский флот был уже изранен до невозможности.

ДУЭЛЬ ФЛАГМАНОВ.

Именно во время этой последней атаки "Рейна Кристина" предприняла отважную атаку. До этого времени ни один испанский корабль не покинул линию боя. Когда "Олимпия" приблизилась, адмирал Монтехо отдал приказ, и "Рейна Кристина" вышла из строя, чтобы вступить в бой с большим флагманом американского флота. Лодка адмирала Дьюи приветствовала бой. Все батареи на "Олимпии" были направлены на "Королеву Крестину". Несмотря на этот ужасный пожар, она все равно продвигалась вперед. Американские моряки высмеивали артиллерийскую стрельбу испанцев, но они не могли не восхищаться этим актом храбрости. Она вышла вперед и попыталась вступить в бой против "Олимпии", но была поражена в нос и корму настоящим ураганом снарядов. Поскольку "Олимпия" все еще летела на нее, она развернулась и направилась обратно под защиту военно-морской верфи. Сразу после того, как она повернула, в нее попал меткий снаряд из одного из восьмидюймовых орудий "Олимпии", изрядно разрушив машинное отделение и разорвав магазин. Было видно, что судно объято пламенем, но оно, преодолевая боль, продолжало свой путь к укрытию Кавите и продолжало стрелять, пока не превратилось в пламя. Именно во время этого отступления был убит капитан Кадарсо. Мостик был обстрелян из-под носа адмирала Монтехо. Было видно, как испанские моряки выбирались из горящего корабля в маленькие лодки. Адмиралу Монтехо удалось спастись и передать свой выпел Кастилье. Он пробыл на "Кастилье" менее пяти минут, когда она была подожжена разорвавшимся снарядом.

Ближе к концу решающего сражения, сразу после того, как "Рейна Кристина" была отправлена обратно, разбитая на куски и подожженная, два небольших торпедных катера предприняли

дерзкую попытку незаметно подобраться к "Олимпии". Над водой висела пелена дыма. Воспользовавшись этим, они выскочили из испанских рядов и направились прямо к американскому флагману. Они были на целых 800 ярдов впереди испанской линии (или более чем на половине пути к "Олимпии"), когда их обнаружили. Адмирал Дьюи дал сигнал своим людям сосредоточить на них все батареи. Все орудия по левому борту "Олимпии" были направлены на два маленьких суденышка, которые летели по воде. Был открыт ожесточенный огонь, но они избежали первого залпа и двинулись дальше на полной скорости. Флагманский корабль остановился. Был дан второй бортовой залп. Торпедные катера были либо повреждены, либо встревожены, поскольку поспешно развернулись и направились к берегу. В один из них попал восьмидюймовый снаряд. Он взорвался и сразу же затонул со всеми находившимися на борту. Другой, получивший попадание, добежал до берега и был выброшен на берег. Это были единственные две попытки испанцев перейти в наступление.

Было бы трудно описать в деталях эти первые два часа ужасающих боев. Звуки были оглушительными, и временами дым скрывал почти всю картину сражения. Сам американский командующий не мог оценить ущерб, нанесенный противнику, до тех пор, пока он не вышел из первого общего боя и не позволил дыму рассеяться. К сожалению, у нашего флота не было запасов бездымного пороха. Все время боя воскресным утром адмирал Дьюи стоял вместе с капитаном Ламбертоном на переднем мостике "Олимпии". Он был абсолютно подвержен сильнейшему обстрелу, потому что испанский флот и сухопутные батареи постоянно делали мишенью наш большой флагман. Капитан Уайлдс с "Бостона" стоял на мостике с веером в руке и однажды выпил чашку кофе, продолжая отдавать приказы своим артиллеристам.

Было 7.45, когда американский флот удалился за пределы досягаемости, не потому, что потерпел какие-либо неудачи, а просто для того, чтобы установить ущерб и провести консультацию.

Только после того, как командиры доложили адмиралу Дьюи, он узнал о незначительных потерях, понесенных его флотом. Ни один человек не был убит, и ни одно судно не было настолько серьезно повреждено, чтобы не быть готовым немедленно выйти в море. В бинокль было видно, что "Рейна Кристина" и "Кастилия" горят. Суда поменьше укрылись за арсеналом в Кавите. "Минданао" был вытеснен на берег. Победа уже была почти полной. Американские моряки были вне себя от энтузиазма. Хотя вряд ли кто-то из них спал прошлой ночью и они сражались при невыносимой температуре, им более чем не терпелось вернуться к сражению и завершить хорошую работу. Однако было сочтено за лучшее отдохнуть по крайней мере три часа. Палубы были вымыты, орудия приведены в порядок, и после того, как матросам была подана еда, флот построился и снова направился прямо в Кавите. Остатки испанской эскадры оказали очень слабое сопротивление, но форты Кавите продолжали свои отчаянные попытки нанести удар по американскому военному кораблю.

СОВЕРШАЮ ВТОРУЮ АТАКУ.

На этот раз "Балтимор" был отправлен заранее. Он смело направился в зону досягаемости батарей Кавите. К этому времени американцы презирали меткую стрельбу испанцев. "Балтимор" открыл огонь и вел огонь в течение тридцати минут. По истечении этого времени все орудия батарей замолчали. Из испанских военных кораблей "Антонио де Ульоа" был единственным, который вышел из убежища, чтобы вступить в бой с "Балтимором", и его постигло ужасное наказание. Его палубы были буквально усеяны снарядами, но даже после

того, как он, по-видимому, потерпел крушение, его нижние орудия использовались с удивительным упорством.

"Балтимор", заставив форты замолчать, направил все свои орудия на испанский крейсер и фактически изрешетил его. Он затонул, и вся его команда пошла ко дну вместе с ним. Это был конец испанскому сопротивлению. Адмирал Дьюи приказал своим кораблям с малой осадкой войти на военно-морскую верфь и уничтожить все, что могло бы создать проблемы в будущем. Для выполнения этой задачи были выделены "Бостон", "Конкорд" и "Буревестник", но "Бостон", имея двадцатифутовую осадку, дважды садился на мель, не зная отмелей, и был вынужден доверить эту работу "Буревестнику" и "Конкорду". К тому времени, когда эти два судна достигли военно-морской верфи, они обнаружили, что суда там брошены и большинство из них горит. Они уничтожили остатки испанского флота, и когда наступил воскресный день, над водой не осталось ничего, что могло бы представлять военно-морские силы Испании в азиатских водах, кроме транспорта "Манила". Арсенал был разнесен на куски артиллерийским огнем.

В 12:45 был подан сигнал о том, что испанцы капитулировали. Весть быстро передавалась с корабля на корабль. Американские моряки были без ума от восторга. На каждом корабле раздавались громкие аплодисменты. Энтузиазм стал еще больше, когда было передано сообщение о том, что ни один из наших людей не был убит и ни одно американское судно не пострадало. Восемь человек, пострадавших в результате взрыва на "Балтиморе", продолжали сражаться до конца сражения. По "Бостону" был нанесен один удар, и загорелись офицерские каюты.

По какой-то причине испанские артиллеристы, похоже, считали, что "Балтимор" особенно опасен, поскольку в целом напоминает линкор, а рядом с флагманским кораблем ему приходилось выдерживать наибольшее количество обстрелов, и в него несколько раз попадали, не причинив больших повреждений. За исключением порванного такелажа и нескольких вмятин тут и там, можно было обнаружить мало признаков того, что корабли участвовали в одном из самых решающих морских сражений современности.

"Конкорд" и "Буревестник" вообще не пострадали, хотя последний зашел глубже в расположение противника, чем любое другое судно нашего флота. "Олимпия" показала блестящий результат. В нее попали тринадцать раз, считая снаряды, пробившие ее такелаж, но она вышла такой же хорошей, как и вошла.

ПОТЕРЯ ИСПАНЦЕВ.

По сравнению с этими незначительными потерями ущерб, нанесенный испанцам, был ужасающим. Пятьсот пятьдесят из них были убиты и 625 ранены. Одиннадцать их кораблей были полностью уничтожены, а американцы захватили один транспорт и несколько судов поменьше. Их денежные потери в результате сражения составили не менее 5 000 000 долларов.

Во время военно-морских действий батарея 10-дюймовых орудий в Маниле открыла безрезультатный огонь по нашему флоту, когда он вступал в бой к северу от Кавите. Адмирал не открыл ответный огонь из милосердия к жителям Манилы, поскольку любые выстрелы, произведенные береговыми батареями, попали бы в густонаселенную часть города.

В понедельник, 2 мая, "Роли" и "Балтимор" были отправлены требовать сдачи фортов в устье залива. Эти форты были взяты без сопротивления. Войска бежали, и только комендант остался, чтобы сдаться в плен.

Что касается перерезания кабеля, адмирал Дьюи счел это действие необходимым. Он передал губернатору через британского консула, что, если ему разрешат отправлять свои депеши правительству Соединенных Штатов, кабель не будет перерезан. Губернатор отказался выполнить обещание, и адмирал Дьюи решил прекратить всякое сообщение между Манилой и Мадридом.

В понедельник, когда кабель был перерезан, командующий выставил охрану морской пехоты в Кавите для защиты больниц и испанских раненых. Хирургам и госпитальному корпусу американского флота было поручено ухаживать за ранеными испанцами, и они заботились о них так нежно, как если бы они были братьями по оружию, а не врагами. В среду, 4 мая, несколько сотен раненых испанцев были доставлены под флагом Красного Креста в Манилу и получили помощь в тамошних больницах.

Испанцы в Маниле больше не боялись американцев, но они боялись захвата повстанцами. Повстанцы наводняли Кавите и грабили дома. Местность за Манилой была полна горящих зданий и разрушенных плантаций. Безрассудные повстанцы распространяли факел направо и налево.

ЛИЧНЫЕ БУМАГИ АДМИРАЛА МОНТЕХО.

Самой интересной добычей, захваченной американцами, была пачка личных бумаг, принадлежащих адмиралу Монтехо. Одно из этих сообщений, подписанное им, свидетельствовало о том, что он намеревался провести общий смотр флота в 7 часов утра в воскресенье. Это доказывает, что он не ожидал появления американского флота так скоро.

Из других документов следовало, что в свое время он намеревался доверить оборону Манилы сухопутным батареям и отвести флот в залив Субиг, к северу от Манилы, полагая, что сможет занять там сильную позицию и получить преимущество перед атакующим флотом.

Согласно сообщениям из Манилы, адмирал сначала сошел на берег в Кавите и перевязал свои раны. Ему удалось ускользнуть от повстанцев, которые хотели захватить его в плен, и он прибыл в Манилу через двенадцать часов после боя.

Есть несколько очень интересных цифр относительно количества выстрелов, произведенных нашими кораблями во время боя. "Олимпия" выпустила 1764 снаряда общим весом двадцать пять тонн. "Балтимор" вел еще более ожесточенный огонь, поскольку был призван разрушить форты после первого боя, и отправил не менее тридцати пяти тонн металла в испанские корабли и сухопутные батареи. Остальная часть флота отстреляла в общей сложности восемьдесят тонн металла, что в общей сложности составило 140 тонн.

Испанские офицеры приписывали американскую победу быстроте и точности нашего огня, а не весу использованных снарядов. Кроме того, тот факт, что американские корабли были выкрашены в свинцовый цвет и не выделялись ярко на фоне воды, делал их очень плохими мишенями и заставлял испанских артиллеристов гадать о правильной дальности стрельбы.

Несмотря на свое сокрушительное поражение, адмирал Монтехо не забыл о вежливости этого случая. В понедельник он передал через британского консула адмиралу Дьюи, что хотел бы похвалить американцев за их меткую стрельбу. Он сказал, что никогда прежде не был свидетелем такой быстрой и точной стрельбы. Адмирал Дьюи, не желая отставать от испанцев в военном деле, передал свои поздравления испанскому адмиралу и очень высоко оценил испанцев за их мужество и стойкость. Он сказал, что испанские силы оказались сильнее, чем он предполагал до его прибытия в гавань, и он действительно ожидал более короткого и менее упорного сражения. Говорят, что это сообщение, хотя и было лестным для испанцев, не принесло адмиралу Монтехо никакого реального утешения.

Уничтоженными испанскими кораблями были: "Рейна Кристина", флагман адмирала Монтехо; крейсер "Кастилия" (деревянный); Крейсер "Дон Антонио де Уллоа"; Охраняемый крейсер "Исла де Лусон"; Охраняемый крейсер "Исла де Куба"; Канонерская лодка "Генерал Лезо"; Канонерская лодка "Маркиз дель Дуэро"; Канонерская лодка "Эль Кано"; Канонерская лодка "Эль Веласко"; пароход "Минданао" с припасами сгорел.

Были захвачены: транспорт "Манила" с припасами; Канонерская лодка "Изабелла I"; крейсер "Дон Хуан де Австрия"; Канонерская лодка "Рапидо"; Канонерская лодка "Геркулес"; два вельбота; три паровых катера.

Госсекретарь Лонг немедленно отправил эту депешу исполняющему обязанности адмирала Дьюи:

Президент, от имени американского народа, благодарит вас, ваших офицеров и рядовых за ваши великолепные достижения и ошеломляющую победу. В знак признания он назначил вас исполняющим обязанности адмирала и будет рекомендовать Конгрессу объявить вам благодарность в качестве основы для дальнейшего продвижения по службе.

НОВОЕ ЗВАНИЕ ДЬЮИ.

Сенат единогласно утвердил кандидатуру президента, сделав Джорджа Дьюи контр-адмиралом военно-морского флота Соединенных Штатов. Конгресс освободил для него место, и президент повысил его в должности.

Он несет на своих плечах две звезды и якорь вместо двух якорей и звезды. Его жалованье было увеличено с 5000 долларов в год до 6000 долларов в год во время работы в море и до выхода на пенсию. Ему вручили меч, а для его людей были отчеканены медали. Его повышение в звании, прибавка к жалованью - отрадная дань его величию. Но есть ранг, до которого президент не мог его возвысить, должность, которую Конгресс не мог создать, потому что он создал ее сам. В сердцах людей адмирал Дьюи - Герой Манилы, занимающий место, которым гордятся больше, чем королем, место, вызывающее любовь, восхищение и благодарность великой нации.

Более великий, чем Фаррагут, более великий, чем Халл, более великий, чем Хоук, или Блейк, или Нельсон, Дьюи - величайший из командующих флотом, величайший из героев моря. О нем будет записано, что он был верен долгу, верен своему знамени, великодушен к своим врагам и скромнен в час триумфа.

ГЛАВА XLIX.

ГАВАЙИ И НАША ПОЛИТИКА АННЕКСИИ.

Расположение островов—Их население—Гонолулу, столица и мегаполис—Политическая история—Традиционная политика Соединенных Штатов—Прежние предложения об аннексии—Обсуждение в Конгрессе—Голосование в Палате представителей—Гавайская комиссия.

Работа такого характера была бы неполной без упоминания Гавайских островов и их тесных политических и коммерческих связей с нашей собственной страной. В течение многих лет, предшествовавших началу войны с Испанией, росли настроения в пользу ее присоединения к Соединенным Штатам, и события в Вашингтоне в течение первого месяца этого конфликта убедительно показали, что подавляющее большинство членов обеих палат Конгресса решительно поддерживали эту меру.

Гавайи представляют собой группу из восьми обитаемых и четырех необитаемых островов, расположенных в Северной части Тихого океана, на расстоянии около 2100 миль от Сан-Франциско, 4500 миль от Сиднея и 4800 миль от Гонконга. Они являются самыми важными в полинезийской группе и были открыты капитаном Куком в 1788 году. Их общая площадь составляет 6640 квадратных миль, а население - около 85 000 человек. Острова в значительной степени гористые и вулканические, но почва здесь очень продуктивная. Сахар, рис и тропические фрукты растут в изобилии, и более девяноста процентов торговли приходится на Соединенные Штаты.

ЛЕГКО НАЖИВАТЬ СОСТОЯНИЯ.

Мир сравнительно ничего не знает о тех огромных состояниях, которые были нажиты на Гавайях за последние тридцать лет. Дети миссионеров-янки, которые в 30-е и 40-е годы плавали из Бостона и Глостера вокруг пролива Горн, чтобы нести Евангелие на Сандвичевы острова, являются самыми богатыми и аристократичными людьми Гонолулу. Всего за несколько песен сыновья миссионеров получили огромные участки удивительно плодородной почвы для выращивания сахарного тростника в долинах острова, и благодаря своей природной предприимчивости и изобретательному духу они развили самые большие плантации сахарного тростника в мире.

Когда Соединенные Штаты подписали с Гавайским королевством соглашение, включающее гавайский сахар-сырец в список беспошлинных товаров, прибыль сахарных плантаторов резко возросла. В течение двадцати пяти лет дивиденды нескольких американских компаний, управляющих сахарными плантациями и мельницами на островах, составляли от 18 до 30 процентов в год. Гавайская коммерческая сахарная компания ежегодно выплачивала 25-процентные дивиденды с 1870 по 1882 год. Мир никогда не знал такой высокой продуктивности сахарного тростника, как в долинах Мауи и Гавайев. Нужно было только посеять семя, пролились дожди, и природа сделала все остальное. Один участок в 12 000 акров земли на Мауи был подарен молодому американцу, женившемуся на очаровательной девушке-канакке, ее отцом, который был рад иметь бледнолицего зятя. В то время он стоил около 200 долларов. Впоследствии участок стал частью большой сахарной плантации. Он был куплен Клаусом Спрекелсом за 175 000 долларов и сейчас стоит намного больше. Веснушки, Александер,

Бишоп, Смит и Эйкерс накопили миллионы за одно поколение, выращивая сахар на Гавайских островах.

СОТНИ ВУЛКАНОВ.

Вулканы Гавайев - это отдельный класс. Они не только самые высокие, но и самые большие и странные во всем мире. Учитывая, что они простираются от дна Тихого океана (здесь глубина 18 000 футов) до высоты более 15 000 футов над уровнем моря, на самом деле их высота составляет 33 000 футов от субокеанического основания до своих вершин. Действующих кратеров на островах насчитывается 300, но мертвые кратеры, древние выходы подземных слоев лавы, исчисляются тысячами. Острова имеют лавовую формацию. Свидетельства потухших вулканов настолько обычны, что редко кто замечает их после нескольких недель пребывания на островах. Древняя лава присутствует повсюду. Местные жители знают все его достоинства, и, в то время как некоторые древние залежи лавы используются в качестве удобрения для почв, другие слои лавы взрываются для получения строительного материала и для покрытия дорог щебнем. Титаническая вулканическая активность видна со всех сторон. Каждый мыс представляет собой потухший вулкан. На каждом острове происходит свое особое извержение, которое, начавшись на бездонном дне моря, постепенно создает фундамент, а затем и надстройку из лавы. На острове Гавайи и на Молокаи есть огромные трещины глубиной в несколько тысяч футов и шириной во много ярдов, которые образовались в результате прорыва лавовых пластов много веков назад. Следы титанической силы отчетливо видны.

Марк Твен является авторитетом, утверждающим, что два великих действующих вулкана, Мауна-Лоа и Килауэа, на острове Гавайи, являются самыми интересными в мире. Безусловно, они самые уникальные. Мауна-Лоа находится на высоте 14 000 футов над уровнем моря. Каждые шесть или семь лет с его сторон происходит извержение, и несколько раз поток лавы угрожал разрушением города Хило, расположенного в тридцати милях отсюда. Кратер на Мауна-Лоа имеет три мили в диаметре и 600 футов в глубину. Над кратером висит подсвеченный пар, который ночью можно увидеть на расстоянии более 200 миль. Когда Мауна-Лоа находится в состоянии сильного извержения, фонтан расплавленной лавы каждую минуту извергается на высоту более 250 футов в воздух, распадаясь на 10 000 ярко раскрашенных шаров, похожих на чудовищные пиротехнические римские свечи.

Затем находится Килауэа — более короткая и плоская вулканическая гора в шестнадцати милях от нас. Здесь находится самый большой из известных кратеров — один диаметром девять миль и глубиной от 300 до 800 футов. И какой кратер! В нем все время буквально озеро расплавленной лавы. Временами глубина лавы превышает 100 футов, а иногда достигает 200 футов, в зависимости от давления на нее глубоко в недрах земли. Признаки вулканической активности постоянно присутствуют по всей глубине расплавленной массы в виде пара, трещин, струй сернистого дыма и выдувающихся конусов. Сам кратер постоянно сотрясается от землетрясений. Почти все туристы едут посмотреть на чудесные извержения на Мауна-Лоа и Килауэа. На склонах гор были построены отели для размещения туристов, и существует множество путеводителей по кратерам.

На Оаху есть много интересных мест за пределами Гонолулу. Можно посетить сахарные плантации, рисовые фермы, а можно отправиться в Перл-Харбор или Пуншбоул. Последний представляет собой потухший вулкан, возвышающийся на несколько сотен футов над городом. Другой курорт - Пали, самая высокая точка перевала через горный хребет, разделяющий Оаху.

Сейчас модно, и это очень хорошая мода, смотреть на Пали и восхвалять его прелести. Это гавайский Йосемити. Вид с этой высоты охватывает весь остров с севера на юг. В направлении столицы суша поднимается до уровня в двух милях от моря, а затем плавно переходит в берег. Склоны холмов, как правило, не находятся в состоянии обработки, хотя почва плодородна. Сейчас земля покрыта дикой гуавой, плоды которой размером с лимон, и лантаной, семена которой разбрасывает по воздуху импортная птица по имени мина. В низине строят свои дома мелкие фермеры, в основном выходцы с Востока, и есть несколько плантаций тростника.

Гонолулу, столица и главный город, с населением около 25 000 человек, больше похож на цивилизованное место, чем любой другой город Полинезии. Хотя он состоит в основном из одноэтажных деревянных домиков вперемежку с травяными хижинами, наполовину скрытыми листвой, его улицы выложены в американском стиле и прямые, аккуратные. Водопровод снабжает город из соседней долины, а в электрическом освещении, телефонах, линиях трамвая и других современных улучшениях недостатка нет.

Расположение улиц в Гонолулу напоминает многим американцам улицы Бостона или старой части Нью-Йорка. Все улицы узкие, но ухоженные, и, за несколькими исключениями, они петляют туда-сюда по своему желанию. Дюжина магистралей имеют форму полумесяца и извиваются, когда этого меньше всего ожидаешь. Все улицы гладкие и твердые под воздействием тысяч вагонов, груженных ракушками и лавой, сбитыми и раздавленными огромным паровым катком, привезенным из Сан-Франциско.

ПРОВОЗГЛАШЕНА НЕЗАВИСИМОСТЬ ОСТРОВОВ.

В 1843 году независимость Гавайских островов была официально гарантирована английским и французским правительствами, и в течение ряда лет они находились под властью конституционной монархии. После смерти короля Калакауа в 1891 году его сестра, принцесса Лилиуокалани, унаследовала трон и вскоре показала себя взбалмошной и своевольной правительницей. Она постоянно пребывала в разногласиях со своим законодательным собранием и советниками и в январе 1893 года попыталась принять новую конституцию, лишавшую иностранцев права избирательного права и упраздняющую существующую Палату дворян, в то же время наделяя себя полномочиями назначать новую Палату. Этому воспротивился иностранный элемент общества, который сразу же назначил комитет безопасности, состоящий из тринадцати членов, которые созвали массовый митинг своего класса, на котором присутствовало около 1500 человек. Собрание единогласно приняло резолюции, осуждающие действия королевы и уполномочивающие комитет принять к дальнейшему рассмотрению все необходимое для защиты общественной безопасности.

Комитет издал воззвание к гавайскому народу, сформировал временное правительство, вступил во владение национальной собственностью и направил уполномоченных в Соединенные Штаты с предложением этой республике аннексировать острова. Соединенные Штаты не ответили, но продолжили старые отношения дружественного гаранта.

Сессия конституционного собрания проходила с 20 мая по 3 июля 1894 года, а 4 июля была провозглашена конституция, новое правительство назвало себя "Республикой Гавайи".

Отказываясь удовлетворить этот призыв к аннексии, официальные лица, стоявшие в то время во главе правительства Соединенных Штатов, придерживались мнения, что такие действия будут

прямо противоречить нашей традиционной политике, и тот же аргумент впоследствии выдвигался противниками плана.

Таким образом, мы оказались лицом к лицу с вопросом: "В чем заключается американская политика?" Многие государственные деятели последних лет заявляли, что наш стремительный рост и возрастающее значение среди наций накладывают обязательства, которые должны заставить нас принимать более активное участие в мировых делах. Следуя примеру европейского государственного управления, они также утверждали, что мы должны принять эту политику для поощрения и защиты наших расширяющихся коммерческих интересов. Мало того, что мы столкнулись с проблемами, которые непосредственно вызвала война, но и другие страны, казалось, думали, что мы собираемся пренебречь советами Вашингтона относительно запутывающих союзов и установить союзнические отношения с Великобританией.

Эдвард Эверетт предвидел распространение республиканской идеи и заявил, что "выполняя долг, возложенный на нас Провидением, мы должны нести республиканскую независимость, которой добились наши отцы, со всеми организованными институтами просвещенного сообщества — институтами религии, права, образования, благотворительности, искусства и всеми тысячами достоинств высшей культуры — за пределы Миссури, за пределы Сьерра-Невады; возможно, со временем обогнем Антильские острова, возможно, достигнем архипелагов центральной части Тихого океана".

Мирный договор 1783 года с Великобританией определил западную границу Соединенных Штатов как реку Миссисипи, вплоть до линии Флориды на 31-й параллели северной широты. Первоначальные колонии составляли менее половины этой территории, остальная часть была организована несколько лет спустя как Северо-Западная территория. В 1803 году Соединенные Штаты приобрели у Наполеона за 15 000 000 долларов провинцию Луизиана площадью более 1 000 000 квадратных миль, включая Луизиану, Миссури, Арканзас, индейскую территорию, большую часть Канзаса, Небраски, Айовы, Миннесоты, две Дакоты, Монтану, Колорадо, Айдахо, Орегон, Вашингтон и большую часть Вайоминга. С этой уступкой пришло абсолютное владение Миссисипи и контроль над ней.

По договору от 12 февраля 1819 года с Испанией Флорида была приобретена следующим образом, и Испания отказалась от всех претензий на территорию между Скалистыми горами и Тихим океаном, включенную в покупку Луизианы. Техас был аннексирован в 1845 году. По Гваделупе-Идальгоскому мирному договору 1848 года, положившему конец мексиканской войне, Калифорния, Невада, части Колорадо и Вайоминга, Юта, Нью-Мексико и Аризона вошли в состав Соединенных Штатов. Покупка Гадсдена в 1853 году приобрела часть этой территории к югу от реки Гила. Четырнадцать лет спустя территория Аляски была куплена у России.

Территориальные приобретения были политикой последовательных периодов американской политики. До сих пор аннексия ограничивалась сопредельной территорией, за исключением Аляски, разделенной лишь узкими участками моря и суши. Но в случае с Гавайскими островами перед нами встала совершенно иная проблема.

ГАВАЙСКАЯ АННЕКСИЯ В ИСТОРИИ.

Вопрос об аннексии Гавайских островов в той или иной форме стоит перед американским народом почти пятьдесят лет. В 1851 году акт о временной передаче островов Соединенным Штатам был подписан королем Камеамеа Ил. и передан министру Соединенных Штатов в

Гонолулу — впоследствии этот акт был ратифицирован совместным решением двух палат законодательного собрания Гавайев. В 1854 году между королем Камехамеа и почтенным Дж. Дэвидом Л. Греггом, в качестве комиссара и действовавший по особым указаниям госсекретаря Марси, в то время государственного секретаря при президенте Пирсе. Однако король умер до того, как была подписана вложенная копия договора, что помешало завершению акта. Но для этого есть все основания полагать, что аннексия в то время была бы свершившимся фактом, поскольку администрация президента Пирса была полностью привержена этому. Тогда была четко сформулирована политика, заключающаяся в том, чтобы острова вошли в состав не как государство, а как Территория.

Президент Грант был ревностным сторонником аннексии, и в 1874 году госсекретарем Фишем был заключен договор о взаимности с островами, в соответствии с которым правительство Гавайев обязывалось не "сдавать в аренду или иным образом распоряжаться или создавать какие-либо залоговые отношения в отношении какого-либо порта, гаваней или другой территории ... или предоставлять какие-либо особые привилегии или право пользования ими какому-либо другому правительству", а также не заключать никаких договоров о взаимности с каким-либо другим правительством. Тринадцать лет спустя (1887), при администрации президента Кливленда, было возобновлено действие этого договора, к которому был добавлен пункт, дающий Соединенным Штатам полномочия на исключительное использование Перл-Ривер (или гавани) в качестве станции добычи угля и ремонта для своих судов с разрешением улучшать ее. Статья IV этого договора обязывала соответствующие правительства допускать определенные определенные товары без пошлин и содержала следующее положение:

"Со стороны его Гавайского Величества принято решение, что до тех пор, пока настоящий договор остается в силе, он не будет сдавать в аренду или иным образом распоряжаться или создавать какой-либо залог в отношении какого-либо порта, гаваней или другой территории в своих владениях, или предоставлять какие-либо особые привилегии или права использования на них какой-либо другой державе, штату или правительству, и не заключать никаких договоров, по которым какая-либо другая нация получит те же привилегии в отношении беспошлинного ввоза любых предметов, настоящим закрепленных за Соединенными Штатами".

Этот договор должен был оставаться в силе семь лет (до 1894 года), но после этой даты был объявлен любой из сторон расторгнутым после уведомления об этом за двенадцать месяцев.

За последние пять лет на рассмотрении Конгресса было два договора, касающихся аннексии: первый был заключен государственным секретарем Джоном У. Фостером во время правления президента Харрисона в 1893 году, другой - госсекретарем Шерманом при администрации Маккинли 16 июня 1897 года. Первый был отозван президентом Кливлендом после его вступления на пост президента. Оба были ратифицированы Законодательным собранием Гавайев в соответствии с положением конституции республики, и этот орган единогласным голосованием обеих палат 27 мая 1896 года объявил:

"Законодательный орган республики Гавайи по-прежнему, как и прежде, твердо и непоколебимо выступает за присоединение Гавайских островов к Соединенным Штатам Америки и, отстаивая такую политику, уверен, что выражает не только свои собственные чувства, но и чувства избирателей этой республики".

Необходимость более тесных отношений между двумя республиками, чем те, которые предусмотрены торговым договором, который может быть расторгнут по желанию любой из сторон, признавали почти все президенты и госсекретари, от Джона Тайлера до президента Маккинли, и никто так решительно, как Дэниел Уэбстер в 1851 году и госсекретарь Марси в 1854 году, в то время как с тех пор схожих взглядов придерживались госсекретари Сьюард, Фиш, Байард, Фостер и Шерман.

Стратегическое значение островов в случае войны и их коммерческая ценность во все времена настолько взаимосвязаны, что разделить их невозможно. О первом свидетельствовали такие выдающиеся военные и военно-морские авторитеты, как генерал Дж. М. Шофилд и генерал армии Соединенных Штатов Александер, а также капитан А. Т. Махан, адмирал Белкнап, адмирал Дюпон и Джордж У. Мелвилл, главный инженер военно-морского флота Соединенных Штатов, и многие другие. Их коммерческая ценность подтверждается тем фактом, что их товарооборот с Соединенными Штатами за финансовый год, закончившийся в июне 1897 года (на сумму 18 385 000 долларов), превысил товарооборот с любым из следующих государств и конфедераций: Аргентиной, Центральной Америкой, Испанией, Швейцарией, Венесуэлой, Россией или Данией; был более чем в два раза больше, чем с Колумбией, Швецией и Норвегией; почти в три раза больше, чем с Чили; в четыре раза больше, чем с Уругваем; почти в четыре раза больше, чем с Португалией; почти в семь раз больше, чем с Турцией; в десять раз больше, чем с Перу, и больше, чем с Грецией, Перу, Турцией, Португалией и Швецией и Норвегией вместе взятые.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА АННЕКСИЮ.

Днем 15 июня Палата представителей 209 голосами против 91 приняла резолюции по Ньюлендсу, предусматривающие аннексию Гавайев. Дебаты, которые продолжались без перерыва в течение трех дней, были одними из самых заметных в Конгрессе, поскольку предлагаемая аннексия рассматривалась ее сторонниками как имеющая большое коммерческое и стратегическое значение, а ее противники рассматривались как предполагающий радикальный отход от давно устоявшейся политики страны и, вероятно, за ней последует начало ярко выраженной политики колонизации, отказ от доктрины Монро и участие в международных спорах. В прениях приняли участие более полусотни депутатов.

С заметными речами выступили господа Берри, Смит и Хепберн за, а также господа Джонсон и Уильямс против рассматриваемой меры. Джонсон и Уильямс выступили против. Несколько человек оставались на площадке до позднего вечера, и в галереях было мало посетителей. Однако по мере приближения часа голосования члены комитета начали занимать свои места, и на момент первого поименного голосования отсутствующих было немногим больше десятка. Объявление о голосовании после принятия резолюций вызвало одобрительные возгласы в зале и всеобщие аплодисменты зрителей.

Резолюции, принятые в преамбуле, касаются предложения Гавайской республики уступить весь свой суверенитет и абсолютные права собственности на правительство и земли короны, а затем принять уступку и объявить острова аннексированными. Резолюции предусматривают создание комиссии из пяти человек, по крайней мере двое из которых должны быть постоянно проживающими гавайцами, для рекомендации Конгрессу такого законодательства, которое они сочтут целесообразным. Предполагается, что государственный долг Гавайев не превысит 4 000 000 долларов, иммиграция китайцев запрещена, все договоры с другими державами

объявляются недействительными, и предусматривается, что до тех пор, пока Конгресс не предоставит правительству островов все гражданские, судебные и военные полномочия, которые в настоящее время осуществляются должностными лицами существующего правительства, должны осуществляться таким образом, как укажет президент, и ему предоставляется право назначать лиц для создания временного правительства на островах.

Мистер Фитцджеральд выступил против резолюций Ньюлендса. В ходе своей речи он подчеркнул неспособность большинства гавайцев выразить свое желание относительно аннексии. Он настаивал на том, что каждый народ имеет право на правительство по своему выбору. Говоря далее, мистер Фитцджеральд выступил против аннексии на том основании, что вредный трудовой элемент будет вынужден конкурировать с американскими рабочими.

Поддерживая резолюцию, г-н Берри посвятил большую часть своего времени тому, чтобы показать, что аннексия соответствует политике демократии. Он проанализировал территориальные дополнения к первоначальным штатам, чтобы показать, что практически все они были сделаны демократами.

Мистер Берри отвлекся, чтобы поговорить о ситуации на Филиппинах, и, хотя он и не выступал за сохранение островов, он заявил, что Соединенные Штаты не потерпят никакого вмешательства со стороны Германии. Он сказал, что Америка должна возмущаться любым вмешательством со всеми ее вооружениями и военными кораблями. Замечания мистера Берри в этой связи вызвали щедрые аплодисменты.

Уильям Олден Смит, член комитета по иностранным делам, выступающий за аннексию, сказал:

"Аннексия для нас не новость. По моему скромному мнению, весь североамериканский континент и каждый остров в Персидском заливе и Карибском море, а также такие острова в Тихом океане, которые могут быть сочтены желанными, достойны наших амбиций. Не то чтобы мы жаждали земли, но в качестве меры национальной защиты и преимущества долг американского народа - осуществлять мирные завоевания везде, где только представится возможность.

Утверждалось, что наша конституция не предусматривает колониальной системы, но если бы президент Монро был просто юристом, если бы он удовлетворился поиском прецедента, которого не смог найти, если бы он обратился к юриспруденции своего времени и спланировал свои действия в соответствии с академическими принципами, величайшая доктрина, когда-либо провозглашенная цивилизованному миру, которая теперь носит его имя, хотя и в неписаном законе, но в вдохновении, надежде, безопасности каждого американского сердца, не нашла бы голоса, достаточно сильного и смелого, чтобы окружить западное полушарие своим мирным указом.

"Прецедент, сэр, может быть полезен для верховенства закона, на котором должна быть построена прочная надстройка, но долг государственного деятеля - перестать рассматривать важные общественные вопросы в микроскоп и обозревать мировой горизонт в телескоп с господствующей высоты".

Затем мистер Джонсон получил признание за выступление в оппозиции. Он изложил три положения о том, что аннексия была ненужной военной мерой в нынешнем конфликте с Испанией; что аннексия была ненужной для предотвращения попадания островов в руки какой-

либо другой державы, которая могла быть использована против нас, и что предложение об аннексии было по сути неправильным и было первым шагом к нежелательной и катастрофической политике колонизации.

Говоря об опасности того, что аннексия является первым шагом в колонизации, он сказал, что джентльмены не могут отрицать, что захват Филиппин уже рассматривался. Что было более прискорбным и значительным, по его словам, так это выраженный президентом страх, что Испании придется просить мира до того, как мы сможем обезопасить Пуэрто-Рико. Г-н Джонсон сказал, что люди уже пренебрежительно отзываются о кубинцах и их способности управлять страной, и бесполезно пытаться скрыть правду о том, что алчные взоры американцев уже обращены к Кубе, хотя прошло всего два месяца с тех пор, как были предприняты действия по освобождению и установлению независимости этого острова.

ОТВЕТ МИСТЕРА ДОЛЛИВЕРА.

Мистер Долливер, выступая в поддержку резолюций, похвалил речь члена Палаты представителей от штата Индиана, но предположил, что ее успех как источника аплодисментов будет большим, чем как источника голосов.

"Я не могу понять, - заявил мистер Долливер, - как человек, который ничему не доверяет в своей собственной стране, может совершенно ничего не подозревать о действиях других великих держав мира". В заключение мистер Долливер опроверг обвинение в том, что у аннексионистов были какие-либо скрытые мотивы, направленные на колониальную экспансию. Что касается будущего Филиппин, Кубы и Пуэрто-Рико, он заявил, что ему ничего не известно, но он верит, что по промыслу Божьему американский народ будет правильно направлен и эти вопросы будут должным образом решены, когда возникнет такая возможность.

Мистер Каммингс в десятиминутной речи поддержал аннексию и выступил с резким осуждением бывшего президента Кливленда за его усилия по восстановлению монархии на Гавайях и за спуск американского флага комиссаром Блаунтом.

Было признано, что г-н Хепберн заключил в поддержку резолюций. Он полагал, что народ страны знаком с рассматриваемым вопросом, и сейчас самое подходящее время для голосования и принятия окончательного решения. Отвечая на утверждение о том, что аннексия означала бы начало колонизации, он отверг любое такое понимание. Он сказал, что надеется увидеть, как все испанские владения перейдут во владение этой страны, чтобы нанести ущерб врагу, и что после этого встанет вопрос об их расположении, который будет решен, когда война закончится.

Резолюция Палаты Представителей о расширении суверенитета Соединенных Штатов над Гавайями была принята в Сенате сорока двумя голосами против двадцати одного, и подпись президента Маккинли присоединила эту страну к нашим владениям. Президент назначил уполномоченными для посещения островов и разработки для руководства Конгрессом системы законов для их правительства следующих джентльменов: сенатора Шелби М. Каллома от Иллинойса; сенатора Джона Т. Моргана от Алабамы; представителя Роберта Р. Хитта от Иллинойса; президента Сэнфорда Б. Доула от Гавайев; судью У. Ф. Фрира от Гавайев.

ГЛАВА L.

ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ УСПЕХ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ И МОРЯКОВ.

Бомбардировка Сан—Хуана—Сражение при Карденасе—Плавание "Орегона"—Битва при Гуантанамо—Сантьяго под огнем —Высадка войск на Кубе—Атака "Грубых всадников" —Потопление "Мерримак" —Уничтожение флота Сервера- Падение Сантьяго.

Утром 12 мая часть флота под командованием адмирала Сэмпсона предприняла атаку на форты Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико. Бой начался в 5:15 утра и закончился в 8:15 утра. Батареи противника не замолчали, но им был нанесен большой ущерб, а город в тылу укреплений понес большие потери. Кораблями, принимавшими участие в акции, были "Айова", "Индиана", "Нью-Йорк", "Террор", "Амфитрита", "Детройт", "Монтгомери", "Вампатак" и "Портер".

В 3 часа ночи на "Айове" собрали всю команду, внесли несколько последних штрихов в расчистку корабля, и в 5 прозвучал сигнал "отбой". Мужчины рвались в бой.

Буксир "Вампатук" вышел вперед и бросил якорь на своей маленькой лодке к западу, показавшись на расстоянии десяти морских саженей, но из форта, который смело возвышался на фоне неба на восточных холмах, скрывающих город, не было видно ни малейших признаков жизни.

"Детройт" шел далеко на восток, напротив Валтерна. "Айова" направлялась прямо к берегу. Внезапно его штурвал перевернулся, и батарея правого борта навалилась на укрепления.

В 5:16 утра передние двенадцатидюймовые орудия "Айовы" загремели по спящим холмам и в течение четырнадцати минут поливали побережье бортовыми залпами правого борта. Тем временем "Индиана", "Нью-Йорк" и другие корабли повторили атаку с тыла. "Айова" развернулась и вернулась к лодке Вампатака и снова возглавила колонну, форты яростно отвечали, сосредоточившись на "Детройте", который находился примерно в 700 ярдах от них, все батареи располагались в восточном рукаве гавани. Трижды колонна проходила от входа в гавань до крайней восточной батареи.

К вражескому огню было проявлено полное безразличие. Раненым быстро оказали помощь, смыли кровь, и все шло как на тренировке по стрельбе по мишеням.

Батарея Морро, расположенная в восточном рукаве гавани, была основным пунктом атаки. Контр-адмирал Сэмпсон и капитан Эванс находились на нижнем мостике "Айовы" и чудом спаслись от разлетевшихся осколков, в результате которых были ранены три человека. В "Айову" попали восемь раз, но снаряды не произвели никакого впечатления на ее броню. Погода была хорошей, но сильная зыбь затрудняла точное прицеливание.

Бортовые залпы с "Айовы" и "Индианы" грохотали в прибрежных холмах в течение пяти минут после того, как они были выпущены. Клубы пыли показывали, куда попали снаряды, но все заволакивал дым. Снаряды, свистевшие над головой и падавшие вокруг, показывали, что испанцы все еще держатся за свои орудия.

Огонь противника был сильным, но яростным, и единственными пораженными кораблями были "Айова" и "Нью-Йорк". Они прошли прямо под огнем орудий в колонне, нанося бортовые залпы, а затем вернулись. Кормовая башня "Амфитриты" временно вышла из строя во время боя, но она сработала своими передними орудиями. После первого прохода перед фортами "Детройт" и "Монтгомери" отошли, поскольку их орудия были слишком малы, чтобы нанести большой урон. "Портер" и "Вампатак" также остались вне зоны досягаемости. Дым висел над всем, мешая артиллеристам прицеливаться и не давая возможности определить, куда попали наши выстрелы. Офицеры и матросы всех кораблей вели себя хладнокровно и храбро. Выстрелы обрушились густо и быстро на все наши корабли.

Матросы "Айовы", пострадавшие во время боя, были ранены осколками, выпущенными восьмидюймовым снарядом, который пробил лодку и попал в надстройку, разбросав осколки во все стороны. Траектория выстрела, наконец, уперлась в железную пластину толщиной в дюйм.

В 7:45 утра адмирал Сэмпсон подал сигнал "Прекратить огонь". На "Айове" прозвучало "Удаляйся", и она направилась от берега.

После окончания сражения адмирал Сэмпсон сказал:

"Я доволен утренней работой. Я мог бы взять Сан-Хуан, но у меня не было сил удержать его. Я просто хотел наказать испанцев и сделать порт недоступным для испанского флота. Я пришел уничтожить этот флот, а не брать Сан-Хуан.

Человеком, убитым огнем из фортов, был Фрэнк Вайдмарк, матрос флагманского корабля "Нью-Йорк". Помощник артиллериста на "Амфитрите" скончался во время боя от прострации, вызванной сильной жарой и волнением.

"Айова", "Индиана", "Нью-Йорк", "Террор" и "Амфитрита" прошли вплотную под укреплениями после того, как вооруженный буксир "Вампатак" проложил путь и провел зондирование.

"Детройт" и "Монтгомери" вскоре снялись с линии боя, поскольку их орудия были слишком малы для эффективной борьбы с укреплениями.

Трижды огромные боевые корабли проносились мимо Морро и батарей, ведя непрерывный огонь. Всякий раз, когда поднимался густой дым, в серых стенах Морро виднелись большие бреши, в то время как с батарей были видны спешно снующие люди.

Огонь испанцев был достаточно быстрым, но смехотворно неуверенным. Это проявилось после того, как адмирал Сэмпсон отдал приказ прекратить огонь и отойти. Монитор "Террор", очевидно, неправильно понял приказ, поскольку оставался в пределах досягаемости испанских орудий и продолжал обстрел в одиночку. Несколько орудий, все еще находившихся на вооружении испанцев, продолжали стрелять по "Террору", и некоторые выстрелы прошли мимо него по меньшей мере на милю. Он оставался на своей работе в течение получаса перед уходом на покой, и за все это время ни разу не пострадал.

ПЕРВЫЕ УБИТЫЕ АМЕРИКАНЦЫ.

Первый погибший в Америке пал 11 мая в ожесточенном и кровопролитном бою у Карденаса, на северном побережье Кубы. Пятеро человек на торпедном катере "Уинслоу" были разорваны на

куски и пятеро ранены. Сражение шло между торпедным катером "Уинслоу", вспомогательным буксиром "Хадсон" и канонерской лодкой "Уилмингтон" с одной стороны, и батареями "Карденас" и четырьмя испанскими канонерскими лодками - с другой. Битва длилась всего тридцать пять минут, но отличалась потрясающими боевыми действиями. "Уинслоу" был главной целью противника и был выведен из строя. Другие американские суда не пострадали, за исключением того, что два вентилятора "Гудзона" были слегка поцарапаны разлетевшейся шрапнелью. "Уинслоу" находился в 2500 ярдах от берега, когда разорвались снаряды. О том, как он оказался так близко, рассказал его командир, лейтенант Джон Бернаду. Он сказал:

"Мы вели наблюдения, когда противник открыл по нам огонь. "Уилмингтон" приказал нам войти и атаковать канонерские лодки. Мы действовали на всех парах, и вот результат".

Он был на Гудзоне, когда сказал это, и с последними словами указал на кучу американских флагов на палубе неподалеку. Под Звездно-полосатым флагом были очерчены пять жестких форм.

Список погибших: Уорт Бэгли, энсин; Джон Дэниэлс, кочегар первого класса; Джон Туннель, кок в каюте; Джон Варверес, смазчик. Раненые: Дж. Б. Бернаду, лейтенант, командующий "Уинслоу"; Р. Э. Кокс, помощник наводчика; Д. Маккеуэн, квартирмейстер; Дж. Паттерсон, кочегар; Ф. Грей.

ИСТОРИЯ БОЯ.

История боя, рассказанная людьми Хадсона, такова:

"Уинслоу", "Гудзон", "Мачиас" и "Уилмингтон" были среди кораблей, участвовавших в блокаде у Карденаса, причем "Уилмингтон" выполнял функции флагмана. Мачиа располагались примерно в двенадцати милях отсюда. Остальные были размещены поблизости, на так называемой внутренней линии. Без четверти девять "Гудзон" под командованием капитана Ф. Х. Ньютона проводил промеры в Дайана-Кей-барс и Ромеро-Кей, недалеко от Карденаса, так близко к берегу, что сел на мель, но легко выплыл на мелководье.

В половине одиннадцатого "Уилмингтон" вышел из берегов Гудзона и "Уинслоу" и распределил их дежурства: "Уинслоу" отправился к восточному берегу, "Карденас Бей" и "Гудзон" - к западному берегу, в то время как "Уилмингтон" занял свою позицию в середине канала. Эта работа заняла два часа. Ни на том, ни на другом берегу ничего обнаружено не было, и лодки, возвращаясь, приближались друг к другу, когда на берегу в Карденасе заметили облачко дыма и над ними просвистел снаряд. "Уинслоу" находился внутри, ближе к берегу. "Хадсон" и "Уинслоу" доложили об этом "Уилмингтону", и немедленно поступил приказ войти в воду и открыть огонь; но испанцы не стали дожидаться ответа на свой первый выстрел. Берег гавани Карденас уже превратился в одно плотное облако дыма, пронизанное вспышками огня, и лавина снарядов рвалась в сторону литтл-Уинслоу:

Это было в пять минут третьего, и в течение двадцати минут стрельба с берега продолжалась без перерыва, но ни один из выстрелов к тому времени не достиг цели, хотя они били в опасной близости. Тем временем два шестифунтовых орудия "Гудзона" грохотали с ужасающей скоростью. Сколько выстрелов с торпедного катера возымели эффект, неизвестно. Первые два снаряда "Гудзона" не долетели до цели, но после этих двух все они попали прямо в затянутый дымом берег. Тем временем прицел испанца улучшался, и вскоре стало видно, что у берега

стоят на якоре две пустые барки. Без двадцати пяти минут три часа четырехдюймовый снаряд попал в "Уинслоу" по правому борту, выведя из строя передний котел и правый двигатель и выведя из строя рулевое устройство, но никто не пострадал.

Лейтенант Бернаду стоял впереди, наблюдая за сражением со спокойным интересом, и руководил своими людьми так хладнокровно, словно они были на тренировке по стрельбе по мишеням. У однофунтовой пушки в середине корабля стояли мичман Бэгли, смазчик, два кочегара и кок. Маленькая шлюпка задыхалась, трепетала и беспомощно переваливалась с борта на борт. Лейтенант Бернаду не остановился для осмотра. Он знал, что его лодка неуправляема. "Гудзон" был недалеко от него, продолжая обстреливать из своих орудий. Его окликнули и попросили взять "Уинслоу" на буксир. Это был жизненно важный момент. С берега и моря гремели орудия. Лейтенант Скотт, отвечавший за кормовое орудие "Гудзона", сидел на ящике и курил сигарету, руководя огнем.

Капитан Ньютон стоял рядом с лейтенантом Мидом у носового орудия и с интересом наблюдал за его работой. Главный инженер Гутчин никогда не пропускал свой звонок. Группа матросов готовилась протянуть канат к "Уинслоу", а энсин Бэгли и четверо его людей стояли по левому борту последнего судна, ожидая его приема. Злобный огонь пел о них. Испанцы, казалось, нашли точное расстояние.

УБИТ РАЗОРВАВШИМСЯ СНАРЯДОМ.

Произошла кратковременная задержка с натягиванием буксирного троса, и энсин Бэгли предложил людям с "Гудзона" поторопиться. - Поднимайте ее, - крикнул он. "Пусть она идет; здесь становится довольно тепло". Люди Уинслоу бросили веревку и схватили ее. Перепачканные потом и порохом, они потянули его и фут за футом приблизились к Гудзону. Почти в то же мгновение другой четырехдюймовый снаряд просвистел сквозь дым и разорвался прямо под ними. Пять тел взметнулись в воздух. Двое из группы были мертвы, когда упали — энсин Бэгли и пожарный Дэниэлс. Молодому прапорщику буквально выпотрошили живот, а у пожарного была оторвана вся нижняя часть тела. Трое других умерли в течение нескольких минут. Разлетевшийся осколок попал лейтенанту Бернаду в бедро и оставил уродливую рану, но тогда лейтенант этого не знал. При взрыве снаряда трос разорвался, и руль "Уинслоу" сильно накренился на правый борт, а торпедный катер с разбитым рулевым устройством барахтался в воде во власти огня противника, который никогда не ослабевал.

Огонь американцев носил обычный упорный характер, а самообладание людей было изумительным. Даже после того, как двигатель правого борта "Уинслоу" и рулевое управление были выведены из строя, маленькая лодка продолжала обстреливать испанцев на берегу, пока не была полностью выведена из строя.

Тем временем "Уилмингтон" со своей отдаленной станции был занят своими более крупными орудиями и посылал снаряд за снарядом из своих четырехдюймовых орудий, обрушиваясь на укрепления на берегу, и их действие, должно быть, было смертельным. Ни один осколок вражеского снаряда не долетел до "Уилмингтона".

"Хадсон" быстро перебросил "Уинслоу" еще один трос, и беспомощный торпедный катер был быстро приведен в действие и выведен из зоны досягаемости испанцев. Затем буксир отбуксировал его к Пьедрас-Кей, небольшому острову в двенадцати милях отсюда, недалеко от которого находился Мачиас. Там он встал на якорь для временного ремонта, в то время как

"Гудзон" доставил ужасный груз в Ки-Уэст, где доктор Ричардс из Мачиаса оказывал помощь раненым. Только после того, как началось это скорбное путешествие, стало известно, что лейтенант Бернаду был ранен. Он посмеялся над раной как над пустяком, но подчинился лечению и чувствует себя хорошо.

Когда "Гудзон" подошел к правительственному причалу в Ки-Уэсте, приспущенные флаги сообщили немногочисленным празднующимся на берегу, что к кому-то пришла смерть, а флаги, расстеленные на палубе, из-под которых то тут, то там торчала нога, подтвердили эту новость. Были вызваны машины скорой помощи, и раненых быстро доставили в армейский казарменный госпиталь. Мертвых отвезли в лавку местного похоронного бюро, где они весь день пролежали на плитах, изуродованные тела были задрапированы флагами. Публике было разрешено осмотреть останки, и весь день через магазин тек постоянный поток людей.

Американские лодки устроили яростный разгром в гавани Карденас и в городе. Капитан "Гудзона" сказал:

"Я знаю, что мы разрушили большую часть их города возле пристаней, сожгли одну из их канонерских лодок и, я думаю, уничтожили два других эсминца-торпедоносца. Мы были в вихре выстрелов, снарядов и дыма и не могли сказать точно, но мы видели, как одна из их лодок загорелась и затонула вскоре после начала боевых действий. Затем загорелось большое здание возле пристани, я думаю, казармы, и вскоре загорелось много других зданий. Испанцы со всех сторон от нас замаскировали батареи, спрятанные в кустах и за домами. Они устроили нам ловушку. Как только мы окажемся в пределах досягаемости их батарей, они переместят их. Я думаю, что их орудия были полевыми. Наши большие лодки не могли войти в гавань, чтобы помочь нам, из-за мелководья".

Под ураганным огнем испанских винтовок и батарей американские войска предприняли попытку перерезать кабели в Сьенфуэгосе 11 мая. Четыре решительных экипажа лодок под командованием лейтенанта Уинслоу и эсина Магрудера с крейсера "Марблхед" и канонерской лодки "Нэшвилл" сошли с кораблей, поскольку побережье ранее подвергалось обстрелу, и приступили к своей опасной работе. Крейсер "Марблхед", канонерская лодка "Нэшвилл" и вспомогательный крейсер "Уиндом" остановились в тысяче ярдов от берега, приготовив свои орудия к отчаянному бою.

Один кабель был быстро перерезан, и работа над другим шла полным ходом, когда испанцы в стрелковых окопах и батарея на старом маяке, стоявшем в бухте, открыли огонь. Военные корабли дали оглушительный залп, их огромные орудия изрыгали массивные снаряды в толпы врага. Экипажи лодок продолжали свою отчаянную работу, несмотря на то, что несколько человек погибло, и, выполнив свою задачу, вернулись на корабли сквозь ослепляющий дым и сильный огонь. Два человека были убиты и семеро ранены огнем противника. Капитан Мейнард едва избежал смерти. Винтовочный выстрел попал ему в бок недалеко от сердца, но вызвал лишь легкое ранение, и он оставался на своем посту до конца. Офицеры "Уиндома" были в восторге от работы людей на катерах. Они стреляли в обычном порядке и стреляли хорошо. "Уиндом" разрушил маяк, который на самом деле был фортом, и от него не осталось камня на камне.

14 мая адмирал Сэмпсон приказал капитану Гудричу перерезать французский кабель, идущий от Мола Святого Николая, Хайти, до Гуантанамо, Куба, примерно в тридцати милях к востоку от

Сантьяго. В соответствии с этим приказом "Сент-Луис" и "Вампатак" появились у берегов Гуантанамо около рассвета, и "Вампатак" с лейтенантом Юнгеном под командованием и старшим помощником Сигрейвом, энсином Пейном, лейтенантом Кэтлином и восемью морскими пехотинцами и четырьмя матросами на борту вошел в устье гавани и, опустив крюк на глубину восьми морских саженей, продолжил перетаскивать трос через устье гавани.

Когда трос зацепился на глубине пятидесяти саженей, оборвалось около 150 саженей лески. На этот раз впередсмотрящий доложил о приближении испанской канонерки к гавани, и сигнал был отправлен на "Сент-Луис", стоявший в полумиле от берега. Она уже обнаружила это и немедленно открыла огонь из двух своих шестифунтовых орудий по левому борту. Затем "Вампатак" начал стрелять из своего единственного трехфунтового орудия. Канонерская лодка, однако, находилась вне досягаемости этих небольших орудий, и снарядов не хватало.

Испанцы открыли огонь из четырехдюймового орудия, и каждый выстрел со свистом пролетал над литтл-Вампатаком и падал в воду между ним и "Сент-Луисом". Находясь далеко за пределами досягаемости шестифунтовых орудий, канонерская лодка была в полной безопасности, и она ходила взад-вперед, стреляя из своих более крупных орудий. Около сорока минут буксир работал с тросом, в то время как снаряды били повсюду вокруг него, но он, казалось, жил какой-то зачарованной жизнью.

Капитан Гудрич, видя, что он не может подвести канонерку в пределах досягаемости своих небольших орудий, в то время как это судно могло легко добраться до "Сент-Луиса" и "Ванипатака" со своей более тяжелой батареей, дал сигнал буксиру отходить. Трос был перерезан, и оба судна вышли в море, оставив трос неразрезанным.

Когда буксир развернулся и тронулся в путь, было замечено, что стрелки на берегу вели по нему огонь. Лейтенант Кэтлин открыл огонь из пушки Гатлинга, установленной на корме, и было видно, как испанцы на берегу разбегаются в поисках укрытия. Французский кабель был перерезан на следующее утро у мола Святого Николая, значительно превысив трехмильный лимит.

Лейтенант Кэтлин раньше служил на линкоре "Мэн" и, возможно, проявлял больше обычного интереса к стрельбе из своих орудий.

"По мрачной улыбке на его лице, когда он делал каждый выстрел, можно было сказать, - сказал один из его собратьев-офицеров, - что он пытался "поквитаться", насколько это было в его силах, за ужасную работу в Гаванской гавани".

ВТОРОЙ ПРИЗЫВ ВОЛОНТЕРОВ.

25 мая президент издал прокламацию с призывом набрать еще 75 000 добровольцев. Таким образом, общая численность армии, регулярной и добровольческой, составила 280 000 человек.

Официальный призыв Президента в форме прокламации звучал следующим образом:

Принимая во внимание, что акт Конгресса был одобрен 25 апреля 1898 года, озаглавленный "Акт об объявлении войны между Соединенными Штатами Америки и королевством Испания", и,

Принимая во внимание, что актом Конгресса, озаглавленным "Закон о временном увеличении численности вооруженных сил Соединенных Штатов во время войны и для других целей", утвержденным 22 апреля 1898 года, президент уполномочен для создания добровольческой армии издать свое воззвание, призывающее добровольцев служить в армии Соединенных Штатов,

Итак, теперь я, Уильям Маккинли, Президент Соединенных Штатов, в силу полномочий, возложенных на меня конституцией и законами, и считая, что для этого есть достаточный повод, счел нужным призвать и настоящим вызываю добровольцев общим числом 75 000 человек в дополнение к добровольцам, призванным моим воззванием от 23 апреля текущего года; столько же должно быть распределено, насколько это практически возможно, между несколькими штатами и Территориями и округом Колумбия, в соответствии с численностью населения, и служить в течение двух лет, если только их не уволят раньше. . Пропорция каждого рода войск и детали комплектования и организации будут доведены до сведения военного министерства.

В удостоверение чего я приложил к этому свою руку и распорядился поставить печать Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне 25 мая сего года, в год от Рождества Христова 1898-й и независимости Соединенных Штатов 122-й.

УИЛЬЯМ Маккинли.

Президентом Уильямом К. ДЭЕМ, государственным секретарем.

ПРЕСЛЕДУЕТ СВОЮ ДОБЫЧУ.

Через четыре недели после победы контр-адмирала Дьюи при Маниле коммодор Шлей, командовавший летучей эскадрилей, был вознагражден за свою проницательность и упорство, обнаружив испанский флот в гавани Сантьяго-де-Куба.

В течение десяти дней он, несмотря на противоречивые слухи, настаивал на том, что испанские корабли пытаются высадиться на южном побережье Кубы. Очевидно, это не соответствовало определенной официальной информации, и его мнению не придали большого значения.

Капитан британского парохода "Адула", у которого брали интервью в Сьенфуэгосе, рассказал, что видел испанский флот в окрестностях Сантьяго-де-Куба, очевидно, ожидавший возможности проникнуть внутрь. Капитан Сигсби со "Святого Павла" рассказал, как он захватил испанское угольное судно, входившее в гавань Сантьяго, а коммодор Шлей на основании этих двух инцидентов доказал, что испанский флот ожидает в какой-нибудь гавани поблизости до того момента, когда американцы нанесут туда бесплодный по своим результатам визит, когда после их ухода туда войдет испанский флот.

Следовательно, коммодор Шлей решил найти его. Сам возглавляя флагманский корабль, он направился к гавани. В бинокли было видно, как испанские войска на заводах и батареях спешно готовятся оказать американским кораблям как можно более теплый прием.

Когда примерно в пяти милях от батарей дозорные доложили о мачтах двух кораблей, флаг-лейтенант Сирс и энсин Макколи разглядели, что первым был "Кристобаль Колон". Также были различимы два торпедных катера и второе судно класса "Бискайя".

Все это время коммодор Шлей находился на кормовом мостике "Бруклина", умело пользуясь своим биноклем. Добравшись до входа в гавань, когда с палубы были видны корабли, он оторвал взгляд от бинокля достаточно надолго, чтобы подмигнуть и сказать: "Я же говорил тебе, что найду их. Им придется долго добираться домой".

ПУТЕШЕСТВИЕ "ОРЕГОНА".

Путешествие "Орегона" из Сан-Франциско во Флориду представляет исторический интерес, поскольку это было первое судно подобного рода, обогнувшее знаменитый мыс. Когда он бросил якорь у Сэнд-Ки, штат Флорида, он совершил самое долгое путешествие, когда-либо совершенное линейным кораблем. Всего она проплыла 18 102 мили за восемьдесят один день, включая дни, проведенные на добыче угля. До этого рейса рекорд по дальности плавания принадлежал британскому флагману, который следовал из Англии в Китай. Расстояние от Пьюджет-Саунда до Сэнд-Ки составляет более двух третей окружности Земли. "Большое путешествие" само по себе было рекордом и включало в себя несколько второстепенных рекордов по плаванию на линкоре. Например, "Орегон" пробежал 4726 миль без какой-либо остановки. Такой пробег длиннее, чем путешествие из Нью-Йорка в Квинстаун, или в Бремен, или в Гавр. Это сравнимо с большими рейсами великолепных торговых судов Peninsular and Oriental Steamship Navigation Company из Лондона в Калькутту, Бомбей и Мадрас. Это был триумф для любого корабля, но для линкора это было чудо. "Орегон" покинул Пьюджет-Саунд 6 марта, 19 марта покинул Сан-Франциско и 26 мая причалил к Сэнд-Ки, штат Флорида. Все на его борту было в идеальном состоянии. Ее двигатели мощностью 11 111 лошадиных сил были исправны и свежи и готовы к очередному путешествию протяженностью 17 000 миль. Ни один болт не был ослаблен, ни один винт не вышел из строя.

ХОБСОН ЗАВОЕВЫВАЕТ СЛАВУ.

В четверг, 2 июня, адмирал Сэмпсон решил направить угольный крейсер Merrimac в бухту Сантьяго и потопить его в самой узкой части канала с целью удержать Сервера и его флот в гавани до тех пор, пока их захват или уничтожение не покажутся целесообразными. Он призвал добровольцев, объяснив, что это была отчаянная миссия, и смерть была почти неизбежна для всех, кто отважился на нее.

Затем военно-морской флот показал материал, из которого это сделано. Адмиралу Сэмпсону понадобилось восемь человек. Он мог бы заполучить каждого офицера и матроса флота, потому что все были более чем готовы. Командовать экспедицией был выбран лейтенант Ричмонд П. Хобсон, а также Дэниел Монтегю, Джордж Шаретт, Дж. К. Мерфи, Осборн Дейнъян, Джордж Ф. Филлипсу, Фрэнсису Келли и Б. Клаузену было поручено сопровождать его.

Незадолго до 3 часов утра 3-го числа угольщик, сильно нагруженный балластом и небольшим количеством угля, без предварительного маневра направился прямо ко входу, над которым с одной стороны хмурились оставшиеся батареи из Морро, а с другой - батареи из Сокапы. В темноте раннего утра "Мерримак", нигде не видя огней, пронесся в пределах линии фортов, прежде чем его обнаружили, а корабли Сэмпсона обстреляли батареи противника, чтобы отвлечь их внимание от угольщика. Однако испанцы вскоре обнаружили это и пустили в ход все

возможное оружие. Под ужасающим огнем испанских орудий "Мерримак" вошел в узкий пролив, где его перевели через него и поставили на якорь. Затем лейтенант Хобсон проделал дыру в днище корабля и вместе с семьей своими людьми перебрался в лодку. Сначала они попытались выйти из гавани и вернуть себе американский флот, но вскоре поняли, что попытка пройти мимо возбужденных батарей будет означать верную смерть для всех, они повернули и поплыли прямо к испанской эскадре и сдались адмиралу Сервера, который держал их как военнопленных.

Испанский командующий отправил своего начальника штаба капитана Овьедо под флагом перемирия к адмиралу Сэмпсону с информацией о безопасности героев. Испанские офицеры с энтузиазмом восхваляли храбрость, проявленную Хобсоном и его людьми, и смотрели на них с изумлением как на героев, чья доблесть намного превосходила любое испанское представление о том, что люди могут сделать для своей страны, и с большим огорчением узнали, что мадридские власти помешали адмиралу Сервера вернуть героического молодого офицера и его храбрых людей адмиралу Сэмпсону, но были вынуждены передать их военным властям на берегу как военнопленных.

ЛИНАРЕС БРОСИЛ ЛИНАРЕСА В ТЕМНИЦУ.

Генерал Линарес, руководствуясь звериным инстинктом, которым было отмечено ведение уже доверенных ему кубинских дел, намеренно разместил Хобсона и его людей в замке Морро в качестве щита от огня эскадрильи Сэмпсона. Здесь Хобсон был заперт на пять дней в одиночной камере грязного подземелья в условиях, которые, должно быть, вскоре привели к его серьезной болезни и, возможно, к смерти. Обращение, которому он подвергся, и скудная пища, которую ему давали, были ничуть не лучше, чем обычному преступнику, приговоренному к смертной казни.

Это наказание, однако, было непродолжительным из-за решительного протеста, направленного через нейтральную державу Испании, в сочетании с уведомлением адмирала Сэмпсона испанскому адмиралу о том, что он будет нести личную ответственность за благополучие Хобсона. В этих обстоятельствах адмирал Сервера оказал свое влияние на генерала Линареса, и Хобсон со своими людьми был переведен в казармы в городе. Здесь его одиночное заключение продолжалось, но он мог смотреть в окно на холмы на востоке и видеть дым от американских винтовок людей генерала Шаттера, стреляющих из своих укреплений, утешаясь тем, что его плен будет недолгим.

После штурма Сантьяго командующие двух армий договорились об обмене лейтенанта Хобсона и его людей на испанских пленных, удерживаемых американцами, и с этой целью было установлено перемирие. Место, выбранное для обмена, находилось под деревом между американской и испанской линиями, в двух третях мили от укреплений, занятых "Брутальными всадниками" полковника Вуда, недалеко от штаба генерала Уилера и в центре американской линии.

Американские заключенные покинули госпиталь Королевы Мерседес на окраине Сантьяго-де-Куба, где они содержались, под присмотром майора Ирлеса, офицера испанского штаба, который прекрасно говорит по-английски.

Заключенных вели к месту встречи пешком, но им не завязывали глаза. Полковник Джон Джейкоб Астор и лейтенант Милой в сопровождении переводчика Маэстро отвечали за

испанских пленных. Они состояли из лейтенантов Амелио Волеза и немца Аврелия, которые были взяты в плен при Эль-Кани, а также лейтенанта Адольфо Ариеса и четырнадцати унтер-офицеров и рядовых. Лейтенант Ариес и несколько человек были ранены в бою при Эль-Кани. Пленных испанцев провели через американские позиции верхом и с завязанными глазами.

Встреча полковника Астора и майора Ирлеса была чрезвычайно вежливой, но очень формальной, и ни один из них не предпринял никаких попыток обсудить что-либо, кроме рассматриваемого вопроса. Майору Ирлесу предоставили на выбор трех испанских лейтенантов в обмен на Хобсона, а также сообщили, что он может получить всех четырнадцать человек в обмен на американских моряков. Испанские офицеры выбрали лейтенанта Ариеса, а двух других испанских офицеров препроводили обратно в Хурагуа.

Было тогда не позже 4 часов, и как раз в тот момент, когда все было закончено и обе стороны расходились, Ирлес повернулся и сказал достаточно вежливо, но тоном, который свидетельствовал о явном вызове и создавал у его слушателей впечатление, что он желает немедленного возобновления военных действий:

"Насколько мы понимаем, джентльмены, это перемирие заканчивается в 5 часов".

Полковник Астор посмотрел на часы, ничего не ответив, поклонился испанскому офицеру и медленно направился обратно к американским позициям, Хобсон и его спутники последовали за ним.

Встреча двух сторон и обмен пленными происходили на виду как у американских, так и у испанских солдат, которые укрепились в окопах недалеко от места встречи, и этот эпизод вызвал самый живой интерес.

САНТЬЯГО ПОД ОГНЕМ.

Утром 6 июня американский флот атаковал испанские батареи, защищавшие вход в гавань Сантьяго-де-Куба, и после трехчасовой бомбардировки заставил замолчать почти все форты, разрушил несколько земляных укреплений и сделал бесполезными батареи Эстрелья и Кайо, два из основных укреплений.

Флот построился в двойную колонну в шести милях от замка Морро в 6 часов утра и медленно отплыл на 3000 ярдов от берега, возглавляя "Бруклин", за которым следовали "Марблхед", "Техас" и "Массачусетс", и повернул на запад. Вторая линия, лидирующий Нью-Йорк, за которым следуют Новый Орлеан, Янки, Айова и Орегон, повернула на восток.

"Виксен" и Сувани находились далеко на левом фланге, наблюдая за стрелками на берегу. "Дельфин" и Портер выполняли аналогичную работу на правом фланге. Линия, возглавляемая "Нью-Йорком", атаковала новые земляные укрепления близ замка Морро. Бруклинская колонна заняла позицию напротив батарей Эстрелья и Каталина и новых земляных укреплений вдоль берега.

Испанские батареи хранили молчание. Сомнительно, что испанцы смогли определить характер движения из-за густого тумана и сильного дождя, которые были характерны для погоды этим утром.

Внезапно "Айова" выпустила двенадцатидюймовый снаряд, который попал в основание батареи "Эстрелла" и разрушил укрепления. Немедленно началась стрельба как с колонны контр-адмирала Сэмпсона, так и с колонны commodора Шлея, и поток снарядов с кораблей обрушился на испанские укрепления. Испанцы ответили быстро, но их артиллерийская работа была низкого качества, и большинство их выстрелов прошли мимо цели. Дым густыми облаками окутывал корабли, затрудняя точное прицеливание. Флот не маневрировал, корабли оставались на своих прежних местах, ведя непрерывный огонь. Эскадрильи находились так близко к берегу, что американским артиллеристам было трудно добраться до батарей на вершинах холмов, но их стрельба была превосходной.

Перед бомбардировкой был отдан приказ не открывать огонь по замку Морро, поскольку американскому адмиралу сообщили, что лейтенант Хобсон и другие заключенные "Мерримак" находятся там. Однако, несмотря на это, несколько случайных выстрелов несколько повредили замок Морро.

Линия commodора Шлея приблизилась к берегу, стреляя с меньшей дистанции. "Бруклин" и "Техас" вызвали дикий хаос среди испанских береговых батарей, быстро заставив их замолчать. В то время как более крупные корабли вели огонь по тяжелым батареям, "Сувани" и "Виксен" сблизилась с небольшой береговой батареей напротив них, обрушив на нее град скорострельных выстрелов и быстро выведя батарею из боя.

"Бруклин" приблизился на 800 ярдов, а затем разрушения, вызванные его орудиями, а также орудиями "Марблхеда" и "Техаса", были действительно ужасны. Через несколько минут деревянные постройки форта Эстрелла горели, и батарея замолчала, больше не стреляя во время боя. Восточнее Нью-Йорк и Новый Орлеан в быстром порядке заставили замолчать батарею Кайо, а затем обстреляли земляные укрепления, расположенные выше. Стрельба здесь была не такой точной из-за возвышения орудий. Однако многие снаряды попали в цель, и испанские артиллеристы отступили.

Вскоре после 9 часов стрельба прекратилась, военные корабли развернулись, чтобы дать возможность использовать батареи порта. Затем стрельба превратилась в долгий раскатистый раскат грома, и снаряды обрушились на испанские батареи с потрясающим эффектом. В форте Каталина вспыхнул пожар, заставивший замолчать испанские орудия. Стрельба флота продолжалась до 10 часов, когда испанцы полностью прекратились, и адмирал Сэмпсон поднял сигнал "Прекратить огонь".

После того, как флот удалился, испанцы вернулись к своим орудиям и сделали двенадцать выстрелов вслед американским кораблям, но никакого ущерба нанесено не было. Фактически, за все время боя ни один из наших кораблей не был подбит, и ни один американец не пострадал.

Одной из целей адмирала Сэмпсона, по-видимому, было высадить войска и осадные орудия в Агуадорес после ослабления обороны этого места, а затем предпринять решительный штурм Сантьяго, который, учитывая нынешнее состояние его укреплений, можно ожидать, что он скоро сдастся.

Высадка американских войск была произведена близ Байкири, на некотором расстоянии к востоку от Агуадорес, и недалеко от железнодорожной станции, соединяющей Сантьяго-де-

Куба. Позже произошло сражение между американскими войсками и колонной испанских войск, которая была направлена против десантного отряда. Испанцы были отброшены.

МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ В ГУАНТАНАМО.

Батальон морской пехоты подполковника Р. У. Хантингтона высадился с транспортного "Пантеры" в пятницу, 10 июня, и расположился лагерем на холме, охраняя заброшенную канатную станцию у входа во внешнюю гавань Гуантанамо. В субботу днем отряд испанских регулярных войск и партизан предпринял на них стремительную атаку, и в течение тринадцати часов бои шли почти непрерывно, пока из Марблхеда не высадились подкрепления.

Бой начался с беспорядочной стрельбы по пикетам, расположенным в тысяче ярдов вглубь страны от лагеря. Рота капитана Спайсера несла караульную службу и была оттеснена, в конце концов объединившись в лагере и дав отпор врагу в 5 часов. Небо было затянуто облаками, и когда солнце село, в сторону моря задул шторм. Ночь опустилась густая и непроницаемая. Испанские подразделения, укрытые в зарослях чапарала, имели преимущество, американцы на гребне представляли собой прекрасные мишени на фоне неба и белых палаток.

Испанцы сражались из укрытия до полуночи, их можно было обнаружить только при вспышках, по которым морские пехотинцы вели залповый огонь. Вскоре после полуночи началась основная атака. Испанцы предприняли отважную атаку вверх по юго-западному склону, но были встречены повторными залпами основных сил и разбиты еще до того, как прошли треть пути вверх по холму; но местами они подходили так близко, что завязывалась почти рукопашная схватка. Офицеры пустили в ход револьверы. Трое испанцев пробившись сквозь открытый строй к краю лагеря. Полковник Хосе Кампина, кубинский проводник, разрядил свой револьвер, и они, оказавшись без поддержки, поспешно отступили вниз по обратной стороне холма. Во время этого штурма был убит ассистент хирурга Джон Блэр Гиббс. Он был убит выстрелом в голову перед своей палаткой, самой дальней точкой атаки. Он упал на руки рядового Салливана, и оба упали. Вторая пуля подняла пыль им в лица. Хирург Гиббс прожил десять минут, но больше в сознание не приходил. В этом бою четверо американцев были убиты и один ранен.

Воскресенье не принесло отдыха. Время от времени раздавался щелчок маузера, и по облачку пыли на холме лагеря было видно, куда попала пуля. В течение дня противник держался далеко позади, рассредоточив нескольких стрелков по деревьям, чтобы поддерживать беспорядочный огонь по лагерю. Не было никакого сосредоточения сил, очевидно, из опасения обстрелов с "Марблхеда", который находился в гавани неподалеку. Но когда снова наступила ночь, силы испанцев были значительно увеличены, и в темноте они атаковали смелее.

Лейтенанта Невилла послали с небольшим отрядом людей выбить передовые пикеты противника, и его люди с готовностью последовали за ним. Испанцы, которые высматривали каждую тень в лагере, обратились в бегство, когда американские пикеты двинулись им навстречу. Продвигаясь по краю крутого холма вслепую, американцы чуть не попали в засаду. Внезапно раздалась стрельба со всех сторон, и атака началась со всех сторон.

Сержант-майор Генри Гуд был ранен в правую часть груди и вскоре скончался. Американцы были отброшены к краю пропасти, и была предпринята попытка столкнуть их вниз, но безуспешно. Как только они оправились от первого шока и укрылись в обрывах скал, их огонь стал смертоносным. Испанец за испанцем падали под американскими пулями, и наступление прекращалось почти так же внезапно, как и начиналось, заставляя противника отступать.

Американцы бросились в погоню за убегающими испанцами, стреляя и подбадривая их криками, и одержали полную победу. Испанские войска оставили на поле боя пятнадцать убитых. Потери американцев составили двоих убитых и четверых раненых.

Ночная атака была живописным и поразительным зрелищем — треск маузеров, языки огня из каждого куста, окружавшего лагерь, свист длинных стальных пуль над головой, в то время как пулеметы, стоящие у воды, разрывали частоколы, и был слышен грохот полевых орудий, когда они вели огонь по канистре, где огонь испанцев был наиболее плотным. Затем раздался визг снарядов "Марблхеда", когда он принял участие в бою, и резкие, быстрые вспышки скорострельных однофунтовых орудий с корабельных катеров.

Во вторник отважные морские пехотинцы, которые в течение трех дней и ночей подвергались обстрелу противника, которого они могли видеть лишь вслепую, устав от ведения войны, к которой они не были подготовлены, проникли в укрытие врага и учинили ужасную расправу. Основной целью экспедиции было уничтожить танк, снабжавший противника водой. Между лагерем, из которого стартовали американцы и их кубинские союзники, и морем есть три гряды холмов. В долине между вторым и третьим находился резервуар для воды. Штаб испанцев располагался на перекрестке дорог между первым и вторым хребтами, и именно против этого места был направлен отряд из пятидесяти морских пехотинцев и десяти кубинцев под командованием лейтенантов Махони и Магилла. Им было приказано захватить и удерживать эту позицию. Капитан Эллиот с девятью морскими пехотинцами и пятнадцатью кубинцами направился на восток через последнюю гряду холмов, а капитан Спайсер с таким же количеством людей направился на запад. Четвертая группа из пятидесяти морских пехотинцев и кубинского проводника под командованием лейтенанта Ингейта сделала крюк и заняла позицию позади лейтенанта Махони.

Первый бой вели люди под командованием лейтенанта Мэджилла из второго взвода роты Е. Они отделились от остальных, перейдя через первый холм ко второму. Они продвинулись совсем недалеко, когда подошли к гелиографической станции, охраняемой ротой испанцев. С обеих сторон началась стрельба, маузеры испанцев и ружья американцев щелкали в унисон. Нашим людям пришлось карабкаться по склону холма под палящим солнцем, но они перешли к стрельбе так уверенно, как только могли это сделать ветераны. Перестрелка длилась пятнадцать минут. К концу этого времени испанцы больше не могли выдерживать методичную, точную стрельбу людей Мэджилла и бросились врассыпную, оставив на поле боя несколько убитых. Лейтенант Мэджилл завладел оборудованием с гелиографом, не потеряв и не ранив ни одного человека.

Но на самом деле это была всего лишь перестрелка, а настоящие боевые действия были уже не за горами. Капитаны Спайсер, Эллиот и лейтенант Махони повели своих людей вверх по второй гряде холмов. Свист пуль свидетельствовал о том, что весть об их приближении распространилась повсюду, но они с трудом добрались до вершины холма. Здесь они обнаружили испанский лагерь, расположенный на небольшом гребне под ними. Там был один большой дом, офицерские каюты, а вокруг него располагалось скопление хижин, в центре которых находился резервуар для воды, который они пришли уничтожить. Они быстро выстроились в боевой порядок и двинулись вниз по горе, вражеские пули злобно свистели, но неистово свистели вокруг них.

Постепенно американцы и кубинцы спустились по склону, стреляя на ходу и приближаясь к врагу, прячущемуся за хижинами и в кустах. Затем поступил приказ приготовиться к штыковой атаке, но едва он был отдан, как испанцы вырвались из укрытия и в панике побежали в заросли кустарника примерно в ста ярдах дальше. Затем началась быстрая стрельба. Десятки испанских солдат не добежали до зарослей, потому что американский огонь был убийственным, и было видно, как падал человек за человеком.

Боевая кровь американцев бурлила. Команда Эллиота направилась прямо к зарослям, в которые бежали испанцы, обратила их в бегство и гнала вперед. Они заставили их подняться на гребень холма, стреляя и получая ответный огонь на протяжении всего пути. Преследователи и преследуемые перевалили через гребень холма, и там испанцев ждал новый сюрприз. Лейтенант Мэджилл и его люди сделали крюк и поджидали их. Когда враг приблизился на расстояние ружейного выстрела из-за холма и начал спускаться, люди лейтенанта Мэджилла разрядили свои винтовки. Встревоженные испанцы повернули назад и некоторое время колебались между двумя огнями наших войск, не зная, в какую сторону повернуть. Затем они собрались на вершине холма. Это была роковая ошибка, поскольку утром "Дельфин" занял позицию на холмах со стороны моря, и в тот момент, когда ее командир заметил испанцев на вершине хребта, он открыл по ним огонь.

Бойня была ужасающей, но это всего лишь для того, чтобы зафиксировать тот факт, что враг храбро сражался. Они не сдавались и попытались пробиться с боем вдоль вершины хребта, но были разбиты и бросились врассыпную, спасаясь бегством.

Пока американцы уничтожали блокгауз, танк и ветряную мельницу, кубинцы окружили испанского лейтенанта и семнадцать рядовых. Их пощадили и вынудили сдаться. Лейтенант назвал потери испанцев в бою в шестьдесят восемь человек убитыми и почти 200 ранеными. Ни один американец не был убит, и никто серьезно не ранен.

ТРАНСПОРТЫ, ЗАПОЛНЕННЫЕ ВОЙСКАМИ.

После нескольких недель ожидания и подготовки первая армия вторжения, которая должна была стартовать с восточных берегов Соединенных Штатов, отбыла под командованием генерала Шаттера утром 14 июня в 9 часов. Флот транспортов состоял из тридцати пяти судов, четырех тендеров и четырнадцати конвоев. Фактическая погрузка войск началась в понедельник, 6 июня. Работа усердно продолжалась до позднего вечера среды, когда после отплытия нескольких судов поступил важный приказ о прекращении производства. Предполагаемой причиной задержки стало сообщение о том, что "Хорнет" во время разведки заметил несколько испанских военных кораблей.

Словно мокрое одеяло, пришел приказ остановиться. Радость сменилась острым разочарованием. У всех на языке вертелись два вопроса— "Сдалась ли Испания?" "Столкнулся ли наш флот с противником?" Первый был встречен с наибольшей готовностью, многие полагали, что слова в приказе "отложено на неопределенный срок" означают мир.

Генерал Майлз и его штаб отправились в порт Тампа в воскресенье утром в 6.30, чтобы дать прощальные инструкции. Во время сильного ливня в субботу вечером, в 8 часов, когда транспорты натягивали тросы, маленький буксир "Капитан Сэм" переходил от корабля к

кораблю, передавая по мегафону приказ: "Приготовиться к отплытию на рассвете". Сквозь рев бури слышались дикие радостные крики, и яркая вспышка молнии осветила солдат, стоявших под дождем, размахивающих мокрыми шляпами и кричащих "ура". Когда наступило утро, пирсы были забиты транспортом, доки были забиты товарными вагонами, платформами, товарными вагонами, багажными и экспресс-вагонами. Большинство из них были заполнены солдатами, которых подбадривали до тех пор, пока у них не заболели уши, и которые подбадривали в ответ до хрипоты.

Яркие платья и хрупкие зонтики в толпе синекожих свидетельствовали о присутствии представительниц прекрасного пола. Лошади и мулы поднимали клубы пыли, а солнце изливало свои горячие лучи на изнемогающую от духоты человеческую массу. Так прошло воскресенье, транспорты в доках и те, что стояли на середине реки, получили положенную норму людей и все необходимое для их содержания.

ВОЛНУЮЩИЕ СЦЕНЫ ПРОДОЛЖАЛИСЬ.

Генерал Майлз снова отправился в порт в понедельник ранним поездом. Волнующие сцены продолжались; безумная суэта не утихала. Генерал Майлз с обзорного борта своей машины наблюдал за толпой, проходившей мимо него. Транспорты, раскачивающиеся на своих швартовах, были хорошо видны, как и многие из тех, что стояли в доках. Погрузка животных продвигалась удовлетворительно.

Вскоре после 9 часов из труб транспортов начали вырываться клубы черного дыма. "Оливетта", "Маргарет", "Матео" и "Лаура" посещали флот, давая воду одному, войска другому, животных и снаряжение третьему. Вдоль пирса слышались голоса командиров транспортов, отдававших приказы отвязываться. Сходни были втянуты, люки закрыты, тросы отданы и двигатели приведены в движение.

Суда вернулись в бухту и встали на якорь в ожидании приказа к отплытию. В 10 часов на "Маттеаване" оборвался трос. Все взгляды были прикованы к "Сегуранке", флагманскому кораблю, и когда прозвучал последний сигнал, раздались громкие возгласы одобрения. От нижнего ряда иллюминаторов до верхушек ее головных уборов в диком восторге замахали руками. Якорь был быстро поднят, и большое судно направило нос в глубь залива. Через несколько минут за ними последовали города Вашингтон, Рио-Гранде, Чероки, ирокез и Уитни. Пока эти лодки прокладывали путь между стоящими на якоре флотилиями, люди кричали, и играли оркестры. Каждое судно вызывало бурное проявление энтузиазма. Это были единственные суда, которые отплыли до полудня, некоторые из них направлялись в Санкт-Петербург за водой.

Генерал Майлз, очевидно, теряя терпение, сел на "Тарпон" в 12.30 и вышел среди флота, пройдя по заливу до Санкт-Петербурга и вернувшись только в 4 часа. Тем временем другие транспорты спускались по заливу.

Во второй половине дня "Морган" прорезал путь из белой пены вниз по каналу, и за ней последовали "Виджиланс", "Сан-Маркос", "Клинтон", "Юкатан", "Стиллуотер", "Беркшир", "Оливетт", "Сантьяго", "Арканзас", "Сенека", "Саратога", "Майами", "Леона", "Волнорез" и "Комал". К тому времени, как эти суда отошли, темнота окутала оставшиеся корабли, с бортов которых мерцали длинные ряды огней. "Никербокеру", пронумерованному под номером тринадцать, и "Орисабе" предстояло многое сделать в течение ночи. Те, кто загружался

последними, стремились поскорее завершить задание, опасаясь, что их могут оставить. К рассвету все корабли, кроме "Сегуранки", вышли из бухты. В 9 часов "Сегуранка" под радостные крики и свистки последовала за ними.

Генерал Шаттер и его штаб уходили последними. Последние приказы были переданы лейтенанту Майли, помощнику генерала Шафтера, и флагманский корабль немедленно стартовал.

СЭМПСОН СНОВА ОБСТРЕЛИВАЕТ САНТЬЯГО.

Флот контр-адмирала Сэмпсона в третий раз обстрелял батареи в Сантьяго-де-Куба на рассвете 16 июня.

В течение нескольких часов корабли обстреливали батареи справа и слева от входа, пощадив только Эль-Морро, где в тюрьме находились лейтенант Хобсон и его товарищи с "Мерримака".

В качестве предварительного удара по батареям динамитному крейсеру "Везувий" в полночь был дан еще один шанс. Три 250-фунтовых заряда пушечного хлопка были выпущены по укреплениям у входа. План состоял в том, чтобы сбросить их в бухту за углом возвышенности, на которой расположен Эль-Морро, где, как было известно, находились испанские миноносцы. Два заряда сработали, поскольку сообщений не поступало — особенность взрыва при оружейном хлопке в воде. Третий заряд с ужасающей силой разорвался на Кайо Смите.

С того места, где стоял флот, вход в гавань выглядел в черной ночи как дверь, открывающаяся в багровое пламя Титанической печи. Кратер, достаточно большой, чтобы вместить церковь, был выдут взрывом с борта "Кайо Смит", и его было хорошо видно с кораблей.

В 3.30 утра мужчинам подали кофе, и с первыми лучами рассвета их тихо позвали по каютам. Корабль развил скорость в пять узлов на дистанции 3000 ярдов, когда они сомкнулись бортами, пока их не разделило расстояние в три кабельтовых. Они были выстроены в форме полумесяца: тяжелые боевые корабли в центре, флагманский корабль на правом фланге и "Массачусетс" на левом фланге. Линия оставалась неподвижной на протяжении всего обстрела. "Виксен" и "Скорпион" заняли позиции на противоположных флангах, недалеко от берега, с целью окружения любой пехоты, которая могла бы открыть огонь по кораблям.

Когда корабли заняли позиции, было еще слишком темно для какой-либо стрельбы. Адмирал дал сигнал кораблям не открывать огонь до тех пор, пока командиры орудий не увидят дула вражеских орудий в амбразурах.

Пятнадцать минут спустя, в 5.25 утра, "Нью-Йорк" открыл бортовой залп со своей главной батареей на заводах к востоку от входа в гавань. Все корабли последовали за ним в красных полосах пламени. Флот, окутанный дымом, обрушился на холмы, поднимая грязь и каменную кладку.

Хотя командиров орудий предупредили не тратить впустую боеприпасы, а вести огонь обдуманно, огонь был настолько быстрым, что раздавались почти непрерывные выстрелы. Размеренный грохот больших тринадцатидюймовых орудий линкоров перекрывал грохот орудий вспомогательных батарей, как раскаты грома перекрывают шум урагана. Сильный ветер с берега уносил дым от кораблей в сторону моря, в то время как он опускал плотную завесу перед испанскими артиллеристами.

Сначала доны отвечали энергично, но их бешеный, полубезумный огонь не мог сравниться с хладнокровием, наметанным глазом и искусной стрельбой американских моряков. Наш огонь был гораздо эффективнее, чем при предыдущих бомбардировках. Эксперт адмирала по артиллерии дал четкие указания уменьшить количество пороховых зарядов и поднять орудия, чтобы сократить траекторию и, таким образом, обеспечить прицельный огонь.

Эффект уменьшения заряда был изумительным. Через пятнадцать минут одна западная батарея была полностью выведена из строя. "Массачусетс" пробил зияющую дыру в огневой точке 1000-фунтовым снарядом, а "Техас" бросил снаряд в пороховой погреб. Взрыв произвел ужасный хаос.

Рама была поднята, борта снесены, и во все стороны полетел ливень обломков. Одно бревно, вынесенное со стороны батареи, покатилося вниз по склону.

До батарей к востоку от Морро было труднее добраться, но "Новый Орлеан" пересек носовую часть "Нью-Йорка" на расстоянии 500 ярдов от берега и устроил "тату" из своих длинных восьмидюймовых винтовок, неоднократно попадая по ним, попадая орудия прямо в дуло, отрывая его от цапф и отправляя высоко в воздух.

Когда в 6.30 поступил приказ прекратить огонь, все орудия противника замолчали на десять минут, но по мере того, как корабли отходили, часть испанского мужества вернулась, и по "Массачусетсу" и "Орегону" было сделано с полдюжины злобных выстрелов, и они упали в кильватере.

ПОСПЕШНО СОШЕЛ НА БЕРЕГ.

Море и погода были благоприятными, когда 22 июня великая армия вторжения под командованием генерала Шаттера оставила свои транспорты в гавани Байкири и высадилась на кубинской земле. Военно-морской флот и армия великолепно сотрудничали, и когда большие военные корабли приблизились к берегу, чтобы проложить путь транспортам, а затем вернулись обратно, троекратное приветствие военно-морскому флоту вырвалось из многих тысяч глоток на десантных кораблях, а троекратное приветствие армии раздавалось с корабля за кораблем.

Кубинские повстанцы тоже достойно внесли свой вклад в это предприятие. Пять тысяч из них, укрывшись в горных твердынях и темных зарослях ущелий, всю предыдущую ночь лежали навтыжку, наблюдая за каждой дорогой и горной тропинкой, ведущими из Сантьяго в Гуантанамо. Тысяча из них находилась в пределах видимости Байкири, что делало приближение испанцев под покровом темноты невозможным.

В указанном месте есть крутой скалистый холм, известный как Пунта-Байкири, поднимающийся почти перпендикулярно. По возможностям защиты это настоящий Гибралтар. На древке на его вершине вызывающе развевался испанский флаг на закате; но утром он исчез, а вместе с ним и небольшая испанская стража, которая обслуживала сигнальную станцию. Между наступлением темноты и рассветом испанцы подняли тревогу и бежали из этого места, обстреливая город по пути.

С кораблей с интересом наблюдали за пламенем. Раздались два резких взрыва. Сначала они подумали, что это выстрелы с замаскированных испанских батарей, но оказалось, что это взрывы боеприпасов в горящем здании.

Трехчасовое ожидание заставило людей на транспортах с нетерпением сойти на берег и приступить к действиям, и солдаты внимательно следили за каждым движением военных кораблей.

Незадолго до 9 часов начался обстрел батарей Хурагуа. Очевидно, это был ложный маневр, чтобы прикрыть реальную точку атаки, поскольку Хурагуа находился примерно на полпути между Байкири и Сантьяго. Обстрел продолжался около двадцати минут. Затем сцена быстро вернулась к большому полукругу транспортов перед Байкири.

В 9:40 жители Нового Орлеана открыли огонь из орудия, снаряд с грохотом упал на склон холма. "Детройт", "Уосп", "Мачиас" и "Сувани" последовали его примеру. Через пять минут море наполнилось флотилиями небольших лодок, возглавляемых катерами, мчащимися к причалу Байкири. Некоторыми лодками управляли команды моряков, в то время как на других гребли сами солдаты. В каждой лодке находилось по шестнадцать человек, каждый в боевой форме, с трехдневным пайком, палаткой-укрытием, ружьем и 200 патронами. Все были готовы выйти на поле боя, едва причалив к берегу, если их позовут.

Обстрел военных кораблей оказался ненужной предосторожностью, поскольку их выстрелы не были ответными, а испанцев видно не было.

Генерал Шафтер, находясь на борту "Сегуранки", внимательно наблюдал за высадкой войск. Бригадный генерал Лоутон, которому было поручено командовать десантной группой, возглавил ее на катере в сопровождении своего штаба и руководил формированием оперативного направления.

Отряд из восьмидесяти регулярных войск высадился первым, за ним последовал старый полк генерала Шафтера, Первый пехотный. Затем шли Двадцать пятый, Двадцать второй, Десятый, Седьмой и Двенадцатый пехотные в названном порядке, а также Второй Массачусетский и отряд Девятой кавалерийской.

Лодки одновременно устремились вперед со всех сторон в добродушном соперничестве за право быть первыми, и их пассажиры перепрыгивали друг через друга, чтобы выпрыгнуть на берег. Поскольку лодки швыряло в прибое, выбраться на берег было нелегко, и солдатам пришлось бросить свои винтовки на причал, прежде чем они смогли взобраться наверх. В результате произошло несколько сильных падений, но никто не пострадал. В конце пирса роты и полки быстро построились и двинулись в путь.

Генерал Лоутон бросил сильный отряд на ночь примерно в шести милях к западу, по дороге на Сантьяго, а другой отряд был размещен к северу от города среди холмов. Остальные войска были расквартированы в городе, некоторые из них разместились в зданиях железной компании.

Часть войск была расквартирована в заброшенных домах, в то время как другие предпочли укрыться в своих палатках на прилегающих полях.

Было видно, что утренний пожар уничтожил круглое здание, ремонтные мастерские и несколько небольших жилищ. Когда высадились войска, город был безлюден, но вскоре из окрестных зарослей появились женщины и дети и вернулись в свои дома.

Часть загорелых войск быстро обыскала здания и прочесала заросли в поисках затаившихся врагов, а затем с наступлением темноты двинулась в неизвестную страну за ними, широкими размашистыми шагами и с настороженной выправкой солдат старой пограничной армии, готовых сражаться с испанцами на манер сиу или в открытую, где бы их ни нашли.

Высадка прошла без человеческих жертв, единственным несчастным случаем стало ранение повстанца на холмах снарядом с одного из военных кораблей.

ПОБЕДА ДОСТАЕТСЯ ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ.

Утром в пятницу, 24 июня, четыре отряда Первой кавалерийской дивизии, четыре отряда Десятой кавалерийской дивизии и восемь отрядов Rough Riders Рузвельта — всего менее 1000 человек - спешили и атаковали 2000 испанских солдат в зарослях в пяти милях от Сантьяго-де-Куба. Последовал кровопролитный конфликт, и американцы потеряли шестнадцать человек, включая капитана Аллина М. Капрона и Гамильтона Фиша-младшего из Rough Riders.

Практически одновременно произошли два сражения: одно - силами "Брутальных всадников" под непосредственным командованием полковника Вуда на вершине плато, а другое - на склонах холмов, в нескольких милях отсюда, регулярными войсками, с которыми был генерал Янг.

Экспедиция стартовала из Хурагуа, обозначенного на некоторых кубинских картах как Альтарес, небольшого городка на побережье в девяти милях к востоку от замка Морро, который был первым местом, занятым войсками после их высадки в Байкири.

Кубинцы сообщили в штаб американской армии, что силы испанских солдат собрались на месте, где произошло сражение, чтобы заблокировать марш на Сантьяго.

Генерал Янг отправился туда, чтобы выбить их, при том понимании, что кубинцы под командованием генерала Кастильо будут сотрудничать с ним, но последний не появлялся до тех пор, пока бой не был почти закончен. Затем они попросили разрешения преследовать убегающих испанцев, но поскольку победа уже была одержана, генерал Янг отказался разрешить им принять участие в бою.

Планы генерала Янга предусматривали перемещение половины его отряда по тропе у подножия гряды холмов, ведущей назад от побережья, чтобы он мог атаковать испанцев с фланга, в то время как Грубые всадники отправились по тропе, ведущей через холм, чтобы атаковать их спереди. Этот план был выполнен полностью. Войска покинули Хурагуа на рассвете. Маршрут генерала Янга и регулярных войск был сравнительно ровным и удобным для передвижения. С помощью этой команды были захвачены три пулемета Hotch-kiss.

Первая часть путешествия Rough Riders проходила по крутым холмам высотой в несколько сотен футов. Мужчины несли 200 патронов и тяжелое походное снаряжение. Хотя ранним утром это было легко сделать, погода стала невыносимо жаркой, и солнце палило прямо на ковбоев и восточных атлетов, когда они поднимались по склону со своими тяжелыми рюкзаками, и потребовались частые привалы. Тропа была такой узкой, что большую часть пути мужчинам приходилось идти гуськом. Колючие кусты кактусов тянулись по обе стороны тропы, а подлесок был таким густым, что ничего не было видно на десять футов в обе стороны. Все условия были

благоприятны для смертоносной засады, но солдаты внимательно следили и производили как можно меньше шума.

"Крутые наездники" прониклись духом мероприятия с величайшим энтузиазмом. Это была их первая возможность сразиться, и каждый мужчина с нетерпением ждал ее. Погода становилась невыносимо жаркой, и мужчины один за другим выбрасывали одеяла и свертки палаток и опустошали свои фляги.

Первое указание командования полковника Вуда на то, что поблизости находятся испанцы, было получено, когда они достигли точки в трех или четырех милях от побережья, когда в кустарнике слышались низкие крики кукушки испанских солдат.

Было трудно определить точную точку, откуда доносились эти звуки, и мужчинам было приказано говорить тихо.

АТАКУЙТЕ ВРАГА

Как только удалось обнаружить противника, был отдан приказ атаковать, и американцы бросились в густую чащу, невзирая на опасность. Испанцы отступили, но на бегу открыли огонь, и битва продолжалась около часа.

Испанцы оставили на поле боя много убитых, их потери убитыми составили не менее пятидесяти человек.

Испанцы тщательно спланировали засаду и намеревались держать американцев в узде. Они запаниковали из-за смелости нападения, предпринятого силами вторжения. Завоеванная позиция была очень выгодной.

Там, где произошла битва, тропинка выходит на пространство, покрытое высокой травой, с правой стороны от тропы и зарослей. Вдоль левой стороны проходит забор из колючей проволоки. На обочине дороги было найдено мертвое тело кубинца, и в то же время, когда войска капитана Капрона прикрывали аванпосты, в кустах на мгновение показались головы нескольких испанцев.

Только после этого мужчинам разрешили зарядить свои карабины. Когда был отдан приказ заряжать оружие, они действовали волевым образом и проявили величайшее рвение перейти в атаку. В это время в миле или двух справа слышались звуки стрельбы, очевидно, доносившиеся с холмов за зарослями. Это были регулярные игроки, отвечавшие испанцам, которые открыли по ним огонь из зарослей. В дополнение к быстрой винтовочной стрельбе был слышен грохот ружей Хотchkисса.

Не прошло и двух минут, как в чаще затрещали винтовки "маузер", и сотня пуль просвистела над головами грубых всадников, срывая листья с деревьев и отправляя щепки от столбов забора рядом с мужчинами. Испанцы открыли шквальный огонь, который вскоре возымел катастрофический эффект. Войска стояли на своих местах, а вокруг них свистели пули. Рядовой Колби заметил испанцев и произвел по ним первый выстрел до того, как был отдан приказ атаковать.

Сержант Гамильтон Фиш-младший упал первым. Он был убит выстрелом в сердце и скончался мгновенно. Испанцы были не более чем в 200 ярдах от нас, но их можно было увидеть лишь изредка. Мужчины продолжали давать залп за залпом по кустам в направлении звуков выстрелов испанцев, но последние становились все чаще и, казалось, приближались.

Полковник Вуд прошел вдоль своих позиций, демонстрируя предельное хладнокровие. Он приказал войскам развернуться в зарослях и послал еще одно отделение на открытое пространство слева от тропы. Подполковник Рузвельт возглавил прежний отряд и продрался сквозь заросли, подгоняя своих людей. Выстрелы с каждым мгновением становились все гуще и быстрее, и воздух, казалось, наполнился свистящим звуком пуль маузера, в то время как короткие хлопки испанских винтовок можно было легко отличить от более тяжелых выстрелов американского оружия. Иногда огонь велся залпами, и снова выстрелы следовали один за другим в быстрой последовательности в течение нескольких минут.

Капитан Капрон стоял позади своих людей с револьвером в руке, используя его всякий раз, когда испанец выставлял себя напоказ. Он прицелился точно, и было видно, как двое врагов пали под его огнем. Как раз в тот момент, когда он готовился сделать еще один выстрел и одновременно выкрикивал приказы своим людям, револьвер выпал у него из рук, и он упал на землю с пулей, пронзившей его тело. Его отряд на мгновение пришел в замешательство, но со всей силой, на которую был способен, он крикнул: "Не обращайтесь на меня внимания, ребята, идите дальше и сражайтесь". Его унесли с поля боя как можно скорее, и он прожил всего несколько часов. Лейтенант Томас из того же отряда вскоре после этого получил сквозное ранение в ногу и впал в бред от боли.

РУЗВЕЛЬТУ ЕДВА УДАЛОСЬ СПАСТИСЬ.

Войскам, находившимся в чаще, не пришлось долго ждать, чтобы оказаться в гуще боя. Испанцы обнаружили их и сильно потеснили, но они открыли ответный смертоносный огонь, хотя большую часть времени не могли видеть противника. После десяти-пятнадцати минут напряженной работы стрельба несколько утихла, и подполковник Рузвельт приказал своим людям вернуться из зарослей на тропу, сам едва избежав пули, которая попала в дерево рядом с его головой.

Было очевидно, что испанцы отступают и меняют позиции, но огонь продолжался с интервалами. Затем войска вырвались вперед, на более открытую местность, чем та, откуда велся огонь противника. Примерно в это время небольшие отряды начали выносить раненых из зарослей и укладывать их в более защищенном месте на тропе, пока их не перевезут в полевой госпиталь.

Прошло совсем немного времени, прежде чем враг уступил и побежал вниз по крутому склону и на другой холм к блокгаузу, с очевидным намерением дать там последний отпор.

Полковник Вуд был впереди, руководя движением, и именно здесь был застрелен майор Броуди. Полковник Вуд и подполковник Рузвельт повели войска в погоню за убегающими испанцами, и на блокгауз обрушился град пуль. К тому времени, когда наступающие американцы приблизились к блокгаузу на расстояние 600 ярдов, испанцы оставили его и рассеялись по кустарнику на другом холме в направлении Сантьяго, и битва подошла к концу.

Все это время на участке генерала Янга разгорался не менее жаркий пожар. Бой начался почти так же, как и предыдущий, и когда пулеметы открыли огонь, испанцы дали залпы по артиллеристам из кустарника на противоположном склоне холма. Два отряда кавалерии ворвались на холм, а другие войска послали шквал пуль во все точки, откуда доносились выстрелы испанцев. Враг постепенно был отброшен назад, хотя и вел непрерывный огонь, пока они, а также те, кто противостоял Грубым Всадникам, не побежали к блокгаузу, но были выбиты людьми полковника Вуда.

Генерал Янг впоследствии заявил, что это сражение было одним из самых острых в его жизни. Только быстрый и постоянный огонь солдат, независимо от того, видели они врага или нет, заставил испанцев так быстро отступить. Генерал Янг в самых высоких выражениях отозвался о поведении людей, находившихся под его командованием, и как полковник Вуд, так и подполковник Рузвельт были чрезвычайно довольны работой, проделанной Rough Riders в первый раз, когда они попали под огонь.

Когда стало очевидно, что испанцы отказываются от боя, поисковые группы прошли через заросли и высокую траву, подбирая убитых и раненых. Последних доставили в полевой госпиталь, расположенный в полумиле в тылу, и им было оказано все возможное внимание, пока велась подготовка к отправке в Хурагуа.

АРМИЯ На БОЕВОМ КРЕЩЕНИИ.

После периода сравнительного бездействия кампания началась всерьез в пятницу, 1 июля, когда на рассвете армия генерала Шафтера начала атаку на испанские укрепления. Шаттер прибыл из Куэро в Эль-Каней со своей армией, устроив штаб-квартиру в Сибони. Из этих пунктов испанские войска под командованием генерала Линареса отступили на небольшое расстояние и захватили холм Сан-Хуан, с которого у них была точная дальнобойность американских батарей. У сил Шафтера не было достаточного количества орудий, в то время как у испанцев их было больше и более тяжелого калибра, чем ожидалось.

Американская армия спала в четверг ночью в пределах видимости своего завтрашнего поля боя. На рассвете в пятницу началось продвижение вперед. Ожесточенные бои ожидалось у Эль-Кани, охранявшего северо-восточные подходы к Сантьяго, и против этой позиции были сосредоточены подразделения генералов Лоутона и Уилера при поддержке батареи легкой артиллерии Капрона. И генерал Уилер, и генерал Янг были больны, поэтому генерал Самнер был назначен командовать первым, а полковник Вуд из Rough Riders был назначен командующим кавалерийской бригадой генерала Янга. Полковник Кэрролл из Шестой кавалерийской дивизии занял место генерала Самнера во главе Первой кавалерийской бригады. Под командованием генерала Лоутона находились три бригады — полковника Ван Хорна, состоящей из Восьмого и Двадцать второго пехотных полков и Второго Массачусетского добровольческого полка; полковника Майлза, состоящей из Первого, четвертого и Двадцать пятого пехотных полков, и генерала Чаффи, состоящей из Седьмого, Двенадцатого и Семнадцатого пехотных полков. Накануне сражения полковника Ван Хорна сменил генерал Ладлоу. Под командованием генерала Самнера находились четыре отряда Второй кавалерии и восемь отрядов Первой добровольческой кавалерии; под командованием полковника Вуда - "Грубые всадники", Десятый кавалерийский полк и четыре отряда Первой кавалерии. Эти два кавалерийских отряда заняли левую часть равнины Сан-Хуан для атаки на блокгауз в этом месте. Их

поддерживала бригада полковника Кэрролла, состоявшая из Третьего, Шестого и девятого кавалерийских полков, и батарея Второго артиллерийского полка капитана Граймса.

Юго-восточными подступами к городу командовала дивизия генерала Кента. Его первой бригадой командовал генерал Хокинс, и она состояла из Шестого и Шестнадцатого регулярных пехотных полков и Семьдесят первого нью-йоркского добровольческого полка. Полковник Пирсон командовал Второй бригадой, состоящей из Второго, Десятого и Двадцать первого регулярных пехотных полков, в то время как Третья бригада под командованием полковника Уорта состояла из Девятого, Тринадцатого и Двадцать четвертого регулярных пехотных полков. Агуадорес был их объективной точкой зрения. Артиллерийская батарея Граймса и "Крутые всадники" должны были поддержать генерала Кента в его наступлении на Агуадорес, в то время как генерал Даффилд с тридцать третьим и батальоном тридцать четвертого мичиганских добровольцев находился впереди левого фланга Кента.

КАПИТАН КАПРОН ОТКРЫВАЕТ БОЙ.

Первый выстрел в ходе боя прозвучал в 6:45 утра пятницы. Он был произведен батареей Е капитана Эллина М. Капрона из Первой артиллерийской дивизии. Привилегия вступить в бой была предоставлена этому офицеру из-за гибели его сына среди Разбойников, павших близ Севильи. Испанцы ответили на вызов из своих фортов и траншей вокруг Кейни, и немедленно разгорелось сражение. Некоторое время испанцы отчаянно сражались, чтобы не допустить перехода города в руки наших войск, но не успели бои затянуться, как американцы и кубинцы под командованием Гарсии продвинулись вперед. Нога за ногой враг был отброшен в деревню. Энтузиазм американских войск был велик, и их дух быстро передался кубинским войскам.

Однажды во время этого боя один из больших военных аэростатов, используемых корпусом связи для разведки, завис над Сан-Хуаном, не более чем в 500 ярдах от противника, и в течение пяти минут испанцы внизу пытались пробить его, но им не удалось определить дальность полета. Этот аэростат оказал неоценимую услугу в бою. Он парил прямо над верхушками деревьев, и его легко направляли на протяжении трех миль по дороге к позициям противника. Всякий раз, когда он останавливался, чтобы сфотографировать укрепления внизу, испанцы пользовались случаем, чтобы сделать несколько снимков.

В бою при Сан-Хуане испанский снаряд диаметром два с половиной дюйма разорвался посреди батареи К капитана Пуриты Первой артиллерийской дивизии, ранив нескольких человек. Среди раненых был. Рядовой Сэмюэл Барр. "Крутые всадники Рузвельта" также участвовали в этом бою и проявили себя с такой же честью, как и в битве в прошлую пятницу в буше. Несколько Грубых Наездников были ранены.

БОЙ ПЕРЕД КЕЙНИ.

Тем временем яростное сражение разгорелось у Кейни и Агуадорес. В дивизии генерала Лоутона Вторая Массачусетская до середины дня несла самые тяжелые потери, хотя другие полки вели более активные бои. Во второй половине дня бой за овладение Кейни был самым упорным, и окончательная победа делает большую честь американским войскам. Это было славно и для Испании, хотя у нее никогда не было шанса победить в течение дня. Ее люди сражались в укреплениях, на закрытых путях и в блокгаузах, в то время как американские войска от начала до конца действовали под открытым небом. Испанские солдаты выполняли свою работу как мужчины, и это первое сухопутное сражение в войне вполне может заставить

Испанию гордиться своими людьми. Американские солдаты атаковали укрепления по открытой местности, и с момента первого выстрела до тех пор, пока они не оказались на холмах над Кейни, они пробивались вперед, а испанцы были отброшены назад. Бригада генерала Чаффи удерживала правый фланг у города Кейни. Дивизия генерала Ладлоу находилась в центре, а полковник Майлз удерживал левый фланг.

В течение утра стрельба временами была очень интенсивной, но испанцы в укрытии вели самую упорную оборону и отказывались отступить ни на дюйм. Снова и снова снаряды с батареи капитана Капрона загоняли их в укрытия, но как только его огонь прекращался, они снова поднимались и принимались за дело. Несмотря на сильный огонь американских войск, они смогли добиться лишь незначительного видимого прогресса в течение утра, хотя в конечном итоге они неуклонно приближались и окружили город со всех сторон.

В полдень стало очевидно, что огонь с крытого пути не может быть остановлен одной артиллерией и что постоянное продвижение невозможно, пока это место не будет занято, и генерал Лоутон решил захватить его штурмом. Соответственно, он отправил гонца к генералу Чаффи с инструкциями занять позицию атакой. Вслед за этим генерал Чаффи быстро приблизился со своими людьми с севера, в то время как капитан Капрон вел шквальный огонь по форту, удерживая испанцев в укрытии и проделывая брешь за брешью в каменных стенах форта. Вскоре после этого он произвел выстрел с батареи, который сорвал древко флага, сбив испанский флаг на землю. С тех пор над ним не развевалось ни одного знамени.

Никогда солдаты не выполняли более тонкой работы, чем бригады генерала Ладлоу и полковника Майлза, когда они приближались к городу. Испанцы обстреливали их из маузеров и пулеметов, но безрезультатно. Ничто не могло остановить их, и во второй половине дня они подошли ближе, и к тому времени, когда люди генерала Чаффи были в форме, Майлз и Ладлоу были на улицах города, с упорством удерживая испанцев от отступления к Сантьяго, в то время как Чаффи приближался справа.

Многочасовые бои перед позицией полковника Майлза на гасиенде, известной как "Дуэро", были очень ожесточенными. Оборона испанцев была чрезвычайно упорной. Дом охранялся стрелковыми окопами, и как только испанцев выбивали из одного, они отступали в другой и продолжали стрелять.

Когда в 6 часов вечера началось окончательное наступление, город Кейни был взят и было захвачено большое количество пленных. Всего потери испанцев составили 2000 человек.

НАПАДЕНИЕ НА АГУАДОРЕС.

Единственным наступлением дня, которое не увенчалось успехом, была попытка генерала Даффилда занять прибрежную деревню Агуадорес. "Нью-Йорк", "Сувани" и "Глостер" обстреливали старый форт и стрелковые окопы до полудня, изгнали всех испанцев из окрестностей и перемахнули через парапет, над которым развевался испанский флаг; но из-за разрушенного железнодорожного моста войска генерала Даффилда не смогли переправиться через реку, отделявшую их от маленького городка, и были вынуждены вернуться в Хурагуа.

В субботу на рассвете испанцы, воодушевленные Линаресом во главе, попытались вернуть себе холм Сан-Хуан. Орудия Хотчкиса косили их целыми взводами. Они были отброшены обратно в третью линию своих укреплений, и там их снайперы, считавшиеся одними из лучших в мире,

остановили американцев. Батареи Граймса, Паркхерста и Берта были вынуждены отойти к холму Эль-Пасо. Лоутон пришел с Девятым Массачусетским, Тридцать третьим и тридцать четвертым мичиганскими полками, и испанцы начали отступать.

Затем Сэмпсон начал бомбардировку внешних фортов Сантьяго. "Орегон" сбил флаг Морро и превратил старый замок в пыль. Батареи в Пунта-Горде были взорваны "Орегоном" и "Индианой". Ни один из американских кораблей не пострадал от испанского огня.

В Гуантанамо кубинские войска под командованием Гарсии и Кастильо убили 300 испанских солдат и разгромили там армию противника. Силы Кастильо прорвались на расстояние пяти миль от Сантьяго.

ОТЧЕТЫ ШАТТЕРА О БОЕ.

В пятницу нацию охватила лихорадка возбуждения, когда в Военном министерстве в Вашингтоне был опубликован следующий бюллетень:

Лагерь, недалеко от Севильи, Куба, 5-Сейчас продолжаются боевые действия. Стрельба была легкой и беспорядочной. Началась справа, недалеко от Кейни, дивизии Лоутона. Он будет находиться в северо-восточной части города Сантьяго. Будет постоянно информировать вас о прогрессе.

ШАФТЕР.

В течение нескольких часов это была единственная информация с места боевых действий, но позже пришло сообщение от полковника Алиена, отвечающего за сигнальную станцию в Плайя-дель-Эсте. Он сказал, что борьба становилась все более ожесточенной во всех направлениях. На момент отправки им телеграммы восемь американцев и девять кубинцев были ранены. Всю субботу ходили слухи о поражениях Америки, и, чтобы придать публичной информации определенности, Военное министерство сочло разумным опубликовать депешу, которую оно получило рано утром того же дня. Это было следующее:

Сибони, via Playa del Este, июль 2011 г. — Боюсь, я недооценил сегодняшние потери. Большой и тщательно оборудованный госпитальный корабль должен быть немедленно направлен сюда для оказания помощи раненым. Главный хирург говорит, что ему нужны еще сорок медицинских работников. Корабль должен иметь катер и шлюпки для транспортировки раненых. ШАФТЕР, генерал-майор.

Следующее обнародованное сообщение вызвало волну опасений по всей стране. Текст был следующим:

Лагерь недалеко от Севильи, Куба, виа Плайя-дель-Эсте, 3 июля. — Мы хорошо окружили город на севере и востоке, но с очень тонкой границей. Приблизившись к нему, мы обнаруживаем, что он имеет такой характер, а оборона настолько сильна, что взять его штурмом моими нынешними силами будет невозможно. Наши потери на сегодняшний день составляют 1000 человек, но список еще не составлен. Но никаких болезней, кроме истощения от сильной жары и напряжения позавчерашнего сражения и почти постоянного огня, который ведется по окопам. Дорога для фургонов в тыл с трудом держится открытой из-за дождей, но пока я смогу ею пользоваться. Генерал Уилер серьезно болен и, вероятно, сегодня ему придется отправиться в тыл. Генерал Янг также тяжело болен и прикован к постели. Генерал Хокинс был легко ранен в

ногу во время вылазки, предпринятой противником прошлой ночью, которая была успешно отбита. Поведение войск было великолепным. Генерал Гарсия сообщил, что он удерживает железную дорогу от Сантьяго до Сан-Луиса, сжег мост и снял несколько рельсов; также, что генерал Пандо прибыл в Пальму и что французский консул с примерно 400 французскими гражданами вчера прибыл в его колонну из Сантьяго. Я приказал ему обращаться с ними со всей возможной вежливостью. ШАФТЕР, генерал-майор.

Генерал Майлз отправил генералу Шафтеру следующую депешу:

Штаб армии, Вашингтон, округ Колумбия, 3 июля. — Примите мои сердечные поздравления по поводу записи о великолепной силе духа, доблести и самопожертвовании, проявленных войсками в отчаянных боях под Сантьяго. Я осознаю все тяготы и страдания и горжусь тем, что среди этих ужасных сцен войска продемонстрировали такую бесстрашную и патриотическую преданность благополучию нашей общей страны и флага. Какими бы ни были результаты их непревзойденных подвигов, прошлое уже стало отрадной главой истории. Я рассчитываю прибыть к вам в течение одной недели с сильным подкреплением.

МАЙЛЗ, командующий генерал-майором.

Ответ генерала Шафтера был следующим:

Плайя, 4 июля, Штаб Пятого армейского корпуса, близ Сантьяго, 3 июля — Я благодарю вас от имени доблестных людей, которыми я имею честь командовать, за великолепную дань уважения, которую вы им оказали. Они вели себя так, как всегда вели себя американские солдаты. Ваша телеграмма будет опубликована утром во главе полков. Я чувствую себя хозяином положения и могу сдерживать врага сколь угодно долго. Я рад узнать, что вы приезжаете, что вы можете сами увидеть препятствия, которые пришлось преодолеть этой армии. Единственное, о чем я сожалею, - это о большом количестве доблестных душ, которые отдали свои жизни за дело нашей страны. ШАФТЕР.

В свете этих печальных, хотя и торжествующих фактов не следует забывать, что враг также понес ужасные потери. В ходе бессмысленной вылазки на американские позиции в ночь на 2 июля генерал Линарес, командовавший в Сантьяго, был ранен в ногу и плечо, и 500 его солдат погибли на поле боя. Едва ли хоть один человек в наших укреплениях был ранен. Из 29-го испанского батальона, оборонявшего Эль-Каней, выжило менее 100 человек. Генерал Вара де Рей, его командующий, был похоронен с воинскими почестями, а генерал Ладлоу получил его шпагу и шпоры.

Испанцы все это время упорно сражались, и их отступление, хотя и неуклонное, велось медленно и хладнокровно. Они отстаивали каждый дюйм пути и сражались с неожиданным мастерством, их офицеры управляли войсками с храбростью и здравым смыслом, демонстрируя, что в них наши парни в синем сражались с врагами, достойными их стали.

Храбрость американских офицеров бросалась в глаза на протяжении всего сражения. Генерал-майор Уилер, который был серьезно нездоров и страдал от приступа лихорадки, приказал санитарной машине доставить его на фронт, где звуки боя, казалось, вдохнули в него новую жизнь, и через короткое время он вызвал свою лошадь и лично повел свою дивизию в атаку.

Генерал Хокинс, командовавший Первой бригадой Девятой дивизии, был известен тем, как подставлял себя под испанские пули. Взяв со своим командованием редут на холме, он долго стоял на вершине, наблюдая за боем. Временами сильный огонь был сосредоточен на этом месте, но он осматривал поле боя, в то время как пули сотнями свистели мимо.

ШАФТЕР ТРЕБУЕТ СДАЧИ ГОРОДА.

3 июля генерал Шафтер направил генералу Торалю, командующему испанской армией в провинции Сантьяго, следующее сообщение:

Штаб Вооруженных Сил Соединенных Штатов, близ реки Сан-Хуан, Куба, 3 июля, 8:30 утра — командующему испанскими вооруженными силами генералу Сантьяго—де-Куба - сэр: Я буду вынужден, если вы не сдадитесь, обстрелять Сантьяго-де-Куба. Пожалуйста, сообщите гражданам иностранных государств, а также всем женщинам и детям, что они должны покинуть город до 10 часов завтрашнего утра. С глубоким уважением, ваш покорный слуга, У. Р. ШАФТЕР, генерал-майор США

Генерал Тораль дал такой ответ:

Сантьяго—де-Куба, 3 июля, 14:00. - Его Превосходительство генерал, командующий Вооруженными силами Соединенных Штатов, река Сан-Хуан - сэр: Я имею честь ответить на ваше сегодняшнее сообщение, написанное в 8:30 утра и полученное в 13:00, с требованием сдачи этого города; напротив, вы объявляете мне, что вы будете бомбардировать город, и просите, чтобы я сообщил иностранным женщинам и детям, что они должны покинуть город до 10 часов завтрашнего утра. Мой долг сказать вам, что этот город не сдастся и что я проинформирую иностранных консулов и жителей о содержании вашего послания.

С глубоким уважением, Хосе ТОРАЛЬ, главнокомандующий Четвертым корпусом.

Британский, португальский, китайский и норвежский консулы потребовали разрешить мирным жителям занять город Кейни и железнодорожные пункты и попросили до 10 часов следующего дня, чтобы они покинули Сантьяго. Они утверждали, что там было от 15 000 до 20 000 человек, многие из них пожилые, чьи жизни окажутся под угрозой в результате бомбардировки. По получении этого запроса генерал Шафтер направил следующее сообщение:

Главнокомандующий испанскими войсками, Сантьяго—де-Куба - Сэр: Принимая во внимание просьбу консулов и офицеров в вашем городе об отсрочке выполнения моего намерения обстрелять город, и в интересах бедных женщин и детей, которые сильно пострадают из-за своего поспешного и вынужденного отъезда из города, имею честь объявить, что я отложу такие действия исключительно в их интересах до полудня 5-го, при условии, что в течение этого промежутка ваши войска не будут демонстрировать ничего против моих собственных.

Я с большим уважением, ваш покорный слуга, У. Р. ШАФТЕР, генерал-майор США

6 июля флаг перемирия, который развевался над Сантьяго день или два, все еще был вывешен, но вскоре из города был замечен флаг поменьше в руках человека в форме.

Из штаба генерала Шафтера была направлена группа для встречи знаменосца. Выяснилось, что он был уполномоченным генерала Торала. Он объявил встречавшим его, что у него есть важное сообщение для командующего американской армией, исходящее непосредственно от генерала Торала, и он желает, чтобы его отвели к генералу Шафтеру.

Обычно такому посыльному, проходящему через очереди, завязывают глаза. Однако наша позиция была настолько сильной, а наши наступательные действия настолько впечатляющими, что было решено предоставить комиссару возможность свободно пользоваться своими глазами, чтобы он мог видеть все приготовления, которые были сделаны для взятия города. Ему показали осадные орудия и минометные батареи, и всю дорогу до штаба его развлекали подробным объяснением численности наших войск, наших орудий и других вопросов, которые, должно быть, представляли для него интерес. На самом деле, он был очень впечатлен тем, что услышал и увидел.

По прибытии в штаб генерала Шафтера сообщение от испанского командующего было передано с некоторой церемонией. Оно было довольно длинным. Генерал Тораль попросил продлить срок перемирия, поскольку он хотел связаться с правительством Мадрида по поводу сдачи города. Он также попросил прислать кабельных операторов для эксплуатации линии между Сантьяго и Кингстоном. Он пообещал под свое солдатское слово чести, что операторов не будут просить передавать какие-либо материалы, кроме тех, которые касаются капитуляции, и что он вернет их в целости и сохранности в Эль-Каней, когда будет получен окончательный ответ из Мадрида. Этот запрос об операторах был необходим из-за того факта, что люди, обслуживавшие кабель Сантьяго, были британскими подданными, и все они покинули город под защитой британского консула, когда американцы уведомили, что город будет подвергнут бомбардировке, если он не сдастся.

Комиссар сказал, что генерал Тораль хотел проконсультироваться с властями Мадрида по той причине, что он не смог связаться с генерал-капитаном Бланко в Гаване.

В конце концов было решено, что перемирие, срок действия которого истек в четыре часа 6-го числа, должно быть продлено до того же часа в субботу, 9 июля.

Комиссара провели обратно через другую часть лагеря, которая была заполнена оцетинившимся оружием. Британский консул дал свое согласие на возвращение операторов в город, и в Эль-Кани были отправлены гонцы, чтобы узнать, поедут ли эти люди. Они выразили свою готовность, и их сопровождали до центра города, где их встретил испанский эскорт и отвез в офис кабельной компании.

УНИЧТОЖЕНИЕ ФЛОТА СЕРВЕРА.

Утром 3 июля адмирал Сервера, командующий испанским флотом в гавани Сантьяго-де-Куба, совершил смелый рывок к свободе, предприняв отчаянную попытку прорвать американскую линию в надежде выйти в открытое море.

Перед лицом превосходящих сил противника, не имея перед собой ничего, кроме неизбежного уничтожения или капитуляции, если он еще хоть немного останется в ловушке, в которой его держал американский флот, он бросился из гавани в тот момент, когда американцы меньше всего ожидали, что он это сделает, и, сражаясь за каждый дюйм своего пути, даже когда его

корабль горел и тонул, он пытался избежать гибели, которая была написана на дулах каждого американского орудия, направленного на его корабли.

Испанцы предприняли смелое предприятие, и при менее бдительном противнике они могли бы добиться успеха. На флоте было известно, что генерал Шаттер приближается к городу и что положение адмирала Сервера отчаянное, но предполагалось, что он останется в гавани и как можно дольше будет наводить свои орудия на американские сухопутные войска, и что он скорее взорвет свои корабли, чем позволит им попасть в руки врага. Несомненно, адмирал Сэмпсон не ожидал, что Сервера попытается вырваться на свободу, хотя американскому командующему уже несколько дней было известно, что потопление "Мерримака" не полностью перекрыло вход в гавань Сантьяго.

В 9.35 утра в воскресенье флагманский корабль "Нью-Йорк" с адмиралом Сэмпсоном на борту находился во многих милях к востоку, везя адмирала на совещание с генералом Шафтером. Флот в целом находился гораздо дальше от берега, чем обычно. Любой, кто смотрел в сторону моря из замка Морро и видел далекие точки на воде, не понял бы, что порт фактически блокирован. Очевидно, испанцы ждали, что американский флот окажется таким рассеянным. Они думали, что наш флот дремлет, и что сейчас самое время быстро свернуть и отправиться домой.

Очень скоро после того, как "Нью-Йорк" начал отходить, береговые батареи открыли огонь по американскому флоту. Поскольку суда находились практически вне пределов досягаемости и не в обычном линейном строю, этот обстрел с берега вызвал некоторое удивление. Во-первых, эти батареи были обстреляны накануне, и предполагалось, что их заставили замолчать, а во-вторых, со стороны испанцев казалось глупым вести беспорядочную стрельбу.

В то время суда блокадной эскадры находились на разном расстоянии от трех до десяти миль от входа в гавань. Большинство американских крейсеров находились на обычных воскресных утренних стоянках, и ни один корабль не был по-настоящему готов к немедленным действиям. Почти сразу после того, как батареи открыли огонь, было замечено, как испанский крейсер "Кристобаль Колон" вышел из входа в ла-манш и направился в море, обстреливая на ходу свою переднюю батарею. Затем сигналы перешли с одного корабля на другой, и на каждом американском судне началась бурная деятельность. В каждом машинном отделении раздался сигнал "полный ход". Весь флот начал приближаться к берегу, направляясь ко входу в ла-манш. В 9:45 "Окендо" выскользнул из ла-манша. К этому времени "Кристобаль Колон" повернул на запад и, набрав приличный ход, пытался проскользнуть мимо блокадников. "Мария Тереза", "Бискайя", два эсминца-торпедоносца "Фурор" и "Плутон", а также канонерская лодка были уже далеко от входа в ла-манш и устремлялись к свободе, когда американские корабли открыли огонь с дальней дистанции. "Бруклин", "Массачусетс", "Техас", "Орегон" и "Айова" напали на испанцев и открыли огонь, но они были слишком далеко, чтобы обеспечить хорошую дальноточность. Что касается испанцев, то они начали стрелять, как только вышли из гавани, и продолжали палить, пока не потерпели полное поражение, но они проявили недалекость и плохую меткость.

ХОРОШАЯ РАБОТА "ГЛОСТЕРА".

По мере того как американцы подходили все ближе и ближе, боевые действия приобрели всеобщий характер. "Глостер" стоял у Агуадорес, в трех милях к востоку от Морро, когда оттуда

вышли испанцы. Она поспешила присоединиться к атаке и сначала открыла огонь по одному из больших крейсеров. Однако линкоры уже нанесли по ним сокрушительный удар, поэтому маленький "Глостер" обратил свое внимание на два эсминца-торпедоносца, которые выскользнули из гавани позади крейсеров. "Глостер" был одной из самых быстроходных лодок военно-морского флота, и хотя на ней не было ничего тяжелее шестифунтовых пушек, она предприняла решительную атаку на два эсминца, и началась погоня. Они на большой скорости направились на запад, а она летела за ними, делая выстрел за выстрелом с такой замечательной точностью, что к тому времени, когда эсминцы были в пяти милях к западу от Морро, оба были охвачены огнем и явно выведены из строя. Они настойчиво открывали ответный огонь, и вокруг яхты обрушился град мелких снарядов, но американские артиллеристы еще раз продемонстрировали свое превосходство, поскольку "Глостер" остался сравнительно невредимым.

Наконец "Фурор" развернулся и дал бой "Глостеру". Вот еще один пример американской удачи и испанской неэффективности. "Фурор" направил торпеды против "Глостера", но они не взорвались. Как только испанский эсминец остановился, "Глостер" просто обстрелял его по носу и корме из скорострельных орудий, и "Фурор" снова направился на запад, спасаясь от ужасного наказания. Из-за ее бортов валил дым, и вскоре она повернула к берегу, очевидно, в состоянии затопления. Члены команды бросились к маленьким лодкам и покинули свое судно. Позже большинство из них были взяты в плен на берегу. Вокруг царил фурор, масса пламени.

"Плутон" также был выведен из строя и направился к берегу. Ее выбросило на берег под низким обрывом, где бушевало сильное море, и вскоре ее так сильно тряхнуло, что она переломилась надвое посередине. Только около половины экипажа добралось до берега живыми.

Расправившись с двумя эсминцами, "Глостер" спустил на воду свои небольшие шлюпки и отправил их на берег спасать испанских моряков. Переполох продолжался до тех пор, пока огонь не добрался до ее складов, а затем раздались два ужасающих взрыва, которые разнесли вдребезги ее корпус. Ее корма быстро погрузилась, и по мере того, как она опускалась, ее нос поднимался до тех пор, пока не встал почти вертикально в воздухе, и в таком положении она исчезла из виду.

ИСПЫТАНИЕ ЛИНКОРОВ.

В то время как маленькая яхта одерживала эту заметную победу над двумя знаменитыми эсминцами, большие линкоры следовали за линией испанских крейсеров и обстреливали их с большим упорством. Четыре испанских крейсера находились под прямым огнем "Бруклина" и четырех линкоров "Массачусетс", "Техас", "Айова" и "Орегон". Это был первый случай, когда первоклассный линкор подвергся испытанию в морском сражении. Огромные боевые корабли шли рядом с быстроходными крейсерами и стреляли из своих больших орудий со смертоносной уверенностью. Американский огонь был настолько быстрым, что корабли были окружены клубами дыма.

Испанским артиллеристам, казалось, не хватало дальности, и многие их выстрелы были очень неистовыми, хотя некоторые попадали в опасной близости от цели.

Два орудия батареи к востоку от Морро также приняли участие в игре, и их снаряды упали вокруг американских кораблей. Многие из них попали в верхние строения убегающих испанцев и, должно быть, привели к гибели и ранению многих их людей.

К этому времени испанские корабли достигли точки примерно в семи милях к западу от Морро и в миле или двух от того места, где пылал "Фурор" и "Плутон", расколотый надвое о скалу.

Флагманский корабль и "Окендо" были первыми, кто подал сигналы бедствия. Два тринадцатидюймовых снаряда с одного из линкоров попали в "Марию Терезу" у ватерлинии, пробив в ее борту большие пробоины и заставив ее быстро заполняться водой. "Окендо" постигла примерно та же участь, и оба корабля направились в небольшую бухту и сели на мель в 200 ярдах от берега, из них во все стороны вырывалось пламя.

"Глостер", отправив шлюпку на берег "Плутона", направился вдоль побережья туда, где броненосные крейсера сели на мель, и направился к ним на помощь. Магазины представляли опасность, и многие из находившихся на борту прыгнули в воду и поплыли к берегу, хотя некоторые не смогли добраться до небольшой полоски песчаного пляжа в бухте, были выброшены на скалы и погибли или утонули. Многих раненых спустили в собственные шлюпки и доставили на берег, но эта задача была самой трудной.

На "Глостере" спустили все шлюпки, и один моряк поплыл сквозь полосу прибоя с помощью лески с "Марии Терезии", привязав ее к дереву на берегу. Таким образом, многие на флагманском корабле, включая адмирала Сервера, спустились в шлюпки "Глостера". Раненых доставили на "Глостер" как можно быстрее, и вскоре нижняя палуба яхты была покрыта испанскими моряками, искалеченными в конечностях и телах разрывами снарядов.

ПОГОНЯ За КРИСТОБАЛЕМ КОЛОНОМ.

"Бруклин", "Орегон", "Массачусетс" и "Техас" и несколько более мелких судов продолжили преследование "Кристобала Колона" и менее чем через час скрылись из виду из-за горящих кораблей на берегу. "Айова" и "Техас" оказали помощь подвергшемуся опасности экипажу "Вискайи". Ее капитан сложил командование, и пленники были переведены на линкор. "Бискайя", вероятно, потеряла около шестидесяти человек, поскольку на ее борту находилось 400 человек, и только 340 были взяты на борт "Айовы".

Вскоре после того, как адмирал Сервера достиг берега и сдался, он был доставлен на "Глостер" по его собственной просьбе. Нельзя было ни с чем спутать выражение убитого горем лица старого командира, когда он взял протянутую руку капитана Уэйнрайта и был препровожден в каюту последнего, но он приложил все усилия, чтобы мужественно перенести постигшее его горькое поражение. Он поблагодарил капитана "Глостера" за слова поздравления по случаю доблестного боя, а затем искренне заявил о своей заботе о безопасности своих людей на берегу. Он сообщил капитану Уэйнрайту, что кубинские солдаты находятся на холмах, готовясь напасть на его безоружных людей, и попросил защитить их.

В течение нескольких часов после того, как адмирал Сервера поднялся на борт "Глостера", "Инфанта Мария Тереза", "Альмиранте Окендо" и "Бискайя" продолжали гореть, и время от времени глубокий рев, сопровождаемый вспышками пламени и дыма с бортов кораблей, возвещал о взрыве новых боеприпасов или другого магазина.

Можно упомянуть как совпадение, что лейтенант-командер Уэйнрайт, командир "Глостера", был исполнительным офицером "Мэна" во время катастрофы, и, хотя он оставался в гавани Гаваны через два месяца после взрыва, он жил на борту диспетчерского судна "Ферн" и упорно отказывался ступать в город до тех пор, пока не придет время, когда он сможет сойти на берег

во главе десантного отряда американских "синих жилетов". Сегодня именно его корабль потопил два испанских миноносца, а затем принял на борт испанского адмирала в качестве военнопленного.

Со своего поста на мостике "Глостера" капитан-лейтенант Уэйнрайт наблюдал за пламенем и дымом, окутывавшими палубы трех величайших боевых кораблей испанского военно-морского флота, от которых вскоре не осталось ничего, кроме обломков мачт и искореженных дымовых труб, торчащих над водой.

Среди военнопленных были капитаны обеих лодок. Никто не оказал никакого сопротивления, и все были рады отправиться на "Глостер", так как опасались нападения кубинцев.

Когда адмирала Сервера попросили сделать какое-либо заявление относительно результата сражения, он сказал: "Я бы предпочел потерять свои корабли в море, как моряк, чем в гавани. Это было единственное, что мне оставалось сделать".

Работа американских линкоров была столь же быстрой, сколь и ужасной. В 9.35 первое судно направилось мимо замка Морро. В 10 часов два эсминца были подбиты и покинуты. В 10:15 "Окендо" и "Мария Тереза" были окружены "Айовой", "Индианой" и "Техасом". В 10:40 оба были на мели. Через несколько минут "Бискайя" была покинута.

"Кристобаль Колон", лидировавший, побежал дальше вдоль побережья, прежде чем непрерывный огонь "Бруклина" и "Массачусетса" заставил его остановиться. Он боролся двадцать минут. В полдень корабль лежал на скалах, пробитый и изодранный в клочья. Величайший флот Испании был уничтожен примерно за три часа.

Шеф полиции Бруклина Йомен Эллис был единственным американцем, убитым за три часа непрерывающихся боев, в то время как потери испанцев достигли 600 убитыми, 400 ранеными и 1100 взятыми в плен.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ АДМИРАЛА СЭМПСОНА.

Ниже приводится официальный отчет, отправленный адмиралом Сэмпсоном в военно-морское министерство в Вашингтоне:

Первоклассный флагманский корабль Соединенных Штатов "Нью—Йорк" у берегов Сантьяго-де-Куба, 15 июля 1898 г. - Сэр. Имею честь представить следующий отчет о сражении с уничтожением испанской эскадры под командованием адмирала Сервера у берегов Сантьяго-де-Куба в воскресенье, 3 июля 1898 г.:

Суда противника вышли из гавани между 9.35 и 10 часами утра, голова колонны появилась в районе Кайо-Смит в 9.31 и вышла из пролива пять или шесть минут спустя. Позиции кораблей под моим командованием у берегов Сантьяго в тот момент были следующими: флагманский корабль "Нью-Йорк" находился в четырех милях к востоку от своего блокадного пункта и примерно в семи милях от входа в гавань. Она направлялась в Сибони, где я намеревался приземлиться в сопровождении нескольких человек из моего штаба и отправиться на фронт для консультаций с генералом Шафтером. Обсуждение ситуации и более определенное понимание между нами предлагаемых операций стало необходимым из-за неожиданно сильного сопротивления испанского гарнизона Сантьяго. Накануне я отправил своего начальника штаба на берег, чтобы договориться о встрече с генералом Шафтером, который страдал от тепловой

прострации. Я принял меры, чтобы отправиться в его штаб, и мой флагманский корабль находился на упомянутой выше позиции, когда испанская эскадра появилась в ла-манше.

Остальные суда находились на своих обычных позициях блокады или поблизости от них, распределенные полукругом у входа в гавань, считая с востока на запад в следующем порядке: "Индиана" - примерно в полутора милях от берега; "Орегон" — место нахождения Нью-Йорка между этими двумя; "Айова", "Техас" и "Бруклин" — последние в двух милях от берега к западу от Сантьяго. Расстояние судов от входа в гавань составляло от двух с половиной до четырех миль - последнее было пределом дневного расстояния для блокады. Длина дуги, образованной кораблями, составляла около восьми миль.

"Массачусетс" отправился в 4 часа утра в Гуантанамо за углем. Его станция находилась между Айовой и Техасом. Вспомогательные корабли "Глостер" и "Виксен" стояли близко к суше и ко входу в гавань, чем крупные суда: "Глостер" - на востоке, а "Виксен" - на западе. Торпедный катер "Эрикссон" находился в компании с флагманом и оставался с ним во время погони, пока ему не было приказано прекратить ее, когда он оказал очень эффективную услугу по спасению заключенных с горящей Бискайи.

Испанские суда быстро вышли из гавани со скоростью, по оценкам, от восьми до десяти узлов, в следующем порядке: "Инфанта Мария Тереза" (флагманский корабль), "Бискайя", "Кристобаль Колон" и "Альмиранте Окендо". Расстояние между этими кораблями составляло около 800 ярдов, а это означает, что с момента, когда первый из них стал виден в верховьях ла-манша, до выхода последнего из гавани прошло всего около двенадцати минут. Вслед за "Окендо" на расстоянии около 1200 ярдов шел эсминец-торпедоносец "Плутон", а за ней "Фурор". Броненосные крейсера, так быстро, как только могли, привели в действие свои орудия, открыли энергичный огонь по судам блокады и вышли из ла-манша, окутанные дымом от своих орудий.

Матросы наших кораблей, стоявших перед портом, находились в воскресных "каютах для досмотра". Сигнал был подан одновременно с нескольких судов, прозвучали "Вражеские корабли убегают" и "общая каюта". Матросы с радостными криками бросились к своим орудиям, и примерно через восемь минут корабли, чьи орудия контролировали вход, открыли огонь. "Нью-Йорк" развернулся и направился к убегающему флоту, подав сигнал "Приближайтесь ко входу в гавань и атакующим судам", и постепенно увеличивал скорость, пока к концу погони не развил скорость в шестнадцать с половиной узлов и быстро не приблизился к "Кристобалю Колону". Он ни разу не находился в пределах досягаемости тяжелых испанских кораблей, и его единственной ролью в стрельбе было принять на себя безраздельный огонь фортов при прохождении входа в гавань и произвести несколько выстрелов по одному из эсминцев, который, как считалось в тот момент, пытался уйти с "Глостера".

Испанские суда, выйдя из гавани, развернулись колонной на запад, увеличив скорость до полной мощности своих двигателей. Тяжелые корабли блокады, которые приблизились к Морро в момент появления противника и на максимальной скорости, открыли быстрый, продолжительный и разрушительный огонь, который быстро подавил огонь испанцев и заставил их замолчать. Начальная скорость испанцев быстро пронесла их мимо судов блокады, и сражение переросло в погоню, в которой "Бруклин" и "Техас" с самого начала имели преимущество в позиции. "Бруклин" сохранил это лидерство. "Орегон", двигавшийся с поразительной скоростью с самого начала соревнований, занял первое место. "Айова" и

"Индиана", проделавшие хорошую работу и не имевшие скорости других кораблей, получили от меня указание последовательно, примерно в то же время, когда "Бискайя" была выброшена на берег, прекратить преследование и возобновить работу блокадной станции. "Виксен", поняв, что натиск испанских кораблей поставит ее между двух огней, выбежала за пределы нашей собственной колонны и оставалась там во время боя и погони.

Умелое управление и доблестные боевые действия "Глостера" вызвали восхищение каждого, кто был свидетелем этого, и заслуживают благодарности военно-морского министерства. Это быстроходное и совершенно незащищенное вспомогательное судно - яхта Corsair - с хорошей батареей легких скорострельных орудий. Она находилась примерно в двух милях от входа в гавань, к югу и востоку, и немедленно направилась туда, открыв огонь по большим кораблям. Предвидя появление "Плутона" и "Фурора", "Глостер" сбавил ход, тем самым быстрее набирая высокое давление пара, и когда вышли эсминцы, он устремился к ним на полной скорости и смог сблизиться с близкого расстояния, где его огонь был точным, смертоносным и большим объемом.

Во время этого боя "Глостер" попал под огонь батареи Socapa. В течение двадцати минут с того момента, как они вышли из гавани Сантьяго, карьере "Фурора" и "Плутона" был положен конец, а две трети их людей погибли. "Фурор" был выброшен на берег и затонул в прибое, "Плутон" через несколько минут затонул на большой глубине. Эсминцы, вероятно, сильно пострадали от огня вспомогательных батарей линкоров "Айова", "Индиана" и "Техас", но я думаю, что очень значительным фактором в их быстром уничтожении был огонь с близкого расстояния батареи "Глостера". После спасения выживших с эсминцев "Глостер" оказал отличную услугу по высадке десанта и обеспечению безопасности экипажа "Инфанты Марии Терезии".

Метод бегства, примененный испанцами — все двигались в одном направлении и в строю - устранил все тактические сомнения или трудности и ясно показал обязанность каждого корабля Соединенных Штатов сблизиться, немедленно вступить в бой и преследовать. Это было сделано быстро и эффективно.

Как уже говорилось, первый натиск испанской эскадры пронес ее мимо нескольких кораблей блокады, которые не смогли сразу развить максимальную скорость, но они сильно пострадали при прохождении, а "Инфанта Мария Тереза" и "Окендо", вероятно, были подожжены снарядами, выпущенными в течение первых пятнадцати минут боя. Впоследствии стало известно, что пожарная магистраль "Инфанты Марии Терезы" была перерезана одним из наших первых выстрелов и что она не смогла потушить пожар. Из-за большого количества дыма, поднимавшегося с их нижних палуб в кормовой части, эти суда отказались как от боя, так и от бегства и пристали к берегу - "Инфанта Мария Тереза" примерно в 10:15 утра в Нима-Нима, в шести с половиной милях от входа в гавань Сантьяго, и "Альмиранте Окендо" примерно в 10:30 утра в Хуан-Гонсалесе, в семи милях от порта.

"Бискайя" все еще находился под огнем ведущих кораблей; "Кристобаль Колон" вырвался вперед, возглавляя погоню, и вскоре вышел за пределы досягаемости орудий ведущих американских кораблей. Вскоре "Бискайя" была подожжена, и в 11.15 утра она повернула к берегу и была выброшена на берег в Асеррадеросе, в пятнадцати милях от Сантьяго, яростно горя, а запасы боеприпасов на палубе уже начали взрываться.

Когда примерно в десяти милях к западу от Сантьяго "Индиане" подали сигнал возвращаться ко входу в гавань, а в Асеррадеросе "Айове" подали сигнал "возобновить блокирование станции". "Айова" при содействии "Эрикссона" и "Хист" вывезла экипаж "Бискайи", в то время как "Гарвард" и "Глостер" спасли экипаж "Инфанты Марии Терезы" и "Альмиранте Окендо".

Это спасение пленных, включая раненых, с горящих испанских судов стало одним из самых смелых и доблестных поступков того дня. Корабли горели носом и кормой, их орудия и резервные боеприпасы взрывались, и было неизвестно, в какой момент огонь доберется до основных складов. Вдобавок к этому прямо у испанских кораблей бушевал сильный прибой. Но никакой риск не удерживал наших офицеров и матросов, пока их гуманная работа не была завершена.

Теперь из испанских кораблей остался только "Кристобаль Колон", но он был их лучшим и быстроходным судном. Вынужденный из-за сложившейся ситуации прижиматься к кубинскому побережью, он имел единственный шанс спастись, используя превосходящую и устойчивую скорость. Когда "Бискайя" вышла на берег, "Колон" находился примерно в шести милях впереди "Бруклина" и "Орегона", но ее рывок закончился, и теперь американские корабли догоняли ее. За Бруклином и Орегоном последовали Техас, Виксен и Нью-Йорк. С мостика "Нью-Йорка" было очевидно, что все американские корабли постепенно обходят "Колон" и что у него нет шансов спастись.

В 12:50 "Бруклин" и "Орегон" открыли огонь и увеличили дальность стрельбы, тяжелый снаряд "Орегона" разорвался за его пределами, а в 1:10 он сдался, не сделав больше ни единого выстрела, спустил флаг и сошел на берег в Рио-Торквино, в сорока восьми милях от Сантьяго. Капитан. Кук с "Бруклина" поднялся на борт, чтобы принять капитуляцию. Пока его лодка была рядом, я поднялся на борт "Нью-Йорка", получил его отчет и поручил "Орегону" заняться затонувшим кораблем, чтобы спасти его, если возможно, и распорядился перевести заключенных на "Резолют", который последовал за преследователем.

Коммодор Шлей, начальник штаба которого поднялся на борт, чтобы принять капитуляцию, распорядился, чтобы все их личные вещи остались у офицеров. Этот приказ я не изменял. "Кристобаль Колон" не пострадал от нашего обстрела и, вероятно, не сильно пострадал от выброса на берег, хотя он мчался к берегу на большой скорости. Берег был настолько крутым, что судно оторвалось от берега под действием волн. Но ее морские клапаны были открыты и сломаны, вероломно, я уверен, после капитуляции, и, несмотря на все усилия, она затонула. Когда стало очевидно, что судно не может удержаться на плаву, "Нью-Йорк корпусс" вытолкнул его на берег, для чего форштевень "Нью-Йорка" был прижат к нему — кораблем управлял капитан. Чедвик проявил замечательную рассудительность — и затонул на мелководье, и его можно спасти. Если бы этого не было сделано, она бы утонула на большой глубине и, несомненно, потерпела бы полную неудачу.

Я расцениваю эту полную и важную победу над испанскими войсками как успешное завершение нескольких недель тяжелой и плотной блокады, настолько жесткой и эффективной в ночное время, что враг был удержан от попытки к бегству ночью и намеренно предпринял попытку при дневном свете. О том, что это было так, мне сообщил командир "Кристобала Колона".

Было установлено с достаточной убедительностью, что "Мерримак", столь доблестно введенный в ла-манш 3 июня, не препятствовал ему. Поэтому я поддерживал блокаду следующим образом:

На линкоры была возложена обязанность, в свою очередь, освещать фарватер. Приблизившись к порту на расстояние от одной до двух миль от "Морро" — в зависимости от состояния атмосферы, — они направили луч прожектора прямо вверх по каналу и устойчиво удерживали его там. Это освещало всю ширину канала на протяжении полумили внутри входа так ярко, что можно было заметить движение небольших лодок.

Когда вся работа была выполнена так хорошо, трудно различать похвалы. Цель блокады эскадры Сервера была полностью достигнута, и каждый человек хорошо выполнил свою роль в этом — коммодор, командовавший второй дивизией, капитаны кораблей, их офицеры и матросы. Огонь линкоров был мощным и разрушительным, и сопротивление испанской эскадры было в значительной степени сломлено почти до того, как они вышли за пределы досягаемости своих собственных фортов. Высокая скорость "Орегона" позволила ей занять переднюю позицию в погоне, и "Кристоваль Колон" не сдавался до тех пор, пока "Орегон" не выпустил мимо нее 13-дюймовый снаряд. Эти характеристики дополняют и без того блестящий послужной список этого прекрасного линкора и высоко оценивают мастерство и тщательность, с которыми поддерживалась его восхитительная эффективность во время службы, беспрецедентной в истории судов такого класса.

Блокирующее положение "Бруклина" на западе дало ей преимущество в погоне, которое она сохраняла до конца, и она использовала свою прекрасную батарею с впечатляющим эффектом. "Техас" и "Нью-Йорк" в течение последнего часа догоняли "Бруклин" и "Орегон", и если бы какая-нибудь авария произошла с "Бруклином" или "Орегоном", они быстро догнали бы "Кристоваль Колон". С того момента, как испанское судно исчерпало свой первый всплеск скорости, результат не вызывал сомнений. Фактически, оно упало намного ниже того, чего от него можно было разумно ожидать. Тщательные измерения времени и расстояния дают среднюю скорость судна с того момента, как оно вышло из устья гавани, до того момента, когда оно пристало к берегу в Рио—Тарквино - 13,7 узла. Ни "Нью-Йорк", ни "Бруклин" не остановились, чтобы включить свой передний двигатель, а бросились в погоню одной парой, набирая обороты, конечно, как можно быстрее во всех котлах. Остановка для включения передних двигателей означала бы задержку преследования на пятнадцать минут - или четыре мили.

Несколько кораблей пострадали, "Бруклин" чаще других, но был нанесен очень незначительный материальный ущерб, самый большой из которых пришелся на борт "Айовы". Наши потери составили одного человека убитым и одного раненого, оба на "Бруклине". Трудно объяснить эту невосприимчивость кораблей к гибели или повреждениям в бою с современными судами лучшего типа; но испанская артиллерия в лучшем случае оставляет желать лучшего, а превосходящая мощь и точность нашего огня быстро заставили людей отойти от орудий и заставили их замолчать. Это подтверждается заявлениями заключенных и наблюдениями. Испанские корабли, когда они выскочили из гавани, были покрыты дымом от их собственных орудий, но он быстро уменьшился в объеме и вскоре почти исчез. Огонь скорострельных батарей линкоров, по-видимому, был чрезвычайно разрушительным. Осмотр севших на мель

судов показывает, что "Альмиранте Окендо" особенно сильно пострадал от этого пожара. Его борта повсюду пробиты, а палубы усеяны обугленными останками тех, кто пал.

У. Т. СЭМПСОН,

Контр-адмирал ВМС США, главнокомандующий военно-морскими силами США, Североатлантическая база. Министр ВМС, Военно-морское министерство, Вашингтон, округ Колумбия

СОЖЖЕНИЕ АЛЬФОНСО XII.

Две батареи замолчали; две канонерские лодки обратились в бегство; "Альфонсо XII", транспорт водоизмещением 5000 тонн, груженный боеприпасами, выброшен на берег и сожжен; таковы были потери Испании во втором сражении при Мариэле в среду, 6 июля. "Ястреб", "Прери" и "Кастин" сражались с ним, уничтожив самый ценный корабль и груз, который "Испанский дерзкий" использовал, чтобы прийти на помощь Гаване после того, как блокирующая эскадра разместилась перед Морро.

"Ястреб" начал сражение во вторник вечером недалеко от Гаваны. Лейтенант Худ отвел свою яхту-эсминец далеко под огонь орудий, чтобы наблюдать за западным подходом к гавани. За двадцать минут до полуночи он достиг восточной границы своего патрулирования, в шести милях к западу от Морро, и пошел в обход, все дальше удаляясь от берега по мере поворота. "Ястреб" еще не закончил облет, когда впередсмотрящий заметил огромный четырехмачтовый пароход, крадущийся в тени берега на четверть мили ближе к пляжу, в миле к западу. Его крик "эй, парус!" предупредил капитана парохода о том, что его обнаружили, и он повернул на крик и яростно помчался к Мэриэл.

Лейтенант Худ погнался за ним в одно мгновение. К востоку в пределах досягаемости находились шесть военных кораблей, но лейтенант Худ хотел заполучить пароход в качестве собственного приза и пустился за ним, не зовя на помощь. Миля за милей два судна удалялись друг от друга, "Ястреб" выжидал, чтобы увести свою добычу подальше от эскадры, прежде чем нанести удар. В двадцати милях от Морро пароход начал удаляться от эсминца. Люди "Ястреба" были на своих постах, и когда лейтенант Худ увидел, что его добыча ускользает из рук, его передние шестифунтовые орудия заговорили. Должно быть, несколько снарядов попали в цель, потому что испанец побежал к мелководью, очевидно, надеясь поймать Ястреба среди камней.

Однако лейтенант Худ вел игру, и малотоннажный "Хок" продолжал стрелять из своих скорострельных орудий и подавать сигналы о помощи с мостика. В двух милях к востоку от Мариэль преследуемый "Испанец" рванулся к узкому входу в гавань, и "джеки" лейтенанта Худа, швырявшие сталь по залитым лунным светом водам, застонали от страха, что он может сбежать. Однако дождь шестифунтовых снарядов расстроил пилота, и убегающий корабль сильно ударился о перекладину с западной стороны входа и прочно застрял. С дикими радостными криками команда "Ястреба" бросилась в шлюпки и поднялась на борт приза, но у поручней парохода стояли стрелки, и щелкающие маузеры отогнали смолян "Ястреба" обратно на их корабль.

"Ястреб" охранял добычу до утра, а затем, увидев, что она быстро садится на мель, помчался обратно в Гавану, чтобы доложить флоту и попросить помощи в ее захвате. "Кастин" был

отправлен на помощь в работах, но береговые батареи открыли огонь по кораблям при их появлении. После двухчасового бесплодного боя "Худ" вернулся на флот для подкрепления. "Прери", укомплектованный резервистами Массачусетса, был отправлен в бой с батареями, и в час дня капитан Трейн занял позицию в двух милях от башни Мартелло и начал обстреливать шестидюймовыми снарядами тауэрскую и песчаную батареи. Десять снарядов заставили замолчать три орудия в башне и заставили артиллеристов отступить за холм в сторону города.

Две канонерские лодки в гавани обстреляли Прерию пятидюймовыми снарядами, но девять снарядов с этого корабля обратили их в бегство и отбросили обратно в город. Заставить замолчать песчаные батареи было труднее, но пятнадцать снарядов справились с этой задачей и, кроме того, разрушили казармы. Пехота в стрелковых окопах, поддерживавшая батареи, была вытеснена пятидюймовыми снарядами с "Кастина", который сделал в течение утра и полудня 250 выстрелов. "Прери" израсходовала тридцать восемь своих шестидюймовых снарядов и около 100 шестифунтовых пушек. "Кастин" и "Хок" захватили пароход, и "Хок" затем доложил флоту в Гаване. Испанское судно было так сильно изрешечено, что название расшифровать не удалось.

ГЕНЕРАЛ МАЙЛЗ ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ На КУБЕ.

13 июля генерал Майлз прибыл на фронт и принял личное командование армией в окрестностях Сантьяго. Переговоры о мирной сдаче города продолжались в течение нескольких дней между генералом Шафтером, командующим американскими войсками, и генералом Торалем из испанской армии, но окончательное соглашение было достигнуто только 16 числа. В этот день были предложены условия сдачи, основными пунктами которых были следующие:

Во-первых, все военные действия должны быть прекращены до заключения соглашения об окончательной капитуляции.

Во-вторых, капитуляция включает в себя все испанские войска и сдачу всего военного имущества в установленных пределах.

В-третьих, перевозка войск в Испанию должна быть обеспечена в кратчайшие возможные сроки, каждое соединение должно быть погружено в ближайшем порту.

В-четвертых, испанские офицеры должны сохранить свое табельное оружие, а рядовые - свою личную собственность.

В-пятых, после окончательной капитуляции испанские вооруженные силы окажут содействие в устранении всех препятствий для судоходства в гавани Сантьяго.

В-шестых, после окончательной капитуляции командующие офицеры должны предоставить полную опись всего оружия и боеприпасов, а также список всех солдат в округе.

В-седьмых, испанскому генералу должно быть разрешено взять с собой военные архивы и записи.

В-восьмых, всем партизанам и испанским иррегулярным формированиям должно быть разрешено остаться на Кубе под честное слово, что они больше не возьмут в руки оружие против Соединенных Штатов, если их должным образом не освободят условно-досрочно.

В-девятых, чтобы испанским войскам было разрешено выступить со всеми военными почестями, сдав свое оружие для дальнейшей утилизации Соединенными Штатами, а американским комиссарам рекомендовать своему правительству вернуть оружие солдат тем, "кто так храбро защищал их".

По условиям этого соглашения юго—восточная оконечность Кубы площадью около 5000 квадратных миль, столица провинции, форты и их тяжелые орудия, а также армия Торалья численностью около 25 000 человек перешли в наше владение.

Церемония, скрепившая капитуляцию Сантьяго, была простой и короткой. Ровно в 9 часов утра все командиры дивизий и бригад и их штабы явились к генералу Шафтеру в его штаб. С генерал-майором Уилером слева от него, генералом Лоутоном и генералом Кентом позади, а остальные офицеры, согласно званию, следовали за ними, маленькая кавалькада в сопровождении отряда конного эскадрона Рафферти объехала подножие холма Сан-Хуан и двинулась на запад по королевской дороге в сторону Сантьяго. Примерно на полпути между американской и испанской линиями стрелковых окопов стоит величественная сейба высотой 125 футов в кроне, диаметром почти 10 футов у ствола и простирающаяся на 50 футов в каждую сторону от полированного ствола дерева. Под этим деревом американцев ждали генерал Тораль и два десятка его офицеров. Когда генерал Шафтер спускался по склону к дереву, генерал Тораль приблизился на несколько футов и приподнял шляпу. Генерал Шафтер ответил на приветствие, и затем по другую сторону живой изгороди, окаймлявшей дорогу, зазвучали быстрые звуки испанского горна, отбивающего ритм марша, и в поле зрения появилась королевская гвардия, построенная по двое. Прежде чем они прибыли на место происшествия, американские кавалеристы выстроились в шеренгу с обнаженными саблями, каждый человек и лошадь были неподвижны.

Испанские солдаты быстро прорвались через брешь в живой изгороди, испанский флаг возглавлял колонну, а два трубача возвещали о наступлении. Солдаты маршировали в отличном порядке, но когда они проходили мимо генерала Шафтера, их глаза переместились влево, и они с любопытством посмотрели на людей, которые всего несколько дней назад служили их мишенями. В королевской гвардии находилось около 200 солдат и офицеров, и небольшое командование, пройдя по всему фронту кавалерийского отряда, совершило контрмарш и, развернувшись в линию, остановилось лицом к американцам, примерно в десяти ярдах от них.

Несколько минут американцы и испанцы смотрели друг на друга молча и неподвижно. Затем два трубача снова протрубили в свои рожки; испанский офицер выкрикнул команду; испанские знамена опустились в салюте; испанские солдаты обнажили оружие, а испанские офицеры сняли шляпы. Быстрая, лаконичная команда капитана Бретта "Взять сабли" разнеслась над холмом, и американские мечи сверкнули, когда сабли устремились вниз. Генерал Шафтер снял шляпу, и его офицеры последовали его примеру. На полминуты — а казалось, дольше — две небольшие группы вооруженных людей, каждая из которых представляла армию, замерли в "салюте". Испанский офицер, командовавший королевской гвардией, первым нарушил молчание. Его команды привели испанцев в движение, и они снова прошли перед американцами, которые оставались при "настоящем вооружении" до тех пор, пока не прошел последний гвардеец. Испанцы промаршировали назад к Сантьяго несколько сотен футов,

остановились, сложили свои винтовки "Маузер", а затем, без оружия и флагов, вышли из рядов американцев и разбили лагерь на холме к западу от холма Сан-Хуан.

Формальная часть разбирательства завершилась этой небольшой церемонией, затем испанские и американские офицеры встретились, пожали друг другу руки и обменялись комплиментами. Пока королевская гвардия и американские кавалеристы салютовали друг другу, 5-й армейский корпус стоял на гребне бруствера стрелковых окопов, образовав тонкую линию длиной почти в семь миль. Лишь небольшая часть армии могла видеть группы испанских и американских солдат под деревом сейба, но каждый из мужчин, которые сражались и жили в наших окопах, напрягал зрение, чтобы, по возможности, увидеть события, положившие конец военным действиям в этой части Кубы.

НА ПУТИ В САНТЬЯГО.

После нескольких минут неформальной беседы генерал Тораль и его офицеры сопровождали генерала Шафтера и его семью военнослужащих в Сантьяго.

Появление генерала Шафтера вряд ли можно было назвать триумфальным шествием победителя, поскольку процессия американцев и испанцев тихо и ненавязчиво двигалась по булыжнику и голубым плитам, вокруг небольших общественных площадок и скверов, мимо древних церквей и живописных руин того, что когда-то было домами богатых испанцев, по узким улочкам, похожим на переулки, к Пласа де Армас, с обращенными к площади собором, Кафе де Венус, дворцом генерал-губернатора и клубом Сан-Карлос.

Генерал Торал первым соскочил с лошади и, протянув руку, приветствовал генерала Шафтера во "дворце". Это было через несколько минут после 10 часов.

Здесь генерал Шафтер принял местный совет и других гражданских чиновников, а губернатор, стремясь должным образом оказать почести, устроил ленч для генерала и его главных офицеров.

К этому времени 9-й пехотный полк вышел на площадь и выстроился в две шеренги лицом к дворцу, а оркестр занял свое место в центре широкой аллеи, а американские офицеры сгруппировались впереди. Всего за пять минут до полудня генерал Шафтер, генерал Уилер, генерал Лоутон и генерал Кент вышли из дворца и присоединились к офицерам, а лейтенант Майли, главный помощник генерала Шафтера, капитан Маккиттрик и лейтенант Уилер, сын генерала Уилера, пробрались по красной черепице крыши к флагштоку. Затем последовали пять долгих, выжидательных, молчаливых минут. Некоторые офицеры держали в руках часы, но большинство из них не сводили глаз с маленького комочка овсянки, уютно устроившегося у подножия флагштока. Генерал Маккиббен, его длинная, стройная фигура была выпрямлена, он стоял перед 9-м полком, и когда с башни прозвучал первый удар колокола на соборных часах, он резко обернулся и отдал команду "Предъявить оружие". Последнее слово было произнесено как раз в тот момент, когда флаг, развеваясь, взметнулся к верхушке древка, и грохот рук, встретившихся с прикладами винтовок, и свист взмахов сабель сопровождали вступительные ноты "Звездно-полосатого знамени", и каждый присутствующий американец отдал честь нашему флагу, когда ветер подхватил складки и развеял красно-бело-синее полотнище под кубинским солнцем и над завоеванным испанским городом.

И когда стихли последние ноты национального гимна и приклады винтовок на мостовой были приведены в "порядок", а сабли убраны в ножны, мужчины, чьи лица и шеи были темно-коричневыми, щеки худыми, конечности дрожали от усталости и кубинской лихорадки, чьи головы были забинтованы, прикрывая раны, нанесенные испанскими пулями, но которые стояли прямо, высоко подняв головы, не постыдились вытереть с глаз слезы, которые выступили, когда "старая слава" простерла свои защитные складки над Сантьяго.

ЖЕЛТАЯ ЛИХОРАДКА В АРМИИ ШАФТЕРА.

Желтая лихорадка вспыхнула в армии 11 июля, распространяясь среди солдат с ужасающей быстротой, но, к счастью, она оказалась легкой формы, и в сравнительно немногих случаях страшная болезнь приводила к летальному исходу.

Когда производилась высадка в Байкири и Хурагуа, требовалось много людей, возможности были ограничены, а высадка производилась в большой спешке. Ни одно здание не было сожжено, ни один колодец не был засыпан, ни одна раковина не была вырыта. Несколько молодых энтузиастов-спидистов захватили красивые, увитые виноградом коттеджи в качестве штаб-квартир для своих генералов. Кубинцы и американцы заполняли пустые дома города, не спрашивая об их прошлом.

Майор Легард, отвечающий за пляжный госпиталь, при приземлении настоятельно рекомендовал сжечь все здания. Майор Вуд и полковник Поуп одобрили это, но рекомендация была отклонена по умолчанию. Лагерь был разбит в самом центре испанского городка, и первым заболевшим желтой лихорадкой был Берр Макинтош, актер и газетчик, который ночевал в штаб-квартире генерала Бейтса в одном из упомянутых симпатичных коттеджей, увитых виноградом.

Доктор Лессер и его жена, "сестра Беттина", нью-йоркские работники Красного Креста, были одними из первых жертв, а Кэтрин Уайт, еще одна медсестра Красного Креста, также была отправлена в лагерь для больных желтой лихорадкой.

После обнаружения лихорадки были приложены все усилия, чтобы проверить ее и искоренить, но лагерь уже был заражен ею. Пациентов выносили из хирургических отделений госпитальных палаток и из палаток офицеров, одной из жертв был генерал Даффилд.

Из-за нездорового климата и отсутствия надлежащего питания, медикаментов, одежды и крова армии вскоре угрожала эпидемия болезней, и было очевидно, что задержание войск на Кубе приведет к гибели тысяч храбрецов. Чтобы власти в Вашингтоне могли досконально разобраться в ситуации, офицеры 5-го армейского корпуса объединились в следующем письме, адресованном генералу Шафтеру и переданном им военному министерству в Вашингтоне:

Мы, нижеподписавшиеся офицеры, командующие различными бригадами, дивизиями и т.д. оккупационной армии на Кубе, придерживаемся единодушного мнения, что эта армия должна быть немедленно выведена с острова Куба и отправлена в какую-либо точку северного морского побережья Соединенных Штатов; что это может быть сделано без опасности для народа Соединенных Штатов; что желтая лихорадка в армии в настоящее время не является эпидемией; что есть лишь несколько спорадических случаев; но что малярийная лихорадка вывела армию из строя до такой степени, что ее боеспособность снижена, и что она находится в тяжелом

состоянии. состояние, которое будет практически уничтожено эпидемией желтой лихорадки, которая, несомненно, разразится в ближайшем будущем.

Мы знаем из отчетов компетентных офицеров и из личных наблюдений, что армия не в состоянии продвинуться вглубь страны и что нет никаких возможностей для такого продвижения, если оно будет предпринято, и что оно не могло быть предпринято до тех пор, пока не стало слишком поздно. Более того, лучшие медицинские авторитеты острова говорят, что с нашим нынешним оборудованием мы не смогли бы жить во внутренних районах в сезон дождей без потерь от малярии, которая почти так же смертельна, как желтая лихорадка.

Эта армия должна быть двинута немедленно или погибнуть. Поскольку теперь армия может быть безопасно перемещена, лица, ответственные за предотвращение такого перемещения, будут нести ответственность за ненужную гибель многих тысяч людей.

Наше мнение является результатом тщательного личного наблюдения, а также основано на единодушном мнении наших армейских медиков, которые абсолютно понимают ситуацию.

Дж. ФОРД КЕНТ, генерал-майор добровольцев, командующий Первой дивизией Пятого корпуса.

Дж. К. БЕЙТС, генерал-майор добровольцев, временно командующий дивизией.

АДНА Р. ЧАФФИ, генерал-майор, командующий Третьей бригадой Второй дивизии.

СЭМЮЭЛ С. САМНЕР, бригадный генерал добровольцев, командующий Первой кавалерийской бригадой.

УИЛЛ ЛАДЛОУ, бригадный генерал добровольцев, командующий Первой бригадой Второй дивизии.

АДЕЛЬБЕРТ ЭЙМС, бригадный генерал добровольцев, командующий Третьей бригадой Первой дивизии.

ЛЕОНАРД Вуд, бригадный генерал добровольцев, командующий городом Сантьяго.

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ, полковник, командующий Второй кавалерийской бригадой.

В результате в кратчайшие сроки были завершены мероприятия по переброске войск в Соединенные Штаты, и иммуны были отправлены в Сантьяго для несения гарнизонной службы на своих местах.

ЕЩЕ ОДНО МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

Утром 18 июля суда, несшие блокадную службу в окрестностях Мансанильо, подошли к гавани этого города с запада. "Уилмингтон" и "Хелена" вошли в северный канал по направлению к

городу, "Скорпион" и "Оцеола" - в средний канал, а "Хист", "Хорнет" и "Вампатак" - в южный канал, причем движение судов было рассчитано так, чтобы они оказались в пределах эффективной досягаемости судна примерно в один и тот же момент. На испанские суда в гавани было совершено нападение, и после преднамеренного пожара, продолжавшегося около двух с половиной часов, были сожжены и уничтожены три транспорта: "Эль Глория", "Хосе Гарсия" и "Ла Пурриссима Консепсьон".

Понтон, служивший охраной гавани и складом боеприпасов, был сожжен и взорван. Три канонерские лодки были уничтожены, еще одна была выброшена на берег и потоплена, а еще одна была полностью выведена из строя. Жертв на борту ни одного из американских судов не было. Потери Испании составили более 100 человек убитыми и ранеными, и канонерские лодки ВМС Испании "Дельгадо", "Гуантанамо", "Остралия", "Континола" и "Гардиан" были отправлены присоединиться к флоту Сервера.

ГЛАВА LI.

ВТОРЖЕНИЕ В ПУЭРТО-РИКО.

Высадка генерала Майлза в Понсе — Коренные пуэрториканцы встретили американскую армию радостными криками и распростертыми объятиями — Известие о мире останавливает битву и завершает военные действия.

Военная экспедиция Соединенных Штатов под командованием генерал-майора Нельсона А. Майлза, командующего армией Соединенных Штатов, покинула залив Гуантанамо вечером в четверг, 21 июля, и была успешно высажена в порту Гуаника, остров Пуэрто-Рико, 25 июля.

Корабли внезапно покинули залив Гуантанамо в четверг вечером во главе с "Массачусетсом" под командованием капитана Ф. Дж. Хиггинсона. Капитан Хиггинсон руководил военно-морской экспедицией, в состав которой входили "Колумбия", "Дикси", "Глостер" и "Йель". Генерал Майлз находился на борту последнего названного судна. Войска находились на борту транспортов "Нуэсес", "Лампасас", "Команч", "Рита", "Юнионист", "Стиллуотер", "Сити оф Мейкон" и "Специалист".

Как только экспедиция была в полном разгаре, генерал Майлз созвал совещание, объявив, что он полон решимости идти не мимо мыса Сан-Хуан, а через пролив Мона, высадиться там, застать испанцев врасплох и обмануть их военные власти. Затем курс был изменен, и "Дикси" был отправлен предупредить генерала Брука, который направлялся со своей армией из Соединенных Штатов, с инструкциями встретиться с генералом Майлзом на мысе Сан-Хуан.

Рано утром 25 июля "Глостер" под командованием капитан-лейтенанта Уэйнрайта вошел на пароходе в гавань Гуаника, чтобы произвести рекогносцировку местности. Пока флот ждал снаружи, доблестная маленькая боевая яхта отважилась на мины, которые, как предполагалось, были в гавани, и обнаружила, что у берега глубина составляет пять морских саженей.

Испанцы были застигнуты врасплох. Почти первым, что они узнали о приближении армии вторжения, было сообщение, содержащееся в выстреле из пушки с "Глостера", в котором

требовалось, чтобы испанцы спустили свой флаг, который развевался на флагштоке перед блокгаузом, стоящим к востоку от деревни.

Первая пара трехфунтовых снарядов была выпущена по холмам справа и слева от залива, намеренно избегая города, чтобы снаряды не ранили женщин и детей. Затем "Глостер" лег в дрейф примерно в 600 ярдах от берега и спустил на воду катер со скорострельным ружьем "Кольт" и тридцатью матросами под командованием лейтенанта Хузе, который был отправлен на берег, не встретив сопротивления.

После этого квартирмейстер Бек приказал Йомену Лейси спустить испанский флаг, что и было сделано, а затем они подняли на флагштоке первый флаг Соединенных Штатов, который развевался над землей Пуэрто-Рико.

ИСПАНЦЫ ОТКРЫВАЮТ ОГОНЬ.

Внезапно около тридцати испанцев открыли огонь из винтовок маузера по американской стороне. Лейтенант Хузе и его люди ответили с большой отвагой, пистолет Кольта сработал эффективно.

Почти сразу после того, как испанцы открыли огонь по американцам, "Глостер" открыл огонь по врагу всеми своими трех- и шестифунтовыми орудиями, какие только могли быть пущены в ход, обстреливая город, а также сбрасывая снаряды на холмы к западу от Гуаники, где было видно несколько испанских кавалеристов, спешащих к месту высадки американцев.

Затем лейтенант Хузе построил небольшой форт, который он назвал Форт Уэйнрайт, и натянул колючую проволоку на улице перед ним, чтобы отразить ожидаемую атаку кавалерии. Лейтенант также вскинул Кольт и подал сигнал о подкреплении, которое было отправлено с "Глостера".

Вскоре несколько испанских кавалеристов присоединились к тем, кто сражался на улице Гуаники, но Жеребенок убил четверых из них. К тому времени "Глостер" вышел на прицел города и блокгауза, и все его орудия изрыгали огонь, а врач и казначей помогали обслуживать орудия.

Вскоре после этого на холмах к западу были замечены скачущие галопом кавалеристы в белых мундирах, а пехотинцы спешили вдоль заборов из города.

К 9:45, за исключением нескольких выстрелов партизан, город был захвачен, и враг был изгнан из его окрестностей. Медсестры Красного Креста на Лампасах и отряд регулярных войск были первыми, кто сошел с транспортных.

После того, как лейтенант Хузе захватил это место, он развернул свой небольшой отряд в пригороде. Но вскоре он был поддержан регулярными войсками, за которыми последовала рота С 6-го Иллинойского полка, а затем другие войска в быстрой последовательности. Все лодки военных моряков и транспорты использовались для высадки войск, каждый паровой катер буксировал четыре или пять лодок, груженных солдатами. Но все шло организовано и в соответствии с планами генерала Майлза. Последний сошел на берег около полудня, остановившись, чтобы подняться на борт "Глостера" и поблагодарить капитан-лейтенанта Уэйнрайта за его доблестный поступок.

В среду, 27 июля, "Уосп", "Аннаполис" и "Дикси" вышли из порта Гуаника в Понсе, готовые, в случае необходимости, обстрелять город. Оса прилетела первой, и она обнаружила, что жители города ждут ее, так как известие о ее приезде пришло раньше нее. Испанский гарнизон численностью 350 человек был парализован страхом и хотел сдаться или уйти, но полковник Сан-Мартин, который командовал, заявил, что он не может сдаться.

"Уосп" подплыл вплотную к берегу, нацелив все свои орудия на город, и обнаружил вместо врага, готового дать сражение, огромное скопление людей, ожидающих их прибытия. Лейтенант Уорд и старший офицер Уэллс отправили энсина Роуланда Куртина с четырьмя людьми на берег с флагом перемирия. Они заподозрили предательство со стороны испанцев, и артиллеристы "Уоспа" были готовы открыть огонь по первому сигналу. Энсин Куртин направился к берегу, как будто у него не было никаких подозрений в предательстве, и когда он сошел с лодки, люди столпились вокруг него, навязывая подарки ему и его людям и приветствуя их восторженными возгласами.

Испанскому командующему было отправлено сообщение с требованием немедленной и безоговорочной капитуляции города, и энсин Куртин вернулся на "Уосп" за инструкциями. Вскоре был получен ответ от полковника Сан-Мартина, предлагавший сдаться на условиях, что гарнизону будет разрешено уйти; что гражданское правительство останется в силе; что полиции и пожарной команде будет разрешено патрулировать без оружия и что капитан порта не должен быть взят в плен. Он также поставил условие, что американские солдаты не должны выходить из города в течение сорока восьми часов.

Коммандер Дэвис, которому не терпелось завершить капитуляцию, принял эти условия, и закованные в броню солдаты и полицейские скрылись в горах. Испанцы оставили после себя 150 винтовок и 14 000 патронов.

Лейтенант Хейнс, командовавший морской пехотой "Дикси", сошел на берег и под одобрительные крики людей поднял американский флаг над таможенной в порту Понсе. После этого лейтенант Мердок и хирург Хейскелл сели в экипаж и поехали в сам город, расположенный в двух милях от них, где их встретили бурными овациями. Улицы были заполнены мужчинами, женщинами и детьми, белыми и черными. Все танцевали вверх-вниз и кричали: "Да здравствуют лос Американо!", "Да здравствует Пуэрто-Рико Либре!"

Владельцы магазинов предложили офицерам весь свой запас и заявили, что ни за что не возьмут платы. На площади Правосудия люди сорвали деревянную позолоченную корону и растоптали бы ее, если бы полицейские не вмешались и не сохранили ее в качестве сувенира.

Когда генерал Уилсон приземлился, пожарные выстроились в очередь, чтобы встретить его, и местный оркестр заиграл "Звездно-полосатое знамя". Все сняли шляпы и зааплодировали. Здание таможни было принято за американский штаб. В течение дня высадились войска Второго и Третьего висконсинских и Шестнадцатого пенсильванских полков.

Когда корабли прибыли, все люди, у которых были небольшие лодки, подплыли к ним и предложили управлять ими. Генерал Уилсон сразу же приступил к ознакомлению с положением дел. Он немедленно послал людей в город и поставил часовых у каждого иностранного консульства. Он также выделил отряд солдат для охраны дорог.

Генерал Уилсон и генерал Майлз согласились, что условия капитуляции, касающиеся передвижения войск, не являются обязательными.

Несмотря на прибытие войск, празднование в городе продолжалось. Все испанские магазины были закрыты, но пуэрториканцы и иностранцы держали двери открытыми. Как женщины, так и мужчины были одеты в свои лучшие наряды.

МАЙЛЗ ДЕЛАЕТ СВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

В 10 часов генерал Майлз обратился к жителям со своим воззванием следующего содержания:

В ходе ведения войны против королевства Испания народом Соединенных Штатов во имя свободы, справедливости и человечности его вооруженные силы прибыли, чтобы оккупировать остров Пуэрто-Рико. Они приходят со знаменами свободы, вдохновленные благородной целью, чтобы искать врагов нашего правительства и ваших и уничтожить или захватывать в плен всех, кто оказывает вооруженное сопротивление. Они приносят вам заботливые руки свободного народа, величайшей силой которого являются справедливость и человечность по отношению ко всем живущим в их рядах. Следовательно, они освобождают вас от ваших прежних политических связей, и мы надеемся, что за этим последует ваше радостное принятие правительства Соединенных Штатов.

Главной целью американских вооруженных сил будет свержение вооруженных властей Испании и предоставление народу вашего прекрасного острова максимальной свободы, соответствующей этой военной оккупации. Они пришли не для того, чтобы воевать с народом страны, который веками подвергался угнетению, а, напротив, они обеспечивают защиту не только вам самим, но и вашей собственности, способствуют вашему процветанию и даруют иммунитеты и благословения наших просвещенных и либеральных институтов и правительства.

В их цель не входит вмешательство в существующие законы и обычаи, которые являются полезными для людей, при условии, что они соответствуют правилам военного управления, порядка и справедливости. Это не война на опустошение, а война, направленная на то, чтобы дать всем, находящимся под контролем вооруженных и военно-морских сил, преимущества и благословения просвещенной цивилизации.

Во второй половине дня генерал Майлз и его штаб были приглашены в мэрию на встречу с городскими властями. Ратуша была окружена огромной толпой людей, а в парке дислоцировался оркестр. Когда появились экипажи генерала Майлза и его штаба, оркестр заиграл "Смотрите, герой-победитель идет". Генерал Майлз появился на балконе городской ратуши и снял шляпу. Толпа бурно приветствовала его, и оркестр заиграл "Звездно-полосатое знамя", "Маршируя по Джорджии" и другие патриотические песни.

Генерал Майлз поговорил с чиновниками и велел им оставаться на своих постах. Он сказал, что хочет, чтобы все шло так же, как раньше, но не должно быть притеснений. Он повторил слова своего воззвания и сказал, что испанцы, у которых есть оружие, должны сдать его; в противном случае на них будут смотреть как на бандитов, а не как на солдат, и обращаться с ними соответственно.

5 августа город Гуаяма, главный порт на юго-восточном побережье, был захвачен после острой перестрелки с 400 испанцами. 4-й Огайский полковник Койт и 3-й Иллинойский полковник

Беннитт с двумя динамитными пушками, все под командованием генерала Хейнса, составили экспедицию, которая двинулась на город из штаба в Арройо. Когда американцы достигли точки примерно в трех милях от последнего места, они были жестоко атакованы как с правого, так и с левого флангов. Войска полковника Койта из Огайо, возглавлявшие наступление, были великолепно вооружены и проделали впечатляющую работу против врага.

Испанцам на какое-то время удалось спрятаться за баррикадами, но вскоре американцы добрались до них и открыли в их сторону ужасающий огонь. Испанцы не могли долго выдерживать этот огонь, и вскоре они отступили.

Когда американские войска вошли в город, они обнаружили, что он практически опустел. Все дома были закрыты, а полк Огайо поднял свои знамена над ратушей.

Вскоре вокруг вторгшихся войск собралась толпа горожан, которые с энтузиазмом приветствовали их. Пока шла эта демонстрация, вернулись испанцы, предприняв массированную атаку на город с севера.

Четвертый полк "Огайо" был отправлен вступить в бой с противником, и в течение следующих двух часов между двумя частями войск шел жаркий бой.

Наконец американцы установили две динамитные шашки, и было произведено пять выстрелов. Это полностью заставило противника замолчать, и он отступил, оставив город во владении наших войск.

Коамо был взят в плен 9 августа после лихого боя, в котором 16-я пенсильванская добровольческая армия одержала победу, удержав лидерство в наступлении генерала Уилсона на город. Перестрелка с аванпостами противника началась в 8:30 утра. Американские войска были вооружены винтовками Крага-Йоргенсена и поддерживались артиллерией. Они с воодушевлением вступили в бой под присмотром генерала Эрнста и разгромили врага, убив двенадцать из них, включая испанского командира, полковника Иллера, захватив город и взяв 200 пленных. Никто из американцев не погиб, но шестеро были ранены, один серьезно.

Войска генерала Уилсона уничтожили испанские батареи на высотах напротив Айбонито в пятницу, 12 августа, после блестящего наступления артиллерии. Первый выстрел батареи был произведен с дистанции 2300 ярдов, что заставило замолчать испанские орудия. Затем часть батареи под командованием лейтенанта Джона П. Хейнса из 4-го артиллерийского полка была выдвинута вперед на расстояние 1000 ярдов от стрелковых окопов противника, выбила их оттуда и захватила блокгауз.

Стрельба испанских стрелков и артиллеристов была очень дикой, она достигала американской пехоты на холмах, а не атакующей батареи. Капрал Свенсон из 3-го висконсинского добровольческого полка был убит снарядом, упавшим в гущу висконсинских солдат, и той же ракетой были ранены еще трое.

ВЕСТЬ О МИРЕ ОСТАНАВЛИВАЕТ БИТВУ.

Весть о том, что мир близок, достигла Гуаямы 13 августа как раз вовремя, чтобы прервать сражение. Силы генерала Брука тремя сильными колоннами начали наступление в направлении Кайи, чтобы соединиться там с дивизией генерала Уилсона, которая продвигалась по главной дороге из Понсе в Сан-Хуан.

В трех милях отсюда войска генерала Брука наткнулись на отряд испанцев, занявших мощные укрепления на вершине горы. Легкая батарея В пенсильванской артиллерии сняла с вооружения свои орудия, зарядила их снарядами и только что получила приказ начать стрельбу, когда по военному телеграфу на поле боя было получено сообщение от генерала Майлза, объявляющего о заключении мира. Батарею немедленно был дан сигнал прекратить боевые действия, к удивлению всех солдат, которые были настроены на бой. Весть о том, что война окончена, быстро распространилась среди солдат, вызвав всеобщее разочарование, поскольку офицерам ничего не оставалось, как оставить сражение без боя и вывести свои войска. Все вернулись в свой бывший лагерь в Гуаяме.

Подписание мирного договора Соединенными Штатами и Испанией произошло слишком рано, чтобы удовлетворить командование армии вторжения в Пуэрто-Рико. Их планы были составлены идеально и почти выполнены. Одновременное продвижение четырех дивизий к Сан-Хуану было прервано в самый разгар успешного продвижения. Если бы это можно было осуществить так, как планировалось, это стало бы бесценным уроком для пуэрториканцев, подавив все существующие происпанские настроения и сделав американскую оккупацию и управление островом сравнительно простым делом.

Генерал Майлз чувствовал это и сожалел, что ему не позволили завершить виртуозное военное движение, столь тщательно начатое и столь успешно продвигаемое вперед. Оккупация Пуэрто-Рико закончилась для американцев потерей двух человек убитыми и тридцати семи ранеными.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАПИТУЛЯЦИЯ МАНИЛЫ.

Высадка генерала Мерритта в Маниле—Немецкий флот предупрежден адмиралом Дьюи—Острова Ладроне—Ожесточенное сражение в темноте и шторме—Иностранные военные корабли уведомят о нападении—Совместная атака Дьюи и Мерритта —Город сдается.

Тем временем далеко на Филиппинах адмирал Дьюи поддерживал репутацию, созданную им в начале военных действий. После битвы при Маниле в водах Тихого океана осталось всего три испанских военных корабля. Один из них находился в сухом доке в Гонконге, а два других скрывались в водах Филиппинской группы. Адмирал отправил канонерскую лодку "Конкорд" и крейсер для обнаружения и уничтожения двух испанских судов. "Конкорд" вскоре обнаружил "Аргос", и после ожесточенного сражения, длившегося тридцать минут, испанский корабль был потоплен со всеми находившимися на борту и развевающимися флагами. На "Конкорде" не погиб и не пострадал ни один человек, и судно не получило никаких повреждений.

Первая американская армия, отправившаяся к чужим берегам, покинула Сан-Франциско 25 мая. В 4 часа пополудни бригадный генерал Андерсон просигналил из Австралии, чтобы города Пекин и Сидней начали наступление. Сигнал был замечен с берега, и ожидающие толпы бурно приветствовали его. На борту транспортов не теряли времени даром. Экипажи работали с энтузиазмом, и через короткое время якоря были подняты, и суда тронулись в путь. Затем 2500 солдат, нетерпеливо ожидавших сигнала к старту, взобрались на снасти и заполонили все большие корабли, крича и подбадривая как сумасшедшие.

Большие транспорты медленно плыли вдоль кромки воды, и толпа на берегу спешила вперед, чтобы не выпускать их из виду. Шум, производимый патриотически настроенными гражданами на море и берегу, был чем-то ужасным. Казалось, что в городе гудят все паровые свистки, стреляют пушки, и шум продолжался целый час.

На трех транспортах находилось около 2500 человек. Экспедиция, находившаяся под командованием бригадного генерала Андерсона, состояла из четырех рот регулярных войск под командованием майора Роба; Первого полка калифорнийских добровольцев полковника Смита; Первого полка Орегонских добровольцев полковника Саммерса; батальона из пятидесяти единиц тяжелой артиллерии майора Гэри; около 100 моряков и одиннадцати морских офицеров. Флот был загружен припасами на год и перевозил большой груз боеприпасов и военно-морских припасов для флота адмирала Дьюи.

Четыре транспорта с примерно 4000 человек на борту прошли через Золотые ворота вскоре после часа дня 15 июня, среди сцен огромного энтузиазма и патриотизма, не имеющих себе равных в истории Сан-Франциско. Четырьмя судами, перевозившими войска, были "Чайна", "Колон", "Зеландия" и "Сенатор". Флот сопровождало по заливу большое количество буксиров и пароходов bay.

Было несколько минут первого, когда "Чайна" подняла "Блю Питер" и предупредила флот, чтобы он трогался в путь. Сенатор соскользнул в ручей и выпрямился, готовясь к переправе в Манилу. Достигнув ручья, "Чайна" снялась со своей якорной стоянки и направилась вниз по заливу, за ней последовали "Колон" и "Зеландия", а также длинная вереница буксиров и пароходов.

В 13.30 "флит" покинул Ломбард-стрит и через несколько минут проплыл мимо пристани Мейггса. Тысячи людей, привлеченных свистками, бросились к наблюдательным пунктам на фасаде города и приветствовали отплывающие лодки. Солдаты столпились у форта на мысе, кричали и размахивали шляпами, когда эскадрон выезжал через Золотые ворота. За пределами бара стоял сильный туман, и к двум часам ночи транспорты затерялись в тумане.

На "Чайна", флагманский корабль генерала Грина и самое большое, прекрасное и быстроходное судно флота, был приписан Первый полк добровольческой пехоты штата Колорадо численностью 1022 человека; половина батальона Восемнадцатого пехотного полка Соединенных Штатов численностью 150 человек и отряд инженеров Соединенных Штатов численностью 20 человек.

Колон взял с собой четыре роты Двадцать третьей пехотной дивизии и две роты Восемнадцатой пехотной дивизии регулярной армии, а также батарею А артиллерии Юты. В батарее было двенадцать человек, а в каждой пехотной роте семьдесят пять человек, не считая офицеров, что составляло менее 600 военных пассажиров. Управление кораблем было передано подполковнику Кларенсу У. Бейли из Восемнадцатого пехотного полка.

На "Зеландии" находились десятый полк пенсильванских добровольцев и часть батареи В добровольческой артиллерии Юты. С артиллеристами отправились два боевых пулемета Максим, которые в качестве меры предосторожности были размещены готовыми к действию в носовой части судна. Всего на борту находилось 640 рядовых и 60 офицеров.

На пароходе "Сенатор" находился Первый полк добровольцев Небраски численностью 1023 человека.

ВЗЯЛ ЛАДРОНЫ.

Крейсер Соединенных Штатов "Чарльстон" с десантными кораблями "Сити оф Сидней", "Сити оф Пекин" и "Австралия" прибыл из Кавите 30 июня. Они покинули Гонолулу 4 июня с запечатанным приказом из Вашингтона захватить остров Гуам, главный из островов Ладроне, и резиденцию испанского правительства.

Американский крейсер и транспорты прибыли на Гуам утром 20 июня. Они миновали незанятый форт Сантьяго и продвинулись вперед напротив форта Санта-Крус. Затем "Чарльстон" произвел двенадцать выстрелов, но, не получив ответа из форта, направился к Порт-Луис-де-Аппа, где расположена Агана, столица островов Ладроне.

В тот же день капитан порта и санитарный офицер поднялись на борт "Чарльстона" и, к своему удивлению, были проинформированы, что они военнопленные. Они не слышали, что между Соединенными Штатами и Испанией существует война, и думали, что стрельба с "Чарльстона" была салютом вежливости. Они сказали, что губернатор Марина сожалеет о том, что у него нет пороха для пушки, которым он мог бы ответить на салют. После этого удивленные испанцы были отправлены на берег просить губернатора островов подняться на борт "Чарльстона". В ответ губернатор послал своего официального переводчика и секретаря сказать американцам, что испанские законы запрещают ему покидать берег в течение срока его полномочий. Однако на следующее утро он пригласил капитана "Чарльстона" Гласса на совещание на берегу и гарантировал его безопасность. Капитан Гласс послал лейтенанта Браунерсройтера встретиться с губернатором и предъявить ультиматум с требованием сдачи Ладронов, дав губернатору тридцать минут на рассмотрение этого вопроса. Лейтенанта Браунерсройтера сопровождали две роты орегонских добровольцев.

Губернатор изящно сдался в отведенное время. Вслед за этим сорок шесть морских пехотинцев с "Чарльстона" высадились и разоружили 108 испанских солдат, конфисковали их 116 винтовок и 10 000 патронов. Местным жителям было разрешено сохранить свое оружие. Все они с восторгом отказались от испанской власти и сорвали испанские регалии со своих мундиров со многими выражениями удовлетворения.

Генерал Мерритт прибыл в Манильский залив 25 июля и после доклада адмиралу Дьюи принял командование американскими войсками на Филиппинах. Он, не теряя времени, ознакомился с ситуацией и разместил штаб-квартиру в Кавитском арсенале.

НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ В МАНИЛЕ.

Как только была объявлена американская блокада Манилы, Германия начала наращивать свой флот в этих водах до тех пор, пока все немецкие военные корабли на азиатской станции, кроме трех, не оказались либо в Манильской бухте, либо в ее окрестностях. Немецкие военно-морские офицеры прилагали все усилия, чтобы проявить особое дружелюбие по отношению к испанцам, например, отдавая честь испанскому флагу в Маниле при прибытии каждого дополнительного корабля. Немецкие офицеры посетили испанские укрепления и траншеи, а манильские газеты

утверждали, что присутствие перед городом такого количества немецких кораблей позволило испанским властям и жителям Манилы относиться к американскому флоту с самодовольством.

27 июня "Маккаллох" встретил "Ирен", одну из кораблей германского флота, у острова Коррехидор, готовящуюся войти в бухту, и просигналил ей: "Мы хотим связаться с вами". "Айрин" не обратила внимания на сигнал и продолжала свой путь, пока с "Мак-Каллоха" к ней не прислали небольшую лодку. Капитан "Ирэн" объяснил это тем, что он неправильно понял сигнал. Действия "Ирен" по пресечению нападения повстанческого судна "Филипинас" на испанский гарнизон на Исла-Гранде в заливе Субиг соответствовали позиции, занятой немецкими военно-морскими офицерами.

"Филиппинцы", пароход водоизмещением около 700 тонн, наполовину загруженный табаком, скрывался в бухтах вокруг залива Субиг. Она принадлежала испанцам, но ее экипаж был местным. Экипаж взбунтовался и убил двенадцать офицеров. Затем они взяли на себя управление кораблем и подняли флаг повстанцев. На берегу залива Субиг, и главным образом в городе Субиг, находились 400 испанских солдат. Когда силы повстанцев на суше начали приближаться к ним, они всем скопом бежали на Исла-де-Гранде, недалеко от устья залива Субиг, забрав с собой 100 больных и около 100 женщин. Они сохранили свое стрелковое оружие и имели только один пулемет Maxim. Повстанцы надеялись заставить их подчиниться голодом. Примерно в это же время произошел инцидент с филиппинцами, в результате которого она перешла от испанцев к повстанцам. Двести солдат-повстанцев захватили корабль, приблизились к острову и открыли огонь по испанцам. Их огонь был неэффективен, но через некоторое время испанцы, вероятно, осознав полную безнадёжность своего положения, подняли белый флаг. Почти в то же время из бухты приблизился немецкий крейсер, и испанцы спустили белый флаг, поскольку у них, очевидно, были основания надеяться на вмешательство немцев. Немецкое судно сразу же обратилось к филиппинцам и заявило, что флаг, под которым оно плавало, не был признан, и если его немедленно не спустить и не заменить белым, оно будет доставлено вместе со своей командой в Манилу в качестве пленников. Филиппинцы немедленно спустили флаг повстанцев, водрузили белый и немедленно отправились на юг, к Манильскому заливу. Все это произошло 6 июля. Она прибыла с американского флагмана поздно вечером, и повстанцы сразу же доложили об этом адмиралу.

ДЬЮИ ЗАЩИЩАЕТ ПОВСТАНЦЕВ.

Адмирал Дьюи отправил корабль повстанцев на безопасную якорную стоянку. В 12 часов ночи "Роли" и "Конкорд" тихо снялись с якорей и покинули бухту. Они сразу же направились к заливу Субиг, несколько раз обстреляли остров, где находились испанцы, и последние быстро сдались. "Айрин" исчезла, когда они прибыли, хотя она находилась в заливе Субиг в течение нескольких дней с явной целью защиты интересов Германии. Затем "Конкорд" вернулся, чтобы доложить адмиралу Дьюи и выяснить, что следует делать с 600 захваченными испанцами. "Роли" остался в Субиге на страже. 7-го числа лидер повстанцев, мистер Сейба, вышел на флагманский корабль за разрешением взять филиппинцев и отправиться в Субиг с целью захвата острова. Адмирал сказал ему, что это уже сделано. Сейба поднялся на борт "Филиппинцев" с большим отрядом людей и покинул гавань.

"Конкорд", вернувшись, чтобы доложить о случившемся адмиралу, принес письмо от капитана Коглена с "Роли", в котором тот умолял передать захваченных испанцев в американские плен и не передавать их повстанцам, как того требовал первоначальный приказ адмирала Дьюи.

"Конкорд" был отправлен обратно с инструкциями передать заключенных Агинальдо, но он взял с них железное обещание, что о них будут хорошо и бережно заботиться.

Наконец адмирал Дьюи направил офицера на немецкий флагманский корабль с просьбой, чтобы адмирал Дидерихс изложил позицию Германии по вопросу блокады Манилы. Немецкий адмирал немедленно прислал объяснение. Однако два дня спустя он направил адмиралу Дьюи протест против действий американских офицеров по посадке на немецкие корабли, следовавшие в Манилу из Маривлеса. Он сослался на инцидент с "Маккалохом" и "Айрин" в Коррехидоре.

Адмирал Дьюи ответил на это очень вежливо, но очень твердо. Он указал немецкому адмиралу, что международное право наделяет командующего блокирующим флотом полномочиями поддерживать связь со всеми судами, входящими в блокированный порт. Поскольку международное право разрешает военным кораблям плавать под любым флагом, который они выберут, чтобы ввести противника в заблуждение, национальность судов, заходящих в бухту, не могла быть абсолютно определена без связи с ними. Для получения дополнительной информации от немецкого адмирала адмирал Дьюи сказал ему, что, если Германия будет в мире с Соединенными Штатами, немецким военно-морским офицерам придется изменить свои методы, и что, если Германия будет в состоянии войны с его страной, он хотел бы знать это немедленно, чтобы действовать соответствующим образом.

Филиппинские повстанцы под командованием Агинальдо продолжали свои яростные атаки и постепенно приближались к городу Манила. Они действовали независимо от американских войск под командованием генерала Мерритта, и было очевидно, что они не намерены признавать американскую власть. Испанские жители Манилы, опасаясь, что за захватом города Агинальдо последуют грабежи и резня, обратились к генерал-капитану с просьбой сдаться американским войскам, но этот чиновник был полон решимости сопротивляться, несмотря на тот факт, что сопротивление могло только отсрочить поражение.

БИТВА ВО ВРЕМЯ ШТОРМА.

В ночь на 31 июля земля Филиппин была залита американской кровью. Наши войска укрепляли свои позиции возле испанского форта, охранявшего южный подступ к Маниле, в пригороде этого города. Испанцы, понимая, что их положение с каждым днем становится все безнадежнее, предприняли согласованную вылазку на правый фланг американцев, удерживаемый 10-м пенсильванским полком. Местом сражения было местечко под названием Малате, расположенное на полпути между Кавите и Манилой. Здесь генерал Грин командовал 4000 человек. Прибытие третьей экспедиции привело испанцев в ярость, и они решили дать бой до того, как Кэмп-Дьюи будет восстановлен. В разгар бушующего тайфуна с сильнейшим ливнем 3000 испанских солдат попытались напасть на лагерь врасплох. Американские пикеты были оттеснены, а окопы атакованы. Пенсильванские войска не дрогнули, но стояли на своих местах под уничтожающим огнем. Тревога распространилась, и 1-й калифорнийский полк с двумя ротами 3-го артиллерийского полка, которые сражались с винтовками, были отправлены на подкрепление пенсильванцев. Противник находился на вершине траншей, когда прибыли эти подкрепления, и никогда дисциплина регулярных войск не была продемонстрирована лучше, чем работой 3-го артиллерийского полка под командованием капитана О'Хары. Ничего не было видно, кроме вспышек винтовок Маузера. Батарея Юты под командованием капитана

Янга покрыла себя славой. Мужчины вытащили свои ружья из грязи по самую ось и открыли разрушительный анфиладный огонь.

Противник был отброшен и в беспорядке отступил. Наша пехота израсходовала боеприпасы и не последовала за нами. Не было потеряно ни пяди земли, но сцена в окопах была из тех, которые никогда не забудутся. Во время вспышек молнии можно было видеть мертвых и раненых, лежащих в кроваво-красной воде, но ни небесные стихии, ни разрушительная сила человека не могли вырвать у раненых ни крика протеста. Они подбадривали своих товарищей сражаться и вручали им патронташи.

Бои возобновились в ночь на 1 августа и снова на следующий вечер, но противник был преподан урок и атаковал с дальних дистанций тяжелой артиллерией. Общие потери американцев составили четырнадцать убитых и сорок четыре раненых. У испанцев было 350 убитых и более 900 раненых.

5 августа испанцы снова атаковали американские укрепления. Окопы были заняты по батальону 14-го и 23-го регулярных войск и добровольцев из Небраски, причем последние удерживали крайний правый фланг, а рота регулярных войск - крайний левый. Испанцы открыли ответный огонь, и бой длился полчаса. Трое американцев были убиты и одиннадцать ранены, четверо из них серьезно.

ГОРОД СДАЕТСЯ.

Адмирал Дьюи и генерал Мерритт направили ультиматум властям Манилы в понедельник, 8 августа, уведомив их, что по истечении сорока восьми часов сухопутные и военно-морские силы американской армии атакуют город, если они не сдадутся до этого времени. Когда это время истекло, испанцы попросили отсрочки еще на один день, чтобы они могли вывезти своих больных и раненых, а также женщин, детей и мирных жителей. Эта просьба была удовлетворена.

Иностранные военные корабли в заливе были уведомлены об атаке, и все они удалились за пределы досягаемости. Английские и японские военные корабли присоединились к американскому флоту у Кавите, а французские и немецкие военные корабли направились к северу от города, где они были вне пределов досягаемости.

Атака была назначена на 9 сентября, но в последнюю минуту генерал Мерритт попросил флот отложить бомбардировку до тех пор, пока его позиции не смогут быть расширены дальше вокруг города. Затем адмирал Дьюи сообщил испанцам, что атака будет произведена в субботу; что он разрушит форт Малате и обстреляет траншеи, тем самым уничтожив сопротивление сухопутным войскам, входящим в город; что он не будет стрелять по Маниле, пока их орудия не откроют огонь по его кораблям, и в этом случае он разрушит город.

В 9 часов утра субботы американский флот с боевыми флагами, развевающимися на каждой мачте, покинул Кавите, оркестр британского военного корабля Immortalite сыграл "El Capitan" при отплытии.

Соглашение между Дьюи и Мерриттом заключалось в том, чтобы флот двинулся к городу одновременно с продвижением войск, готовых ворваться внутрь, когда корабли разрушат форты.

Вместе с флотом впереди шла "Олимпия", сопровождаемая "Роли" и "Буревестником", в то время как "Каллоа" под командованием лейтенанта Таппана и катер "Барколо" приближались к берегу в сильных бурунах.

В линиях с обеих сторон царила совершенная тишина, когда большие корабли, подготовленные к бою, бесшумно продвигались вперед, иногда скрытые ливневыми шквалами. Монтерей вместе с Балтимором, Чарльстоном и Бостоном образовали резерв.

В 9:35 внезапное облако дыма, бело-зеленое на фоне грозового неба, полностью скрыло "Олимпию", снаряд просвистел над двухмильной поверхностью бурной воды и разорвался недалеко от испанского форта в Милате Сан-Антонио-де-Абад. Затем "Буревестник", "Роли" и активный "Литтл Каллоа" открыли беглый огонь, направленный в сторону береговой оконечности укреплений. Из-за сильного дождя было трудно оценить дальность стрельбы, и поначалу выстрелы были недолет, но вскоре огонь стал точным, и снаряды сделали форт непригодным для обороны, в то время как четыре орудия батареи Юты отлично отработали земляные работы и болота к востоку от форта. Испанцы ответили несколькими снарядами.

Менее чем через полчаса после начала бомбардировки генерал Грин решил, что можно продвигаться вперед, хотя сигналы прекратить огонь были проигнорированы флотом, поскольку они были невидимы из-за дождя. Вслед за этим шесть рот полка "Колорадо" перепрыгнули через бруствер, бросились в болото и начали залповую стрельбу из-за частичного укрытия в виде низких живых изгородей в 300 ярдах от испанских позиций. Несколько мгновений спустя оставшиеся шесть рот двинулись вдоль берега моря, частично прикрытого песчаной грядой, образованной заливом под внешними укреплениями форта, и в 11 часов заняли эту грозную цитадель без потерь.

Тем временем флот, наблюдая за передвижением войск вдоль берега, прекратил огонь. Обстрел продолжался ровно полтора часа. Час спустя генерал Грин и его штаб двинулись вдоль пляжа, все еще находясь под ожесточенным огнем пехоты справа, где Восемнадцатый регулярный полк и Третий артиллерийский полк регулярной армии вели бой с противником, и направили движение на продвижение в Малате. Окрестности форта были неудобными из-за большого количества снайперов в зданиях с обеих сторон на расстоянии 200 ярдов. Поэтому продвижение вперед было ускорено, и через несколько минут окраины пригорода были хорошо заняты, а снайперы были отброшены.

Когда калифорнийцы под командованием полковника Смита подошли к пляжу, их оркестр заиграл национальный гимн, сопровождаемый свистом пуль маузера, и во время меткой стрельбы продолжал подбадривать мужчин вдохновляющей музыкой. Каждый полк нес в бой свои знамена. В пригородах Малате и Эрмиты шли ожесточенные уличные бои, но батальон калифорнийцев прорвался в Лунету, популярную набережную в двухстах ярдах от рва цитадели. Затем на юго-западном углу обнесенного стеной города был поднят белый флаг. Генерал Грин с несколькими членами своего штаба проскакал галопом вдоль Лунеты под резким рассеивающим огнем из домов у пляжа и вступил в переговоры с офицером, который направил его к воротам дальше на восток.

В этот момент в поле зрения появились испанские войска, отступавшие из Санта-Аны, численностью не менее 2000 человек, за которыми следовали повстанцы, которые ускользнули от войск генерала Макарура и теперь открыли короткий огонь. Ситуация была неловкой, если

не критической, поскольку обе стороны слегка подозревали предательство. Испанские войска, выстроившиеся вдоль крепостных валов цитадели, наблюдая за действиями повстанцев, открыли огонь по калифорнийцам, убив одного и ранив троих. Неразбериха, однако, вскоре прекратилась, когда отступающие испанцы вышли на эспланаду, когда генерал Грин приказал им войти в цитадель.

Вскоре от генерал-капитана было доставлено письмо с просьбой к командующему войсками встретиться с ним для консультации.

Немедленно вошли генерал Грин и генерал-адъютант Бейтс. Тем временем, согласно договоренности, в тот момент, когда был поднят белый флаг, генерал Мерритт, который занял пароход "Зафиро" в качестве временного штаба корпуса, отправил генерала Уиттиера с флаг-лейтенантом Брамби на берег, чтобы встретиться с генерал-капитаном и сначала обсудить план капитуляции. Генерал Уиттиер обнаружил, что официальные лица были сильно поражены известием о том, что атака все еще энергично продолжается по всей линии, американские войска угрожают даже цитадели.

ИСПАНСКИЕ ВОЙСКА СОСРЕДОТОЧИЛИСЬ.

Все доступные испанские войска были немедленно сосредоточены в окрестностях дворца в ожидании развития событий, относительно которых была очевидна определенная степень беспокойства.

Генерал Мерритт прибыл со своим штабом в 3 часа. Тогда ситуация стала более понятной, и было проведено совещание с генералом Жоденом. Согласованные условия были следующими:

Соглашение о капитуляции Филиппин.

Положение о разоружении людей, которые остаются организованными под командованием своих офицеров, без права досрочного освобождения.

Необходимые припасы будут доставлены из захваченных казначейских фондов, любой возможный дефицит будет восполнен американцами.

Безопасность жизни и имущества испанских солдат и граждан должна быть гарантирована, насколько это возможно.

Вопрос о переброске войск в Испанию должен быть передан на решение правительства Вашингтона, а вопрос о возвращении оружия солдатам должен быть оставлен на усмотрение генерала Мерритта.

Банки и аналогичные учреждения должны продолжать операции в соответствии с существующими правилами, если они не будут изменены властями Соединенных Штатов.

Лейтенант Брамби сразу после подписания условий капитуляции поспешил спустить испанский флаг — фактически спустить все испанские флаги на Филиппинах, сняв один. Его сопровождали два связиста с "Олимпии".

Этот маленький отряд с большим трудом добрался до форта Сантьяго в северной части города-крепости.

Там развевался большой испанский флаг. Вокруг него сгруппировалось много испанских офицеров. Присутствие Брамби в форме победителя привлекло толпу с улиц.

ПОДНИМАЕТ ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫЙ ФЛАГ.

Они зашипели, когда он приблизился, чтобы спустить флаг. Затем вместо одного поднялся звездно-полосатый.

Многие из присутствующих горько плакали, когда флаг победоносного чужеземца водрузился над фортом.

Опасаясь, что толпа может опорочить "олд глори", лейтенант Брамби попросил американского пехотного офицера выделить подразделение для охраны "олд глори". К счастью, он встретил компанию, собирающуюся создать группу.

Пехотинцы вручили оружие, и оркестр заиграл "Звездно-полосатое знамя" под одобрительные крики солдат, к которым присоединились многие жители города.

Общие потери американцев в дневном сражении составили восемь убитых и тридцать четыре раненых. У испанцев было 150 убитых и более 300 раненых.

Американцы взяли 11 000 пленных, из которых 7000 были испанскими регулярными солдатами; 20 000 винтовок "Маузер", 3000 "Ремингтонов", восемнадцать современных пушек и многие устаревшего образца.

Генералу Мерритту была отдана большая должное за его план наступления, который был успешно выполнен во всех деталях в необычайно сложных условиях. Не была удержана благодарность и от начальника штаба генерала Бэбкока за его умелое сотрудничество в реализации превосходно продуманной стратегии. Оперативные действия и строгое следование полностью детализированным приказам приводили в каждом случае к немедленному разрешению любой трудности, какой бы угрожающей она ни была. Поведение испанцев в нескольких случаях было предосудительным, например, они подожгли канонерскую лодку "Себу" и уничтожили несколько вооруженных катеров и лодок после того, как была достигнута договоренность о капитуляции.

На долю адмирала Дьюи выпало открывать и закрывать активные боевые действия войны. Его уничтожение испанского флота стало первым сражением в войне. После прекращения боевых действий в западном полушарии по указанию президента в соответствии с мирным соглашением адмирал Дьюи вынудил Манилу сдаться под огнем орудий своего флота.

ГЛАВА III

ПОБЕДОНОСНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ

Испания требует мира—Ультиматум президента Маккинли—Посол Франции Камбон действует от имени Испании—Прокламация президента—Протокол—Потери Испании в людях, кораблях и территории—Назначение Комитетов по эвакуации и Комиссии по установлению мира.

Во вторник, 26 июля, правительство Испании предприняло первый четко определенный шаг по прекращению боевых действий. Французский посол в сопровождении своего секретаря посольства посетил президента Маккинли и по указанию своего правительства и по просьбе министра иностранных дел Испании начал мирные переговоры, заявив, что Испания готова рассмотреть условия. Предложение, представленное послом, действовавшим от имени испанского правительства, было сделано в общих чертах и сводилось к одному существенному пункту - серьезной просьбе начать переговоры с целью прекращения войны.

Ввиду важности сообщения посол применил обычную дипломатическую процедуру прочтения сообщения с оригинала на французском языке, перевод был представлен М. Тибо. Тибо. В беседе, последовавшей за оглашением предложения, ни президент, ни посол не касались вопроса об условиях мира. Инструкции посла ограничивали его время начала мирных переговоров, и было очевидно, что президент желал обдумать это предложение, прежде чем давать какой-либо определенный ответ. В конце концов было решено, что президент проконсультируется с членами своего кабинета, и после принятия решения М. Камбон будет приглашен в белый дом для дальнейшего совещания и получения окончательного ответа от правительства Соединенных Штатов. Перед завершением телефонного разговора был согласован краткий официальный меморандум, призванный развеять вводящие в заблуждение домыслы и предоставить общественности информацию по вопросу, который вышел за рамки, когда дипломатическая сдержанность была необходима.

После состоявшихся в пятницу и субботу обсуждений в кабинете министров относительно уступок, которых следует потребовать от Испании, было достигнуто определенное соглашение, и посол Франции был уведомлен о том, что президент готов предъявить свой ультиматум. Требования, выдвинутые Президентом, вкратце сводились к следующему:

1. Что Испания откажется от всех претензий на суверенитет и титул на Кубу.
2. Что Пуэрто-Рико и другие испанские острова в Вест-Индии, а также остров в проливе Ладронес, которые будут выбраны Соединенными Штатами, будут переданы последним.
3. Что Соединенные Штаты оккупируют и удержат город, бухту и гавань Манилы до заключения мирного договора, который определит контроль, распоряжение и правительство Филиппин.
4. Куба, Пуэрто-Рико и другие испанские острова в Вест-Индии должны быть немедленно эвакуированы, и что уполномоченные, которые должны быть назначены в течение десяти дней, в течение тридцати дней после подписания протокола встретятся в Гаване и Сан-Хуане, соответственно, для организации и выполнения деталей эвакуации.
5. Что Соединенные Штаты и Испания назначат не более пяти уполномоченных для ведения переговоров и заключения мирного договора. Члены комиссии соберутся в Париже не позднее 1 октября.
6. После подписания протокола военные действия будут приостановлены, и каждое правительство как можно скорее уведомит об этом командующих своими вооруженными силами и военно-морскими силами.

Испанская дипломатия, как обычно, была на виду, и мадридская администрация предпринимала попытки изменить условия, чтобы освободить испанское правительство по

крайней мере от части кубинского долга, но власти в Вашингтоне были тверды и настаивали на том, что такое предложение не может рассматриваться и что дальнейших обсуждений быть не может до тех пор, пока испанский флаг не будет снят с Вест-Индии.

12 августа посол Камбон получил официальное уведомление от администрации в Мадриде о том, что его действия по согласованию условий протокола были одобрены, и он был уполномочен подписать его как представитель правительства Испании. Соответственно, в четыре часа пополудни того же дня он явился в президентский особняк в сопровождении своего первого секретаря М. Тибо, где его встретили президент Маккинли, государственный секретарь Дэй и помощники государственного секретаря Мур, Эди и Кридлер.

Были подготовлены две копии протокола, одна на английском языке для сохранения правительством этой страны, а другая на французском языке для правительства Испании. Подписи и печати были официально приложены, секретарь Дэй подписала один экземпляр заранее месье Камбону, на другом порядок был отменен.

Затем президент поздравил посла Франции с той ролью, которую он сыграл в обеспечении приостановки военных действий, и поблагодарил его за серьезные усилия, которые он приложил для скорейшего завершения. Затем М. Камбон с поклоном вышел из комнаты и покинул белый дом с копией протокола, которую он направит Испании. Печать, которой пользовался французский посол, была печатью Испании, которую оставили у него, когда испанский министр уезжал из Вашингтона.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПРОТОКОЛА.

Его Превосходительство месье Камбон, Чрезвычайный и Полномочный министр Французской Республики в Вашингтоне, и г—н Уильям Дэй, Государственный секретарь Соединенных Штатов, получив соответственно на этот счет полные полномочия от правительства Испании и Правительства Соединенных Штатов, разработали и подписали следующие статьи, которые определяют условия, на которых оба правительства договорились в отношении перечисленных ниже вопросов и целью которых является установление мира между двумя странами, а именно:

Статья 1. Испания отказывается от любых притязаний на какой-либо суверенитет и все свои права на остров Куба.

Статья 2. Испания уступит Соединенным Штатам остров Пуэрто-Рико и другие острова, которые в настоящее время находятся под суверенитетом Испании на Антильских островах, а также остров в архипелаге Ладрона, который будет выбран Соединенными Штатами.

Статья 3. Соединенные Штаты оккупируют и удержат город и бухту Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, а также порт Манила и Манильский залив до заключения мирного договора, который определит контроль и форму правления Филиппин.

Статья 4. Испания немедленно эвакуирует Кубу, Пуэрто-Рико и другие острова Антильских островов, находящиеся сейчас под испанским суверенитетом. С этой целью каждое из двух правительств назначит уполномоченных в течение десяти дней после подписания настоящего протокола, и эти уполномоченные встретятся в Гаване в течение тридцати дней после подписания настоящего протокола с целью достижения соглашения относительно выполнения

деталей вышеупомянутой эвакуации Кубы и других прилегающих испанских островов; и каждое из двух правительств аналогичным образом назначит в течение десяти дней после подписания настоящего протокола других уполномоченных, которые встретятся в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико в течение тридцати дней после подписания настоящего протокола для согласования деталей эвакуации Пуэрто-Рико и других островов, находящихся в настоящее время под суверенитетом Испании, в будущем. Антильские острова.

Статья 5. Испания и Соединенные Штаты назначают для работы в интересах мира не более пяти уполномоченных от каждой страны. Уполномоченные должны встретиться в Париже не позднее 1 октября, чтобы приступить к переговорам и заключению мирного договора. Настоящий договор подлежит ратификации в соответствии с конституционными законами каждой из двух стран.

Статья 6. Как только настоящий протокол будет составлен и подписан, военные действия будут приостановлены, и с этой целью в обеих странах каждое правительство отдаст приказ командующим своими сухопутными и морскими силами как можно скорее.

Совершено в двух экземплярах в Вашингтоне, зачитано на французском и английском языках нижеподписавшимися, которые проставляют внизу документа свои подписи и печати, 12 августа 1898 г.

ЖЮЛЬ КАМБОН.

УИЛЬЯМ Р. ДЭЙ.

Президент немедленно издал следующее заявление:

Президентом Соединенных Штатов Америки — Прокламация.

Принимая во внимание, что согласно протоколу, заключенному и подписанному 12 августа 1898 года Уильямом Р. Дэем, Государственным секретарем Соединенных Штатов, и Его Превосходительством Жюлем Камбоном, Чрезвычайным и Полномочным послом Французской Республики в Вашингтоне, соответственно представляющим с этой целью правительство Соединенных Штатов и правительство Испании, Соединенные Штаты и Испания официально согласовали условия, на которых будут проводиться переговоры об установлении мира между двумя странами; и,

Принимая во внимание, что в указанном протоколе согласовано, что после его заключения и подписания военные действия между двумя странами будут приостановлены, и что уведомление об этом должно быть направлено каждым правительством как можно скорее командующим его военными и военно-морскими силами:

Поэтому сейчас я, Уильям Маккинли, президент Соединенных Штатов, в соответствии с положениями протокола объявляю со стороны Соединенных Штатов приостановку военных действий и настоящим приказываю, чтобы по надлежащим каналам командующим военными и военно-морскими силами Соединенных Штатов были немедленно отданы приказы воздерживаться от всех действий, несовместимых с этим заявлением.

В удостоверение чего я приложил свою руку и распорядился поставить печать Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне 12 августа сего дня, в год от Рождества Христова Тысяча Восемьсот Девяносто Восьмой и от обретения Соединенными Штатами Независимости сто двадцать третий.

УИЛЬЯМ Маккинли.

От Президента: УИЛЬЯМ Р. ДЭЙ, государственный секретарь.

В соответствии с прокламацией, изданной Президентом, командующим военно-морскими силами на нескольких базах в Соединенных Штатах, на Кубе и Филиппинах были отданы приказы, приводящие в исполнение указания прокламации. Военно-морское министерство не только полностью передало прокламацию президента нескольким главнокомандующим, но и указания относительно расположения их кораблей.

Военно-морское министерство, Вашингтон, округ Колумбия, 12 августа.—Сэмпсон, Сантьяго: Приостановить все военные действия. Блокада Кубы и Пуэрто-Рико усиливается. Хауэлл приказал собрать суда в Ки-Уэсте. Следуйте через Нью-Йорк, Бруклин, Индиану, Орегон, Айову и Массачусетс в Томпкинсвилл. Разместите мониторы в безопасной гавани Пуэрто-Рико. Ватсон передает свой флаг Ньюарку и останется в Гуантанамо. Соберите все крейсера в безопасных гаванях. Отправьте морскую пехоту на север в Резолют.

АЛЛЕН, исполняющий обязанности секретаря.

Военно-морское министерство, Вашингтон, округ Колумбия, 12 августа. —Реми, Ки-Уэст: В соответствии с телеграфированным вам указом президента, немедленно приостановите все военные действия. Начать вывод судов из блокады. Прикажите кораблям блокады, находящимся в кубинских водах, собраться в Ки-Уэсте.

АЛЛЕН, исполняющий обязанности секретаря.

Аналогичное уведомление было направлено адмиралу Дьюи с инструкциями прекратить военные действия и снять блокаду Манилы.

Приказ генералу Мерритту приостановить работу был следующим:

Офис генерал-адъютанта, Вашингтон, округ Колумбия, 12 августа 1898 г.— Мерритт, Манила: Президент приказывает приостановить все военные операции против врага. Мирные переговоры близятся к завершению, протокол только что подписан представителями двух стран. Вы проинформируете командование испанских вооруженных сил на Филиппинах об этих инструкциях. Последуют дальнейшие приказы. Подтвердите получение. По приказу военного министра.

Х. К. КОРБИН, генерал-адъютант.

Приказы, отправленные генералу Майлзу и генералу Шафтеру, были идентичны вышеприведенным, за исключением имен.

Сеньор Пальма, глава кубинской хунты, отправил следующую телеграмму через Сантьяго:

Бартоломе Мазо, Президент Кубинской Республики, Сантьяго, Куба; Сегодня, 13 августа 1898 года, я от имени временного правительства Кубы принял перемирие, объявленное

Соединенными Штатами. Вы должны немедленно отдать приказ армии по всей Кубе приостановить все военные действия. Предварительные условия мира, подписанные представителями Испании и Соединенных Штатов, предусматривают, что Испания отказывается от всех претензий на Кубу и правового титула на нее.

Т. ЭСТРАДА ПАЛЬМА.

16 августа президент назначил военными комиссарами генерал-майора Джеймса Ф. Уэйда, контр-адмирала Уильяма Т. Сэмпсона и генерал-майора Мэтью К. Батлера от Кубы, а генерал-майора Джона Э. Брука, контр-адмирала Уинфилда С. Шли и бригадного генерала Уильяма В. Гордона от Пуэрто-Рико.

Как только генерал Шафтер получил распоряжение президента о прекращении военных действий, он предпринял шаги для немедленного уведомления испанских командиров, находящихся поблизости, а также лидеров повстанцев.

Это воззвание было воспринято в Сантьяго с величайшим энтузиазмом, офицеры и рядовые армии были одинаково в высшей степени удовлетворены определенным объявлением мира. После падения Сантьяго период неопределенности и бездействия оказал свое влияние на расквартированных там солдат. Утомительное ожидание новых событий, ослабленный изнуряющий климат, наблюдение за коварными разрушительными действиями болезней подорвали дух всех, и новость, которая принесла им близкую перспективу возвращения домой, была подобна бодрящему ветерку, который пронесся по лагерю, придав всем новое мужество.

КОНЕЦ ВОЙНЫ.

Таким образом, наша война с Испанией за свободу Кубы подошла к концу. Начатая в духе мести за уничтожение линкора, война велась с исключительной свободой, учитывая все обстоятельства, от мстительности. Мы нанесли сильный, но быстрый удар. Мы одерживали победы, уничтожали флоты, но были милосердны и внимательны к пленным. В адрес испанского врага было на удивление мало оскорблений, и храбрость испанских солдат и матросов была свободно признана. Но простая личная доблесть не могла заменить умения и дисциплину.

Во всей истории нет ни одного примера такого беспрепятственного успеха, который сопровождал нашим военным операциям. Для нас столкновения не были кровавыми, победы не были приобретены дорогой ценой. На море мы уничтожали эскадры, не потеряв ни человека, ни корабля; на суше мы вынудили сдаться гарнизоны, сильно укрепленные. В Пуэрто-Рико наш марш был триумфальным шествием.

Испания, ради ложной гордости, фанатизма, политики и короля-младенца, похоронила в морских глубинах тридцать пять кораблей своего военно-морского флота стоимостью 36 500 000 долларов. Рядом с их ржавеющими корпусами лежат тела более тысячи доблестных таров. Она уступила Соединенным Штатам непосредственно Кубу с населением в 1 500 000 человек и площадью 45 000 квадратных миль и Пуэрто-Рико с населением в 810 000 человек и площадью в 3670 квадратных миль. Ее общая прямая потеря территории в квадратных милях составила 48 670 человек, а потеря населения - 2 310 000 человек. Она также поставила под угрозу, вероятно, неподконтрольные ей в будущем, Филиппинские острова с населением 8 000 000 человек и площадью 114 326 квадратных миль. Так что в конце концов выясняется, что испанское

королевство ради неправды отказалось от 163 000 квадратных миль территории и более 10 000 000 человек, платящих налоги.

Эта потеря стала приобретением Соединенных Штатов, которые, чтобы добиться этого, ввели в строй первоклассный военно-морской флот численностью 10 000 человек и пятьдесят боевых судов, а также добровольческую и регулярную армию численностью 278 500 человек, из которых наибольшее количество предоставил Нью-Йорк, затем Пенсильвания и Иллинойс.

В начале нынешнего столетия Испания была хозяйкой почти всего южного континента Америки и значительной части северного континента. За исключением Бразилии, титул на которую принадлежал португальцам, практически вся Южная Америка была испанской. Так же как и Центральная Америка, нынешняя Мексика, и почти миллион квадратных миль юго-западной части Соединенных Штатов. Революции первых десятилетий века отняли большую часть этой сферы, и теперь от нее также не осталось и следа. Та же политика упорной жадности и смертельного пренебрежения интересами управляемых, которая вызвала ранние революции, вызвала и более поздние, ради которых Соединенные Штаты начали свое вмешательство на Антильских островах.

Теперь ничего не осталось от бывшей королевы всех империй и королевств, которые когда-то были подвластны ей и приносили ее славу и могущество народам. Ее собственные сыновья преподали ей урок о том, что эксплуатация не может продолжаться вечно и что, если завоеватель не будет считаться с интересами побежденных, семена разрушения обязательно будут посеяны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Рассказывающий о том, как жили наши солдаты, Что они видели, Как сражались, Какие трудности перенесли, Как проявили храбрость перед лицом смертоносных пуль Маузера, а также охваченных лихорадкой лагерей и т.д., И т.п.

Чарльз Э. Хендс в письме из Сантьяго в лондонскую почту пишет о раненых после битвы 1 и 2 июля:

На дороге был один мужчина, левая нога которого была туго забинтована и оторвана от земли. Он снабдил себя чем-то вроде грубого костыля, сделанного из раздвоенной ветки дерева, и набил его узлом с одеждой. С помощью этого предмета и короткой палки он быстро греб вперед, когда я догнал его.

"Где они тебя взяли, сосед?" Я спросил его.

"Черт бы побрал их шкуры, — сказал он самым жизнерадостным тоном, поворачиваясь ко мне с улыбкой, — они ранили меня дважды — осколком снаряда в ногу и пулей в икру той же ноги, когда меня несли обратно с линии огня".

- Меткий стрелок?

"Сын дворняги забрался на дерево".

- И ты возвращаешься в Сибони пешком. Неужели для тебя не нашлось места верхом? Я ожидал вспышки гнева в ответ на этот вопрос. Но я ошибся. Он сказал просто, как ни в чем не бывало:

- Думаю, что нет. Им нужна была вся манежная комната для худших случаев, для моего. Слава Богу, обе мои раны в одной ноге, так что я могу ходить довольно хорошо и бодро. Они сказали мне, что мне будет лучше вон там, на лестничной площадке, так что я взял эти костыли и сделал перерыв".

- И как у вас дела? - Спросил я.

- Хорошо, - сказал он как можно бодрее, - просто хорошо и непринужденно. И, опираясь на свою единственную здоровую ногу и две палки, он бодро зашагал вперед.

То же самое было и с другими ходячими ранеными. Все они были удивительно жизнерадостны. И не просто жизнерадостны. Все они совершенно не осознавали, что подвергаются каким-либо ненужным трудностям или страданиям. Теперь они знали, что война - это не пикник, и они не жаловались на отсутствие еды для пикника. Некоторые из них пролежали всю ночь, и роса падала на них там, где их уронили пули, прежде чем подошла их очередь к переутомленным полевым хирургам.

КАПИТАН ПЭДДОК РАССКАЗЫВАЕТ О БОЯХ Перед САНТЬЯГО.

На поле боя, в миле к востоку от Сантьяго, воскресенье, 3 июля.

Мой дорогой "Джим": Я благополучно пережил самые ужасные три дня, которые только можно себе представить. Мы шли почти всю ночь в четверг (30 июня) до точки примерно в полтора милях к востоку отсюда, а затем дождались утра. Около 5 часов мы снова начали, и в 6 часов утра наш крайний правый открыл бой. Центр (наш фронт) и левый фланг выдвинулись на позиции, и в 8 часов испанская артиллерия открыла по нам огонь с позиции, которую мы сейчас занимаем. Мы развернулись в качестве стрелков и продвигались через леса и кустарник, настоящую чащу; наша артиллерия усердно работала позади нас, но мы со своим стрелковым оружием мало что могли сделать, поскольку испанцы были полностью укреплены на милю или больше вдоль нашего фронта.

Мы продолжали продвигаться вперед, хотя их огонь, как из шрапнели, так и из стрелкового оружия, убивал нас; но мы продолжали продвигаться вперед, продираясь сквозь тропический подлесок и переходя вброд ручей по грудь, стреляя, когда могли видеть врага.

Мы достигли первой линии вдоль гребня холма и вытеснили их; затем следующей линии, и они отправились обратно в город. Бой был быстрым и страшным и не ослабевал до наступления темноты. Второй день (суббота) снова был непрерывным боем до темноты; но наши потери были невелики, так как мы просто удерживали нашу позицию, загнав их всех внутрь; однако ночью они предприняли яростную атаку и попытались вернуть это место. Мы не были удивлены и отбросили их назад с небольшими потерями с нашей стороны.

Сегодняшний день был похож на второй день до 12.30, когда было заключено перемирие. До настоящего времени (5 часов вечера) с тех пор не было стрельбы, но я еще не знаю, каков был

результат конференции. Мы предложили перемирие после морского сражения. Я привожу лишь краткий очерк, поскольку обо всем писали газеты. Я невредим и совершенно здоров.

РАССКАЗАНО Из ОКОПОВ -МАЛЬЧИК Из КАУНСИЛ-БЛАФФС ОПИСЫВАЕТ БОИ Перед САНТЬЯГО.

Следующее письмо было написано в окопах под Сантьяго на следующее утро после атаки:

Высоты перед Сантьяго, 8 июля.

Дорогой Отец, Я не пострадал и полностью убежден, что только Провиденциальная защита помогла мне пройти через это. Вопреки всем принципам тактики, но неизбежно, Двадцать четвертый пехотный полк прошел три мили под фланговым огнем артиллерии, и когда мы были примерно в полутора милях от первой испанской позиции, мы оказались зажатыми на узкой дороге и подверглись шквальному обстрелу из двух блокгаузов и укреплений на холмах справа от нас.

Мы прошли вброд около 400 ярдов вниз по ручью, доходившему нам до плеч, под защитой его берегов и атаковали поле с бычьей травой высотой примерно в 600 ярдов, а затем поднялись на холм примерно на 200 футов и выбили испанцев из их форта. Тот, который мы взяли, называется Сан-Хуан. Мы понесли ужасные потери. Лейтенанты Гурни и Августин мертвы. Полковник Лискама, капитаны Дукат, Бретт и Бертон, лейтенанты Лайон и Лоус ранены. Мы потеряли около 100 человек, но бой практически выигран.

Во время боя я выбросил свой меч. Я увидел, как упал полковник, отдал ему свою флягу, и вскоре он пришел в себя. Мы заняли холм у блокгауза. Мы находимся примерно в 400 ярдах от города, и они подняли флаг перемирия. Они хотят до 10 часов утра 9 июля получить известие из Гаваны. Мы их крепко зажали. У меня есть осколок восьмидюймового снаряда, который пытался попасть в меня, но попал в бруствер моего окопа. Постараюсь отправить его домой.

Никто, кроме тех, кто хорошо знаком с этой страной, никогда не узнает, насколько отчаянной была борьба и атака. Ошибкой является то, что испанцы не хотят сражаться. Испанцы вывешивают на своих казармах и других зданиях знаки Красного Креста и злоупотребляют всеми установленными принципами ведения войны. Они сажают своих людей на деревья, укрытые листьями и корой, и убивают офицеров, хирургов и рядовых госпитального корпуса.

В конце концов возникла необходимость систематически отслеживать их, и это было сделано со значительным успехом. В ночь на 4-е Сэмпсоновское началось контрминирование, и динамит произвел такой грохот, что испанские офицеры выбежали под флагом перемирия около 11:30 вечера и захотели узнать, что мы подразумеваем под стрельбой под флагом перемирия. Нам не потребовалось много времени, чтобы сказать им, что наш флаг перемирия не включает военно-морской флот. Сейчас, около 9 утра, я слышу, как орудия военно-морского флота и Морро касл обмениваются комплиментами.

Из всех мер предосторожности, рекомендованных перед нашим отправлением на Кубу, я смог соблюдать лишь немногие. Я ношу свои шерстяные бинты, но, переходя вброд ручей, я не смог снова надеть сухую одежду. Фактически, семьдесят два часа мы находились под огнем без сна и тридцать шесть часов без воды и какой-либо пищи.

Бекон и черствый хлеб - это прекрасно. Я сплю на склоне холма Сан-Хуан в канаве, поэтому не буду выворачиваться. У меня есть плащ, одеяло и половина укрытия.

Это самая красивая страна, которую я когда-либо видел, и если бы у нас был мир, я не знаю места, в котором предпочел бы жить. Я видел достаточно ужасов войны, но горжусь доблестными парнями из Двадцать четвертой. Бои практически закончились, так что не бойтесь. Твой сын,

ВОЛЯ.

ПОЛКОВНИК ВУД ПИШЕТ О СВОЕМ СРАЖЕНИИ — КОМАНДИР "КРУТЫХ ВСАДНИКОВ" ОПИСЫВАЕТ АМЕРИКАНСКУЮ АТАКУ У ЛА-КВАЗИНЫ.

Лагерь Первой добровольческой кавалерии Соединенных Штатов, в шести милях от Сантьяго, 27 июня 1898 года.

Дорогой генерал: Полагая, что реплика о нашем бое и общем состоянии заинтересует вас, я пользуюсь этой возможностью, чтобы черкнуть вам пару слов. До сих пор мы все живем очень комфортно и находим климат намного лучше, чем ожидали, а также местность, которая, помимо того, что ужасно пересечена и полна подлеска, довольно живописна и привлекательна.

Мы начали наше наступление с места нашей первой высадки 23-го числа, и в ту ночь у нас с генералом Янгом, как заместителем командира Второй кавалерийской бригады, состоялся долгий военный разговор о взятии очень сильной испанской позиции примерно в пяти милях вверх по дороге на Сантьяго. Он решил, что нанесет ложный удар по их фронту и будет упорно держаться, в то время как я должен был сделать крюк по тропе под руководством пары кубинских проводников, зайти им во фланг и попытаться выбить их с их сильной позиции, которая находилась на самом диком и неровном участке тропы по направлению к городу. Наш маленький план сработал. Я обнаружил испанский аванпост и бесшумно развернулся, а когда занял позицию, открыл по ним огонь. Вскоре после того, как я открыл дверь, я услышал голос Янга справа, внизу, в долине.

ДВА ЧАСА СРАЖАЛСЯ С БЛИЗКОГО РАССТОЯНИЯ.

Бой длился более двух часов и был очень жарким на довольно близком расстоянии. Испанцы часто использовали залп, в то время как мои люди стреляли поодиночке. Вскоре мы обнаружили, что вместо 1500 человек мы нанесли удар по очень мощному аванпосту в несколько тысяч человек. Однако, если коротко, мы гнали их неуклонно, но медленно, и в конце концов обратили в бегство. Их потери, должно быть, были тяжелыми, поскольку все донесения, приходящие из Сантьяго, показывают огромное количество убитых и раненых, и что у них, испанцев, было 4000 человек и два пулемета (мы их видели) под командованием двух генералов, и что убитых и раненых испанцев доставляли в течение шести часов; также что гарнизон ожидал штурма той ночью; что побежденные войска сообщили, что они сражались со всей американской армией в течение четырех часов, но, вынужденные значительно превосходящей численностью, отступили и что армия наступает.

Мои люди вели себя великолепно и вели себя как ветераны, выступая против тяжелых испанских порядков так, как будто они испытывали к ним величайшее презрение. Искренне ваш, ЛЕОНАРД Вуд.

Генералу Б. А. Алджеру, военному министру.

ВИРТ У. ЯНГ ИЗ ЧИКАГО РАССКАЗЫВАЕТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ФЛОТА СЕРВЕРА 3 июля.

Мы пережили несколько горячих моментов с тех пор, как "Гарвард" покинул Ньюпорт-Ньюс с Девятым массачусетским и тридцать четвертым мичиганским на борту. Мы высадили их примерно в шести милях от Сантьяго, в маленьком городке под названием Сибони, или Альтарес, и простояли там четыре дня, разгружая припасы. Утром 3-го числа мне посчастливилось грести в лодке, которую офицеры доставили на берег. Корабль стоял примерно в полутора милях от берега, и вы можете поспорить, что таскать двадцатифутовое весло туда-сюда весь день - это не занятие для пикника в воскресной школе. Когда мы высадили офицеров, один из них сказал: "Подождите меня". Мы ждали три часа. Затем мы увидели, что на линии появился "Нью-Йорк". Мы направились к лодке, чтобы добраться до нее раньше лейтенанта. Как только он сел в нее, на "Гарварде" раздался сигнал об отзыве. Добравшись до нее, мы услышали, что "Нью-Йорк" сообщил, что испанские корабли покинули гавань и что "Гарвард" должен присоединиться к "Айове". Мы приготовились к бою и проехали мимо замка Морро.

Вдали, на побережье, мы могли видеть огромные столбы дыма. Испанцы вышли и бросились бежать, но "Индиана", "Айова", "Массачусетс", "Глостер" и остальной флот ждали, и через час два испанских торпедных катера были подняты из воды. "Инфанта Мария Терезия" и "Окендо" были выброшены на берег и горели рядом друг с другом, а "Бискайя" - примерно в миле ниже по течению. Было около 3 часов дня, когда "Айова" подала сигнал "Гарварду" забрать испанских моряков с горящих кораблей и с берега. Прежде чем была спущена первая лодка, уже совсем стемнело, и море поднялось.

ЗРЕЛИЩЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ.

Вид горящих этих великолепных линкоров и взрывающихся один за другим складов, когда пламя добралось до них, произвел на меня впечатление, которое я никогда не забуду. Они призвали добровольцев для управления лодками, поскольку это была опасная работа. Мы не знали, будут ли испанские моряки на берегу сопротивляться или нет. На борту есть курсант по имени Ханниган из Чикаго, который всегда покажет команде своей лодки, что там происходит интересного. Мы с Арлинггом Хэнсоном решили сесть в его лодку, и мы это сделали.

Мы направились к "Бискайе" и, приблизившись к ней, увидели людей, подвешенных к веревкам по бокам. Корабль был охвачен огнем от носа до кормы, и в любой момент могли взорваться склады. Если бы это произошло, пока мы вытаскивали испанцев, пропало бы несколько новобранцев чикагского флота. Прибой был сильным, что делало работу опасной и трудной, но мы наладили связи и вывезли более 600 человек. Все они были голыми и почти мертвыми.

Единственный свет, который у нас был, исходил от горящих кораблей, и сцена представляла собой великое замешательство. Офицеры выкрикивали приказы, испанцы бегали взад и вперед по пляжу, а магазины взрывались один за другим, когда огонь добирался до них. И в довершение всего группа кубинцев спустилась с холмов и объявила о своем намерении "сделать ангелов" из всех беспомощных испанцев. После чего американские военно-морские офицеры сказали, что если бы они попытались сделать что-нибудь подобное, "в аду были бы какие-то странные кубинские лица". Кубинцы передумали и стояли и смотрели на нас.

У меня есть кинжал и ножны испанского офицера Франсиско Сильвии. Он был почти мертв, и когда почти добрался до лодки, отпустил веревку. Я выплыл, держась за леску, и как только он проплыл мимо меня, схватил его за пояс и потащил к лодке. В борьбе он схватил меня за шею, и однажды я так наполнился соленой водой, что подумал, что никогда больше не увижу Чикаго. Он хотел отдать мне все, что у него было. У него были только пояс и шапка, поэтому я выбрал его кинжал.

МЯТЕЖ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Полагаю, к этому времени вы уже получили сообщение о мятеже на "Гарварде" и гибели восьми и ранении двадцати пяти испанцев. Джонс из Оберн-парка, Хэнсон и я были на страже с несколькими морскими пехотинцами и солдатами. Мы услышали сигнал, протяжное шипение, и в одно мгновение "толчок" был направлен на нас. Однако им оставалось пройти около десяти футов, и ни один из них так и не добрался до нас. В течение нескольких минут было жарко. Стреляй так быстро, как только можешь вскинуть ружье. Мы не останавливались, чтобы выбрать себе людей, а стреляли по толпе; и когда пуля из Винчестера или Спрингфилда попадает в человека с расстояния десяти или двенадцати футов, он останавливается и идет в другую сторону.

Последние пять дней в море происходили похороны. Когда звуки горна "простукивают" над местом, где тела бросают в море, кажется, что кровь приливает к лицу. В этом есть что-то торжественное, и человеку, который умирает и которого хоронят с флагом своей страны, с горном и пушками в знак почтения, повезло.

ГОРОД САНТЬЯГО, ОПИСАННЫЙ ОДНИМ ИЗ НАШИХ МАЛЬЧИКОВ.

Сантьяго, 6 августа.

Особенностью здешнего климата является то, что здесь наиболее жарко по утрам. Солнце встает жарким; на самом деле, самая сильная жара стоит с восхода солнца до 10 утра, когда дует морской бриз и делает ситуацию более терпимой. Если бы весь день стояла такая жара, как в 9 утра, наше состояние было бы действительно невыносимым. Однако океан выручает нас, и к полудню мы ощущаем очень освежающий и охлаждающий воздух.

Заболеваемость в роте снижается. В некоторые дни только около половины бойцов были пригодны для несения службы, но сейчас все они чувствуют себя хорошо. Такая же пропорция была получена по всему полку. Не все инвалиды были больны, но некоторые выздоравливали, в то время как другие были больны, и, таким образом, у нас было от 25 до 40 процентов. о людях, страдающих от непогоды, и для ухода за больными требовались те, кто был здоров.

На днях я был в Сантьяго с полковником Диком. Мы посетили генерала Шафтера и очень мило побеседовали с ним. Он показал нам послание военного министра, предписывающее, чтобы Восьмой полк Огайо был тщательно изолирован на десять дней, и если по истечении этого срока в наших рядах не появится желтая лихорадка, нас посадят на транспорты и отправят отсюда.

Сантьяго - странное место. Мы приближались к городу по дороге, которая проходит мимо нашего лагеря. Улица была узкой — не более двадцати пяти-тридцати футов в ширину - не шире мощеной части улицы перед нашим домом. Многие из них гораздо уже — фактически просто

переулки, — но вдоль них повсюду живут люди. Поперек улиц испанскими войсками были вырыты траншеи, а перед траншеями натянута сетка из колючей проволоки. Было много траншей, показывающих, какие приготовления они предприняли для отчаянного сопротивления нашему наступлению. Почти все дома одноэтажные, с кирпичными или каменными полами. В некоторых деревянные полы, и все они кажутся грязными. В окнах не используется стекло, и в городе можно увидеть очень мало оконного стекла. Оконные проемы снаружи зарешечены, а внутри имеют что-то вроде портьер или деревянных ставней. Улицы не прямые, а петляют и поворачивают, пока не теряешь ориентиры по компасу. Дома построены вровень с улицами, без палисадников и промежутков между домами. Наружные стены домов в основном покрыты штукатуркой, а крыши - красной черепицей. Город очень старый, и это видно по домам. Мы зашли в собор, старинное здание. Они звонили в колокола и звонили снова, но, насколько мы могли видеть, никто не пришел на богослужение. Вокруг слонялись уборщики и священники — последние отдавали нам честь. Мы обошли все внутренние помещения здания со шпорами на сапогах, с патронташами и револьверами. Американский солдат разгуливает по городу, где ему заблагорассудится. Конечно, мы узнали характер здания и сняли шляпы, когда вошли. Интерьер был украшен, как и в большинстве католических церквей, картинами, алтарями и другими атрибутами католической службы. Довольно красивое изображение Пресвятой Девы появляется на потолке, и несколько хороших картин можно найти на стенах. Мы также зашли во "дворец", который сейчас используется как штаб генерала Шафтера. Это одно из лучших зданий в городе, но оно не идет ни в какое сравнение с более обычными общественными зданиями в нашей стране. Здесь нет уличных машин, почти нет электрических фонарей, а поверхность многих улиц настолько грубая и неровная, что вы не можете иметь о них никакого представления. Те немногие улицы, которые лучше других, вымощены булыжником, но их немного. Большинство улиц завалены рыхлыми камнями и не вымощены, и мало кто, если вообще кто-либо, претендует на сортировку. На улицах грязь, а переулки грязные. На самом деле, мне показалось, что чем сильнее вонь, тем больше она нравится людям. Мое обоняние было слишком острым, чтобы наслаждаться ею. Наши войска собрали большое количество кубинцев и привлекли их к работе по уборке улиц, и перспективы в плане чистоты стали лучше. Однако я не верю, что жители Кубы и Испании извлекут из этого выгоду, если только их не заставят категорически избегать выбрасывания мусора на улицы. У них нет ни подвалов, ни канализации. Сами люди очень мало заботятся об обычных приличиях цивилизованной жизни, и дети бегают совершенно голыми по улицам.

От Клода Нейса из роты G, Первого волонтера округа Колумбия, получено следующее письмо:

Сантьяго-де-Куба, 9 августа 1898 года.

Вы сказали, что сын мистера Балкэ был убит в Сантьяго. Если это так, я должен сказать, что видел его призрак на обочине дороги в лесной чаще. Я помню, что видел это имя. Его звали Чарли, если я не ошибаюсь. Мне очень жаль слышать о его смерти, но я знаю, что он погиб за благородное дело и сражался доблестно, как мог бы любой солдат.

С Лоном Уайтом все в порядке, и эта поездка пошла ему на пользу, вот только в последнее время у него случился приступ малярийной лихорадки. Похоже, это затрагивает всех мальчиков, и если они не заберут нас отсюда, поскольку фактически объявлен мир, нам всем придется

вести более тяжелую борьбу с желтой лихорадкой, чем с испанцами. Это уже вспыхнуло в нескольких полках, и мы уже потеряли двух человек.

В прошлую пятницу Первому батальону было приказано охранять пленных испанцев численностью 7000 человек, и моя четырехдневная экспедиция с ними позволила мне очень легко понять, что они превосходят то, что я ожидал. Я подружился с капитаном Гарсией, очень красивым мужчиной и очень мягким человеком. Нам было запрещено разговаривать, получать или передавать что-либо от них или кому-либо другому, но солдат в подобных обстоятельствах не подчиняется такому незначительному приказу, как этот, и меня пригласили поужинать с капитаном и двумя его лейтенантами, Менесом и Эрнандесом, двумя очень милыми испанцами. Хотя они и заключенные, они более радушны, чем наши офицеры. Меню и манера приема пищи были следующими:

1. Фасолевый суп с рисом, хорошо приправленный мексиканским перцем.
2. Рыба под лучшим соусом, который я когда-либо пробовала с тех пор, как уехала из дома.
3. Яичница с картошкой. (Яйца здесь продаются по 10 центов за штуку.) После каждого антракта - бокал бордового вина.
4. Рис и жареное мясо по-французски.
5. Рисовый пудинг.
6. Кофе по-французски, хлеб с маслом.
7. Фрукты. Бокал хорошего испанского рома а-ля ром.

У меня есть от них довольно много сувениров и несколько испанских пуговиц для сестры.

Мы находимся на вершине горы, в то время как испанцы внизу, в долине. Каждое утро они привозят довольно много больных людей. Я даже настолько познакомился с бойцами батальона, которым командует капитан Гарсия, что они называют меня сеньор Нейс. Я назвал одного, который является настоящим воплощением ирландца типа Мика, "Микки", и его товарищи называют его так. Они носят мне воду и, кажется, готовы сделать все, о чем я их попрошу. Большинство из них очень неграмотны, сравнительно мало интеллигентных рядовых. У меня есть молодой парень примерно моего возраста, который преподаёт английский, и я пробую испанский. Мы оба довольно хорошо ладим. Я могу объясниться.

Пока я обедал с капитаном Гарсией, его ординарец отгонял от меня мух. Местность прекрасна, ничего, кроме гор и долин. С присутствующими здесь американцами остров будет достоин называться Жемчужиной Антильских островов. Я могу поблагодарить Бога за то, что у меня было отличное здоровье и только двое из нас в компании не заболели лихорадкой. Кажется, я прибавил в весе и полностью покраснел лицом.

Это письмо было написано незадолго до битвы при Сантьяго:

В десяти милях к северу от Байкири, 29 июня 1898 года.

Дорогой Джим: Я пишу это в пикете. Мой отряд отправили на фронт, и мы расположились бивуаком в лесу. Апельсины, лимоны и кокосовые орехи в изобилии, и у каждого солдата во фляжке все время есть лимонад. Мы провели в транспорте семнадцать дней, но не пострадали. Все в хорошем настроении и горят желанием добраться до донов. ДИК.

Следующее беззаботное письмо было написано парнем из Вашингтона в окопах вокруг Сантьяго:

Сибони, 7 июля.

Мой дорогой генерал, Я действительно был слишком занят, чтобы писать. Участвовал в по-настоящему красивом, оживленном сражении, ни капельки не испугался и не сбежал. Бедный старый Двадцать четвертый. Маркли теперь командует полком и временно бригадой. Он - маргаритка. Он действительно должен что-то получить. Как и каждый. Это было великолепно. Не так уж много было убитых и раненых. Бедный старина Шафтер. Все поджаривают его за то, что он лежал на спине в тылу и ему потирали голову, а это не мое представление о том, что должен делать командир.

О себе: Я был расстроен попаданием снаряда в тыл батареи Граймса 1 июля, в результате которого погибло несколько человек. Очень чудесно. Только я не получил за это ни царапины, и, хотя я искренне желал получить пулевое отверстие, до конца боя не получил ни одного. Я немного перестарался с этим делом, дважды в тот день ездил в тыл и обратно, а потом пошел пешком после того, как они подстрелили моего мула. Ну, в общем, 2 июля я был с Бланком, когда его вынудили отступить с холма Сан-Хуан. Он сказал мне, что это был самый жаркий огонь, который когда-либо выдерживала артиллерия в наше время. Затем он ушел. Ну, 3-го числа у меня поднялась температура, и последние четыре дня я был как бы наполовину сумасшедшим и бредил в бреду. Однако это не желтая лихорадка, хотя, вероятно, так и будет. Я телеграфирую, если ситуация станет серьезной. Действительно, я отличился, и, если выйду из игры, могу вести вполне приличную жизнь и быть в почете. Если со мной что-нибудь случится, я буду чувствовать себя полной задницей из-за того, что не был сражен как джентльмен в битве на прошлой неделе. С любовью ко всем. ЧАРЛИ.

P. S.—Это немного не соответствует действительности из-за сорока гран хинина в день.

СОТРУДНИК HOUSTON POST RIFLES РИСУЕТ РОЗОВУЮ КАРТИНУ.

Santiago de Cuba, August 6, 1898.

Дорогая мама, Сейчас я на Кубе. Мне нравится Сантьяго; здесь намного прохладнее, чем в Кэмп-Кэффери.

Все кубинцы говорят по-испански, и я быстро учусь говорить по-испански. Сейчас мы разбили лагерь в городском парке у гавани. Я видел дымовую трубу "Мерримак", когда мы проходили через горловину гавани. "Мерримак" затонул прямо возле замка Морро. Замок Морро находится почти на вершине горы и сделан из белого камня. Сантьяго окружен водой и горами. Здесь вообще нет случаев желтой лихорадки. Единственный вид болезней здесь - малярийная лихорадка и раненые солдаты. Лихорадка была вызвана тем, что во время боя семнадцать дней пролежал в окопах на скудном пайке.

Куба мне нравится больше, чем Техас. Я могу сидеть прямо здесь и видеть, где происходили все бои. Здесь "Крутые всадники". Генерал Шафтер тоже здесь. В городе достаточно пайков, чтобы прокормить солдат-добровольцев в течение года, а наши деньги стоят вдвое больше испанских. Мы ни в чем не нуждаемся. Здесь мы едим больше, чем в Кэмп-Кэффери, и меньше болеем, и погода здесь не такая жаркая, как там. У нас есть красивая коричневая утка и синие фланелевые костюмы. Забавно видеть, как мы покупаем у кубинцев и получаем обратно нужную сдачу. Моряки, которые были захвачены с флота Сервера, здесь. Они могут идти в город, куда захотят, и остальные испанские заключенные тоже здесь, и мы присматриваем за ними. В настоящее время на гауптвахте содержится около пятидесяти или семидесяти пяти человек за то, что они пьют ром и едят фрукты. Мы можем купить все, что захотим, кроме ликеров и фруктов. Я видел

несколько испанских военных кораблей, которые наполовину затонули, и еще больше скрылось из виду. Во время нашего путешествия на Кубу мы пересекли Карибское море. Скажи Эрнесту, что здесь есть парень по фамилии Парсонс, которого он знает. Этот человек, Парсонс, нес службу в охране склада, и к нему подошел какой-то парень, и Парсонс сказал ему уйти, но он не захотел, и он наставил на него штыки и выгнал вон. На следующий день он узнал, что этот человек был его братом, которого он не видел пять лет.

Бедный класс людей практически умирает с голоду. Они ходят и выпрашивают объедки. На Кубе самая богатая земля, которую я когда-либо видел; красивые тенистые деревья и все, что нужно, чтобы страна выглядела красиво. Город Сантьяго расположен как старый мексиканский городок. Дожди здесь идут не так часто, как в Кэмп-Кэффери, и не такие сильные. Вокруг много кокосовых рощ, и обезьян нет. Во время войны от бомбежек пострадали всего пять или шесть домов. У меня уже есть возлюбленная-кубинка. Видеть полуголых представителей бедного класса - это ерунда. Кубинские дети спят там, где застает их ночь, и едят там, где могут найти объедки. Женщины из Красного Креста, которые остаются в больницах, так добры к нам. Здесь нам приходится тренироваться всего один час в день. Несколько ребят во время поездки заболели морской болезнью. Полковник Худ каждый вечер кипятит воду, а на следующее утро мы кладем в нее лед для питья. У нас есть свежее мясо, упакованное в лед, поставляемое компанией Armour Packing Company. Жареный стейк каждое утро, жаркое или рагу на ужин и бекон на ужин. Теперь мы едим легкие лепешки, а не сухари. В здешней гавани стоит множество транспортных средств. Здесь, в парке, есть бассейн, похожий на тот, что находится в торговом центре у нас дома, в котором мы моем лицо и руки. Это письмо может затянуться, так как яхта ходит нерегулярно. Что ж, на этот раз я закрываюсь. С большой любовью к тебе и всем остальным я остаюсь твоим любящим сыном,

СТРАНИЦА ЛИГОН.

АВТОР: ПОДПОЛКОВНИК НИКОЛАС СЕНН, США, НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В САНТЬЯГО.

Штаб Пятого армейского корпуса перед Сантьяго, 12 июля.

Когда госпитальное судно Relief появилось в поле зрения очага войны, каждый из его пассажиров с интересом и тревогой наблюдал за признаками нынешнего состояния конфликта. Когда мы отплыли из крепости Монро в воскресенье, 3 июля, шли боевые действия, и, не получая с тех пор никакой информации, мы с нетерпением ждали новостей.

Добравшись до Гуантанамо, мы увидели несколько военных кораблей, лениво плывущих по безмятежному океану, как безмолвные часовые, примерно в шести-восьми милях от берега. Маленькая бухта была забита пустыми транспортом, и все это указывало на то, что мы еще не овладели Сантьяго. Наконец, пилот патрульного катера голосом, похожим на звук сирены, сообщил нам новость о том, что большая часть испанского флота уничтожена и что потери Испании убитыми, ранеными и пленными были велики. Среди самых важных трофеев морского сражения был героический адмирал испанского флота, который в то время находился в плену на борту одного из военных кораблей. Сухопутные войска находились недалеко от города, готовясь к первой атаке. Частичная, если не полная победа была одержана, и у нас было утешение в том, что мы пришли сюда не напрасно.

РАЗВЕВАЕТСЯ ФЛАГ КРАСНОГО КРЕСТА.

Нашему капитану было приказано бросить свой корабль на якорь недалеко от Сибони. Когда мы увидели этот маленький шахтерский городок, то увидели на берегу ряды палаток, над которыми развевался флаг Красного Креста, показывая нам, что мы достигли места, для которого были предназначены.

Маленький паровозик узкоколейной шахтерской железной дороги пыхтел и скрежетал вверх и вниз вдоль побережья, доставляя припасы с пристани в лагерь. На склоне холма стояли палатки-укрытия пехотной роты, дежурившей в карауле. На гребне ряда высоких холмов, окаймляющих побережье, виднелись блокаузы, недавно освобожденные испанцами. Пальмовая роща в ближайшей долине напомнила нам, что мы достигли тропического климата.

Пароход "Оливетт", развевающий флаг Красного Креста, бросил якорь у берега. Майор Аппель, хирург, отвечающий за этот госпитальный корабль, был первым человеком, поднявшимся на борт нашего судна, и дал нам первый достоверный отчет о недавнем сражении. Его внешнего вида было достаточно, чтобы дать нам представление о его переживаниях за последние несколько дней. Он был измотан тяжелой работой и беспокойством за многих раненых, находившихся под его опекой.

Лагерь расположен на берегу, на ограниченном плато, у подножия горы, возвышающейся за маленькой шахтерской деревушкой. Состояние раненых служило удовлетворительным доказательством того, что здесь, как и на фронте, была проделана хорошая работа. К моему прибытию многие раненые уже были размещены на борту транспортного судна, но более 400 оставались в больнице общего профиля.

В целом лечение, которому подвергались раненые, характеризовалось консерватизмом. Было выполнено лишь очень небольшое количество первичных ампутаций. Пулям, которые были обнаружены застрявшими в теле, разрешалось оставаться нетронутыми, если только их не удавалось извлечь легко и без дополнительного риска. Ряд случаев проникающих ранений живота и груди прошли успешно без оперативного вмешательства. Проникающие огнестрельные ранения черепа лечили путем расширения входной раны, удаления отделившихся фрагментов кости и дренажа. Несколько случаев, когда пуля проходила насквозь череп, повреждая только поверхность мозга, прошли успешно. За редким исключением, раны крупных суставов были на прекрасном пути к выздоровлению при самом консервативном лечении.

ПУЛЕВЫЕ РАНЕНИЯ БЫСТРО ЗАЖИВАЮТ.

Изучение огромного материала, собранного на станции, убедило хирургов в том, что взрывное действие малокалиберной пули было сильно переоценено. Последующее применение рентгеновского излучения во многих из этих случаев, несомненно, подтвердит результаты этих наблюдений. В битве при Сантьяго 157 человек были убиты и более 1300 ранены. Почти все раны мягких частей тела быстро заживают — нагноение в этих случаях было исключением, первичное заживление - правилом.

На следующий день после моего прибытия я отправился на фронт, примерно в десяти милях от Сибони. Моим единственным спутником был цветной санитар. Он ехал на почтительном расстоянии сзади. На всем протяжении дорога была запружена упряжками мулов, солдатами и

беженцами. Последние представляли собой бурлящую массу людей от начала до конца. По самым скромным подсчетам, я, должно быть, пропустил в тот день 2000 душ, включая мужчин, женщин, детей и обнаженных младенцев.

День был жарким, и страдания спасающихся жителей Сантьяго, осажденного города и прилегающих деревень, можно лучше представить, чем описать. По индийскому обычаю, женщины шли пешком, в то время как некоторые мужчины наслаждались прогулкой на мулах или ослах. Большинство из них были босиком и одеты в лохмотья; дети и младенцы были голыми; чуваков с высокими воротничками, белыми галстуками и соломенными шляпами было немного. Редкий старый зонтик и поношенное, недавно выстиранное белое платье отмечали выдающихся дам. Их земное имущество обычно состояло из небольшого свертка, который женщины несли на голове, или изношенной корзины, наполненной манго или кокосовыми орехами. Цвет кожи проходящей толпы представлял собой множество оттенков от белого до угольно-черного. Женщины были известны своим уродством, мужчины - своим стремлением оказаться вне досягаемости оружия.

ВИД НА КУБИНСКИХ СОЛДАТ.

Время от времени встречались небольшие отряды кубинских солдат, которые, по-видимому, стремились проникнуть как можно дальше в тыл нашей наступающей армии. Эти люди прямо сейчас демонстрируют видимость мужества, которое просто изумительно. До того, как сюда пришли "синие мундиры", они населяли труднодоступные джунгли на безопасном расстоянии от испанских орудий, время от времени совершая ночные набеги, чтобы держать испанцев на чеку. Теперь их можно увидеть на дорогах небольшими группами, рассказывающими друг другу о том, как они уничтожали испанских морских пехотинцев их национальным оружием при достижении берега после того, как их суда были уничтожены нашим флотом.

Оборванные беженцы, разбегающиеся во всех направлениях и свободно смешивающиеся с нашими войсками, что они и делают, несут с собой грязь многих поколений и богатый запас микробов желтой лихорадки, которые в конечном итоге убьют больше наших людей, чем испанских солдат.

Добравшись до штаба генерала Шафтера, я явился к подполковнику Поупу, главному хирургу Пятого армейского корпуса, за дежурством. В штаб-квартире находится главный полевой госпиталь, которым руководит майор Вуд, выпускник медицинского колледжа Раша, которому умело помогают майор Джонсон и группа действующих хирургов-ассистентов. На момент моего прибытия шестьдесят восемь раненых офицеров и рядовых находились на лечении. Лейтенант Поуп работал день и ночь с тех пор, как здесь высадились войска. Он сделал все, что было в его силах, чтобы его ограниченные запасы соответствовали огромным потребностям.

ВЫПОЛНЯЕТ АМПУТАЦИЮ.

В этом госпитале майор Вуд любезно пригласил меня выполнить ампутацию бедра по поводу гангрены, вызванной огнестрельным ранением, в результате которого была сломана нижняя часть бедра и перерезана подколенная артерия. Здесь я обнаружил много интересных случаев на пути к выздоровлению, в которых характер травмы был бы достаточным оправданием для вынесения очень серьезного прогноза, среди них ряд случаев проникающих ранений груди и живота.

Во второй половине дня меня сопровождал в Канеа исполняющий обязанности ассистента хирурга Гудфеллоу. Поездка была предпринята с целью взять на себя заботу о шестнадцати раненых испанцах, которых мы должны были передать испанской армии. По дороге в Канею мы обнаружили множество недавних могил и множество мертвых лошадей, покрытых всего несколькими дюймами грязи. Зловоние от этого источника было почти невыносимым.

Маленькая деревушка Канеа расположена на вершине холма, в центре которого находится старая, полуразрушенная церковь. Общественная площадь и несколько улиц запружены беженцами — всего от 8000 до 10 000 человек. Толпы беженцев также были замечены в лесах вокруг деревни, собиравших манго и кокосовые орехи - едва ли не единственный запас продовольствия в то время. В единственной комнате церкви мы обнаружили представителя Ассоциации Красного Креста, раздающего голодающим сухари и муку.

Раненые испанцы лежали в ряд на полу церкви - один из них был при смерти. Все, что можно было перевезти, было доставлено на четырех машинах скорой помощи под командованием небольшого отряда войск на нашу линию фронта. Здесь был закреплён флаг перемирия, который нес санитар. Отряд остался позади, и мы миновали свой рубеж.

В ИСПАНСКИХ СТРОКАХ.

Как только в поле зрения показались испанские укрепления, был подан сигнал, на который противник незамедлительно ответил. Два офицера с флагом перемирия двинулись навстречу нам, и мы были остановлены у небольшого моста совсем рядом с Сантьяго, ниже первого укрепления. Офицеры приняли нас очень вежливо и пригласили присесть на траву в тени деревьев. Для развлечения посетителей были предоставлены ром, пиво и сигареты. Цель нашего визита была объяснена, после чего появился госпитальный корпус примерно из тридцати человек с шестнадцатью носилками под началом линейного капитана и офицера медицинской службы. Раненых выгрузили из машин скорой помощи и перевезли на носилках вглубь испанской линии.

Визит был таким сердечным и приятным, что нам было очень трудно расставаться с нашими новоиспеченными друзьями. Сердечно попрощавшись с офицерами и сев на лошадь, я был вынужден спешиться и еще раз попрощаться — просьба, на которую с удовольствием откликнулись. Затем две маленькие группы разделились и медленно и с достоинством двинулись в направлении соответствующих брустверов.

РАССКАЗЫВАЕТ О БОМБАРДИРОВКЕ.

Первое перемирие истекло в полдень 11 июля. Во второй половине дня началась сильная канонада, которая продолжалась до позднего вечера. На следующее утро он возобновился, однако, с меньшей энергией. Во время этой бомбардировки испанцы восстановили свою недавно завоеванную репутацию отличных стрелков. Одна из наших лучших пушек была подбита и буквально взлетела в воздух. Был убит офицер и несколько человек ранены.

Во второй половине дня, когда канонада все еще продолжалась, я отправился на передовую, но по достижении нашей линии обстрел прекратился, и под флагом перемирия командующие генералы встретились и провели совещание. Результат этого интервью на данный момент остается в секрете.

Генерал-майор Майлз со штабом прибыл в Сибони вчера на пароходе "Йель", а сегодня он проследовал в штаб.

Появление желтой лихорадки в различных местах, занятых нашей армией, сделало наши войска более озабоченными, чем когда-либо, выполнением своей задачи. Частые проливные дожди и неадекватное снаряжение также во многом способствовали тому, что мужчины стали беспокойными и рвались в бой.

У. Б. Кольер из Второго кавалерийского полка Соединенных Штатов в письме от 3 августа описывает свое участие в битве на холме Сан-Хуан и сцену, когда американский флаг развевался на ветру в захваченном Сантьяго. Он говорит:

У нас каждый день в 2 часа идут дожди, а потом выходит солнце и просто обжигает. Это хороший климат для змей, ящериц и т.д. Многие мальчики умерли, но, слава Богу, я все еще нахожусь в стране живых. Слов недостаточно, чтобы выразить чувство боли и недомогания, когда у человека высокая температура. Примерно неделю каждая косточка в моем теле болела, и мне было все равно, выживу я или нет. Доктор вводил мне хинин по ложечке, пока у меня в голове не зазвонили все колокола Чикаго. Я слышал их, даже находясь в бреду. Новость о том, что через несколько недель мы возвращаемся в Соединенные Штаты, спасла жизнь многим мальчикам.

БОЮСЬ ЖЕЛТОЙ ЛИХОРАДКИ.

Сначала я испугался, когда меня отправили в больницу с желтой лихорадкой, я думал, пришло мое время, но они осмотрели меня и констатировали, что у меня не желтая лихорадка. Мальчики боятся желтого Джека, как гремучей змеи. Когда я вернусь, я буду знать, как ценить свою страну. Я очень слаб и болен, но думаю, что скоро поправлюсь, когда вернусь домой. После всего, что я выстрадал, я готов к большему, если дядя Сэм захочет меня.

Что касается боя, то наши четыре отряда Второго кавалерийского полка Соединенных Штатов были единственными конными войсками на Кубе. Мы были штабным эскортом. Говорю вам, это стоит всех испытаний, невзгод и болезней, которым я подвергся, когда созерцал сцену сдачи Сантьяго. Когда "Олд Глори" взлетел на воздух, я заплакал, мне стало стыдно, и я огляделся, не заметил ли меня кто-нибудь из моих товарищей. Я обнаружил, что все они плачут. Потом мы снова начали смеяться и кричать, чтобы не казаться младенцами. Говорю вам, это был самый гордый момент в моей жизни.

УБИВАЕТ ИСПАНЦЕВ.

Я участвовал в сражении на холме Сан-Хуан. Нас использовали в основном как разведчиков. Я знаю, что двое или трое бедных испанцев убиты или находятся в больницах. Я отнесся к этому хладнокровно и просто стрелял в каждого испанца, которого мог увидеть, далеко или близко. Я уверен, что уложил троих. Поначалу быть под огнем довольно щекотно, но вскоре новизна проходит.

КАК РАЗ ПЕРЕД БИТВОЙ При МАНИЛЕ.

А. Дж. Лютер, младший лейтенант Первого добровольческого полка Колорадо, пишет следующее, датированное Кэмп-Дьюи 27 июля:

Вы можете говорить о вашей кубинской войне и всех других войнах, но вы можете быть уверены, что филиппинская война тоже не из легких. Вся земля вокруг нас на многие мили - это не что иное, как густые джунгли и болотистая почва. На западе от нас лежит Манильский залив, в 100 ярдах от нашего лагеря. На севере, на протяжении четырех миль, до Манилы, по сути, джунгли и болота, в то время как на востоке это болото, а на юге еще больше болот. Наш лагерь расположен на длинной полосе земли между густыми джунглями со всех сторон. Это хороший лагерь, учитывая расположение, которое обусловлено позицией испанцев.

Мне достоверно известно, что туземцы этих островов не продвинулись в цивилизации дальше, чем 300 лет назад. Они живут в старых лодках на воде, на пальмах, в хижинах из коры или везде, где они могут продержаться достаточно долго, чтобы выжить. Их жизнь - сплошная деградация, и четыре пятых из них страдают тяжелыми заболеваниями. Вы можете себе представить, в какой ужасный беспорядок мы попали.

Вместо одежды они носят очень тонкую марлю и поддерживают эту скудную одежду в такой же чистоте, как и любой другой класс людей на земле, но их тела, кажется, не доставляют им столько хлопот. Судя по тому, как они заботятся о себе, я предполагаю, что они считают свою одежду единственной существенной частью своей внешности, которую следует содержать в чистоте.

Мы еще не отправились в Манилу, и я не могу точно сказать, когда мы отправимся, но вы узнаете из газет, когда мы это сделаем. Я хочу, чтобы вы прислали мне все бумаги, которые попадут к вам в руки и которые содержат что-либо, касающееся манильских войск. С нами много корреспондентов, и между ними вы можете узнать все важные новости.

С момента нашего прибытия сюда нас вызвали только один раз, и тогда ничего не произошло. Я трижды попадал под огонь противника, пули падали повсюду вокруг меня. Майору Мозесу, капитану Тейлору, капитану Гроуву и лейтенанту Листеру с переводчиком было поручено провести специальную рекогносцировку местности и позиций противника. Они подошли на расстояние 300 ярдов к укреплениям испанцев и были замечены вражеским патрулем. Капитан Тейлор стоял на вершине кирпичной стены, когда они выстрелили на вечеринке, и одна пуля попала примерно в десяти дюймах у него под ногами.

На днях меня назначили командиром роты по ремонту дорог в тылу повстанцев, и мы все время находились всего в 300 ярдах от линии фронта противника, так что вы можете видеть, насколько близко к центру опасности мы работаем. Наш лагерь находится под прицелом их больших орудий, но они еще ни разу не выпустили в нас ни одного снаряда.

Однако, работая на дороге, они продолжали обстреливать нас, и одно большое пушечное ядро разорвалось на дороге менее чем в двадцати пяти футах от нас. Она просвистела в воздухе, как гвоздь, брошенный из руки. В то же время вокруг нас свистели пули от маузера. Это теплая страна. Особенно это ощущаешь, когда вокруг свистят пули, как это было, когда мы были в дороге.

Повстанцы и испанцы ведут непрерывную залповую стрельбу днем и ночью. Ни одна из сторон не разбирается в оружии так много, как младенец. Они стреляют в воздух и ожидают, что мячи упадут на головы противника. Когда испанцы столкнутся с нами, я думаю, они найдут другую игру. Мы не будем играть с ними в лошадки и стрелять в воздух, а подойдем на расстояние прямой наводки и заставим их танцевать.

КОПАНИЕ МОГИЛ На КУБЕ — УОЛТЕР ЦИММЕР ИЗ FIRST ILLINOIS VOLUNTEERS ПИШЕТ ИЗ СИБОНИ.

Сибони, Куба, 17 августа.

Дорогие сестра и брат! Вчера вечером получил ваше доброе и приветственное письмо и был рад получить от вас весточку. Мы ожидаем вернуться в Штаты со дня на день, поскольку они отправляют армию как можно быстрее. Сейчас я нахожусь в дежурстве в больнице по борьбе с желтой лихорадкой. Это тяжелая работа - копать могилы и сажать мертвецов. Мужчины умирают примерно по десять человек в день. Многие парни в моей роте умерли от желтого джека. Сейчас со мной все в порядке.

Нам было очень весело гоняться за испанцами. Некоторые из них напали на толпу кубинцев и убили их. Мы прочесали лес, обнаружили испанцев и дали по ним несколько залпов, убив и ранив нескольких из них.

Джимми Эдгар умирает. Он неделю был не в себе. Я видел его прошлой ночью, и он не узнал меня. Из полка в госпитале около 400 человек. У нас есть небольшое кладбище на холме, которое они называют чикагским кладбищем. Ему всего три недели, и в нем насчитывается около 100 могил.

Сантьяго - грязное место. Вся канализация находится под землей. Это Сибони, город, который мы сожгли около пяти недель назад, чтобы не допустить лихорадки. У меня есть несколько сувениров, которые я надеюсь увезти с собой в Штаты — две испанские золотые монеты, одно мачете, ружье Krag, набор четок и осколок снаряда, который попал мне в бедро. Я пролежал всего два дня. Снаряд ударился о дерево и отскочил, попав в меня. Дерево сломало силу удара. Если я когда-нибудь выберусь с Кубы, я не хочу видеть ее снова, даже на карте. К тому времени, когда вы получите это письмо, я рассчитываю быть на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк. Хинтон вернулся в Штаты несколько дней назад. Эдгар был слишком слаб, чтобы ехать. Около 500 выздоравливающих отправились домой, и здесь около 1000 мальчиков слишком слабы, чтобы ехать. Довольно тяжело видеть, как здесь умирают мальчики. Нашему отряду приходится копать могилы. Моя спина почти сломана от копания и использования кирки. Если вы не будете копать быстро, майор прикажет вас арестовать, и вы отправитесь на гауптвахту. ВАШ БРАТ.

Джеймс Перселл, рота G, одиннадцатый пехотный полк, пишет следующее интересное письмо:

Лагерь Понсе, между городом Понсе и судоходным портом, 6 августа.

Дорогие и все остальные: Я надеюсь, что вы получили мое письмо из Самоно Бэй и что у вас все хорошо. Я в порядке, как никогда. Мы прибыли сюда в прошлый понедельник и приземлились во вторник. Мы были на воде одиннадцать дней, и это было грандиозное путешествие, и всем оно очень понравилось, но было бы намного лучше, если бы у нас была хорошая еда. То, что мы ели, состояло из консервированной говядины, сухарей, консервированной фасоли и помидоров с кофе два раза в день.

Ну, а теперь расскажу вам кое-что об этом месте. Это без исключения самое красивое место, которое я когда-либо видел. У нас здесь, в этом лагере, около пятисот испанских пленных, и мы отправляемся сегодня ночью поездом, чтобы пересечь горы и расчистить дорогу для основных сил, которые будут наступать на Сан-Хуан. Вероятно, вы узнаете результат задолго до того, как

это письмо дойдет до вас. Мы разбили лагерь на обочине дороги. Магистраль покрыта щебнем от одного конца острова до другого, и это самая прекрасная дорога, какую когда-либо видели. Это было бы замечательное место для велосипеда. Наш лагерь всегда переполнен голодными кубинскими мужчинами, женщинами и детьми, некоторые из них обнажены, а остальные лишь частично одеты. Они готовы на все ради наших сухарей, потому что у некоторых из них никогда не было муки, и когда мы покупаем, нам приходится платить два цента за маленькую булочку, но пока мы в лагере, мы сами печем хлеб, и они сходят с ума от некоторых из них.

Здесь много табака, и мы добываем его таким способом, что за сигару дают один сухарь. Все мужчины и женщины делают сигары, и, поскольку наш магазин еще не открылся, нам приходится делать местные сигары. Все люди здесь, кажется, рады, что остров захватили американцы.

Бокал вина и рома стоит два цента, а американский доллар стоит 1,80 доллара в испанских деньгах. Наш полк и Девятнадцатый - единственные полки регулярной пехоты на острове. Все остальные - добровольцы, за исключением одного или двух полков кавалерии и артиллерии, так что основная тяжесть всех сражений, скорее всего, ляжет на нас. Вчера у нас была небольшая перепалка, но она не принесла большого результата. Теперь я попытаюсь немного рассказать вам об острове, пока у меня не закончилась бумага. Кокосовые орехи растут здесь в изобилии, как и все другие виды тропических фруктов. Пока что мы не были поблизости от района бананов или ананасов. Все дороги затенены деревьями, и если бы я мог ненадолго сесть за письменный стол, я бы написал письмо получше. Это только для того, чтобы вы знали, что я жив и здоров, и как только все закончится, я думаю, что куплю здесь ферму и т.д.

ПИСЬМА ОТ ДЖО БОХОНА.

Понсе, Порто-Рико, 4 августа 1898 года.

Я полагаю, к этому времени вы уже знаете, где мы находимся. Я несколько раз писал этим людям, причем разным, но уже двадцать дней не получал писем.

Мы высадились в Гуанике 25 июля и были первыми войсками на острове. Там у нас была отличная музыка от наших сопровождающих канонерских лодок. Вы могли видеть, как они толпами перебирались через холмы. Мы оставались там три дня, затем рота Н и одна рота Массачусетского полка двинулись маршем на Яуко. Мы ожидали там неприятностей, но были разочарованы. Мы пробыли там три дня, затем двинулись на Понсе. Нам потребовалось два дня, чтобы преодолеть расстояние в тридцать пять миль. Мы шли в усиленном походном порядке с дополнительными 100 патронами. Его вес составлял от 80 до 100 фунтов.

В этом городе проживает 35 000 человек; у них есть банки, электрическое освещение, телефоны и завод по производству льда. Здесь есть несколько англоговорящих людей. Вчера я был в центре города. Всеми отелями и ресторанами управляют французы. Удивительно, как местные жители уважают нас. Они снимают шляпы и говорят "Вива Американа" (да здравствует Америка). Если кому-то из них удастся раздобыть синюю рубашку, брюки или маленький флаг, то им могут позавидовать все их подчиненные. С тех пор, как мы приземлились, в нашей компании их четверо. Они моют нам посуду, носят воду и приносят пользу.

Здесь водятся всевозможные рептилии и вредители. Мы с Гамильтоном убили трех многоножек в нашей палатке. Местные говорят, что их укус убивает, но наши врачи говорят, что нет;

несколько наших мальчиков были укушены; пока никто не умер. Солдат Третьего Висконсинского полка застрелил одного из постоянных солдат. Здешние состоятельные люди одеваются как мы; у них прекрасные экипажи, но все их лошади маленькие и резвые. Они разводят свиней, а их скот - трикотажный. Всю свою работу они выполняют с помощью волов и больших двухколесных повозок. Волы тянут рогами, и вы бы удивились тому, какой груз они тянут. Беднейший класс людей ничем не лучше рабов. С десяти до тридцати будут жить в одном маленьком домике. Я не видел ни одного оконного стекла или дымохода ни в одном доме с тех пор, как оказался на острове. Они разводят огонь в маленьких печках и готовят еду в котлах. Они выращивают бананы, апельсины, лаймы, так же как лимоны, кокосовые орехи, гранаты, манго и т.д. Они также выращивают дыни, помидоры, огурцы и подобные овощи. Подумайте о том, чтобы получать эти продукты свежими круглый год.

Они носят как можно меньше одежды. Вы видите детей в возрасте четырех лет без единого шва на одежде. Я имею в виду бедных, и никто из пожилых людей не носит обувь; их выносливость удивительна, и они не потеют, как мы. Все они курят либо сигары, либо сигареты. Мы видим, как дети четырех лет курят сигары. Вы можете купить здесь за 1 цент на их деньги такую же хорошую сигару, какую мы можем купить дома за 5 центов. Один доллар в наших деньгах равен двум долларам в их. Таким образом, мы получаем наше курение довольно дешево. Фрукты продаются соответственно. Сегодня утром мы сдадим наши спрингфилдские ружья и получим Krag-Jorgensen; они намного легче, а их пули не такие тяжелые. Надеюсь, это заинтересует вас. Не забудьте прислать "Таймс", поскольку мы не видели газет с тех пор, как уехали из Чарльстона. С уважением ко всем.

В интересном письме, написанном Джеймсом Бернсом из Двадцать седьмой батареи, добровольцы из Индианы, своей матери и датированном 15 августа в Гуаяме, Пуэрто-Рико, он сообщает, что известие о прекращении боевых действий было получено курьером незадолго до того, как батарея ожидала активного вступления в бой. По его словам, большинству мальчиков не терпелось вернуться домой. Что касается его самого, то он выразил желание остаться по той причине, что страна там очень богатая, климат благоприятный для здоровья и возможности зарабатывать деньги в будущем, благодаря американскому давлению и энергии, лучшей в мире. Говоря о распорядке дня батарейных мальчиков, он сказал:

Каждый мужчина готовит себе еду сам, и у нас есть много вкусных блюд, таких как бекон, картофель, фасоль, лук, тушенка, консервированная кукурузная говядина, консервированный ростбиф, консервированные помидоры и тому подобное. Климат здесь самый прекрасный, какой я когда-либо испытывал. Хотя температура очень высокая, сильные пассаты делают ее всегда приятной, и в самый жаркий день здесь гораздо приятнее, чем дома. Вода чистая и обильная. Местность примерно через каждые четверть мили изрезана прозрачными горными ручьями, и пляж на этой, южной стороне острова, не уступает ни одному в мире. Пальмы растут в изобилии, а самые красивые цветы и папоротники собраны в восхитительные гроздья и растут повсюду. Вокруг нашего лагеря в изобилии растут кокосы, манго, хлебные орехи, бананы, лимоны, лаймы, саго, опунции, мангровые заросли и лавровые деревья.

Здесь аборигены небольшого роста. Они черноволосы и у них яркие, искрящиеся глаза. Все они представляют собой смесь либо французов, либо испанцев с неграми. Здесь проживает большое количество французов и португальцев, при этом чистокровные испанцы составляют

немногим более одной шестой всего населения. Местные жители - яркий, интеллигентный класс. Государственных школ здесь немного, образование детям дают дома разъезжающие учителя и гувернантки. Протестантов или протестантских церквей очень мало, преобладающей религией является католическая, и их церкви намного великолепнее, чем те, что есть у вас дома. Священники составляют правящую силу среди людей. Дети бегают голышом, пока им не исполнится шесть лет. Все носят белую льняную одежду, и большинство людей ходят босиком. Мужчины носят соломенные шляпы, а женщины ходят с непокрытыми головами. Здесь немало англичан и американцев, и они тщательно поддерживают англо-американские костюмы. Новости не доходят до нас в течение десяти или более дней после того, как вы прочитаете их в газетах Штатов. Мы только что прочитали газеты Индианаполиса за 31 июля и 1 августа, и новости для нас совершенно свежие. Брачный обряд здесь очень размыт. Мужчина может иметь одну или две семьи, по своему выбору. Одна из них может включать потомство от жены его собственного класса, а другая - от негритянки или полукровки. Все, что ему нужно сделать, это уплатить установленную пошлину.

Здесь нет сильных лихорадок, но в некоторых населенных пунктах иногда встречается оспа, хотя этой напасти не было уже три года. В некоторой степени преобладают проказа, слоновость и болезни, возникающие из-за плохого состояния крови. Повсюду разбросаны руины сахарных заводов и плантаций, когда-то приносивших прибыль, но разрушенных алчностью Испании и американскими пошлинами. Разведение крупного рогатого скота, выращивание фруктов, выращивание кофе и риса являются основными видами деятельности, приносящими доход в Порто-Рико. Здесь нет железных дорог, которые чего-либо стоят. Все дороги для фургонов - военные, и перевозка грузов осуществляется с помощью вьючных мулов и повозок, запряженных быками. Последние отличаются крайней неуклюжестью, ярмо у них на рогах, а не на шее, как в старых фермерских районах Соединенных Штатов. Они перевозят от двух до трех тонн груза и более. Лошади и мулы - маленькие, но послушные и терпеливые животные. Местные жители - ловкие торговцы, и мальчики в возрасте от шести до десяти лет могут заключить выгодные сделки. За один наш американский доллар можно купить ровно вдвое больше, чем за испанский. Особенно дешевым продуктом являются сигары. "Курево" хорошего качества продается по одному центу за штуку. Бананы и лимоны дешевы, а последними фруктами мы пользуемся в изобилии. Кокосовые орехи продаются по пять центов за штуку; молоко - по пять центов; хлеб - по двадцать центов и сахар - по четыре цента. Эти цены указаны в испанских деньгах.

Это письмо было написано одним из солдат Шестнадцатого пехотного полка, пять капитанов которого руководили конкретной атакой, в которой участвовал этот полк:

24 июля 1898 года.

Мы стоим бивуаком возле наших окопов, в полумиле от Сантьяго. Бои закончились, и мы просто ждем, когда что-нибудь произойдет. Последняя газета, которую мы видели, была от 3 июля, так что вы видите, что я пишу как человек прошлого поколения.

У нас было жаркое время. Испанцы напились и устроили довольно хорошую драку. По крайней мере, я слышал, что они все были пьяны в битве 1-го числа. Я не знаю, правда это или нет, но я точно знаю, что они бежали не так быстро, как мы того хотели.

НАЧАЛАСЬ СТРЕЛЬБА.

Мы покинули лагерь 1-го числа на рассвете, но не знали, что идем в бой. Пройдя некоторое время маршем, мы вошли в джунгли, а затем услышали стрельбу, по-видимому, повсюду вокруг нас. Затем наши люди начали падать, и мы поняли, что попали в нее. Мы продолжали продираться сквозь густой подлесок, сначала направо, потом налево, а затем вперед, так быстро, как только могли, находя лазейки. Кругом царила неразбериха. Приказы нельзя было отдавать или выполнять. Роты, батальоны, полки и бригады были перемешаны.

Мы не стреляли, так как не могли видеть ни на десять футов в любом направлении из-за густых зарослей джунглей. Наконец я оказался со своей ротой и частью полка на тропе или дороге у широкого открытого поля, поперек которого, примерно в 700 ярдах по крутому обрыву, находились испанцы, прочно окопавшиеся.

Мы открыли огонь и некоторое время продолжали его, но дорога быстро заполнилась нашими солдатами, и стало слишком людно, чтобы что-либо предпринять. Вдоль живой изгороди между дорогой и открытым пространством тянулся забор из колючей проволоки в шесть рядов. Внезапно мы начали пытаться снести его и добраться до врага. Капитан Левен К. Аллен, капитан У. К. Макфарланд, капитан Чарльз Нобл, капитан Джордж Палмер и капитан Уильям Ласситер были близко друг к другу со своими ротами (все из Шестнадцатой пехотной). Я шел впереди, сразу за своим капитаном. Офицеры и рядовые яростно бросились на ограду, снесли ее и выскочили в открытое поле, капитаны кричали своим ротам: "Вперед!" - Теперь у нас есть шанс напасть на них! Давай!"

ГРАД ПУЛЬ.

Роты, или та их часть, которая услышала призыв, выскочили в поле, люди последовали за пятью храбрыми капитанами, и мы бросились в ужасную и отчаянную атаку. Пули градом сыпались на нас, но когда старый Шестнадцатый "взбесился", бесполезно было пытаться остановить его. С нами было около двухсот человек, пять капитанов на передовой. Но вскоре за нами последовали другие, и поле было полно солдат, все они двигались вперед, стреляя на ходу. Мы увидели, как враг вскочил и побежал как раз перед тем, как мы достигли подножия крутого склона, ведущего на гребень. Затем одна из наших батарей начала стрелять у нас над головами, и когда мы приблизились к вершине, снаряды начали ударять в землю между нами и гребнем, но мы не останавливались. Мы продолжали идти, ползая на четвереньках, как вдруг на равнине позади нас раздался громкий крик: "Возвращайтесь! Возвращайтесь!" Трубы протрубили "отзывайте", и наши люди, которые так храбро следовали за своими капитанами, заколебались, остановились и начали спускаться обратно по склону.

Напрасно наши храбрые вожди ругались на крикливых бродяг внизу. Они внезапно забеспокоились за нашу безопасность — они боялись, что в нас попадут наши же снаряды. Мы неохотно вернулись к подножию склона.

АЛЛЕН ВЕДЕТ СВОИХ ЛЮДЕЙ ДАЛЬШЕ.

Капитан Аллен приказал своим людям лечь и отдышаться. Затем он привлек наше внимание к капитану Макфарланду, который находился с несколькими людьми примерно в тридцати ярдах справа от нас, выше по склону. Он размахивал шляпой, а вокруг него рвали снаряды.

Капитан Аллен крикнул нам: "Посмотрите на капитана Макфарланда и роту Е! Кто из роты С пойдет со мной на вершину холма, несмотря на опасность?" Мы, находившиеся рядом с ним, вскочили на ноги и пошли наверх.

РАНЕН МАКФАРЛАНД.

Но капитан Макфарланд был ранен, и его люди падали. Наша маленькая группа стала слишком мала для дальнейшей атаки. "Возвращайтесь! Возвращайтесь!" - крикнули снизу. Капитан Аллен постоял минуту в одиночестве, а затем мы вернулись к подножию склона и подождали, пока наша батарея перестанет стрелять. Затем мы все снова двинулись вперед, и знамена Шестнадцатой пехотной дивизии перешли к укреплениям и были водружены там.

СНИМОК НОСИТЕЛЯ ЦВЕТА.

Знаменосец был застрелен, но капрал Ван Хорн взял флаг и понес его вперед. Сотни офицеров и солдат других полков прошли через поле боя, пока мы ждали, и они поднялись вместе с нами. И теперь все они утверждают, что они были в этом командовании. Мы, люди, и те пять капитанов, которых я назвал, знаем, кто участвовал в этом, и что наши капитаны начали это без приказа, и мы имеем право на все заслуги.

Сражением руководили капитаны, и никто другой более высокого ранга не имел к нему никакого отношения. Наши полковник и майор теперь говорят, что они не видели обвинения и поэтому не могут дать никаких рекомендаций в отношении выдающейся храбрости. Что ж, предлагается бороться с этим и добиться, чтобы наши претензии были услышаны.

УЖАСНАЯ БИТВА.

Позиция, которую мы заняли, называлась Сан-Хуан и была ключом к позиции Испании. Мы слышали, что в работах участвовало 3000 испанцев. Я не знаю, каковы были потери. Я знаю, что, перепрыгивая через их траншею, я заметил, что она была полна мертвых и умирающих испанских солдат. Это было ужасное зрелище. В тот день у нас были еще бои, а ночью мы продвинулись вперед, и Шестнадцатый полк окопался в 475 ярдах от основных укреплений. Мы удерживали его под шквальным огнем пехоты и ужасным анфиладным артиллерийским обстрелом весь день 2-го и 3-го числа, в то время как наше правое крыло разворачивалось, чтобы охватить город.

ПЕРЕМЕСТИЛСЯ ВПРАВО.

10-го числа нас перевели на правое крыло, и я думаю, что это было предназначено для того, чтобы мы предприняли штурм города и завершили дело. Мы могли бы сделать это в отличной форме, и всем не терпелось получить шанс.

Наша артиллерия вступила в бой 11-го числа в 4 часа дня, и мы открыли огонь по всей линии и вскоре заставили замолчать все орудия и винтовки, которые у них были.

ИСПАНЦЫ ОСЛАБЛИ.

На следующее утро, на рассвете, мы возобновили нашу работу, и испанцы ослабли. Они не стали дожидаться нападения — джиг был готов.

Почти половина команды больна. У нас не хватает только черствого хлеба, бекона и кофе. У нас нет укрытия, кроме собачьих палаток, а они никуда не годятся в таком климате, как этот. У нас нет овощей, и, конечно, мы все будем болеть. Мы живем в нищете. В гавани и на пристани находятся тысячи всевозможных припасов, но нам их не присылают. Армия находится в тяжелом состоянии из-за нехватки пищи и крова. Коробка сухарей и кусок жирного бекона, брошенные на землю, считались достаточными для солдат и офицеров, находящихся в окопах. Кто-нибудь услышит об этом. Наше правительство намерено обеспечить хорошее обращение со своими солдатами, но нашему отделу снабжения здесь, на местах, не хватает опыта. Позавчера Клара Бартон отправила каждой роте двадцать пять фунтов кукурузной муки и семнадцать фунтов риса. Это было благословение, скажу я вам. Мы все получили по ложке каши, и это было лучшее, что я когда-либо пробовал в своей жизни.

Если бы мы только могли получить наши пайки, только обычные пайки и наши палатки, мы были бы готовы рискнуть с этим климатом. С доски хватит, даже если мы получим припасы. Солдаты храбро сражались и одержали победу.

Держитесь подальше от войны. Целые армии будут потеряны из-за болезней и бесхозяйственности. Если мы останемся здесь при нынешней схеме, то ни один из четырех никогда больше не увидит Соединенные Штаты. Сейчас мы не можем участвовать в другой кампании, и, если ситуация не улучшится очень сильно, мы можем с таким же успехом выбыть из игры на лето.

КАК УПАЛ ВОЕННЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАР ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕГО ПРОБИЛИ БОЛЕЕ ДВУХСОТ РАЗ.

Сержант Томас К. Бун из роты "К" Второго полка написал волнующее письмо. В письме мистера Буна, в частности, говорится:

Я не рассказывал вам о своих несчастных случаях раньше, когда был на Кубе, потому что не хотел беспокоить своих друзей дома, и, хотя я некоторое время не мог ходить, все же я не считал свое состояние таким серьезным, как утверждают здешние хирурги. Я расскажу вам, как я пострадал. Это была полоса непрерывного невезения. 1 июля я поднялся на воздушном шаре на поле боя в 7 часов утра, и воздушный шар перемещался по всему полю боя, когда в час дня его разнесло на куски в восьмидесяти ярдах от испанских позиций. Мы думали, что наш рост вместе с их плохой меткостью обеспечивали нам защиту. Мы жестоко ошиблись.

По меньшей мере 200 пуль и четыре осколочных снаряда прошли через надутый мешок, позволив газу выйти наружу, и мы стремительно полетели вниз, ударившись о верхушку дерева на берегу ручья, что выбросило нас наружу. Падая, я зацепился за конец якоря воздушного шара в области живота, на мгновение завис — казалось, целую вечность, — а затем упал в ручей, вода доходила мне до плеч. Я был сильно избит и потрясен, но из-за охватившего меня волнения не заметил боли.

Трое из нашего отряда были убиты и четверо ранены из двадцати одного человека, что говорит о том, что мы находились в довольно теплом месте. Ну, я не обращался в больницу по поводу своей травмы до 14 июля, и тогда я был так слаб, что едва мог ходить. Однажды в 9 часов вечера хирурги полевого госпиталя поместили меня в старый армейский фургон без рессор, чтобы отвезти в другой госпиталь, расположенный в семи милях отсюда, по, без сомнения, самой

плохой дороге в мире. Мы проехали около полумили, когда фургон полностью перевернулся, кузов фургона врезался мне в шею своим боком, а угол ящика ударил меня в живот.

Я был без сознания два часа. Моя шея все еще очень болит. Когда я пришел в сознание, меня положили в фургон, но тряска по рытвинам и камням буквально свела меня с ума, и я сказал, что не могу этого вынести. Мне сказали, что я могу идти, что я и сделал. Фургон поехал дальше. Я добрался до больницы в 7 часов следующего утра после ночи мучений. В этой больнице мне сказали, что у меня внутренняя травма и что они ничего не могут для меня сделать, что мне придется отправиться в Соединенные Штаты на операцию, и вот я здесь.

Я надеюсь скоро быть в Спрингфилде, но я слаб, как ребенок, и не могу пройти и пятидесяти ярдов. В довершение несчастных случаев у меня был случай желчной лихорадки, и меня отправили на несколько дней в больницу для лечения желтой лихорадки. Желчная лихорадка - неприятная штука, хотя и не опасная. В нашей кубинской армии тысячи случаев этого заболевания. Я полагаю, оно возникает из-за того, что мы ночь за ночью спим на пропитанной дождем земле в мокрой одежде. За все время моего пребывания на Кубе, за исключением времени, проведенного в больнице, не было дня, чтобы я не промокал насквозь от дождя. Комары ночью и мухи днем делают жизнь здесь невыносимой. Они в тысячу раз хуже всех, что я когда-либо видел. Я искусан с головы до ног. Они прокусывают одежду.

Когда капитан Капрон был убит в битве при Ла-Квазине, лейтенант Томас стал командиром отряда. Он был готов возглавить ожесточенную атаку на испанцев, когда был сбит с ног пулей из маузера, прошедшей через его правую ногу ниже колена. Он приводит следующий интересный отчет о своем личном опыте и наблюдениях:

Наше путешествие от места высадки до Сибони, расстояние около одиннадцати миль, заняло около трех часов и проходило по тропе, которая местами была очень грязной и пересекала несколько ручьев. У подполковника Рузвельта в этой поездке был свой конь, но поскольку мы не были верхом, он шел по тропе вместе с нами, ведя за собой свою лошадь. Это был простой поступок, но он свидетельствовал о чувстве товарищества, которое он испытывал к членам полка, и затронул самое нежное место в сердцах мужчин.

ИСПАНЦЕВ ВИДНО НЕ БЫЛО.

Отряд Лоутона прошел по этой тропе раньше нас, и испанцы отступили, так что мы не могли мельком увидеть испанцев на том марше. Несколько человек, которые заболели корью на борту корабля и выздоровели незадолго до этого, были все еще слабы, и им пришлось покинуть строй, но они достигли Сибони вскоре после того, как туда прибыли основные силы нашего полка. Мы добрались до Сибони вечером 23 июня, и в наших палатках-укрытиях было очень удобно до следующего утра, хотя шел дождь.

Мы встали в 4 часа, позавтракали в 6, а затем утром 24 июня отправились из Сибони через высокий холм, ведущий к Ла-Квазине, где полк провел свой первый бой. Бой длился два часа сорок минут, хотя тем, кто принимал в нем участие, это время показалось гораздо короче. Продвигаясь вперед, мы постоянно ожидали огня со стороны испанцев. Мы вообще не попали в засаду.

После того, как мы прошли около двух миль по этой тропе, мы наткнулись на тело кубинца, и после этого мы стали особенно внимательно следить. Отряд L формировал авангард, и у нас

были стрелки впереди нас, справа и слева. Стрелки впереди нас находились примерно в 250 ярдах от основных сил наших людей, и именно один из этих передовых стрелков обнаружил испанцев. Томас Э. Исбелл, чероки из Виниты, штат Итальяшка, был тем, кто обнаружил испанские силы. Он сделал первый выстрел в том бою и свалил испанца. Исбелл был ранен семь раз, а затем сумел дойти пешком до полевого госпиталя, расположенного в двух с половиной или трех милях отсюда, чтобы перевязать свои раны.

ВПЕРЕДИ ТЯЖЕЛЫЕ БОИ.

Как только мы узнали, что испанцы опередили нас, мы расставили людей на расстоянии шести футов друг от друга, выдвинувшись на линию огня. У испанцев было несколько пулеметов впереди нас, и на наших людей обрушилась вся мощь этого огня. Также стреляли справа и слева. В это время мы находились на вершине холма, а испанцы находились вокруг нас на более низких высотах. До того, как Исбелл обнаружил испанцев, мы видели блокгауз, и мы знали, что нас ждет впереди.

Капитан Капрон был убит, вероятно, через полчаса или три четверти часа после начала стрельбы, и, возможно, минут через двадцать после этого я был поражен, когда мы собирались произвести атаку. Нашим людям было приказано беречь боеприпасы и не стрелять, пока они не увидят, во что можно стрелять. Наши люди и Десятый пехотный полк впоследствии похоронили около 100 испанцев, и большое количество убитых и раненых среди них было отнесено в тыл, так что огонь с нашей стороны, должно быть, был довольно точным.

Когда его попросили рассказать о некоторых сценах, происходивших с ним до того, как его ударили, он ответил:

Одной из худших вещей, которые я видел, был мужчина, застреленный во время заряжания своего пистолета. Пуля испанского маузера попала в магазин его карабина, и, пройдя через магазин, пуля раскололась, часть ее прошла через кожу головы, а часть - через шею. Это был рядовой Уитни, и ниже по шее он был весь в крови. Его отвели с линии огня, он пришел в себя еще до того, как мы покинули Сибони, и снова был в строю.

Капитан Капрон проявил большое мужество на поле боя и отказался уходить, даже когда был смертельно ранен. В тот момент мы разворачивались и ложились. Он был ранен в левое плечо, пуля вышла из живота. Он прожил один час и пятнадцать минут после ранения. Несколько наших людей отвезли его обратно в полевой госпиталь. Примерно через двадцать минут после этого пуля от "Маузера" попала мне в ногу.

ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ТЕБЯ РАНИЛИ.

Когда его спросили, что он почувствовал в момент ранения, он ответил:

Моя нога чувствовала себя так, словно по ней ударили каким-то тяжелым телом. Она была парализована, а затем я упал на землю. В тот момент сильной боли не было, но через пятнадцать минут боль стала очень сильной.

Во время боя произошел очень трогательный инцидент. Капитан Макклиток был ранен в левую ногу, две пули из маузера попали ему в ногу чуть выше лодыжки. Рядовой, который болел несколько дней, увидев капитана Макклитока, лежащего на поле боя, подполз к нему и, лежа

рядом с капитаном между последним и линией огня, сказал: "Не обращайтесь внимания, капитан, я нахожусь между вами и линией огня. Теперь они не смогут причинить тебе вреда.

Эд Калвер, индеец племени чероки, проявил себя особенно храбро во время боя. Он был рядом с Гамильтоном Фишем, когда последний был застрелен. Когда Фиш был ранен, он сказал: "Я ранен". Калвер крикнул в ответ: "И я убит".

Калвер был ранен в левое легкое, пуля вышла из мышц спины. Он верил, что умирает, но сказал, что если ему суждено умереть, то он нанесет испанцам как можно больше вреда, прежде чем покинуть этот мир. Он продолжал стрелять и выпустил во врага сорок пять пуль, прежде чем его увели. Сначала, после получения ранения, он был в оглушенном состоянии, но после того, как немного пришел в себя, выстрелил метко.

Гамильтон Фиш скончался через несколько минут после ранения. Я прошел мимо него сразу после того, как в него стреляли, и указал нескольким застрельщикам, куда двигаться. Он подумал, что я обращаюсь к нему, и, приподнявшись на локте, сказал: "Я ранен, я ранен!" - и умер через несколько минут после этого.

Сначала мы подумали, что испанцы использовали разрывные пули, но обнаружили, что это были просто пули, покрытые латунью.

Подробное описание битвы при Сантьяго предоставлено командой "Глостера", которая первой увидела флот Сервера, выходящий из гавани утром в воскресенье, 3 июля. В письме эсина Сойера говорится:

Вчера вечером мы побывали в Гуантанамо и увидели лагерь, где наши морские пехотинцы так доблестно защищали свои позиции. Там был "Марблхед" с Маккаллой, а также "Нью-Йорк", "Айова" и герой битвы "Орегон". "Глостер" тоже был там.

Естественно, нами овладело величайшее желание услышать подробности замечательного сражения, в котором был уничтожен флот Кабо-Верде. История Глостера, хотя у нас было всего несколько моментов, была самой интересной, насколько мы слышали. Она лежала ближе всех ко входу и только что закончила осмотр в воскресенье утром, когда дозорный крикнул: "Они выходят!"

ПОРЯДОК ВЫХОДА.

Мгновенно все взгляды были устремлены на знакомый вход в гавань, и они едва могли поверить своим глазам, увидев эти великолепные корабли, стоящие посреди бела дня. "Мария Тереза", "Бискайя", "Окендо" и "Колон" развернулись с наветренной стороны, и по "Глостеру" не было сделано ни единого выстрела. Очевидно, он был слишком мал, чтобы тратить на него снаряды, или же все взгляды были прикованы к более крупным судам. Вслед за этими великими кораблями пришли эсминцы "Плутон" и "Фурор", которых так боялись. "Глостер" немедленно встал на них на полной скорости и открыл огонь, "Плутон" и "Фурор" стреляли быстро, но не поражали. "Глостер", наконец, встал между ними и обрушил на них град снарядов из своих скорострельных орудий. "Айова" также выпустила свою батарею, и один из ее крупных снарядов буквально вырвал корму из "Фурора". "Глостер" просто засыпал "Плутон" своими снарядами, и был поднят белый флаг, после чего лейтенант Вуд перешел к делу как можно быстрее, чтобы

спасти жизни экипажа. На борту был сущий ад. Внизу горел один двигатель, и только восемь человек не погибли. Он положил их в лодку, попытался спуститься вниз, чтобы по возможности спасти судно, но не смог из-за пожара. Лодка отчалила, чтобы перевезти людей на его судно, когда "Плутон" взорвался страшным взрывом и затонул. До лодки оставалось всего несколько футов, когда взорвался склад или котлы.

Тем временем броненосные крейсера противника стояли западнее и вели бой с "Бруклином", "Орегоном", "Техасом", "Индианой" и "Айовой". "Мария Тереза" и "Окендо" были выброшены на берег и яростно горели в пяти с половиной или шести милях к западу от гавани. "Бискайя" и "Колон" вступили в бой с "Орегоном", "Техасом" и "Бруклином", но первый был практически уничтожен и выбросился на берег в тридцати четырех милях к западу, а второй сдался в шестидесяти милях к западу от Сантьяго.

Это была ужасная битва, и наше спасение от ужасных потерь - не что иное, как чудо. Испанцы действительно сражались четырьмя кораблями против пяти, и превосходство американцев было обусловлено скорее их мастерством, чем материальным. Если бы американцы укомплектовали флот Сервера, победа все равно была бы за нами.

"Массачусетс" и "Ньюарк" находились в Гуантанамо на добыче угля. "Нью-Йорк" ушел на пять миль дальше к востоку от своего обычного места стоянки, чтобы позволить адмиралу связаться с Шафтером. "Орегон" отличился тем, что обогнал "Бруклин" и вынудил "Колон" сдаться. Мы еще не видели никого из товарищей на судах, принимавших участие в преследовании.

Сейчас начинается наша тяжелая работа по высадке войск. Первый иллинойский полк под командованием полковника Тернера находится в составе нашего конвоя, и если ребята будут сражаться так, как они приветствуют, о результате не может быть и речи.

КОМИССИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ МИРА

Президент Маккинли назначил Уильяма К. Дэй, государственный секретарь; Джордж Грей, сенатор Соединенных Штатов от штата Делавэр; Кушман К. Дэвис, сенатор Соединенных Штатов от штата Миннесота; Уильям П. Фрай, сенатор Соединенных Штатов от штата Мэн, и Уайтлоу Рид, бывший посол Соединенных Штатов во Франции, будут представлять Соединенные Штаты на Парижской конференции. Испанскими комиссарами являются сеньор Монтеро Риос, президент; Леон Кастильо, представляющий политическую сторону; сеньор Вильяррутиа, дипломатия; сеньор Монтеро, судья, и генерал Сереро, военный.

Члены комиссии Соединенных Штатов не должны утверждаться Сенатом, как это обычно бывает при президентских назначениях.

ВОЦАРЯЕТСЯ МИР.

Почти четверть миллиона солдат снова возвращаются к гражданской жизни - нация бойцов, призванных защищать Звездно-полосатые знаки Отличия, но добрых и внимательных, как братья, когда прекращается вражда. Многие из наших храбрых солдат покинули наши берега, чтобы никогда не вернуться — некоторые были убиты в бою; некоторых свалила лихорадка; другие, которые были на фронте и видели, как Былая Слава гордо реет над некогда беспомощными и угнетенными подданными Испании, отправились домой, но не смогли

добраться до своих близких из-за болезни, подхваченной во время выполнения своих обязанностей на поле боя. Такова война. Вся нация будет чтить память погибших и всегда выражать благодарность тем, кто благополучно вернулся.